

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. М. Эскин

ОЧЕРКИ

истории местничества
в России XVI—XVII вв.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство

КВАДРИГА

РОСАРХИВ

Российский государственный архив древних актов

МОСКВА
Квадрига
2009

Ю. М. Эскин

ОЧЕРКИ

истории местничества
в России XVI—XVII вв.

МОСКВА
Квадрига
2009

УДК 94(47) "15/16"
ББК 63.3(2)44
Э 85

*Работа выполнена при поддержке фонда
American Council of Learned Societies (ACLS),
проект 2000 г.*

Научный редактор
*доктор исторических наук, профессор
А. Б. Каменский*

Рецензент
*доктор исторических наук
А. Л. Хорошкевич*

Эскин Ю. М.

Э 85 Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. / Юрий
Эскин – М.: Квадрига, 2009. – 512 с. – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-904162-06-1

Книга посвящена уникальному социальному институту, существовавшему как стройная система лишь в одном государстве мира. Сформировавшись в эпоху складывания единого Российского государства, он созрел ко времени возникновения приказного административного аппарата, Земских соборов, губных и земских учреждений, угаснув с началом формирования новой бюрократической государственности в конце XVII в.

Автор выяснил социальную природу местничества и его значение регулятора социальных отношений, реконструировал «местнический архив» в виде сохранившихся и существовавших местнических дел, восстановив «местническое законодательство» – комплекс правовых актов и судебных решений-прецедентов, изучив взаимоотношения личности и верховной власти в сфере функционирования местничества, его влияние на карьеру представителей социальной элиты, связи с государственным аппаратом, провинциальным дворянством и дьячеством.

Результаты работы позволили определить причины возникновения местничества и место среди других институтов России раннего Нового времени.

**УДК 94(47) "15/16"
ББК 63.3(2)44**

ISBN 978-5-904162-06-1

© Эскин Ю. М., 2009

© Никулин А. Ю., дизайн переплета, 2009

© Издательство «Квадрига», оформление, 2009

ВВЕДЕНИЕ

Исследование посвящено одному из самых своеобразных институтов русского государства и общества раннего Нового времени – местничеству. Просуществовавшее всего около 200 лет, в эпоху складывания единого Российского государства, местничество выкристаллизовалось в социальный институт ко времени возникновения основных атрибутов этого государства – административного аппарата в виде приказной системы и выборных центральных и местных учреждений, представлявших интересы ряда социальных групп – Земских соборов, губных и земских учреждений, а угасало вместе с этими институтами и с началом формирования новой бюрократической государственности к концу XVII в.

Целью исследования является выяснение социальной природы местничества и его значения как используемого государством регулятора социальных отношений. Для достижения поставленной цели потребовалось:

- реконструировать весь корпус «местнического архива», т.е. основную источниковую базу исследования в виде как сохранившихся, так и гипотетически существовавших местнических дел;
- реконструировать «местническое законодательство», т.е. комплекс применявшихся в местнических разбирательствах правил, представленный юридическими государственно-правовыми, обычно-правовыми и государственно-пропагандистскими актами¹, а также судебными решениями – прецедентами, которые могли иметь универсальный характер;
- исследовать механизмы регулирования местнических отношений государственной властью через институт «безместия»;
- изучить особенности взаимоотношений личности и верховной власти в сфере функционирования местничества, в том числе его влияние на карьеру представителей социальной элиты;
- исследовать связи местничества с бюрократической государственной машиной и с менее от него зависимыми социальными группами – провинциальным дворянством и дьячеством.

¹ Имеются в виду нормы как писаного, так и обычного права, соблюдавшиеся в местнической практике.

Полученные в результате решения перечисленных задач данные позволяют выдвинуть гипотезу о причинах возникновения института местничества, его социальной сути и месте среди других институтов России раннего Нового времени.

В соответствии с поставленной в работе целью предметом исследования является местничество как социальный институт России XVI–XVII вв.

Соответственно, объектом исследования являются выявленные автором в ходе работы исторические источники, позволяющие решить поставленные задачи. В первую очередь это подлинные местнические дела в столбцовой форме. Впервые выявлен весь их корпус, насчитывающий 184 подлинных дела, преимущественно из архива Разрядного приказа, а также ряд записей в официальных разрядных и записных книгах, не считая записей в источниках частного происхождения – разрядных, родословных книгах, местнических справочниках и др. Дела эти содержат фрагменты родовых архивов и записи служб предков иногда за 150–200 лет, сведения о несохранившихся официальных документах и их фрагменты. Указанный комплекс источников имеет первостепенное значение не только для данной темы, но и для любых исследований по истории военной, социальной, политической, духовной жизни России этого периода.

Реконструкция записей о местнических тяжбах в разрядах частных редакций осуществляется по определенной методике (например, если авторы Разряда имели дело с подлинными делами, то в их записях прослеживаются законспектированные или скопированные отдельные документы приказного делопроизводства), с проверкой их подлинности по иным источникам, например, по редакциям разрядных книг, восходящих к другим родам, которые заметили бы подлоги. Ранее автором был выявлен и опубликован в виде хронологического справочника-реестра корпус местнической документации, включающей как дела и «случаи», так и законодательные акты универсального, не адресного характера².

Широко привлекаются косвенные источники. Из официальных это материалы ряда приказов, куда из Разряда поступали запросы о службе местников, а также описи приказных архивов, в которых сохранились записи о не дошедших до нас делах. Из источников частного происхождения использованы разрядные книги и разрядно-родословные сборники с многообразной информацией, как правило, относящейся к определенным родам и включающие порой уникальные известия о важных законодательных актах; разнообразные перечни местнических «случаев» и «потерек»;

² Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. Далее – Реестр.

списки лиц, получавших низкие назначения и этим нанесшие ущерб статусу своего рода. Благодаря бытованию последних ныне известны такие источники, как «Поганая книга», списки стрельецких голов, мелких приказных служителей за XVI в. и прочее.

В основу исследования, ставящего целью выяснение социальной сущности местничества, положен метод создания гипотетических реконструкций актов правительственной регламентации данного института, корпусов документов по местническим тяжбам, по периодам «безместия», объявляемого государственной властью. Используется также метод источникововедческого изучения взаимозависимости, существовавшей между иерархическим положением и материальным обеспечением чинов государева двора, и местнических конфликтов в приказной системе и в «служилом городе». Актуальным, на взгляд автора, является и изучение общественных и родовых иерархий, принципов их формирования и функционирования внутри разных групп социальной элиты – чинов государева двора, служилой городской и приказной верхушки. Местничество для членов иерархий было единственной законной возможностью оспорить правительственное решение, почему оно стало важной частью субкультуры данной элиты, и эволюционировало от понятия защиты чести своего клана или «чина» к выработке представлений о защите личного достоинства, постепенно распространившихся и на другие социальные слои.

Автор глубоко признателен всем, помогавшим ему на разных этапах растянувшегося на долгие годы исследования. Прежде отдаю дань памяти своему учителю В. Б. Кобрину, а также рекомендовавшему обратиться к проблеме местничества В. И. Буганову. Благодарю за советы и помощь: И. Л. Андреева, А. В. Антонова, Ю. В. Анхимюка, В. Г. Зимину, И. Гралю, К. В. Баранова, Г. А. Иванову, А. Б. Каменского, А. С. Кантора, С. М. Каштанова, В. Н. Козлякова, Н. Коллманн, А. В. Лаврентьева, Б. Н. Морозова, А. П. Павлова, К. В. Петрова, Е. Н. Попову, Н. М. Рогожина, Ю. Д. Рыкова, А. А. Севастьянову, П. В. Седова, И. А. Тихонюка, Б. Н. Флорю, А. Л. Хорошкевич, С. О. Шмидта, А. Л. Юрганова, Г. Б. Якушина.

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЯ

Местнические конфликты издавна привлекали внимание историков, во-первых, как чуть ли не единственный пример законной возможности оспорить монаршую волю, а во-вторых, как достаточно редкий для средневекового русского общества пример ситуации, в которой раскрывались и документально фиксировались индивидуальные особенности личности, свидетельства, цена которых столь велика ввиду скудности источников подобной информации. В местнических спорах легко увидеть живых конкретных людей с их гордостью, честолюбием, великодушием, чувствами – дружбы, соперничества, клановых и корпоративных интересов. Историография этого социального института сравнительно обширна, однако число специальных исследовательских работ заметно отстает от количества теоретических построений. Недаром С. О. Шмидт заметил, что «вопрос о происхождении местничества очень сложен и к тому же опутан историографическими наслоениями»¹. Выделяется обширностью историо-графическая часть труда А. И. Маркевича; лаконичный, но емкий обзор дает А. Н. Савин; историографии раннего местничества уделил внимание А. А. Зимин, капитально проанализировал всю историографию, накопившуюся к началу 1960-х гг., С. О. Шмидт. Солидные обзоры литературы имеются в диссертационных работах Ю. Н. Мельникова и П. В. Седова, а также в монографиях Н. Коллманн и А. Береловича². Наш историографический обзор хронологически ограничивается трудами и концепциями «после Маркевича», т.е. с 1890-х гг. по рубеж XX–XXI вв.

¹ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 295.

² Маркевич А. И. О местничестве. Киев, 1879. Далее – MOM; Савин А. Н. Местничество при дворе Людовика XIV // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 277–278; Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV – первой пол. XVI вв. // Археографический ежегодник. за 1968 г. М., 1969. Далее – АЕ; Шмидт С. О. Становление...; Мельников Ю. Н. Местничество и политическая борьба в России в 80-х годах XVI в.: Дисс. канд. ист. наук. М., 1979; Седов П. В. Социально-политическая борьба 70–80-х гг. XVII в. и отмена местничества.: Дисс. канд. ист. наук. Л., 1985; Kollmann N. By Honor Bound. State and

Две основные концепции, сформировавшиеся к концу XIX в., удачнее всего вычленил медиевист А. Н. Савин. Первая заключалась в приложении к данному институту взглядов С. М. Соловьева о борьбе родового и государственного начал, развитая А. И. Маркевичем, по мнению которого это сугубо российский институт, не сходный с какими-либо формами протестов аристократии Запада, своеобразное средство подчинить родовой дух правительственной воле. Вторая концепция видела в местничестве форму самозащиты служилой знати от произвола сверху, в результате каковой знать эта и стала правящим классом³. Столь противоположные концепции, однако, объединяла одна идея, в которой проявлялось мировоззрение их авторов – историков второй половины XIX – начала XX в. Люди своего времени, они независимо от своих политических взглядов отражали идеологические установки тогдашнего образованного общества, «естественным состоянием» которого была оппозиция государству. «Легенда о местничестве как о выражении аристократической самостоятельности и институте, ограничивающем власть монарха... зародилась, вероятно, еще в первой половине XVIII в. Желаемое выдавалось за действительное, и некоторые историки оказались в плену этих представлений», – отмечал С. О. Шмидт⁴. Нынешнему историку трудно понять разочарование А. И. Маркевича, когда итогом его многолетних исследований, вылившихся в фундаментальную двухтомную монографию (первая книга которой и сама по себе приобретает характер источника по обилию и полноте использованного и пересказанного в ней материала), стало определение местничества как своего рода Табели о рангах, а вовсе не серьезной политической привилегии господствующего слоя населения – по Маркевичу, это просто «формы известного старшинства, которые хотя и весьма интересны, но имеют весьма немного исторического значения»⁵. Нашему современнику проблемы организации, структуры социальной группы и механизмов ее взаимоотношений с иными звеньями общества представляются не менее важными, чем те истинные или мнимые «крупницы свободы», трудолюбиво разыскивавшиеся исследователями –

Society in Early Modern Russia. Ithaca and London. Cornell University Press, 1999; рус. изд.: *Коллманн Н.* Соединенные чество. Государство и общество в России раннего Нового времени / Пер. А. Б. Каменского под ред. Б. Н. Флори. М., 2001; *Berelovitch A.* La Hierarchie des Egaux. La noblesse russe d' Ancien Regime XVI–XVII siecles. Paris, Editions du Seuil, 2001.

³ *Савин А. Н.* Местничество при... С. 278; *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 135–146. Отметим также статью военного историка *П. О. Бобровского* «Местничество и преступления против родовой чести в русском войске до Петра I» (Военный сборник. 1888. № 12), как появившуюся в год выхода второй монографии Маркевича (*Маркевич А. И.* История местничества. Одесса, 1888. Далее – МИМ); работа эта также основана на концепции Соловьева.

⁴ *Шмидт С. О.* Становление... С. 306.

⁵ МИМ. С. III.

современниками Маркевича. Столь пренебрежительная оценка Табели о рангах выглядит естественной для автора, жившего в ее уже анахроничных «рамках» и не заметившего, что открытие предтечи подобной системы в предшествующую петровской эпоху – вполне достойное научное достижение.

В оценках автора второй концепции, В. О. Ключевского, сквозит абсолютно аналогичное разочарование: местническая борьба аристократии была проникнута «политической беспечностью», отсутствием «вкуса к власти»; борьба эта одновременно ослабляла и государство, и «сословные силы» аристократии⁶. Еще резче оценки Г. В. Плеханова, отчасти возвратившегося к «родовым» идеям и определявшего местничество как «воспоминание о родовой близости» с династией Калиты: «Спорившие бояре апеллировали к родословцу, а родословец опять напоминал об их родственной связи с владетельным домом», что проигрывало в сравнении с литовскими «панами-радой», основывавшими свою вольность на завоеванных в упорной борьбе политических правах⁷.

Историографический обзор изучения местничества после итогового для XIX в. капитального труда А. И. Маркевича можно условно разбить на четыре периода. Первый период, помимо вышеупомянутых концептуальных высказываний Плеханова, можно открыть работами Н. П. Павлова-Сильванского, суждения которого, на наш взгляд, недооценены.

Н. П. Павлов-Сильванский посвятил местничеству солидную часть обзора «Государевы служилые люди» и суммировал наблюдения в своем классическом труде «Феодализм в России»⁸. Хотя Павлову-Сильванскому удалось, по выражению В. Б. Кобрин, «с поразительной находчивостью окрестить соответствующим западноевропейским термином почти каждое явление русского Средневековья»⁹, аналога местничеству он не нашел. Это было впоследствии подтверждено таким авторитетом западной медиевистики, как Й. Хейзинга: «В старой доромановской России борьба за первенство у трона развилась до создания прочно установленной системы распределения должностей государственной службы. Подобных форм не знают западные страны Средневековья...»¹⁰ Позднее Н. П. Павловым-

⁶ Ключевский В. О. Сочинения. С. 135–146.

⁷ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1918. С. 185.

⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1909. С. 64–79; *Он же*. Феодализм в России. М., 1988. С. 125–128.

⁹ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 203.

¹⁰ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С. 42, 472. Нам известен, однако, случай подобного конфликта среди шведов, возникший явно под влиянием московской традиции, когда заместничал со своими коллегами – сенаторами во время переговоров с русскими послами 1611 г. граф Я. Деллагарди. См.: Видекинд Ю. История десятилетней Московитской войны. М., 2000. С. 278, 607. Подробности см. ниже.

Сильванским была сделана попытка включить этот институт в схему «Московской сословной монархии». По сравнению с первой работой, во многом остававшейся в русле воззрений В. О. Ключевского, автор «Феодализма в России» большее внимание уделяет элементу «суверенности» местнического распорядка, представляя его как «нечто совершенно независимое от воли московского государя»¹¹, но явно преувеличивает возможности сопротивления аристократа властям. По мысли Павлова-Сильванского, сеньориальный режим – экономико-правовая, сугубо «феодальная» основа «Московской сословной монархии» – должен был иметь какое-либо политическое увенчание. Его роль в данной схеме и была отведена институту местничества, обособлявшему российскую высшую аристократию от низших слоев дворянства. Развивая эти взгляды, но на марксистской основе, М. Н. Покровский со свойственным ему публицистическим остроумием постулировал, что местничество было «своеобразной формой иммунитета» (заметив при этом, что «связь эта до сих пор не была подмечена в русской исторической литературе»)¹², «первой политической гарантией, которую мы встречаем на русской почве». По его мнению, неверны взгляды Ключевского и Костомарова, сходящиеся лишь в одной точке – признания местничества силой, раздроблявшей сословную группу: единство боярства гарантировал именно этот институт, так как, «назначив А, нельзя было не назначить Д, а В – тем более», т.е. местничество было формой политической гарантии, новой в области применения, но старой по типу; все же оно охраняло интересы только семьи, а не класса¹³. В позднейшей марксистской историографии возобладал не такой прямолинейно-вульгаризаторский, но все же достаточно упрощенный вариант концепции Ключевского, хотя он «сформулировал важные выводы практически без обращения к специальной литературе о местничестве»; большинство авторов упоминали местничество только в связи с его «вредностью и реакционной ролью в деле государственной централизации»¹⁴. Ко второму десятилетию XX в. завершился первый период в историографии местничества, характеризующийся вводом в научный оборот основных источников и формированием основных концепций.

¹¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. С. 128.

¹² Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1918. Ч. 2. С. 125.

¹³ Там же. С. 126.

¹⁴ Шмидт С. О. Становление... С. 266. Подобные взгляды дожили до 1980-х гг., по крайней мере в трудах, не касающихся впрямую указанной проблематики, но упоминающих местничество. Так, историк права В. И. Карпец, оценивая роль Боярской думы, замечал, что местничество «было пережитком феодальной раздробленности и мешало централизации» и даже «складыванию общероссийского рынка» (см.: Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. С. 89).

Второй период историографии пришелся на послереволюционные десятилетия. Исследования истории правящих классов были тогда сведены до минимума (в меньшей степени это относилось к буржуазии). Местнические материалы в основном использовались в качестве источника и иллюстрации. Написанные в 1930–1940-е гг. работы С. Б. Веселовского увидели свет только в 1960-е гг. и, соответственно, оказали влияние только на позднейшую историографию. Ничего нового по этому вопросу, видимо ввиду отрезанности от основной источниковой архивной базы, не дала тогда и эмигрантская наука, хотя в ней продолжало существовать направление, занимавшееся дворянством. За тридцатилетие исключение составили три работы, появившиеся с интервалом примерно в 10 лет. Это были статьи А. А. Новосельского (1928 г.) и С. К. Богоявленского (1937 г.), которые ввели в научный оборот материалы о доселе не изучавшемся местничестве иных социальных групп – городского дворянства и дьячества¹⁵. Кроме того, появилась и до сих пор остающаяся единственной в своем лингвистическом жанре работа Е. А. Василевской¹⁶, посвященная лексике и терминологии местничества.

Третий историографический период можно отнести к началу 1950-х – середине 1960-х гг. Характеризуется он активным накоплением основной источниковой базы – возрождением исследования разрядных книг (В. И. Бугановым и Д. Н. Альшицем) и планомерным выявлением с дальнейшей публикацией их основных редакций, определенных в работах В. И. Буганова и осуществлявшихся по его проекту¹⁷. Публикация эта началась уже на исходе указанного нами историографического периода и растянулась на длительный срок, с 1966 по 2003 г.: изданы были «Краткая редакция», два сокращенных типа «Пространной редакции», «Государевы разряды» 1598–1604 и 1637/38 гг., «Подлинники» 1612–1614 гг., так называемая «Пространная редакция»¹⁸.

¹⁵ Новосельский А. А. Правящие группы в «служилом городе» XVII в. // Институт истории РАН ИОН. Ученые записки. Т. 5. 1928. М., 1929. С. 315–335; *Он же*. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие / Сост. Л. Г. Дубинская. М., 1994. С. 188–197; Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII в. // Изв. Т. 1. М., 1937. С. 220–239; *Он же*. Социальное происхождение и служба дьяков XVII в. // Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. / Сост. А. В. Топычканов. Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 2006. С. 390–410.

¹⁶ Василевская Е. А. Терминология местничества и родства // Труды МГИАИ. Т. 2. М., 1946. С. 155–182.

¹⁷ Альшиц Д. Н. Разрядная книга московских государей // ПИ. Вып. VI. М., 1958; Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962; *Он же*. Дворцовые разряды первой половины XVII в. // АЕ за 1975 г. М., 1976; *Он же*. «Враждотворное местничество» // ВИ. 1974. № 11; *Он же*. «Книги разрядные» («подлинники») 1613–1636 гг. // ИЗ. 1976. Т. 97.

¹⁸ Разрядная книга (далее – РК) 1495–1598 гг. М., 1966; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I–II. М., 1974; Разрядная книга 1495–1605 гг. Т. I–IV. М., 1978–2003; Разрядная книга 1637–1638 гг. М., 1983.

Плодотворные исследования, основу которых заложил В. И. Буганов, в 1980–2000-е гг. на усовершенствованном методологическом уровне и на базе новооткрытых источников продолжил его ученик Ю. В. Анхимюк. В цикле своих работ о разрядных книгах, изданиях источников и подытожившей исследования монографии он пришел к иным, более обоснованным выводам о системе редакций разрядных книг¹⁹. В это же время исследуются описи Царского архива (А. А. Зиминым, С. О. Шмидтом)²⁰, появляются отдельные работы, связанные с местничеством²¹, несколько позднее начинается изучение ранних генеалогических источников (М. Е. Бычковой)²².

Четвертый историографический период связан с возобновлением изучения местничества как такового и начинается с конца 1960-х гг. «Прологом» к нему можно считать публикацию ранее неизвестных работ С. Б. Веселовского, в которых он еще в 1930–1940-е гг. высказал свои взгляды на институт местничества как на «пережиток родового быта», когда «место человека на лестнице чинов... определяется не только происхождением, но и сочетанием служебной годности и служб человека с учетом его родовитости»²³. Веселовский полагал, что местнический распорядок сложился в Московском княжестве уже к концу XV в. и московское боярство поддержало Василия Темного в частности и потому, что приход к власти Юрия Дмитриевича или кого-либо другого разрушил бы его, дав «места» боярам нового князя. Порядок родов и лиц в дружине ограничивал, по его мнению, княжеский произвол, одновременно дисциплинируя и дружинника; в то же время эти обычаи «не мешали подбирать князю нужных людей вообще и для отдельных поручений в частности»²⁴.

Возобновление современной концепционной традиции связано с работой С. О. Шмидта «Местничество и абсолютизм: постановка вопроса»²⁵,

¹⁹ Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005; *Он же*. Разрядная книга 1598–1602 гг. // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. Далее – РД.

²⁰ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960 (далее – ОЦА); *Зимин А. А.* Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978.

²¹ *Кобрин В. Б.* Из истории местничества в XVI столетии // ИА. 1960. № 1.

²² *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975.

²³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1964. С. 103.

²⁴ Там же. С. 469.

²⁵ *Шмидт С. О.* Местничество и абсолютизм (постановка вопроса) // Абсолютизм в России: Сб. ст., посв. Б. Б. Кафенгаузу. М., 1964 (краткий вариант статьи); То же (полный вариант) // *Шмидт С. О.* Становление... М., 1973; То же (стереотип. переиздание) // *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996.

первый вариант которой вышел в год опубликования вышеуказанного сборника работ С. Б. Веселовского, т.е. началом этого историографического периода можно считать 1964 г. С. О. Шмидт не только заново рассмотрел историографию вопроса и подвел определенные итоги, но и сформулировал собственную концепцию института (которая является, правда, как бы предварительной), его *служебно-родового* (выделено нами. – Ю. Э.) и политического характера – как «своеобразного компромисса центральной власти с верхушечными группами аристократов». Местничество было не только обороной аристократии от центральной власти, как считал Ключевский, но и для не утвердившейся еще центральной власти обороной от аристократии²⁶. В работе был поставлен ряд проблем – как бы целая программа дальнейшего изучения вопроса уже «по направлениям»; 1) изучение источниковой базы и реконструирование местнического архива; 2) местническая идеология и сословное самосознание; 3) природа института, поиск аналогий в западноевропейских и восточных феодальных системах и в византийском наследии; 4) взаимосвязь с этапами развития институтов феодально-абсолютистской государственности в России, с глубинными изменениями в формации; 5) распространение местнических отношений на иные социальные группы; 6) методики дальнейшего исследования применительно к разрабатывавшимся с 1960-х гг. понятиям о знаковых системах, литературном этикете, стереотипах форм общественного поведения. Статья эта и по сей день остается своеобразной сжатой энциклопедией по всем аспектам историографии, источниковедения и историософии местничества, поскольку автор с характерной для него эрудицией охватил весь спектр знаний, возможных по данной проблематике, – от разрядно-родословных сборников до сочинений востоковедов, филологов «семантической» лотмановской школы и современных западных медиевистов.

Напротив, экскурс в данную проблематику такого крупного специалиста по восточноевропейскому и русскому средневековью, как В. Т. Пашуто, выглядел случайным и малоудачным. Пытаясь «удревнить» институт местничества, возводя его возникновение к домонгольским временам, автор, возможно неосознанно следуя за М. Н. Покровским, характеризовал его как «одно из проявлений иммунитета, защиты феодалом служебных прав и доходов от собратьев по классу»²⁷. Вероятно, автору казалось, что благодаря «грековской» схеме русского феодализма его опыт по породнению местничества с международной терминологией будет удачнее, нежели у его предшественника Н. П. Павлова-Сильванского. Приводя примеры из

²⁶ Шмидт С. О. Становление... С. 276, 277.

²⁷ Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 55–57.

эпохи феодальной раздробленности и оперируя такими понятиями, как «вассал», «сюзерен» и т.д., автор не смог при этом указать ни на одно не «междукняжеское» столкновение, ни на один конфликт между боярами или дружинниками внутри этих социальных групп, аналогичный позднему местничеству, приводя в примеры только раздоры князей. Тем самым все построения были обесценены, поскольку так квалифицировать конфликты князей одного дома нельзя, подобно тому как не являются местничеством, скажем, столкновения внутри Дома Калиты, например Василия II Темного с Дмитрием Шемякой.

А. А. Зимин, изучив ранние источники по истории местничества, пришел к выводу о на первых порах исключительно служилом характере данного института, сформировавшегося на основе военно-служилых должностей у старомосковских бояр, происхождение которых не давало преимущества одному роду перед другим. Только в эпоху «боярского правления», когда служилые князья сравнились с боярством и включились в систему этих отношений, к «служилому» принципу добавился «родословный», и институт вступил в период расцвета²⁸. Взгляд на служилый характер местничества развивался в работах учеников А. А. Зиминой – В. Ф. Тиханкиной, выявившей основной корпус местнической документации в царствование Ивана IV применительно к политической борьбе того времени²⁹, и особенно в ряде статей и диссертации Ю. Н. Мельникова³⁰. Обширную по объему и содержательную главу последней автор посвятил природе института местничества, выдвинув теорию «службы по отечеству», как основы российской государственной системы, при которой местничество – *регулятор* (выделено нами. – Ю. Э.) спорных вопросов, частных случаев, «сбоев» «системы

²⁸ Зимин А. А. Источники по истории местничества XV – первой пол. XVI в. // АЕ за 1968 г. М., 1970. Н. И. Павленко еще ранее отметил, что местничество было «типичнейшим признаком организации дворянства поры классического средневековья», который отошел в прошлое с конца XVII в., когда дворянство начало консолидироваться и приобрело совершенно новые черты. Процесс этот, сопровождаемый изменениями характера службы и вознаграждения, а также и ликвидацией внутрисословного деления, условно ограничивается столетием с 1682 до 1782 г., от указа об отмене местничества до указа о праве помещиков на недра принадлежащей им земли. См.: Павленко Н. И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России: Сб. ст. Л., 1960. С. 54–55.

²⁹ Тиханкина В. Ф. Источники по истории местничества времени правления Ивана IV. Дипломная работа. М., МГИАИ, 1973. (Архив А. А. Зиминой – выражаю глубокую благодарность В. Г. Зиминой за возможность ознакомления с данной работой.)

³⁰ Мельников Ю. Н. Местничество...; Он же. Местнические дела в разрядном судопроизводстве // ВИД. Т. II. Л., 1978; Он же. Источники и происхождение разрядных книг 1559–1605 гг. // ВИД. Т. XIX. Л., 1987; Он же. Описание местнических дел 80-х гг. XVI в. // АЕ за 1977 г. М., 1978; Он же. Местническое дело боярина кн. Ф. Д. Шестунова с боярином кн. Д. И. Хворостининым // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985.

³¹ Мельников Ю. Н. Местничество... С. 105–108.

отечества»³¹. Автор полностью отрицает «иммунитетный» характер института, но находит в нем определенные черты вассалитета, впрочем, являющиеся отношениями «по вертикали», тогда как местничество – отношениями «по горизонтали»³². Менее четко определено понятие «отечество». В одних случаях это «наследственное право на определенное место в служебной иерархии», в других – наследственная часть поместного оклада в противовес «службе», другой части оклада и, наконец, «в широком плане» – служебное положение в иерархии, определенное земельным и денежным жалованьем. Ю. Н. Мельникову принадлежат интересные наблюдения, касающиеся возможной синхронности возникновения, оформления, функционирования и отмирания института местничества и земских соборов³³; о служебно-финансовой основе этих отношений. На материале, полученном в результате сопоставления боярских списков, полковых росписей и других источников, ему удалось показать определенную взаимозависимость трех элементов системы: места в списке – оклада – местнического столкновения³⁴. Если первая идея так и остается предположением, то вторая, как будет видно из нашего исследования, может найти подтверждение на более массовом материале XVII в.

Два исследователя занимались проблемой отмены местничества. Если для М. Я. Волкова, историка, специализировавшегося преимущественно на XVIII столетии, тема эта была эпизодической и рассматривал он данные события в русле подготовки петровских преобразований³⁵, то П. В. Седов, ученый значительно более молодого поколения, воспринимает период 1670–1680-х гг. – царствование Федора Алексеевича – в качестве самоценной в отечественной истории эпохи, неосуществленной возможности более мягкой альтернативы жесткой петровской модернизации³⁶. Исследуя политические события в момент ликвидации местничества, анализируя так называемую «боярскую попытку» – аристократический проект его отмены, П. В. Седов подробно анализирует ситуацию последней трети XVII в., когда институт быстро становится анахронизмом, перестает соответствовать процессам, развивавшимся в Боярской думе, государевом дворе и в целом в правительственном аппарате³⁷. Автору удалось также

³² Мельников Ю. Н. Местничество... С. 70–74.

³³ Там же. С. 76–78.

³⁴ Там же. С. 89–95.

³⁵ Волков М. Я. Об отмене местничества в России // ИСССР. 1977. № 2.

³⁶ Выводы П. В. Седова мягче, нежели у А. П. Богданова, развивающего в своих обширных трудах по истории и культуре России последней четверти XVII в. тезис о фактически осуществленной в этот период модернизации.

³⁷ Седов П. В. Социально-политическая борьба в 70–80-е гг. XVII в. ... С. 179.; *Он же*. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб., 2006. С. 456–457.

обнаружить ряд неизвестных законодательных актов, подготавливавших «Соборное деяние», раскрыть работу правительства молодого царя по практической отмене местничества, социальная деградация которого к тому времени дошла до конфликтов подьячих³⁸. Отметим здесь же источниковедческие и историко-юридические работы по местничеству К. В. Петрова, который предпринял огромную работу по изданию всех сохранившихся описей документов Разрядного приказа за XVII в.³⁹, включая сведения о несохранившихся местнических делах, а также гипотетическую реконструкцию документального комплекса, который был публично сожжен 12 января 1682 г.⁴⁰

Автором данной работы был составлен хронологический справочник местнических «случаев» и связанных с ним законодательных актов с указанием архивных данных и относительно полной библиографией за XX в.⁴¹ В этот период возрождается публикация подлинных местнических дел, вслед за Ю. Н. Мельниковым три дела издал автор данной работы⁴². С оживлением частных генеалогических исследований мы ожидаем новых любительских публикаций местнических дел, впрочем, вполне возможно, и на хорошем археографическом уровне⁴³. В ряде исследований С. П. Мордовиной и Р. Г. Скрынникова сведения о местнических столкновениях рассматриваются уже не только как источник, но и как важный элемент политической жизни в царствование Ивана Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова⁴⁴. Наиболее тонко проанализированы местнические

³⁸ *Седов П. В.* К изучению источников по истории местничества // ВИД. Т. XXVI. СПб., 1998. С. 209–223; *Он же.* Конец местничества // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой. М.; Новосибирск, 2000. С. 88–103. *Он же.* Закат Московского царства. СПб., 2007. *Богданов А. П.* Летописец и историк конца XVII в. Очерки исторической мысли переходного времени. М., 1994; *Он же.* В тени Великого Петра. М., 1998; *Он же.* Московская публицистика последней четверти XVII в. М., 2001.

³⁹ Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб., 2001. Далее – ОАРП.

⁴⁰ *Петров К. В.* О разрядных книгах, уничтоженных в 1682 г. при отмене местничества // Российское самодержавие и бюрократия... С. 104–109.

⁴¹ Реестр. Библиография за период «до Маркевича» не приводится, дается сноска на его работы.

⁴² *Эскин Ю. М.* «А Василей сказал, то де Артемей замыслил воровски...» Документы о местничестве приказной бюрократии // Исторический архив. 1993. № 2; *Павлов А. П., Эскин Ю. М.* Местническое дело дьяков Неелова и Клобукова // Российское самодержавие и бюрократия...: Сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой. М.; Новосибирск, 2000; *Эскин Ю. М.* Местническое дело К. А. Трусов – кн. Г. К. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XVI–XVII вв.: Сб. ст., посв. 75-летию Ю. Г. Алексева. СПб., 2002.

⁴³ Дело о местничестве И. В. Благово с кн. И. Ф. Шаховским 1627–1628 гг. // *Благово Н. В.* Шесть столетий рода Благово. СПб., 2007. С. 123–136.

⁴⁴ *Мордовина С. П.* Земский собор 1598 г.: Дисс. канд. ист. наук. М., 1971; *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в нач. XVII в. Л., 1985.

взаимоотношения в монографии А. П. Павлова⁴⁵. Особо эффективным привлеченный местнический материал оказался для первой части книги – «Боярские политические группировки». Автору удалось убедительно показать, что Годунов виртуозно применял местничество для политической борьбы, создав себе этим способом мощную поддержку в «государевом дворе». «Избегая прямого давления на аристократию, – подытоживает Павлов, – Борис умело использовал в своих интересах сам традиционный механизм служебно-местнических отношений»⁴⁶. Новейшие концептуальные исследования культурологического характера представлены трудами уже неоднократно упомянутого нами К. В. Петрова и Л. А. Черной. Петров начал с изучения вопроса о значении родственных связей в социокультурных представлениях общества, тем самым присоединяясь к представлениям о родовом характере местничества⁴⁷. На материале конца XVI в. автор вычисляет осознававшийся местниками «ареал родовой общности», который простирался, по его подсчетам, до шестой степени родства; за этой гранью «нормы бытового поведения сменялись нормами идеологического поведения»; местнические отношения носили ценностный характер и не зависели от политической ориентации родственников, причем значение родственных связей является одной из характерных черт субкультуры феодалов. В позднейшей, уже источниковедческой работе тот же автор вычленяет в разрядных книгах раннюю форму одного из основных нормативных положений местничества – системы старшинства воевод в разряде⁴⁸, предшествовавшей системе, утвержденной Приговором 1550 г. В этюде обобщающего характера К. В. Петров возрождает историко-юридические методы, проанализировав определения местничества в историографии, с целью «найти ему место в правовой системе государства»⁴⁹. Вычленяя два типа определений в историографии (I тип – «право» на занятие должности, родословный счет и т.д., и II тип – «система», «порядок» – совокупность прав и правил назначения), автор полагает, что с юридических позиций

⁴⁵ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1993.

⁴⁶ Там же. С. 79.

⁴⁷ Петров К. В. Местничество и средневековая культура России // Материалы 28-й Всесоюзной научной конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск. 1990; *Он же*. Осознание родовой общности феодальной аристократией России в конце XVI в. // Материалы 29-й Всесоюзной научной конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1991.

⁴⁸ Петров К. В. Проблема местнического старшинства полковых воевод в России в первой половине XVI в. // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 1993. № 1.

⁴⁹ Петров К. В. Местничество в России во второй половине XVI и XVII вв. // Ученые записки юридического факультета С.-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Вып. 2. СПб., 1997; Вып. 4. СПб., 1999.

местничество можно охарактеризовать как: 1) «общее название способов защиты прав феодалов» и 2) «право на защиту этих прав».

В культурологических работах Л. А. Черной, посвященных развитию самосознания личности XVII–XVIII вв., имеются и экскурсы в институт местничества. Л. А. Черная включает местничество в систему многочисленных «чинов», охвативших в конце XVI – первой половине XVII в. практически все стороны жизни российского общества и государства⁵⁰. Крушение части этой структуры на рубеже веков выразилось в Смуте; восстановление монархии привело к реставрации «чинов» во всех сферах, в том числе к усилению местничества⁵¹. Формированию местничества способствовала идея богоизбранности государя и понимания государства как пирамиды с вершиной – царем и ступенями, места на которых занимались сообразно с той связью, которая была у предков местника с монархом⁵². Система «огосударствления» человека привела к упрощенной социокультурной установке – честь по достоинству, достоинство по «чину», чин по «породе». С середины XVI в. появляются многочисленные документы, фиксирующие родословно-местнические нормы – родословцы, разрядные книги и др., разворачивается местническая борьба. Автор отмечает и восприятие этих норм народным сознанием, весьма часто вполне критическое, что отражается в фольклоре: «По милости царской сам себе Пожарской», «Цветное платье в большое место несет»⁵³. Упадок и ликвидация местничества связаны с кризисом норм «чинов», прогрессивного «бесчиния», захватившего со второй половины XVII в. все сферы жизни, вырывавшейся из устаревших структур, в том числе и по причине того, что оно стало бы мешать самодержавию⁵⁴, но в социальной сфере феодальный местнический «чин» перерождается в бюрократический, более мощный институт, в котором личность вновь, на ином уровне, заменяется чином в Табели о рангах⁵⁵.

В зарубежной историографии следует остановиться на трудах американской исследовательницы Н. Шилдс Коллманн, которая с 1970-х гг.

⁵⁰ Книга Андре Береловича, содержащая в чем-то сходные положения, вышла позднее, но ссылок на работы Л. А. Черной, публиковавшиеся с 1989 г., в ней нет.

⁵¹ Черная Л. А. О понятии «чин» в русской культуре XVII в. // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993. С. 344–346.

⁵² Черная Л. А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй пол. XVII – нач. XVIII в. // Общественная мысль. Исследования и публикации. Вып. 1. М., 1989. С. 29–30.

⁵³ Черная Л. А. Честь и представления о чести и бесчестии в русской литературе XI – XVII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества: Сб. ст. М., 1991. С. 75–76.

⁵⁴ Черная Л. А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству»... С. 34.

⁵⁵ Черная Л. А. О понятии «чин»... С. 348–349; Она же. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 176–184.

изучает историю правящих групп русского общества XV–XVII вв. Вопросы о соотношении местнической традиции с порядком включения рода в боярскую «правлящую элиту» и функционирования в ее рамках она касается уже в своей первой монографии 1987 г.⁵⁶ Продолжив изучение русской средневековой аристократии прежде всего в русле исследования ее менталитета, она опубликовала ценную монографию о чести и бесчестье в русском обществе XVI–XVII вв., в которой обширную главу посвятила именно местничеству⁵⁷. Говоря о задачах своего исследования, Н. Коллманн выделяет среди них следующие вопросы: «Ограничивало ли местничество самодержавие? Сохраняло ли оно привилегии элиты в противовес амбициям монархов или, наоборот, было феодальным тормозом на пути развития более рациональных принципов государственной службы?»⁵⁸ Исходя из этих вопросов автор и строит свой историографический обзор, сразу же оговаривая, что ответы на них, дававшиеся историками прошедших эпох, отражали общественное сознание своего времени. Если изложение ею взглядов русских авторов (от М. М. Щербатова до историков конца XX в.) не отличается большой оригинальностью (интересны и, на наш взгляд, справедливы оценки суждений А. Е. Преснякова и С. Б. Веселовского, которые, по мысли автора, отчасти вернулись к пониманию русского общества как патриархального, а местничества – как системы родовых связей, имевших для государства позитивный характер), то взгляды таких видных современных русистов, как Энн М. Клеймола и Роберт Крамми (а также их анализ), представляют значительный интерес. По мнению Э. М. Клеймола, автора ряда работ о внутренней политике и правящих группах России XVI в., в том числе о местничестве в эпоху «боярского правления» и при Борисе Годунове, этот институт являлся как бы безопасным для общей политической стабильности механизмом включения в систему власти новых родов⁵⁹. Р. Крамми считает, что местничество как явление было связано с переходом Московского государства к новой политической структуре, однако историки явно преувеличивали его значение, поскольку оно стало скорее «психологической компенсацией» аристократии за обязанность

⁵⁶ *Kollmann N. Kingship and politics. The Making of the Muscovite Political System. 1345–1547. Stanford, 1987. P. 59–70.*

⁵⁷ *Коллманн Н. Соединенные честью. Гл. 4. Честь элиты. Монография предшествовала, в частности, статья того же автора: Honor and Dishonor in Early Modern Rusia // Forschungen zur Osteuropaische Geschichte. 46 (1992). S. 131–146.*

⁵⁸ *Коллманн Н. Соединенные честью. С. 229.*

⁵⁹ *Там же. С. 234; Kleimola A. M. Status, Plase and Politics The Rise of Mestnichestvo during the Boyarskoe Pravlenie // Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte. 27 (1980). S. 195–214; Boris Godunov and the Politics of Mestnichestvo // Slavonic and East European Review. 53. № 132. (1975). P. 355–369.*

пожизненной службы⁶⁰. Сама Н. Коллманн уделяет местничеству большое внимание, считая его очень важным элементом самосознания русского служилого человека. Проведя интересные статистические исследования, автор приходит к выводу, что аристократия использовала этот институт для служебного продвижения, а государи – для управления «элитой». По ее подсчетам, истцы проигрывали суды в 99% случаев, т.е. государство практически никогда своих решений; в 24% случаев истцов удовлетворяли без разбирательства, отставкой от службы или объявлением безместия⁶¹. Такой существенный вопрос, почему при огромном числе челобитий при назначении так мало тяжб «после службы», автором решается следующим образом: ввиду небольшой вероятности выигрыша дело не возбуждалось, в то время как «запись в разряде», т.е. официальное принятие жалобы и ее фиксация в приказном делопроизводстве могли оставить вопрос открытым и помочь в дальнейших конфликтах. В монографии имеются интересные наблюдения о местнических обычаях, законодательстве и ритуалах. Так, «выдача головой» стала темой отдельного культурологического этюда, предшествовавшего книге⁶². Автор приходит к выводу, что местничество было весьма гибким средством разрешения конфликтов и функционировало как единая лично-патримониальная система. При этом оно не ограничивалось ролью инструмента управления аристократией со стороны самодержавия, стремившегося препятствовать развитию корпоративных интересов. Отвечая на свой же вопрос, «кому выгодно», Н. Коллманн указывает, что местничество оказывало содействие не тем, кто начинал конфликт, но защищало ответчика, т.е. закрепляло его социальный статус. Местничество, по мысли автора, спланировало элиту вокруг монарха, в то же время давая возможность выдвижения. «Элита и государство вместе создали эффективный инструмент для разрешения социальных конфликтов, возникавших в ходе строительства империи». Автор рассматривает этот

⁶⁰ Коллманн Н. Соединенные чеством. С. 235; *Crummey R. Reflections on Mestnichestvo in XVII Century.* // *Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte.* 27 (1980) S. 269–281.

⁶¹ Коллманн Н. Соединенные чеством. С. 252–254. Отметим, что к статистике автора следует подходить с осторожностью, поскольку в книге мною замечена арифметическая ошибка. Опираясь на данные 1994 г. (Реестр), автор сообщает, что Эскин зафиксировал в 1570-е гг. резкое увеличение местничеств по сравнению с предыдущими десятилетиями, а именно 305. Фантастичность этой цифры в том, что это – общее число местничеств с 1332 (1370) и до августа–сентября 1580 гг. См.: Реестр. С. 70. Реальное число местничеств в 1570-е гг. – ок. 129, что отнюдь не противоречит верным выводам автора о его взлете (в 1560-е гг. местничеств произошло всего около 43).

⁶² *Kollmann N. Ritual and Social Drama...* Здесь интересны соображения о ролях, выпадающих каждой из трех сторон – побежденного, победителя и государственной власти: протест «выданного головой» лица (по праву, предоставляемому властями), ритуальное великодушие победителя (по принудительной обязанности) – это, по мнению автора, элементы структуры, стабилизирующей взаимоотношения власти, социальной группы и рода.

институт «как важнейшую стратегию создания лояльной элиты и ответа на социальные перемены; результатом было сильное и гибкое государство»⁶³. Как инструмент власти над аристократической элитой рассматривает местничество польский исследователь В. Пельтц⁶⁴.

Новейшее наиболее крупное зарубежное исследование нашей темы – монография французского историка Андре Береловича, название которой переводится как «Иерархия равных. Русская знать при Старом режиме (XVI–XVII вв.)». Под «Старым режимом», видимо по аналогии с термином, определяющим эпоху до Великой французской революции, автор подразумевает допетровскую Россию. Работа посвящена истории правящей элиты России в целом и является, вероятно, первым французским опытом подобного капитального исследования, охватывающего разнообразные стороны жизни русского дворянства, от социально-экономической до мировоззренческой. Солидную часть исследования составляет описание

⁶³ Коллманн Н. Соединенные честью. С. 248, 270. Менее убедительны, на наш взгляд, воззрения исследовательницы на то, почему местничество в какой-то степени заменило в России институт дуэли или вендетты. Она полагает, что судебное разбирательство выходит на первый план тогда, когда государство усиливается, в то же время в моменты смут и политической нестабильности местничество сдает свои позиции. Но, во-первых, поединок в Западной Европе нес несколько иную идеологическую нагрузку, решал иные задачи, которые еще не были столь актуальны для русского общества до XVIII в. Тамашный дворянин, выходя на дуэль, не опасался понижения статуса своего рода, о потере или приобретении им постов и чинов; убийство же русским боярином своего местника отнюдь не возвысило бы его род. Во-вторых, взаимозависимость «мощи государственного аппарата» и способа разрешения конфликтов «чести» тоже не столь примитивна, иначе мы бы неизбежно пришли к невероятному допущению, что аппарат Российской империи второй половины XVIII – первой половины XIX в. – «золотого века» русской дуэли – был слабее государственного аппарата XVII в. Автору этих строк ближе точка зрения Я. А. Гордина, считающего расцвет дуэли в указанный период формой социального протеста прогрессивно настроенной части элиты. «Право на поединок... становилось сильным знаком независимости от деспотического государства... Самодержавие принципиально претендовало на право контролировать все сферы существования подданных, распоряжаться их жизнью и смертью. Право на поединок стало для русского дворянина свидетельством его человеческого раскрепощения... правом самому решать, пускай ценой своей жизни – свою судьбу... мерилом не биологической, но общественной ценности личности... Но именно самоуважение вовсе не нужно было деспотическому государству... героический период русской дуэли... (1770–1830-е гг. – Ю. Э.), в течение которого русское дворянство, вырабатывая суровые представления о чести, выстраивало идеальную – недостижимую в быту, но необходимую как эталон модель поведения благородного человека... За эти полвека русское дворянство в лице своего авангарда – наиболее решительной, бескорыстной, дальновидной своей части – вступило в тяжкий конфликт с военно-бюрократическим самодержавием, губившим страну, и проиграло свою историческую битву. Высокая дуэльная традиция была одной из тактических линий этого рокового конфликта... Крах высокой дуэльной традиции произошел в ситуации краха надежд на свободу, в ситуации проигранной битвы за личное достоинство». См.: Гордин Я. А. Дуэли и дуэлянты. СПб., 1996. С. 15–17, 115.

⁶⁴ Peltz W. Suwerennosc panstwa w practice i doktrynie politycznej Rusi Mosiewskiej (XIV–XVI w.). Zielona Gora, 1994. K. 114–115.

местничества, которое автор рассматривает на широком общеисторическом фоне и, проявляя завидную эрудицию, сопоставляет его с разнообразными системами и практиками иерархий средневекового Востока, Армении, Византии и т.д.⁶⁵ Будучи весьма сведующим и в современной российской историографии, автор придерживается верного взгляда на этот институт, как на один из краеугольных для понимания жизни и социального поведения знати⁶⁶. Поясняя, что в данном случае действующими силами при дворе являлись не лица, а роды и личность не воспринималась в качестве «самодостаточного целого», Берелович объясняет понятие «чести», за которую борется местник, как «коллективный капитал престижа», состоящий из заслуг как живых, так и давно умерших членов родового клана, требовавшего от своих членов умения распорядиться этим общим наследством, которое можно было прирастить только царской службой. Автор полагает, что местничество было выгодно и самодержавию, и высшей аристократии – первое могло регулировать иерархию, вторая – защищать свои привилегии от выскочек. Степень традиционности этих взглядов несколько уменьшает попытка найти некие новые теоретические обоснования. По мысли автора, иерархии на Руси были подвластны буквально все сферы жизни, вплоть до числовых последовательностей географически-топографического порядка – крепостей на границе, помещений царского дворца и т.д. Мировосприятие человека, ощущавшего себя частью такой системы и последовательности, давало ему возможность как-то освоить «обширное и пустынное» российское пространство⁶⁷. Таким образом, автор пытается выявить какие-то нетривиальные причины возникновения института местничества, однако за исключением географических масштабов ничего не находит, так что по-прежнему остается непонятным, почему жизнь на огромном, редко заселенном пространстве нуждалась в большем иерархическом упорядочивании, чем жизнь в густонаселенных небольших странах. На наш взгляд, автор недооценивает корпоративный элемент – он полагает, что царь властвовал, причем безраздельно, непосредственно над индивидуумами и что между монархом и подданным не стояла корпорация. Однако исследования корпораций – государева двора, городских дворян (служилого города), верхушки посада (гости и т.д.) показывают ограниченность подобных выводов. Взгляды автора на патримониальный характер отношений монарха и подданных также довольно традиционны

⁶⁵ *Berelovitch A. La Hierarchie des Egaux. P. 277.*

⁶⁶ Цит. по: *Кудрявцев О. Ф. О книге Андрея Бириловича «Иерархия равных» // Древняя Русь. 2003. № 1. С. 120.*

⁶⁷ *Berelovitch A. La Hierarchie des Egaux. P. 331, 332, 401; Кудрявцев О. Ф. О книге... С. 121. Взгляды А. Береловича излагаются преимущественно по данному обзору.*

для настоящего времени. Заметим, что на многих зарубежных авторов второй половины XX в. оказало влияние социологическое исследование Н. Элиаса «Придворное общество», изучившего разнообразные связи и иерархии преимущественно на примере французского двора второй половины XVII – первой половины XVIII в.⁶⁸, но проводившего достаточно широкие обобщения. Данная монография, созданная в 1960-е гг., стала широкодоступной большинству российских историков после издания в России в 2002 г. По мнению Элиаса, основным принципом стратегии власти монарха было «упрочение и закрепление имеющихся различий, противоречий и соперничества между сословными элитами, а в рамках этих элит – и между различными рангами и ступенями в их иерархии статуса и престижа», и эти противоречия и соперничество «составляли одно из основных условий полновластия монарха, называемого “неограниченным” или “абсолютным”»⁶⁹.

Итак, несмотря на существенные достижения историографии последних лет, в данной теме остается неразработанным целый ряд проблем – например, пока не полностью удовлетворительны попытки связать институт местничества со служилым землевладением, с бюрократическим аппаратом, не ясны политические аспекты его бытования, до сих пор не охвачен весь корпус источников. Это позволяет автору данной работы внести свой вклад в исследование указанного вопроса, заполняя ряд пробелов, и выступить как с анализом еще не привлеченных источников, так и со своим видением проблемы возникновения и функционирования института местничества.

⁶⁸ Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / Пер. с нем. М., 2002.

⁶⁹ Там же. С. 91.

Глава 2

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ: РЕКОНСТРУКЦИЯ «МЕСТНИЧЕСКОГО АРХИВА»

Одним из основных источников данного исследования являются подлинные местнические дела, а также их записи-изложения в официальных и частных разрядных книгах, разрядно-родословных сборниках, описательные статьи о несохранившихся делах в описях приказных архивов и пр. Обзор источников мы решили построить в форме реконструирования всего корпуса местнических дел, их фрагментов или сведений о них, т.е. воссоздания «местнического архива», который в реальности не существовал, так как, например, документы, хранившиеся в Разрядном приказе в XVI в., в основном погибли во время пожаров того же века, в Смуту или в 1626 г. Однако реализация этого замысла позволяет наглядно представить корпус документов, с которыми сталкивались участники тяжбы, какие источники были им доступны, а какие нет в разные хронологические периоды.

Для того чтобы установить реальный состав фактически существовавших в архивах местнических дел, надо провести сопоставление описательных статей во всех сохранившихся описях. Это опись Царского архива, описи Разрядного приказа 1626, 1649 и 1668 гг., а также отдельные записи в описях Посольского приказа. Сюда также следует добавить упоминания о делопроизводстве по местническим делам в разрядных книгах. Как правило, если в разрядах записаны не только сведения о челобитье такого-то лица, но и сведения о посылке жалобы, об ответной грамоте из приказа и т.д., то можно считать, что делопроизводство велось и должно было отложиться в архиве, не говоря уже о случаях, когда в разряды записано само судебное разбирательство. Сопоставление сведений из разрядов, записей в описях и сохранившихся доселе подлинных дел подтверждает наше мнение о реальности существования многих несохранившихся дел. Например:

Таблица 1

Соотношения записей дел в архивной описи и в разрядах

Опись 1649–1653 гг. ¹	Разрядные книги
«Дело боярина князь Ивана Петровича Шуйского со князь Иваном Юрьевичем Голицыным 85 году за приписью дьяка Ондreja Клобукова (л. 4)».	«В том же году суд был в отечестве у боярина князя Ивана Петровича Шуйского з боярином со князь Иваном Юрьевичем Голицыным за приписью дьяка Ондreja Клобукова» (РК 1550–1636. Т. 1. С. 268).
«Дело князя Василья Тюфякина с Романом Бутурлиным 88 году за приписью дьяка Ивана Стрешнева» (л. 4 об.).	В Пространной редакции (РК 1495–1605) – подробный конспект дела, состоящий из 6 документов; в РК 1550–1636 (Т. 1. С. 295–298) – более краткая запись, но с указанием: «за приписью дьяка Ивана Стрешнева».
«Приговор царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси и сына ево царевича Ивана и бояр и думных людей, как считались князь Василей Шуйской з братьями со князем Михайлом Одоевским 89 году, а выше приговору память писана (с Розряду) к дьяком к Офонасью к Демьянову да к Курбату Григорьеву о том же деле» (л. 5).	«И бил челом государю князь Михайло Одоевской в отечестве. И государь князя Михайла велел судить боярину князю Ивану Федоровичю Мстиславскому с товарищи. И бояре выписку из розрядов государевых сказывали, и государь, выписку слушав приговорил: по родству и щету боярин князь Иван Петрович Шуйской менши князя Никиты Романовича Одоевского, а сына ево князь Михайлы Никитича Одоевского – больше. А по лестнице в родстве князь Иван Петрович таков, как князь Иванов Андреевича Шуйского князь Дмитрей. А князь Михайло Одоевской по щету менши князя Андрее Ивановича Шуйского». (РК 1475–1598. С. 319).

¹ ОАРП. С. 71–85.

<p>«Записка Ивана Колычова на князя Володимера Бахтеярова 94 году» (л. 8).</p>	<p>«Тово же году июня в 13 де бил челом государю... Иван Федоров сын Крюк Колычов в отечестве о щоте на князь Володимера Бахтеярова-Ростовского. И государь Ивана Колычова да князя Владимира Бахтеярова велел судить бояром князь Федору Ивановичю Мстиславскому да дьяку Василью Щелкалову» (РК 1495–1605. Т. 3. С. 88).</p>
--	--

2.1. «Опись Царского архива» и «местнический архив»

В Описи Царского архива (далее – ОЦА) содержится несколько записей о хранившихся там 24 поименованных местнических делах, а также одна суммарная запись («да памяти, челобитные и грамоты присыльные о местех» – в ящике 145)². Политическая оценка перечисленных дел с точки зрения их отбора в Царский архив была дана А. А. Зиминым³. С. О. Шмидт, специально изучавший формирование Царского архива, полагает, что «И. М. Висковатый при разборе “дел старых лет” и подготовке книг переписей обратил повышенное внимание только на особо важные дела, и среди них – на местнические списки – счетные дела, использовавшиеся к тому же при составлении разрядных книг официальной редакции и Государева родословца»⁴. Основной вопрос, который возникает при сравнении списка местнических дел, хранившихся в Царском архиве, и дел, упоминаемых в разрядных книгах (как официальной, так и частных редакций), таков: почему же в разрядах отсутствует даже упоминание о 21 из этих 24 местнических дел? Об использовании материалов Царского архива властями, и прежде всего Иваном IV, в политических целях, например в летописании, существует целая литература, однако на вышеупомянутый факт до сих пор никто не обратил должного внимания.

А. А. Зимин подробно анализирует происхождение почти каждого дела. По его мнению, они велись в основном в 1540–1550-х гг., видимо, до 1559–1560 гг. Преобладающая часть (13–14 дел) относится к 1544–1566 гг., одно, весьма раннее – к 1537 г. Зимин объясняет состав

² ОЦА. Ящики 145, 215, 217, 223.

³ *Зимин А. А.* Государственный архив... С. 68–69, 90–92, 94–95, 339–349, 479–484, 516–523.

⁴ *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI в. М., 1984. С. 51.

дел тем, что интерес к ним возник у Ивана IV в 1564–1566 гг., когда, как считает комментатор, они и были взяты из канцелярии Разрядной избы. Вспомним, однако, что, по устоявшемуся мнению, Государев разряд был составлен к 1556 г.⁵ Почему же вышеуказанные дела не попали в официальную разрядную книгу? Может быть, они не были доступны ее составителю? Но основным автором Государева разряда являлся дьяк Иван Елизаров сын Цыплятев. А именно он, судя по записям в ОЦА, и хранил по крайней мере часть этих дел, о чем свидетельствует, например, такая запись: «Положено в малой ящичек дело судное о местех, князя Ивана Мстиславского со князем Юрьем Голицыным. А взято у Ивана у Елизарова»⁶. В том же 145-м ящике лежали и подготовительные материалы дьяка для составления Государева разряда: «Список, перепись нарядом, что прислал Иван Елизаров». Сомнительно, что при работе над официальной разрядной книгой он мог «забыть» о деле, которое сам вел в 1549 г. Таким образом остается открытым ряд вопросов. Во-первых, почему, если дела были затребованы в 1564–1566 гг., они не были использованы для составления Государева разряда, т.е. на 10 лет раньше? Действительно ли они лежали в «канцелярии Разрядной избы»? Почему три из них все же попали в разряды? Можно было бы предположить, что местники, участники упомянутого 21 дела сыграли какую-то особо трагическую роль в последующих событиях и поэтому их дела были изъяты. Но подобное предположение не выдерживает критики. Из разрядов никто не вычеркивал ни опальных, ни изменников, поскольку все там фигурировали не как личности, а как некие субъекты служебно-родовой иерархии. Тем не менее проверим предположение о судьбах былых местников в годы террора Ивана IV. Всего с 1539 по 1564 г. в Разрядном архиве, по нашим подсчетам, должно было отложиться примерно 27 дел (без учета 24 дел в Царском архиве, а также кратких записей конфликтов, не оставивших после себя солидного делопроизводства). В начале Опричнины, согласно современным данным, были репрессированы, помимо тех, кого перечислил А. А. Зимин в своем комментарии, также и другие лица, активно местничавшие в предшествовавшие годы. Это кн. А. Б. Горбатый-Суздальский (1565 г.), кн. Ю. И. Кашин (1564 г.), кн. А. В. Ногтев (1565 г.), кн. М. П. Репнин (1564 г.), кн. П. И. Горенский

⁵ Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962. С. 166–167.

⁶ Зимин А. А. Государственный архив... С. 349, 524. Заметим, что именно относительно ящика 145, где хранились хронологически наиболее ранние дела, у автора отсутствуют гипотезы о том, когда и зачем они были затребованы; здесь Зимин ограничивается предположительными временными привязками. Но в целом, резюмирует автор, все они потребовались царю, когда вводилась Опричина.

(1565 г.), В. В. Морозов (1567/68 г.), И. П. Яковлев (1571 г.), умерли князья П. М. Щенятев (1565 г.) и В. С. Серебряный (1566 г.)⁷. При чем князья А. Б. Горбатый, Ю. И. Кашин, В. С. Серебряный местничали по 4 раза, И. П. Яковлев и кн. М. П. Репнин – по 2 раза и т.д. Судя по упоминанию отдельных документов в разрядных записях, в Разрядном архиве должно было отложиться достаточно цельное делопроизводство, например, по делу кн. И. В. Пенкова – кн. А. Б. Горбатого (февраль 1547 г.)⁸; по делу князей Ю. И. Кашина – Д. И. Немого-Оболенского (февраль 1547 г.) и большое, втянувшее семерых участников дело лета 1558 г. (в том числе С. В. Яковлю, князей И. И. Кашина, Д. С. Одоевского), в состав которого входили челобитные князей Кашина и Охлябинина, а также подробный ответ самого Ивана IV с выговором и разъяснениями по поводу соблюдения приговора о порядке старшинства в полках 1550 г.⁹ Итак, если судьбы лиц, чьи дела были запрошены царем, мало чем отличались от судеб лиц, чьи дела остались в Разрядном архиве, почему же тогда сведения об указанном 21-местническом деле, даже в виде самых кратких погодных записей, никак не просочились на страницы разрядов? Ведь в этом были заинтересованы члены их родов (а это около 20 фамилий)? Означает ли это, что никаких частных разрядов в это время еще не велось? Тем более что одно из этих дел даже должно было быть включено в официальное летописание – в знаменитые приписки к Царственной книге (дело князей М. И. Воротынского – П. М. Щенятева и др.)¹⁰ – однако не попало в разряды. Три дела, правда, в разряды попало – это местничества кн. Ю. М. Булгакова-Голицына – кн. Ю. И. Темкина 1549 г.¹¹ и два дела 1554 г. – князей М. Ф. Прозоровского и И. А. Стригина-Оболенского и князей Ф. И. Кашина и Д. И. Хилкова¹². Поскольку все три дела оставили следы своего делопроизводства в разрядах, это подтверждает нашу гипотезу о том, что в случае если в разрядах упоминаются документы из дела, то дело реально существовало. Однако

⁷ *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001. С. 79, 92, 223, 314, 360; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 543.

⁸ РК 1495–1605. Т. 1. Ч. 1. С. 330–331. (челобитная Пенкова и ответ ему).

⁹ РК 1475–1598. С. 168–169. РК 1495–1605. Т. 2. С. 35–36.

¹⁰ *Зимин А. А.* Государственный архив... С. 523. Ср. РК 1475–1598. С. 135–136 (без местничества); ПСРЛ. Т.13. СПб., 1908. С. 445: «Того же месяца декабря 30 приходил крымской царевич Имин Гирей калга со многими людьми... На украинские места Белевские и Одоевские... Тогда же быша там воеводы князь Петр Щенятев да князь Костянтин Шкурлятев да князь Михайло Воротынской, и распрешася о местех, и того ради не поидоша помогати тем местом; и того ради татарове попленивше многих людей, отъидоша».

¹¹ РК 1475–1598. С. 118 (имеется челобитная Голицына и ответная грамота); *Зимин А. А.* Государственный архив... С. 339.

¹² РК 1475–1598. С. 144, 146–147 (в обоих случаях наличествует делопроизводство по судам); *Зимин А. А.* Государственный архив... С. 492–496.

основной вопрос – почему в разряды не попали дела, указанные в ОЦА, остается открытым, ставя этим под сомнение сложившиеся представления о времени создания официальной редакции разрядов (Государева разряда), времени возникновения первых частных редакций разрядов, а также причин и времени появления тех или иных документов в Царском архиве.

Заметим, что при просмотре списка местнических дел с 1549 по 1552 гг.¹³, создается впечатление, будто из комплекса дел этого времени как бы хронологически «выбрали» определенный «кусочек» и переместили в Царский архив¹⁴. Причины этого перемещения, как уже говорилось, неясны. Разрядный дьяк И. Е. Цыплятев умер около 1569 г.¹⁵ Опись Царского архива, судя по филиграням, написана на бумаге 1567–1569 гг.¹⁶ Описание всех четырех ящиков, в которых хранились наряду с другими материалами и местнические дела, выполнено разными почерками, т.е., вероятно, разными авторами. Несколько разнится и манера описания документов. Всего современные исследователи насчитывают 6 или 7 почерков¹⁷, из которых ящик 145 описан почерком № 3, ящики 215 и 217 – почерком № 4, ящик 223 – почерком № 1. Автор описания ящика № 145 употребляет термин «дела судные о местех», перечисляя затем участников дел, а потом перечисляет номиналы, видимо, уже разрозненных документов: «памяти, челобитные и грамоты присыльные о местех» (л. 297–298). Автор описания ящиков № 215 и 217 в первом случае пишет просто «дело» (такого-то с таким-то), не упоминая, что оно местническое, а в одном случае даже пересказывая его, видимо, ввиду присутствовавшего в нем элемента служебного преступления (кн. И. Д. Бельский отклеил начальную часть присланного ему царского наказа, поскольку там были поименованы также его товарищи, князя И. Ф. Мстиславский и М. В. Глинский, видимо, чтобы казалось, что наказ прислан к нему одному (л. 340–341об.); во втором случае автор употребляет термины «дело о местех» и «грамота о местех» (л. 342 об. – 345 об.). Автор описания ящика № 223 не употребляет термин «дело», он пишет «грамоты», не всегда добавляя «о местех» и часто пересказывая их содержание; в этом ящике, очевидно, хранились черновые материалы – «грамоты черные воевоцкие о местех» (л. 349–351).

¹³ Реестр. № 80–105.

¹⁴ Из 23 дел за эти годы (Реестр. № 80–82, 84–89, 91–94, 96–101, 104–107) 13 попали в Царский архив (№ 81, 82, 84, 86–89, 91–93, 101, 104, 105), 6 – в разряды (№ 85, 94, 96, 98–100), 1 – в обоих источниках (№ 80), 3 – упомянуто в др. местнических делах (№ 79, 85, 100).

¹⁵ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 560.

¹⁶ *Петров К. В.* К изучению сборников с документами XIV – нач. XVII в. из собрания РНБ // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология.* СПб., 1999. С. 83; *Шмидт С. О.* Введение // ОЦА. С. 7.

¹⁷ *Петров К. В.* К изучению... С. 83–84.

Можно высказать предположение, что эти четыре ящика местнических и других дел составляли единый служебный архив (может быть, того же И. Е. Цыплятева) и перешли в Царский архив после его смерти. В таком случае отсутствие вышеуказанных дел в Государевом разряде может быть объяснено, например, внезапным отстранением Цыплятева от работы по его составлению, причем подготовительные материалы у него не забрали и они остались неиспользованными.

2.2. «Местнический архив» и описи Разрядного архива 1626, 1649–1653, 1668 гг.

Для того чтобы установить, как формировался «местнический архив», можно провести экспериментальное сопоставление реально сохранившихся донине дел и их фрагментов с комплексом описательных статей в описях 1626 и 1649–1653 гг. Эти описи неоднократно изучались исследователями как источник реконструкции состава Разрядного архива до пожара 1626 г. В 2001 г. К. В. Петровым осуществлена научная публикация всех этих описей, включая и впервые изданную опись Д. М. Башмакова 1668 г.¹⁸ Ю. Н. Мельников выдвинул гипотезу о существовании описи 1614 г., в распоряжении составителя которой имелись дела за 1575–1609 гг.; затем в 1626 г. эту часть описи, проверив сохранность дел, видимо, просто переписали, причем дела 1575–1609 гг. перечислены в хронологическом порядке и снабжены отметками о дьячьей приписи; затем были помещены недатированные дела за 1575–1602 гг., а вслед за ними – дела за 1614–1626 гг.¹⁹

Опись 1649–1653 гг. определяется Н. П. Лихачевым как «приказный оригинал»; Мельников по филиграням датирует ее бумагу 1651–1661 гг.²⁰ Начальная часть описей сходна, затем добавлено 51 дело, относящееся к периоду до 1649 г. Составители этой описи обнаружили ряд дел XVI в., которые, видимо, в 1626 г. не нашли; одно дело собрали воедино. Ряд описательных статей был выполнен более небрежно, чем в описи 1626 г.²¹

Последняя опись XVII в., в которой имеются местнические дела, – это опись 1668 г., составленная под руководством дьяка Д. М. Башмакова. Она сохранилась не полностью – отсутствует ее начало (несколько тетрадей первого тома), в которых и должны были находиться дела, перечисленные в описях 1626 и 1649–1653 гг. Однако начиная с л. 208 имеется реестр, озаглавленный: «Дела счотные в отечестве». По составу это совсем иные дела,

¹⁸ ОАРП. С. 33–37, 72–79, 152–154.

¹⁹ Мельников Ю. Н. Местничество... С. 33.

²⁰ Там же. С. 39.

²¹ Реестр. С. 22–23; ОАРП. С. 72–79.

даже за 1626–1649 гг.; причем более поздних дел всего 6 (за 1663–1664 гг.). Многие свидетельствуют о том, что этот реестр – дополнительный, поскольку на 46 описательных статей приходится 22 указания на то, что это «чорный» вариант²². Однако для наших целей в данный момент эта опись не может иметь существенного значения, поскольку мы лишены возможности узнать, какие дела добавлены были в ее основную часть в 1640–1660-е гг.

2.3. Опись 1626 г. и дела до пожара 1626 г.

В настоящее время в наличии имеются 27 подлинных дел и документов до 1626 г., включая записанные в официальные Книги Разрядные (далее – КР), а не только столбцовый материал, которые не попали ни в Опись 1626-го, ни 1649 г. Из них в разрядных книгах упомянуты 5 местнических дел, в Книги Разрядные (КР) записаны 16, причем это дела за «послесмутное» время²³.

Итак, часть дел не попала ни в какие разрядные записи еще до Смуты, когда фиксация должна была бы вестись значительно аккуратнее²⁴. Попытаемся найти объяснение этому факту. Два дела – маленькие записи местничеств князей Ф. М. Трубецкого – В. Ю. Голицына 1583 г. (2 л.), и князей Г. И. Долгорукого – В. И. Бахтеярова 1585/1586 гг. (6 л.)²⁵. Дело № 876, также незначительное по объему, практически не сохранилось (1 л.), к тому же оно велось в Посольском приказе (дьяк Г. Г. Желябужский – И. Т. Софонов, 1603 г.)²⁶. Крупные сохранившиеся дела из попавших в разрядные книги – это дела князей В. Ю. Голицына – И. П. Шуйского 1579 г. (99 л.) и Р. В. Алферьева – П. И. Головина 1583 г. (35 л.)²⁷. Из 16 дел, записанных в КР, все, вероятно, сгорели; только в семейном архиве уцелела краткая запись по одному из них – делу Ю. В. Вердеревский, И. П. Кологривов – кн. А. Ф. Гагарин 1617 г.²⁸ Еще одно дело также сохранилось только в родовом архиве, поскольку, вероятно, касалось городских

²² Ф. 210. Оп. 20. Д. 221. Л. 208–216; (здесь и далее: название архива указывается только в шифрах документов, хранящихся в др. архивах – ГБЛ, РГБ, СПб. ИИ РАН и пр., и опускается в шифрах документов РГАДА); ОАРП. С. 152–154.

²³ Реестр. № 1050, 1055, 1059, 1064, 1069, 1072, 1079, 1082, 1083, 1087, 1095, 1096, 1099–1101, 1107.

²⁴ Там же. № 386, 405, 593, 876.

²⁵ Там же. № 386, 405.

²⁶ Местничество при посольском церемониале часто фиксировалось, наверное, только в делопроизводстве Посольского приказа, например: в 1600 г., когда произошел конфликт между приставами при персидском после, «государь указал, и велел Петра Наумова челобитье записать в Посольском приказе». См.: РК 1495–1605. Т. 4. Ч. 1. С. 106.

²⁷ Реестр. № 288, 374.

²⁸ Там же. № 1083.

дворян (тулян)²⁹. Таким образом, к 1640-м гг. еще многие дела не были разысканы и не попали ни в описи, ни в разрядные книги.

2.4. Дела после 1626 г. в Описи 1649–1653 гг.

В данном случае можно провести сопоставление только реально сохранившихся местнических дел с описательными статьями Описи. Мы намеренно опускаем дела, известные по разрядным книгам лишь гипотетически, принимая во внимание только подлинное столбцовое дело-производство и записи в Записных книгах Московского стола Разрядного приказа. Из 31 отобранного таким образом дела можно сразу вычленить те, которые содержат документы, относящиеся к конфликтам, в которых участвовали «не разрядные» люди – представители городского дворянства. Таких дел всего 12–13. Это и типичные для верхушки «служилого города» конфликты с воеводами³⁰, и конфликты внутрикorporативные, и столкновения между корпорациями³¹, и дела «выдвинувшихся» родов против своих «захудавших», служивших «с городом» однородцев³². Сюда же можно включить и материалы обширного дела о назначении «знаменщиков» из числа городских дворян, повлекшего за собой несколько местничеств³³. Тематически к ним же можно отнести и весьма известное дело С. И. Кашкаров – С. Ф. Муравьев, связанное с «Поганой книгой»³⁴. Возможно, именно «не разрядностью», т.е. низким родословным статусом, следует объяснить и отсутствие как в книгах, так и в делах и описях дела «гости – дьяки», ни подлинник, ни список которого в настоящее время неизвестны³⁵. Невысокими назначениями «в головах» можно объяснить отсутствие еще ряда дел в Описи 1649–1653 гг., хотя среди местников попадаются представители знатных родов (Плещеевы, Шереметевы)³⁶. Некоторые дела сохранились, возможно, потому, что велись не Разрядом, а другими приказами – Посольским, Новгородской четвертью³⁷. В случае нужды Разряд посылал в другие приказы запросы о ведшихся там делах (например, в 1648 г. относительно дела Н. А. Зюзин – Б. И. Пушкин Посольский приказ отвечал на запрос Разряда

²⁹ Реестр. № 1088.

³⁰ Там же. № 1237, 1290, 1355, 1404–1406.

³¹ Там же. № 1375, 1423, 1490.

³² Там же. № 1408, 1413.

³³ Там же. № 1446, 1451, 1492, 1495; Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1079. Л. 1–45.

³⁴ Там же. № 1477.

³⁵ ПСЗ. Т. 1. № 247

³⁶ Реестр. № 1371, 1395, 1480.

³⁷ Там же. С. 1477.

о местничестве Г. Г. Пушкина с кн. А. М. Львовым при назначении в состав посольства в Польшу в 1643 г.)³⁸. Труднее объяснить отсутствие дел, участниками которых были заведомо члены государева двора, представители «разрядных» родов. Можно объяснить отсутствие в описи обширного (127 л.) дела князей Р. П. Пожарского – А. Д. Приимкова 1629 г.³⁹ небрежностью составителя, поскольку оно фигурирует уже в описи начала XVIII в. Два дела конца 1646 г. – В. В. Бутурлин – В. Б. Шереметев и кн. Ю. А. Долгорукий – В. П. Шереметев хранятся в одном столбце, правда, это небольшие записи (на 3 и 5 л.)⁴⁰. Краткостью (сохранился 1 л.) можно объяснить отсутствие записи о конфликте бояр, кн. А. В. Хилкова и И. П. Шереметева 1642 г., интересном тем, что они местничали как приказные судьи⁴¹. 53 «случая» занесены в сохранившиеся разрядные подлинники (КР); 31 «случай» был занесен в Записные книги Московского стола⁴². Возможно, с тех пор, как появилось это новшество в разрядном делопроизводстве (вопрос о начале ведения этих книг, как и о тематике записей в них, до сих пор остается нерешенным)⁴³, выражение «запись в разряд» стало обозначать и запись в них, а не только в официальные разрядные книги. Вообще ввиду отсутствия большей части последних за XVII в. соотношение между двумя этими элементами разрядного делопроизводства неясно.

Таким образом, сопоставление реально сохранившихся дел и их официальных записей с описательными статьями из сохранившихся описей показывает, что «полной» описи местнических дел не существовало никогда, ни на одном этапе функционирования этого института. Значительная часть местнических документов продолжала оставаться в ведении текущего делопроизводства Разрядного и некоторых других приказов, собирались же и выделялись в отдельное хранение лишь самые крупные дела. Нижеследующая таблица 2 составлена для свода воедино информации о реально существовавших на протяжении всего времени функционирования института местничества делах или делопроизводственных комплексах и для реконструирования гипотетического «местнического архива», реально никогда не существовавшего. В таблице, основанной на нашем Хронологическом реестре местничеств,

³⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 218. Л. 129.

³⁹ Реестр. № 1254.

⁴⁰ Там же. № 1450, 1452.

⁴¹ Там же. № 1409.

⁴² Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 7–12, 18, 23, 25, 26. В таблице не учитываются записи указов о безместии и т.д.

⁴³ Не прояснен он и в подробной монографии-обзоре: *Новохатко О. В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2001. С. 9–11.

по вышеизложенной методике сопоставляется материал всех вышеперечисленных источников: описей Царского архива, Разрядного архива 1626, 1649–1653, 1668 гг. и начала XVIII в., Посольского приказа, разрядных книг и сохранившиеся подлинные дела. В результате появляется более или менее репрезентативная картина, позволяющая оценить масштабы утрат документов на сегодняшний день и представить, как выглядел «местнический архив» в определенный исторический период.

Таблица 2

Реконструкция гипотетического состава «местнического архива» за XVI–XVII вв.

№ по Хронологическому реестру местнических дел	Разрядные книги	Подлинник в столбце или книге	Оп. Царского архива	Оп. Разрядного приказа 1626 г.	Оп. Разрядного приказа 1649 г.	Оп. Разрядного приказа 1668 г.	Оп. Архивная нач. XVIII в.	Прочие сведения
1	2	3	4	5	6	7	8	9
33								Посольск. кн.
35			+?					
37	+							
40	+							
45	+							
51	+							
60		+						Посольск. кн.
61			+					
62			+					ПСРЛ. Т. 13. С. 445
63	+?		+					
64			+					
65	+							
66	+							
69	+							
70	+							
80	+		+					

1	2	3	4	5	6	7	8	9
81			+					
82			+					
86			+					
87			+					
88			+					
89			+					
91			+					
92			+					
93			+					
97			+					
101			+					
104			+					
105			+					
110	+							
111	+		+					
112	+		+					
114			+					
115	+		+					
134			+					
135	+							
136	+							
137	+							
139	+							
140			+					
141			+					
142	+							
145			+					
152	+							
156			+					
157	+							
158			+					
159	+							
162	+							
164	+							
169	+							
171	+							
182	+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9
191	+							
192	+							
195	+							
204	+							
205	+							
206	+							
208	+							
212	+							
213				+	+	+		
214				+	+			
215	+							
220	+							
230		+		+	+	+	+	
231	+							
235	+			+	+			
237	+							
239	+							
245	+							
249	+							
253	+							
262	+							
263	+							
267	+							
268	+							
275				+				
278	+							
279	+			+	+			
285	+	+						
288	+	+		+	+			
289	+							
290	+							
292	+							
294	+							
295	+							
299	+							
300	+							
303	+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9
314	+							
315	+							
327	+							
328	+							
331	+							
335	+							
340	+							
347		+		+	+			
348	+			+	+			
351	+							
352	+							
353	+							
356	+							
358	+							
359	+							
360	+							
370	+							
372	+							
374	+	+						
383	+							
386		+						
389				+	+			
391	+							
392		+			+			
403					+			
404	+							
405	+	+						
407	+							
408	+							
409	+							
410					+			
411					+			
412					+			
415	+							
416	+							
417	+							
418	+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9
419					+			
420					+			
422	+							
423	+							
424	+							
425	+							
436	+							
437	+							
438	+							
446	+							
447	+							
451	+							
453	+							
454	+			+	+			
455	+			+	+			
458	+							
460	+							
463	+							
471	+							
472	+							
473	+							
460	+							
463	+							
471	+							
472	+							
473	+							
474	+							
475	+							
476	+							
478	+							
480	+							
482	+							
483	+							
487	+							
491	+							
492	+							
493	+	+						

1	2	3	4	5	6	7	8	9
494	+							
499	+							
500	+	+		+	+			
501	+							
503	+							
504	+							
508	+							
512	+	+		+	+		+	
513	+							
515	+	+		+	+			
519	+							
521	+							
522	+							
524	+							
527	+							
528	+							
529	+	+		+	+			
532	+							
534	+							
535	+							
536	+			+	+			
538	+			+	+			
541	+							
542	+			+	+			
543	+			+	+		+	
544	+							
548	+							
549	+							
553	+							
554	+							
555	+							
557	+							
558	+							
561	+							
562	+							
563	+							
565	+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9
567	+							
570	+							
571	+							
576	+							
578	+							
579	+							
583	+							
586	+							
591	+							
593	+							
595	+							
602	+			+	+			
614	+							
615	+							
616	+							
618	+							
630	+							
633	+	+		+	+		+	
638	+			+	+			
641	+							
645	+							
647	+							
650	+							
651	+							
653	+							
664	+			+	+			
666	+							
668	+							
669	+							
681	+			+	+			
684	+			+	+			
686	+	+						
688	+							
690	+			+	+		+	
691	+							
692	+							
693	+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9
697	+							
680	+			+	+			
704A	+							
706	+	+		+	+			
708	+	+						
709	+	+						
710	+	+						
711	+	+						
720	+							
723	+							
726	+							
727	+							
728	+							
742	+							
747	+							
748	+							
753	+							
760	+							
761	+							
764	+							
766	+							
767	+							
768	+	+		+	+			
770	+			+	+			
773	+							
779	+							
780	+	+		+	+			
781	+							
782	+							
783	+							
784	+	+		+	+		+	
785	+							
787	+							
789	+							
794	+			+	+			
796	+?	+		+	+			
800				+	+			

1	2	3	4	5	6	7	8	9
802	+			+	+			
804	+							
805	+	+		+	+			
826	+				+			
827	+							
841	+	+		+	+			
847	+							
861	+							
861a				+	+			
864	+							
871	+			+	+			
872		+		+	+			
876		+						
885	+							
886	+							
887	+							
891	+							
892	+							
895	+							
898	+							
906	+			+	+			
909	+							
910	+							
915	+							
918	+							
923	+							
927	+							
937	+							
938	+							
940	+							
941	+	+						
949	+							
950	+							
951	+							
953	+							
956	+							
958	+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9
959	+							
960	+	+		+	+			
961	+							
962	+							
969	+							
970	+							
973	+							
976	+							
978	+							
983	+				+			
986	+	+						
988	+							
993	+							
994	+							
996	+							
997	+							
998	+							
1000	+							
1001	+							
1002	+							
1003	+							
1004	+							
1009	+							
1013	+							
1016	+							
1017	+							
1019	+							
1020	+							
1022	+							
1023				+	+			
1024					+			
1028					+			
1029	+				+			
1034	+				+			
1035	+				+			
1037					+			
1040	+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1041		+						
1046	+							
1047	+							
1049				+	+			
1050	+	кр						
1053	+	кр				+		
1055	+							
1057		кр						
1059	+	кр						
1063	+							
1064	+	кр						
1067	+							
1068		кр						
1071	+	+			+	+		
1072	+							
1074	+	кр						
1076	+	кр			+	+		
1078	+	кр			+	+		
1079	+							
1080	+				+	+		
1080а	+	кр						
1081	+							
1083	+	кр сп						
1087	+	кр						
1088	+	сп						
1089				+	+			
1091	+	кр		+	+			
1092				+	+			
1093	+				+			
1095	+	кр						
1097	+							
1099	+	кр		+	+			
1100	+	кр						
1101	+	кр						
1105	+							
1106	+							
1107	+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1109	+							
1116	+							
1117	+							
1121	+							
1123	+	+ кр		+	+			
1124		+						
1125	+							
1130	+	кр		+	+			
1131	+	кр						
1133	+	кр						
1135		+		+	+			
1140	+					+		
1141	+	кр						
1145	+							
1147						+		
1148	+	+		+	+			
1152	+				+			
1154	+							
1158	+							
1160	+							
1161	+	+		+	+			
1162	+	кр		+	+			
1165	+							
1166	+							
1170	+	+		+	+			
1171	+							
1172	+	+ кр		+	+			
1175		кр						
1176	+			+	+			
1179	+	+ кр		+	+			
1180	+			+	+			
1181	+	кр		+	+			
1182	+			+	+			
1183	+			+	+			
1187	+							
1192						+		
1193						+		

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1194	+	+ кр		+	+			
1195	+	+ кр		+	+			
1196	+			+	+			
1199		кр						
1200	+							
1201	+	кр		+	+			
1202	+			+	+			
1204	+	кр		+	+			
1211	+					+		
1212	+					+		
1215	+					+		
1212	+					+		
1216	+							
1221	+	+ кр			+	+	+	
1222	+	зк						
1223	+							
1225	+	+ кр				+		
1226	+	+ кр				+		
1227	+	+ кр						
1228	+	+ кр				+		
1229	+	+ кр						
1230	+	+ кр			+	+		
1231	+	+ кр			+	+		
1232	+	+						
1234	+	+						
1237		+						
1238						+		
1239					+			
1240		+			+			
1242		+			+	+		
1243	+	кр						
1244	+	кр			+			
1245	+	кр						
1247	+	кр						
1248	+	кр			+			
1252					+			

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1253	+							
1254	+	+					+	
1260	+				+			
1263	+	кр			+			
1265	+				+			
1267	+							
1275	+				+			
1277	+							
1281a		+						
1285	+	+			+	+	+	
1287	+							
1290		+						
1294	+	+			+	+		
1296	+	+ сп						
1297	+							
1298	+	+						
1299	+	кр				+		
1300	+	кр						
1302		кр						
1318a		+						
1320	+	+ кр				+		
1322	+	+						
1323						+		
1324					+			
1325	+					+		
1326	+				+			
1329	+				+			
1330	+							
1334	+							
1335		+						
1336		+						
1342	+				+			
1350	+	кр						
1352	+							
1355		+						
1359	+							
1360	+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1361		+				+		
1365	+				+			
1369		+				+		
1370						+		Оп. Пос. пр. 1673
1371		+						
1374	+				+	+		
1375		+						
1378	+							
1379	+	+			+	+	+	
1380	+					+		
1381	+					+		
1385	+				+			
1387	+				+			
1390	+							
1394	+				+	+		
1395		+						
1396	+							
1398	+				+	+		
1399	+	+			+			
1400	+	+			+		+	
1404		+						
1405		+						
1406		+						
1407a		+						
1408		+						
1409	+	+						
1410						+		
1411					+			
1412					+			
1413		+						
1415	+	+			+			Оп. Пос. пр.1673
1417a		+						
1418					+			
1420	+	+						
1423		+						

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1424	+							
1425	+				+			
1428	+							
1433	+							
1439	+						+	
1443	+							
1444	+	+						
1446		+						
1449a		+						
1450	+	+						
1452	+	+						
1455	+	+				+	+	
1456	+							
1457	+	ЗК						
1458					+			
1460	+					+		
1463		+				+		
1466	+							
1467		ЗК						
1468	+	+			+			
1468a		ЗК						
1469		ЗК						
1471	+	+			+	+	+	
1472		ЗК						
1473	+	+			+		+	
1474		+ ЗК						
1475		+ ЗК						
1476a		+						
1477		+ СП						
1480		+						
1481		+ ЗК						
1482	+	+			+	+		
1483	+	ЗК						
1487	+	+				+		
1490		+			+		+	
1491	+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1492		ЗК						
1493		+						
1495		+						
1496		ЗК						
1499		ЗК						
1500		+						
1501	+							
1504	+							
1505	+							
1507		ЗК						
1509	+	ЗК				+		
1510		ЗК				+		
1512		+						
1514		ЗК						
1518		ЗК						
1519		+						
1523	+							
1525	+	+						
1530	+							
1531	+							
1532		+						
1534	+							
1539	+	ЗК						
1540		+						
1545		+						
1547		ЗК						
1547a		+						
1548	+	+						
1550	+	+						
1551	+	кр						
1556	+							
1557	+	+						
1560	+							
1561	+							
1566		+						
1568		+					+	
1569		+					+	

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1570		+						
1571	+							
1571a		+						
1572	+	+						
1573	+	+						
1575	+							
1576		+						
1577	+	+						
1578		+						
1579						+		
1580		+						
1581		+						
1584	+	+						
1585		ЗК						
1587		+						
1589		+						
1591	+	+						
1591a		+						
1592	+	+						
1594	+	ЗК						
1595		ЗК						
1597		+						
1598	+	+ ЗК						
1600	+	ЗК						
1603	+	ЗК						
1605		+						
1606	+							
1607	+	+ ЗК						
1608	+							
1610		+						
1611	+							
1612	+							
1615	+	ЗК						
1616	+	ЗК						
1617		+ ЗК						
1618		+						
1619	+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1620		+						
1626	+							
1627		+						
1628		+						
1629		+						
1630		+						
1632		+						
1632a		+						
1633		+						
1633a		+						
1634		+						
1635		+						
1636		+						
1636a		+						
1640	+							
1641	+							
1641a		+						
1644	+	+						
1645	+							
1647		+						
1649		+						
1649a		+						
1649б		+						
1650	+	+						
1651		+						
1653	+	+						
1655		+						
1656		+						
1658a		+ сп						
1660		+ зк						
1662		+						
1664	+	+						
1668		+						
1671		+						
1672		+						
1673		+						

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1675		+						
1676		+						
1677		+						
1677a		+						
1678		+						
1679		+						
1680		+						
1682		+						
1683		кр						
1684		+						
1685		+						
1686		+						
1687		+						
1691		+						
1695		+						
1698		+						
1699	+	зк						
1701	+							
1702		+						
1706		+						
1708		+ зк						
1710		+						
1712	+							
1713	+							
1714	+							
1717	+	зк						

Сокращения:

зк – Записные книги Московского стола Разрядного приказа (опубликованные и неопубликованные);

кр – Книги разрядные по официальным оных спискам изданные с Высочайшего соизволения II Отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии. Т. I–II. СПб., 1853–1855;

Оп. Пос. пр. 1673 г. – Опись архива Посольского приказа 1673 г. Подгот. к печ. В. И. Гальцов. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990;

сп. – список;

+ наличие дела;

+ зк, + кр – наличие подлинного дела в двух формах: в столбце и его официальной записи в книге.

Посольск. кн. – посольские книги;

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей;
1281а – № дела, выявленного позднее публикации «Реестра»;
? – предположительно.

2.5. Проверка в Разрядном приказе сведений по хранящимся в его архиве местническими делам

О том, насколько были востребованы хранящиеся в архиве Разрядного приказа местнические дела, могут поведать казусы их использования в местническом судопроизводстве. Проанализировав имеющийся в нашем распоряжении материал подлинных местнических дел и их записей, мы выяснили, что проверка подобного рода велась достаточно редко. Нам известно всего 15 дел, в которых представленные сведения проверялись с привлечением других местнических дел из того же архива. В декабре 1575 г. Ж. И. Квашнин, тягаясь с Л. А. Бутурлиным, рассказывал о местническом деле своего дяди Андрея Ильича с Нечаем Дмитриевичем Бутурлиным, происходившем спустя год-два после «казанского взятия», т.е. примерно в 1552/53 г. Не удовлетворенный первоначальным решением, А. И. Квашнин через год опять бил челом: «И дядя мой слался на судное дело, как судил Ондreja с Нечаем... Иван Васильевич Большой Шереметев да дьяк Иван Безсонов, и Нечаеву челобитную, что в суде боярина Ивана Васильевича. И по тот судной список боярин князь Юрий Иванович Кашин к Ивану Васильевичу посылал и твой государев боярин Иван Васильевич то судное дело прислал... И ты, государь, слушав суда, Ондreja оправил, а Нечая Бутурлина обинил»⁴⁴.

Запрашивали местники подобную проверку чаще, чем находили эти дела. Так, Р. В. Алферьев в деле с кн. Г. О. Засекиным в 1589 г. просил «проверять по суду» – по его же делу 1572 г. с кн. В. В. Литвиновым-Масальским⁴⁵, но последнее даже не стали искать – падение опричного канцлера было предreshено. Не отыскивали это дело и спустя почти 100 лет, в 1676 г., когда местничали Г. Л. Кобяков и кн. И. М. Кольцов-Масальский – «Романа Олферьева дела с Масальским в Розряде не сыскано»⁴⁶; причем почему-то не использовали хотя бы дело 1589 г., имеющееся в наличии там же и по сей день. Случаев, когда отвечали «не сыскано», а в действительности дело имелось, не встречается. Не были сысканы запрошенное при местничестве кн. Буйносовых с кн. Ф. А. Елецким в 1632–1635 гг. дело А. Я. Измайлов – кн. И. М. Елецкий 1582 г.⁴⁷, а также запрошенное

⁴⁴ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 2. С. 390.

⁴⁵ МДЛ. С. 30.

⁴⁶ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 4. Л. 4, 44.

⁴⁷ Там же. Оп. 13. Ст. 59. Л. 142.

при местничестве Пушкиных с кн. Долгорукими в 1651–1652 гг. дело И. М. Меньшой-Пушкин – кн. Д. М. Пожарский 1613 г.⁴⁸ В 1648 г. по делу Бутурлины – кн. А. И. Буйносов «судново дела князь Михайла Гвоздева в отечестве с Фомою Бутурлиным в Розряде не сыскано»⁴⁹. Если комиссия решала обратиться к поиску прежних дел, то это могло оформляться специальным указом: «И государь... и патриарх... слушав челобитную... (в данном случае – С. Г. Коробьина и А. В. Измайлова. – Ю. Э.), указали в Розряде сыскать прежнее дело, как во 123 году Семен Коробьин бил челом на окольного на Ортемья Измайлова в отечестве, и Семенова Коробьина и Артемья Измайлова случаи, каковы у них случаи по государеву указу взял боярин Василей Петрович Морозов да дьяк Михайло Данилов, и тово дела указал государь... слушать и против случаев сыскивать боярину князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому да дьяку Михайлу Данилову»⁵⁰. Стоит заметить, что проверку в приказе по самому делу не всегда можно отличить от проверки по иным документам.

Нами учтены только бесспорные формулировки, например записи типа: «Выписано из дела... как тягались о отечестве...»⁵¹, или «...и то дело без дьячей приписи»⁵². В некоторых случаях в новое дело включалось в подлиннике или в конспекте дело тех же лиц или тех же родов более раннего времени. Например, в дело князей А. И. Голицына и А. И. Шуйского 1582 г. включена выписка из дела князей В. Ю. Голицына – И. П. Шуйского 1579 г.⁵³; в дело Ф. И. Колтовского – кн. Ф. Ф. Волконского 1660 г. включена выписка из дела С. В. Колтовский – кн. Г. К. Волконский 1627 г.⁵⁴ Всего у нас имеются сведения о проверке 16 дел по 35 делам с 1589 по 1677 г. из имевшихся в приказном архиве (см. табл.). Из вышеуказанных 35 дел сохранилось 14; в описях Разрядного приказа отражено еще 9 дел, не дошедших до нашего времени. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что приказные дьяки предпочитали по возможности использовать не сами дела, а их экстракты в разрядных книгах. Даже в деле Колтовского с Волконским 1660 г. компетентнейший дьяк В. В. Брехов, сам опытный местник, обратившийся к материалу 1627 года, воспользовался не только подлинником дела, но и разрядной выпиской⁵⁵. Судя по всему, к архивным делам обращались только в самом крайнем случае, либо

⁴⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 245. Стп. 3. Л. 304–305..

⁴⁹ Там же. Ст. 217. Л. 233–234.

⁵⁰ Там же. Оп. 12. Ст. 12. Л. 15.

⁵¹ Русский исторический сборник. Т. 2. С. 57–58 (Дело кн. А. И. Голицын – кн. А. И. Шуйский 1582 г.). Далее – РИС.

⁵² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 245. Л. 319 (Дело Пушкины – кн. Долгорукие 1651–1652 гг.).

⁵³ РИС. Т. 2. С. 57–58.

⁵⁴ Ф. 141. Оп. 1. 1660 г. Д. 151. Л. 1–7.

⁵⁵ Там же. Л. 8–11.

когда не хватало материалов разрядных книг, либо когда узел противоречий, возникших между влиятельными родами (Голицыны, Шуйские, Волконские, Лыковы, Пожарские и пр.) было особенно сложно распутать.

2.6. Проверка в Разряде дел по документам архивов других приказов

Местническое разбирательство велось в основном силами аппарата Разрядного приказа, однако не всегда, поскольку, в зависимости от того, кому из думных чинов была поручена комиссия, следствие могло вестись в канцелярии учреждения, которое в то время возглавлял этот думный чин, или там, где в данный момент служили местники. Например, дело «гости – дьяки» 1659 г. велось в Приказе Большой казны, дело дьяков В. В. Брехова – А. И. Козлова – в Приказе сбора пятой деньги и т.д.⁵⁶ В зависимости от конкретных нужд комиссия запрашивала разные приказы о службе местников. Чаще всего запрашивался Посольский приказ, что объяснимо – строго регламентировавшееся участие в разнообразных и многолюдных посольских церемониях позволяло определить соотношение рангов родов и лиц. Помогало и образцово ведшееся в приказе делопроизводство, посольские книги и дела, имевшиеся там практически с конца XV в. В 1623 г. по делу А. Ф. Наумов – кн. В. Р. Барятинский послана память в Посольский приказ, «чтоб выписать из посольских книг и из отпусков, 7020, 29, 30, 31 годов и в иных годех»... «Василей Григорьев да Федор Григорьев Наумовы в Крым в послах посылаемы ли были, и в боярях и в окольничих или в дворянх...» – далее спрашивалось, посылались ли к ним В. А. Филиппов и Я. Нармацкий, и перечислялись все дипломатические случаи для проверки⁵⁷. В 1627 г. проверялся случай И. В. Благого, «пригонял» ли в приказ от его дяди с грамотой И. Мясной в 1584/85 г., а также присылался ли к тому же дяде, Борису Благому, в 1586/87 г. на Белую с грамотой для проводывания зарубежных вестей А. И. Наумов⁵⁸. По делу князей Буйносовых – Ф. А. Елецкого 1632–1635 гг. сохранились справки из Посольского приказа за приписью дьяка И. Грязева – очень подробная о разряде встречи имперского посла в Можайске 29 ноября 1576 г. с подтверждением участия в ней кн. Д. П. Елецкого и с сообщением об отсутствии сведений относительно того, кто был приставом при встрече Льва Сапеги в

⁵⁶ Эскин Ю. М. «А Василей сказал, то де Артемей замыслил воровски...» Документы о местничестве приказной бюрократии // Исторический архив. 1993. № 2. С. 190. Далее – ИА.

⁵⁷ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 16. Ч. 2. Л. 57–58. Ответа Посольского приказа в деле нет.

⁵⁸ Там же. Ст. 28. Стп. 1. Л. 24, 37. Ответ также не сохранился.

1600/01 г.⁵⁹ В январе–феврале 1628 г. проверялись случаи дипломатической службы Волконских и Колтовских, в том числе «по Турским книгам 100-го году»⁶⁰. В 1643 г. К. А. Трусов просил проверить по старым, хранящимся в Посольском приказе отпускам участие своего прадеда в посольствах к римскому папе Клименту VII в 1526/27 г. и к королю Сигизмунду II Августу в 1534 г., но в разбирательстве ему было вообще отказано⁶¹. 30 августа 1603 г. посольскому дьяку И. Т. Грамотину Разряд поручил выяснить, было ли на датском рубеже дело между князьями Ф. П. Барятинским и Д. Г. Аксак-Бельским⁶². Ответ не сохранился, но они действительно местничали⁶³. В 1648 г. Н. А. Зюзин, местничая с окольниковым Б. И. Пушкиным, заявил, что по возвращении в 1642 г. кн. А. М. Львова и Г. Г. Пушкина из посольства в Польшу стольник Ф. И. Леонтьев был прислан от царя «спрашивать о здоровье» только кн. Львова (тем самым намекая на неблаговоление ко второму послу, Г. Г. Пушкину). В Посольском приказе это проверял сам его глава, дьяк Алмаз Иванов, приславший в Разряд целых две памяти: выпись об отправлении посольства и о том, что «как велено встречать – не написано»⁶⁴ – так что ответ опытного дипломата тоже прозвучал весьма «дипломатично». В 1651–1652 гг. в связи с делом Пушкины – князя Долгорукие посылались памяти и давались на них ответы о приставах при польских послых в 1647/48 и 1650/51 гг. и при имперских послых Я. Кобенцле и Д. Принце⁶⁵. В архиве Посольского приказа сохранился также целый ряд справок – памятей, которые, возможно, готовились для местнических разбирательств; к таковым, например, относится память о старшинстве дьяков Г. Г. Желябужского и И. Т. Софонова на посольской встрече в 1603 г.⁶⁶, в ответ на запрос 1667 г. Большая часть справок просто информирует о службах того или иного лица. Запрашивались и другие приказы, в частности подчиненный Посольскому Малороссийский. В 1668 г. в связи с местничеством четырех сотенных голов – Ф. Г. Засецкого, Е. Е. и Р. Е. Яковлевых и Л. Н. Кобякова против второго воеводы М. М. Дмитриева, разрядный дьяк Ф. Л. Шакловитый запрашивал Малороссийский приказ о том, кто были головами стрельцов в 1662–1663 гг.

⁵⁹ Ф. 210. Оп. 13. Ст. 59. Л. 42–60, 101.

⁶⁰ Там же. Оп. 9. Ст. 559. Л. 97–106, 237–239.

⁶¹ Эскин Ю. М. Местническое дело К. А. Трусова – кн. Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство XIV–XVII вв.: Сб. ст., посвященный 75-летию Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 304, 307.

⁶² Ф. 210. Оп. 17. Ст. 5. Л. 39 (в связи с делом кн. Д. Г. Аксак-Бельский – кн. И. Г. Звенигородский).

⁶³ РК 1475–1605. Т. IV. Ч. 1. С. 138.

⁶⁴ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 218. Л. 119, 121, 129–130.

⁶⁵ Там же. Ст. 245. Стп. 3. Л. 287–288.

⁶⁶ Ф. 138. Оп. 1. 1667 г. Д. 1. Л. 1.

у Дмитриева, тогдашнего воеводы в Нежине. Выяснилось, что «ис переписной книги и ис столпа прошлого 173-го году по указу и памяти великого государя... в Нежине стольник и воевода Михайло Дмитриев, а с ним были во 171-м и во 172-м годах головы стрелецкие Михайло Полянской, Борис да Павел Глебовы, а во 180-м году со стольником... Михайлом Дмитриевым те головы были ль, того в Приказе Малыя России не сыскано»⁶⁷. В 1677 г. в том же приказе наводились справки по делу Т. Б. Булгаков – окольничий И. И. Ржевский, которые замещали на воеводстве в Переяславе⁶⁸. Если речь в тяжбе шла о воеводствах в Поволжье и Сибири, то Разряду приходилось наводить справки в приказах Казанского дворца и Сибирском. В 1620 г. Я. А. Демьянов говорил про своего соперника И. П. Писемского: «А он... меня моложе, и у государевых дел не бывал. А как послан в Сибирь, и ему дан наказ ис Казанского дворца без воевоцкой имени, з замаранным “вичом”, по ево молотчеству, да о том ево и челобитья не было»⁶⁹. В доказательство своих слов местник приводил упомянутую грамоту, а также свои наказ и память на воеводство в Березов 1620 г.⁷⁰; сведений же о проверке дела в приказе не сохранилось.

Б. И. Пушкин, местничая в 1648 г. с Н. А. Зюзиным, привел случай воеводства своего родственника в Тобольске в начале XVII в.: «И та память в Приказе Казанского дворца за дьячьей приписью и ныне есть», – утверждал он. Однако за истекшие годы возник новый приказ, к которому перешло управление Сибирью, туда из Казанского дворца был передан относящийся к этой территории архив. И действительно, из Сибирского приказа пришел ответ: «В нынешнем 7156-м году апреля в 9 де в памяти в Разряд к диаком из Сибирского приказа за приписью дьяка Григорья Протопопова написано: в 109 году из Тобольска воеводам Федору Ивановичю Шереметеву да Остафью Михайловичю Пушкину да дьяку Тимофею Кудрину велено князя Василья Масальского да голову Савлука Пушкина отпустить в Мангазею на князь Мироново место Шаховского... и наказ дати подлинной против государева указу»⁷¹. Другой факт проверки в Казанском приказе имеется в том же деле. И. Н. Пушкин и Н. О. Зюзин были посланы, по словам

⁶⁷ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1032. Л. 2, 25–42.

⁶⁸ Там же. Оп. 9. Ст. 532. Стп. 5. Л. 132–134.

⁶⁹ Там же. Ст. 17. Л. 14.

⁷⁰ Там же. Л. 25–28. MOM. С. 442–448; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. С. 153–161.

⁷¹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 218. Л. 156. Это назначение подтверждается разрядной записью: «А по государеву указу велено послати из голов князя Василья Масальского да Савлука Пушкина в Мангазею на перемену князю Мирону Шаховскому да Данилу Хрипунову». См.: РК 1550–1636. Т. II. Ч. 1. С. 186. По другим данным, в это же время в Тобольске по указу, полученному из Приказа, разбирался конфликт между первым воеводой Ф. И. Шереметевым и дьяком Т. Кудриным. См.: РК 1475–1605. Т. IV. Ч. 1. С. 126.

Б. И. Пушкина, переписывать дворы на территориях, подведомственных Казанскому дворцу. По проверке это подтвердилось: «я 7156-го апреля в 8 де в памяти в Розряд к диаком ис Казанского дворца за приписью диака Томилы Перфильева написано: “казанец Микита Зюзин в 154-м году из Казани от стольника и воеводы князя Михайлы Пронского да от Ивана Пушкина посылали на Самару, и в Самарском уезде переписывал на посаде всяких жилецких, и в уезде в вотчинах и поместьях, в селах и деревнях крестьянских и бобыльских дворов и всяких людей, и те книги из Казани присланы к государю к Москве за Микитиной рукою Зюзина”»⁷². Таким образом, была подтверждена не только подчиненность Зюзина, но и его статус как городского дворянина. В 1666 г. из того же приказа в Разряд посылалась память в связи с местничеством И. Ф. Бутурлина, назначенного вторым воеводой в Астрахань, с тамошним первым воеводой боярином кн. И. С. Прозоровским⁷³. Дворцовый Конюшенный приказ запрашивали в связи с делом дьяков В. В. Брехова – А. И. Козлова в 1664 г.: «А в списках Конюшенного чину стремянные конюхи Артемей Козлов, Василей Брехов писаны по окладом, а статьями первой и меньшей не расписаны»⁷⁴. По этому же делу запрашивались Иноземский, Монастырский, Челобитенный приказы, где служили местники⁷⁵. В связи с представлением документов о службе губных старост запрашивался Разбойный приказ. В 1623 г. А. Ф. Наумов утверждал, что предок кн. В. Р. Барятинского был губным старостой на Кашире. Когда же глава судебной комиссии боярин кн. Н. И. Одоевский велел уточнить время этой службы, местник просил искать сведения в Разбойном приказе, однако у нас нет данных, что справка эта наводилась⁷⁶. И. П. Писемский в 1620 г. ссылался на Поместный приказ, где в старых писцовых и переписных книгах должны были быть данные о двоюродном брате его местника, Я. А. Демьянова, у которых с ним «вопче» было поместье в Курмышском уезде, причем один из этих кузенов Демьянова якобы был попом, а принадлежность к белому духовенству считалась серьезной «потерькой» дворянской чести⁷⁷. Сведений

⁷² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 218. Л. 185.

⁷³ Там же. Ст. 378. Л. 12–13.

⁷⁴ ИА. 1993, № 2. С. 194.

⁷⁵ Там же. С. 190.

⁷⁶ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 16. Л. 56, 57.

⁷⁷ Там же. Ст. 17. Л. 37–37а. Причиной презрения служилых людей «по отечеству» к белому духовенству, видимо, являлось положение, при котором оно, имея семьи и «самовоспроизводясь», являлось автономной социальной группой, происходившей из любых, в том числе тяглых слоев населения и даже холопов. Причем, в отличие от католиков или протестантов, священнику был заказан путь в высшую церковную иерархию, поскольку епископом мог стать только монах (возможно, поэтому дворянство шло в монахи, но не в священники), тогда как католический священник мало отличался от монаха, а протестантские епископы могли быть женаты.

о проверке в Поместном приказе также не сохранилось. В доказательство своего высокого происхождения Писемский предъявил, в частности, грамоту Ивана IV С. К. Писемскому на вотчину, выданную в Александровой слободе в 1575 г.⁷⁸ В Холопьем приказе проверялись сведения по обвинению жильцом Г. Б. Врасским жильца К. Ф. Пашкова в том, что после Смуты потомки известного Истома Пашкова «стали в рассеянье и закоснение», о чем ему поведал некий боярский холоп, заявивший, что он сам член этого рода⁷⁹.

Роль приказного аппарата не ограничивалась пассивной выдачей справок по требованию судей. Хотя большинство дел велось в Разрядном приказе, но целый ряд конфликтов, особенно связанных с дипломатическими назначениями, разбирался сразу в Посольском приказе. Даже сейчас в фондах-коллекциях, на которые разделился архив приказа, хранится не менее 15 местнических дел и их фрагментов. Так, в нем разбирались дело Л. Г. Сумина-Курдюкова с кн. В. Г. Ромодановским (особенно известное по фрагменту – голословному обвинению кн. Д. М. Пожарского в том, что он в 1613 г. претендовал на престол)⁸⁰; бояр кн. Ю. А. Сицкого – М. М. Салтыкова (назначенных к встрече посла)⁸¹; Ф. И. Колтовского – кн. Ф. Ф. Волконского 1660 г. (назначенных в посольство)⁸²; и даже мелких служилых людей, игравших весьма незначительную роль в переговорах того же года, – Ф. Отрослева и Д. Остафьева, готовивших место для встречи с польской делегацией⁸³. Известное дело С. И. Кашкаров – С. Ф. Муравьев разбиралось сначала в Новгородской четверти, поскольку местники относились к новгородской городской корпорации, а затем во Владимирском судном приказе – городское дворянство рассматривалось властями все же как объект и субъект скорее «отеческого бесчестья», чем местничества⁸⁴. То же можно сказать и о деле коломенских служилых людей Огалиных и С. В. Норова 1648 г., проходившее по Московскому судному приказу и затребованное оттуда в Разряд в июне 1651 г.⁸⁵ Перешло в Разряд и вышеупомянутое дело дьяков А. И. Козлова и В. В. Брехова, проходившее сначала в Приказах денежного сбора и Монастырском.

⁷⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 17. Л. 38–39.

⁷⁹ Там же. Оп. 13. Ст. 209. Л. 11. Применительно к Истому Пашкову и его потомкам это было наветом, так как за переход на сторону Шуйского он получил большие поместья. См.: *Князьков С. Е.* Материалы к биографии Истома Пашкова и истории его рода // АЕ за 1985 г. М., 1986.

⁸⁰ Ф. 159. Оп. 2. Ст. 352. Л. 1–13.

⁸¹ Ф. 141. Оп. 1. Ч. 2. 1646 г. Ст. 34. Л. 1–38; Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 1. СПб., 1864. № 48. Далее – АЮБ.

⁸² Ф. 141. Оп. 1. Ч. 4. 1660 г. Ст. 151. Л. 1–19.

⁸³ Там же. Ст. 26. Л. 5–6.

⁸⁴ Там же. 1647 г. Ст. 14; 1648 г. Ст. 145.

⁸⁵ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 284. Л. 59–69.

С повышением удельного веса регулярных воинских формирований появляются аналогичные конфликты, разбиравшиеся уже в Стрелецком приказе. В 1677 г. стрелецкий полковник стольник С. Грибоедов бил челом о выполнении указа от 24 февраля 1676 г. о том, что полковники и головы московских стрельцов ведаются «в полках и в посылках з бояры и воеводы с первыми без товарищев». Грибоедов просил выдать ему аналогичную грамоту, каковую он бы мог предъявить первому воеводе боярину кн. Г. Г. Ромодановскому. Разрядный приказ удовлетворил просьбу Стрелецкого приказа и грамоту выдал⁸⁶.

2.7. Родовые архивы местников и их использование в тяжбах и для пополнения Разрядного архива

Архивы русских дворянских родов изучались преимущественно в двух аспектах. Б. Н. Морозов исследовал проблему в комплексе, преимущественно на базе более или менее сохранившихся значительных фрагментов родовых архивов и упоминаний их в различных источниках. Автора они интересовали во всех аспектах, как землевладельческом, так и культурном и служебном, поскольку он включил в исследование и фонды монастырей, куда зачастую вместе с вотчинами переходила и владельческая документация, а также собрания памятников книжности. В последних, а именно в разрядных, родословных, летописных и других сборниках, многие из которых восходят не к духовной корпорации (монастырю или собору), а к определенному светскому лицу, сохранились также фрагменты личных и семейных архивов, поскольку автор-компилятор фиксировал деяния своего рода для местнических и иных нужд и копировал важные с его точки зрения документы⁸⁷. Количественный прорыв совершил в данной теме А. В. Антонов. Путем фронтального просмотра столбцов Поместного приказа XVII в. (за 10 лет он изучил несколько сотен тысяч документов), а также материалов Герольдии и других собраний он выявил более 1700 актов XIV – начала XVII в. (до 1613 г.), реконструировав фрагменты архивов нескольких сотен родов, не затрагивая документы из монастырских архивов и более поздние материалы⁸⁸. Это преимущественно землевладельческие документы, хранящиеся в виде копий, представленных в приказ в качестве доказательств на право владения вотчиной. Среди них имеется некоторое

⁸⁶ Ф. 210. Оп. 14. Ст. 310. Л. 255–261.

⁸⁷ Морозов Б. Н. Частные архивы русских феодалов XVII в.: Дисс. канд. ист. наук. М., 1984.

⁸⁸ Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002.

количество и иных документов, по разным причинам представленных тяжущимися сторонами и попавших в число скопированных в приказе – личные письма-грамотки, фрагменты служебного делопроизводства и др. Работы Антонова придали теме изучения родовых архивов иной масштаб и размах, выявленный им корпус источников еще долго будет изучаться.

Сведения о родовых архивах и их судьбе. Документы личных архивов из местнических дел не столь многочисленны, но также весьма интересны, и источниковедческое использование их началось еще в XIX в. В них можно встретить упоминания о родовых архивах, которые бережно хранились, возились с собой на службу, погибали в пожарах, конфисковывались. Ж. И. Квашнин в деле с Л. А. Бутурлиным 1575/76 г. ссылался на правую грамоту своему дяде А. И. Квашнину (приблизительно 1553/54 г.): «А подпись у грамоты дьяка Данилы Вылузгина, а печать – орел двоголовой. И ныне та грамота у сына Ондреева, у брата моего, Василья»⁸⁹. В 1588 г. кн. Т. И. Долгорукий в деле с кн. Д. Б. Приемковым-Ростовским упомянул памяти воеводе Юрьева Я. А. Салтыкову; бояре велели послать за ними в Коломну к служившему там в то время И. Салтыкову, но тот ответил, что его архив в Москве⁹⁰. В Москве же находился в 1668 г. и архив Г. Л. Кобякова, который «подал роспись, что напаятовал, а разрядные письма и чести старые родственников наших и жалованные великих государей грамоты у нас на Москве... а что сверх сей росписи которые письма и сродников наших чести у нас есть в домах наших, и великий государь... велел бы те письма у нас принять, как мы будем на Москве...»⁹¹. И. П. Писемский в 1620 г. в деле с Я. А. Демьяновым заявил, что основная часть его архива – в деревне, и он не брал ее с собой, «не чая на себя челобитья» Я. А. Демьянова⁹². Последний в той же тяжбе оправдывал отсутствие нужных документов тем, что «...были у отца его государевы жалованные грамоты с боярскою честью, и с вотчинами, и те грамоты взяты у отца в государевой опале»⁹³ – т.е. еще в конце XVI в. Чаше всего упоминается о гибели архива в пожары во время Смуты. Так, кн. Б. В. Касаткин-Ростовский, тягаясь с кн. В. И. Турениным в 1617–1623 гг., рассказал целую историю об утере очень ценной грамоты, которая могла бы стать решающим аргументом в соперничестве князей Ростовских и Оболенских: «...утерялась у нево грамота, в 125 году в королевичов приход, назавтрее тово дни, как

⁸⁹ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 2. С. 390.

⁹⁰ РИС. Т. 2. С. 71–73.

⁹¹ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1032. Л. 34, 38.

⁹² Там же. Оп. 9. Ст. 17. Стп. 3. Л. 30–32.

⁹³ Там же. Л. 12.

королевич приходил под Москву приступом, а грабили его воры на Дмитровке, против княж Ондреева двора Сатыева, в день перед вечернями, в ту пору как он з женою своею и с людьми с своего двора от Трубы перевозился в Егорьевской монастырь к тетке своей, к старице Понтинине, а была у него та государева грамота в коробье с рухлядью, и ту коробью воры совсем взяли»⁹⁴. Соперник его, кн. В. И. Туренин, знал о существовании у Ростовских этой грамоты, но отрицал ее подлинность; для доказательства он даже раздобыл ее копию⁹⁵. Подлинная грамота, по его словам, находилась у старшего в их роду, кн. А. В. Лобанова-Ростовского, и ее незаконно выдал в свое время дьяк Сыдавной Васильев, а не Михайлов; к месту службы кн. Б. В. Касаткина ушла копия, с человеком кн. А. В. Лобанова.⁹⁶ Фавор кн. А. В. Лобанова-Ростовского в то время уже кончился, и боярская комиссия аннулировала грамоту и запретила ее к применению.

В «Московское разорение» погибли документы кн. В. Р. Барятинского, о чем он сообщал во время дела с А. Ф. Наумовым в 1623–1624 гг.⁹⁷ В 1626–1627 гг. С. В. Колтовский, местничая с кн. Г. К. Волконским, в расспросных речах сказал боярину Б. М. Шеину, что грамота, данная Ф. Б. Колтовскому на И. О. Полева, «при царе Борисе», «згорела в розоренье»⁹⁸; возможно, речь шла о весне 1593 г., когда на берегу в Рязанском разряде И. О. Полев был в сторожевом полку воеводой, а Ф. Б. Колтовский – головой, однако сведений о протесте последнего ни в разрядах, ни в известных делах не имеется⁹⁹. И. В. Благой в деле с кн. И. Ф. Шаховским также заявил, что наказ «100 года» о посылке кн. Ф. И. Мстиславским П. В. Благого и кн. Федора Шаховского «рассматривать места, где стоять полкам» сгорел в пожар. Тогда у него спросили, была ли «явка» его родни о гибели документов. И. В. Благой уверял, что была, так как сгорело много документов, и поэтому про этот конкретный наказ в ней не упоминалось¹⁰⁰. И. С. Колтовский в 1642 г. вспоминал, что, когда была тяжба с кн. Г. К. Волконским, судья, боярин М. Б. Шеин, «на суде многие их случаи драг, не принимал, грамоты многие поймал...»¹⁰¹. Впрочем, свалить в тот момент отсутствие документов на недавно казненного вельможу было весьма выгодно. В 1659 г.,

⁹⁴ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 18. Л. 24–25.

⁹⁵ Там же. Л. 26–27.

⁹⁶ Сведения эти Туренин получил через попа, которого держал для переписки кн. Касаткин-Ростовский. См. там же.

⁹⁷ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 16. Ч. 2. Л. 74.

⁹⁸ Там же. Ст. 559. Л. 267–268.

⁹⁹ РК 1475–1605. Т. III. Ч. 3. С. 59; РИС. Т. II. С. 167 (Дело А. В. Измайлов – И. О. Полев 1600 г.).

¹⁰⁰ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 28. Стп. 1. Л. 27.

¹⁰¹ Там же. Ст. 171. Ч. 3. Л. 131–132.

во время тяжбы В. Н. Лихарев – И. А. Полев, Лихарев сообщал, что «в 147 году у сысского дела был он и Устьян Замыцкий», «и та грамота у меня и ныне...». Но получить эту грамоту судьям было достаточно трудно – местничество началось на воеводстве в Тамбове, и тамошний голова Е. Клементьев писал в Разрядный приказ, что грамоту о Лихареве, который был вторым воеводой, у него забрал первый воевода, И. А. Полев, и не отдаст¹⁰².

Большую пользу своему роду можно было принести, оставив у себя и тщательно сохраняя документы об административном назначении. Сбирать их начали давно, по крайней мере с начала XVI в.; некоторые могли их предъявить или хотя бы заявить об их наличии. Так, А. В. Измайлов в 1615 г. предъявляет грамоту Ивана IV о назначении губных старост в Рязань 1556/57 г.¹⁰³ Б. И. Пушкин в 1648 г. предъявил также две грамоты Разбойного приказа о назначении губных старост в Вязьму в 1556/57 и 1557/58 гг.¹⁰⁴; у кн. Р. П. Пожарского хранилась грамота об отзыве кн. И. И. Третьякова-Пожарского с должности городничего в Свяжске и назначении на его место некоего кн. М. Ростовского в 1569/70 г.¹⁰⁵ Однако кн. Роман побоялся ее предъявить, поскольку она неминуемо должна была быть частично сфальсифицирована¹⁰⁶.

Во время тяжб XVII в. предъявляется как собственно местническая, так и прочая служебная документация. Материал более поздний было легче проверить по сохранившимся архивам. Например, Огалины подали две мировые записи, доказывавшие их победы в местнических тяжбах, – Г. Пестова, данную И. М. и Л. П. Огалиным 22 октября 1623 г., и И. Ф. Кучюкова, данную им же до 5 февраля 1640 г.¹⁰⁷ Н. А. Зюзин в деле с Б. И. Пушкиным 1648 г. предъявил грамоту Ивана IV за приписью дьяка А. Шерифетдинова из дела В. Г. Зюзин – Ф. Ф. Нагой 1576 г.¹⁰⁸ В. Н. Пушкин в 1626/27 г. представил невместную грамоту в Новгород воеводе О. М. Пушкину на кн. И. М. Вяземского, который был с кн. И. С. Турениным «у сыску»

¹⁰² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 299. Л. 63, 96–97.

¹⁰³ Там же. Оп. 12. Ст. 12. Л. 14. ДР. Т. 1. С. 984–987, 1006–1007.

¹⁰⁴ Там же. Оп. 9. Ст. 218. Л. 186–187.

¹⁰⁵ Там же. Ст. 42. Стп. 3. Л. 90.

¹⁰⁶ Он доказывал, что во время своей опалы дед был назначен, но не городничим, а воеводой. Однако, судя по разрядам, в Свяжске городничим был в 1557/58 г. кн. Т. Ф. Пожарский, а кн. И. И. Третьяков-Пожарский был тогда же городничим в Казани. На следующий год Пожарских вообще нет среди городничих, ни в Казани, ни в Свяжске, одним из воевод в Свяжске был назначен (при боярах кн. Д. С. Шестунове с товарищи, ввиду размещения войск в беспокойном новозавоеванном регионе) кн. М. А. Примков-Ростовский, что никак не свидетельствовало в пользу Пожарских (РК 1475–1598. С. 172, 177).

¹⁰⁷ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 284. Л. 21–23.

¹⁰⁸ Там же. Оп. 9. Ст. 218. Л. 151.

от 8 декабря 1593 г., и грамоту Разряда на Михайлов воеводе И. И. Пушкину о безместии с И. С. Колтовским 1621 г.¹⁰⁹

Особенно важное значение имели грамоты от царского имени, из приказов или от старших воевод, подтверждавшие высоту статуса. Те же Огаины (род древний, но изрядно захудавший) подали грамоту Ивана IV «...89 году, а в той грамоте написан Василей Огаин, как он был по государеву указу на Коломне у государева дела с “вичом”»¹¹⁰. В семействе кн. Барятинских в 1623/24 г. хранился наказ 1577/78 г. о строительстве крепостей на Оке со списком голов под началом кн. М. Ф. Барятинского; кн. В. Р. Барятинский показал, что он хранится у его старшего родственника, кн. Ивана Михайловича¹¹¹. У кн. Долгоруких в 1651 г. хранилась грамота 1574/75 г., подтверждающая их старшинство перед кн. Тюфякиными¹¹². И. В. Благой в споре с кн. Шаховскими предъявил две похвальные грамоты кн. В. П. Щербатому и И. В. Благому за победы у города Белой в 1617 г.; важно было и то, что под его командой головами были и князья Шаховские; список голов Благой также сохранил как явную для своего рода «находку»¹¹³. Я. А. Демьянов предъявил наказную память Казанского приказа к нему в Сибирь 1620 г., а его соперник И. П. Писемский – аналогичную грамоту к себе в Арзамас, и тоже 1620 г.¹¹⁴ Б. И. Пушкин предъявил в 1648 г. несколько документов, в том числе, кроме перечисленных ранее (XVI в., о губных старостах), еще и наказ тобольских воевод Ф. И. Шереметева и О. М. Пушкина кн. В. М. Масальскому об отпуске его в Мангазею 1602 г., указы и памяти Разрядного приказа Ф. И. Пушкину о сборе владимирцев в войска к кн. Д. Т. Трубецкому 1613 г., память к Г. Г. Пушкину и кн. И. А. Львову о верстанье и окладчиках галичанах и пр.¹¹⁵ В. Н. Пушкин в деле с А. О. Плещеевым в 1626–1627 гг. представил целых 14 документов с 1572 по 1621 г.¹¹⁶ Комплекс этот хорошо известен историкам¹¹⁷. Кн. Ю. А. и Д. А. Долгорукие в 1651/52 г. предъявили в деле с Г. Г. и С. Г. Пушкиными пять грамот – две от Бориса Годунова в Пелым 1601 г., и три – от правительства Михаила Федоровича 1621/22 г., доказывающие их первенство перед Пушкиными¹¹⁸. Л. В. Ляпунов в деле с кн. Г. А. Козловским

¹⁰⁹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 35. Л. 165, 171.

¹¹⁰ Там же. Оп. 12. Ст. 284. Л. 64.

¹¹¹ Там же. Ст. 16. Л. 105–106.

¹¹² Там же. Ст. 245. Л. 266.

¹¹³ Там же. Ст. 28. Л. 27–29.

¹¹⁴ Там же. Оп. 9. Ст. 17. Л. 20, 25–28.

¹¹⁵ Там же. Ст. 218. Л. 127, 130–142, 157.

¹¹⁶ Там же. Ст. 35. Стп. 2. Л. 148–171.

¹¹⁷ Временник Московского общества истории и древностей российских. 1852 г. Т. 14. С. 19–192. Далее – ВМОИДР.

¹¹⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 245. Стп. 3. Л. 264–265.

заявил в 1676 г., что у него целы и грамота деда, знаменитого Прокопия Петровича, когда в 1607 г. с Рязани с отпиской от него и кн. И. А. Хованского к царю Василию Шуйскому ездил Осип Измайлов, и грамота Михаила Федоровича с милостивым словом к его отцу, В. П. Ляпунову, 1613/14 г.¹¹⁹

Порой местники извлекали из родовых архивов документы, не имевшие прямого отношения к делу. Служебные документы отнюдь не местнического характера предъявили, например, кн. Вяземские в деле с М. А. Вельяминовым в 1631 г. Это были пять памятей вяземских воевод кн. И. М. Барятинского и Ф. И. Чемоданова, отправленные в Царево-Займище к кн. Т. Вяземскому и С. Бакунину с указаниями пропускать через заставу различных купцов, монахов, крестьян, ездивших по торговым делам в 1628 г.¹²⁰ В ход шли и документы землевладельческого характера (о чем говорилось выше). Так, Я. А. Демьянов в 1620 г. «положил» грамоты, видимо подлинные, «за красными печатми», в числе которых имелась жалованная грамота Василия III от 2 февраля 1515 г.¹²¹ Документы столь раннего периода имели в основном феодально-иммунитетный характер, но свидетельствовали о служебно-вассальных отношениях с государем и могли быть полезны в местническом споре. И. П. Писемский в 1620 г. представил послушную грамоту крестьянам вотчины, пожалованной его предку 1575 г.¹²², замечательную тем, что она выдана была из Александровой слободы¹²³. Его соперник Я. А. Демьянов заявлял, что у его отца тоже были жалованные грамоты «...с вотчинами», но взяты «в опале»¹²⁴. К. А. Трусов в 1643 г. утверждал, что его прадед был пожалован наместничеством и кормлением. «И та государева жалованная грамота за ево государевою красною печатью у меня, холопа твоего», но не предъявил ее¹²⁵. Не особо чиновный И. И. Чаадаев предъявил две жалованные грамоты Василия II и Ивана III своим предкам на вотчины 1430 и 1444 гг.: «А в тех грамотах родственники ево Матвей Иватин и сын ево Григорей Чеодай написаны дворяны и с “вичем”»¹²⁶. Выдвинувшимся в высшие слои государева двора Чаадаевым (первым и последним в роду думным дворянином стал Иван Иванович в 1662 г.) не один раз нужно было подтверждать свой статус¹²⁷.

¹¹⁹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 532. Л. 52.

¹²⁰ Там же. Ст. 64. Стп. 1. Л. 101–105.

¹²¹ Там же. Ст. 17. Стп. 3. Л. 29–30.

¹²² Там же. 38а–40.

¹²³ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки. С. 153–161; MOM. С. 442–448.

¹²⁴ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 17. Стп. 3. Л. 12.

¹²⁵ Эскин Ю. М. Местническое дело К. А. Трусов – кн. Ф. Ф. Волконский... С. 305.

¹²⁶ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 681. Стп. 1. Л. 2–5.

¹²⁷ ВМОИДР. Т. IV. С. 15; MOM. С. 317–318. Грамоты в деле не сохранились, они упомянуты с иной датировкой в родословных материалах Чаадаевых. См.: Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. С. 325; Он же. Частные архивы русских феодалов XV – нач. XVII в. С. 425.

Потенциальные местники стремились пополнить свои архивы и иными документами, не имеющими прямого отношения к их роду, но могущими пригодиться в тяжбе; именно с местнической целью переписывались добываемые в государственных приказных архивах ранние списки государева двора (Тысячная книга и Дворовая тетрадь) и различные списки служилых людей. Так, дьяк В. В. Брехов ссылался на запись своих предков еще в Дворовой тетради 1550-х гг.¹²⁸ И. М. Аничков в 1643 г. заявил, что его дед был в Полоцком походе 1563 г. в головах в большом полку, «а были в сотне с ним три города, и те списки и ныне у него»¹²⁹. Ряд местников, особенно не слишком знатных, апеллировали в споре не к разрядным записям, а к десятням. Эти региональные дворянские списки известны со второй половины XVI в., причем до наших дней дошли преимущественно десятни XVII в., и весьма немного – от предыдущего столетия¹³⁰. К ним обращались в основном представители родов, которые не могли представить достаточно весомых доказательств разрядных служб; в то же время «разрядные» люди использовали десятни для «утягивания» противника или в качестве наглядного примера служб членов своего рода, если они, например, ведали разбором. Ф. П. Огалин приводит уникальное свидетельство о ранних десятнях: «...буде де и те ярославские десятни целы, которые... при великом государе Василье Ивановиче, как прадед их служил по Ярославлю, и он Федор на те десятни шлетца...»¹³¹. Видимо, речь здесь действительно шла о времени Василия III, поскольку ранее Огалин указывал, что его дед Василей Дмитриев сын Огалин верстан был «89-го году при боярине князе Иване Михайловиче Воротынском, а учинен был ему оклад по дворовому 350 четей, денег 14 рублей, и в том... слался на десятни»¹³². Его соперник С. В. Норов: «Шлется он Симон на десятни, которые были при великом князе Василье Васильевиче» (sic! – судя по всему, описка. – Ю. Э.), т.е., видимо, на документы того

¹²⁸ «Над Васильевым именем Васильева сына Брехова помечено: 66 году в Кашине, а в начале у той книги написано – Тетрадь дворовая...» – так проверялись сведения в Разряде. См.: Ф. 210. Оп. 17. Ст. 48. Л. 76.

¹²⁹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1118. Л. 438–439. Ни в официальном, ни в частных разрядах Полоцкого похода никто из Аничковых не упомянут. См.: *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 г. // РД. Вып. 9. М., 2004. С. 119–154; *Анхимюк Ю. В.* Полоцкий поход 1563 г. в частных разрядных книгах // Там же. С. 155–170; Книга Полоцкого похода 1563 г. Исследование и текст / Подгот. К. В. Петров. СПб., 2004.

¹³⁰ После пожара 1626 г. в Разрядном архиве не осталось ни одной десятни до 1556 г. См.: *Кротов М. Г.* К истории составления десятен (2-я половина XVI в.). // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 58.

¹³¹ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 284. Л. 46. Наиболее раннее упоминание о верстании в десятни в нарративном источнике относится к 1512 г. См. также: *Кротов М. Г.* К истории... С. 56–58.

¹³² Ф. 210. Оп. 12. Ст. 284. Л. 46.

же царствования. Всего нами обнаружены упоминания о 33 десятнях в 13 местнических делах. Приводятся сведения о девяти десятнях XVI в., из которых четыре точно не датированы, об 11 десятнях до 1626 г. и о 13 десятнях до 1650-х гг. Кроме того, уже упоминались одна выписка из Дворовой тетради, три – из московских боярских списков XVI в., три – из боярских списков и одна – из жилецкого списка XVII в. Упоминание ярославских десятен первой трети XVI в., приведенное выше, уникально, поскольку десятни Ярославля «в Московский пожар во 134-м году все згорели»¹³³. Вышеназванный С. В. Норов слался на десятни «при государе Иване Васильевиче», заявляя, что его предки в них записаны, а переведенного из Ярославля в Коломну Дементия Парфеньева сына Огалина в них нет¹³⁴. Огалин в ответ заявил, что «в тех старых десятнях 79 году написаны родители в первой статье в окладчикех», т.е. привел пример несохранившейся десятни 1570/71 г. В Разрядном приказе был отыскан документ 1576/77 г. с доказательством гибели Власа Огалина при обороне Пскова, видимо, в 1581 г., и служб других Огалиных¹³⁵. В. П. Огалин, местничая на этот раз с И. Ф. Кучюковым, подал вышеупомянутую грамоту, согласно которой Василий Огалин в 1580/81 г. был на Коломне у государева дела с «вичем». В архиве Разряда были сысканы две коломенские десятни 1580–1581 гг. – верстанья и денежной раздачи боярина кн. М. И. Воротынского и дьяка Р. Хвощинского и «как верстал во Пскове коломнич детей боярских боярин кн. Иван Петрович Шуйской да дьяк Султас Булгаков»; по первой десятне было выяснено, что Влас Третьяков сын Огалин написан по дворовому списку с окладом в 350 четей и 13 руб., его брат Марк – в 300 четей и 14 руб., а предок их местника Ф. С. Кучюков – в городских с окладом в 115 (?) четей и 10 руб.¹³⁶ В десятне

¹³³ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 284. Л. 46.

¹³⁴ Там же. Л. 48, 50.

¹³⁵ Там же. Л. 64–66: «Да в 85-м году во дворовых в 350 четях в 14 рублях – Влас Огалин, помечено над ним “убит во Пскове”, да верстаны вновь во дворовых в 300 четях в 9 рублях – Павел Васильев сын Огалин, Матвей Дубенской, Константин Беклемишев, Петр Пестов, да в новиках во дворовых в первой статье в 300 четях в 8 рублях – Павлин Огалин, Тимофей Юрьев сын Козлов, Иван Козлов, Семен да Михайло Мишурины, Иван Наумов, Иван Проестев Меньшой».

¹³⁶ Там же. Л. 64–66: «Сыскано в коломенской в смотренной десятне блаженной памяти при государе царе и великом князе Иване Васильевиче... верстанья и денежной раздачи боярина князя Михаила Ивановича Воротынского да дьяка Романа Хвощинского написаны во дворовых во трехсот в пятидесяти четях в 14 рублях Влас Третьяков сын Огалин, Петр Козяинов, да в 300 четях в 13 рублях – Марко Третьяков сын Огалин, Темир Колтовский, князь Григорей Щетинин, Семен Васильев сын Колтовский, Василей Козлов, Петр Колтовский, Иван да Матвей Хотунские; да в городских – во 115 (?) четях – в 10 рублех – Федка Степанов сын Кучюков, Смага Константинов, Федор Мерлеев, Михаил Рудаков, Микита Бабин, Иван Лунин, Булгак Темиряев, Володя Костерской, Левка Шамоул Темиряев».

коломничей во Пскове «написан в окладчикех во дворовых Василей Огалин, Ратай Норов, Лев Остой Борыков, а старых коломенских десятен великого князя Василья Васильевича (sic! – Ю. Э.) в розряде не сыскано, потому что в Московское разоренье пропали...»¹³⁷. Коломенская десятина 1583/84 г. фигурирует в деле И. С. Колтовского – Г. Г. Пушкина 1642 г.: «92 году давали государево жалованье коломничам, и в окладчиках были у Ивана Пивова Михайло Иванов сын Колтовской»; тогда же он был окладчиком и у Романа Пивова¹³⁸. проверкой в Разряде было подтверждено назначение М. И. Колтовского окладчиком у Р. М. Пивова¹³⁹. Эта десятина фигурирует в описях 1648 и 1668 гг.¹⁴⁰ Суздальская десятина того же 1583/84 г. цитируется в справке из Приказа по запросу А. И. Козлова во время его тяжбы с В. В. Бреховым 1664 г.: «В Суздальских десятиях 92 году городской 150 четей 4 рубли – Бориско Иванов сын Козлов»¹⁴¹. Эта десятина уже в 1668 г. была в плохом состоянии¹⁴². И. К. Бегичев, желая «утянуть» в 1623 г. Г. А. Загряжского, бил челом, что дядя последнего Афанасий, Тимофей и Богдан «были в Новгороде в россылке, в том шлемся на новгородскую записную книгу и на черные отписки Новгородского розряду девяноста в девятом и в сотом году из россылки»¹⁴³. Ранее Бегичев упоминал их «брата», И. Г. Загряжского, по прозвищу Арюха, и его сына Григория (приходившегося местнику, видимо, двоюродным или троюродным братом), служивших в то же время «по Новгороду Бежецкия пятины по городовому списку»; таким образом, упоминается десятина Бежецкой пятины 7099 и 7100 (т.е. 1590/91–1591/92) гг., которых не было уже в XVII в.¹⁴⁴ К XVI в. относятся не датированные точно упоминания десятен в деле И. В. Благой – кн. И. Ф. Шаховской 1627–1628 гг. Известия эти весьма интересны: «Как царь Иван Васильевич верстал Ржеву Володимерову, – писал И. В. Благой, – и дядю ево меньшово Обросима Благово обвел верстаньем в большую статью перед Степаном

¹³⁷ Там же. Остатки этих коломенских десятен существовали еще в 1668 г.: «Коломенская десятина новиков во Пскове боярина и воеводы князя Ивана Петровича Шуйского да дьяка Сьюльмена Булгакова 1089 году»; «Коломенская десятина верстанья новиков кн. М. И. Воротынского» См.: ОАРП. С. 98. Ныне сохранилась только десятина 7085 г.

¹³⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 171. Л. 77.

¹³⁹ Там же. Л. 85.

¹⁴⁰ «92 году денежные роздачи Романа Пивова да дьяка Михаила Блядкова»; «десятина денежные роздачи думного дворянина Романа Михайловича Пивова да дьяка Михайла Бледного 7092-го году в полдесть» См.: ОАРП. С. 46, 98.

¹⁴¹ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 48. Л. 81.

¹⁴² «Десятина денежной роздачи на Туле воеводы кн. Тимофея княж Романова сына Трубецково да дьяка Рохманина Русинова 7092 году, в полдесть, погнила». См.: ОАРП. С. 96.

¹⁴³ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 16. Л. 16–17.

¹⁴⁴ Наиболее ранние из сохранившихся новгородских десятен – Вотской пятины 1605 г. и др. пятин – 1606 г. См.: ОАРП. С. 381; *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 99.

и перед Иваном Васильевичами Годуновыми»¹⁴⁵. Возможно, речь шла о боярском списке – но весьма раннего времени, поскольку С. В. Годунов уже в 1576 г. был окольниковым¹⁴⁶, а И. В. Годунов стал боярином в 1585 г.¹⁴⁷ Шаховские же, по его словам, некогда служили «двум князьям Андреям». Можно предположить, что имеются в виду князь московского дома – Андрей Васильевич Большой Углицкий (ум. 1493 г.) и Андрей Васильевич Меньшой Вологодский (ум. 1481 г.), младшие братья Ивана III¹⁴⁸. Затем они были «пущены в Торопец на помещики, и служили по се время дед его, князь Ивана Шаховского, и с отцом по Торопцу з городом, не по дворовому списку и не по выбору»¹⁴⁹. Торопецких десятен XVI в. в то время также уже не было¹⁵⁰.

Десятни начала XVII в. (до Смутного времени) фигурируют в нескольких делах. Так, Арзамасскую, Коломенскую, Новгородскую (Деревской пятины) и Суздальскую десятни 1603/04 г. упоминают четыре местника. Я. А. Демьянов ссылается на Арзамасскую десятню денежной разборки «при царе Борисе», где Прохор Писемский верстан был с окладом в 10 руб.¹⁵¹ И. М. Аничков в 1643 г. цитирует десятню Деревской пятины, в которой его дед был «другой человек», причем «стоял выше князей Ростовских, и Оболенских, и Кропоткиных, и Вадбольских, и Плещеевых, и Боборыкиных, и Жеребцовых, Белеутовых, и с тех де списков и ныне книга 112 году за дьячьєю приписью цела»¹⁵². (Ныне десятня Деревской пятины осталась только за 114 г., она же занесена и в опись 1648 г.)¹⁵³ Суздальская десятня того же 112 (1603/04 г.) цитируется в деле А. И. Козлов – В. В. Брехов; там приводится официальная архивная выписка об окладе восьми городских дворян Козловых от 200 до 115 четей¹⁵⁴. В той же выписке приводятся сведения об А. Д. Козлове из Рузской десятни 114 (1605/06) г., также

¹⁴⁵ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 28. Л. 40–41. Десятен по Ржеве Володимировой XVI – начала XVI в. не было уже в середине века. Наиболее ранняя по описи 1668 г. – десятня 1621 г. См.: ОАРП. С. 426.

¹⁴⁶ *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 17, 47, 88; РК 1475–1588. С. 251, 277.

¹⁴⁷ *Зимин А. А.* В канун... С. 121.

¹⁴⁸ Генеалогія династії Рюриковичів. Укл. *Войтович Л. В.* Київ, 1990. С. 172–173.

¹⁴⁹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 28. Л. 40–41.

¹⁵⁰ В 1668 г. наиболее ранней по Торопцу была десятня 1605/06 г. См.: ОАРП. С. 384–385.

¹⁵¹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 17. Стп. 3. Л. 13–14а. Это десятня кн. И. Д. Хворостинина 112 г. См.: ОАРП. С. 97; ныне наиболее ранняя по Арзамасу – 1615 г. См.: *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 78.

¹⁵² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1118. Л. 438–439.

¹⁵³ ОАРП. С. 51; *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 99 (десятни кн. М. П. Катырева-Ростовского).

¹⁵⁴ ИА. 1993. № 2. С. 194; «Десятня денежной раздачи на Москве» боярина кн. А. А. Телятевского. См.: ОАРП. С. 96; *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 111.

несохранившейся¹⁵⁵. В деле Пушкины – кн. Долгорукие 1651–1652 гг. цитируется десятина Шелонской пятины верстанья М. Г. Салтыкова в Ивангороде 114 г. (от этого верстанья сохранилась только десятина Вотской пятины)¹⁵⁶. В тех же делах использовались: Суздальская десятина 124 (1615/16) г., также не сохранившаяся (дело Козлов – Брехов)¹⁵⁷, новичная десятина Шелонской пятины Н. М. Пушкина 129 (1620/21) г., не сысканная в Разряде уже тогда (дело Пушкины – кн. Долгорукие), хотя в то время она могла еще существовать¹⁵⁸. Казанская разборная десятина упоминается Я. А. Демьяновым без точной датировки: «... а ближнее ево родство (И. П. Писемского) – братья и дядья, служат по Казани в мелких детях боярских, и в разборной десятне написано про их худобу имянно; и в недельщиках ходили, и про то ведают многие приказные люди, которые были в Казани»¹⁵⁹. Десятня эта должна датироваться ранее 1620 г. (времени самой тяжбы), однако сведений по архиву Приказа Казанского дворца в деле нет, а в пожары 1700 и 1737 гг. он практически весь сгорел. Десятни по Рузе и Кашину 130 (1621/22) г. в деле Козлов – Брехов донныне сохранились; причем для проверки кашинской подьячим пришлось взять Угличскую десятню разбора в Кашине кн. Ф. С. Куракина и подьячего А. Ботвиньева, поскольку «как дьяка Василья Брехова отец и родицы при прежних государех в 130 году в Кашине служили, того в Розряде выписать не из чего, кашинские дела и списки в Московский большой пожар в 136 году в Розряде с ыными делами згорели»¹⁶⁰. Упоминаются в делах и десятни позднейшего времени, после 1626 г. Среди них также есть несохранившиеся – Угличская 1627/28 г. верстанья кн. Ю. Е. Сулешева¹⁶¹, десятни Рузская 1630/31 г. и Кашинская 1638/39 г.¹⁶², не датированные (до 1644 г.), но, возможно, сохранившиеся десятни по Ржеве и Великим Лукам¹⁶³, по Твери разбора кн. И. И. Ромодановского (сохранился его же, но более поздний разбор)¹⁶⁴, «Звенигородский под-

¹⁵⁵ ИА. 1993. № 2. С. 194; Разборная десятина боярина М. А. Нагого и Н. В. Траханиотова за приписью дьяка И. Семенова 114 г. См.: ОАРП. С. 326; *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 130.

¹⁵⁶ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 245. Стп. 3. Л. 272; *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 99.

¹⁵⁷ ИА. 1993. № 2. С. 194; Десятня разборная кн. М. П. Барятинского, Ф. С. Пушкина, дьяка В. Семенова. См.: ОАРП. С. 97; *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 111.

¹⁵⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 245. Стп. 3. Л. 272; в описи 1668 г. «пять десятен Новгородских всех пятин денежной раздачи 129 году», но новичной Н. М. Пушкина нет. См.: ОАРП. С. 382; часть десятен ныне цела. См.: *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 100.

¹⁵⁹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 17. Стп. 3. Л. 14.

¹⁶⁰ ИА. 1993. № 2. С. 194; *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 91, 108; ОАРП. С. 326, 439.

¹⁶¹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 143. Стп. 9. Л. 2–3. Опубл.: ВМОИДР. Т. 11. С. 24. Отсутствует в описи 1668 г. См.: ОАРП. С. 239.

¹⁶² «А Василей сказал...» С. 194; ОАРП. С. 326, 438.

¹⁶³ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 542. Л. 167. Часть их ныне цела. См.: *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 95, 106.

линный список» 1648/49 г. (имелся в описи 1668 г.)¹⁶⁵, Можайская десятня 1647/48 г., возможно уцелевшая¹⁶⁶, десятня Вотской пятины (до 1649 г.)¹⁶⁷. Четыре самых поздних десятини фигурируют в деле Козлов – Брехов. Это «Белецкая десятня 157 году» – может быть, Белевская или Бежецкая – десятини 157 г. по этим городам сохранились¹⁶⁸, Звенигородская 1649/50 г. и недатированная Волоцкая, видимо, к 1652 г. были целы, а Рузская (недатированная) – возможно, уже нет¹⁶⁹.

Документы подвергались проверке, государь и боярская комиссия решали, пригодны ли они в качестве судебных аргументов. В 1642 г. Г. Г. Пушкин подал две памяти (его местник кн. А. М. Львов просил взять их у него и проверить, так как Пушкин ими его «на стороне поносит» – во что, зная характеры этой ветви рода Пушкиных, можно поверить). Одна память оказалась за приписью дьяка М. Поздеева 1620/21 г., писана о галичанах, где в числе окладчиков был и кн. А. Д. Львов; таким образом, родственник местника являлся городовым дворянином. Память была прочтена государю, который, однако, указал, что «она к делу не стоит, писана об ином деле»; кроме того, этот факт не был сыскан в десятинях, не осталось от нее и черновика. Поэтому попытка Пушкиных «утянуть» князей Львовых не удалась. Вторая память, писанная к думному дворянину Г. Г. Пушкину и ко кн. И. А. Львову, была такой: «Году, месяца и числа не написано, за приписью дьяка Я. А. Демьянова...», «...гостиной сотни о торговом человеке В. Б. Ключникове». Данная память вообще была объявлена неверной, поскольку даты не было, а в известное Разряду время кн. И. А. Львов служил в подчинении не Пушкина, а боярина И. В. Морозова, к тому же в период объявленного безместия¹⁷⁰.

Предъявленная в 1665 г. Ф. В. Александровым грамота Ивана Грозного в Шую к Замятне Иванову сыну Александрову 1564/65 г. вообще после проверки была отвергнута – адресат написан без «вича», в тексте имеются

¹⁶⁴ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 542. Л. 169; разборная десятня кн. И. И. Ромодановского 1649 г. (сохранился его же, но более поздний разбор).

¹⁶⁵ ИА. 1993. № 2. С. 194; ОАРП. С. 90, 105, 284; *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 88–89.

¹⁶⁶ ИА. 1993. № 2. С. 194; *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 97 (если это десятини 157 года).

¹⁶⁷ «...а Мышецкие служили в Новгороде по дворовому списку в Воцкой пятине». См.: Ф. 27. Оп. 1. Ст. 65. Л. 2; *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 99–101, Ввиду неясности даты и значительного числа сохранившихся новгородских десятиен, мы не можем судить о ее утрате или сохранности.

¹⁶⁸ *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 81, 83. Вряд ли идет речь о г. Белой – по ней с 1668 г. и доньше сохранилась только десятня 1630 г. См.: ОАРП. С. 426.

¹⁶⁹ Волоцкие десятини в 1668 г. имелись за 130, 139, 157 гг. Рузских десятиен после 131 г. в 1668 г. уже не было. См.: ОАРП. С. 326; *Сторожев В. Н.* Материалы. С. 84, 105, 108–109.

¹⁷⁰ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1118. Л. 400, 411, 413–419.

исправления – т.е. документ подделан – «своровано»¹⁷¹. В то же время, если грамота при проверке вызвала доверие, как в деле кн. Т. И. Щербатый – М. М. Бутурлин 1647–1648 гг., где речь шла о документе 1591 г., то «...по челобитной... сыскивали грамоту государя ко князю Ф. М. Трубецкому... и государь, слушав того сыску, приказал грамоту положить в счет»¹⁷². О пристрастном обращении судей с документами упоминалось и выше, в частности в этом обвинялся боярин М. Б. Шеин. Дьяки и подьячие, конечно, стремились по возможности ограничиться разрядными книгами официальной редакции и с недоверием относились к «случаям», выписанным местниками из собственных разрядно-родословных сборников, которые было трудно проверить. Поэтому столь частым ответом на поданные памяти со «случаями» была формулировка «не сыскано». Например, в деле Г. Л. Кобяков – кн. И. М. Кольцов-Масальский первый предъявил запись о том, что, когда в 1590/91 г. И. Кобякову было указано быть меньше кн. В. Кольцова-Масальского из Донкова в сходных головах, Кобякову якобы дали невместную грамоту. По сыску назначение было подтверждено, а местничество и невместная грамота – нет. Князь Масальский по этому случаю заметил, что «тот розряд они Кобяковы писали сами, и местничая в 1668/69 г. с М. М. Дмитриевым, еще ставили себе в честь, что предки их были с кн. В. Кольцовым-Масальским»¹⁷³. Отрицая сведения из частных разрядов, дьяки не всегда были правы – какие-то подробности и даже целые документы, внесенные в эти разряды, часто не были вымышленны, а копировались потому, что представляли узкородовой интерес.

2.8. Генеалогический спор личного и государственного архивов. Родословцы и «генеалогические пасквили»

Местнические дела по своей сути являются с одной стороны источником, а с другой – результатом генеалогических исследований. Смысл местничества состоял, как правило, в генеалогическом разбирательстве прав сторон в связи с претензиями на определенное служебное старшинство. Генеалогические справочники – от Государева родословца до Бархатной книги – преследовали цель упорядочения служебных обязанностей и привилегий, необходимого при верстании в оклады, повышении в чинах, назначении на военные и административные посты и разрешении местнических конфликтов, в какой-то мере регулировавших все эти взаимоотношения.

¹⁷¹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 681. Стп. 1. Л. 2–5.

¹⁷² Там же. Ст. 1503. Л. 17–60.

¹⁷³ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 510. Стп. 4. Л. 47, 25.

Насколько широко бытовали чисто генеалогические сведения в служилой среде XVI–XVII вв., можно определить на примере местнических дел. Главным для истца и ответчика было определить служебное соотношение предков, а уже потом, если возникали сомнения, – степень родственной близости к высокопоставленному или «захудавшему» предку.

Все служилые роды, причислявшие себя к «людям родословным», обладали, как было указано выше, собственным документальным корпусом – архивом, необходимым как для землевладельческих, так и для местнических тяжб. Значительное количество таких архивов выявлено Б. Н. Морозовым и А. В. Антоновым в вышеупомянутых работах¹⁷⁴. Перечни и копии (в виде «памятей»-конспектов) родословно-служебных документов зачастую брались с собой на службу. Выше уже упоминалась челобитная Л. Н. Кобякова от ноября 1663 г., который, будучи на службе в Севске, сетовал, что «подал роспись, что напаятовал», а основной архив, в котором хранятся даже «жалованные великих князей грамоты», остался у него в Москве¹⁷⁵. Родословцы, безусловно, были важной частью семейного архива, о чем свидетельствуют их многочисленные списки и разные редакции¹⁷⁶, в которые включены более подробные росписи «своего» рода. Там же хранились разрядные книги с подобными же дополнениями, а также специфически местнические справочники – реестры родов возможных соперников «своего» рода с записями их «потерек» по службе¹⁷⁷, или просто общие справочники-выборки из разрядного делопроизводства и других источников «худых» служб разных родов, их понижений и местнических поражений, составлявшиеся разрядными подьячими, возможно, на заказ или даже «на рынок»¹⁷⁸.

К последним, по нашему мнению, относятся «списки для приискания потерек», такое же происхождение у «Списка стрелецких голов и сотников» и «Списка 100 года», опубликованных А. А. Зиминим, «Списка новгородских губных старост, казацких стрелецких голов и сотников, городовых приказчиков, рассыльщиков и недельщиков XVI–XVII вв.», опубликованного Н. Е. Носовым¹⁷⁹. Обнародование сведений обо всех не

¹⁷⁴ Морозов Б. Н. Частные архивы XVII в.; Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века. М., 2002.

¹⁷⁵ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1032. Л. 2, 34, 25–42; дело Л. Н. Кобяков – М. М. Дмитриев, 1668, 1676–1677 гг.

¹⁷⁶ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

¹⁷⁷ Шмидт С. О. Становление... М., 1973. С. 299.

¹⁷⁸ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки. С. 349; Татищев Ю. В. Местнический справочник XVII в. – Вильна, 1910 (публикация одной из двух определенных Н. П. Лихачевым редакций памятника).

¹⁷⁹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подгот. к печ. А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 215–220; Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства XVI в. М.; Л., 1957. Прил. II. С. 349–367.

«разрядных» службах представителей разных кланов препятствовало карьере их родни и потомков. Наиболее «неприятными» являлись сведения, собранные в «Поганой книге», где перечислялись холопы-послужильцы московской аристократии, испомещенные в новгородских пятнахах после присоединения Новгорода и вывода местных землевладельцев¹⁸⁰. Ее широкое бытование с середины XVII в. преследовало, по мнению современного исследователя, цель предать огласке холопское происхождение ряда возвысившихся к этому времени родов¹⁸¹.

Н. П. Лихачев, стремясь определить время создания и состав Государева родословца, собрал в местнической документации XVI–XVII вв. много свидетельств его существования¹⁸². «Первые попытки составления родословной книги, фиксирующей статусные отношения», отмечает Н. Коллманн, относятся к 1490–1500-м гг.¹⁸³ Уже в 1504 г., в деле П. М. Плещеева с П. Г. Лобаном-Заболоцким, проводились тщательные подсчеты, целью которых было определение мест обоих соперников в «лестнице» их родов и сравнительный анализ положения самих родов¹⁸⁴. Н. Коллманн видит уже в этом раннем деле признаки «зрелости института»¹⁸⁵, для функционирования которого необходима была систематизация генеалогических и разрядных сведений. Причиной, по которой их собирали, был, видимо, антагонизм старомосковского боярства и выезжих княжат при московском дворе. Родословцы и разряды сформировались к первой трети XVI в., чуть позже обрели официальный статус, а к середине века появились и их официальные редакции¹⁸⁶. Государев родословец признавался основополагающим документом, к которому апеллировали стороны в тяжбе. Например, в 1589 г. кн. Д. И. Хворостинин писал: «В том, государь, шлюся на вашу государеву книгу нашего родословия»¹⁸⁷ (выделено нами. – Ю. Э.) В том же году кн. Г. О. Засекин подавал данные о своих предках: «а роду

¹⁸⁰ *Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга // ВИД. Т. 9; *Базилевич К. В.* Новгородские помещики из послужильцев в к. XV в. // ИЗ. Т. 14. М., 1945.

¹⁸¹ *Баранов К. В.* Историография Поганой книги // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посв. памяти А. Л. Станиславского: Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. 32–33.

¹⁸² *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. С. 349–440; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975. С. 32.

¹⁸³ *Коллманн Н.* Соединенные честью. С. 243.

¹⁸⁴ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. С. 103–108.

¹⁸⁵ *Коллманн Н.* Соединенные честью. С. 242–243.

¹⁸⁶ Там же. С. 246: «В 1550 г. параллельные усилия по созданию родословных и разрядных справочников завершились созданием Государева разряда и Государева родословца»; «Элита и государство создали эффективный инструмент для разрешения социальных конфликтов, возникавших в ходе строительства империи».

¹⁸⁷ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 260. Стп. 4. Л. 316, 317.

нашему родословцу у государя», что было удостоверено в Разряде¹⁸⁸. Примерно такой же оставалась формула и в дальнейшем, например в деле В. Н. Пушкин – А. О. Плещеев 1627 г.¹⁸⁹

Обычно представители тяжущихся родов подавали «лествицы» или «поколенные росписи» своих родов – своеобразные выборки, касающиеся «своей» ветви (если род бывал сильно разветвлен), которые разрядные подьячие сверяли с имеющимся у них официальным материалом и составляли синхронные таблицы для выявления старшинства. Одним из наиболее ранних примеров может служить дело окольного Д. И. Годунова с боярином В. И. Умным-Колычовым¹⁹⁰. Оба они подали «лествицы» своих родов; очная ставка сопровождалась спорами типа: «Дмитрей Годунов написал в своей росписи негораздо. Ондрей Колычов Семену... большой брат: а у Ондreja был сын Иван; а Пупок Колычов – меньшово брат Семенова сын... а ты, Дмитрей, у отца своего третьей сын», на что Годунов отвечал: «Осанов отец Годунова Дмитрей у своево отца другой... а отец мой Иван у Григорья третьей»¹⁹¹. Родословия обоих проверялись по Государеву родословцу, были составлены синхронные таблицы¹⁹². В результате подсчетов Д. И. Годунов оказался примерно равен по «лествице» Ф. С. Колычову (митрополиту Филиппу), а его племянник Б. Ф. Годунов – Ф. И. Умному, старшему брату истца. Насколько эти расчеты соответствовали действительности? Если считать от родоначальников, И. Д. Годуна и Ф. А. Колыча, то Д. И. и Б. Ф. Годуновы в своем роду 18-й и 29-й, а В. И. Умный в своем – 66-й. Правда, этот расчет обычно нивелировался весьма сложным подсчетом с применением формулы, по которой IV «дядя» был равен I племяннику, кроме того, учитывались и чины предков, и т.д. Поэтому у судебной комиссии всегда оставались достаточно широкие возможности для выбора варианта решения, и дьяки, даже не подтасовывая, могли представлять такой расчет, который учитывал бы конкретную политическую ситуацию. Судя по всему, в указанном деле победили Годуновы, что было достаточно знаменательно в преддверии падения первого послеопричного правительства, возглавлявшегося В. И. Умным-Колычовым¹⁹³.

¹⁸⁸ Бычкова М. Е. Родословные книги. С. 129, 130; Местнические дела 1563–1605 гг. СПб., 1894. С. 39. Далее – МДЛ.

¹⁸⁹ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки. С. 350.

¹⁹⁰ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 335. Стп. 2. Л. 1–73.

¹⁹¹ Там же. Л. 12, 31.

¹⁹² Там же. Л. 37–38. Данные обоих источников близки к родословцам Летописной и Румянцевской редакций. См.: Редкие источники по истории России. Т. 2. / Подгот. М. Е. Бычкова. М., 1977. С. 46, 50, 152. Далее – РИИР.

¹⁹³ Д. И. Годунов, постельничий, отвечавший за охрану царской семьи и обеспечение ее комфортом, обладал огромным влиянием, в то время как глава «дворовой» думы В. И. Колычов уже находился в полуопале и был вскоре казнен. См.: *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1979. С. 9–12; *Зымин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 17.

Составление синхронных таблиц было, видимо, обычным методом проверки. В деле кн. Л. О. Щербатова – кн. В. И. Бахтеярова 1593 г. сохранилось пять таблиц Оболенских и одна – Ростовских княжат¹⁹⁴. Метод не менялся и в дальнейшем. Таблица родов Шереметевых и кн. Хилковых отложилась в деле 1648 г.¹⁹⁵ По ней гораздо проще понять технику местнического подсчета: по разрядам было неоспоримо доказано, что кн. А. В. Хилков одним местом больше боярина И. П. Шереметева; его двоюродный брат кн. И. А. Хилков меньше боярина шестью местами (как 5-й сын); В. Б. Шереметев, племянник И. П. Шереметева, меньше его пятью местами. Значит, разница – одно место в пользу В. Б. Шереметева. Кн. Д. И. Хворостинин в 1589 г. в споре с кн. Ф. Д. Шестуновым заранее подал родословия не только свои, но и ярославских княжат – Троекуровых и Шестуновых: «Троекуровы в родстве больше Шестуновых, а князь Федор Троекуров был с отцом моим», – пояснил он судьям¹⁹⁶. По этим сохранившимся в деле росписям, Шестуновы – потомки третьего, а Троекуровы – первого сына ярославского князя Ивана Васильевича, что совпадает с разными редакциями родословцев¹⁹⁷. На подобные случаи применения различных редакций родословцев указывает М. Е. Бычкова¹⁹⁸. Иногда одна из сторон даже требовала представления родословия другой стороны, как Л. Н. Кобяков в 1677 г.: «Да я ж... в записи написал, чтоб... государь указал, велел взять у него Михайла поколенную роспись, от ково он родству своему степень скажет, которых он Дмитриевых, а он... росписи не подавал, и суда у нас с ним не бывало»¹⁹⁹. Подтверждена проверкой была роспись, поданная в 1648 г. Т. Ф. Бутурлиным в связи с его делом с кн. А. И. Буйносовым²⁰⁰. Роспись князей Оболенских, «являющаяся цитатой из Государева родословца»²⁰¹, в Разряде сыскали в связи со взаимным «утягиванием» Пушкиных и князей Долгоруких друг друга службой у духовных феодалов: «Это писано во всех родословцах; в иных родословцах писано, что они служат у Ростовского архиепископа...»²⁰².

¹⁹⁴ МДЛ. С. 52–67; Оболенские – Щербатые – Тростенские (Туренины) – Тюфякины – Лыковы; Оболенские – Долгорукие – Щербатые; Ростовские – Голенины – Примжковы – Гвоздевы – Бахтеяровы. См.: Там же. С. 65–66. В примечании к своей публикации Н. П. Лихачев отметил пропуск в родословии Турениных, а М. Е. Бычкова, проанализировав одну из росписей Ростовских, показала, что она более ранняя, чем запись Оболенских. См.: *Бычкова М. Е.* Родословные книги. С. 131.

¹⁹⁵ Ф. 210. Оп. 9. С. 224. Л. 334. Опубл.: MOM. С. 502.

¹⁹⁶ Там же. Ст. 260. Стп. 4. Л. 278–318.

¹⁹⁷ Там же. Л. 313; РИИР. С. 102.

¹⁹⁸ *Бычкова М. Е.* Родословные книги. С. 132.

¹⁹⁹ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1032. Л. 42.

²⁰⁰ Там же. Оп. 9. Ст. 217. Л. 235. Изл.: MOM. С. 499–501.

²⁰¹ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. С. 352.

²⁰² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 245. Стп. 3. Л. 246.

Видимо, Государев родословец, использовавшийся в приказе, не пополнялся. В 1627 г. В. Н. Пушкин подал «роду своему роспись»²⁰³, которая схожа с официальной редакцией, однако в ней отсутствуют последние 6 поколений, тот же результат дала и проверка родословной, поданной местничавшими с ним Плещеевыми²⁰⁴. Текст, которым пользовались в Разряде еще через 20 лет, можно представить по цитате о роде Ратши, выписанной из родословца в связи с делом Н. А. Зюзина – Б. И. Пушкина 1648 г.²⁰⁵

Проверка претензий представителей родов, не вошедших в Государев родословец, проходила по-иному. В качестве примера отсутствия родословной М. Е. Бычкова комментирует дело В. Г. Зюзина с Ф. Ф. Нагим 1576 г.²⁰⁶: «Василей сказал, что он родился в Литве и летописца у него нет». Обратились к представителю ветви Зюзиных, оставшейся в свое время на родине, который и уточнил родословную родственника²⁰⁷. Несмотря на эту консультацию, сведения о роде Зюзиных в Разряде и спустя 72 года оставались прежними: когда в 1648 г. Н. А. Зюзин получил от Б. И. Пушкина отповедь – «Зюзины – люди не родословные», справка из приказа констатировала (после выписи о Пушкиных): «А Зюзиных и Шетневых род в государевой родословной книге не написан»²⁰⁸. И. К. Бегичеву, отцу известного публициста середины XVII в. И. И. Бегичева, ввиду отсутствия его рода в официальном родословце, пришлось подавать в 1623 г. подробнейшую роспись, возводившую род к татарскому князю, участнику битвы на Воже²⁰⁹. Уже А. И. Маркевичем была отмечена его ссылка на неизвестную до сих пор «приезжих родов на государскую книгу»²¹⁰. Росписи Бегичевых нет ни среди поданных для составления Бархатной книги в Палату родословных дел, ни среди выявленных М. Е. Бычковой родословцев разных редакций²¹¹. М. Г. Кротов отметил, что поданная И. К. Бегичевым родословная совершенно не сходится с опубликованной Л. М. Савеловым²¹², однако подтверждается (в ближайших поколениях) документами Поместного приказа²¹³. Оправдывая отсутствие своей росписи,

²⁰³ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 35. Стп. 2. Л. 1–426. Опул.: ВМОИДР. Т. 14. С. 19–192.

²⁰⁴ Там же. Л. 173, 175. Ср.: РИИР. С. 123–124, 126–131; ВМОИДР. Т. 10. С. 131, 173.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 218. Л. 138. Изл.: MOM. С. 496. Ср.: РИИР. С. 126.

²⁰⁶ Бычкова М. Е. Родословные книги. С. 131–132; РИС. Т. 5. М., 1842. С. 6–7. Изл.: MOM. С. 295–301.

²⁰⁷ РИС. Т. 5. С. 33.

²⁰⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 218. Л. 138. МИМ. С. 458.

²⁰⁹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 16. Стп. 1. Л. 7, 8.

²¹⁰ MOM. С. 437.

²¹¹ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки. С. 425; Бычкова М. Е. Родословные книги.

²¹² Савелов Л. М. Родословные записки. М., 1906. С. 255.

²¹³ Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 11606. Л. 313–325, 403, 658–662. Благодарю М. Кротова за предоставленную информацию.

кн. Г. К. Волконский писал: «И многие роды в родословце не написаны, которые при прежних государях бывали... во всяких государевых больших чинах: тверские роды – Борисовы, Бороздины, Колединские, Кафтыревы, Ендогуровы, Лыковы; а рязанские роды все в государеве родословце не написаны»²¹⁴. В Разряде (в деле 1627 г.) отрицали существование и основателя рода его соперников, Колтовских, а в 1631 г. – и родоначальника князей Вяземских²¹⁵. В XVII в. также обращались за уточнениями к членам рода, которые подавали подписанную «скаску», целью которой было, во-первых, уточнить родословную, а во-вторых – определить положение местника в роду. 15 марта 1627 г. 16 членов рода Колтовских подали сказку: «Начались мы от... прородителя Михаила Ивановича, который служил у Шемячича на Севере в Стародубе и отъехал на Рязань к великому князю... и начал по вотчине слыть Колтовской... И мы то промеж себя выложили от своих предков... хто у нас в роду каков по лестнице в местех». Также подали сказку 20 князей Волконских²¹⁶.

Распространенным явлением были вольные и невольные подтасовки в родословцах. В 1614 г. бояре, судившие спор И. С. Погожего с Ф. К. Плещеевым, велели обоим принести «лествицы родов»; по сверке оказалось, что Плещеев вывел себя от М. И. Колотки-Плещеева, по Государеву родословцу бездетного. Ответчик бил челом, что это описка дьячка; его допрашивали и о соотношении с другими членами рода, что особо заинтересовало одного из судей, кн. Б. М. Лыкова: князь, «встав из-за стола, бил челом боярам», прося зафиксировать, что Дмитрий Плещеев больше Федора²¹⁷. Следующий случай не заставил себя ждать. В 1616 г. Ф. К. Смердову-Плещееву на суде с кн. Ф. И. Лыковым велено было принести «память своему родству». Думный дьяк Сыдавной Васильев выяснил, что в Государевой родословной книге написано, «к которому прадеду Федор Плещеев причитался, и тот... написан... бездетен... И государь велел ему отказать, что он бьет челом не делом»²¹⁸. Позднее, в 1649 г., кн. Д. Е. Мышецкий упрекал Плещеевых, что они в

²¹⁴ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 559. Л. 311.

²¹⁵ Там же. Л. 188–195: «...что Михайло отъехал на Рязань и начал слыть Колтовским... тово в родословной книге не написано». Кн. Вяземскому, подавшему во время тяжбы с М. А. Вельяминовым свою роспись от смоленских князей, ответили, что кн. Андрея Владимировича Долгорука, первого удельного князя Вязьмы, не нашли, «а от ково Вяземские пошли, тово в родословной книге не написано». См.: РИС. Т. 5. С. 93, 145–146, 196–198. Изл.: МИМ. С. 458–459.

²¹⁶ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 559. Л. 33, 35.

²¹⁷ Дворцовые разряды XVII в. Т. I–IV. СПб., 1850–1855. Т. I. С. 118–119. Далее – ДР.

²¹⁸ Там же. С. 229–232; Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с Высоч. соизволения II Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии. Т. I – II. СПб., 1853, 1855. Т. I. С. 208–210. Далее – КР.

поданной лестнице не ставят тех, кто служил в Новгороде, «в бесчестных чинах... от себя отчищая и в лестнице не указывая»²¹⁹. 22 февраля 1639 г. писателю и публицисту кн. С. И. Харе-Шаховскому пришлось выслушать строгий приговор: «Ты бил челом на князя Степана Гагина воровством своим... по лестнице роду своею написал князя Степана себе внуком. И ты Государева указу не послушал, что велено быть без мест... а мочно быть и отцу твоему менши князя Степана Гагина сына»²²⁰. Нарушения указов о безместии порой карались довольно строго, но «воровство» в родословцах – никогда. Поэтому странным выглядит добавление к этому приговору (по делу с кн. С. И. Велико-Гагиным) в одной из редакций разрядов: «И государь велел тебя за то послать в Сибирь»²²¹. Нам ничего не известно об опале на кн. С. И. Шаховского в этот период²²²; скорее всего, переписчик одной из разрядных книг, наслышанный о многочисленных опалах в бурной и несчастной жизни писателя, решил «привязать» одну из них к местническому случаю.

В 1618 г. В. А. Третьяков-Головин на суде с кн. Ю. П. Буйносовым доказал, что часть ростовских княжат – Бахтеяровы, Гвоздевы и Приемковы – исторически «меньше» Третьяковых-Головиных. Тогда за Буйносова вступились представители старейших ветвей – кн. И. М. Катырев-Ростовский и боярин кн. А. В. Лобанов-Ростовский, заявившие, что «у них по роду Буйносовы – большие». Эта высокопоставленная родня и подтасовки дьяка Сыдавного Васильева инициировали спор, приведший Третьякова к поражению, опале и тюрьме. Однако более всего проигравшего возмутило вольное обращение кн. Катырева со своей собственной родословной: «Мне с тобою, князь Иван Михайлович, – в сердцах бросил Третьяков, – не сошлось, готов хоть с внуком твоим быть, но отец твой, князь Михайло Петрович... за Буйносовых никогда не вступался, и ты, вступаясь, себя позоришь»²²³. В. Б. Шереметев, жалуясь на своего подчиненного, оскольского воеводу Д. И. Репея-Плещеева, писал: «А преж сего их род – Бяконтовы, Басмановы, Очины и другие с Шереметевыми бывали

²¹⁹ Ф. 210. Оп. 19. Ст. 64. Л. 1–4.

²²⁰ ДР. Т. II. С. 590–591, 599–600.

²²¹ Там же.

²²² С. И. Шаховского ссылали в 1622, 1644, 1649 гг. См.: *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII в. Труды по истории и источниковедению. М. 2004. С. 151–153.

²²³ ДР. Т. I. С. 325–327, 514–517; КР. Т. I. С. 555. Младшие Ростовские с помощью Сыдавного Васильева добавили в приговор слова «и всех Ростовских быть меньше мочно». Пересмотра дела Третьяков добился только в 1622 г., когда выяснили, что «своровал дьяк... велел написать без государева указу, а то дело не всхожее, и велик и мал в Ростовских князьях, не ровны Ростовские... а ныне государь... тое записки и скаски не вели поставить в дело».

бесспорно; а Туровкины-Плещеевы были в детях боярских и из городов, и у митрополитов... и на Москве в стрельцах... и в пирожниках»²²⁴. Неплохо разбирался в генеалогии служилых родов кн. Г. К. Волконский, что видно из его ответа на претензии Колтовских: «Сказывают Колтовские, что они Редегины, а Колтовских в Редегиных нет, а от Редеги роды – Зайцовы, Хабаровы, Елизаровы, Бирдюковы, Векентьевы, Белеутовы, Клушины, Сорокоумовы»²²⁵. В 1646 г. кн. И. Ф. Лыков «у скаски бил челом, что ему с князем Михайлой Петровичем Рыбиным-Пронским не бывать, потому что он Рыбин, а не Пронский»²²⁶. Удивительный резон привел в 1663 г. Н. И. Шереметев: он заявил, что «указу не противен» и смотреть в столы на именинах царевича Федора Алексеевича совместно с кн. Ю. П. Трубецким готов, только князь – иноземец (?!). За отсутствием разрядно-родословных доказательств своего превосходства стольник вспомнил о вычитанном в родословцах «выезжем» происхождении потомка северских княжат. Этот неуместный исторический экскурс восприняли в приказе как попытку личного оскорбления Трубецкого: «... Трубецкие не иноземцы: старый род, честной», и челобитчик вместе со своим старшим родственником боярином П. В. Шереметевым за «непристойное челобитье» поплатились – на них «велено было доправить ему Юрью окладу в полы»²²⁷. Так неожиданно в середине XVII столетия прозвучал отзвук давних столкновений выезжих княжат и старомосковского боярства. Уже спустя 11 лет после отмены местничества, в 1693 г., возник близкий по типу конфликт: в гостях у того же П. В. Шереметева поссорились бояре кн. М. Г. Ромодановский и А. С. Шеин. Первый обозвал род Шеиных «изменническим» (вспомнив, видимо, казненного деда, М. Б. Шеина) и «величался московским князем»; в свою очередь, А. С. Шеин ругал его «худым князем». Известный вельможа раннего петровского времени кн. Б. А. Голицын присудил обоим к штрафу за бесчестье, а Ромодановского – еще и к тюрьме, причем с чисто местнической формулировкой – «честь Шеиных перед ними во многом знатна, и люди они перед ним честные»²²⁸.

Обвинение в происхождении от захудавшей, незнатной ветви рода также было методом «утягивания». Так, в 1643 г. А. Г. Желябужский, местничаясь с И. С. Чевкиным, утверждал, что последний «не прямых Чевкиных».

²²⁴ ДР. Т. 3. С. 42–44. Изл.: МИМ. С. 419, 515–516.

²²⁵ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 559. Л. 195.

²²⁶ ДР. Т. 3. С. 52.

²²⁷ Дополнение к Т. 3 «Дворцовых разрядов», – СПб., 1854. С. 378–380, 383–384. Далее – ДДР.

²²⁸ ПСЗ. Т. III. № 1410. Изл.: МОМ. С. 86–87.

В том же году К. А. Трусов в деле с кн. Ф. Ф. Волконским оправдывался: «А тем, государь, прозвищем опричь Великого Новгорода есть и иные Трусовы, и те Трусовы не нашево роду»²²⁹. Необходимостью отмежеваться от захудалой родни были вызваны местнические конфликты внутри таких родов, как Хитрово (1642 г.), Аничковы (1643 г.), Квашнины-Самарины (1661 г.), Языковы, Бутурлины (1662 г.)²³⁰.

Умение хорошо ориентироваться в чужих родословных и служебном старшинстве было, как уже отмечалось, необходимым условием для «утягивания» рода соперника, т.е. оглашения его незнатного происхождения или заведомо низких, не разрядных служб, которые в свое время ему приходилось исполнять. В 1631 г. М. А. Вельяминов отвечал на суде с кн. В. Г. Вяземским: «А упрекают, государь, меня князь Василий Вяземский с братьею, будто родители мои бывали в головах и в сотниках стрелецких и в губных старостах, и тем род мой бесчестят»²³¹. Выше уже упоминалось об «утягивании» Пушкиными кн. Долгоруких службой у духовных иерархов²³²: подобный факт бывал для соперника лакомым куском, так же как служба у какого-нибудь светского вельможи, например, служба Тарха Плещеева у П. Ф. Челяднина, которой кн. Д. Е. Мышецкий «утягивал» Плещеевых в 1649 г.²³³. Обвиняемый либо опровергал эти факты, либо доказывал, что в то время эта служба была вполне почетной. Тот же М. А. Вельяминов объяснял, что «в городничих де изо многих родов бывали, а в бесчестье тем родам тово по се места не ставят, потому что городничие бывают по своему наказу, а ведают их одни большие воеводы, а товарищем до них и дела нет»²³⁴. Несомненным «утягиванием» было, конечно, оглашение факта службы предков или самого местника в приказной администрации. В деле Я. А. Демьянов – И. П. Писемский 1620 г.²³⁵ стороны, предъявив ряд актов из семейных архивов, обвинили друг друга в «низком» происхождении (предки обоих были дьяки); тогда Демьянов заявил, что отец Писемского был подьячим, а его – дьяком, и даже «выше» В. Я. Щелкалова²³⁶. При проверке боярских списков в Разряде оказалось, что в 1582 г. он действительно был туда записан, правда, между братьями А. Я. и В. Я. Щелкаловыми, но уже в следующем списке 1589/90 г. был понижен и записан среди дьяков уже седьмым²³⁷.

²²⁹ ДР. Т. II. С. 713, примечание (далее – прим.); Ф. 210. Оп. 9. Ст. 181. Стп. 3. Л. 38.

²³⁰ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1118. Л. 437–440, 445–447; ДДР. С. 259, 324; МОМ. С. 387–388.

²³¹ РИС. Т. 5. С. 117.

²³² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 245. Стп. 3. Л. 246.

²³³ РГАДА. Ф. 27. Д. 65. Л. 2.

²³⁴ РИС. Т. 5. С. 279–280.

²³⁵ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 17. Стп. 3. Л. 1–41.

²³⁶ Там же. Л. 1.

²³⁷ Там же. Л. 35.

В свою очередь, Писемский «утягивал» Демьянова службами дяди и братьев, которые были решеточными приказчиками, стрелецкими сотниками, «а иные были на Москве в судных приказах в неделях», а затем нанес последний удар: «Да у Якова Демьянова брат родной Дмитрией Афанасьев сын Демьянов ныне в попах в Курмышском уезде на Лыскове горе», на что Демьянов не без иронии ответил: «...брата в попах нет, а будет Ивану Писемскому тот поп, про которого он сказывает, надобен, и он бы по него посылал»²³⁸.

С целью «утягивания» поповским происхождением была создана и хулительная легенда о роде Нееловых и Гурьевых, согласно которой они произошли от протопопа Черниговского собора Неела и его пономаря Гурия, сопровождавших чудотворную икону св. Николы в свите черниговских князей, которые почему-то оставили их с иконой в Тарусе, где их потомки стали послужильцами, а впоследствии были испомещены в новгородских пятаинах²³⁹. Таким образом, даже происхождение от соборного протопопа, да еще связанного с чудотворной иконой, могло казаться «недостойным». Не помогала порой и «личная» связь со службой царскому дому. В. Н. Пушкин в деле с А. О. Плещеевым 1627 г. отрицал свое родство с Никифором и Докучаем Пушкиными, которые «прозвищем Пушка, а взяты с Твери с посаду», причем их мать якобы была кормилицей царевича Федора Ивановича²⁴⁰. Таким образом, даже молочные братья царя были бы не «в версту» родословному человеку. Наилучшим же методом было полное отрицание служилого статуса предков. Так, род Петрово-Соловово в некоторых родословцах выводят от «конского мастера» (коновала), не без иронии обыгрывая, видимо, «лошадиную фамилию».

«Утягивание» полным отрицанием благородного происхождения соперника было характерно для местничеств дьяков. Среди немногочисленных дел этого типа уникален комплекс, связанный с именем дьяка А. И. Козлова, которому за шесть лет пришлось выдержать три тяжелые тяжбы с дьяками А. Кошечевым (1660/01), В. В. Ушаковым (1662) и В. В. Бреховым (1664–1665)²⁴¹.

В 1662 г. дьяк Челобитенного приказа В. В. Ушаков в присутствии окольничего И. М. Милославского и чинов шведского посольства поругался с дьяком Сыскного полоняничного приказа А. В. Козловым. Затем Козлов

²³⁸ Там же. Л. 11, 12, 38.

²³⁹ Баранов К. В. Легенда о родоприсхождении новгородцев Апрельевых, Нееловых и Гурьевых // Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992. С. 34–36.

²⁴⁰ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 35. Стп. 2. Л. 128–130.

²⁴¹ ИА. 1993. № 2. С. 189–209.

бил челом, что Ушаков – духовного происхождения, и брался это доказать. Ответчик сделал аналогичное контрразоблачение. На очных ставках и в поданных челобитных стороны обвиняли друг друга в фальсификации своего происхождения и в самозваном приписывании себя к служилым родам Козловых и Ушаковых. Последний подчеркивал «незаконное», а первый – «поповское» происхождение соперника, представив в доказательство неведомо как попавшую в его руки родословную роспись Ушаковых, уникальность которой заключается в том, что это роспись не дворянского, а провинциального поповского рода: «Роспись дьяка Василья Попова, что назвался воровски Ушаковым, пономареву и попову его роду, а воровству его Васильеву... Прадед его... был церковный бобыль в Ярославском уезде, в селе Березниках, прозвищем Срака, а имя ево прямое сродники ево скажут, которые в сей росписи написаны. А дед ево Киприян... тут не в понамарях, а ис пономарей был в попах, пострижен и умер в Олександрове пустыне. А отец ево Васильев Василей же, из церковных дьяков, был в попах же в селе Березниках...»²⁴². Далее идет перечисление не менее 20 родственников – попов, пономарей, теток – просвирниц и т.д., заключающееся эпизодами из бурной молодости самого Ушакова: «А как за свое Васильево воровство отец его поп Василей от церкви отослал и з двора ево збил, и он, Василей, в Ярославле и на Костроме кормился всякою работой, и в торговых банях воду лил, и на судах на Низ хаживал»²⁴³. Документ этот представляет огромный интерес, что отметил еще С. К. Богоявленский, указывая на церковное происхождение многих дьяков²⁴⁴, но следует сделать оговорку: если вся эта родословная Козловым вымышлена (а Ушаков, как он доказывал, принадлежит к городовому дворянству), то она обретает скорее литературный интерес и должна была бы быть рассмотрена ниже, среди «хулительных» легенд.

Подобное же обвинение послужило началом делу об «отеческом бесчестье» городских дворян семейства Огалиных и И. Ф. Кучюкова. Последний 12 мая 1636 г. на службе в Переславле-Рязанском обругал их «поповою природою» (а по их словам – «поповичи») ²⁴⁵. Кучюков сказал, что Влас Огала, их предок, «был в Ярославле поп, и от того де они пошли Огалины». Истец, И. М. Огалин, ответил целым вопросом: «Тот поп Влас которой церкви в Ярославле, городе или уезде был, и сколько тому лет, и при котором государе?»²⁴⁶. Ответчик отказался представить доказательства: «Про то ведает город Ярославль, где у которой церкви тот Влас

²⁴² ИА. 1993. № 2. С. 207–208.

²⁴³ Там же. С. 208.

²⁴⁴ *Богоявленский С. К. Приказные дьяки.* С. 223.

²⁴⁵ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 284. Л. 21–22, 59–69.

²⁴⁶ Там же. Л. 64.

был поп, он ему де не все церкви приходить». Опровергая его, Огаины представили выписки из десяти XVI в. и заявили: «Они Огаины лет со двести и больши, служили по Ярославлю, и на Ярославле переведены на Коломну до Опришнины, лет болши осмидесяти»²⁴⁷.

Легенды о выезде и происхождении родов изучены еще недостаточно, причем здесь необходим анализ не только источниковедческий, но и культурологический и литературоведческий, в качестве примера которому можно привести работу А. П. Богданова о «Генеалогии» Игнатия Римского-Корсакова²⁴⁸. Однако наряду с панегирической традицией, вершиной которой в XVII столетии, бесспорно, стало упомянутое сочинение архиепископа Игнатия, с рубежа XVI–XVII вв. возникает и традиция критическая или сатирическая, образцы которой были определены в свое время Н. П. Лихачевым как «генеалогический пасквиль». Возникавший в среде соперничавших родов в ходе местнических, землевладельческих и иных столкновений, имевший в своей основе реальный факт, сплетню или анекдот, пасквиль этот иногда превращался в развернутое обстоятельное повествование, тайно хранившееся в родовом архиве или, наоборот, получавшее хождение среди заинтересованных в «хуле» родов. Наиболее известный памятник этого типа – легенда о незаконном происхождении кн. Волконских, неоднократно использовавшаяся их соперниками²⁴⁹. Один из ранних ее списков находится в уже рассмотренном нами деле С. В. Колтовского – кн. Г. К. Волконского. Конспективно изложенная история скандальной любви тарусского князя Юрия Михайловича и «проскурницыной дочери» «девки Апы», которую ему пришлось оставить по настоянию смоленского архиепископа Фотия, чрезвычайно интересна²⁵⁰. Похоже, что к этому времени кн. Волконским уже приходилось с ней сталкиваться, почему они и потребовали сведений о первоисточнике. Как оказалось, С. В. Колтовский списал ее у Ляпуновых, которые местничали с Волконскими в 1625 г.²⁵¹ Бытовала легенда, видимо, широко и к Ляпуновым попала тоже «от друзей». В дальнейшем она вошла в некоторые списки родословных книг и восходит к челобитной Колтовских 1627 г. А. В. Шеков полагает, что возникла легенда ранее и, возможно, в среде самих потомков

²⁴⁷ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 284. Л. 63, 67. Эта фраза может служить еще одним косвенным подтверждением взятия Ярославля в опричнину.

²⁴⁸ Игнатий Римский-Корсаков: Генеалогия / Сост. А. П. Богданов. М., 1995.

²⁴⁹ Этой легенде посвящены два параграфа в кн.: *Шеков А. В. Верховские княжества*. (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI вв.). Тула, 1993. Гл. 3. История Волконского княжества (XIV – нач. XVI вв.). С. 56–60.

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 559. Л. 177–178.

²⁵¹ ДР. Т. 1. С. 668, 678–679, 713–714; КР. Т. 1. С. 1052 (местничали с Волконскими У. С. и В. П. Ляпуновы).

тарусских князей, когда они начинали в массе входить в государев двор и местничать между собой²⁵². Интересно, что Колтовские тоже «уличались» в незаконном происхождении, как бастарды от связи кн. Д. Ю. Шемяки и кн. Феодоры, дочери кн. И. Ф. Голенина-Ростовского и жены кн. С. Ю. Вороны-Ростовского; якобы их сыном был боярин В. Колтовский, отец одной из жен Ивана IV, Анны²⁵³. Еще более широко (с записью в местнические справочники) была распространена легенда о Сукиных. Н. П. Лихачев, опубликовав ее в качестве иллюстрации к очерку о дьяках братьях Щелкаловых, относит ее оформление к 1663 г., времени местнического столкновения думного дьяка С. И. Заборовского с окольным О. И. Сукиным²⁵⁴. Лихачев отмечал, что этот пасквиль, «как и легенды о происхождении кн. Волконских и Петрово-Солововых», особенно любопытен характеристикой того впечатления, которое оставили после себя Щелкаловы²⁵⁵. Любопытно сравнить критику Н. П. Лихачевым легенды о Сукиных (Сукины не могли быть потомками дьячка середины XVI в., поскольку занимали видное положение уже в начале века, и т.д.)²⁵⁶ с системой опровержений, примененной в XVII в. кн. Г. К. Волконским: «Князь Юрий Михайлович был на своих удельных вотчинах 6740 г., а Смоленск в те лета за русскими государи не был, а был за литовскими... Смоленскому владыке из Литвы ко князю Юрию Михайловичу писать было не мошно – в те поры в Смоленску владыки не было» и т.д.²⁵⁷. При всех несообразностях, объясняемых уровнем исторических знаний того времени (еще Г. Ф. Миллер заметил, что тарусский князь жил в XIII в. и никак не мог погибнуть в «Мамаевом побоище», как считали Волконские²⁵⁸), путь, выбранный Волконским, был принципиально верен; с критики легенд и актовых подделок началось и западноевропейское источниковедение. Завершающим актом преследования Волконских этой легендой стал протест представителей старших ветвей рода – кн. Оболенских-Репниных, Турениных и Лыковых при записи рода Волконских в Бархатную книгу. Правда, позиция этих трех княжеских родов оставалась шаткой – не решаясь бросить тень на нравственность общего предка, они просто отрицали существование у него

²⁵² *Шеков А. В.* Верховские княжества. С. 59.

²⁵³ MOM. С. 484. В действительности – Алексей Игнатьевич.

²⁵⁴ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 559. Л. 179–180.

²⁵⁵ ДДР. С. 374–375; *Богоявленский С. К.* Приказные дьяки. С. 227–228; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. М., 1987. С. 85.

²⁵⁶ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. С. 217.

²⁵⁷ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 559. Л. 186. Изл.: МИМ. С. 459; MOM. С. 450–457. Епархия в Смоленске тогда существовала, но о епископе в 30–90-е гг. XIII в. действительно ничего не известно. См.: *Строев П.* Списки иерархов. СПб., 1888. С. 589.

²⁵⁸ РГАДА. Ф. 199. Портфель 284. Ч. II. Д. 7.

сына – предка Волконских²⁵⁹. Обвинение в незаконном происхождении прозвучало и в устах кн. И. Г. Звенигородского в 1603 г., когда он отвечал на челобитье кн. Д. Г. Аксака-Бельского: «...вели... сыскати, почему ему с ним невместно, сыскати родство ево, от которово он корени пошол, и почему оне князи пошли; а у князя Дмитрея дед был не князь, Григорей слыл Горчак, а Григорей Иванов сын Горчаков, а Иван... сын кн. Ивана Морткина, добыл ево у девки у Крися (sic!) а та девка Козлова дочь, а оне... по матери слыли Козловы, то их родство...»²⁶⁰. Подобный анекдот показывает, из каких семян могли при случае возникнуть «пасквильные» легенды.

Оглашение фактов предосудительного поведения предков также входило в арсенал местников. Многие факты политической жизни, даже фамильной истории, указывает С. О. Шмидт, «сохранились в семейных преданиях наряду с записями о службах предков и местнических спорах»²⁶¹, приводя в пример «Памфлет на род Сухотиных», о котором, правда, неизвестно, применялся ли он на практике. Этот памятник был составлен, по предположению опубликовавшего его В. А. Александрова, кем-то из рода Хрущовых ок. 1668/69 г. и остался «памятником соперничества служилых фамилий»²⁶². Большую часть этого сочинения занимают приключения в период «Смуты» Ф. В. Сухотина, впечатляющие той вереницей клятвопреступлений и зверств, которые им были совершены на службе у тушинского и псковского самозванцев, И. И. Болотникова, царя Василия Шуйского и в числе которых – убийства кн. В. К. Черкасского, жены и детей Степана Ляпунова и т.д.²⁶³ Зерном для подобного же сочинения могли бы послужить слова М. А. Вельяминова: «Вяземские князи... объявились только в опришные годы, в кою пору дед ево, князь Васильев, Офонасей Долгой Вяземской посягал на крестьянскую кровь»²⁶⁴, или слова Ю. И. Татищева, во время тяжбы с С. В. Головиным в 1622 г. уверявшего, что «по ево наносу зять ево, боярин кн. Михайло Васильевич Скопин-Шуйский убил с ним Семеном вместе на дворе у себя без вины... брата моего роднова Михайла Игнатьева Татищева»²⁶⁵. Обвинение это, заметим, не выдерживает критики, поскольку убийство видного деятеля Смуты произошло осенью 1608 г., когда С. В. Головин находился на переговорах со шведами в Выборге²⁶⁶.

²⁵⁹ РГАДА. Ф. 199. Портфель 284. Ч. II. Д. 7. К тому же этот сын, Ивашка Толстая Голова, родившийся до законного брака отца, был им признан и получил удел на р. Волконе. Он, хотя и «бастард», все же был бы старшим в роду.

²⁶⁰ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 5. Л. 4.

²⁶¹ Шмидт С. О. Становление... С. 175.

²⁶² Александров В. А. Памфлет на род Сухотиных // История СССР. 1971. № 5. С. 119.

²⁶³ Там же. С. 119–120.

²⁶⁴ РИС. Т. 5. С. 67.

²⁶⁵ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 27. Л. 60.

²⁶⁶ Платонов С. Ф. Очерки истории Смуты. М., 1937. С. 292.

В родословном памфлете Алферьевых-Нащокиных²⁶⁷, построенном наподобие сборника сведений о своем роде и о членах родов, в которых можно было предположить будущих местников, сведены были в основном факты о лицах и родах, резко выдвинувшихся при Лжедмитриях I и II, а также Василии Шуйском, что, по мысли составителя, их компрометировало, например, «а ноне тот князь Григорей Роша Долгорукой на Москве был околничей, а дал ему тое честь Розстрига, за то, что воцарял его на Московское государство», «а ноне тот Микита был на Москве боярин, а дал ему то боярство Вор под Москвою в таборех, а ис предков Вельяминовы в боярех не бывали», «а ноне тот князь Василей Звенигороцкой на Москве околничей, а дал ему тое честь король под Смоленском, а из предков Звенигороцкие на Москве в окольничих не бывали», «Федору дал окольничество Шуйской, а Ивану окольничество дал под Смоленском король, а ис предков Головины на Москве в боярех не бывали», и т.д.²⁶⁸ В 1634 г. Л. Г. Сумин-Курдюков в запальчивости бросил кн. В. Г. Ромодановскому, что-де его родственник кн. Д. М. Пожарский в 1613 г. «подкупался» на Московское царство, истратив какую-то фантастическую сумму в 20 тыс. рублей, чтобы «воцариться». Не осознав, видимо, вначале всей опасности для себя такого политического обвинения, повлекшего за собой разбирательство на самом высоком уровне (Пожарский был еще жив и занимал важные посты), Л. Г. Сумин при расследовании испугался и стал отрицать сам факт того, что он это сказал²⁶⁹. Теперь не поддаются проверке и известные обвинения в политических интригах, выдвинутые кн. Б. М. Лыковым в адрес кн. Д. М. Пожарского и его матери²⁷⁰, и факты интимной близости девиц из рода Сукиных с дьяками А. Я. и В. Я. Щелкаловыми²⁷¹, и обвинение дьяком А. И. Козловым дьяка В. В. Ушакова в чернокнижии; на решение же местнического суда подобные сведения обычно не влияли.

Обвинения дьяка В. В. Брехова в его деле с дьяком А. И. Козловым, уже рассмотренном нами, интересны бытовыми реалиями: «Дьяк Ортемей пишет ложно, причисляясь к звенигородцам Козловым... мать ево была девкою в холопах у кн. Михайла Кайбулина и бежала в девках с чело- веком ево Ивашкой Фоминым сыном Козиным, и объявилась замужем

²⁶⁷ Анхимюк Ю. В., Павлов А. П. Местнический памфлет Алферьевых против «новых бояр» // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 213–244.

²⁶⁸ Там же. С. 238, 242–244. Публикаторами была установлена неточность части приведенных автором памфлета сведений (см. сноски).

²⁶⁹ Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1848. Кн. 7. С. 122. Далее – Чтения ОИДР.

²⁷⁰ РИС. Т. 2. С. 268.

²⁷¹ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки. С. 213–215; Местнический справочник. Вильна, 1910. С. 66–67.

в Касимовском уезде... за попом Иваном Козлом... и после того попа мать ево, Ортемья, свезла на Болахну к тетке... »²⁷² и т.д. Злоключения ее кончились с выходом замуж за балахнинского подьячего В. Спискова, человека, видимо, состоятельного, родной брат которого, Кондратий, был протопопом Московского Архангельского собора, а другие родственники служили в приказах. Видимо, Козлов своей карьерой был отчасти обязан отчиму и его родне. Дьяк Козлов отрицал не все, «разночинный» же брак матери объяснял просто – «от бедности»: отец, небогатый звенигородский служилый человек, вернулся из плена и вскоре умер, поместье «лежало в пустоте». Вдобавок друзья дьяка В. В. Брехова сфальсифицировали в Разрядном приказе справку о службах рода Козловых – одних не написали, другим снизили чины. Эти происки Козлов парировал, огласив сведения о том, что мать Брехова вообще «торговала молоком на Москве за Москвою рекою, где бабы ставятца с молоком... в том слался на стрелецких жон, которые в то время молоком торговали...»²⁷³. В конце концов обширный клан городских дворян Козловых решил положить конец скандалу, нансившему урон и по их репутации. «Сродник наш, по роду брат, а иным дядя, Артемей Иванов сын Козлов, служит в дьяцех...» – возмущенно писали они в челобитной; «...а он Василей, молодого отца сын и сам исконный подьячей». Н. Ф. Демидова замечала, что Брехов пытался отрицать явно дворянское происхождение Козлова²⁷⁴. Вне зависимости от того, насколько истинны были родственные взаимоотношения Козловых, они были взаимовыгодны. Влиятельный столичный родственник-дьяк был находкой для белозерских, звенигородских, можайских и суздальских служилых людей. Недаром его обвиняли в устройстве родни (о белозерце В. Козлове «бил челом... в стремянные конюхи и ставил перед государем») в дворцовую службу. В свою очередь, многочисленная провинциальная родня в «служилых городах» была крепким тылом для приказного дельца сомнительного происхождения²⁷⁶.

«Хулительные» подробности не могли, повторяем, повлиять на решение местнического суда, но по гражданскому законодательству квалифицировались как «бесчестье», за которое обычным порядком взимался штраф. Обвинения же в «холопском» происхождении родоначальников, также весь-

²⁷² Ф. 210. Оп. 17. Ст. 25. Л. 92, 96.

²⁷³ Там же. Л. 90.

²⁷⁴ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия... С. 86.

²⁷⁵ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 25. Л. 68.

²⁷⁶ Н. И. Павленко проследил процесс «восстановления» дворянского достоинства тульскими заводчиками (Баташовым, Мосоловым и др.), которые заручились поддержкой однофамильцев – тульских дворян. См.: Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. М., 1962. С. 506–510.

ма частые²⁷⁷, влекли за собой особое разбирательство. Один родословный пасквиль, стилизованный под «судный список», связан с упоминавшейся выше «Поганой книгой». Он возник на базе реально имевшего место дела об «отеческом бесчестье» двух видных представителей верхушки новгородского «служилого города» – С. И. Кашкарова и С. Ф. Муравьева. Подлинное дело сохранилось лишь во фрагментах (обнаруженных М. Е. Бычковой и К. В. Барановым)²⁷⁸, но на его основе возник легендарно-хулительный вариант дела, в котором оба рода выставляются как происшедшие от холопов. Этот текст обычно предварял в качестве предисловия списки «Поганой книги». По мнению К. В. Баранова, доказавшего пасквильный характер этого «судного списка», вполне возможно, что он являлся памфлетом против новгородской дворянской корпорации в целом²⁷⁹. Заметим, что фальшивые записи о местничествах в разрядах, как правило, фиксируют победу или иное преимущество какого-либо рода, что помогает иногда определить происхождение редакции (например, «бутурлинские» подделки).

«Унижала» род принадлежность предка ко двору удельного князя или, позднее, какого-либо вельможи (служба митрополитам и т.д.), о чем уже упоминалось. Подобные сведения тщательно собирались с целью как опровержения, так и обвинения: например, Г. Г. Пушкин отрицал службу предков у патриарха, ростовского и крутицкого митрополитов, заявляя, что они не служили даже у удельных князей, в то время как предки его соперников – кн. Долгоруких служили у ростовского архиепископа²⁸⁰ (о чем мы уже упоминали, так же как и о службе Тарха Плещеева П. Ф. Челяднину, по свидетельству кн. Д. Е. Мышецкого)²⁸¹. Таким же холопом-послужильцем был, вероятно, и И. А. Дурной, «который дан в Литву в приданое»; от его сына, оставшегося в России и служившего Шемячичу, производили себя Колтовские. Проверка в Государевом родословце подтвердила данные об отце, но не о сыне²⁸². Интересно, что Волконские не заинтересовались этим сведением. Возможно, что холопство-вассалитет у великих князей не считалось «подлым» по сравнению, например, с таким: «Да тот же Григорей Горчак, князь Дмитреев отец, – писал кн. И. Г. Звенигородский, – служил

²⁷⁷ Шмидт С. О. Становление... С. 299.

²⁷⁸ Абрамович Г. В. Поганая писцовая...; Базилевич К. В. Новгородские помещики...; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.

²⁷⁹ Баранов К. В. Историография Поганой книги... С. 32–33; Бычкова М. Е. Состав... С. 158–159; обнаруженные ею фрагменты дела см.: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1648. Д. 145. Л. 1–8.

²⁸⁰ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 245. Стп. 3. Л. 244, 246, 251.

²⁸¹ Ф. 27. Д. 65. Л. 2.

²⁸² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 559. Л. 189–191. В Румянцевской редакции часть этих сведений есть: «Сын Михайло служил у Шемячича, а в Стародубе на поместье». См.: РИИР. С. 164.

по кабале у Василия Бороздина, и князь Владимир Андреевич Старицкий у Василия кабалу и ево к себе взял, и он был у него прикащик в селе Порудце»²⁸³. Р. В. Алферьев в 1572 г. в деле с кн. В. В. Литвиновым-Масальским вспомнил его родственника, который, видимо, начальствовал над псарней своего суверена кн. И. М. Воротынского²⁸⁴. О родоначальниках Петрово-Соловово в ряде родословцев записано: «Жильцы были хламовские, братья родные, большой брат Бык, а меньшой брат Жук, а были они у великого князя резанскова конские мастера... а в детех боярских Бык да Жук не бывали...»²⁸⁵. Вероятно, на измышление «подлой» профессии коновала повлияла «лошадиная фамилия». О холопстве матери дьяка А. И. Козлова уже упоминалось; пасквиль это или реалии жизни оставшейся без средств вдовы мелкого служилого человека – определить невозможно. Анализируя «Памфлет на род Сухотиных», В. А. Александров сравнивал его героя с «несравненно более крупной фигурой Истома Пашкова, о биографии которого известно очень немного»²⁸⁶; о том, как приключениями последнего объяснялось захудание одной из ветвей его рода, поведало местническое дело, начавшееся перебранкой двух жильцов – К. Ф. Пашкова и Г. Б. Врасского (кстати говоря, представителя рода, известного по событиям Смуты в Астрахани)²⁸⁷. Последний обругал Пашковых «холопами боярскими». По жалобе К. Ф. Пашкова бояре его допросили. Врасский подал своеручную сказку о некоем Иване Петрове, холопе Хириных, рассказывавшем ему, что он – «каширян Пашковых, а Истома де Пашков был мне двоюродный дядя... как де изменил Истома Пашков царю Василью Ивановичу, и сидел с вором Петрушкою на Туле, и мы... с тое поры стали в рассеянье и закоснение, и служить начали у Хириных и в иных дворах». Интересно, что эти сведения, по крайней мере применительно к известному И. Пашкову и его ближайшей родне, ложны; наоборот, за переход на сторону Василия Шуйского они были награждены солидными поместьями, а некоторые впоследствии вошли в состав государева двора, как, например, их потомок К. Ф. Пашков²⁸⁸.

В одном из «родословных пасквилей» подвергается шаржированию и такой популярный и «почетный» сюжет родословных легенд, как «выезjee иноземство»: в «хулительной» родословной Апрелевых, стилизованной под выпись из верстальных книг, рассказывается об их предках, действительно «выезжих», но... всего лишь как взятые в плен при занятии Смоленска

²⁸³ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 5. Л. 4.

²⁸⁴ *Колычева С. А.* Холопство и крепостничество. М., 1971. С. 64.

²⁸⁵ Ф. 181. Оп. 1. Д. 173. Л. 395.

²⁸⁶ *Александров В. А.* Памфлет на... С. 119.

²⁸⁷ *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. М., 1951. С. 223–250, 485–487.

²⁸⁸ Ф. 210. Оп. 13. Ст. 209. Л. 11–18; *Князьков С. Е.* Материалы к биографии Истома Пашкова и истории его рода // АЕ за 1985 г. М., 1986.

«даточные люди литовского короля», т.е. не дворяне, испомещенные, конечно же, в числе «холопов» по Новгороду²⁸⁹.

Заключение

В данной главе мы реконструировали источниковую базу местнических конфликтов, собрав все сохранившиеся сведения об их делопроизводстве. Реконструкция эта остается теоретической, поскольку единого хранилища, в котором были бы собраны все эти документы, никогда не существовало, и только часть их в архиве Разрядного приказа была сгруппирована вместе, остальные хранились разбросанно и не выделялись из приказного делопроизводства. Эта реконструкция преследовала методические цели – обзреть весь комплекс источников и определить репрезентативность сохранившихся материалов. Здесь также рассмотрен вопрос о соотношении архивных описательных статей, касающихся этих дел и разрядных записей, причем выяснено, что целая группа дел, описанных в Царском архиве, отсутствует в Государевом разряде (и всех прочих разрядах), а это позволяет уточнить время создания этого основополагающего для всего института местничества документа. Анализ местнических дел позволил выявить определенное количество родовых архивов, а также ряд составлявших их документов, как уцелевших благодаря предъявлению их копий на процессах, так и не сохранившихся и известных только по цитатам и упоминаниям в качестве доказательств на суде. Документы, сохраненные в родовых архивах, иногда даже копировались для пополнения Разрядного архива, который их утратил, но так и не найдено убедительных причин, почему Государев родословец, постоянно применявшийся приказом в качестве официального справочника, так официально и не пополнялся. Изучение методов проверки судебными комиссиями сведений, предъявленных местниками, позволило выяснить, что документы подвергались проверке на подлинность и пригодность, что они могли быть отвергнуты по формальным и политическим причинам, а обращение комиссий к делам, хранившимся в Разрядном приказе, или за справками в другие приказы было редким явлением. Исследуя все эти материалы, можно сделать вывод, что для служилых людей практически всех рангов «генеалогическое сознание», опиравшееся на информацию об истории своего рода и родов-соперников, сохранявшуюся в письменной и устной традиции, а также на информацию о составе государственных архивов, являлось естественным. Для любого служилого человека было характерно самоосознание не в качестве независимой личности, а как частицы своей родовой корпорации в служилом «пространстве»

²⁸⁹ Баранов К. В. Легенда о родопроисхождении новгородцев... С. 34–36.

или «степени» своей родословной «лествицы» во времени. Ниже будут рассмотрены представления о критериях местнической чести в некоторых группах социальной элиты. Например, как будет показано ниже, городовые служилые корпорации местничали обычно со вторым воеводой города, но отдельные роды, принадлежавшие к этим же корпорациям, могли гордиться своим родством с кем-нибудь из столичных дьяков. Заслуживает внимания и общепринятость сословного презрения к белому духовенству; происхождение от него даже для мелких городских дворян XVI–XVII вв. являлось несмыаемым позором, равным происхождению от незаконной связи или от холопов. У правительства, видимо, не было четко выраженной позиции по отношению к этой социальной группе. Возможно, переход из нее в другую группу рассматривался как деяние если и не «богопротивное», то отнюдь не положительное. Дважды, в 1640 и 1657/58 гг., издавались указы о запрещении принимать на службу в приказы лиц, происходивших из духовенства (правда, первый раз – также и из посадских людей и свободных крестьян, а второй – «распов и раздьяконов»). Анализирувавший эти документы С. К. Богоявленский отмечал, что они, видимо, не исполнялись, ибо аппарат мог лишиться наиболее образованных кадров²⁹⁰. Бытование и развитие легенд-пасквилей о родах соперников также можно считать своеобразным элементом общественного сознания. Из приведенных нами примеров видно, что в незаконном происхождении семью обвиняли довольно редко (кн. Волконские, кн. Д. Г. Аксак-Бельский, Колтовские), значительно чаще – в холопском (кн. Аксак-Бельский, Кашкаровы, Козловы, Колтовские, кн. Литвиновы-Масальские, Пашковы, Плещеевы) или в «поповском» (Гурьевы, Козловы, Нееловы, Огалины, Сукины, Ушаковы), распространены были обвинения в службе у духовных и светских вельмож и в дурном с политической или моральной точки зрения поведении соперника или его предков (Бреховы, кн. Вяземские, Головины, кн. Пожарские, Сукины, Сухотины, кн. Трубецкие и др.). Зачастую трудно решить, что важнее – подлинность событий, отраженных в легендах-пасквилях, или их интерпретация, и что ценнее – новые исторические факты или сам феномен их вымышленности, создающий новую культурную реальность. Таким образом, институт местничества первым дал стимул для сбора, применения, критики и проверки самых разнообразных документально-исторических материалов: жалованных и невместных грамот, переписки воевод с приказами, десятен и др. списков служилых людей, служебных памятей и отписок, разрядных записей, родословных росписей, собиравшихся в родовых архивах, став предвестником дальнейшего изучения всех их как исторических источников.

²⁹⁰ Богоявленский С. К. Социальное происхождение и служба дьяков в XVII в. // Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. М. 2006. С. 391–393.

Глава 3 КАРЬЕРА И МЕСТНИЧЕСТВО

3.1. Понятие победы и поражения в конфликте

При исследовании местничества неизбежно возникает вопрос, во имя чего затевался конфликт, что означали победа и поражение для дальнейшей жизни его непосредственных участников и их родов. Для начала следует уточнить терминологию. Что в понимании людей того времени являлось победой? «Чистых» ситуаций, когда, допустим, истцу предлагали место или ранг, аналогичный месту ответчика, или даже ответчика «обиняли», почти не возникало. Администрация Разрядного приказа была весьма компетентна в генеалогически-служебных соотношениях членов государева двора и не могла совершить особо грубой ошибки при назначении (не считая ситуаций, инспирированных «сверху» и политически окрашенных, являвшихся исключением из правил, таких, о которых будет сказано ниже, например дела А. Ф. Адашева). Н. Коллманн считает «победу» истца большой редкостью. По ее подсчетам, из 1076 дел XVI–XVII вв. истец выигрывал 14 раз (1%), 254 раза (24%) был удовлетворен без проведения процесса, 132 раза (12%) ему было велено служить, «как указано». Автор не расценивает как выигрыш ситуацию, когда истца отставляют, не принуждая исполнять опротестованное им назначение, когда и истцу, и ответчику объявляют безместие, когда сообщают, что «дадут счет после службы». Однако мы не можем согласиться с этим выводом. Недаром в глазах самих местников подобные завершения конфликтов выглядели если не победой, то и далеко не поражением, поскольку на указанные варианты прецедентов местники ссылались как на «находки» в последующих делах. Рассмотрим варианты конфликтов и их разрешений.

3.1.1. «Невершение» дела или обещание решить его после службы

Если суд был «не вершен», то на ответчика могли бить челом другие лица ему «в версту», опасаясь распространения случившегося прецедента на себя. Ф. К. Смердов-Плещеев писал в 1616 г. в связи с тяжбой с кн. Ф. И. Лыковым, что у него были при царях Борисе и Федоре

суды с кн. С. Д. Щербатым и Ю. Г. Пильменовым, у «брата» его местника – кн. Б. М. Лыкова с кн. Д. М. Пожарским, и они все не вершены, а кн. Щербатые, в частности, меньше его родителей; Плещеев, правда, проиграл, но только потому, что не смог доказать свое прямое родство с теми Плещеевыми, которые были выше кн. В. Гвоздева и др.¹

3.1.2. Решение о переподчинении истца от ответчика первому воеводе

Следует, видимо, считать выигрышем ситуацию, когда один воевода бьет челом на высшего по должности воеводу и ему велят быть в подчинении не у него, а у первого воеводы данного разряда, города и пр. Например, в апреле 1613 г. под Тихвином, когда И. Н. Сунбулов протестовал против назначения его в сход ко второму воеводе Л. А. Батракову-Вельяминову, его переподчинили первому воеводе кн. С. В. Прозоровскому². Аналогичный случай имел место 26 сентября 1613 г., когда Ф. И. Пушкин бил челом на кн. Д. И. Мезецкого³. Вариантом подобного дела являлся случай, когда в наказе писались имена первого и второго воевод (или, допустим, послов или назначенных в придворную церемонию), а лицо, назначенное третьим или, предположим, посланное к ним обоим с поручением (и по тогдашним правилам автоматически занимавшее третье место), просило оставить в наказе имя только первого, дабы не быть ниже второго (например, кн. С. Ф. и М. Ф. Волконские в 1615 г.)⁴. В приведенном случае кн. Волконские, посланные «спрашивать о здоровье» боярина кн. И. А. Хованского и М. А. Вельяминова, добились того, чтобы в наказе оставили только имя князя. Такого же рода конфликт возникал со вторым воеводой иногда у городской дворянской корпорации, причем бывали случаи разрешения его в пользу истцов. Для самого побежденного это явно могло считаться «потеркой», от опасности которой его избавляла, как правило, ситуация, в которой подобное дело не записывалось в официальные разрядные книги. Например, дело городских дворян рязанцев с И. З. Ляпуновым 1645/46 г.⁵, мещерян с Д. П. Тургеневым около 1655 г.⁶, а также практически все сохранившиеся подобные дела. И наконец, уже на излете местничества, в эпоху, когда все большую роль приобретали регулярные войска, а значение дворянского ополчения и, соответственно, разрядной пятиполковой структуры падало, появляется указ от 24 февраля 1676 г., согласно которому полковникам и головам

¹ ДР. Т. 1. С. 229–232, 250; РК 1550–1636. Т. 2. С. 292–294.

² Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 129; ДР. Т. 1. С. 91. Далее – БРЗ.

³ ДР. Т. 1. С. 115–117.

⁴ Там же. С. 185–186, 207.

⁵ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 299. Л. 40–41.

⁶ Там же. Ст. 299. Л. 1–4, 98.

московских стрельцов велено быть с первыми воеводами, «без товарищей». Но уже в мае следующего 1677 г. стрелецкий полковник стольник С. Ф. Грибоедов запрашивал подтверждение этого указа в связи с назначением в полк к боярину кн. Г. Г. Ромодановскому; такое подтверждение ему было дано из Разрядного приказа, причем в нем цитировался формуляр наказов, данных согласно этому указу боярину кн. В. В. Голицыну и стрелецким полковникам Д. Баранчеву и Д. Лаговчину от 13 июня и 29 августа 1676 г.⁷

3.1.3. Отставка истца от назначения

Отставка от оспариваемой должности, видимо, тоже должна считаться если не победой, то уж никак не поражением истца. Например, в апреле–мае 1614 г., когда К. И. Михалков был пожалован постельничим, тем же указом С. Я. Милюкову было пожаловано стряпчество с ключом, однако Милюков бил челом на Михалкова⁸, поскольку считал себя равным ему или выше, а чин постельничего был выше чина стряпчего с ключом; «и государь его пожаловал, велел ему есть ставить», а на его месте «велел быть» И. И. Чемоданову. Дело в том, что постельничий ведал личными апартаментами царя во дворцах, их охраной и обеспечением всем необходимым⁹, стряпчий же с ключом управлял царской Мастерской палатой, где изготовлялся и хранился, в частности, гардероб царя¹⁰. Тем самым Милюков попадал в прямое подчинение Михалкову, а кроме того, оба этих чина были «честью против окольного», однако постельничий, видимо, мог «сидеть в Думе». Стольник же, не просто по чину, а которому реально поручалось государем «есть ставить», сохранял свое доверенное положение при дворе. Хотя чин его был ниже стряпчего с ключом, но выше обычного стряпчего и, может быть, обычного стольника. Так, оклад С. Я. Милюкова как стольника был всего 70 руб. и 800 четей против 150 руб. оклада стряпчего с ключом, который пожаловали занявшему этот пост И. И. Чемоданову¹¹.

⁷ Ф. 210. Оп. 14. Ст. 310. Л. 255–261.

⁸ ДР. Т. 1. С. 132.

⁹ «И того постельничего чин таков: ведает его царскую постелю, и спит с ним в одном покою вместе, когда с царицею не почивает, так же у того постельничего для скорых и тайных его царских дел печать. А честью тот постельничей против окольного». См.: *Котошихин Г. К.* О Московском государстве в сер. XVII ст. Гл. 2. «О царских чиновных людех». Статья 13 // Русское историческое повествование XVI–XVII вв. / Сост. Ю. А. Лабынцев. М., 1984. С. 188.

¹⁰ «Царская Мастерская палата. А в ней сидит стряпчей с ключом да дяк, а тот стряпчей честью против окольных, а в Думе не сидит. А ведомо в том приказе его царское платье и всякое одеяние, и мастеровые люди; ...да он же надсматривает над другими стряпчими». См.: *Котошихин Г. К.* О Московском государстве... Гл. 7. «О приказах». Статья 12 // Там же. С. 250.

¹¹ Боярская книга (далее – БК) 1627 г. / Подгот. М. П. Лукичев и Н. М. Рогожин. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1986. С. 23. Оклад постельничего Михалкова был 1000 четей и 150 руб. См.: БК 1615 г. // Акты Московского государства (далее – АМГ). Т. I. СПб., 1890. С. 139.

В 1616 г. И. И. Пушкин, будучи воеводой на Михайлове, бил челом на стоявшего на Рязани и тем самым возглавлявшего этот разряд И. А. Колтовского. Он прямо просил, чтобы «государь его пожаловал, велел быти к Москве», его просьбу удовлетворили, велели «ехати к Москве», заменив его младшим родственником ответчика Я. В. Колтовским¹². Устраивало возвращение к прежней должности и служилых людей более низкого ранга. Голова М. Ильин, назначенный к стрельцам и казакам в Пронск к воеводе А. Д. Есипову, бил на последнего челом. Его заменили головой Д. С. Ржевским и отправили в Воронеж на должность, аналогичную его прежней¹³.

3.1.4. Запись в Разряде претензий истца

Если итогом тяжбы становилось решение о «записи в Разряде» претензий истца, временно согласившегося с назначением, то это также не следует считать его поражением. Таких финалов конфликта очень много. Так, в сентябре 1614 г. на праздник Рождества Богородицы во время государева стола в с. Рубцове Л. А. Плещеев, стольник, «смотревший в кривой стол», бил челом на «смотревшего в большой стол» стольника И. П. Шереметева. На резонный вопрос, неужели он считает себя выше Шереметева, Плещеев пояснил, что конечно нет, но при царе Борисе на отца нынешнего стольника окольного (позднее боярина) П. Н. Шереметева бил челом окольный Д. И. Вельяминов, и тот суд не вершен¹⁴, «а Вельяминовы с Плещеевыми бессловны». Решено было записать в Разряд, что Вельяминовы меньше Шереметевых, и на таких условиях Плещеев продолжил «смотреть в столы по-прежнему»¹⁵.

3.2. Победители и побежденные:

Местники после Смуты. Истец или ответчик?

Для анализа результатов местнической тяжбы мы взяли период «возрожденного местничества», т.е. первые 10 лет после Смуты, когда вернувшееся к «старине» общество крайне активно использовало этот институт возможностями его применения при не вполне еще окрепшей власти монарха¹⁶. Насколько

¹² КР. Т. I. С. 120; ДР. Т. I. С. 212; ВМОИДР. Т. 14. С. 253.

¹³ ДР. Т. I. С. 183.

¹⁴ На самом деле, согласно Пространной редакции Разрядных книг, суд под председательством боярина кн. Н. Р. Трубещкого был в 1603 г. вершен, и Вельяминов его проиграл. См.: РК 1475–1605. Т. IV. Ч. 2. С. 66.

¹⁵ КР. Т. I. С. 84–85; ДР. Т. I. С. 155–156; РИС. Т. V. С. 320–321; МИМ. С. 313.

¹⁶ В 1611–1620 гг. было 133 случая, больше было только в 1621–1630 гг. – 142, в последующие десятилетия наблюдается постепенный спад (100, 109, 69, 55, 35, 11, 10). См.: Эскин Ю. М. Местничество // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 561.

часто и при каких обстоятельствах побеждали истцы в первое десятилетие после Смуты (1613–1623 гг.)? Количество этих побед распределяется по годам далеко не равномерно. Если рассматривать только случаи, когда бесспорно известен результат, то картина складывается следующая:

Таблица 3

Соотношение числа «случаев» с известным результатом и числа побед истцов в первые 10 лет после Смуты

Год	Количество случаев с известным результатом	Количество побед истцов
1613	12	10
1614	10	5
1615	12	3
1616	7	3
1617	12	10–11
1618	14	3–4
1619	5	1
1620	5	0
1621	6	1
1622	7	1
1623	8	3

Кто же эти зачинщики – победители местничеств первого после-смутного десятилетия? Конечно же это деятели затухающей гражданской войны. Хронологически первым из них стал Исак Сунбулов, которому в апреле 1613 г. разрешено было «быть с первым воеводой», кн. С. В. Прозоровским, минуя второго воеводу Л. А. Вельямина¹⁷. Это и кн. Д. Т. Трубецкой, которого во время коронационных действий сам царь просит принять безмestие ради своего дяди, И. Н. Романова, хотя «ему мочно быть менши тебя»¹⁸. Это и Ф. И. Пушкин – удовлетворяется его претензия на подчинение только первому воеводе, кн. Д. Т. Трубецкому, а не второму – кн. Д. И. Мезецкому¹⁹; это князя И. А. и Ю. Д. Хворостинины – назначения с ними князей А. И. Хованского и Ю. Е. Сулешева «отставляются» полностью²⁰. Вначале люди романовского круга еще терпят поражения: кн. И. Б. Черкасский (безмestие с

¹⁷ ДР. Т. 1. С. 91.

¹⁸ БРЗ. С. 109–110; ДР. Т. 1. С. 97.

¹⁹ ДР. Т. 1. С. 115–117.

²⁰ Там же. С. 1142, 1155–1156; БРЗ. С. 128.

В. П. Морозовым)²¹, кн. Ю. Е. Сулешев, И. П. Шереметев (последний был вынужден выполнить решение суда, подчинившее его Сулешеву, и, кроме того, стерпеть протест ряда воевод, оскорбленных этим его подчинением)²². В 1614 г. из 10 местнических побед половина – у истцов. Продолжали «доигрывать» конфликты Смуты. М. Е. Пушкин побеждает кн. И. Ф. Троекурова, О. Я. Прончищев – Перфилия Секерина²³, безмстие и невместные грамоты – таковы решения в пользу истцов по остальным делам, в том числе две грамоты – Г. И. Бархатову-Кокореву как итог его местничества против Н. Д. Вельяминова и Ф. Л. Бутурлина²⁴. Не наказан, а только возвращен в Москву заместничавший с кн. Ф. И. Волконским И. И. Язвцов, позднее патриарший стольник²⁵. Зато 5 побед одерживают ответчики, люди нового романовского окружения – С. Я. Милуков, В. П. Шереметев, Ф. Ф. Михалков, кн. И. Ф. Троекуров. В 1615 г. уже подавляющее большинство победителей – ответчики (из 12 – 9), что свидетельствует об усилении правящих кругов. Стабильно побеждают кн. И. Ф. Троекуров²⁶, Ф. Л. Бутурлин²⁷, А. В. Измайлов²⁸, И. Ф. Леонтьев²⁹, Ф. И. Шереметев³⁰. Положение М. А. Вельяминова менее прочно, он один раз выигрывает у не особо чиновного И. В. Спасителя и дважды терпит поражение от кн. С. Ф. и М. Ф. Волконских³¹. 1616 г. не дает репрезентативной картины, нам известно всего семь случаев с бесспорной победой одной из сторон, из них три – у истцов. Последние тоже люди Смуты: И. И. Пушкин выигрывает у И. А. Колтовского³², И. К. Карамышев – у кн. М. В. Белосельского³³, т.е. у представителей провинциальной аристократии и свойственников прежней династии. Стабильно выигрывают такие ответчики, как Ф. И. Шереметев³⁴, кн. Б. М. Лыков³⁵, П. П. Головин³⁶. В 1617 г., вероятно

²¹ БРЗ. С. 109; *Буганов В. И.* Дворцовые разряды I пол. XVII в. // АЕ за 1975 г. М., 1976. С. 254.

²² ДР. Т. I. С. 111, 112.

²³ Там же. С. 124.

²⁴ Там же. С. 151, 263; РИС. Т. V. С. 125–127.

²⁵ Там же. С. 146–147.

²⁶ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 138. № 738. Л. 32 об.; ДР. Т. I. С. 176–179; РК 1550–1636. Т. II. С. 276, 283. Далее – РГБ. ОР

²⁷ КР. Т. I. С. 85–88; ДР. Т. I. 210–211, 217; РК 1550–1636. Т. II. С. 281, 285.

²⁸ ДР. Т. I. С. 197.

²⁹ Там же. С. 185.

³⁰ Там же. С. 207.

³¹ Там же. С. 180–181; 185–187, 207.

³² КР. Т. I. С. 120; ДР. Т. I. С. 212.

³³ ДР. Т. I. С. 249; РК 1550–1636. Т. II. С. 295.

³⁴ КР. Т. I. С. 408–409.

³⁵ Там же. С. 209–210.

³⁶ Там же. С. 205–206.

в связи с прибытием Филарета, положение опять меняется. Начинается новое перераспределение мест в правящей верхушке. Из 12 случаев побед 5 – у истцов, причем «вчистую». Прежде всего это знаменитый деятель прошедшей эпохи Г. Л. Валуев, добившийся исключения из наказа имени третьего воеводы кн. Н. П. Барятинского³⁷ во время похода к Дорогобужу кн. Ю. Е. Сулешева. И. А. Колтовский³⁸, С. И. Меньшой-Волынский и Г. И. Бархатов-Кокорев по сути выиграли у кн. С. В. Прозоровского³⁹, окольничий А. И. Зюзин – у боярина П. П. Головина⁴⁰ и др. Объявлено безместие или выданы невместные грамоты И. П. Загоскину, кн. Б. В. Касаткину-Ростовскому (последняя, правда, спустя пять лет была отнята), кн. С. В. Прозоровскому; практически решено дело в пользу Д. И. Милославского, который опасался, что назначенный на место «выше» его выезджий знатный молдаванин Ф. М. Бояшев ранее служил ротмистром, «а ротмистры с ним бывали»; ему было пояснено, что его отечеству порухи не будет, т.е. подтвердили высоту статуса Бояшева⁴¹. Дважды проигрывает дела как ответчик кн. С. В. Прозоровский (см. выше) и один раз выигрывает (у Б. М. Нагого)⁴². После службы велено дать суд Н. П. Лихареву (с Ю. В. Вердеревским)⁴³ и С. Д. Яковлеву (с кн. М. М. Шаховским во Пскове; челобитье велено записать)⁴⁴. В 1618 г. из 14 случаев побед нет ни одной, которую бы «вчистую» выиграли зачинщики дел: так, при конфликте И. А. Колтовского и кн. Ф. И. Мерины-Волконского велено отставить обоих⁴⁵, И. А. и Л. А. Плещеевы были «розведены» с кн. Д. И. Мезецким. Посланный спрашивать о здоровье Филарета И. А. Плещеев бил челом на второго посла, кн. Д. И. Мезецкого; тогда велено ему было спрашивать только первого посла, Ф. И. Шереметева, а к Мезецкому послали В. И. Стрешнева, т.е. Плещеев выиграл. Однако по приезде Мезецкий продолжил тяжбу, заявив, что в 1613/14 г. (видимо, во время похода на Новгород) у него был в головах старший брат истца, Л. А. Плещеев; тогда Иван Плещеев отвечал, что его брат был в прямом подчинении у возглавлявшего эту неудачную военную операцию кн. Д. Т. Трубецкого. Мезецкий все же, видимо, опасался серьезного судебного процесса, поскольку не смог представить обещанные грамоты; возможно, потому, что в его

³⁷ ДР. Т. I. С. 263.

³⁸ Там же. С. 273, 274.

³⁹ Там же. С. 263–264.

⁴⁰ РК 1550–1636. Т. II. С. 302–303 (прим.), 306 (прим.).

⁴¹ КР. Т. I. С. 341–342; ДР. Т. I. С. 278–279.

⁴² КР. Т. I. С. 547–550; МОР. С. 747.

⁴³ КР. Т. I. С. 559; ДР. Т. I. С. 301, 350–352.

⁴⁴ Мятлев Н. В. Родословные записки нач. XVII века. М., 1912.

⁴⁵ ДР. Т. I. С. 323–324.

«случаях» было много таких примеров, которые задевали как отдельные лица, так и целые роды, с которыми князь не спешил испортить отношения. «...Как велели случаи взять у него, случаев де не дал потому, для многие ссоры со своею братьею; и государь бы велел суд дать, а приказал бы одному боярину судити»⁴⁶. Конечно, на такие особые условия правительство не согласилось – «и князь Данило Мезецкой перестал бить челом, а суда не захотел». В свою очередь, приказ «добить» соперника Л. А. Плещееву не дал, указав, что «...полно и того, что он с князь Данилом розведен...»⁴⁷. В 1619 г. из 5 побед только одну одержал истец, и то безусловную – тот же кн. Д. И. Мезецкий получил невместную грамоту на кн. В. П. Ахамашукова-Черкасского, но запись о ней имеется только в одной разрядной книге⁴⁸. В 1623 г. из 8 побед 3 можно посчитать одержанными истцами; Б. М. Нагой, назначенный первым воеводой сторожевого полка в украинный разряд, бил челом на кн. В. Р. Барятинского, первого воеводу передового полка. По известному указу и приговору эти должности были равны. Поэтому «у скаски» Нагой заявил, что ему «не токмо бесчестнее быть нельзя... но и в ровенстве с ним быть не мочно». Бояре напомнили ему, что здесь не просто равенство, а безместие, «передовому до сторожевого полка дела нет». Нагой отвечал, что Барятинский будет «похваляться этой «находкой», трактуя ее как «ровенство». Боярская комиссия заверила Нагого, что он опасается «не знаючи». По приговору в этих полках «и мал и велик живет», и кн. В. Р. Барятинскому это «в ровенство не поставят», и «бесчестья в том не будет»⁴⁹. Практически выиграл дело О. Т. Хлопов; он бил челом на второго воеводу Б. И. Нащокина, к которому не желал идти в сход; «и ему отказано» – записали в разряде, но изменили решение, направив Хлопова непосредственно к первому воеводе кн. Ф. С. Куракину⁵⁰. Интересен казус местничества четырех рынд, назначенных для приема черкасских мурз. Первым и вторым назначены были братья, молодые князья И. Г. Молчанка и В. Г. Меньшой Ромодановские, третьим и четвертым – К. Д. и П. Ф. Леонтьевы. Семья последних выдвинулась недавно, так как, очевидно, принадлежала к каким-то проромановским кругам или их клиентеле. Недаром Ромодановские называли их «коновалами» (спустя несколько лет, в 1635 г., И. Ф. Леонтьев, видимо брат Павла Федоровича, был московским ловчим с путем⁵¹). Ромодановские

⁴⁶ ДР. Т. 1. С. 380–383; 409–410.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ РК 1550–1636. Т. II. С. 321–322; нет в ДР. Ср.: ДР. Т. 1. С. 393, 394.

⁴⁹ ДР. Т. 1. С. 544–546.

⁵⁰ Там же. С. 550.

⁵¹ БК 1639 г. С. 28.

же заявляли, что не могут тягаться с такими «захудалыми детишки боярскими». Когда думный дьяк Ф. Ф. Лихачев велел Леонтьевым быть в рындах, отец одного из них, Данило, имел наглость спросить: «Государевым словом сказываешь, что сыну и племяннику моим с Ромодановскими быть без мест?» Лихачев спокойно и строго ответил, что он говорит не «государевым словом, а потому, чтоб вы государя не кручинили». Отстояв, Ромодановские, естественно, били челом «о бесчестье и оборони», и суд по делу назначили⁵². О влиятельности в этот момент Леонтьевых свидетельствует уже назначение безместия при назначении к Ромодановским, которые это стерпели и возмутились, лишь когда Леонтьевы выразили недовольство этим, по их мнению, недостаточным свидетельством своего фавора. Напрасно Ромодановские объясняли, что их соперники – по происхождению городовые дворяне-каширяне, «в разрядах государевых они не нахаживались, сыскать их не по чему», и просили разрешения «на суд с ними не хаживать», однако им навстречу не пошли, и царем указано было «судить, чем доведетца»⁵³. Боярин кн. И. И. Одоевский сказал им, что «буде де вы на суд не пойдете, и на Леонтьевых оборонь дать вам не по чему». Дело не окончилось, но его сохраняли в Разрядном архиве («Запись о местех, Кузьмы да Павла Леонтьевых со князь Иваном да князь Васильем Меньшим Григорьевыми детьми Ромодановского 132 году»), и в качестве примера «потерьки» Ромодановских упоминается еще по крайней мере в двух позднейших делах – 1627 г., рынд князей Волконских с князьями Ромодановскими⁵⁴, 1631 г. – кн. В. Г. Вяземского с М. А. Вельяминовым⁵⁵. Таким образом налицо процесс уменьшения количества побед истцов, хотя в первое десятилетие после 1613 г. вероятность их поражения еще не очевидна. Это свидетельствует о том, что в начале царствования Михаила Федоровича новая иерархия еще не полностью устоялась и что процесс ее кристаллизации, в частности, шел и в местнических тяжбах.

3.3. Ранги тяжущихся и их влияние на исход дела

Результаты местнического конфликта для дальнейшей судьбы его участников были проанализированы на примерах, как уже указывалось, всего массива «случаев» с 1613 по 1623 г. – первых 10 лет после Смуты.

⁵² ДР. Т. 1. С. 573–578.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 925.

⁵⁵ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 64. Л. 1–333; Ст. 1158. Л. 1–80; ДР. Т. 2. С. 225, 227, 231; MOM. С. 301–302.

Период этот можно охарактеризовать как время «возрожденного местничества». При исследовании учитывался статус (чиновное положение) участников конфликта и их дальнейшая карьера. Движение местников по социальной лестнице отслеживалось на протяжении десятилетия после тяжбы, а иногда и за несколько больший срок, но в целом приблизительно до середины 1630-х гг. Срок этот нам представляется достаточным для того, чтобы оценить, оказал ли конфликт какое-либо влияние на служебное положение его участников; кроме того, за это время истец или ответчик мог стать участником другого местничества, что, бесспорно, снижает «чистоту» исследования. Всего за 1613–1623 гг. нам известно 186 местничеств. Из них отобрано 97 случаев, в которых, как выше уже замечалось, дело было доведено до результата и налицо имелись победитель и побежденный.

При сравнении рангов местничавших сторон выяснилось, что в 2/3 случаев проигравший ниже рангом (имеет низший чин) выигравшего (64 из 97). Проигрывает, например, окольный против боярина, выборный дворянин против московского, московский дворянин против патриаршего (при Филарете) стольника. В случае, если чины соперников равны, более высокий статус выигравшего можно определить по его более крупному окладу. Например, В. П. Морозов, проигравший в 1613 г. кн. Д. Т. Трубецкому (оба – бояре), имел оклад в 300 руб., а Трубецкой в 500⁵⁶. Однако главное то, что затевавшие местнический спор не столько оглядывались назад, «подпирая» свои аргументы рангами и службами предков, сколько смотрели в будущее, заботясь о своем и «клановом» карьерном росте.

Рассмотрим относительные «последствия» местничеств ряда видных лиц первой трети XVII в. В 1613 г. юный царь «упросил» боярина кн. Б. М. Лыкова уступить за столом место боярину И. Н. Романову в праздники Рождества Богородицы и Вербное воскресенье (8 сентября 1613 г. и 17 апреля 1614 г.)⁵⁷. Иван Никитич был его родным дядей, а Борис Михайлович только мужем его тети, хотя считался значительно выше по родовитости и службам предков. И спустя несколько лет мы видим, что боярский оклад кн. Б. М. Лыкова на 200 руб. меньше оклада И. Н. Романова. В сентябре 1613 г. стольник Л. А. Плещеев местничал с кн. Ю. Д. Хворостининым на встрече персидского посла и выиграл⁵⁸. В 1616 г. у Хворостинина, уже

⁵⁶ Оклады высших думных и дворцовых чинов, время их пожалования и прочие сведения, не отмеченные сноской, здесь и далее почерпнуты из справочника: М. По, Б. Н. Морозова, О. Е. Кошелева: *The consular and ceremonial ranks of the Russian "Sovereigns court" 1613–1713.*

⁵⁷ ДР. Т. 1. С. 109, 128–130; Бахрушин С. В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича. // Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 94.

⁵⁸ ДР. Т. 1. С. 110.

стольника, оклад 70 руб. и 700 четей, в 1625/26 г. – 1000 четей⁵⁹, а у стольника Л. А. Плещеева – 150 руб. и 1000 четей⁶⁰. Кн. В. Г. Ромодановский в том же году выигрывает у кн. А. Ф. Кокореки Литвинова-Масальского; последний был стольником в Тушине⁶¹, в дальнейшем – московским дворянином. Ромодановский в это время – стольник с окладом в 80 руб. и 800 четей⁶². Кн. Литвинов-Масальский в боярской книге 1627 г. отсут-ствует, возможно по причине опалы; в начале 1630-х гг. он стряпчий, а с 1632 г. – окольничий с окладом в 300 руб. В. Г. Ромодановский, очевидно более молодой, к 1646 г. до-служился до окольничего с окладом в 400 руб. и к 1656 г. – боярина (500 руб.). Московский дворянин И. П. Шереметев неудачно пытался местничать с кн. Ю. Е. Сулешевым, который через полтора года уже стал боярином с окладом в 500, а вскоре – 550 руб. Шереметев же как стольник достиг к 1616 г. оклада в 200 руб. и 1000 четей (до «Московского разоренья» у него был оклад в 50 руб. и 800 четей)⁶³, а боярский его оклад был в 400 руб. В. П. Шереметев выиграл у И. Н. Траханиотова, тогда тоже московского дворянина. Оклад Траханиотова в 1627 г. – 40 руб. и 500 четей⁶⁴, В. П. Шереметева в 1628/29 г. – 130 руб. и 900 четей. Однако первый не двигается по чиновной лестнице, лишь оклад его к 1644 г. «за Астраханскую службу» вырастает до 75 руб. и 800 четей, в то время как Шереметев к 1641 г. уже боярин с прежним окладом, увеличенным в 1643 г. до 400 руб.⁶⁵ В 1614 г. стольники братья кн. С. В. и М. В. Прозоровские проигрывают братьям кн. В. С. и Ф. С. Куракиным⁶⁶. Старший из Прозоровских в 1616 г. имеет оклад в 170 руб. и 1200 четей, младший – 80 руб. и 800 четей; кн. В. С. Куракин в том же году имел оклад несколько выше – 215 руб. и 1200 четей, его брат – 145 руб. и 1000 четей⁶⁷. В 1627 г. Прозоровские имели соответственно 210 руб. и 1000 четей и 100 руб. и 800 четей⁶⁸, а Ф. С. Куракин (его старший брат Василий умер

⁵⁹ БК 1627 г. С. 13, 148.

⁶⁰ БК 1639 г. С. 30.

⁶¹ *Томенцев И. О. Смута в России в начале XVII в. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 300, 549.*

⁶² БК 1615 г. С. 140.

⁶³ БК 1627 г. С. 66.

⁶⁴ Там же. С. 72.

⁶⁵ БК 1639 г. / Подгот. М. П. Лукичев, В. А. Кадик, Н. М. Рогожин. Под ред. В. И. Буганова. М., 1999. С. 22, 89, 92.

⁶⁶ Куракиных назначили соответственно первым и вторым рындами, а кн. М. С. Прозоровского третьим (четвертым был С. М. Проестев, не бывший челом); боярская комиссия, возможно раздраженная тем, что Прозоровские не хотели представлять записи случаев, говоря, что «тогда и до многих бояр дойдет», признала даже его старшего брата, кн. Семена Прозоровского, меньше кн. Федора Куракина, а кн. Матвея послала в тюрьму. См.: ДР. Т. 1. С. 157–158.

⁶⁷ БК 1615 г. С. 139, 140.

⁶⁸ БК 1627 г. С. 26, 66.

в январе 1624 г.)⁶⁹– 145 руб. и 1000 четей⁷⁰, т.е. выше младшего Прозоровского⁷¹. В дальнейшем С. В. Прозоровский становится окольным (в 1630 г.) с окладом сначала в 300, а потом в 350 руб.; Матвей Прозоровский не достигает думных чинов⁷², а Ф. С. Куракину, согласно статусу его рода, прямо из стольников жалуется боярство (хотя и весьма поздно, в 1645 г.) с окладом в 450 руб. С. В. Прозоровский становится боярином в 1646 г. Московский дворянин Р. А. Вельяминов (в 1585–1587 и 1602/03 гг. жилец с окладом в 450 четей⁷³, в 1616 г. с окладом, вероятно, в 10 руб. и 900 четей⁷⁴) проигрывает стольнику⁷⁵ кн. И. Ф. Троекурову, с окладом в 70 руб. и 800 четей⁷⁶. Тогда же последнему проигрывает и Н. И. Ласкирев, московский дворянин, с 1622 г. – стольник с окладом в 50 руб. и 900 (или 800) четей⁷⁷. Троекуров вскоре становится боярином (в 1620 г.), правда, незадолго до смерти (1621 г.). И. В. Спасителев, московский дворянин (в 1604 г. – жилец, позднее, видимо, дворянин с окладом в 250 четей)⁷⁸ проигрывает М. А. Вельяминову, московскому дворянину с окладом (в 1627 г.) в 215 руб. и 1000 четей⁷⁹. Спасителев к 1624 г. – по-прежнему московский дворянин при назначенном «ведать Москву» на время царского похода в Троицу боярине Ф. И. Шереметеве⁸⁰. Мирон Вельяминов, видный военный деятель эпохи Смуты⁸¹, около 1640 г. становится окольным. В 1615 г. А. И. Дурной, выборный дворянин по Калуге, проигрывает стольнику И. Ф. Леонтьеву; оклады их в то же время соответственно 800 четей и 55 руб. и 850 четей⁸². Вскоре

⁶⁹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 96.

⁷⁰ БК 1627 г. С. 24.

⁷¹ В марте 1615 г. кн. С. В. Прозоровский еще раз проиграл кн. В. С. Куракину, уже в полковом разряде. См.: ДР. Т. 1. С. 173–174.

⁷² В 1648/49 г. он последний раз записан в разряды как воевода в Вязьме (ДР. Т. 3. С. 102, 130).

⁷³ *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004. С. 209, 264.

⁷⁴ БК 1615 г. С. 144.

⁷⁵ Стольник он уже в 1607 г. См. *Станиславский А. Л.* Труды по истории... С. 294.

⁷⁶ БК 1615 г. С. 139; оклад отмечен «до Московского разоренья» и, видимо, подтвержден.

⁷⁷ Ф. 210. Оп. 1. Боярские книги. Кн. 2. Л. 288 (БК 1628 г.).

⁷⁸ *Станиславский А. Л.* Труды по истории... С. 374.

⁷⁹ БК 1627 г. С. 72.

⁸⁰ ДР. Т. 1. С. 645. Последнее упоминание о нем в разрядах.

⁸¹ Подробное описание его боевой и политической деятельности в 1607–1618 гг. можно найти в челобитной его сыновей М. М. и А. М. Вельяминовых 1647 г. См.: Народное движение в России в эпоху Смуты нач. XVII в. 1601–1608.: Сб. док. / Сост. Р. В. Овчинников, В. И. Корецкий и др. Под ред. Н. М. Рогожина. М., 2003. С. 338–342.

⁸² БК 1627 г. С. 136; БК 1639 г. С. 28.

приближенные к новой династии Леонтьевы делают карьеру: в 1636 г. оклад И. Ф. Леонтьева повышается до 100 руб. и 1000 четей и он назначается московским ловчим с путем – возглавляет дворцовое охотничье хозяйство⁸³.

3.4. Влияние результата тяжбы на карьеру и материальное обеспечение служилого человека

Как уже отмечалось, когда разрыв в чинах соперников бывал достаточно велик, победа низшего – большая редкость. Интереснее рассматривать случаи местничества равных и их последующие судьбы. Так, в 1616 г. местничают московские дворяне И. К. Карамышев и кн. М. В. Белосельский. Победивший Карамышев имел к 1626 г. оклад на 12 руб. больше, чем Белосельский (соответственно 132 и 120 руб.)⁸⁴. В 1617 г. часто местничает уже упоминавшийся стольник кн. С. В. Прозоровский: когда-то активному тушинцу (и даже побратиму гетмана Я. П. Сапеги), видимо, стоило немало труда отстаивать свой статус, пускай даже понизившийся. В двух случаях он проигрывает – С. И. Меньшому-Волынскому и Г. И. Бархатову-Кокореву; еще в двух – побеждает – кн. Г. В. Тюфякина и Б. М. Нагого. Однако по службе он продвигается успешнее и тех и других. В 1616 г. у него как у стольника 180 руб. и 1200 четей⁸⁵ (убавленных, видимо, по «указу о 1000 четвертях»), потому что к 1622 г. у него 1000 четей, а к 1627 г. – почти максимальный для его чина оклад в 210 руб⁸⁶; с 1630 г. он – окольный с окладом в 300 и к 1636 г. к ним было прибавлено еще 50 руб. Что же касается его соперников, то С. И. Волынский к 1628 г. достигает 110 руб. и 1000 четей, Г. И. Кокорев – 55 руб. и 900 четей, Б. М. Нагой к 1622 г. – 800 четей и к 1624 г. – 60 руб.⁸⁷ Окольный А. В. Измайлов неудачно местничал в 1618 г. в посольстве с боярином кн. Д. И. Мезецким (правда, пожалованным высшим чином недавно); оклады у них были равные – по 300 руб. Но к 1627 г. оклад Измайлова возрастает до 370 руб., а Мезецкого – до 480 руб. Кн. Ф. А. Елецкий в 1618 г. побеждает кн. Б. А. Хилкова; оба они в то время были стольниками;

⁸³ БК 1639 г. С. 28.

⁸⁴ Ф. 210. Оп. 1. Кн. 2. Л. 187 об. (БК 1628 г.); Ф. 137. Оп. 1. Устюг. Кн. 4. Л. 19.

⁸⁵ БК 1616 г. С. 139.

⁸⁶ БК 1627 г. С. 66. Большой (да и приблизительно равный по сумме) оклад в это время встречается крайне редко, например у кн. И. Б. Татеева – 260 руб., Б. И. Морозова – 230 руб., в основном же он колебался от 15 до 130 руб. Там же. С. 23, 26 и др.

⁸⁷ БК. 1627 г. С. 29, 71, 80. Кн. Г. В. Тюфякин имел оклад в 70 руб. и 700 четей. См.: БК 1616 г. С. 139 (он умер в 1621 г. во время посольства в Персию).

но к 1626 г. у кн. Елецкого оклад уже 150 руб. и 900 четей, а у кн. Хилкова – 80 руб. и 800 четей⁸⁸. Тогда же местничают стольники В. А. Третьяков-Головин и кн. Ю. П. Буйносов. Третьяков первоначально был поверстан более высоким окладом – в 1616 г. у него 100 руб. и 1000 четей⁸⁹; однако победитель, кн. Ю. П. Буйносов, в 1616 г. еще не верстанный, в 1622 г. получает оклад в 60 руб. и 700 четей, повышенный в 1627 г. «для Астраханские службы» до 100 руб.⁹⁰, сравнявшись с окладом Головина, который все еще оставался прежним⁹¹. В дальнейшем, к 1648 г., кн. Ю. П. Буйносов-Ростовский из стольников возводится в боярство. Кн. И. Ф. Волконский в 1619 г. проигрывает кн. Р. И. Гагарину. В момент дела оба, вероятно, московские дворяне. К 1628 г. Волконский уже стольник, выигравший же Гагарин остается в прежнем чине; однако у Волконского оклад – 25 руб. и 500 четей, а у Гагарина уже в 1616 г. был оклад в 50 руб. и 700 четей⁹². Не «догнал» Волконский Гагарина и позднее; когда к 1639 г. первому надбавили до 30 руб. и 650 четей, второго уже, видимо, не было в живых⁹³. У местничавших тогда же бояр кн. Ю. Е. Сулешева и Ф. И. Шереметева были равные оклады по 500 руб.; к 1629/30 г. выигравший Шереметев получает уже 700 руб., а Сулешев к 1634 г. – только 550 руб. В 1620 г. местничали московские дворяне Г. А. Загряжский и С. И. Меньшой-Волынский; последний победил. В 1628 г. его оклад был равен 110 руб. и 1000 четей⁹⁴, а у Загряжского – 90 руб⁹⁵. Местничавшие в том же 1620 г. князя – московский дворянин Ю. И. Шаховской и стольник В. Г. Большой Ромодановский имели близкие по величине оклады: Ромодановский – 80 руб. и 800 четей⁹⁶, Шаховской – 74 руб.⁹⁷ Однако победивший Ромодановский в 1622 г. получает 130 руб. и 1000 четей⁹⁸, а в дальнейшем становится окольным (1646 г.) и боярином (1655 г.). В 1621 г. Б. Н. Давыдов проигрывает местничество кн. В. Р. Барятинскому. «При царе Василье» у Давыдова был оклад в 30 руб., с придачей «за болховскую и тульскую службу»

⁸⁸ БК 1627 г. С. 26, 68. Б. А. Хилкову был тогда подтвержден, но не увеличен его прежний оклад «до Московского разорения».

⁸⁹ БК 1616 г. С. 140.

⁹⁰ БК 1627 г. С. 24.

⁹¹ Там же. С. 27.

⁹² БК 1616 г. С. 143; БК 1627 г. С. 69. Р. И. Гагарин записан среди дворян без обозначения оклада, который, видимо, не изменился; БК 1639 г. С. 46.

⁹³ БК 1639 г. С. 46; ДР. Т. 2. С. 300; последнее упоминание в разрядах – 1632/33 г.

⁹⁴ БК 1628 г. (Ф. 210. Оп. 1. Кн. 2. Л. 187. Помета: «145-го умре»).

⁹⁵ Там же. Л. 198 об. Помета: «142-го постригся».

⁹⁶ БК 1616 г. С. 140.

⁹⁷ Ф. 138. Оп. 1. Устюг. Кн. 4. Л. 6 об.

⁹⁸ БК 1627 г. С. 27; БК 1639 г. С. 30.

20 рублей; однако, в связи с его «перелетом» в Тушино, из кормленной книги 1609/10 г. он был «вычернен». Позднее, в 1615 г., ему оклад в 50 руб. восстановили, а за участие в «китайском взятъе», т.е. штурме Китай-города в Москве в составе II Ополчения, повысили до 90 руб.⁹⁹ Оклад кн. Барятинского по ввозной грамоте 1619/20 г. на поместья в Костромском у. достигал 1000 четей и 105 руб. из Костромской же четверти¹⁰⁰. Окольничий С. В. Головин тогда же проиграл дело боярам князьям Ю. Е. Сулешеву и Г. П. Ромодановскому; несмотря на то что Головин и сам через год получил боярство, «потолком» его оклада стали 350 руб., а у его победителей, соответственно, они достигали 550 и 400 руб. То же самое можно отнести и к кн. Д. М. Пожарскому, проигравшему кн. Ю. Е. Сулешеву и навсегда отставшему от его боярского оклада на 100–150 руб.¹⁰¹ Г. В. Житов-Бороздин (рязанец, имевший 1614 г. оклад в 25 руб.; его оклад как московского дворянина в 1620-е гг. установить не удалось)¹⁰² в 1623 г. терпит поражение от стольников Б. М. Нагого и И. В. Головина; оклад первого из них в 1625/26 г. равен 60 руб., к 1626 г. к нему добавлено 800 четей¹⁰³; второй уже в 1609/10 г. имел оклад в 70 руб., сохранившийся за ним и после Смуты (до «Московского разоренья» у него было 50 руб. и 650 четей); в 1616 г. он получал уже 120 руб.¹⁰⁴ Проигравший же и к 1639 г. достиг только 35 руб. и 900 четей¹⁰⁵. Московский дворянин Б. И. Нащокин в 1623 г. проиграл кн. В. Р. Барятинскому – у Нащокина в 1618 г. был поместный оклад в 1000 четей, денежный в 1628/29 г. – 60 руб.¹⁰⁶ А выигравший кн. Барятинский в 1614–1616 гг. имел оклад в 30 руб.¹⁰⁷, к 1620 г. поместный оклад в 1000 четей и денежный до 1626 г. – 105 руб.¹⁰⁸ Вскоре тот же Нащокин выиграл у А. П. Совина, чей поместный оклад был ниже, чем у него, – 850 четей, а денежный выше – 97 руб.¹⁰⁹, но в дальнейшем Нащокин обгоняет его и по денежному окладу; который, как выше указывалось, к 1638/39 г. достиг 120 руб.¹¹⁰ Когда в 1623 г.

⁹⁹ Сухотин Л. М. Четвертчики... С. 277, 309.

¹⁰⁰ БК 1627 г. С. 73.

¹⁰¹ Пожарский до смерти в 1642 г. получал 400 руб. (БК 1639 г. С. 20).

¹⁰² Сухотин Л. М. Четвертчики... С. 45; БК 1627 г. С. 108.

¹⁰³ БК 1627 г. С. 29.

¹⁰⁴ Сухотин Л. М. Четвертчики... С. 311; БК 1639 г. С. 140.

¹⁰⁵ БК 1639 г. С. 103–104.

¹⁰⁶ Там же. С. 93. В 1637 г. он получил огромный для его чина оклад в 120 руб., но его соперника, видимо, уже не было в живых. Последнее упоминание – 1632/33 г. См.: ДР. Т. 2. С. 336.

¹⁰⁷ Сухотин Л. М. Четвертчики... С. 196–197.

¹⁰⁸ БК 1627 г. С. 73–74.

¹⁰⁹ Там же. С. 80.

¹¹⁰ БК 1639 г. С. 93.

заместничали два младших представителя дьяческих родов, стряпчий М. В. Ларионов и патриарший стольник М. Е. Телепнев, победа осталась за последним. Отметим, что отец М. В. Ларионова Василий Яковлевич был дьяком с окладом в 120 руб., а дядя М. В. Телепнева, Ефим Григорьевич, при меньшем окладе в 100 руб. был думным дьяком¹¹¹. К 1628 г. побежденный имел оклад в 20 руб., а победитель – 22 руб. и 550 четей¹¹².

Таким образом, данная выборка показывает, что результат местного дела пусть косвенно, но отражался на карьерном росте и финансовом положении дворянина и его клана, хотя с полной уверенностью отделить здесь причину от следствия мы не можем. Ясно одно – служилым людям XVI–XVII вв. было за что бороться в местных тяжбах, даже если с виду это никак не задевало их «честь» и материальное положение.

3.5. Местничество и служебно-политический крах

Местничество могло, как известно, стать инструментом в политической борьбе. Однако трудно с уверенностью утверждать, что поражение какого-либо лица в конфликте оказывалось следствием опалы (настоящей или грядущей). Например, в 1562 г. боярин кн. А. И. Воротынский, с которого частично была снята опала (по нему были взяты поручные записи), заместничал с боярином кн. И. И. Турунтаем-Пронским, сказавшись больным, чтобы не принять назначение ниже его (он должен был стать первым воеводой сторожевого полка, а Пронский – вторым, но в большом полку, т.е. назначен выше). Иван Грозный отправил Воротынскому жесткий выговор: «...И ты писал к нам не по делу, и мы о вас сыскивали, и нам то ведомо, что тебе пригоже князь Ивана Пронского быть менши. И ты б, князь Олександра, знал себе меру, и на нашей службе был по нашему наказу...»¹¹³ После этого Воротынский вскоре постригся в монахи¹¹⁴. Сложнее история первого и одновременно последнего местничества в жизни А. Ф. Адашева. Знаменитый политический деятель никогда не местничал. Род его не был особо знатным и чиновным: стремительно возвысились из городских дворян до думных чинов только его отец и он сам. В начале 1560 г. А. Ф. Адашев, окольный, доселе занимавшийся преимущественно административными и дипломатическими делами, получает военное назначение – четвертым воеводой большого полка

¹¹¹ «В думных дьяках не верстан». См.: БК 1627 г. С. 23, 116.

¹¹² БК 1628 г. (Ф. 210. Оп. 1. Кн. 2. Л. 48, 151).

¹¹³ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 1. С. 163.

¹¹⁴ *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001. С. 175.

кн. И. Ф. Мстиславского. Момент этот принято считать одним из симптомов грядущего краха политического курса правительства «Избранной рады» (вне зависимости от всех историографических построений, касающихся форм существования этого правящего совета)¹¹⁵, поскольку не удалось предотвратить вступление Речи Посполитой в войну. Правда, Р. Г. Скрынников полагает, что направление в действующую армию кн. А. М. Курбского и А. Ф. Адашева явилось попыткой, и на первых порах удачной, исправить положение – орденские и литовские войска были разбиты¹¹⁶. Но царь Иван всячески показывал, что не считает это большим успехом. После взятия Феллина (30 августа 1560 г.) воеводами там остаются И. И. Очин-Плещеев, О. В. Полев, Р. В. Алферьев. Царь велит заменить Плещеева Адашевым, и тогда второй воевода, О. В. Полев, бьет на окольного чело: «И Осип Полев на Олексея Одашева посылал государю бить челом, что ему менши Алексея быть... невместно. И государь велел Алексею Одашеву быть в Юрьеве Ливонском, а Осипу Полеву велел быть в Вильяне, да с ним Роману Олферьеву, да ноугородцу Григорью Онсимову¹¹⁷. Вместе с большинством исследователей Р. Г. Скрынников рассматривает это решение как проигрыш, явившийся следствием или преддверием опалы, указывая на то, что Полев доселе не имел ни думного чина, ни воеводских должностей¹¹⁸. Последнее утверждение неточно: О. В. Полев в 1654 и 1658 гг. был сначала четвертым, а потом третьим воеводой в новопостроенных Чебоксарах¹¹⁹, а по данным его семьи даже получил невместную грамоту на Ф. И. Салтыкова от 11 февраля 1554 г.; в Разрядном приказе грамоту проверяли, факт этого конфликта не подтвердили, но отметили, что О. В. Полев действительно был наместником в Брянске, а Салтыков – в Новгороде-Северском¹²⁰. Формально поражения не было, так как Адашев получил далеко не низшее назначение, к тому же в Юрьев, город значительно более важный, чем Феллин, и, видимо, вторым воеводой к первому – кн. Д. И. Хилкову. В официальных разрядах данные об этом местничестве, как и о последующих мытарствах в Юрьеве уже явно опального Адашева, отсутствуют, а все сведения черпаются авторами из Пространной редакции разрядов, летописей и сочинений Грозного и Курбского. Трудно согласиться с А. И. Филюшкиным, что

¹¹⁵ *Филюшкин А. И.* «А как он был во времени...» (Материалы к биографии окольного А. Ф. Адашева) // *Филюшкин А. И.* История одной мистификации. Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 281–282.

¹¹⁶ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 133–134.

¹¹⁷ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 1. С. 82–83.

¹¹⁸ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 135.

¹¹⁹ РК 1475–1598. С. 152, 172.

¹²⁰ РИС. Т. II. С. 87–88.

причиной отправки Адашева первоначально в Феллин был именно проигрыш тяжбы¹²¹. Если бы Адашев не находился в опале, Полев вряд ли посмел бы бить челом на окольничего и сына боярина. Ведь при дворе, во время различных церемоний, пока Алексей Федорович «был во времени», никто с ним не местничал. Однако назначение в Дерпт трудно, вслед за Скрынниковым, трактовать исключительно как унижение, а то, что кн. Д. И. Хилков отказался официально принять назначенного к нему товарища и не реагировал на его челобитья¹²², свидетельствует о его естественной реакции на события, происходившие в это время в Москве. Там в сентябре 1560 г. состоялся судебный процесс, на котором Адашев и Сильвестр были официально заочно осуждены как изменники и «чаровники», вредившие здоровью только что умершей царицы¹²³. Хилков, конечно же уведомленный о московском «соборище» (по горько-ироническому определению Курбского), как и положено российскому администратору всех времен, всецело зависящему от центральной власти, смертельно боялся не только поручать что-либо, но даже и общаться с назначенным к нему уже «зачумленным» вельможей, тем более что приговора, конкретизировавшего наказание, не последовало. Был ли Адашев воеводой арестован, точно неизвестно, а при каких обстоятельствах вскоре неожиданно умер – не знал, возможно, и сам Иван IV, судя по тому, что посылал в Юрьев следственную комиссию¹²⁴.

А. П. Павлов в своей монографии разворачивает убедительную картину местнических методов борьбы Бориса Годунова с политическими противниками и возвышения сторонников. Так, активный сторонник Бориса кн. Ф. А. Ноготков-Оболенский в 1600 г. добивается пересмотра и «вершения» своего дела 1597 г. с П. Н. Шереметевым и «учиняется» выше его шестью местами¹²⁵; в 1600 г. он же добивается суда (правда, не вершенного) с кн. А. И. Шуйским¹²⁶. Того же кн. Ф. А. Ноготкова, завершая его дело с Ф. Н. Романовым 1598 г., признают «местами больше» не только нынешнего поколения Романовых, но и их деда, Романа Юрьевича, тестя Ивана Грозного, что вообще ослабляло позиции всего рода в возможной борьбе за престол¹²⁷. 1 апреля 1599 г. боярин кн. Ф. И. Хворостинин,

¹²¹ *Филюшкин А. И.* История одной... С. 292–293.

¹²² *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 135.

¹²³ Там же. С. 136–137; *Шмидт С. О.* Становление... С. 208–211.

¹²⁴ *Филюшкин А. И.* История одной... С. 293.

¹²⁵ *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 72; РК 1475–1605. Т. II. Ч. 1. С. 128; Т. IV. Ч. 1. С. 130.

¹²⁶ *Павлов А. П.* Государев двор... С. 72; РК 1475–1605. Т. IV. Ч. 1. С. 87.

¹²⁷ Там же. С. 73; РК 1475–1605. Т. IV. Ч. 1. С. 84, 85; *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. М., 1988. С. 29.

четвертый за царским столом, бил челом на третьего, А. Н. Романова¹²⁸. Местничества против Романовых и их родни и сторонников 1596–1599 гг. стали преддверием их опалы 1600 г. В 1596 г. их родственник, боярин кн. И. В. Сицкий, выиграл дело у М. М. Кривоного и М. Г. Салтыковых¹²⁹. В ноябре 1598 г. Салтыковы попытались взять реванш (дело не было окончено), но Сицкого отправили к тому времени на воеводство в Астрахань, где в конце лета 1599 г. он по сути потерпел поражение от своего второго воеводы О. Т. Плещеева, получившего невместную грамоту¹³⁰. Пострадали местнически и другие родственники Никитичей, кн. Черкасские. Боярин кн. Б. К. Черкасский в апреле 1599 г. проиграл дело своему младшему родственнику, боярину В. К. Черкасскому, бывшему на него челом, причем был вынужден подчиниться под угрозой со стороны боярской комиссии лишиться его жалованья¹³¹. Правда, В. К. Черкасский в мае 1600 г. тоже не избежал конфликта с кн. Ф. А. Ноготковым¹³². Местничество И. М. Меньшого и Л. М. Пушкиных с родственником Годуновых кн. А. В. Елецким привело, по некоторым данным, к их опале¹³³.

По окончании Смуты прежний местнический порядок восстанавливался, однако, как нами уже замечалось, продолжался конфликт между «вынесенными наверх» в период гражданской войны родами и личностями (т.е. получившими думные и придворные чины от различных правительств с 1605 по 1611 г.) и родами, члены которых вошли в правительственный круг после 1613 г., все больше принимал местнический характер. Примером может служить дело стольника И. И. Чепчугова. 18 сентября 1613 г. на приеме персидского посла велено было быть в рынках в следующем порядке: I и II – кн. В. С. и Ф. С. Куракины, III и IV – кн. А. Ф. Литвинов-Масальский и И. И. Чепчугов. Двое последних осмелились (несмотря на то, что речь шла о несравнимых с ними по родовитости князьях Куракиных) отказаться – кн. Масальский «схоронился», а Чепчугов сказался больным.

¹²⁸ Павлов А. П. Государев двор... С. 73; РК 1475–1605. Т. IV. Ч. 1. С. 70.

¹²⁹ РК 1475–1605. Т. III. Ч. 3. С. 106–107.

¹³⁰ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 64. Стр. 2. Опубл.: РИС. Т. 5. С. 207–315; РК 1475–1605. Т. IV. Ч. 1. С. 177; Павлов А. П. Государев двор... С. 73.

¹³¹ Павлов А. П. Государев двор. С. 73, 83; РК 1598–1638. С. 74–75: «И бояре... говорили: Емлешь ты государева жалованья годового по пятисот рублей, да за тобою ж государева жалованья поместья и вотчины великие. А на государеву службу ты ехать не хошь, а сказываешься болен; и тебя пригоже написать с отставными дворяны, которые от службы отставлены... и жалованья тебе давать непригоже. И князь Борис Черкасской бил челом государю... чтоб государь милость показал, велел его отставить для болезни, а в жалованье волен Бог да ты, государь, чем меня, холопа своего, обложишь». И государь... князя Бориса Черкаскова пожаловал, велел от службы отставить, а о жалованье ялся указ учинить».

¹³² РК 1475–1605. Т. IV. Ч. 1. С. 101.

¹³³ Павлов А. П. Государев двор. С. 73; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 245.

Государь «ожидал их многое время», Масальского, видимо, сразу не нашли¹³⁴. Третьим рындой назначили кн. В. Г. Большого Ромодановского, а четвертым по-прежнему велено было быть Чепчюгову, которого освидетельствовали и признали здоровым. Тогда последний бил челом уже на Ромодановского. За последнего вступился уже сам кн. Д. М. Пожарский, как его знатный одноклассник: он отметил, что незнатные Чепчюговы «вынесены» были наверх по свойству со Щелкаловыми¹³⁵. П. Г. Любомиров подробно освещает карьеру отца Чепчюгова, Ивана Никифоровича: свойственник Щелкаловых, уже при царе Борисе он в московских дворянах, с высоким окладом; жена Василия Шуйского – его дальняя родственница, что позволяет ему находиться при дворе; сын его уже стольник; «перелетали» они и под Смоленск к Сигизмунду, где в 1611 г. И. Н. Чепчюгов стал ясельничим; однако, вовремя оказавшись в Ярославле, примкнули ко II Ополчению. После смерти отца сын, видимо, переоценил свои возможности: П. Г. Любомиров полагал, что именно это местничество разрушило его карьеру – его нет уже в Боярской книге 1627 г., и в разрядах после этих событий он больше не встречается¹³⁶.

Приведенные примеры, число которых можно множить и дальше, показывают, что местничество имело непосредственное влияние на дальнейшую судьбу его участников, и, хотя до ситуаций, подобных приведенным выше, дело чаще всего не доходило, наша статистика показывает, что из указанных нами 95 случаев за 1613–1623 гг., которые мы выбрали, 50 случаев свидетельствуют о том, что выигравший двигается по службе с большей скоростью, чем проигравший, его земельный и денежный оклады также растут быстрее¹³⁷. В то же время проигравшие быстрее двигаются по службе только в 8 беспорных случаях¹³⁸, из которых по крайней мере 3 случая объясняются позднейшей опалой победителя, не связанной с данным делом¹³⁹. Местнический конфликт, как мы видим, являлся и одним из способов борьбы политических группировок, а его исход мог иметь важные последствия, изменяя расстановку сил при дворе.

¹³⁴ ДР. Т. 1. С. 110–111. Когда изловили, то наказали батогами.

¹³⁵ Там же. С. 111.

¹³⁶ Любомиров П. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. Прил. 3. С. 296–297. В 1615 г. его в числе стольников уже нет, но появляется Андрей Иванович Чепчюгов, верстаный в 1615 г., а в 1627 г. с окладом в 25 руб. и 500 четей. См.: БК 1615 г. С. 141; БК 1627 г. С. 33.

¹³⁷ Реестр. № 986, 988, 989, 991–994, 996, 1008, 1011, 1017, 1027, 1033, 1040, 1042, 1043, 1046–1048, 1053, 1058, 1060, 1064, 1072, 1087, 1093, 1094, 1099, 1105–1107, 1110, 1112, 1117, 1125, 1127, 1130, 1134, 1136, 1140, 1141, 1149, 1156, 1161, 1163, 1164, 1168, 1173.

¹³⁸ Там же. № 995, 1000, 1008, 1016, 1019, 1035, 1067, 1069.

¹³⁹ Там же. № 1000, 1008, 1035 (здесь победители – будущие опальные Б. М. Салтыков, К. И. Михалков, кн. А. В. Лобанов-Ростовский).

3.6. Опричнина и местничество

Интересно проследить, как местнические порядки соотносились с ситуациями, когда правительство выделяло часть служилых людей в особо привилегированную группу. Наиболее ярким примером подобной правительственной акции в истории России XVI в. была опричнина. Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что террористический режим Ивана Грозного начался не с ее официального объявления и не претерпел особых изменений после ее отмены¹⁴⁰, а некоторые вообще отрицают эту отмену¹⁴¹. Однако порядок, установившийся в 1575 г. с началом «княжения» Симеона Бекбулатовича, хоть и близкий к тому, что был во время опричнины, все же не давал служилым людям, зачисленным в удел «Иванца Московского» явных внешних привилегий, в отличие от бывшего «ордена» опричников¹⁴². Так, если верить Г. Штадену, суды в период опричнины имели негласную инструкцию «судите праведно, наши виноваты бы не были». А. А. Зимин полагал, что «воля государя в опричные годы ломала традиционные местнические отношения»¹⁴³. Из этого должно следовать, что опричники, как правило, побеждали в местнических спорах земских, а также, что последние должны были стремиться не конфликтовать с ними. По нашим подсчетам, за время существования опричнины (январь 1565 – осень 1572 г.) произошло 35–36 конфликтов. Всего в этих тяжбах участвовало примерно 50 человек. Из них 29 «беспорных» опричников¹⁴⁴, 7 – «вероятных»¹⁴⁵ (итого – 36) и примерно 16 земских чинов, без учета «предполагаемых» опричников¹⁴⁶. Из указанных 35–36 случаев местничеств – приблизительно 12–13 – кофликты между опричниками,

¹⁴⁰ Зимин А. А. Опричнина. М., 1999. С. 285; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 498.

¹⁴¹ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 233.

¹⁴² Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 221.

¹⁴³ Зимин А. А. Опричнина. С. 221.

¹⁴⁴ По перечню В. Б. Кобрин: Р. В. Алферьев, Ф. А. Басманов, М. А. Безнин, Н. В. Борисов-Бороздин, Д. А. и Р. Д. Бутурлины, кн. Д. И. Вяземский, кн. О. Ф. Гвоздев, Б. Ф., Ф. И. и Я. А. Годуновы, И. И. Бухарин-Наумов, кн. Н. Р. Одоевский, кн. И. П. Охлябинин, И. Д. Кюльда-Глещеев, Н. И. Очин-Плещеев, Г. О. Полев, К. Д. Поливанов, кн. П. Д. Пронский, Л. А. Салтыков, кн. В. А. и Ф. В. Сицкие, кн. Ф. М. Трубецкой, кн. А. П. Телятевский, В. И. и Ф. И. Умные-Кольчовы, кн. Д. И. и П. И. Хворостинины, кн. А. П. Хованский. См.: Кобрин В. Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 16–91. Далее – Кобрин В. Б. Состав.

¹⁴⁵ Согласно предположениям, высказанным в работах С. Ф. Платонова, С. Б. Веселовского, П. А. Садикова, А. А. Зимина, Р. Г. Скрынникова, – это, помимо вышперечисленных: И. А. Бутурлин, Я. А. Салтыков, кн. И. А., И. П. Шуйские, Н. Р. Юрьев, И. П. Хирон и С. В. Яковли.

¹⁴⁶ Князя И. М. Воротынский, В. Ю. Голицын, И. У. Канбаров, В. К. Курлятев; М. Я. Морозов; князя И. И. Турунтай-Пронский, А. В. Репнин, В. С. и П. С. Серебряные, А. И. и П. И. Татевы; А. И. Шеин, И. В. Меньшой Шереметев, кн. П. М. Щенятев.

т.е. лицами, относительно равными по статусу, но не по «отечеству». Характер этих дел не позволяет найти в них какие-либо отличия от обычных местнических тяжб, и это свидетельствует о том, что внутри двора «кромешников» функционировали обычные правила службы и родословного счета. Местничество между опричными и земскими за этот период примерно столько же – 12–13. Приблизительность подсчетов объясняется тем, что в ряде случаев дело происходило до того, как один из участников стал опричником; однако можно, во-первых, предположить, что это лицо уже приближено к опричным кругам и пользуется царским доверием, а во-вторых, время включения того или иного лица в опричину, как правило, устанавливается весьма приблизительно. Поэтому мы исходили из определения как опричника любого, кто был им в известное семилетие. Конечно, ввиду назначения раздельных опричных и земских полковых разрядов число столкновений между земскими и опричными воеводами было невелико. Но и число бесспорных побед опричников в этих тяжбах невелико – по нашим подсчетам, всего 4.

Первое дело «опричник – земский» можно отнести к январю 1565 г. Кн. А. И. Татев, назначенный по береговой росписи вторым в полк левой руки, бил челом на боярина Никиту Романовича, второго воеводу большого полка. Романовы по многим известиям считаются инициаторами опричины (особенно В. М. Юрьев)¹⁴⁷, хотя формально в нее не входили, а сам Никита Романович в момент отъезда царя в Александрову слободу был оставлен в Москве как дворецкий, и на него вроде бы даже была объявлена опала¹⁴⁸. Родня царицы держалась в стороне, но не пострадала от террора. А. И. Татеву было писано «с опалой», чтоб он списки взял, «а менши Микиты Романовича ему быть пригоже»¹⁴⁹. Дальнейших репрессий, правда, не последовало – А. И. Татев в последний раз упоминается в 1569 г. как воевода на Орле¹⁵⁰, сведений же об опале не имеется. Из родовой аристократии в опричники попал, в частности, кн. Ф. М. Трубецкой. В сентябре 1567 г. Иван Грозный задумал новый поход на Литву, но по мере сбора войск и выдвижения их к границам сталкивался с мощным противодействием Боярской думы, так что поход был приостановлен после «совета» с боярами, видимо, опасавшимися масштабной войны с Великим княжеством Литовским¹⁵¹. Приготовления к походу сопровождалась рядом местничеств, которые, по мнению А. Л. Хорошкевич, почти парализовали

¹⁴⁷ *Зимин А. А.* Опричина. С. 227.

¹⁴⁸ *Кобрин В. Б.* Состав. С. 89; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 211.

¹⁴⁹ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 1. С. 184.

¹⁵⁰ РК 1495–1598. С. 290; РК 1550–1636. Т. I. Ч. 1–2. С. 237.

¹⁵¹ *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе... С. 480–481; РК 1475–1605. Т. II. Ч. 1. С. 226.

деятельность войска¹⁵². Попутно отметим, что подобные внутренние трудности набирали силу преимущественно тогда, когда не было нужды в скорых и решительных действиях, иначе конфликты оперативно пресекались. Кн. Ф. М. Трубецкой при назначении разряда «списков не взял для князя Ивана Юрьевича Голицына, что князь Иван Голицын в правой руке», сам Трубецкой был первым воеводой передового полка, а Голицын первым в полку правой руки¹⁵³. По установленному к тому времени правилу эти места считались равными или безместными, но Трубецкой, вероятно, считал равенство с Голицыным «потерькой». Фактически не приняв назначение и не получив за это наказания, Трубецкой тем самым приобрел «находку», поскольку известно, что в иных случаях Иван IV не позволял нарушать новое законодательство, по которому первые воеводы полков передового, сторожевого и правой руки равны. Голицын никак не отреагировал на то, что должен был бы воспринять как бесчестье для своего рода, и не потребовал «оборони». Кн. Ф. М. Трубецкой известен как опричник, правда, только с сентября 1570 г., но, видимо, и ранее пользовался доверием царя и был близок к опричным кругам, чего доказательством служит его блестящая карьера – в 1571 и 1572 гг. он – дворовый воевода в походах, в послеопричное время становится боярином, минуя чин окольничего, все время благополучно избегает опал¹⁵⁴, впрочем, как и его местник. В период подготовки того самого несостоявшегося похода на Литву в Смоленске «от Литовские украинны» находились следующие воеводы – П. В. Морозов, кн. А. И. Татев, А. Г. Колычов, кн. И. И. Дуда-Лыков, Г. Р. Образцов; им «в прибавку» были присланы войска боярина и оружничего Л. А. Салтыкова, В. Ф. Колычова, М. Сунбулова. В результате вторым воеводой объединенного полка стал Л. А. Салтыков, первый из «сходных» воевод. Кн. А. И. Татев тут же обнаружил, что имя его исключено из царских грамот, которые теперь «писались к Петру да ко Льву¹⁵⁵». Татев отказался приезжать на съезд «за Львом», о чем в Москву написал Морозов. Иван IV вступился за боярина и оружничего, который через некоторое время стал опричником. 3 мая 1567 г. князю была прислана грамота, в которой указано, что ему «Менши Льва быть пригоже»¹⁵⁶. Позднее, 25 мая, последовала новая грамота, уже к Морозову и Салтыкову, в которой царь напоминал, что «мы ко князь Андрею Татеву писали: вы у нас бояре и воеводы, а князь

¹⁵² *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе... С. 481.

¹⁵³ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 1. С. 226–227.

¹⁵⁴ *Кобрин В. Б.* Состав. С. 78.

¹⁵⁵ РК 1550–1636. Т. I. Ч. 1. С. 158; РК 1475–1605. Т. II. Ч. 1. С. 213–214. Там же: «И мы ко князь Ондрею Татеву писали...»

¹⁵⁶ РК 1550–1636. Т. II. Ч. 1. С. 158.

Ондрей воевода, и ему у нашего дела с вами, бояре, быть лязя; и велели ему для нашево дела к тебе, боярину нашему, ездить. И ты б по князь Ондрея для наших дел посылал, и дел бы еси наших берегли заодин по нашему наказу»¹⁵⁷. Царь в данном случае мотивировал свое решение тем, что Л. А. Салтыков старше кн. А. И. Татева чином, что вообще нетипично для местнической аргументации, поскольку человек может быть младше чином сиюминутно, но его отец и дед, например, могли быть выше чином отца и деда его соперника, что априори его возвышало. Лев Салтыков был оружничим, чин этот в его роду являлся отчасти наследственным¹⁵⁸. В 1567 г. он еще в земщине, первое упоминание его в опричнине относится к 1569 г. или к январю 1570 г.¹⁵⁹, пострижен в 1571 г., позднее казнен¹⁶⁰. Но в это время он, видимо, находился в милости, поскольку в дальнейшем вступил в опричнину.

В 1569 г. Нижнее Поволжье подверглось мощному турецко-крымскому нападению, целью которого было возвращение Астрахани¹⁶¹. В помощь осажденному там русскому гарнизону воеводы Д. Ф. Карпова направлен был разряд «плавной рати» кн. П. С. Серебряного-Оболенского; вторым воеводой к нему назначен был З. И. Сабуров (его считал опричником С. Б. Веселовский)¹⁶². Иван IV своей грамотой от 22 февраля 1659 г. приказал З. И. Сабурову, как товарищу кн. Серебряного, готовить суда и запасы «лехким делом» – т.е. в готовности быстро выступить¹⁶³. Сабуров прислал челобитную, в которой просил счета в отечестве на кн. Серебряного, приведя ряд случаев. В ответ он получил грамоту с обещанием счета после службы. Однако Сабуров этим не удовлетворился, написав, что «по той де грамоте ему со князь Петром Серебряным быть невместно». Царь Иван проявил завидную терпеливость, хотя не мог не помнить, что десятью годами ранее, в 1559 г., войска З. И. Очина-Плещеева и того же З. И. Сабурова потерпели поражение от Ливонского ордена под Дерптом из-за местничества, что, видимо, потом специально расследовалось¹⁶⁴ и попало в царский архив¹⁶⁵. Тем не менее и в этот раз З. И. Сабурову «го-

¹⁵⁷ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 1. 213–214.

¹⁵⁸ Левыкин А. К. Оружничие в XVI столетии // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М., 1992.

¹⁵⁹ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 134; Кобрин В. Б. Состав. С. 71.

¹⁶⁰ Кобрин В. Б. Состав. С. 71–72.

¹⁶¹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами. М., 1948. С. 24–28.

¹⁶² Кобрин В. Б. Состав. С. 91.

¹⁶³ РК. 1475–1605. Т. II. Ч. 2. С. 243.

¹⁶⁴ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 133.

¹⁶⁵ «Дело Захарьи Плещеева да Замятни Сабурова, как их громил ливонский маюстр».

См.: Государственный архив России XVII в. Опыт реконструкции. Подгот. и комментарии А. А. Зимина. М., 1978. С. 85.

сударь велел дать другую грамоту» с формулировкой «а ся тебе служба со князь Петром невместно»¹⁶⁶. В результате их поход не был сорван, «плавная рать» Серебряного и Сабурова нанесла удар по войскам ногайских и астраханских татар, снабжавших турок; в результате турецко-татарской армии пришлось отступить¹⁶⁷.

Весной 1572 г. при назначении разряда «для приходу» крымцев, как известно, были соединены опричные и земские войска. В это время кн. Н. Р. Одоевский, только что ставший опричным боярином, попытался заместничать с кн. М. И. Воротынским, бывшим служилым князем, одним из лидеров земской боярской думы, видным деятелем, не раз подвергавшимся опале. «В правой руке в Торусе бояре и воеводы князь Микита Романович Адуевской, да Федор Васильевич Шереметев; и Микита Адуевской бил челом государю в отечестве на князь Михайла Ивановича Воротынского»¹⁶⁸. Последнее опричное правительство, отмечает Р. Г. Скрынников, состояло в основном из «молодых» людей, а по словам И. Таубе и Э. Крузе, «при особе царя не осталось никого, кроме отъявленных палачей и молодых ротозеев»¹⁶⁹. Боярин Н. Р. Одоевский по возрасту, вероятно, относился к последним. Продвигался по службе он быстро: в 1562/63 г. – есаул, в 1564 г. – первый воевода полка правой руки, в 1567 г. – первый в большом полку на берегу; с сентября 1570 г. – опричный боярин¹⁷⁰. Челобитье его, однако, было оставлено без внимания. Вместе с Ф. В. Шереметевым, князьями И. П. Шуйским и Д. И. Хворостининым Одоевский участвовал, под командованием кн. М. И. Воротынского, в разгроме Девлет-Гирея на Молодах и, как первый воевода передового полка, принял бой с авангардом ханских войск на Оке¹⁷¹. Тем временем на опричного боярина, в свою очередь, подал челобитную и кн. И. П. Шуйский, назначенный первым в сторожевой полк, причем по сути победил – «государь велел челобитье ево записать, и челобитье ево записано»¹⁷². Если учесть, что должности эти были формально равны и по крайней мере узаконенно безместны, то решение можно вполне трактовать в пользу Шуйского. Иван Петрович принадлежал к той ветви рода суздальских княжат Шуйских, которая избежала царских репрессий¹⁷³. В том же 1572 г. он стал боярином, в дальнейшем прославился

¹⁶⁶ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 2. С. 246.

¹⁶⁷ *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе... С. 510–511.

¹⁶⁸ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 2. С. 308; Воротынский был первым воеводой большого полка, т. е. главнокомандующим.

¹⁶⁹ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 431.

¹⁷⁰ *Кобрин В. Б.* Состав. С. 53.

¹⁷¹ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 2. С. 310.

¹⁷² Там же. С. 308.

¹⁷³ *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 110–111.

обороной Пскова 1581 г. Иван Грозный, отсидевший в Новгороде во время боев с ордой при Молодях, не простил своего унижения (как полагает Р. Г. Скрынников), и герои этой победы – спустя менее года и опричный и земский бояре – князя Н. Р. Одоевский и М. И. Воротынский – были схвачены и казнены. Уцелел лишь кн. Д. И. Хворостинин, вероятно главный творец этой победы, наиболее талантливый из них полководец¹⁷⁴. Возможно, по той же причине уцелел и Шуйский, хотя трудно поверить в столь хладнокровно «хозяйственный» подход царя Ивана к репрессиям, особенно если вспомнить, сколько талантливых воевод и политиков стало его жертвами.

Примером «местнической катастрофы» может служить дело бояр Ф. И. Умно-Колычова и В. Б. Сабурова. Запись об этом деле точно не датирована, неизвестны и обстоятельства его начала (было ли совместное назначение и пр.): «Тово же году искал своево отечества Федор Иванович Умново Колычов на Василье Борисовиче Сабурове. И по суду Василей Сабуров оправлен, а Федор Колычов обинен, и выдали Федора Умново Василью Сабурову головою»¹⁷⁵. Запись в Пространной редакции разрядных книг помещена под 1572 г., но, возможно, это и 1571 г. В 1602 г. Ю. Г. Пильемов в деле с кн. Ф. И. Лыковым вспоминал, что «лета 7080-го искал своево отечества боярин Федор Иванович Умнои на дяде моем на Василье на Борисовиче на Сабурове. И царь и великий князь Иван Васильевич... тово суда слушав, и по суду и по щету боярина Федора Ивановича Умново обинил и выдал ево головою дяде моему...»¹⁷⁶. Ф. И. Умно-Колычов, окольничий с 1558-го, а боярин с марта 1562 г., как «боярин у опричнины» упоминается 27 мая 1570 г.¹⁷⁷ Положение старых опричных бояр, переживших чистку 1570–1571 гг., было шатким, отмечает Р. Г. Скрынников; Умно-Колычов арестовывался в 1571 г. и в следующем году был освобожден. Местничество с представителем новой царской родни (В. Б. Сабуров был родственником жены царевича Ивана) закончилось для него катастрофой – проиграв дело, он вскоре постригся¹⁷⁸ в Кирилло-Белозерском монастыре¹⁷⁹. А. А. Зимин не отмечает в этот период

¹⁷⁴ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 2. С. 341; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 477.

¹⁷⁵ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 2. С. 317.

¹⁷⁶ РИС. Т. II. С. 247–248, 254–255.

¹⁷⁷ Кобрин В. Б. Состав. С. 43–44.

¹⁷⁸ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 437.

¹⁷⁹ Кобрин В. Б. Состав. С. 44; Зимин А. А. Опричнина. С. 344; С. Б. Веселовский связывал это пострижение с делом митрополита Филиппа Колычева, но все остальные исследователи сходятся на том, что причиной явилось местническое поражение. О пострижении известно из Кормовой книги Кирилло-Белозерского монастыря. См.: Записки Отдела русской и славянской археологии Имп. Академии наук. Т. I. СПб., 1851. С. 70. Далее – ЗОРСА.

какой-либо особой опалы, коснувшейся именно Колычевых (после расправ 1568–1569 гг.); в списке Двора 1578 г. насчитывается девять представителей этой семьи¹⁸⁰. Весной 1572 г. по береговому разряду назначены были «... в левой руке на Лопасне воеводы князь Ондрей Васильевич Репнин да князь Петр Хворостинин. И князь Ондрей бил челом государю о местех на князь Ондreja Хованского»¹⁸¹. Последствий челобитье, видимо, не имело. Кн. А. П. Хованский командовал передовым полком, вторым воеводой при нем был вскоре прославившийся в битве при Молодах кн. Д. И. Хворостинин. Хованский в опричнине известен приблизительно с сентября 1570 г. Прежде он был близок к Старицкому дому – троюродный брат княгини Евфросиньи, он служил дворецким у Владимира Андреевича¹⁸². В. Б. Кобрин полагал, что возможны два объяснения приема в опричнину столь близкого к Старицким лица: либо какие-то услуги, оказанные царю, которые были предательством по отношению к своему сюзерену, либо стремление держать подозрительного человека под контролем¹⁸³. Отметим, что обе версии друг другу не противоречат. Р. Г. Скрынников не верит в измену старицких слуг и объясняет их появление на опричной службе «падением старого опричного руководства и приближением ко двору тех, кто более всего пострадал от опричнины»¹⁸⁴. Вероятность столь тонкого политического хода не выглядит особо убедительной, особенно если вспомнить, что кн. Н. Р. Одоевский, шурин кн. Владимира Андреевича, также ставший опричным боярином, спустя менее двух лет (сентябрь 1571 – лето 1573 г.) был казнен¹⁸⁵. Кн. Андрей Васильевич Репнин записан был уже в Дворовую тетрадь среди Оболенских князей; в дальнейшем он избежал опал и казней, в отличие от многих членов своего рода¹⁸⁶. На протяжении 1562/63–1577 гг. князь занимал ряд воеводских должностей, подписал соборный приговор 1566 г., в 1574/75 г. его вотчину в Троице-Сергиев монастырь дал сын (неясно, почему не он сам; может быть, находился в плену или по иным причинам)¹⁸⁷. Умер князь после

¹⁸⁰ Зимин А. А. Опричнина. С. 147; *Альшиц Д. Н.* Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2003. С. 55–56.

¹⁸¹ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 2. С. 308.

¹⁸² Кобрин В. Б. Состав. С. 83.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 435–436, 443 (прим. 140).

¹⁸⁵ Кобрин В. Б. Состав. С. 53–54.

¹⁸⁶ В. Б. Кобрин насчитывает 13 опальных Оболенских на первом году опричнины; в свою очередь, Р. Г. Скрынников полагает, что размах репрессий против этого клана был еще шире и опричнина лишь довершила его разгром, однако... в конце правления Ивана IV открыла дорогу в Думу ряду младших членов того же рода. См.: Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 242–243.

¹⁸⁷ Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVII вв. М., 1995. С. 110.

21 января 1578 г., во время подготовки похода под отвоеванную неприятелем крепость Кесь (Цесис): «И князь Ондрей по той росписи с воеводы не был за болезнью; тогда ево и не стало»¹⁸⁸, а на его место вторым воеводой сторожевого полка назначен был кн. Д. И. Хворостинин.

Таким образом, известные нам дела «опричник – земский» крайне немногочисленны и не свидетельствуют о каком бы то ни было привилегированном местническом положении опричников в целом. Нестабильность положения была характерна для обеих категорий служилых людей – как земских, так и взятых в государев удел. Опричники подвергались опалам, видимо, в не меньшей степени, чем земские. К тому же царь все время интенсивно обновлял корпус своих «кромешников». Кроме того, в первые годы опричнины разряды назначались раздельные, что уменьшало возможность столкновения. Позднее совместные разряды осуществлялись согласно принятым разрядно-родословным правилам, от которых отступали довольно редко. Поэтому позднейшие жалобы на период опричнины, иногда возникавшие во время конфликтов XVII в., описывают, как правило, неправомерные (по мнению тяжущихся сторон) назначения, а не судебные решения по местническим делам. Итак, даже такое социально-политическое потрясение не повлияло на местнический распорядок, нормы и обычаи которого сосуществовали с опричными реформами и благополучно пережили их.

¹⁸⁸ РК 1475–1605. Т. III. Ч. 1. С. 30.

Глава 4

ДИНАМИКА ПРИСУТСТВИЯ РОДОВЫХ КОРПОРАЦИЙ В «ПРОСТРАНСТВЕ» МЕСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ XVI–XVII ВВ.

Состав родов, выступавших на местнической сцене на протяжении двух столетий, постепенно менялся. В XVI в. (точнее, до событий Смуты, 1604–1605 гг.) из местничества постепенно исчезает 51 род. Часть этих родов пресекается или подвергается «захуданию» в результате опал и других событий (Адашевы, кн. Алабышевы, Беззубцевы, кн. Горенские, кн. Канбаровы, кн. Палецкие, кн. Сугорские, Чоботовы, эмигранты кн. Курбские и Корецкие), всего 10 родов; в 1580-е гг. сходят со сцены 4 рода – Безнины, Внуковы, Губины, кн. Токмаковы. В 1590-е гг. отмечены последние местничества 15 родов – Белеутовых, кн. Глинских, Денисьевых, кн. Друцких, Игнатьевых, Клобуковых, кн. Кропоткиных, Нармацких, кн. Охлябининых, Пивовых, кн. Тюменских, Цыплятевых, кн. Шестуновых, Щелкаловых, Яновых. В 1600-е гг. прекращают местничать Акинфовы, Аксаковы, Алферьевы, Басмановы, Грязные, кн. Гундоровы, кн. Кашины, кн. Катыревы-Ростовские, Кузмины, кн. Курлятевы, кн. Мстиславские, Неловы, кн. Ноготковы, Сунбуловы, Чортовы, Чулковы, кн. Шехонские (всего 17 родов). Заметим, что в ряде случаев перестает местничать только одна ветвь рода, но продолжают другие. Это можно сказать, например, о Масальских, Оболенских и Ростовских князьях, Алферьевых-Нащокиных. Часть этих родов пресекается (например кн. Сугорские, Щелкаловы), часть «захудала» (например кн. Глинские). При этом из 51 фамилии, переставшей местничать после Смуты, 28 продолжают числиться в боярских книгах и списках, т.е. служат еще по крайней мере до середины XVII в.

Местническое положение после Смуты сохранил 91 род. Многие – вплоть до пресечения фамилии, например кн. Шуйские, последний раз местничают в 1624 г.¹ То же можно сказать о кн. Воротынских (мест-

¹ Русская ветвь рода пресеклась в 1635 г. См.: *Абрамович Г. В. Князя Шуйские...*

ничали до 1634 г.), кн. Хованских (до 1692 г.), а также других, что будет подробнее рассмотрено ниже. Прекращается после 1613 г. местничество нецарской ветви Романовых (последние случаи были в период коронации, в дальнейшем их удавалось избегать с помощью политики назначений). Свое положение сохраняют 43 рода княжат – Барятинские, Бельские, Буйносовы-Ростовские, Велико-Гагины, Волконские, Вяземские, Гагарины, Голицыны, Долгорукие, Елецкие, Жировые-Засекины, Звенигородские, Кольцовы-Масальские, Куракины, Литвиновы-Масальские, Лобановы-Ростовские, Лыковы, Масальские, Мезецкие, Мещерские, Оболенские, Одоевские, Пожарские, Пронские, Репнины, Ромодановские, Сицкие, Солнцева-Засекины, Татевы, Телятевские, Темкины-Ростовские, Троекуровы, Трубецкие, Туренины, Тюфякины, Хворостинины, Хилковы, Хованские, Черкасские, Шаховские, Шуйские, Щербатовы, Щетинины. Сохраняет свое положение и группа родов старомосковского боярства, выдвинувшаяся в XV–XVI вв. Это Бобрищевы-Пушкины и Пушкины, Бороздины, Бутурлины, Вельяминовы, Волынские, Воронцовы-Вельяминовы, Годуновы, Головины, Жеребцовы, Морозовы, Очины-Плещеевы и Плещеевы, Полевы, Сабуровы, Третьяковы-Головины, Шеины, Шереметевы. Есть роды, чей местнический «стаж» насчитывает более 100 лет (например, Пушкины – с 1582 по 1672 г., Нагие – с 1509 по 1632 г.).

Процесс выдвижения новых родов и начала их местничества шел, конечно, постоянно. Так, в 1580-е гг. начинают местничать Биркины, Благие, Бобрищевы-Пушкины, кн. Волконские, Жеребцовы, кн. Жировые-Засекины, Загряжские, Замыцкие, Измайловы, Колединские, Кучюковы, кн. Масальские, Михалковы, Новосильцевы, Пушкины, кн. Солнцева-Засекины, Чепчуговы, кн. Черкасские, кн. Щетинины. Перед самой Смутой и во время ее впервые начали местничать Колтовские, Погожие, Ржевские, Хлоповы, Чортовы². В то же время со Смутой прекращается местничество таких родов, как кн. Катыревы-Ростовские (1604 г.), Басмановы (1605 г.), кн. Кашины и Ноготковы (1609, 1610 гг.).

После 1613 г. на протяжении XVII в. появляется 163 новых, ранее не местничавших рода. (Как мы ранее отмечали, сохранилась в местничестве 91 фамилия, а за предыдущее столетие вплоть до окончания Смуты исчезла 51.) По подсчетам А. П. Павлова, с 1613 по 1626 г. в чин москов-

С. 173. Польско-французская ветвь рода от выехавшего в Литву в 1534 г. кн. И. Д. Губки Шуйского дожила до XX в. См.: Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku*. Warszawa, 1895. Repr. 1994. К. 520–521; *Раевский П. М.* Род царя, царевен и князей Шуйских. Генеалогические таблицы. (Ротапринт). Париж, 1957.

² Из них местничали только в Смуту: Ф. Чортов и кн. Т. Шехонский в 1604 г., Г. Ф. и И. Н. Сунбуловы в 1604 и 1613 гг.; И. Н. Сунбулов – видный деятель Смуты.

ского дворянина было пожаловано 350 представителей провинциального дворянства, причем если до Смуты доля представителей княжеских и старомосковских родов в этой группе составляла 76%, то к 1613 г. она сократилась до 44%. В 1616 г. к старой знати принадлежало 23%, а в 1626 г. – 15%³, причем и эти лица в подавляющем большинстве являлись представителями не самых видных в прошлом столетии ветвей своих родов. Резко увеличивается число придворных чинов, например стольников. Так, если в 1613 г. их было 88, в 1626 г. – 217, а в 1643/44 г. – уже 348, причем и здесь доля родов, служивших в государевом дворе в прошлом столетии, сокращается с 65% в 1613 г. до 54,8% в 1626 г.⁴ С 1613 по 1620 г. появляется 30 новых родов местников, как за счет выдвижения новых фамилий из московского и верхов городского дворянства, например: Бегичевы, Вердеревские, Демьяновы (из дьяков), Кологривовы, Лодыженские, Ляпуновы, Собакины, Чевкины, Чихачевы, Хрущовы, так и за счет «выезда» иноземцев – Бояшевы и кн. Сулешевы. Современные исследователи полагают, что в период после 1613 г. и до приезда Филарета и формирования им нового правительства выдвигаются лица, сохранявшие верность Василию Шуйскому, получившие награды за «царя Васильево осадное сидение» и пробившиеся в государев двор⁵. С 1621 по 1630 г. добавляется еще 27 новых родов местников, в том числе изначально известные как дьяческие – роды Башмаковых, Ларионовых, Лихачевых, Льговских, Телепневых (и уличавшиеся в аналогичном же происхождении Сукины). Выдвигаются захудалые княжеские роды – Морткины, Коркодиновы; «закосневшая», но, видимо, отчасти поправившая свое положение московская знать – Беклемишевы, Образцовы, Оладыны; из числа московского дворянства – Ловчиковы, Сумины-Курдюковы, из верхов городского дворянства – Воейковы, Сухотины.

Проиллюстрируем сложившуюся ситуацию, более глубоко рассмотрев местничества первых лет после Смуты. Голова И. П. Загоскин местничает в 1617 г. с присланным ставить острог Г. Л. Валуевым⁶. Оба, видимо, в тот момент московские дворяне. Правда, Загоскин в боярских списках не значится, но по Москве служит его родня⁷. Г. Л. Валуев – фигура,

³ Павлов А. П. Изменения в составе Государева двора в первой четверти XVII в. // Государев двор в истории России XVI–XVII столетий: Мат-лы междунар. научно-практической конференции. Владимир, 2006. С. 92.

⁴ Там же. С. 99–103.

⁵ Седов П. В. Реконструкция жилецкого списка 1611 г. // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого: Сб. трудов, посв. Р. Г. Скрынникову. СПб., Киев, 1993. С. 57–77.

⁶ ДР. Т. 1. С. 262 (прим). Дело известно лишь по одному списку, из использованных при этой публикации.

⁷ БК 1627 г.

хорошо известная по громким событиям Смуты⁸. Его сын – стряпчий в 1616/17 г., позднее московский дворянин⁹. В 1616 г. возникает дело между И. К. Карамышевым, патриаршим стольником, и московским дворянином¹⁰ кн. М. В. Белосельским. Карамышев, сын ржевского городского дворянина, наместника в Рославле¹¹, побеждает князя-Рюриковича, незадолго до того воеводу в Торжке¹². Жилец И. И. Бегичев в 1620 г. местничает в Холопьем приказе с московским дворянином С. В. Колтовским¹³, но безуспешно. Оба – люди из патриаршего окружения, сын Колтовского Федор с 1619/20 г. – патриарший стольник¹⁴. Отец Бегичева служил выборным по Калуге¹⁵, калужане – его родня, сам Иван в 1609/10 г. тоже еще, видимо, городской дворянин¹⁶, патриаршим же стольником он станет позднее, в 1623/24 г.¹⁷ С. В. Колтовский в 1604 г. служил по Коломне¹⁸. Представитель рязанских служилых верхов Ю. В. Вердеревский местничает в 1616 г. с М. И. Лодыженским, тоже выходцем из городского дворянства (служили по Воротынску, Малоярославцу). Ю. В. Вердеревский по спискам рубежа веков – жилец, с тремя однородцами¹⁹. В роду Лодыженских в то время были патриаршие стольники, дьяки, московские и городовые дворяне²⁰. В 1614 г. во время неудачной новгородской кампании кн. Д. Т. Трубецкого местничают московские дворяне И. Н. Давыдов и И. Л. Скобельцын. Оба тоже происходят из городского дворянства. Иван Никифорович в 1598/99 г. – выборный по Рузе, в последующие годы – по Серпейску²¹.

⁸ Исполнитель убийства Лжедмитрия I; служил у кн. М. В. Скопина-Шуйского в 1610 г., оборонял Царево-Займище, подписал там договор с С. Жолкевским о признании царем Владислава на условии нерушимости границ. См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Сочинения: В 18 кн. Далее – *Соловьев С. М.* Сочинения... Кн. IV. Т. 9. С. 442, 535, 550, 552–554, 582, 587; на разных воеводствах до 1623 г. (ДР. Т. 1. С. 535).

⁹ *Сухотин Л. М.* Четвертчики... С. 301; БК 1627 г.

¹⁰ БК 1627 г. С. 216.

¹¹ Боярские списки кон. XVI – нач. XVII в. и роспись русского войска... Т. 1. С. 101.

¹² *Сухотин Л. М.* Четвертчики... С. 247 (1613 г.).

¹³ КР. Т. 1. С. 727–728. *Сухотин Л. М.* Четвертчики...; ДР. Т. 1. С. 450–451. Неясно, о ком идет речь – об Иване Ивановиче или Иване Кузмиче Бегичевых.

¹⁴ БК 1627 г. Л. 77 об.

¹⁵ Боярские списки... Т. 1. С. 158.

¹⁶ *Сухотин Л. М.* Четвертчики... С. 316.

¹⁷ БК 1627 г. Л. 100.

¹⁸ Боярские списки... Т. 2. С. 14.

¹⁹ Там же. Т. 1. В 1588/89 – выбор, 1590/91 г. (?), 1602/03 г. – жильцы (С. 142, 143, 178, 209).

²⁰ Там же. В 1577 г. – выбор. См.: С. 93, один стольник. См.: С. 27, 96; семь однородцев служат по Воротынску. См.: С. 233, в 1604 г. Л. Л. Лодыженский – жилец. См.: Т. 2. С. 19, 43. В БК 1627 г. – 22 Лодыженских.

²¹ Заметим, что Иванов Никифоровичей Давыдовых было двое: один звался Меньшой, и они не были близкими родственниками (отец одного – Никифор Григорьевич, другого – Никифор Семенович). М.б. данные по Рузе 1598/99 г. См.: Боярские списки... Т. 1. С. 190; по Серпейску 1602–1604 гг. См.: Там же. Т. 1. С. 234; Т. 2. С. 13, относятся к ним двоим.

Иван Леонтьевич, его местник, был сыном выборного по Вязьме²². В 1615 г. «у сбора ратных людей» местничал Андрей Истомин сын Дурной; он и спустя 12 лет числился выборным по Калуге, как и его родня²³. В 1613/14 г. Девятой Федоров и Матвей Тимофеев Змеевы местничали с казанским воеводой П. И. Секириным. Оба Змеевы были жильцами²⁴, их родня служила по выбору (Калуга, Мещовск)²⁵. В той же Казани с П. И. Секириным местничал и О. Я. Прончищев, назначенный туда головой, и выиграл дело²⁶. Против Секирина там же местничал и Сунгур Семенов сын Соковнин, также голова в Казани; последний был, вероятно, братом выборного Степана Соковнина, его родня – стрелецкие головы, выборные по Черни и Лихвину²⁷. Перфилий Секирин известен как видный участник II Ополчения, руководители которого направляли его в Новгород в качестве представителя при шведских оккупационных властях²⁸. Этот большой конфликт вызвал запрос Казанского приказа в Разряд относительно местнического положения никогда ранее не местничавшего воеводы: «Память ис Казанского Дворца, за приписью дьяка Ивана Грязева, 132-го году: велено выписати ис отпуску прошлого 122-го году, как были в Литовской земле под Кричевом воеводы князь Олексей Лвов да Перфирей Секерин, и челобитная Перфирья Секирина на Сенгура Соковнина, да челобитная ж Матвея да Девятого Змеевых з братьею и с племянники на Перфирья Секирина и выписка под челобитными, как были воеводы князь Олексей Лвов да Перфирей Секирин в войне, и какова память о том дослана в Казанской дворец»²⁹. Видимо, дело решалось в Приказе Казанского дворца, которому был подчинен воевода; сами эти свары могли быть отголосками своевольства и попыток неповиновения казанской служилой корпорации недавнего времени. Г. И. Бархатов-Кокорев начинает местничать в 1614 г., он является московским дворянином по крайней мере с 1615 г.³⁰, тогда как еще его дед (?) Тимофей Кокорев записан барашом в разряде

²² Его отец, видимо, Леонтий Захарович, а дяди, Никита и Лев, выборные по Вязьме в 1588/99 г. См.: Там же. Т. 1. С. 187, 207; Т. 2. С. 24.

²³ БК 1627 г. Л. 426 об. Другие Дурново – выборные по Калуге и Малому Ярославцу в 1577, 1588/89, 1602/03 и др. городах. См.: Боярские списки... Т. 1. С. 93, 158, 167, 225, 321.

²⁴ Сухотин Л. М. Четвергички... С. 237, 314.

²⁵ Боярские списки... Т. 1. С. 94, 158, 189, 225; Т. 2. С. 20, 40. (с 1577 по 1604 г.). Сведения о местничестве Змеевых сохранились только в описях. См.: Описи Архива Разрядного приказа XVII в. С. 36–37, 76.

²⁶ ДР. Т. 1. С. 124; РК 1598–1636. С. 263–264.

²⁷ Боярские списки... Т. 1. С. 228; БК 1627 г. С. 448.

²⁸ Соловьев С. М. Сочинения... Кн. V. С. 654.

²⁹ Описи Архива Разрядного приказа XVII в. С. 36–37, 76 (в описях 1626 и 1649–1652 гг. описательные статьи идентичны).

³⁰ Сухотин Л. М. Четвергички... С. 204; БК 1627 г. С. 198.

новгородского похода Ивана Грозного 1575 г. и упоминается в том же чине до 1583 г.³¹ Местничает в 1617 г. Владимир Прокопьевич Ляпунов; его предки принадлежали к верхушке рязанского дворянства, не достигая, впрочем, чинов выше стряпчего³², однако его знаменитый отец был при Василии Шуйском пожалован в думные дворяне, а сын местничал уже с кн. П. В. Масальским³³. В 1616 г. местничает Сергей Степанович Собакин (из выборных дворян по Мещовску); в числе его братьев – патриарший стольник, стряпчие и др. Возможно, это родня одной из жен Ивана Грозного, Марфы. Сын местника стал окольным³⁴. В 1617 г. корпоративно местничают тульские городовые дворяне Ушаковы и Хрущовы со вторым воеводой, вышеупомянутым Ю. В. Вердеревским³⁵, видимо полагая его в тот момент равным себе. В 1616 г. местничают московские дворяне Д. Ф. Скуратов и И. И. Чичерин. Первый был выборным по Ржеву, жильцом, но дворянином записан уже с 1614 г.³⁶ Второй в Смуту был думным дьяком, возглавлял Поместный приказ в Тушине, но в дальнейшем в дьяках не служил; в родне его много городских и выборных дворян, сам же он в 1602–1604 гг. числился в выборе по Козельску, сделал «карьеру» в администрации Тушинского вора, однако сохранить полученный чин не сумел³⁷. Два потомка дьяков, Я. А. Демьянов и И. П. Писемский, в момент местничества в 1620 г. были московскими дворянами (хотя в 1611–1614 гг. Писемский еще жилец, а Демьянов – уже дворянин)³⁸. Большая часть родни Демьяновых служила выше Писемских, на рубеже XVI–XVII вв. почти все они – жильцы³⁹. Писемские же в своем большинстве служили тогда по выбору⁴⁰. Еще два представителя рязанской служилой верхушки,

³¹ РК 1550–1636. Т. 1. Ч. 2. Л. 257, 290, 351.

³² В 1602/03 г. – служили в выборе по Рязани (Боярские списки... С. 207, 208).

³³ «Челобитье князя Петра Мосалсково на Володимера Ляпунова, а Володимера Ляпунова на князя Петра Мосалсково о местех, и государева указная грамота ко князю Петру Мосалскому против его челобитья, 126-го году». См.: Описи архива Разрядного приказа XVII в. С. 76. (иных сведений об этом деле не сохранилось); БК 1627 г.; Боярские списки... Т. 1. С. 268.

³⁴ ДР. Т. 1. С. 249; Боярские списки... Т. 2. С. 24; БК 1627 г. (см. по алфавиту).

³⁵ Ф. 210. Оп. 18. Ст. 160. Л. 18.

³⁶ ДР. Т. 1. С. 211; Боярские списки... Т. 1. С. 115, 203; Сухотин Л. М. Четвертчики... С. 197.

³⁷ Боярские списки... Т. 1. С. 227; Т. 2. С. 22; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. М, 1995. С. 271, 273; Далее – Платонов С. Ф. Очерки... Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 569; Тюменцев И. О. Смута... С. 307.

³⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 17. Стп. 3. Л. 1–41; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки. С. 153–161; Сухотин Л. М. Четвертчики... С. 219, 226, 231; Седов П. В. Реконструкция жилецкого списка 1611 г... С. 66.

³⁹ В 1602/03, 1604 гг. – его братья Федор, Дмитрий, Василий. См.: Боярские списки... Т. 1. С. 40, 42, 196; Седов П. В. Реконструкция... С. 66.

⁴⁰ Боярские списки... Т. 1. С. 157 (в т. ч. и один московский дворянин: Там же. С. 128).

В. П. и П. С. Чевкины, там же у себя, в своем рязанском разряде, местничают с первым воеводой на Пронске С. И. Исленьевым⁴¹. Все Чевкины – выборные по Рязани, по крайней мере таковы сведения за 1589/90–1627 гг.⁴² В 1615 г. И. В. Спасителев местничает с М. А. Вельяминовым⁴³, сам Спасителев в 1604 г. был жильцом, его сын Тимофей в 1620-е гг. стал патриаршим стольником⁴⁴. Из рязанской городской корпорации вышел, видимо, и московский дворянин И. И. Язвцов, выигравший в 1614 г. дело у кн. Ф. И. Волконского⁴⁵. Начинают местничать и роды, совсем недавно вступившие в русскую службу, но уже «заехавшие по иноземству» многих местных служилых людей. Это знатные иностранцы, например, молдаванин, ротмистр Ф. М. Бояшев. Поверстанный в московские дворяне, он в 1617 г. местничает с Д. И. Милославским, в 1624 г. – с кн. Н. Я. Мещерским, в 1629 г. – с Д. П. Беклемишевым – все трое были в том же, что и он, чине⁴⁶. Из трех случаев дважды били челом на него, его же челобитье было безрезультатным. Выезжий татарский князь Ю. Е. Сулешев быстро занимает высшие места, соразмерные положению его рода в Крыму. В 1613 г. он стольник, в 1615 г. – уже боярин. Местничество против него молодого И. П. Шереметева (оба были назначены в рынды), возможно, ставило целью «прощупать» влияние при дворе юного вельможи⁴⁷.

Таким образом, в первые годы после окончания Смуты (до 1620 г.) мы видим среди новых местников 1 стольника, 2 патриарших стольников, 1 стряпчего, 5 жильцов, не менее 17 московских дворян, не менее 6 выборных и городских дворян. Всего с 1613 по 1620 г. нам известно 154 местнических столкновения, из которых в 26 участвовали 32 рода «новых людей». Интересно, что в десяти случаях они конфликтуют между собой (например, Демьянов – Писемский, Давыдов – Скобельцын); в трех конфликтах участвует П. И. Секирин, в двух – Ф. М. Бояшев и Ю. В. Вердеревский. Видно, что их назначения на «разрядные» места не всегда проходят гладко. Они конфликтуют с представителями таких родов, как князья Волконские, Гагарины, Масальские, Шаховские, а также Плещеевы и Колтовские. Среди

⁴¹ ДР. Т. 1. С. 407–408.

⁴² Боярские списки... Т. 1. С. 143, 284 (1589/90 г.); *Сторожев В. Н.* Материалы... С. 126 (1620/21 г.); *Сухотин Л. М.* Четвертчики... С. 24; БК 1627 г.

⁴³ ДР. Т. 1. С. 180–181.

⁴⁴ Боярские списки... Т. 2. С. 18, 42; БК 1627 г. С. 120; *Сухотин.* Четвертчики... С. 10, 33.

⁴⁵ ДР. Т. 1. С. 146–147; возможно, его брат Прокофий – городской дворянин – рязанец, затем, с 1615 г., жилец (*Сухотин Л. М.* Четвертчики... С. 207–208). Сам Иван Язвцов – в Кормленной книге написан в 1614 г. выше жильцов – см.: Там же. С. 36).

⁴⁶ КР. Т. 1. С. 341–342 (тогда было объявлено безместие); ДР. Т. 1. С. 599–600 (истец проиграл); ДР. Т. 2. С. 49.

⁴⁷ БРЗ. С. 128; ДР. Т. 1. С. 99, 110–115, 159; РК 1550–1636. Т. II. С. 272.

новых местников – люди, ставшие патриаршими стольниками (или их родственники), – Бегичевы, кн. Белосельские, Собакины, Спасителивы)⁴⁸, и выходцы из различных служилых городов – Рязани (Вердеревские, Ляпуновы, Язвцовы), Калуги (Дурново, Змеевы), Воротынска (Лодыженские), Вязьмы (Скобельцыны), Лихвина (Соковнины), Алексина и Серпейска (Давыдовы, Челосткины), Ржева (Карамышевы, Скуратовы), Пскова (Чихачевы), Мещовска (Змеевы, Яковлевы), Белева (Кологривовы), Тулы (Ушаковы, Хрущовы). Большинство их достигает чина московского дворянина, каковой покрывает собою зачастую весьма пестрое политическое прошлое таких незаурядных фигур прошедшей бурной эпохи, как исполнитель убийства Лжедмитрия I, в дальнейшем доблестный воевода, последовательно служивший и Шуйскому, и Владиславу, и обоим Ополчениям Г. Л. Валуев, глава тушинского Поместного приказа И. И. Чичерин, офицер наемного иноземского отряда валах Ф. М. Бояшев, Владимир, сын знаменитого Прокопия Ляпунова, Перфилий Секерин, посол II Ополчения в Новгороде, и др. Но местничают и лица, не достигшие этого чина, просто принадлежащие к верхушке служилого города. И это также новое явление.

На протяжении всего периода после Смуты (1613–1690 гг.) происходит постепенное «вымывание» из местничества наиболее «громких» родовых корпораций, известных своими местничествами XVI в., что иллюстрирует приведенная таблица 4. Проследим этот процесс, взяв за основу десятилетия. Так, в 1621–1631 гг. прекращается местничество Биркиных, Благих, Борздиных, Воронцовых-Вельяминовых, Милюковых, Татищевых, Третьяковых-Головиных, князей Мезецких, Татевых, Троекуровых и Шуйских – всего 15 родов. Их «замещают» 28 родов менее «славных», например, Беклемишевы, Башмаковы, Образцовы, Оладыны, князя Коркодиновы, Морткины, Шенгурские, дьяки Ларионовы, Лихачевы, Телепневы и др. В 1631–1641 гг. прекращают местничать только 6 родов, но среди них – Нагие, князя Воротынские, Гагарины, Елецкие, Телятевские. Их «замещает» 31 род, в том числе кн. Козловские и Львовы, из более или менее видных семей – Болтины, Боборыкины, Голенищевы, Самарины, Толстые, Челищевы, а также и немало представителей городского дворянства – Огалины, Норовы, Тушины. Появляются и те фамилии, носители которых сделают

⁴⁸ Позднее в патриаршие стольники вошли также члены родов Давыдовых, Кокоревых, Кологривовых, Лодыженских, Чичериных, Язвцовых, Яковлевых. Статус чинов патриаршего двора при Филарете был практически равен статусу чинов Государева двора, да и их численность тоже была весьма велика – к середине 1630-х гг. патриарших стольников было в два раза больше царских, однако только 15% из них принадлежало к родам, занимавшим до Смуты места среди думных и московских чинов. См.: Павлов А. П. Изменения в составе Государева двора... С. 102–103.

большую карьеру к концу века, – Языковы, Кондыревы. В 1641–1651 гг. из местничества уходит 16 родов – Бобрищевы-Пушкины, Очины-Плещеевы, а также князя Лыковы и Оболенские, Мещерские, Буйносовы, Приемковы и Темкины-Ростовские, Пронские, Хворостинины, Щербатовы. Их «замещают» 27 родов, в числе которых выходцы из дьячества – Гавреневы, Грибоедовы, Дубровские, Елизаровы, Заборовские, Козловы, Лопухины; дворяне средней руки – Апраксины, Вадбольские, Кафтыревы, царские фавориты Ртищевы, сравнительно захудалые князя Урусовы и Шелешпанские, городовые дворяне Кашкаровы и Муравьевы, стрелецкие головы (Зыбин) и др. В 1651–1661 гг. из местнической сферы исчезает 8 родов – Волынские, Плещеевы, Траханиоты, Новосильцевы, Коробьины, князя Звенигородские, Пожарские и Щетинины. И снова их замещает менее видное дворянство – Булгаковы, Врасские, Комынины, Пашковы, Тургеневы, фаворит А. Л. Ордин-Нащокин, кн. Болховские и совсем мелкие служилые люди, например Отрослевы. В 1661–1671 гг. из местничества уходит еще 14 знатнейших родов, в числе которых – Вельяминовы, Годуновы, Салтыковы и Шереметевы, князя Лобановы-Ростовские, Куракины, Прозоровские, Репнины-Оболенские, Солнцевы-Засекины, Трубецкие, Шаховские. Их опять сменяет 13 менее видных родов – Александровы, Кобяковы, Потемкины, Шишковы, дьяки Бреховы, Галкины, Чириковы, офицеры «нового строя» (Тулубьев) и прочие. И, наконец, с 1672 по 1682 г. из местничества уходит 11 таких родов, как Желябужские, Загряжские, Ляпуновы, Морозовы, Пушкины, князя Велико-Гагины, Волконские, Долгорукие, Кольцовы-Масальские, Одоевские и Хилковы. Замещает их 13 родов по большей части мелкого дворянства; из наиболее известных фамилий здесь Батюшковы, Иевлевы, Бахметевы, Мертваго; отмечен даже случай местничества подьячих (Бурнашов и Горяинов)⁴⁹.

⁴⁹ После формальной отмены местничества в 1682 г. известно до 1694 г. еще 20 конфликтов, в основном при дворе, преимущественно заключающихся в отказе от службы. Только с сильной натяжкой их уже можно определить как местничества, хотя участие в них принимали (особенно в 1691–1692 гг.) представители таких родов, как князя Барятинские, Долгорукие, Голицыны, Жировые-Засекины, Львовы, Хованские, Черкасские, Щербатовы, а также Головины и новые царские свойственники – Головкины и Нарышкины. Рецидивы эти связаны почти исключительно с дворцовыми церемониями (царские столы – 2, «походы» – 1, «действа» – 4, крестные ходы – 3, служба рынд – 4), и поэтому задействованы как раз лица с «громкими» фамилиями; но количество их ничтожно, и проходит они незаметно, как мелкие придворные скандалы, ввиду отсутствия массового местнического «фона» в обычных военных и административных службах. Заметим, что большинство указанных родов «серьезное» местничество прекратило много раньше: Головины – в 1651, Черкасские – в 1664, Долгорукие и Хованские – в 1677, Щербатые – в 1678, Голицыны и Жировые-Засекины – в 1679, Барятинские – в 1680 г. Да и сведения об этих запоздалых местничествах 1690-х гг. сохранились только благодаря продолжавшемуся, но вскоре прекратившемуся ведению разрядов, в основном частных (несмотря на запреты), и записям о наказаниях в официальном разрядном делопроизводстве.

«Вымывание» из данного социального института родов – носителей его исторической традиции было и симптомом его угасания, и катализатором процесса. «Счет» между лицами, чьи деды, а зачастую и отцы были «людьми неродословными», службы которых не доходили до уровня занесения в разрядные книги, обесмысливался. Система переставала работать, хотя и не формально: «считаться местами» новые роды могли начинать между собой заново, на своем уровне. И если не прадедами – боярами и воеводами передового или сторожевого полков, то хотя бы гривенками калибра орудий, при которых служили предки, или просто доказательствами несомненности их благородного происхождения⁵⁰. Но понижался идеологический уровень самого местнического «чина» – государи традиционно присягали «жаловать и беречь по отечеству» своих вельмож, однако служебные нужды и демографическая ситуация выдвигали новые поколения служилых людей. Что же касается прежней знати, местническое соотношение членов которой составляло единую «симфонию» в государственном механизме, то она либо пресекалась физически (как Годуновы, Морозовы, Пожарские, Шуйские), либо уже не нуждалась в этой системе. Поэтому местничество было отменено при ее практически полном молчании, одной из причин которого, может быть, стало полное профанирование этого, в понятиях аристократов того времени, благородного института сотнями худородных родов – «выдвиженцев».

Таблица 4

Роды, выбывшие из местничества и включившиеся в него с 1613 по 1694 г.

Год	Прекращение местничеств	Начало местничеств
1	2	3
1613	Романовы	Змеевы
		кн. Сулешевы
1614	Михалковы	Прончищевы
		Секирины
		Скобельцыны
		Спасителивы
		Язвцовы

⁵⁰ Так, в 1665 г. местничали стрелецкий голова Ф. В. Александров и думный дворянин И. И. Чаадаев. Первый представил две грамоты 1564/65 и 1606 гг., в том числе относительно своего прадеда Замятни Александрова, что он был воеводой или наместником в Шуе; Чаадаев подал две грамоты XV в., но не служебные, а жалованные на вотчины своим более далеким предкам. На основании последних Александрову было объявлено, что «...и по тем грамотам... родственники ево (Чаадаева) в чести старее деда твоего Замятни за 125 лет». См.: ВМОИДР. Т. 5. 1850 г. С. 12. Изл.: MOM. С. 317–319.

1	2	3
		Давыдовы
1615		Бояшев
		Дурные
1616		Скуратовы
		Собакины
		Чичерины
1617	Ржевские	Валуевы
	кн. Туренины	Вердеревские
	кн. Тюфякины	Загоскины
		Кологривовы
		Лодыженские
		Ляпуновы
		Ушаковы
		Хрущовы
		Яковлевы
1618	Жеребцовы	Нарбековы
	Погожие	Челюсткины
	кн. Масальские	
1619		Чевкины
1620	Карамышевы	Бегичевы
		Демьяновы
		Писемские
		Чихачевы
1621	Третьяковы-Головины	Ловчиковы
		кн. Морткины
1622	Татищевы	Беклемишевы
		кн. Коркодиновы
		Чоглоковы
1623	Колединские	Ларионовы
	Наумовы	Телепневы
	Хлоповы	Юшковы
1624	кн. Шуйские	кн. Шенгурские
1625	Биркины	Сумины-Курдюковы
1626	Бороздины	Лихачевы
	Воронцовы-Вельяминовы	Протасьевы
	Замыцкие	Тарбеевы
1627	кн. Татевы	Башмаковы
	кн. Троекуровы	Образцовы

1	2	3
		Сухотины
1628		Кувшиновы
		Льговские
		Оладыны
1629	Благие	Мячковы
	кн. Мезецкие	Окуневы
		Сукины
1630	Милюковы	Рагозины
		Чубаровы
1631		Писаревы
		Самарины
		Тушины
		Ходыревы
1632	кн. Елецкие	Кондыревы
	Нагие	кн. Львовы
		Огаревы
1633		Беглецовы
		Волков
		кн. Козловские
		Костяев
1634	кн. Воротынские	Болтины
	кн. Телятевские	Голенищевы-Кутузовы
		Свизевы
1635		Горихвостовы
		Фомины
		Фустовы
1636	Крюковы	Кучюковы
		Огаины
		Отяевы
		Языковы
1637		Борняковы
		Челищевы
1638		
1639		Маракушевы
		Третьяковы
		Шубинские
1640	кн. Гагарины	Прюестевы

1	2	3
1641		Апухтины
		кн. Урусовы
1642	Бобрищевы-Пушкины	Апраксины
		Дубровские
		Жуковы
		Лавровы
		Полтевы
		Трусовы
		Шахматовы
		кн. Шелешпанские
1643		Елчаниновы
1644	кн. Сицкие	
1645	Очины-Плещевы	Кафтыревы
	кн. Темкины-Ростовские	
1646	кн. Литвиновы-Масальские	Гавреневы
	кн. Приимковы-Ростовские	Елизаровы
		кн. Мышецкие
1647		Норовы
1648		Кашкаровы
		Муравьевы
1649	кн. Вяземские	Вадбольские
	Зиновьевы	Грибоедовы
	кн. Мещерские	Зубовы
	кн. Пронские	Лопухины
	Сабуровы	
	Чепчуговы	
1650	кн. Буйносовы-Ростовские	Бунаковы
	кн. Лыковы	Заборовские
	кн. Щербатые	Зыбины
		Козловы
		Ртищевы
1651	кн. Оболенские	
	кн. Хворостинины	
1652		
1653	Алферьевы	Врасские
	Воейковы	Комынины
	Зюзины	Пашковы
		Тургеневы

1	2	3
1654		Булгаковы
1655		
1656		
1657		
1658	кн. Пожарские	Ордины-Нащокины
		Чаадаевы
1659	Коробьины	кн. Болховские
	Плещеевы	Свищовы
	кн. Щетинины	
1660		Остафьевы
		Отрошлевы
1661	Волынские	Скрябины
	кн. Звенигородские	
	Новосильцевы	
1662	Вельяминовы	Приклонские
	Измайловы	Шишковы
	кн. Шаховские	
1663	кн. Трубецкие	Бреховы
1664	кн. Репнины	Тулубьевы
1665		Александровы
		Галкины
		Чириковы
1666	кн. Прозоровские	Клокачовы
	Шереметевы	
1667	кн. Бельские	Лопатины
	кн. Солнцева-Засекины	
	Салтыковы	
1668	Годуновы	Кобяковы
	кн. Куракины	Потемкины
	Яковлевы	Румянцевы
1669	кн. Лобановы-Ростовские	Федоровы
1670		
1671		Бахметевы
1672	кн. Одоевские	
	Пушкины	
1673	Желябужские	
	Ляпуновы	

1	2	3
1674	Вердеревские	Пестриков
	Загрязские	
1675	Морозовы	Барыковы
		Золотаревы
		Иевлевы
		Карауловы
1676	кн. Кольцовы-Масальские	
	кн. Долгоруковы	
1677	кн. Хилковы	
1678		Мартаковы
1679	кн. Велико-Гагины	Батюшковы
	кн. Волконские	Бурнашов
		Горяинов
		Истомины
		Судейкины
1680		
1681		Мертваго
1682		
1683		
1684		
1685		кн. Хотетовские
1686	кн. Голицыны	
1687	Головины	
1688		
1689		
1690		Виниус
1691	кн. Барятинские	Нарышкины
	Колтовские	
1692	Бутурлины	
	кн. Жировые-Засекины	
	кн. Ромодановские	
	кн. Хованские	
	кн. Черкасские	
	Шейны	
1693		Головкины

Глава 5

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ КОМПЛЕКСА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ И ОБЫЧНО- ПРАВОВЫХ АКТОВ И ПОЛОЖЕНИЙ, РЕГУЛИРОВАВШИХ ИНСТИТУТ МЕСТНИЧЕСТВА

Глубокое исследование института местничества не может быть эффективным без сбора и систематизации правовых актов, которыми государство постоянно модернизировало местнические отношения, поскольку они не были косной, застывшей системой. Существует мнение, что, несмотря на явное наличие определенных сословных групп в среде русских феодалов, эти группы не имели официального оформления, поскольку отсутствовали выработанные юридические нормы, закреплявшие сословные права и привилегии этих групп¹. Однако целый ряд таких юридических норм все же имелся, и система местничества подвергалась весьма жесткому регламентированию, хотя записанные акты этой регламентации, частично представляющие собой нормы обычного права, сохранились очень плохо. Историкам была известна значительная часть их², но никто не исследовал их специально. Только недавно были сделаны первые шаги в этом направлении. Попытку возродить историко-юридические исследования данного института предпринял К. В. Петров, справедливо заявивший, что «за последние 80 лет при всем разнообразии взглядов... местнические отношения не рассматривались как правовое явление³. Петровым был проведен анализ юридических актов XVI–XVII вв. по их основным сводным академическим публикациям, в результате которого он классифицировал их «по видам юридической деятельности на три категории»: «1) нормативные правовые

¹ Бычкова М. Е. Правящий класс русского государства XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: Границы сословия. М., 1997. С. 237.

² См. работы Д. А. Валуева, М. П. Погодина, А. И. Маркевича.

³ Петров К. В. Местнические правоотношения в русском праве XVI–XVII вв. (содержание, правовая основа, основания и способы защиты) // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1 (5). С. 190–193.

акты (законы); 2) акты применения права – судебные решения; 3) акты «смешанного права». Две последние категории обозначаются в делопроизводстве терминами «указ» и «приговор», только для первой категории употребляется еще и термин «уложение» или «судебник»⁴. В настоящее время нами выявлено большое количество указов, решений по конкретным делам, упоминаний указов и, возможно, неписаных правил, которые применялись в полемике тяжущихся сторон и при их проверке в архивах приказов. Анализ использования терминов «указ» («указал») и «приговор» позволил вышеупомянутому исследователю сделать вывод, что юридические акты первого типа исходили непосредственно от царя, а второго – от Боярской думы⁵. Жизнь Российского государства Раннего Нового времени регламентировалась далеко не только официально принятыми правовыми нормами, более того, доля последних в общем количестве прецедентов явно не покрывала правовых нужд населения. Вспомним, насколько невелики Судебники XV–XVI вв., какое множество вопросов решалось по разумению судивших властей, и даже не на основании прецедентов. А. И. Маркевич весьма скептически заметил, что «В ответах царя местничаящим лицам иногда выясняется будто бы и общий принцип; но, высказанное в такой частной форме и по индивидуальному случаю, царское решение не могло приобрести значения указа или уложения, независимо от того, что в таких решениях не было и последовательности»⁶. На это можно возразить, что сами сведения об этих решениях черпаются исследователями из других судебных дел, в которых они выступают в качестве казуальных аргументов, и принимаются или отвергаются только на основании проверки их подлинности, а не правомерности. В стране уже около ста лет существовало книгопечатание, причем идеологическое обоснование этой новации – сохранение в первозданности «слова Божия» способствовало публикации только церковных книг, однако за все это время ни властям, ни авторам проектов реформ, ни даже оппонентам властей не приходила в голову идея напечатать законы страны. Только в результате фактически революционных событий 1648 г. «была реализована мечта о создании “Уложенной книги”, главное значение которой для современников было не столько в кодификации, сколько в “доступности”, публичном характере законодательства», справедливо замечает И. Л. Андреев⁷. Впрочем, в Соборное уложение, решившее ряд на-

⁴ *Петров К. В.* «Прецедент» в средневековом русском праве (XVI–XVII вв.) // Государство и право. 2005. № 4. С. 79.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ *Маркевич А. И.* История местничества. С. 287

⁷ *Андреев И. Л.* Государев двор и пространство политической борьбы при первых Романовых // Государев двор в истории России XV–XVII вв. Владимир, 2006. С. 244.

сущных задач, но составленное второпях под давлением доминировавших на тот момент социальных группировок (городовое дворянство и посадское население), так и не было включено множество государственных актов (в том числе и связанных с местничеством). Они или не были найдены в тот момент, или сочтены не столь неотложными для спасения правящего режима. О местничестве вскользь упоминает только одна статья нового свода законов, косвенно же оно «стоит за спиной» всего законодательства о бесчестье. «На ранних стадиях формирования права изданию нормы права предшествовал казус, конкретная жизненная ситуация, на разрешение которой была направлена данная норма... Акт, содержащий данные общие нормы, сформулированные для решения конкретной ситуации, являлся казуальным актом – законом», – отмечает К. В. Петров, ссылаясь на мнение английского историка-правоведа⁸. Кроме того, существовал целый ряд положений обычного права, может быть, не зафиксированных в виде царских указов, однако использовавшихся как некие правила при местнических ситуациях. Отсутствие их в виде правовых актов также не свидетельствует о «неработе» всего выявленного нами значительного правового материала, который можно условно разделить на пять групп, причем не формально-юридически, а согласно их историческому значению:

- 1) положения, принятые государственной властью, в которых дается идеологическое обоснование института;
- 2) общие родословно-местнические правила;
- 3) акты военно-служебной регламентации;
- 4) акты регламентации дипломатического этикета;
- 5) акты общеадминистративной и придворной регламентации.

В общей сложности известно около 30 положений, свидетельствующих о постоянной регламентации института местничества. Зачастую сведения о них собраны по косвенным данным (в основном по упоминаниям в делопроизводстве при местнических разбирательствах). Помимо них принималось множество временных актов, т.е. соборных приговоров и указов о безместии (общих для всех или только для определенной службы) на конкретное время или в определенной «посылки». Отметим, что все эти временные акты не являются предметом данного исследования, хотя представлены в источниках намного полнее и подробнее. В чем причина этого кажущегося парадокса? По всей вероятности, те, кто записывал в разрядные книги, были заинтересованы именно в фиксации положения

⁸ Петров К. В. «Прецедент» в средневековом русском праве. С. 80. Цит. по: *Dray W. Laws and Explanation in History. Oxford, 1960. P. 86–117.*

в конкретные моменты и на конкретных службах, а подавляющая часть сохранившихся разрядных книг – частного происхождения.

Кроме того, можно предположить и отсутствие в Разрядном приказе, фиксировавшем все назначения, единой «указной книги» по местническим вопросам (указные или уставные книги Разрядного приказа вообще не сохранились), о чем косвенно свидетельствуют ответы приказных дьяков, оперирующих только и донныне известными источниками (официальные разрядные книги и дела, справки из других приказов). Гипотезы о причинах подобного положения будут высказаны в конце главы.

5.1. Положения о «гарантиях» верховной власти и «идеологического обоснования» местничества

5.1.1. «Поучения» главы церкви монарху в «чине венчания»

Поставление российского монарха на царство было важнейшим ритуалом, означающим вручение ему Богом государства, легитимизирующим ему право на власть над подданными и, соответственно, превращающим государя в источник права, повеления и решения которого обретают характер нормативного юридического акта. Чины – церемониалы, именуемые также «уставами»⁹, вероятно, утверждались какими-то государевыми указами, хотя за первые столетия их применения эти указы не сохранились, так что неизвестно, были ли эти указы писаными. Тем не менее «чины венчания», по нашему мнению, можно считать государственными актами.

В «Чин венчания» великих князей и царей, появившийся в русской традиции с конца XV в., в качестве важного элемента входило «поучение» руководившего ритуалом церковного иерарха (обычно это был глава церкви: митрополит, патриарх), который наставлял венчаемого о его монарших обязанностях, как помазанника Божьего. В наиболее ранней, так называемой Пространной, редакции I чина венчания (вел. кн. Дмитрия Ивановича – «Внука», 14 февраля 1498 г.) митрополит «поучает... о полезных»: «И ты, господину сыне, имей страх божий во сердца, имей послушание во всем ко своему государю деду, великому князю, и люби правду и милость и суд прав, имей попечение от сердца о всем православном хрестьянстве». Имеется в «чине» и краткое поучение Ивана III, который, в частности, повторяет слова митрополита – «<...> и ты, внук Дмитрей, имей страх Божий в сердца и люби правду и милость и суд

⁹ «Чин и устав о поставлении царском» 1561 г. См.: Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России. М., 1998. С. 138.

прав»¹⁰. В следующем по времени чине венчания – Ивана IV на царство в 1547 г., «поучение» сильно расширяется, приобретает вполне законченную форму произведения, и в таком виде неизменно повторяется в церемониях последующих лет вплоть до конца XVII в. По мнению исследователей, «поучение» как элемент коронационного ритуала не имеет аналогов в сербском и византийском источниках «чина венчания» и разработано, видимо, митрополитом Макарием, неоднократно наставлявшим юного царя в своих речах и посланиях. Можно предположить, что причиной ввода и дальнейшего совершенствования «поучения» являлось особое положение юных неопытных монархов – Дмитрия, соправителя при деде, и сироты Ивана IV, нуждавшихся, по мнению их окружения, в руководстве, однако в дальнейшем оно приобрело и иной смысл.

В основе «поучения» лежат «Послание императора Василия сыну, Льву Философу» 886 г.¹¹ и, отчасти, сочинения Иосифа Волоцкого, который в послании к дмитровскому князю Юрию объяснял ему обязанности правителя¹². Именно Иосиф впервые применяет термины «место» и «отечество» в интересующем нас смысле: «...тебе бо Господь Бог избра в себе место, постави на твоём отечестве...», тем самым сакрализовав эти понятия – князь сидит на уделе, полученном «по отечеству», согласно «месту», данному ему самим Господом. Бог поручает князю «правление своего отечества» – это, конечно, не означает управление своей родиной (удел – категория временная), а обязанности, переданные «по отечеству». Среди всех этих обязанностей монарха находятся и отношения с подданными. «Отечество» имеется не только у суверена, оно, как некая привилегия, имеется и у его подданных, с чем приходится считаться монарху; это право на определенное место при его дворе и на занятие там тех или иных должностей. И в «поучение» царю при венчании включается: «...бояр же своих и вельмож жалуй и береги по их отечеству, ко всем князем и княжатам и детям боярским и ко всему христоролюбивому воинству буди приступен, и милостив и приветен по царскому своему сану и чину; всех

¹⁰ Русский феодальный архив XIV – 1-й трети XVI в. Вып. III. М., 1987. С. 612. В других редакциях «чина», «Формулярной» и «Чудовской», отсутствует поучение деда, вел. кн. Ивана III; сами же тексты «поучения» вполне сходны (Там же. С. 619, 624). См. также последнее издание: «Чин поставления на великое княжение кн. Дмитрия Ивановича... 1498 г.» // Идея Рима в Москве XV–XVI вв. Источники по истории русской общественной мысли. Рим – Москва. 1989. L' Idea di Roma a Mosca secoli XV–XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo. Roma – Mosca 1989 / Отв. ред. П. Костелано, В. Т. Пашуто. Подгот. текста Н. В. Сеницына, Я. Н. Щапов. С. 69–70.

¹¹ *Лопарев Х.* О чине венчания русских царей // Журнал Министерства народного просвещения, 1887. № 10. С. 312–319. См. также: *Богданов А. П.* Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995.

¹² *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. СПб., 1889. С. 100–101, 109.

же православных христиан блюди и жалуй и попечение имей о них ото всего сердца, за обидящих же стой царски и мужески...»¹³. Таким образом, если всех служилых людей монарх должен был «блности и жаловать», то к высшему слою надо было относиться «по отечеству», чему венчанный на царство фактически присягал. Эта формула повторяется практически без изменения в чинах венчания на царство Федора Ивановича, Бориса Годунова, Михаила Федоровича¹⁴; видимо, как дань традиции она сохраняется и у последующих монархов, до Ивана и Петра Алексеевичей включительно¹⁵, несмотря на отмену местничества и негативное отношение властей к упоминанию привилегий по «отечеству».

Понятие «жаловать» связано с отношениями вассалитета. Иван IV в своем завещании указывает сыну-наследнику Ивану Ивановичу, «как людей держати и жаловати и от них беречися и во всем их умети к себе присваивати». Нетрудно заметить, отмечает А. Л. Юрганов, что слово «жаловать» семантически связано со словом «служить»¹⁶. Вероятно, в обязанности государя «жаловать и беречь» своих бояр проявился «пережиток обычая дружинной службы, составлявшей своего рода неписаную конституцию феодализма»¹⁷. Первой обязанностью князя, отмечает С. Б. Веселовский, было оказывать своему дружиннику покровительство и защиту, второй – «жаловать» бояр за службу и смотря по службе. В понятия княжеского «жалованья» входили как существенный элемент и понятие воздавать честь по делам, держать в чести и не обесчестить; под честью здесь понималось и место в иерархии, на которое человек имел право рассчитывать по службе родителей и личным заслугам¹⁸. Понятие «бережения» – оберегания, оказания покровительства в «поучении» как бы слиты с понятием «жалованья», но весьма четко раскрывается в другом «поучении». В виде поучения митрополита Макария в Никоновской летописи изложен первый, так называемый «Владимирский» приговор

¹³ Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами // Чтения ОИДР. М., 1883. Т. 1. С. 57, 82; Дополнения к Актам историческим. Т. I. СПб., 1846. С. 48. Далее – ДАИ; Собрание государственных грамот и договоров. Т. II. С. 80. Далее – СГГД; Чин венчания Ивана IV // Идея Рима в Москве XV–XVI вв. С. 88.

¹⁴ Чин венчания Федора Ивановича. // Идея Рима в Москве XV–XVI вв. С. 114–115; В чине венчания Бориса Годунова – «милуй и береги» (может быть, опечатка?); См.: ДАИ. Т. I. С. 245; Михаила Федоровича – «...бояр же своих, о благодетивый царю, и вельмож...» См.: СГГД. Т. 3. С. 81.

¹⁵ Отсутствует в чинах венчания Лжедмитрия I и Василия Шуйского. См.: Акты Археологической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. № 47. Далее – ААЭ; СГГД. Т. II. С. 29.

¹⁶ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 123.

¹⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 472.

¹⁸ Там же. С. 472–473.

об отмене местничества на время Казанского похода. Поучая подданных государя – «бояр и воевод и князей и всех людей воинства царева», Макарий писал: «<...> А государь вас за службу хочет жаловати, а за отечество беречи, и вы бы служили, сколько вам Бог поможет, а розни б и мест никакоже меж вас не было»¹⁹. Таким образом, здесь четко разделяются понятия: «за службу – жаловати»; «за отечество – беречи». Глава церкви тем самым разъясняет, что если «жалованье» – награда за индивидуальные заслуги, «службу», то «бережение» – это ответственность верховной власти, которую она берет на себя в деле охранения «отечества» – местнической чести служилых людей на время объявления безместия. Категория «службы» наравне с категорией «отечества» далее появляется в речи царя Федора Ивановича в церемонии венчания на царство. Обращаясь к митрополиту, царь заявляет: «А яз о сем молю, Ваше святительство, а вы бы, наши бояре, нам служили потому же, как есте служили отцу нашему <...>, а мы вас учнем жаловати и держати по вашей службе и по отечеству»²⁰. Здесь также аналогичный порядок терминов – «жаловати... по службе», «держати» – «по отечеству» (слово «беречи» заменено аналогичным по смыслу «держати» – удерживать, защищать). Таким образом, верховная власть гарантирует вознаграждение за верную службу и охрану наследственных прав. В начале 1616 г. русские представители на переговорах о перемирии с Польско-Литовским государством в ответ на упрек, что теперь в Москве «люди простые мужики, поповские дети и мясники... мимо княжеских и боярских родов... к великим государственным и земским и посольским делам припускаются», заявляли: «У великого государя в Думе и во всяких чинех и приказах отецкие дети, кто чего достоин по своему отечеству, разуму и службе»²¹. Поскольку эти дипломатические ответы были выражением официального мнения, мы можем отметить здесь и новую категорию – «разум», что, видимо, является наследием эпохи Смуты и намеком на выдвижение по способностям.

Обязанностью монарха еще со времен первого чина венчания провозглашается «любить правду», о чем напоминали Дмитрию-внуку и митрополиту, и соправитель-дед. Применительно к подданным – «боярам и вельможам» эта категория появляется в «поучении» начиная с чина венчания Алексея Михайловича. К условиям, на которых государю надлежит жаловать их, прибавляется: «<...> жалуй и береги по их отечеству, службе и правде»²². «Правда» применительно к общественному

¹⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 13. СПб., 1904. С. 159. Далее – ПСРЛ.

²⁰ ПСРЛ. Т. 29. – М., 1965. С. 219.

²¹ Соловьев С. М. Сочинения... Кн. V. М., 1990. С. 49–50.

²² МИМ. С. 525.

сознанию XVI–XVII вв. детально исследовалась А. Л. Юргановым: «правдой» или «неправдой» можно было охарактеризовать едва ли не все деяния человека. Справедливый миропорядок – так понимал «правду» средневековый человек. И. С. Пересветов таким считал устройство Османской империи – «если бы к той правде турецкой да вера христианская, ино бы с ними ангелы беседовали»; Ф. И. Карпов был убежден в том, что «милость без правды малодушество есть, а правда без милости мучительство есть» – то есть гуманность без правосудия не лучше правосудия без великодушия. Именно в отношениях «по вертикали», поскольку государю надлежало служить «верою и правдою», раскрывается, как отмечает А. Л. Юрганов, связь между «подвластными» и монархом. Великий князь уже с начала XVI в. рассматривался как «правда мира сего», и «правда» подданных заключается в исполнении повелений того, кому дана власть от Бога²³. В том же «поучении» государь призывается любить правду, «милость и суд правый». Так, в чине венчания Дмитрия-внука содержится формула «Люби правду и милость и суд праведен»²⁴ или «суд прав»²⁵. То же – в чинах венчания Ивана IV («суд правый»)²⁶, Михаила Федоровича²⁷, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Ивана и Петра Алексеевичей²⁸. Кроме того, там же говорится и о том, что царь обязан делать «все по суду в правду <...> се бо о царю! Приял еси от Бога скипетр правити... и рассудити и управити люди твоя в правду». В утверждении категории «правды» как условия царских жалованья и береженья явно проступает упадок значения чисто родового приоритета: царское «жалованье» зависит уже и от индивидуальных заслуг, от того, насколько «бояре и вельможи» будут «в правде» своему государю. Возможно, что здесь проводится тезис об обязанностях царя по надзору за службой подданных. Следует обратить внимание и на то, что «отечество», судя по «поучению», имеет отношение только к «боярам и вельможам». «Князья и княжата», а также прочие находятся как бы за рамками этих отношений. Эта формулировка косвенно подтверждает известный тезис о возникновении местничества как результата стремления старомосковского боярства сохранить свои позиции в ситуации наплыва бывших удельных княжат.

²³ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. С. 34, 36, 55, 67, 81, 83.

²⁴ СГГД. Т. II. С. 29.

²⁵ Русский феодальный архив XIV – 1-й трети XVI в. Вып. III. М., 1987. С. 612, 619, 624.

²⁶ Чтения ОИДР. Т. I. С. 56, 81.

²⁷ СГГД. Т. III. М., 1822. С. 81.

²⁸ Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2. Т. VII. СПб., 1790. С. 278–280, 349–350, 453–454. Далее – ДРВ.

5.1.2. Акты Земских соборов об избрании государей на царство

Пресечение династии Рюриковичей привело к изменению принципа замещения престола – появляется первый избранный государь, чей приход к власти оформляется специальным актом – Утвержденной грамотой²⁹. Полагаем, что акты Земских соборов можно считать нормативными правовыми актами. В этом документе обширный раздел посвящен местническим отношениям. Чины Государева двора целуют крест на верность новому царю и клянутся:

1. «...не по отечеству и не по своему достоинству свыше своего отечества и службы мимо царского повеленья чести о себе никак не хотети и не искати» (т.е. жестко блюсти местнические нормы – не требовать «чести» свыше своего «отечества»).

2. «...во всяких чиновных людях несупротивну быти» (т.е. беспрекословно подчиняться государственному аппарату).

3. «...как кому государь... на своей государевой службе и у всякого дела где кому быти велит, так тому и быти...» (т.е. без сопротивления подчиняться правительственным назначениям, конфликты вокруг которых являлись основной сферой приложения института местничества).

4. «...меж собою того смотрети накрепко, чтобы ко государю... в разрядных и земских делах кручины не приносить никоторыми делы, ни которою хитростью...» (т.е. нести коллективную ответственность при чем-нибудь нарушении установленных норм и следить за тем, чтобы этого не происходило).

Утвержденная грамота тем самым определяет взаимные обязательства монархии и правящей элиты, хотя внешне имеет вид обязательств только одной стороны – подданных. Они не должны «хотети» и «искати» выше своего «отечества», но это означает, что сугубо «по отечеству» требовать могут, соблюдая при этом порядок, дабы «в разрядных и земских делах кручины не приносить».

В крестоцеловальной записи царя Василия Шуйского не содержится специальных гарантий соблюдения местнических норм, зато сам принцип обоснования его прав на престол чисто местнический – «...учинилися есмь на отчине прародителей наших на Российском государстве царем... не отнятием и не от неволи, по родству, яко же обыкли большая братья на большая места седети...»³⁰. Таким образом, избранный царь сам ставит

²⁹ ААЭ. Т. II. С. 39–40. См. также о ней: *Мордовина С. П.* К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // АЕ за 1968 г. М., 1970; *Павлов А. П.* Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // ВИД. Т. X. Л., 1978; MOM. С. 125.

³⁰ Иное сказание // Русское историческое повествование XVI–XVII вв. М., 1984. С. 68; Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Т. II. М., 1955. С. 127.

себя на определенное, хотя и высшее место в иерархии, делаясь как бы первым в этом ряду «своей братьи».

Договор «боярского правительства» 6 августа 1610 г. с гетманом С. Жолкевским об избрании царем польского королевича Владислава также оговаривал незыблемость местнических норм: «...всяким чином быти по прежнему, как повелосе в Московском государстве при прежних великих государех <...>; мети государю его милости всих по достоинству в чести и в жалованью и в милости, как было при прежних великих государях Московских; и прежних обычаев и чинов, которые были в Московском государстве, не переменять, и московских княжнецких и боярских родов прыежчими иноземцы в отечестве и в чести не теснити и не понижати <...> и впредь всяких людей <...> жаловати, смотря по службе и хто чего достоин»³¹. Практически те же тезисы в похожей редакции повторены и в Утвержденной грамоте Михаила Федоровича: «Так же нам, великого государя нашего... всему синкглиту, бояром и окольничим и князем и воеводам и дворяном и приказным людем [выборным лучшим детям боярским без государева повеленья] не по [своему] отечеству и не по своему достоинству свыше своего отечества и службы мимо царского повеленья чести себе никакой не хотети и не искати... и быти в государских делех по его государеву крестному целованью без прекословия во всяких государевых делех и во всяких чиновных людех быти несупротивну; как кому государь... на своей государевой службе и у всякого дела где кому быти велит, так тому и быти»³². Таким образом, новая династия подтверждала традиционный порядок взаимоотношений с подданными, что, вкупе с общей первоначальной слабостью нового правительства, вероятно, и привело к колоссальному взлету местничества³³.

5.2. Родословные правила

5.2.1. «Государев родословец»

Одним из основополагающих документов, упорядочивших институт местничества, был Государев родословец – справочник родов, составлявших верхушку государева двора. Этому первостепенному историческому источ-

³¹ СГГД. Т. II. С. 393, 418–420.

³² Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / Предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 75.

³³ В 1601–1610 гг. – 99; 1611–1620 гг. – 133; 1621–1630 гг. – 142; далее начинается спад: 1631–1640 гг. – 100; 1641–1650 гг. – 109; 1651–1660 гг. – 69; 1661–1667 гг. – 55; 1671–1680 гг. – 35. См.: Эскин Ю. М. Местничество // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 560–562.

нику посвящена обширная литература³⁴, нас же он интересует как важный кирпич в фундаменте института местничества. Н. П. Лихачев определил время его составления 1555 г. Государев родословец, состоящий из 43 глав, хранился в Разрядном приказе и использовался для официальных справок; составлен он был при участии дьяка И. Е. Циплятева и А. Ф. Адашева и являлся одной из составных частей проводившейся в эти годы широкой реформы армии и военно-служилого сословия (те же лица и в то же время участвовали в создании Государева разряда, реорганизации Разрядного приказа и т.д.)³⁵. Необходимым элементом реформ было упорядочение местнических отношений. Поэтому составление и официальное утверждение корпуса генеалогических росписей влиятельнейших родов страны, начиная с царского, установление межклановой и внутриклановой иерархии было необходимым краеугольным камнем всей системы. Все созданные в дальнейшем редакции родословцев (Патриаршая, Разрядная, Редакция начала XVII в. и пр.), по мнению М. Е. Бычковой, имели разрядное происхождение. Однако до сих пор не вполне ясно, какие из них были «официально признанными», а какие – нет. Определить, какой из документов дьяки считали официальным, можно только по материалам проверки выписок из своих частных родословцев, подававшихся местниками. В среде «родословных людей» бытовали списки в разных редакциях³⁶. Государев родословец, использовавшийся в Разрядном приказе, по непонятным причинам очень долго не пополнялся. Так, в 1627 г. В. Н. Пушкин подал «роду своему роспись», сходную с официальной редакцией, но с прибавлением последующих шести поколений; отсутствовали последние поколения и в официальной росписи его местников – Плещеевых³⁷. Но, как выше указывалось, и через 20 лет в этот официальный экземпляр, судя по приказной выписке из родословца для дела Н. А. Зюзин – Б. И. Пушкин 1648 г., никаких поправок внесено не было³⁸. Возможно, в XVII в. после Смуты уже не придавалось большого значения наличию рода в официальном родословце, ввиду того, что наверх «выносилось» все больше новых фамилий. Кн. Г. К. Волконский, отвечая на обвинение в отсутствии там своего рода, замечал, что «...многие роды в родословце не написаны которые при прежних государях были... тверские роды – Борисовы, Бороздины, Колединские... а

³⁴ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888; *Он же*: Государев родословец и род Адашевых. СПб., 1897; *Он же*. Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

³⁵ Буганов В. И. Разрядные книги посл. четв. XV – нач. XVII в. М., 1962. С. 166–168.

³⁶ Бычкова М. Е. Родословные книги... С. 132.

³⁷ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 35. Стп. 2. Л. 173, 175; РИИР. М., 1977. С. 123–124, 126–131; ВМОИДР. Т. 10. С. 131, 173.

³⁸ Судя по приказной выписке из родословца для дела Н. А. Зюзин – Б. И. Пушкин 1648 г. См.: Ф. 210. Оп. 9. Ст. 218. Л. 138; MOM. С. 496; РИИР. С. 126.

рязанские роды все в Государеве родословце не написаны»³⁹. Таким образом, ко второй половине XVII в. процесс дополнения официального справочника служилых родов находился в упадке; но к концу века социальной группе, отринувшей в процессе консолидации институт местничества, потребовалось для той же цели именно составление официального справочника по родам. Процессы эти (консолидации сословия и официально-бюрократической фиксации клановой иерархии) шли параллельно – и спустя век организация регионального дворянского самоуправления Екатерининской эпохи была увязана с созданием губернских родословных книг.

5.2.2. «Государева книга выезжих родов»

С Государевым родословцем тесно связаны и некоторые не дошедшие до нас источники. Так называемая «Выезжая книга», или «Приезжих родов государская книга», упоминается время от времени в местнических делах, например И. К. Бегичевым в 1623 г.⁴⁰, а также многократно впоследствии, при подаче многими родами документов в Палату родословных дел; Н. П. Лихачев считал, что эта книга существовала (об этом он писал в своей монографии)⁴¹ и могла храниться в Посольском приказе, однако она не проходит ни по справкам из приказа в Разряд, ни по хорошо сохранившимся описям архива Посольского приказа XVI–XVII вв.⁴² Правда, в этом архиве имелась группа дел в столбцовой форме о выезде на русскую службу иноземцев. По описи 1673 г. это раздел 28 «Столпы пометные, за службы и за крещение и за выезды высоких чинов людей и переводчиком и толмачом об окладах и о поденных кормех»⁴³. В настоящее время это коллекция «Дела о выезде иностранцев в Россию», окончательно сформированная уже в конце XVIII – начале XIX в. в Московском Главном архиве Коллегии иностранных дел⁴⁴. Таким образом, следов официального справочника по выезжим родам, составленного в

³⁹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 559. Л. 185–195.

⁴⁰ Там же. Ст. 16. Стп. 1. Л. 7, 8.

⁴¹ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. С. 426–428 (упомянуты Бахметевы, Воейковы, Коробовы); MOM. С. 437.

⁴² ОЦА; Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977; Опись архива Посольского приказа 1673 г. М., 1990. В Разрядном приказе велось делопроизводство по службе «выезжих иноземцев» в связи с их назначением и окладом, поэтому там составлялись списки – окладные, смотренные и др., например, в разрядной описи 1668 г. значится: «Список иноземцев начальных людей розных земель, за рукою дьяка Василья Ртищева, з головы подран»; «Список иноземцев старого и нового выезду помесных и кормовых гречан, сербян, волошан, мутьян, упрянь, поляков, литвы, и немец и черкас, с началом, не закреплен». Однако специальных записных книг с фиксацией их происхождения не известно. См.: ОАРП. С. 139.

⁴³ Опись архива Посольского приказа 1673 г. С. 31.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию.

книжной форме, обнаружить не удалось. Однако среди частных родословных справочников встречаются редакции, в которых выделены «приезжие роды». Элемент этот особо отмечается в преамбулах: «Выписано из летописца вкратце московских князей и бояр и приезжих князей и бояр, и розных государств дворян и детей боярских приезжих и московских родов»⁴⁵. Подобный справочник, в сущности, не является родословцем – это выборка скорее из родословцев с краткими текстами только о происхождении родов⁴⁶. В известную нам редакцию включены сначала общие сведения о Гедиминовичах, затем даются краткие сведения о происхождении каждого рода; всего главок 48, из них 31 – со сведениями о выезде происхождения. Наиболее характерны начальные выписки о выезде кн. Бельских, Милославских, Воротынских и пр.⁴⁷ Имелся ли официальный сборник подобных легенд о происхождении и выезде, к которому апеллировали доказывавшие свое высокое происхождение, сказать трудно, однако цели его составления и бытования проясняются при взгляде на его конволют. Текстам этим сопутствуют характерные местные справочные материалы: «Поганая книга», разнообразные списки недельщиков, стрелецких голов, сотников, губных старост, лиц, получивших служебные взыскания и прочие «утягивающие» материалы⁴⁸.

5.2.3. «Уложение», или указ, о несчете «родословных» людей с «неродословными»

Этот акт впервые упоминается в 1589 г. в деле кн. В. В. Литвинова-Масальского с Р. В. Алферьевым⁴⁹. «А Олферьевы люди неродословные, а с родословными людьми неродословным счету не живет»⁵⁰ (выделено

⁴⁵ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 477.

⁴⁶ Порядок расположения главок по родам в указанном справочнике наиболее сходен с редакцией родословных книг начала XVII в. См.: *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975. С. 196–199, табл. 7.

⁴⁷ «В лето 6990 первой приезжей род из Литвы к великому князю Ивану Васильевичу сыну Темного приехал служить князь Федор Иванович Бельской, а жену свою там покинул. В лето 6994 приехал из Литвы к великому князю Ивану Васильевичу князь Дмитрей Федорович Воротынской от короля Казимера своею вотчиною». Далее – о выезде кн. Булгаковых, Мезецких, «из Астрахани два царевича Исуп Солтан да Бахтеяр Салтан Ахматовы царевы дети Большой Орды», кн. Глинских, Мстиславских; далее следуют более краткие справочные главы с родословными легендами. См.: РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 477. Л. 1–17.

⁴⁸ Там же. Л. 1–17, 19–38; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. С. 349. Доселе не изучены источники, редакции, происхождение этих сборников, хотя вполне понятно их предназначение.

⁴⁹ Этому делу посвящена обширная литература. Разрядная запись дела дважды публиковалась в связи со значительностью фигуры Р. В. Алферьева-Нащокина. См. библиографию: Реестр. № 529, 534.

⁵⁰ РК 1550–1636. Т. II. С. 57–58.

нами. – Ю. Э.). Осенью 1658 г. тамбовский воевода кн. А. И. Лобанов-Ростовский жаловался на козловского воеводу В. Н. Лихарева, отказавшегося прислать ему подкрепление и тем его «обесчестившего»: «А по *твоему государеву указу* таким молодым неродословным людям с нами и счету не указано»⁵¹. Вероятно, «родословными» числились те роды, которые были занесены в Государев родословец. В 1600 г. И. О. Полев в деле с А. В. Измайловым заметил, что «да и бити челом ли государю на него на Ивана не о чем, что их Измайловых родства в Государевых родословцах и не сыскивали». Измайлов тогда отвечал, что «того он не ведает, родство их в Государевых родословцах есть или нет, да только они Измайловы по своему отчеству больши розрядом» – т.е. противопоставил служебный счет родовому⁵². «Родословные» люди также делились на «худых» и «добрых» уже по служебно-разрядному принципу. Кн. Б. М. Лыков в 1609 г., возражая против представленных кн. Д. М. Пожарским случаев его отдаленных высокопоставленных родственников (Палецких, Ряполовских), заявлял, что, бывает, «от большова брата колено пойдет, и в розряде малы и худы будут, а от меньшова брата колено пойдет, и в розряде велики живут, и те, государь, худые с добрыми по родословцу лествицею не тяжутца, а тяжутца по случаем розряды»⁵³. В. Н. Пушкин в деле с А. О. Плещеевым в 1627 г. оправдывался, что не называл А. О. Плещеева «неродословным человеком», но при этом высказывал сомнение в правильности его отсылок к родословцу; Плещеев же специально указывал на то, что «род их есть в Государевой родословной книге»⁵⁴. Еще в 1648 г. Б. И. Пушкин заявлял: «Зюзины – люди не родословные», что подтвердилось проверкой в «Государовой родословной книге»⁵⁵. Доказать свою принадлежность к родам, записанным именно в 43 главы Государева родословца, по нашим подсчетам, могли из 365 родов, местничавших в XVI–XVII вв., примерно 132 рода⁵⁶. Вышеперечисленные местники – потомок черниговских князей Масальский, потомок князей Фоминских Полев и «ратшич» Пушкин в своих обвинениях были правы: роды их соперников – Зюзины, Нащокины и Измайловы не были занесены в Государев родословец. В случае же с Плещеевым Пушкину пришлось извиниться – род Бяконта в Родословце фигурировал. Таким образом, можно сделать вывод о реально существовавшем обычае, хотя действовал он только при других равных для сторон обстоятельствах, так как вряд ли самый что

⁵¹ АМГ. Т. I. С. 626.

⁵² РИС. Т. II. М., 1838. С. 175–176.

⁵³ Там же. С. 259.

⁵⁴ ВМОИДР. Т. 14. С. 119.

⁵⁵ МИМ. С. 458.

⁵⁶ Реестр; Бычкова М. Е. Родословные книги... С. 180–181; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... См. по именовым указателям.

ни на есть «родословный человек» осмелился бы поставить на вид представителю новой знати, скажем, типа кн. Черкасских, отсутствие его рода в Государевом родословце. Более того, «родословность» могла перевесить и некоторые чисто служебные, разрядные преимущества. Например, в 1635 г. И. Т. Фустов и Ф. С. Колтовский били челом соответственно на князей П. Р. Бярятинского и Д. П. Львова. Фустову была дана отповедь – «Борятинские люди честные и родословные, а ты человек неродословный; хотя будет и бывали родители твои в разрядах болши Борятинских, только быть тебе менши Борятинских мочно»⁵⁷. Даже всего за семь лет до фактической (в 1680 г.) отмены местничества, 3 октября 1673 г., Г. К. Хрущову с братьей, бившим челом на кн. И. М. Коркодинова, был «сказан» указ, что они местничают, «не познав меры своей», «Коркодиновы перед вами люди честные, и родословные, смоленские князи, а вы перед ними люди неродословные; а неродословным с родословными николи счету не бывало»⁵⁸.

5.2.4. «Приговор» или «уложение» о местническом понижении родни лица, отъехавшего от государя

Гипотеза о существовании этого правила имеет солидную литературу упоминаний, но крайне малую источниковую базу. Наиболее детально вопрос этот рассматривали А. И. Маркевич, Н. П. Лихачев, М. А. Дьяконов⁵⁹. Последний детально прокомментировал известные ему факты с точки зрения изучения права феодального отъезда и борьбы с ним московских государей. В местнических делах встречаются упоминания о том, как предок местника «проездил свое место», т.е. отъехал к иному суверену, и вернувшийся потомок должен был свое «место» восстанавливать⁶⁰. Видимо, такое восстановление, хотя и не слишком часто, но практиковалось, как и повышение отъехавшему в случае его добровольного возвращения (последнее – скорее теоретически – упоминается в царских обещаниях М. И. Головину и др.⁶¹

Известно, что нововыезжий иноземец мог «заехать» на определенное количество мест старую знать, что не раз происходило в XV – начале XVI в., но и позднее место нововыезжему определяли иногда специальным указом⁶². Все эти детали свидетельствуют о возможности существования и

⁵⁷ ДР. Т. II. С. 453–454.

⁵⁸ Там же. Т. III. С. 904–906.

⁵⁹ МИМ. С. 438–441; MOM. С. 480–484; Дьяконов М. А. Власть московских... С. 184, 196–198; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки. С. 95.

⁶⁰ Например, дело 1576 г. См.: Реестр. № 230.

⁶¹ Дьяконов М. А. Власть московских... С. 198.

⁶² Например, Л. А. Шляковскому 26.03.1643 г. (впрочем, оказавшемуся самозванцем). См.: Реестр. № 1416.

такого правила. Наиболее раннее упоминание о нем имеется в Государевом родословце (об одном из Вельяминовых): «А от Ивана дети его опалы для в своем роду и в счете не стояли»⁶³. Речь шла о потомках казненного Дмитрием Донским в 1379 г. И. В. Вельяминова⁶⁴.

Косвенным подтверждением взаимосвязанности «мест» и «отъезда» служит известный инцидент в июле 1554 г. с попыткой бегства в Литву кн. Н. С. Лобанова-Ростовского. К статье Лицевого свода, повествующей об этом событии и о допросе пойманного князя, спустя несколько лет, видимо по указанию Ивана Грозного, были приписаны следующие подробности объяснений беглеца: «<...> да и от того, сказывает, почал досадовати, будто государь его и род его посылал не по их отечеству со многими с теми, которые менши их – а то все говорил, хотя государю изменять; а государь его посылал все по его достоинству и род его с кем ни пригоже быть – да они все изнеистовилися злобою» (так Иван IV оправдывается от обвинений князя в несоблюдении царем местнических норм). Далее царь припомнил и другие обвинения князя – литовскому послу он якобы говорил, «что их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас ими теснит, да и тем нас истеснил, ся что женился у боярина у своего, дочь взял, робу свою, и как служити своей сестре? И иные поносительные слова говорил...»⁶⁵.

В 1619 г. В. П. Морозов, местничая с кн. Д. Т. Трубецким, заявлял, что его брат кн. Юрий «в измене служит литовскому королю, а *прежнее ваше государево уложение* (выделено нами. – Ю. Э.), которые в удел убежали, и те у себя у своево роду за то теряли многие мesty»⁶⁶. Позже, в 1640 г., кн. Ф. С. Куракин «привязывает» это уложение к более позднему периоду: «Государь царь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси приговорил – которово роду хоти хто меньший отъедет, и того роду и у большого отнять 12 мест, кому они были в версту, и тех указал государь бытъ 12-ю мesty менши. *И тот, государь, приговор в твоих государевых разрядах записан*»⁶⁷ (выделено нами. – Ю. Э.). В этом свидетельстве документ достаточно четко изложен и датирован – «как, государь, князь Ондрей Курбский отъехал в Литву». О цифре «12 мест» есть косвенное свидетельство, относящееся к более раннему времени. В 1555 г. кн. И. И. Буйносов был выдан головой И. И. Слезневу-Елецкому,

⁶³ РИИР. С. 135; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии... С. 157.

⁶⁴ «Лишенные вотчин и места в своей среде, они затерялись в рядах городских детей боярских так глубоко, что ни об одном из них нет никаких известий, ни обчих службах, ни о вотчинах. Так более 150 лет измена Ивана Васильевича тяготела проклятием над его несчастливими потомками». См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 218.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904. С. 237; Т. 29. М., 1965. С. 226.

⁶⁶ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 9. Стп. 2. Л. 81.

⁶⁷ Там же. Ст. 157. Л. 5.

«а выдавка головная по царскому уложению за 12 мест» – однако сам Н. П. Лихачев, приведший эту запись, счел ее сомнительной⁶⁸. Выдать головой могли и человека, сравнительно близко отстоявшего от соперника по местнической иерархии – хотя бы за злостное неподчинение решению суда или комиссии. Подобное наказание не влекло за собой никакого общего понижения для родни. Реакция дьяков Разрядного приказа в 1640 г. на заявление кн. Ф. С. Куракина об упомянутом указе Ивана IV выглядит несоразмерно раздраженной: «А что ты пишешь к нам в своей отписке про измену князя Андрея Курбского и про приговор, которые изменяют, что того изменою своею многие места теряют, и тебе было нам Великому государю писать непригоже, прежних великих государей указы и приговоры нам ведомы [далее зачеркнуто «больше твоих вычетов»] и знаем [далее текст отпуска обрывается зачеркнутыми словами «мы, ково с кем рознять»]⁶⁹. Приказные судьи, очевидно, пребывали в растерянности – они не хотели признать ни наличие, ни отсутствие столь важного законодательного акта. Точку в «дискуссии» (правда, не выиграв спор) поставил кн. Ф. С. Куракин: он пояснил, что ему «государевы указы ведать было от кого», поскольку его дед, кн. А. П. Куракин, «был в летех стар, и жил все при вашей государской милости, и про ваши государевы указы и приговоры все ведал»⁷⁰. Судя по времени упоминания в разрядах, кн. А. П. Куракин во время бегства Курбского был, видимо, уже юношей и мог знать об указе. Приказ на этот раз промолчал. Реальным доказательством существования этого акта стали бы факты его применения, однако предпринятые и А. И. Маркевичем, и М. А. Дьяконовым попытки отыскать их нельзя отнести к успешным⁷¹. Кн. А. М. Курбский не оставил в России ни детей, ни близких родственников; бегство М. И. Головина было следствием, а не причиной опалы его рода. Кроме того, ввиду относительности для большинства самого понятия «измена» в обстановке гражданской войны, приложение подобной нормы к людям, пережившим Смуту, было невозможно.

5.2.5. «Уложение» или указ о равенстве первого племянника четвертому дяде

Основополагающее правило для родословного счета – *«Всякий сын от отца своего четвертое место»* (выделено нами. – Ю. Э.) – формулируется

⁶⁸ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки. С. 196; Дьяконов М. А. Власть московских... С. 198.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 157. Л. 24.

⁷⁰ Там же. Л. 32. Изл.: MOM. С. 470–484.

⁷¹ А. И. Маркевич приводит случаи с детьми казненных Шеина и Измайлова в XVII в., но и эти, и прочие примеры не дают чисто «местнической» картины, так как любая опала «выбрасывала» человека и зачастую его родню из ячейки, занимаемой в служебной иерархии.

в этом виде по местническому делу 1609 г.⁷² Однако возникло оно, вероятно, еще в удельной системе. В. О. Ключевский приводит иную формулировку в своей лекции, где детально разбирает систему местнического счета (из дела И. В. Шереметев – кн. А. П. Хованский и кн. И. К. Курлятев в сентябре 1579 г.): «а по нашему уложению первого брата сын четвертому дяде в версту»⁷³. Почему данная система опирается именно на цифру 4? Н. Коллманн объясняет это демографическими особенностями боярских семей второй половины XV – начала XVI в., т.е. времени формирования местничества: в чинах государева двора могли находиться максимально четыре брата ко времени вступления туда подросткового сына старшего из них⁷⁴. Неясно, являлось ли это правило «писанным», тем не менее оно соблюдалось, судя по упоминаниям в делах, как некая данность. Формулировка «Наше уложение» свидетельствует вроде бы о царском решении, утвердившем некий прецедент (может быть, и по конкретному судебному делу), в виде правила, коему должны в дальнейшем следовать подданные.

5.2.6. «Уложение» о запрещении «утягивать» родней – новгородцами

«Уложение» о запрещении «утягивать» родословных людей их новгородской родней А. И. Маркевич относит ко времени Ивана IV. О «разведении» с захудавшей новгородской роднею бил челом еще в 1578/79 г. Ф. А. Бутурлин (в связи с существованием новгородцев Клепиковых-Бутурлиных): «Новгородскими, государь, мы по вашему государеву уложению (выделено нами. – Ю. Э.), ни правы, ни виноваты быть не хотим, и ими не считаемся»⁷⁵. А. П. Павлов полагает, что по отношению к новгородскому и псковскому дворянству правительство проводило в 1580–1590-е гг. двойственную политику, стремясь его обособить. С одной стороны, оно эти корпорации как бы вывело из состава государева двора, с целью оградить свою основную «базу», московскую служилую знать, от притязаний новгородской корпорации, а с другой стороны, давало ее представителям достаточно высокие назначения, но в своем разряде, и запрещало людям «московского списка» иметь в Новгородской земле поместья⁷⁶.

Часть новгородских помещиков действительно была незнатной, и именно из-за них, потомков испомещенных там после присоединения

⁷² Погудин М. П. Статьи о местничестве. Статья 2 // РИС. Т. III. Кн. 3. С. 374: имеется в виду дело кн. Д. М. Пожарский – кн. Б. М. Лыков.

⁷³ РК 1559–1605. С. 106; Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция XXVII // Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. Т. II. М., 1957. С. 148.

⁷⁴ Kollmann N. Kingship and politics. The making of the Muscovite political system 1345–1547. Stanford, 1987. P. 59–70.

⁷⁵ МИМ. С. 287; ВМОИДР. Т. 14. С. 81.

⁷⁶ Павлов А. П. Государев двор... С. 129.

Новгорода холопов-послужильцев, широко бытовали списки известной «Поганой книги». Этот момент еще более побуждал тяжущиеся стороны поминать «унижение». В. Н. Пушкин, местничая в 1627 г. с А. О. Плещеевым, объяснял, что они уже далеко «разошлись» с новгородцами Шафериковыми-Пушкиными, и по сути повторил формулу, возникшую не менее чем 50 назад: «А новгородцами, государь, мы по вашему государеву уложению ни правы, ни виноваты быть не хотим и ими не считаемся, а считаемся своею ближнею лестницею»⁷⁷. Примерно то же говорил о своих дальних новгородских однородцах М. А. Вельяминов в 1631 г.⁷⁸

5.2.7. Указ об исключении из местнических счетов назначений в «безгосударное время» (Смуту)

Апелляция местника к событиям, происходившим в Смутное время, в Разрядном приказе рассматривалась, но только в том случае, если речь шла о каких-либо «не разрядных» документах. Если же местник приводил разрядные записи, то эти факты просто не рассматривались. Существует масса примеров, когда на эти доказательства дьяки отвечали: «разряды не писаны», «в безгосударное время разряды не писаны» (выделено нами. – Ю. Э.), и пр. в различных вариантах⁷⁹. Интересно, что ссылки на эти же разряды, но до прихода к власти Лжедмитрия I или после воцарения Михаила Федоровича, принимались и проверялись⁸⁰. Причем в период правления по крайней мере Лжедмитрия I и Василия Шуйского функционировал весь государственный аппарат, а значит, записывались и разряды, что являлось одной из важнейших функций Разрядного приказа⁸¹. Сохранился целый ряд редакций разрядов за этот период, некоторые из них исследователи считают официальными или сохранившимися черты официальных⁸². Местничества в этот период также происходили, причем во время правления Василия Шуйского их было довольно много⁸³. Однако после Смуты Разряд систематически замалчивает эти события, следуя, вероятно, гласному или негласному указанию. В одном разрядно-родословном сборнике середины XVII в. нам удалось обнаружить пересказ возможного указа на эту

⁷⁷ ВМОИДР. Т. 14. С. 81.

⁷⁸ РИС. Т. 5. С. 178.

⁷⁹ «...потому что со 113-го по 121 год за Росстригиным приходом и за московским разореньем розрядов не писано». См.: Ф. 210. Оп. 9. Ст. 532. Л. 52; Эскин Ю. М. Смута и местничество // Архив русской истории. Вып. 3. М., 1993. С. 79.

⁸⁰ См. также: Буганов В. И. Разрядные книги посл. четв. XV – нач. XVIII в. М., 1962. С. 157.

⁸¹ БРЗ. С. I–III; Буганов В. И. Разрядные книги... С. 158.

⁸² По мнению С. А. Белокурова, это опубликованный им разряд. См.: БРЗ. С. II, 1–26; ныне – РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 97.

⁸³ Эскин Ю. М. Смута и местничество. С. 97–122.

тому: «И в тех годах по мирное поставление, как государь помирился с королем, в перемирны годы взяли перемирья на урочные годы, как королевич был под Москвою во 126-м году и в 7-м, и по те годы *записано в Разряде* (здесь и далее выделено нами. – Ю. Э.), ни был в безгосударное время и при государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче, как государь воцарился во 121-м году и в те годы, *кто где ни был, в случаи того ставить не велено*, потому что на Московское государство было разоренье. И *закреплено то рукою государя патриарха* Филарета Никитича Московского и Всея Руси»⁸⁴. В записи этой сначала описываются события «прихода» королевича Владислава 1617–1618 гг., хотя, конечно, это время уже отнюдь не было «безгосударным». Но основная ценность этого свидетельства заключается в сохранении указания на то, что определенные годы, когда «Московское государство было в разоренье», «в случаи ставить не велено». Не случайно здесь подчеркивается и роль Филарета, который, похоже, был инициатором указа и даже лично его подписал (что, правда, сомнительно). Видимо, поэтому пересказчик немного напутал, «продлив» время действия указа на период до Поляновского мира; дело, видимо, в том, что он был принят по возвращении Филарета из плена и ассоциировался со всем временем отсутствия «государя-патриарха». Нетрудно понять причины и цели указа. С прибытием патриарха, возглавившего правительство, изменилась расстановка сил в высших слоях Государева двора. Филарет, раздавив засилье временщиков Салтыковых, стремился к гражданскому миру, чему не могли способствовать старые счеты времен Смуты, возникавшие поминутно в процессе местничества. Шумные скандалы типа дела Пожарский – Салтыков ничего, кроме вреда, новым властям принести не могли. Поэтому было мудро решено дезавуировать местнические счеты за весь этот сомнительный период.

5.3. Акты военно-служебной регламентации

5.3.1. «Приговор о местничестве» 1550 г. и его подтверждения и уточнения 1580-х, 1604, 1620 гг.

Документу этому, бесспорно важнейшему как в системе мер по проведению военно-служилых реформ 1550-х гг., так и конкретно для развития института местничества, посвящена обширная литература, как дореволюционная, так и современная⁸⁵. Н. Е. Носов в комментарии к

⁸⁴ РГБ. ОР. Ф. 596. Собр. А. П. Голубцова. Д. 6. Л. 11.

⁸⁵ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 342–345; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50 гг. XVI в. М., 1958. С. 399–406. Их разные точки зрения на Приговор и возможность существования одного или двух документов анализирует Н. Е. Носов (см. след. сноску).

последнему изданию «Приговора»⁸⁶ присоединяется к основным выводам А. А. Зимина, считая, что существовало два приговора – первый, 1549 г., был принят по конкретному поводу, связанному с Казанским походом и клубком вспыхнувших там местничеств. Именно в годы «боярского правления», по мысли А. А. Зимина, этот институт окончательно сформировался. Этот приговор регламентировал отношения между воеводами разных полков. Существовавшая до него система была менее четкой – каждый воевода, видимо, считался на одно место «меньше» предыдущего⁸⁷. Кроме того, существовали и варианты более сложного счета (видимо, предшествовавшие разработкам 1549–1550 гг.), о которых вспоминал кн. Д. И. Хворостинин в 1589 г.⁸⁸ Еще 19 января 1544 г. правительство разъясняло князьям И. С. Ногтеву и И. А. Копыре Кашину (первому и второму воеводам сторожевого полка), бившим челом на боярина И. С. Воронцова и кн. О. Т. Тростенского (первых воевод полков правой и левой руки), что «сторожевому полку до правые руки и до левые руки дела нет, то полки опричные»⁸⁹. А. А. Зимин отмечает, что слово «опричина» к середине XVI в. уже редко употреблялось в деловом языке, обозначая «особую, обособленную часть целого», «опричным» мог быть назван, например, сепаратный мир или лицо, не входящее в юрисдикцию какого-либо феодала или государственного чиновника⁹⁰. Таким образом, попытки навести определенный порядок в соотношении полков предпринимались по крайней мере уже за пять лет до Приговора 1550 г. Видимо после того, как потерпел фиаско первоначальный приговор о безместии, 1549 г. (судя по разрядам, местничества продолжались – их было не менее шести до июня 1550 г.)⁹¹, Иван IV требовал пресечения местничества в известных «вопросах» митрополиту Макарию, сетуя на несоблюдение единодушно одобренного приговора⁹². В июле 1550 г. принимается уже окончательный Приговор о местничестве⁹³ с регламентацией мест и безместия по полкам. А. А. Зимин

⁸⁶ Законодательные акты Российского государства 2-й пол. XVI – 1-й пол. XVII в. (далее – ЗАРГ). М.; Л., 1986–1987. Т. 2. С. 9–12.

⁸⁷ *Петров К. В.* Проблемы местнического старшинства полковых воевод в России XVI в. // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 1993 г. № 1.

⁸⁸ «...были тогда три полка равны: левая рука, да сторожевой, да передовой полк. А правые руки воевода и большово полку другой воевода были больши левые руки». См.: *Мельников Ю. Н.* Местническое дело бояр. кн. Ф. Д. Шестунова с бояр. кн. Д. И. Хворостининым 26 декабря 1589 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 122.

⁸⁹ РК. 1475–1605. Т. I. С. 313.

⁹⁰ *Зимин А. А.* Опричина. С. 192.

⁹¹ Реестр. № 91–94.

⁹² Памятники русского права (далее – ПРП). Вып. IV. М., 1956. С. 576, 592.

⁹³ ПРП. С. 582–584; ЗАРГ. Т. I. С. 29–30.

справедливо отмечает его компромиссный характер. Во-первых, Приговор, ввиду туманности ряда формулировок, оставляет очень многое на произвол судей и тяжущихся. Так, первый воевода большого полка безусловно «выше» всех, что укрепляло единоначалие. Все «родословные люди», «большие дворяне», не получившие воеводских назначений, теперь могли находиться «в ряду» без ущерба своему «отечеству». Первые воеводы других полков были по большей части «подтянуты» до места второго воеводы большого полка. В то же время в одних случаях их новый статус формулировался как «до такого-то дела нет, без мест», в других случаях – «не меньше» такого-то, что открывало широкое поле для истолкования. Особенно неясно было положение воевод левой руки: воеводы передового и сторожевого полков «не меньше» воевод правой руки; воеводы левой руки «не меньше» воевод передового и сторожевого полков; но при этом воеводы правой руки «больше» воевод левой руки.

После принятия Приговора 1550 г. правительство получило законное основание отвергать целый ряд типов местнических претензий; до апреля 1551 г. местничества вообще источниками не фиксируются⁹⁴. Теперь правительство ведет упорную борьбу за воплощение этого документа в жизнь, что видно по решениям, принимаемым в местнических делах. Так, в апреле – мае 1551 г. кн. В. И. Воротынский, как второй воевода большого полка, попытался местничать с тремя первыми воеводами полков правой руки, передового и сторожевого. Ему было указано, что «по прежнему ево государеву указу и приговору большова полку другому воеводе, а до правой руки и до передовова полку дела нет, с тем быть без мест и счоту не давать»⁹⁵. В сентябре 1555 г. кн. Ф. И. Кашин, третий воевода сторожевого полка, бил челом на А. Д. Басманова (третьего в правой руке) и И. М. Воронцова (второго в левой руке), видимо, продолжая считать, что «правая рука» выше сторожевого полка. Ему также разъясняли, что следует им быть «без мест по государеву приговору, а сторожевому полку до правые руки и до левые руки мест нет»⁹⁶. В Пространной редакции добавлено пояснение, встречавшееся в период «до Приговора 1550 г.», «то полки опричные», возможно, последнее было добавлено одним из составителей разрядной книги «по аналогии» для придания веса формулировке отказа. В июле 1558 г. Иван IV уже весьма раздраженно писал в Калугу командующему войсками «на берегу» кн. М. И. Воротынскому о новых случаях подобных местничеств: «А князь Иван Кашин то пишет негораздо: какое дело правой руке до передовова полку?» «И то князь Ондрей

⁹⁴ Реестр. № 94–96.

⁹⁵ РК 1475–1605. Т. I. С. 403–404.

⁹⁶ РК 1475–1598. С. 154.

(кн. А. П. Охлябинин, второй в левой руке, конфликтовал со вторым в сторожевом полку Д. Ф. Карповым. – Ю. Э.) дурует: ведаем мы и сами своих холопей, на свою службу посылаем, где кому пригоже быть, а те полки давно приговорены посылать без мест»⁹⁷. Отметим, что в последнем случае Иван IV противоречил «Приговору», поскольку второй воевода левой руки был ниже соответственных воевод других полков. В 1574 г. В. И. Умный-Колычов попытался оспорить принципы «Приговора», заявив, что по государеву указу в «свейском походе» 7064 г. «государев приговор был – правая рука с передовым полком учинены ровны». Однако Разрядный приказ отверг эту претензию, дав справку, что «того государева приговору не было»⁹⁸ и таким образом показав, что термин «не меньше» еще не означает полное равенство.

Приговор этот подтверждался преемниками Ивана Грозного – Федором Ивановичем, возможно – Борисом Годуновым, а также Михаилом Федоровичем. Указ Федора Ивановича известен только по упоминанию в I редакции «Указа и приговора 1620 г.»: «...как было приговорено при его государеве деде блаженной памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче Всея Руси...»⁹⁹. В разрядные книги этот указ не был занесен, однако анализ местничеств за период правления Федора Ивановича и Бориса Годунова, проведенный А. П. Павловым, позволил ему прийти к выводу о том, что именно в это время структура Государева двора была приведена в соответствие с уровнем родовитости составлявших его служилых людей. По мнению автора, именно группировка Годуновых–Романовых объединяла слои, связывавшие прогресс в своем положении с государевой службой и царским «жалованьем»; кроме того, они стремились не допустить проникновения новых, более худородных слоев и были заинтересованы во власти, которая бы гарантировала незыблемость местнической традиции; порядки эпохи «боярского правления», «опричнины» или «двора» Ивана IV не давали гарантий ни служебно-местнической, ни политической стабильности¹⁰⁰. Поэтому подтверждение указа в это время весьма вероятно. В августе 1589 г. И. И. Сабуров, жалуясь на кн. Д. И. Хворостинина, утверждал, что тот «лаючи» говорил: «Я де тебя в розряде и нонче болши написан, потому что живет в большом полку другой воевода болши первых воевод передовова и сторожевого полку, а не токмо левые руки»¹⁰¹, обвиняя тем самым боярина в попытке прямой ревизии «Приго-

⁹⁷ РК 1475–1605. Т. II. С. 35–36.

⁹⁸ Ф. 210. Оп. 11. Ст. 335. Л. 71.

⁹⁹ КР. Т. I. СПб., 1853. С. 676; МИМ. С. 303.

¹⁰⁰ Павлов А. П. Государев двор... С. 43.

¹⁰¹ РК 1475–1605. Т. III. Ч. 2. С. 142.

вора», согласно которому, конечно, второй воевода большого полка был им равен. Дела по этому случаю, однако, заведено не было.

Запись указа царя Бориса, объявленного в последний год его правления, при назначении («сказывании») разряда полков в декабре 1604 г., отправляемых против Лжедмитрия I, сохранилась в одной из редакций разрядных книг. «И указал государь царь и великий князь Борис Федорович Всея Руси в Розряде записать, что левые руки первому воеводе до большова полку другово воеводы дела и счету нет; а большово полку другому до левые руки дела и счету нет»¹⁰². В. И. Буганов полагал, что именно этот указ (приговор) послужил причиной составления последнего Государева разряда 1604 г. (после Смуты возникли уже иные типы официальных разрядных книг)¹⁰³. Поскольку этот указ содержится только в Государевом разряде, редакции разрядов, которую В. И. Буганов определял как официальную, следует, видимо, признать его подлинность. Правда, он почему-то наличествует только в одной из 21 выявленных С. А. Белокуровым редакций, содержащих разряды за это время, в том числе и с записями о событиях декабря 1604 г. Нет следов его и в указе 1620 г. Однако, по нашему мнению, зашатавшееся правительство Годунова могло его принять в качестве одной из мер борьбы с начинающейся Смутой. Указ уточняет и расширяет предыдущий приговор в части, касающейся первых воевод левой руки, которых акт 1550 г. как бы игнорировал; безмestие расширилось и на вторых воевод левой руки и большого полка (так как, исходя из чисто арифметической логики, первые неоспоримо «меньше» последних). Основные положения «Приговора» подтверждались и правительством Василия Шуйского. Г. Г. Сулемша-Пушкин занес в собственную разрядную книгу невместную грамоту, полученную им весной 1608 г., в которой отмечалось, что «передовому полку с сторожевым полком мест не живет»¹⁰⁴. В 1609 г. кн. Б. М. Лыков в деле с кн. Д. М. Пожарским попытался ревизовать, возможно, именно этот указ, заявив, что «<...> в сторожевом полку первой воевода больши в большом полку другова воеводы местом, а передовова полку и сторожевова полку других воевод больши двема месты <...> в левой руке первый воевода в большом полку другово воеводы больши местом, а правой руки другово воеводы больши местом, а правой руки другово воеводы больши двема месты, а передовова и сторожевова полку других воевод больши тремя месты, а левыя руки другова воеводы <...> больши четырьмя месты»¹⁰⁵. Суть его утверждений заключалась

¹⁰² БРЗ. С. 245.

¹⁰³ Буганов В. И. Разрядные книги... С. 213–214.

¹⁰⁴ БРЗ. С. 47.

¹⁰⁵ РИС. Т. II. С. 299, 340.

в отрицании всех случаев безместия в формулировках «дела нет», «не менши», и попытке расставить «по местам» всех воевод, в результате чего «лествица» мест между ним и Пожарским достигала значительно большего разрыва, чем было в действительности. Разрядный приказ оставил утверждения Лыкова без внимания.

Лучше всего известен указ-подтверждение, принятый в апреле 1620 г. Он занесен был в официальные разрядные книги, донныне сохранившиеся в архиве Разрядного приказа¹⁰⁶; кроме того, имеются сокращенные частные редакции¹⁰⁷, а также и комментарии. Указ разбирает только вопрос о соотношении вторых воевод большого, передового и сторожевого полков, четко определяя их равенство («дела и счоту нет...», «так же меж себя мест нет...») – именно из этого приговора можно судить о равнозначности подобных формулировок).

О полке левой руки и прочих назначениях ничего не говорится, что вызвало, вероятно, появление комментариев этого указа, встречающихся в разрядно-родословных сборниках. По мнению автора одного из них¹⁰⁸, правильно следующее соотношение вторых воевод: большой полк > правая рука > передовой полк = сторожевой полк > левая рука. Комментатор специально подчеркивает, что «левая рука менши всех полков». Однако он отмечает, что передовой полк «малым чем почестней» сторожевого, по причине чего воеводы последнего бивали на передовой полк челом. Определяет комментатор и положение прибылого полка («кому государь укажет в сход идти, тово и менши»), и ертоульного – авангарда («от государя себе во особ»), видимо, на основе сложившейся и известной ему разрядной практики. Неясно, почему указ 1620 г. так лаконичен и не рассматривает другие случаи, в том числе положение первого воеводы левой руки согласно указу 1604 г. Историография привычно ассоциирует его с системой мер, принятых правительством Филарета¹⁰⁹ в русле его реставраторской политики (чем с некоторой натяжкой можно объяснить отсутствие в нем упоминаний о законодательстве времени царствования Бориса Годунова при официальном отрицательном к нему отношении).

¹⁰⁶ КР. Т. I. С. 676–677; МИМ. С. 513.

¹⁰⁷ ЗАРГ. Т. I. С. 101. То же СГГД. Т. 3. № 52. Публикация этого указа в ЗАРГ неудачна, так как вместо официальной использована сокращенная частная редакция по СГГД – изданию XIX в. В ней имеется только запись указа в той форме, в которой его объявил думный дьяк Т. Луговской думным и московским чинам, тогда как в «Книгах разрядных» содержится полный текст: преамбула о постановке вопроса в Боярской думе, текст приговора, указ о записи его в разряды и объявлении его в Москве, а также запись о его исполнении.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 181. Д. 115. Л. 167–168. Рукопись второй половины XVII в.

¹⁰⁹ ЗАРГ. Т. II. С. 139.

В конечном варианте соотношение мест по полкам, видимо, выглядело следующим образом:

Таблица 5

Соотношение мест воевод по полкам

БП	ППР	ПП	СП	ПЛР
1				
2	1	1	1	1а
3	2	2	2	1б
4	3	3	3	2
	4	4	4	3
				4

БП – Большой полк;

ППР – Полк правой руки;

ПП – Передовой полк;

СП – Сторожевой полк;

ПЛР – Полк левой руки. «1а» и «1б» означает, что первый воевода левой руки равен одновременно второму и третьему воеводам Большого полка и первым и вторым воеводам остальных полков¹¹⁰.

Практически синхронно с принятием этого указа протекало местническое дело кн. Д. П. Лопаты-Пожарского с кн. В. Г. Ромодановским. Если дата принятия указа – 20 апреля 1620 г. – правильно указана в Книгах разрядных (КР) (а это официальный источник), то решение по этому местническому случаю (15 апреля) могло инициировать его принятие или стало первым случаем применения указа 1620 г. в новой редакции (по ДР – 9 апреля). «... А прежде сего сказан государев приговор, что государь приговорил с отцем своим с великим государем святейшим патриархом Филаретом Никитичем и с бояры, по прежнему их государеву уложению, как было при деде его государе <...> Иване Васильевиче <...>, и при дяде его, государе нашем при царе Федоре Ивановиче <...>: сторожевому полку с передовым полком мест и счету не бывало; так же и ныне государь прежних государей приговоров не велел нарушить; передовому полку и сторожевому полку быть меж себя без мест»¹¹¹. В ином варианте записи дела подробнее разъясняется, что «сторожевому полку и передовому полку большим воеводам до другого воеводы большого

¹¹⁰ Отечественная история: Энциклопедия. Т. 3. С. 561.

¹¹¹ ДР. Т. I. С. 444–445.

полка мест нет, а сторожевого полку воеводам с передовым дела нет, мест нету же»¹¹². В последующие годы правительство опять постоянно разъясняет и подтверждает указ 1620 г. Так, в марте 1623 г. Б. М. Нагой бил челом на кн. В. Р. Бярятинского в связи с тем, что оба они назначены первыми воеводами соответственно сторожевого и передового полков, равных по указу, а менее знатный Бярятинский «впредь тем учнет похвалиться». Б. М. Нагому отвечали, что он эти назначения «в место ставит не знаячи»; ввиду официального безместия «в ровенство не поставят, потому, что по приговору в сторожевом полку мал и велик живет <...> а бесчестья ему в том не будет»¹¹³. В мае того же года второй воевода большого полка Б. И. Нащокин заместничал с находившимся на том же назначении В. Р. Бярятинским. Ему также пояснили, что «по прежнему нашему уложению большого полку другому воеводе до передового и до сторожевого полку до больших воевод дела и мест нет»¹¹⁴. То же дьяк Ф. Лихачев разъяснял местникам в марте 1626 г., добавив, «а каков передовой полк, таков и сторожевой»¹¹⁵, что несколько расходилось с вышеупомянутыми толкованиями, поскольку термины «равенство» и «безместие», «не больши» и «не менши» обладали определенными, ныне трудно распознаваемыми нюансами. Так, явно отличались по сути формулировки «дела нет» и «мест нет». Первая означала, вероятно, отсутствие повода для местничества, вторая – запрет местничать. В марте 1627 г. кн. И. Ф. Шаховской просил записать в разряде, что ему, как второму воеводе большого полка, «передового и сторожевого полку до первых воевод в местех по прежнему уложению дела нет» и что о том «преже сего» «их братье» было «государская жалованья». По сути о том же просили «с другой стороны» и первые воеводы сторожевого и передового полков¹¹⁶, что свидетельствовало о том, что указ могут не исполнить даже те, кому он был нужен. Не все были, однако, довольны этой системой. В марте 1628 г. И. И. Пушкин с сожалением говорил: «<...> а только б государева указу не было, что большого полку другим воеводам передового и сторожевого полку до первых воевод в местех дела нет, и ему было мочно в отечестве бити челом сторожевому полку на первого воеводу князь Ивана Ромодановского, только он ныне на государеве службе по государеву указу быти готов»¹¹⁷. Подтверждался Разрядом этот указ и в 1635, и в 1636 гг.¹¹⁸ Понадобились десятилетия, чтобы положения указа превратились в непререкаемую «старину», и только к середине XVII в. к этим правилам настолько привыкли, что стали полагать, что они действовали и до

¹¹² ДР. Т. I. С. 445–446 (прим.).

¹¹³ Там же. С. 546.

¹¹⁴ Там же. С. 556–557.

¹¹⁵ Там же. С. 795–796 (прим.).

¹¹⁶ Там же. С. 886–887, 890; MOM. С. 461.

¹¹⁷ КР. Т. II. С. 10.

¹¹⁸ ДР. Т. II. С. 453, 500, 547.

Таблица 6

Соотношение законодательных актов регламентации мест воевод в разрядах по полкам

Указ и приговор 1550 г. (ЗАРГ. Т. 1. № 2. С. 29–30)		Указ Федора Ивановича – подтверждение указа 1550 г. (КР. Т. 1. С. 675)		Указ Бориса Годунова 1604 г. (БРЗ. С. 245)		Указ и приговор о местническом соотношении 1620 г.					
I редакция		II редакция				I (офиц.) редакция (КР. Т. 1. С. 676)		II (частн.) редакция (ЗАРГ. Т. 1. № 96)			
1 бп >	1 пп 1 пр 1 лр 1 ср	16п >	1 пп 1 сп			1 бп >	1 пп 1 сп				
2 бп = 1 пр		2 бп = 1 пп		2 бп = 1 пп = 1 сп		2 бп = 1 лр		2 бп = 1 пп = 1 сп		2 бп ~	1 пп 1 сп
1 пр >	1 лр 1 пп	1 пр =	1 сп 1 лр					1 пп = 1 сп			
1 п.р. ~	1 сп 1 пп										
1 лр ~ 1 сп											

1550 г.: например, его применяли, комментируя «случаи» 1495/96 и 1515/16 гг. в деле кн. Ю. А. Сицкого с М. М. Салтыковым в 1644–1646 гг.¹¹⁹

Примечания к таблице 6:

1) разница между формами «не менши» (или «не виноват») и «без мест» (или «дела и счоту нет») заключается в том, что воевода одного полка мог быть равен другому, который мог быть меньше третьего, в свою очередь равного первому (например, 1 лр = 1 пп, но 1 пп = 1 пр, а 1 лр > 1 пр);

2) в частном комментарии к Указу 1620 г. имеется такой вариант: бп > пр > пп = сп > лр; причем пп «малым чем почестняе», чем сп. (РГАДА. Ф. 181. Д. 115. Л. 167–168).

Условные обозначения:

бп – большой полк;

пп – передовой полк;

сп – сторожевой полк;

пр – правая рука;

лр – левая рука;

1, 2 – ранги воевод;

= – «без мест» («дела и счоту нет»);

~ – «не менши» («не виноват»);

> – больше.

5.3.2. «Государев разряд» 1556 г.

Государев разряд – один из основополагающих документов, на которых базировался институт местничества. Ему посвящена обширная литература, наиболее тщательно этот источник изучен В. И. Бугановым¹²⁰. По мнению автора, составление Государева разряда следует рассматривать как важную часть системы реформаторских мер 1550-х гг., возможно, он был задуман после Указа и приговора о местничестве 1549–1550 гг. Государев разряд, указывает В. И. Буганов, был призван урегулировать и легализовать местнические отношения. Если Приговор 1550 г. устанавливал нормы отношений между воеводами в будущем, то основой для них должны были послужить материалы прошлого, вошедшие в Государев разряд¹²¹. Выявив редакции всех типов родословных книг XVI в., автор пришел к выводу, что именно Государев разряд является официальной

¹¹⁹ Акты, относящиеся до юридического быта Древней Руси. Т. I. М., 1857. С. 153.

¹²⁰ Буганов В. И. Разрядные книги... С. 166–168, 187–208.

¹²¹ Там же. С. 166–167.

разрядной книгой, составлявшейся в Разрядном приказе. В числе авторов его были те же лица, что и среди составителей Государева родословца¹²². Государев разряд перерабатывался пять раз – В. И. Бугановым выявлены редакции 1556, 1584, 1585, 1598 и 1604 гг. Политические причины того, что он первые 30 лет не перерабатывался, а затем его переделывали дважды в царствование Федора Ивановича и дважды – Бориса Годунова, не вполне ясны. В трех последних редакциях прослеживается влияние Б. Ф. Годунова¹²³. Последняя редакция датируется 1604 г. и включает в себя уже разряды войск, направленных против Лжедмитрия I и указ от 6 декабря 1604 г.¹²⁴, развивавший и подтверждавший Приговор 1550 г. (см. выше). Отметим, что С. А. Белокуров считал официальным разрядом этого времени иной текст¹²⁵; вышеуказанного же документа (с текстом указа от 6 декабря 1604 г.) нет более ни в одной из выявленных им более чем 20 редакций разрядов, многие из которых также фиксируют целый ряд местничеств при этих назначениях. Государев разряд, видимо, хранился в Разрядном приказе и использовался в делопроизводстве по местническим делам; судя по цитатам, приводившимся дьяками во время проверок подававшихся «случаев», именно эта редакция считалась правильной и законной¹²⁶. После Смуты на смену Государеву разряду пришли другие типы официальных разрядов, подлинники которых частично сохранились в архиве Разрядного приказа¹²⁷. В дальнейших исследованиях еще предстоит окончательно выяснить, только ли они использовались (помимо других типов документов) в качестве официального справочного пособия, что можно осуществить путем сравнительного анализа сохранившихся местнических дел и столбцового делопроизводства.

5.3.3. Приговор о перемене мест сторожевого и передового полков ввиду их равенства 1588 г.

Приговор этот упоминается в местническом деле. 17 марта 1588 г. при назначении разряда «для весеннего приходу» крымцев М. Г. Салтыков, назначенный вторым воеводой в сторожевой полк, бил челом на кн. М. С. Туренина,

¹²² Например, дьяк И. Е. Цыплатев. См.: *Буганов В. И. Разрядные книги...* С. 168; *Лихачев Н. П. Разрядные дьяки.* С. 359.

¹²³ *Буганов В. И. Разрядные книги...* С. 188–208.

¹²⁴ БРЗ. С. 245.

¹²⁵ Там же. С. 2.

¹²⁶ *Мельников Ю. Н. Местнические дела в разрядном судопроизводстве // ВИД. Т. XIX. Л. 1987; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 335. Стп. 2. Л. 37–38; РИИР. С. 46, 50, 152.*

¹²⁷ КР; *Буганов В. И. Дворцовые разряды 1-й пол. XVII в. // АЕ за 1975 г. М., 1976; Он же. Книги разрядные 1613–1636 гг. // Изв. Т. 97. М., 1976.*

второго воеводу в передовом полку. Салтыков считал, что получил равное или даже более низкое, чем у Туренина, назначение и, хотя примерно равен князю по родовитости, но достоин большего, ввиду того что, как он писал, «а я, холоп твой Михалец, службою князь Михайла Туренина постарее»¹²⁸. Впервые обративший внимание на решение по этому делу А. И. Маркевич отметил, что согласно традиции, несмотря на провозглашение равенства передового и сторожевого полков Приговором 1550 г., передовой полк считался «честнее» даже тогда, когда при изменении движения армии он оказывался в арьберггарде¹²⁹, что подтверждается и вышеприведенным комментарием XVII в. к Приговору 1620 г.¹³⁰ Принятое по «прецеденту» указанной тяжбы марта 1588 г. решение формулировалось так: *«И государь приговорил з бояры: только придут на крайну крымские люди наперед на сторожевой полк, ино итти наперед сторожевому полку, да большому, да передовому полку после; а будет крымские люди придут наперед на передовой полк, ино итти наперед передовому полку да большому полку, да сторожевому полку итти после»*¹³¹ (выделено нами. – Ю. Э.). Текст этот выглядит как некий комментарий, развивающий положения Приговора 1550 г., и возможная предтеча последующих указов-уточнений. Однако следует учитывать и мнение Ю. Н. Мельникова, который, исследуя записи дел в разрядах этого периода, пришел к выводу о сомнительности или даже поддельности именно этого местнического дела¹³².

5.3.4. «Уложение» о безместии письменных и других голов при воеводах (1590-е гг.)

Головы – младшие по сравнению с воеводами чины, командовавшие отдельными дворянскими отрядами (сотенные головы), стрелецкими полками или ротами (стрелецкие головы), исполнявшие обязанности воевод или замещавшие их в городах и в войске с правом подписывать распоряжения (письменные головы), коменданты крепостей (осадные головы) обычно подчинялись воеводам. Конфликты о старшинстве у них возникали как с воеводами, так и между ними (например, между осадным и полковым воеводами). Правительство пыталось препятствовать распространению местничества на многочисленную группу этих невысоких чинов. «Уложение» о запрещении им местничать А. И. Маркевич¹³³ гипотетически определяет временем прав-

¹²⁸ РК 1475–1605. Т. III. Ч.2. С. 110.

¹²⁹ MOM. С. 309.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 181. Д. 115. Л. 167–168.

¹³¹ РК 1475–1605. Т. III. Ч. 2. С. 110.

¹³² Мельников Ю. Н. Местничество и политическая борьба в России в 80-е гг. XVI в.: Канд. дисс. Прил. 9. С. 389–394.

¹³³ МИМ. С. 309, 311.

ления Бориса Годунова, опираясь на свидетельство А. В. Измайлова в деле с И. О. Полевым. В 1600 г. Измайлов говорил: «*А в том, государь, шлюсь на твоё царское уложение, что головам, государь, в полках мест не бывало*»¹³⁴ (выделено нами. – Ю. Э.). Сама краткость упоминания и отсутствие возражений приводит, по мысли А. И. Маркевича, к выводу о достоверности «уложения». Первые указы о безместии головам в полках относятся к 1552 и 1555 гг.¹³⁵, т.е. в иных случаях головы местами еще считались. Субординацию осадного головы и полкового воеводы подробно разъяснил один из составителей Пространной редакции Разрядной книги, комментируя случай 1593 г.: «<...> по государеву наказу осадной голова повинен всегда бывает полковому воеводе и его товарищу: и в приход воинских людей и всем приказ по государеву наказу от полковых воевод осадному голове о государевых делах; и на городе наряд в казне пушечные запасы и городовые крепости осматривает и ведаёт с полковыми вместе собча в товарищех; и докладывает осадной голова, как осада крепить, полковых воевод. А как ходят в поход полковые воеводы и их товарищи за воинскими крымскими или за ногайскими людьми, и они по государеву наказу потому же осаду приказывают осадному голове»¹³⁶. Неоднократно упоминалось об этом «уложении» в 1620–1640-е гг. Наиболее подробно оно сформулировано В. Н. Пушкиным в деле с А. О. Плещеевым 1627 г.: «*А по вашему государскому уложению искони бе головам меж себя мест не живет* (выделено нами. – Ю. Э.); где бывают головы в полку или в городе, и они повинны большому воеводе, с кем кто написан; развея лиша коли присылают за службу ваша государская жалованья золотые, и оне в те поры кому до кого дела есть, вам государем бьют челом...»¹³⁷. Таким образом «уложение» оговаривает субординацию как полковых, так и городских (видимо, осадных) голов. Кроме того, оно вычленяет случаи наиболее важной, служебной (полковой) сферы, поскольку в момент награждения, явно менее ответственный, местничать уже разрешается (при вручении золотых тоже соблюдалась очередность «по отечеству»). Однако это «уложение», четко определившее отношения головы и первого воеводы, оставило лазейку для конфликтов голов со вторым воеводой, которые иногда и возникали¹³⁸. В дальнейшем взаимоотношения полковых

¹³⁴ РИС. Т. II. С. 174.

¹³⁵ РК 1475–1605. Т. I. М., 1978. С. 417, 493–494; РК 1495–1598. С. 150–151. В 1602 г. Ю. Г. Пильемов, комментируя приведенный его местником случай 1557 г., говорил: «И то, государь, по вашему царскому уложению преже сево то было без мест, а ныне в том государь волен, как ты... укажешь». См.: РИС. Т. II. С. 253.

¹³⁶ РК 1475–1605. Т. III. Ч. 3. С. 58.

¹³⁷ ВМОИДР. Т. 14. С. 77.

¹³⁸ Например, в 1628 г. в Тобольске письменный голова Л. Ф. Башмаков – второй воевода Г. А. Загряжский; в 1643 г. в Астрахани аналогичный конфликт М. П. Вердеревского с кн. Ф. Ф. Волконским. См.: ДР. Т. II. С. 17, 700–701. См. также: *Зерцалов А. И.* Объезжие головы и полицейская служба в Москве в конце XVII в.

воевод и городовых осадных и письменных голов претерпели изменения, вероятно, ввиду усиления влияния дворянских городовых корпораций. Если в 1577/78 г. отмечалось, что «князь Иван Солнцев Засекин в Короче был з думным дворянином Михаилом Безниным, головством писменным, а голова всякой повинен своему воеводе»¹³⁹, то в 1624 г. сотенным головам поясняют, что «головам в том мест прежде сего не бывало, и нам о том наперед сего не бивали челом, и ныне им в том мест нет»¹⁴⁰. А в марте 1636 г. дьяк И. Гавренев объявляет М. П. Крюкову: «Был ты в прошлом во 138-м году на Кропивне в полковых воеводах, а Истома Ивашкин был в осадных воеводах, и осадному воеводе до полкового воеводы дела нет и мест тут нет»¹⁴¹. Еще в 1673 г. отмечен прецедент, когда осадный воевода кн. Б. Е. Мышецкий спрашивал, подчиняться ли ему полковому воеводе кн. Г. Г. Ромодановскому одному или с его «товарищем» (т.е. сыном Ромодановского)¹⁴². Если бы Мышецкому удалось настоять на исполнении правила, это было бы для него «находкой», ввиду несравнимо более высокого по данным нормам положения Ромодановского и, отчасти, его сына. Ответа из Разряда не последовало, так как там, видимо, не хотели ни нарушать «уложение», ни конфликтовать с влиятельной семьей, которая и решение о безместии могла принять в штыки. Однако эти факты косвенно свидетельствуют о продолжении действия данного «уложения» до конца XVII в.¹⁴³

5.3.5. Указы о безместии объезжих голов (1600–1643 гг.)

Надзор за полицейской службой в Москве («объезд») традиционно имел несколько «мест». Наиболее «честным» считался Кремль, затем шли Белый город, Китай-город и др. Старшие объезжие головы могли местничать и с членами боярских комиссий, оставлявшихся на случай отъезда царя из Москвы. Местничества объезжих голов фиксируются нами с 1584 г., причем по 1599 г. включительно указы о назначении их объявлялись без безместия¹⁴⁴. На 1599 г. пришелся пик местничеств по этой службе – 5¹⁴⁵, что, возможно, и вынудило правительство, озабоченное порядком и пожарной безопасностью столицы, объявить безмес-

¹³⁹ РК 1495–1605. Т. III. Ч. 2. С. 167.

¹⁴⁰ ДР. Т. I. С. 592.

¹⁴¹ Там же. С. 501.

¹⁴² Там же. С. 914.

¹⁴³ См. ниже – Указ о подчинении стрелецких голов и полковников первым воеводам.

¹⁴⁴ РК 1550–1636. Т. II. Вып. 1. М., 1975. С. 55–56; Реестр. № 401, 402. Кн. Д. М. Пожарский в 1609 г. утверждал, что в 1596–1598 гг. по указу царя Бориса объезжие головы были без мест, и ссылался на разряды, однако это не подтверждается. См.: РИС. Т. II. С. 353.

¹⁴⁵ Реестр. № 775–778, 784.

тие¹⁴⁶, регулярно затем возобновлявшееся до начала Смуты (1600–1604 гг.) и после ее окончания (1614–1621 гг.). Данных об издании указа о постоянном безместии объезжих голов нет, местничества время от времени возникали на этой службе и в дальнейшем. Наиболее бурные события развернулись вокруг указа о безместии объезжих голов в 1648 г. В обстановке непрекращавшихся городских волнений и общего кризиса власти ряд московских дворян были назначены без мест в объезжие головы по Москве от Новой четверти (видимо, помимо обычных обязанностей на них была возложена и борьба с корчемством). Несмотря на подтверждение указом традиционного безместия, московские дворяне 18–22 сентября 1648 г. коллективно (а один из них – В. П. Отяев, представитель очень древнего, но захудавшего рода, – индивидуально) били челом о специальной записи этого безместия в Разряде¹⁴⁷. Правительство реагировало на челобитья как на нарушение, и В. П. Отяев даже был посажен в тюрьму. Однако вскоре властям пришлось уступить – во-первых, дать разъяснения по каждой челобитной с подтверждением указа о безместии, а во-вторых – издать 30 октября специальный указ: «157-го октября в 30 де государь... указал московским дворянам из Приказу Новой чети быти на Москве в объездах для бережения ото всякого воровства, а в бесчестья им и в укоризну никогда тово не будет, а хто их тем учнет бесчестить и попрекать...»¹⁴⁸. Далее обрыв. Но в помете на челобитной московских дворян записана, очевидно, царская резолюция: «...велел челобитье их записать в Разряде, что им у того дела быть от своей братьи не в упрек и не в укоризну; и кто в котором городе ездит – в Кремле или в Китае или в Белом или в земляном городе, и тем меж себя быть без мест. А кто их своя братья в том их учнет упрекать, а про то сыщется, и тем быть в наказанье»¹⁴⁹. По-видимому, в тревожной политической обстановке осени 1648 г. правительству было важно укрепить надзор за порядком в Москве, и оно, вероятно, согласилось на уступки. С этими же событиями связаны и законодательные акты о «знаменщиках», рассматриваемые ниже. Положение это фактически подтверждалось и в дальнейшем. Так в 1677 г. при местничестве кн. Ф. Ф. и Ф. А. Хилковых с кн. Ю. А. Долгоруким указывалось, что «тут николи мест ни с кем и челобитья ничьего ни на кого в том не бывало»¹⁵⁰, что было не вполне верно.

¹⁴⁶ МИМ. С. 311.

¹⁴⁷ Акты Московского государства. Т. II. № 359, 360 Далее – АМГ; Русская историческая библиотека. Т. 10. С. 489. Далее – РИБ.

¹⁴⁸ РИБ. Т. 10. С. 486.

¹⁴⁹ РГАДА, Ф. 210. Оп. 9. Ст. 223. Л. 231.

¹⁵⁰ Там же. Ст. 532. Л. 127.

5.3.6. Указ о назначении знаменщиков и определении их мест 1646–1648 гг.

Этот законодательный акт и связанные с ним события изучались А. А. Новосельским¹⁵¹. В связи с проведением ряда военных реформ правительство пыталось усовершенствовать одно из самых косных, но все еще очень важных в боевом отношении звеньев вооруженных сил – дворянское ополчение. Первый указ о назначении в сотни дворянского ополчения знаменщиков был объявлен в 1646 г. и сразу же вызвал бурные протесты. Первоначальная формулировка гласила: «Выбрать к сотным в знаменщики из городов лутчих людей дворян выборных лутчих людей»¹⁵². Было велено избирать в знаменщики из «лучших», т.е. из верхушки городской дворянской корпорации. Пытаясь реформировать конное дворянское ополчение, власти решили придать сотне дополнительную «специализированную единицу», причем стремились приравнять ее к сотенным головам. Однако служилые люди были хорошо информированы о служебном положении знаменщика («прапорщика») в польских ротах, где знаменщик был третьим чином после ротмистра и поручика. Кроме того, челобитчики особо указывали, что до сих пор за сотенным головой знамя возил холоп¹⁵³. До сентября 1646 г. били челом корпорации служилых городов – каширяне, коломничи, рязанцы, серпуховичи, туляне¹⁵⁴. Правительство попыталось надавить на дворянство, приняв 30 ноября – 10 декабря 1646 г. указ в усовершенствованной редакции. «Выбрать в знаменщики городами из выбору лутчих и полных людей, и которым служба за обычай. А то знаменщикам велено сказать: Которые выбраны будут в знаменщики, и тем быть в чести по прежнему государеву указу». В нем развернуто аргументировалось постановление о знаменщиках, была предпринята попытка показать важность и почетность службы, подчеркивались связанные с ней привилегии – безместие с сотенными головами, допуск знаменщиков «к руке» и «к столу» впереди других городовых чинов и «в столповом списке и в служилых списках велено их писать выше всех, которые и больших окладов дослужились» – т.е. целый ряд льгот местнического характера, включая наказания за попытку местничать с теми, кто несет

¹⁵¹ Новосельский А. А. Правящие группы в служилом «городе» XVII в. // Институт истории РАН ИОН. Ученые записки. Т. 5. 1928. М., 1929. С. 330–331. Уп. MOM. С. 131.

¹⁵² ЗАРГ. Т. 1. № 318. С. 217.

¹⁵³ Андреев И. Л. Сотенные головы в России // Исторические записки Воронежского гос. университета. Научные труды Исторического факультета. Вып. 5. Воронеж. Изд. ВГУ. 2000. С. 6–17.

¹⁵⁴ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1079. Л. 1–45; Оп. 13. Ст. 561. Л. 329–331 и др. Главное, по мнению А. А. Новосельского, к чему стремились городские дворяне, – это требование самостоятельности в вопросе выбора нового чина. См.: Новосельский А. А. Правящие группы...

эту службу (ссылка в Сибирь) и опалу и прочие наказания тем, кто их будет этой службой укорять¹⁵⁵. Кроме того, в этом указе была предпринята попытка сделать чин знаменщика обязательной ступенью перед сотенным головой¹⁵⁶. Тем не менее дворянство не было удовлетворено, и назначения на службу на местах срывались (с 9 ноября 1646 по 17 февраля 1647 г. известно 6 челобитных). Разряд опять подтвердил все привилегии знаменщиков и угрожал ослушникам наказанием – но все было напрасно. 29 июля 1648 г. был издан указ о дополнительном испомещении голов и знаменщиков на украине и подтверждении «честности» их службы, однако и эта попытка заинтересовать служилых людей материально не помогла¹⁵⁷. И 8 октября 1648 г. правительство пошло на компромисс: «...Дворян, которые были выбраны в знаменщики, государь пожаловал, велел отставить, а быть знаменщиком молодцом добрым по-прежнему. А хто будет в знаменщиках, и тем бесчестья никакого и упреку не будет, а хто станет бесчестить, и тем людем быть в наказанье»¹⁵⁸. Уступка правительства, явно связанная с политическими событиями этого года, в которых городское дворянство принимало активное участие, повлекла за собой неожиданный эффект – городские корпорации, принявшие назначение на новых условиях, потребовали за это... вознаграждения. В июле – августе 1649 г. владимирцы во главе с кн. С. А. Вяземским, а также каширяне и туляне били об этом челом, причем владимирцы указывали, что под их влиянием (как «старших» в иерархии городов) перестали противиться государеву указу и другие корпорации¹⁵⁹: «И сотенные списки и знамена приняли наперед всех городов и своей братьи, которые были из иных городов в головах, и в знаменщиках... А иных городов головы и знаменщики списки и знамена имали, смотря на нас...»¹⁶⁰, просьба их была сочтена справедливой.

5.3.7. Указ о подчинении стрелецких голов и полковников первым воеводам 1676 г.

В конце XVII в. в обстановке падения роли старого полкового деления армии возник вопрос об иерархическом соотношении начальных людей

¹⁵⁵ ЗАРГ. Т. I. № 318. С. 217; Т. II. С. 214.

¹⁵⁶ «А в головах у сотен быть ис тех же знаменщиков переменяясь, а быть у государева дела без мест; а иным мимо их в головах у сотен не быть» См.: ЗАРГ. Т. I. С. 217.

¹⁵⁷ РИБ. Т. 10. С. 487; ПСЗ. Т. I. № 11.

¹⁵⁸ ЗАРГ. Т. I. № 337.

¹⁵⁹ Напоминание об особом положении знаменщиков и безместии с ними было необходимо еще долго – в 1655 г. в указе кн. Я. К. Черкасскому опять идет речь о выборе «добрых» людей в знаменщики и безместии с ними. См.: АМГ. Т. II. С. 415–416; *Новосельский А. А.* Правящие группы... С. 331.

¹⁶⁰ АМГ. Т. 2. С. 253.

регулярных стрелецких формирований с разрядными воеводами. Ранее стрелецкие головы, с 1670 гг. ставшие именоваться полковниками и происходившие, как правило, не из «разрядных» чинов, входили в общие разряды и почти не местничали с командовавшими войсками воеводами. Ныне же в ситуации пополнения разрядов более «худородными» людьми, они, видимо, начали испытывать те же чувства, что и верхушка «служилых городов». Требование их, вероятно, сводилось к тому же, к чему и у городских служилых людей: не подчинять их второму воеводе. Указ этот был принят 24 февраля 1676 г. и формулируется следующим образом: «В Стрелецком приказе в указе великого государя царя и великого князя Всея Великия и Малыя и Белья Руси самодержца прошлого 184-го году февраля в 24 де за пометою думного диака Семена Титова написано. Великий государь пожаловал полковников и голов московских стрельцов (выделено нами. – Ю. Э.), велел им впредь быть на своей государеве службе в полках и в посылках з бояры и воеводы с первыми без товарищев»¹⁶¹. П. В. Седов, обнаруживший этот указ, рассматривает его как один из актов, служивших к ограничению местничества, идея которого могла принадлежать кн. Ю. А. Долгорукому, возглавлявшему в это время Стрелецкий приказ. Князь, по мысли автора, мог быть заинтересован в модернизации местнического законодательства таким образом, чтобы старшинство, основанное на служебно-хронологическом принципе, т.е. зависящее от выслуги, определяемой первенством записи в боярских книгах и списках¹⁶², начало превалировать над старым родовым принципом. Интересно, что, несмотря на то что конфликты городских дворян со вторыми воеводами, неоднократно возникавшие в предыдущие годы, решались, как правило, в пользу городских корпораций, приговоры эти не послужили основой для принятия соответственного указа, что подтверждает гипотезу об исключительно разрядной, «честной» подоплеке этих столкновений. Вероятно, в составе верхушки далеко не каждой служилой корпорации были лица, которые почитали себя «братъей» тому или иному второму воеводе. В случае же с головами вопрос об их родовитости и даже о иерархическом месте полковника или головы в боярских списках просто не возникал; речь шла всего лишь о должностном соотношении (в старых местнических формах) – любой полковник или голова подчинен только первому воеводе. Принцип этот подтвержден был через год, когда стрелецкий полковник стольник С. Ф. Грибоедов, вероятно, сын известного дьяка, попросил грамоту с подтверждением этого указа для предъявления ее боярину кн. Г. Г. Ромодановскому, в полк которого он был назначен. Челобитье

¹⁶¹ Ф. 210. Оп. 14. Ст. 310. Л. 255.

¹⁶² Седов П. В. Конец местничества // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой. М.; Новосибирск, 2000. С. 89–91.

С. Ф. Грибоедова было удовлетворено, «...и великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич... пожаловал ево Семена, велел ево против того своего государева указу во всяких делах ведать боярину и воеводе князю Григорью Григорьевичю да сыну ево стольнику князю Михаилу Григорьевичю Ромодановским, а товарищем ево ни в каких его великого государя делах ево не ведать, и в ево государевых грамотах писать ево Семена с одним боярином и воеводою со князем Григорьем Григорьевичем, и о том к нему боярину и воеводе послать свою великого государя грамоту»¹⁶³. Отзвуком прежней местнической традиции в цитированном решении является распространение прерогатив первого воеводы и на его сына, против чего, вероятно, сын дьяка не решился возражать.

5.3.8. Указы о смотре государева двора и всеобщей отмене местничества 1680 г.

«Соборному деянию» 1682 г. об отмене местничества предшествовали, как было выяснено П. В. Седовым, акты, фактически отменившие этот институт. Исследователь пришел к выводу, что решение было принято не Земским собором, а правившей в то время группировкой кн. В. В. Голицына, а само «Соборное деяние» являлось пропагандистским актом: принявшие его лица были членами совещания, сформировавшего комиссию для реформы в армии¹⁶⁴. Указ, принятый в ноябре 1680 г., сохранился лишь фрагментарно¹⁶⁵. П. В. Седов трактует его как вечную отмену местничества в войсках, однако формулировки указа более обтекаемы и весьма напоминают традиционные указы о безместии, принимавшиеся на время конкретных военных обстоятельств. *«На нынешней государеве (обрыв. – Ю. Э.) и в пред будущие годы (далее – перечисление чинов, к которым обращен указ. – Ю. Э.) промеж себя быть всем без мест и никому ни с кем нынешним разрядом в отечестве не считатца и в отеческих делах в случаи никому не ставить и [никому] никою тем не попрекать и к отеческим к счотным делам ненешних розрядов в случаи ни у ково ни на ково не принимать»*¹⁶⁶ (выделено нами. – Ю. Э.).

¹⁶³ Ф. 210. Оп. 14. Ст. 310. Л. 256, 260–261. Видимо, на всякий случай по ходу этого дела в Разрядном приказе перепроверили наказы воеводам с подчиненными им стрелецкими и выборными солдатскими полками прошлого года – в Путивль ко кн. В. В. Голицыну и в Курск ко кн. Г. Г. Ромодановскому и убедились, что «про товарищев в тех памятех не написано».

¹⁶⁴ Седов П. В. К изучению источников по истории местничества // ВИД. Т. 26. СПб., 1998. С. 209–223.

¹⁶⁵ Ф. 210. Оп. 14. Ст. 331. Л. 181–187, 242–246 – два фрагмента (отпуски) указов, посланных в Белев и Болхов.

¹⁶⁶ Там же. Л. 186, 244.

Таким образом, указ можно трактовать и более узко – как отмену местничества на период этой войны и запрещение в дальнейшем «считатца» нынешними службами. Конечно, версия П. В. Седова подкрепляется фразой «в пред будущие годы... промеж себя быть всем без мест», но в таком случае абсолютно бессмысленным выглядит указание в дальнейшем «к отеческим к счотным делам *нынешних розрядов в случаи ни у ково ни на ково не принимать*» (выделено нами. – Ю. Э.), то есть в принципе «отеческие дела» как будто не возбраняются. Однако, несомненно, этот акт был солидным шагом вперед, подготовившим принятый через год новый, основной указ. 24 ноября 1681 г. объявлялось «...*впредь бояром* (далее приводится перечень чинов. – Ю. Э.) *на Москве в приказах, у росправных и в полках у ратных и у посольских дел и везде у всякого дела быть всем без мест. И вперед никому ни с кем никакими прежними случаи не считатца...*»¹⁶⁷ (выделено нами. – Ю. Э.). Далее подробно определялись возможные, отныне наказуемые прецеденты: «мимошедшими находками не возноситца»; «в потерьках никому ничем не укорять», «в укоризну прежних дел, где кто по воли государской и в нижних чинех был... не ставить», «всчинять месты и прежними... случаи считатца», «себя иными какими делы <...> возносить» и т.д.; запрещалось и «другим родом чинить укоризну». За все эти провинности можно было оказаться «в великой опале и разоренье безо всякие пощады», оскорбленному же роду полагалось «взять бесчестье» на оскорбителя¹⁶⁸. Авторы указа, великолепно разбиравшиеся в местнической терминологии разрядные дьяки, использовали ряд привычных клише временных указов о безместии, кардинально переработав и универсализировав их с целью предусмотреть возможные лазейки для местников. Судя по тому, что его экземпляр сохранился в составе делопроизводства Разрядного приказа в справке, составленной для Ф. Л. Шакловитого, для текущих нужд использовался именно он, а не «Соборное деяние».

5.4. Акты местнической регламентации в сфере дипломатии

В сфере дипломатической службы местничества, видимо, происходили довольно часто, однако сведений о них немного, поскольку служба эта не была для высших слоев государева двора столь регулярной и массовой, как военная, не заносилась в разрядные книги: Посольский приказ имел собственное делопроизводство, суммирующим «продуктом» которого являлись посольские книги, где лишь изредка возникают упоминания о местничествах.

¹⁶⁷ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 651. Л. 146. Изл.: Седов П. В. О боярской попытке учреждения наместничеств в России в 1681–1682 гг. // Вестник ЛГУ. 1985. № 9. Вып. 2. С. 28.

¹⁶⁸ Там же. Л. 146–148.

Кроме того, конфликт среди членов одного посольства мог привести к неуспеху миссии и переговоров и, конечно, возбранялся. Пытаясь пресечь возможные проявления местничества, приказ обычно предписывал послам действовать «заодин». Характерной особенностью этой сферы местнических отношений являлось тесное переплетение «личных» и «государственных» воззрений: ведь вся российская государственная идеология была пропитана иерархическим духом, который постоянно проникал в сферу международных отношений. Об этом свидетельствуют такие памятники книжности, как «Европейской страны короли», «титularyники» нескольких редакций и прочие попытки построения картины мира, исходя при этом из некоей иерархии монархов и государств¹⁶⁹. Как «местничество во всех проявлениях» определяет М. А. Дьяконов и взаимоотношения Ивана IV со шведскими, польскими и другими монархами¹⁷⁰. Классическим случаем переплетения местнических «лично-родовых» и «государственных» понятий является дело кн. А. И. Стригина-Оболенского, отправленного послом в Крым в 1534 г. и по дороге узнавшего о воцарении там нового хана-узурпатора (менее знатного, чем прежний): «А в твоих государевых наказных списках написано, что Ислам – царь, а Ислам пишетца к тебе государю царем. И ты, государь, велел мне Исламу на царстве здоровати. А Ислам и во царех не бывал; а в Литву, государь, Ислам х королю пишетца царевичем, в калгах у Сап-Гирея царя... а ныне Ислам к тебе ко государю послал посольством Темеша. И того государь Темеша в Крыму не знают, и имени ему не ведают. И в том Бог волен да ты, государь, опалу или казнь на меня, на своего холопа учинишь, а мне государь противу того Исламова посла Темеша не мочно идти». Князь объяснял, что для московского государя невместно отправлять посольство к этому хану, а ему лично как послу – вести дела с его представителями¹⁷¹.

¹⁶⁹ Казакова Н. А. «Европейской страны короли» // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964; Она же. Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв. Л., 1980. С. 108–117.

¹⁷⁰ Дьяконов М. А. Власть московских... С. 148–161. «Это было своеобразное местничество между государями, очень, впрочем, сходное и по исходным точкам зрения и даже по выражениям с местничеством московских служилых людей» (Там же. С. 152). Подобные же формы принимали и различные элементы дипломатического этикета. Например, российский противень договора при его ратификации иностранным монархом наказывали «класть сверху». См.: РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. 1633 г. Д. 7. Л. 116. «Сувенирный набор» образцов новочеканных английских монет от Елизаветы I правительство Федора Ивановича отказалось принять в дар, поскольку «золотые» в России воспринимались как наградной знак, и посылать его от королевы царю было «невместно». См.: Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593 гг. Собр. Ю. Толстым. СПб., 1875. С. 358, 382.

¹⁷¹ Соловьев С. М. Сочинения... Кн. III. М., 1989. С. 399; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до нач. XVIII в. СПб., 1887. С. 403; Граля И., Эскин Ю. М. Литва и Русь в 1534–1536 гг. Новые документы // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1999. № 4. С. 73–74.

5.4.1. Наказы об иерархии в посольствах 1493–1505 гг.

Наиболее ранние сведения о регламентации отношений в посольствах относятся к рубежу XV–XVI вв. Помимо конфликтов внутри посольских делегаций, среди встречающих, а также во время дворцовых церемоний встреч, приемов и проводов (единственное, что заносилось в разряды) изредка имели место и местничества с иностранными представителями. Дважды правительство Ивана III определяло местническое соотношение членов посольств в Литву. Если ранги послов, как думных людей, были незыблемы, то дети боярские под началом двух старших из них, Орлова и Томилина, обязаны были быть все равны, причем на лавке после дьяка Губы Моклакова и двух дворян должны были садиться, «и к руке ходить, и к чаше все *переменяя* (выделено нами. – Ю. Э.); о том бы меж их преков не было, а который не послушает, и вы того всчюньте, про то его и ударьте»¹⁷². Неясно, использовался ли этот наказ в дальнейшем, но принцип поочередной перемены мест для установления равенства стал и далее применяться в придворных и посольских церемониях.

5.4.2. Указ об отмене местничества между лицами, одновременно назначенными в посольства от 30 мая 1621 г.

В системе восстановительных мер правительства Филарета определенное место заняло и упорядочение дипломатической службы. 30 мая 1621 г. был издан указ об отмене местничества между лицами, назначаемыми в посольство¹⁷³. Указ начинается разъяснением того, что в последнее время многие бьют челом, отказываясь ехать в посольство в разных рангах, например посланника или гонца, в связи с тем, что «их братья» или другие служилые люди им «в версту» принимали назначение «выше». Далее указывалось, что соотнести «ранги» государств и уровни дел, с которыми туда посылают, невозможно, и счета здесь быть не может: «Не вместе посылают, и не об одном деле». Ранее счет был допустим только в одном посольстве. «Многюгда послам, дворяном и дьяком бывают посылки в розные государства, а после того они же бывают в посланниках, а иные, быв в посланниках, бывают и в послех, а в отечестве о том никому ни с кем спору не бывало... и дела меж государей и государств розныя, а послов... посылают смотря по делам, каково коли дело настюит; и вперед о том ничьего челобитья не слушать...»¹⁷⁴ Таким образом, ликвидировалась возможность «всчюнять места»

¹⁷² МОМ. С. 248–249; АЗР. Т. I. С. 308. № 192.

¹⁷³ ЗАРГ. Т. I. № 112; МИМ. С. 513.

¹⁷⁴ ЗАРГ. Т. I. № 112.

употребляя случаи прежних своих или чужих посольских назначений, а значит, терялись резоны для местничества. Кроме того, объявлялось безместие чинам «посол» и «посланник» (*«послу до посланника, а посланнику до посла дела нету, то им не в место»*) (выделено нами. – Ю. Э.), что окончательно выводило посольскую службу из сферы местнических отношений.

5.4.3. Именной указ о безместии послов, посланников и гонцов при посылке в одно государство от 21 декабря 1655 г.

К середине XVII в., видимо ввиду роста дипломатической активности России и установления практически постоянных отношений с ближайшими соседями (Польша, Швеция и т.д.), потребовалось дальнейшее развитие указа 1621 г. о безместии в посольствах. 21 декабря 1655 г. было указано «вперед во всех государствах послам и посланникам быти без мест, и в которое государство послан будет посол, а после посланник или гонец, и посланнику до посла, а гонцу до посланника дела нет, и тем им меж себя не укоряться, и в случаи не ставить и не подавать и в привод тово не приводить»¹⁷⁵. В отличие от предыдущего указа, который, во-первых, ликвидировал возможность местничать по «рангу» государства, а во-вторых, по рангу дипломатических представителей, здесь четче подтверждалось безместие при посылке в одно государство. Таким образом, одновременно ли находились в данной стране или ездили туда в разное время, «случаями» эти назначения уже являться не могли, что подтверждалось записью указа в Посольском и Разрядном приказах.

5.4.4. Указ о безместии пристава при послах и участника посольства от 2 ноября 1667 г.

Необходимость в подобном указе возникла весьма поздно, когда на первые места выдвинулись такие «худородные» государственные деятели, как, например, А. Л. Ордин-Нащокин. Пока в приказном аппарате в основном заправляли «приказные дельцы» из дьяческой среды, не претендовавшие на местнические отношения, не возникали и подобные коллизии. Однако с инкорпорированием в бюрократическую среду представителей «разрядных» родов, в основном из невысоких в местническом отношении ветвей, которые не могли претендовать на карьеру придворную или воеводскую, появились и соответствующие проблемы. В октябре 1667 г. во время переговоров с польскими послами в Москве приставом у них был назначен М. С. Пушкин. Конечно,

¹⁷⁵ ПСЗ. Т. I. № 169. С. 371.

Пушкины стояли по разрядам неизмеримо выше А. Л. Ордина-Нащокина. В прежние времена, когда во главе Посольского приказа стояли думные дьяки, как бы замещая особу государя, или номинально подчиненные высокогородному главе посольства или делегации «в ответе», но фактически и проводившие переговоры, назначенному в приставы было не на кого бить челом из опасения «потерьки». Ныне же опасность оказаться ниже занимающего высокий пост представителя «своей братьи» стала весьма реальной. В связи с подобными обстоятельствами 2 ноября 1667 г. был объявлен указ в форме решения по челобитью А. Л. Ордина-Нащокина «об оборони». Дьяк Д. М. Башмаков объявил М. С. Пушкину, что «ты, Матвей... всчал места сам на себя не делом; а преж сего мест не бывало и ныне нет. И указал государь... записать в Розряде, что тут мест не бывало и впредь не будет, и закрепить указал думному дьяку»¹⁷⁶ (выделено нами. – Ю. Э.). Таким образом, местническое пространство в дипломатической службе еще более сузилось, служба пристава была выведена из-под удара, ею теперь не могли «утягивать», как «нечестной», а дипломатический церемониал освободился от подобных конфликтов.

5.5. Акты общеадминистративной и придворной местнической регламентации

5.5.1. «Уложение» о безместии подрынд XVI в.

Придворная служба, вся состоящая из ритуалов и церемониалов, была питательнейшей средой для местничества. Однако уже в XVI в. власти стремились ограничить его проникновение в низшие ранги придворных. К «уложению» о безместии младших рынд (именовавшихся подрындами или поддатнями к рындам) апеллирует В. Н. Пушкин в 1627 г.¹⁷⁷, когда его местник А. О. Плещеев пытался «утянуть» его службой отца в подрындах в 1570–1571 гг. Пушкин объяснил, что «*по вашему государеву уложению* искони бе меж себя подрындами в отечестве не тяжутца, и мест меж себя нет подрындам»¹⁷⁸. Указав, что обычно в рынды назначают стольников и стряпчих, а в подрынды – жильцов, он подчеркивал, что «преже... сего *по вашему государскому уложению* искони бе с подрындами в отечестве не считались, и в случаях тово не писывали»¹⁷⁹ (выделено нами. – Ю. Э.). В Разряде это суждение не комментировалось и не проверялось.

¹⁷⁶ ДР. Т. 3. С. 680–687.

¹⁷⁷ МИМ. С. 287.

¹⁷⁸ ВМОИДР. Т. 14. С. 75–76.

¹⁷⁹ Там же. С. 146.

Действительно, местничество подрыв в разрядах не встречается, почему и можно считать, что такое «уложение», писаное или неписаное, существовало. Причиной этого явления, может быть, следует считать традицию, по которой придворную службу поддатней в XVI в. начинали сыновья думных дьяков¹⁸⁰, а местнические отношения с представителями «неродословных» родов были невозможны.

5.5.2. «Уложение» о местах городничих и губных старост XVI в.

К середине XVI в., видимо, следует отнести определение местнического положения городничих и губных старост. Возможно, что проблема эта встала в связи с проведением губной и земской реформ, когда возникли эти новые должности, на которые назначались (или избирались) представители верхушки провинциального дворянства. А. И. Маркевич утверждает, что «городничие и губные старосты определялись местом ниже последнего разрядного воеводы»¹⁸¹. Видимо, так ставить вопрос не совсем правомерно. Во-первых, назначение на должность губного старосты, подчиненного не Разрядному, а Разбойному приказу, не заносилось и в разрядные книги. А. П. Павлов отмечает, что на эту службу в конце XVI в. назначались отставные, часто престарелые дворяне из выбора, при этом исключавшиеся из государева двора¹⁸². В делах XVII в. имеются следы акта, определяющего их положение. В 1629 г. в деле кн. Р. П. Пожарского с кн. А. Д. Приимковым-Ростовским упоминалось «*прежних государей и ваше государево уложение*, что городничим и губным старостам с разрядными людьми и до последних воевод дела нет»¹⁸³, поскольку предок кн. Р. П. Пожарского был городничим в Казани в 1555 г. Однако если Пожарские спорили по частностям (кто из их родни был городничим, и городничим ли или воеводой), то Вельяминовы в сходной ситуации в 1631 г. в деле с кн. Вяземским избрали иную тактику. М. А. Вельяминов, не отрицая существования особых правил назначения городничих и губных старост, разъяснял, что в XVI в. это было честной службой: «В городничих, государь, изо многих родов бывали, а в бесчестье тем родам тово по ся места не ставят, потому что городничие бывают по своему наказу, а ведают их одни большие воеводы, а товарыщем до них и де-

¹⁸⁰ Например, в 1557 г. – сын дьяка М. М. Третьяка Ракова Лука Раков и представители дьяческой семьи Иван и Федор Дубенские, в 1562 г. – сыновья дьяка Ф. М. Мишурина Семен и Иван. См.: РК 1475–1598. М., 1966. С. 163; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 161, 344, 445–446.

¹⁸¹ МИМ. С. 287.

¹⁸² *Павлов А. П.* Государев двор... С. 125, 139 (должность эта, замечает автор, считалась, как правило, несовместимой со службой по выбору и дворовому списку).

¹⁸³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 42. Стп. 3. Л. 86 (на этом свидетельстве, видимо, основано и мнение А. И. Маркевича).

ла нет», приводя в пример целый список городничих XVI в. весьма знатных родов¹⁸⁴. Интересно, что этот порядок соответствует нормам взаимоотношений городского воеводы со «служилым городом», когда его верхушка требовала подчинения одному первому воеводе и порой местничала со вторым¹⁸⁵. А если учесть, что именно из этого слоя обычно и назначались указанные чины, то пояснение Вельяминова выглядит весьма правдоподобно.

5.5.3. «Уложение» о порядке посылки к воеводам с наградой

Порядок награждения служилого человека подчинялся определенному ритуалу и проводился согласно местам, занимаемым в служебной иерархии награждаемым и лицом, которому было поручено награждение. Помимо конкретных награждений – чинами, повышением оклада и пр. – существовали и чисто почетные – объявления царского благоволения в виде «милостивого слова» или указа «спросить о здоровье», а также в виде вручения «золотых», наградных знаков разного достоинства (от «золоченых копеек» для низших рангов до массивных золотых медалей для больших воевод к концу XVII в.), а также шуб, ковшей и пр. «Исполнитель», посылавшийся для объявления царского благоволения и вручения инаграды, мог счесть себя более знатным, чем награжденный, и отказаться от назначения. Так, три подобных местничества произошли в 1618 г.; именно к этому году относится запись о документе, хранившемся в архиве Разрядного приказа: «Записка по челобитью кн. Юрья Звенигородсково да Прокофья Измайлова, как они посланы с государевым жалованьем з золотыми, кн. Юрья в Можаяск, Прокофей на Белую; и *государев указ против их челобитья, как вперед з государевым жалованьем з золотыми от государя посылать к большим воеводам*»¹⁸⁶ (выделено нами. – Ю. Э.). А. И. Маркевич предполагал, что оба они били челом о неместности для них вручать золотые вторым воеводам¹⁸⁷ (в разрядах сохранилась лишь запись о посылке кн. Звенигородского и без местничества)¹⁸⁸. В 1614–1618 гг. имел место ряд случаев, когда посылавшиеся с поручениями в полки требовали специальной записи о посылке только к первому воеводе (посланный, как и «сходный»), воевода, видимо, считался как бы поступившим в подчинение того, к кому направлен). Иски эти иногда удовлетворялись¹⁸⁹. После приезда

¹⁸⁴ РИС. Т. 5. С. 122, 123.

¹⁸⁵ Новосельский А. А. Правящие группы... С. 332–333.

¹⁸⁶ Лихачев Н. П. Библиотека и архив московских государей... С. 53–81, прил., л. 16 об.

¹⁸⁷ МИМ. С. 516; MOM. С. 367.

¹⁸⁸ ДР. Т. III. С. 313.

¹⁸⁹ Например, 1615 г.: Н. И. Ласкирев – на кн. И. Ф. Троекурова (велено дать счет), кн. С. Ф. Волконский – на М. А. Вельяминова (выиграл). См.: ДР. Т. I. С. 176–177, 179, 185–186.

Филарета истцы чаще начинают проигрывать – власть укрепляется и может настоять на своем мнении – в 1618 г. двое посланных проиграли Д. М. Пожарскому¹⁹⁰. Возможно, именно тогда вышеупомянутый указ и был принят (на его универсальность указывает формулировка «...так вперед... посылать...»); в дальнейшем местничества этого типа редки)¹⁹¹.

5.5.4. Приговор о безместии при сказывании думного чина от 20 апреля 1622 г.

Не меньше конфликтов возникало и при сказывании думного чина (боярство, окольниковство). Традиция была такова, что посланный «сказывать» считался «ниже» пожалованного (как и в предыдущем случае), хотя бы и был уже боярином. На этом всеобщем убеждении и было основано известное дело Д. М. Пожарский – Б. М. Салтыков. Поэтому назначение «сказывающего» зачастую превращалось в проблему, что и вызвало принятие указа от 20 апреля 1622 г. «*Государь... приговорил сказывать боярство и окольниковство большим, кто кого менши в родстве; а мест и счету в том нет* (выделено нами. – Ю. Э.), а порухи большим родом отечеству их в том не будет, кто кому менши себя отечеством скажет боярство и окольниковство»¹⁹². Приговор этот – единственный законодательный акт, касающийся местничества, хранившийся (видимо, в столбцовой форме) вместе со «счетными делами» в архиве Разрядного приказа, что и было зафиксировано в его описях 1626 и 1649–1652 гг.: «*Приговор государев царев и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, ково государь пожалует в бояре и в окольников и тем бояром и окольников большим родом сказывати меньшим родом, а меньшим родом сказывати большим родом, 130-го году*»¹⁹³. В этом официальном кратком изложении более явственно проступает тенденция трактовать его как «двустороннее» безместие, где «большие» равны «меньшим». Однако применительно к высшей аристократии выполнялся данный приговор плохо, что отмечает А. И. Маркевич. Так, на следующий день после его объявления кн. Д. Т. Трубецкой отказался объявлять боярство С. В. Головину, и это не стало предметом разбирательства¹⁹⁴. Вероятно, громкий скандал, подобный делу

¹⁹⁰ Кн. С. Ф. Волконский, Ю. И. Татищев. См.: Реестр. № 1005, 1014.

¹⁹¹ В 1644 г. попытка С. А. Лихарева (послан с золотым к Л. А. Плещееву) – за отказ посажен в тюрьму; в 1662 г. кн. А. М. Волконский, отправленный к кн. И. И. Лобанову-Ростовскому, у государевой руки справлялся, не будет ли порухи его чести, и, хотя ответа не получил, ездил. См.: Реестр. № 1422, 1613.

¹⁹² ДР. Т. I. С. 506. А. И. Маркевич рассматривал этот указ как меру по ограничению местничества. См.: МИМ. С. 513.

¹⁹³ ОАРП. С. 36, 76.

¹⁹⁴ Реестр. № 1155.

Пожарского, неминуемо разразившийся бы в данном случае, правительству был ни к чему. В дальнейшем правительство пыталось создать как бы новую традицию, регулярно разясняя указ, по которому должно стать правилом, что именно «большой сказывает меньшему», но инерция все еще была сильна¹⁹⁵. Разяснялось, что тут «мест нет», еще много ранее, например, в 1600 г., 10 февраля, когда И. М. Бутурлин должен был сказывать околичность П. Ф. Басманову. «И государь Ивану сказал, что нет тут мест»¹⁹⁶. В 1635 г. кн. И. А. Голицын отказывался сказывать боярство кн. П. А. Репнину, заявив, что «его родители боярство никому не сказывали». Тогда ему, во-первых, разяснили, что «а приговор их государской, что большие меньшим сказывают, а отечеству их тем поруки нет», а в дополнение привели ряд примеров «сказывания» боярства «меньшему», начиная с пожалования в этот чин Бориса Годунова. Однако Голицын упорно стоял на своем, невзирая на царскую угрозу ссылкой и «разорением»¹⁹⁷. В дальнейшем, однако, Разряд не был последователен, что зависело от уровня местничающих персон. При конфликте влиятельного боярина кн. Ю. А. Долгорукого в 1677 г. с кн. Ф. А. и Ф. Ф. Хилковыми им было указано, что «и лучший сродник их, князь Андрей Васильевич сказывал боярство князю А. М. Львову», который был меньше Долгоруких¹⁹⁸.

5.5.5. «Уложение» о безместии в боярских комиссиях

Порядок деятельности бояр, обычно назначавшихся «ведать Москву» при любом отъезде государя, был ли это монастырь в черте города или театр военных действий, лишь недавно получил достаточно подробное освещение в работе П. В. Седова¹⁹⁹. Назначавшиеся из членов Боярской думы комиссии функционировали обычно на канцелярской базе одного из приказов, судьей которого был председатель или члены такой комиссии.

¹⁹⁵ Известно 4 дела в 1635, 1649–1651 гг.; побеждали обычно фавориты – Ртищевы, Хитрово и пр. См.: Реестр. № 1352, 1483, 1515, 1516. О том, что большой может сказывать чин меньшему, есть данные от 15 августа 1601 г.: кн. В. Д. Хилкову велено было сказать боярство М. Г. Салтыкову. «И государь князь Василью сказал, что ему невместно». Салтыков подтвердил это, «мне де государь со князем Васильем не сошлось, мошно мне быть со князем Васильем Хилковым, а з братьем ево с меньшим сошлось. И князь Василей сказал Михаилу боярство». См.: *Анхимюк Ю. В.* Разрядная книга 1598–1602 гг. // *Русский дипломатариус*. Вып. 9. М., 2003. С. 407.

¹⁹⁶ *Анхимюк Ю. В.* Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 390.

¹⁹⁷ ДР. Т. 2. С. 456–457.

¹⁹⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 532. Л. 125–126.

¹⁹⁹ *Седов П. В.* Деятельность боярских надворных комиссий XVII в. в отсутствие царя в Москве // *Studia Humanistica* 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 73–86.

«Ведавшие» город бояре были связующим и координирующим звеном между государем (которого обычно сопровождал целый аппарат из высших сановников и «походных» канцелярий главных приказов) и основными государственными учреждениями²⁰⁰. Местничества, в которых участвовали члены таких комиссий, фиксировались со времени после Смуты. В XVI в. эти комиссии (они известны по крайней мере с 1509 г.) руководствовались, видимо, традицией безместия в Боярской думе; а кроме того, возглавляли их зачастую лица, конфликт с которыми был невозможен (например, митрополит Макарий, родственники царя Ивана IV – князя Владимир Андреевич, Юрий Васильевич и пр.)²⁰¹. Обычай этот угас с прежней династией, и с 1620-х гг. возникают местничества среди назначенных «ведать» Москву. Помимо внутренних местничеств в комиссиях, их члены конфликтовали и с объезжими головами, и с руководителями приказов, оставшихся в городе, и с вельможами, сопровождавшими царя²⁰². Главную опасность представляли местничества «внутри» комиссии, игравшей столь важную роль²⁰³. С 1640 г. в указах о назначении велено быть с первым боярином, «а меж себя без мест». Прецедентом тут, по мнению А. И. Маркевича, стало решение по делу С. М. Проестева и кн. Ф. Ф. Волконского 30 сентября 1640 г., после чего 8 декабря того же года было объявлено безместие бояр с кн. И. Б. Черкасским²⁰⁴: «...в отписках к себе ко государю писать боярину князю Ивану Борисовичю Черкасскому с товарищи. *А указал бояром и окольничим и казначею с боярином князем Иваном Борисовичем Черкасским, а меж себя быть без мест*» (выделено нами. – Ю. Э.). Указ этот, правда, не имеет универсальной формулировки. В дальнейшем безместие в комиссиях неоднократно подтверждалось правительством, например 20 июня 1658 г.; 16 июля 1662 г. (в день мятежа), будучи в Коломенском (?), царь оставил в Москве кн. Ф. Ф. Куракина с товарищи без мест, но ввиду чрезвычайных обстоятельств прислал к нему товарищем, т.е. равным, кн. А. Н. Трубецкого. Объявлялись безместия и позднее – еще одно в 1662 г. и два – в 1663 г.²⁰⁵, но положение это, видимо, в основном исполнялось, поскольку конфликтов в дальнейшем стало значительно меньше²⁰⁶.

²⁰⁰ Седов П. В. Деятельность боярских...

²⁰¹ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Гл. XXIII. М., 1903. (Репринт). М., 1994. С. 430; РК 1475–1598. С. 44, 124, 141.

²⁰² Например, дело кн. П. А. Хилкова – С. В. Головина 1630 г. См.: Реестр. № 1275; РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1635 г. Д. 49.

²⁰³ Известны дела с 1625 по 1678 г. См.: Реестр. №№ 1204, 1388, 1448, 1588, 1609, 1680.

²⁰⁴ ДР. Т. II. С. 645–647; МИМ. С. 511.

²⁰⁵ ДДР. С. 138, 342, 354, 366, 376.

²⁰⁶ Известны всего 4 за последующие 40 лет. См.: Реестр. № 1588, 1609, 1680, 1691.

5.5.6. Статья Соборного уложения 1649 г. о местничестве в приказной службе

В приказной службе местничество было менее распространено ввиду «неродословности» большинства служивших, за исключением думных и московских чинов, возглавлявших приказы, и высших слоев дьячества (см. главу 7, посвященную данному вопросу). Местничество приказных судей все же было довольно частым явлением, которое со временем распространялось все шире, поскольку с развитием приказной системы в нее интегрировалось все большее число чинов государева двора. Местничества их в основном возникали из-за назначения старшим или младшим судьей в один приказ, а также в связи с назначением в разные приказы, отличающиеся рангом (так, Владимирский судный приказ – выше Московского судного и т.д.). Эти моменты, очевидно, и побудили внести в главу X Соборного уложения 1649 г., рассматривавшую вопросы приказной службы, *статью 24*: «А будет которой судья не учнёт ездить в приказ своим упрямством, не хотя в том приказе быть, кроме отеческих дел, и не для болезни и не для иного какого нужного недосугу, и не будет его в приказе многие дни; и тому судье за его вину учинить наказанье»²⁰⁷. Отнесение «отеческого» дела к числу иных уважительных причин, по которым судье не возбраняется «не ездить» в приказ, связано, видимо, с развитием приказного аппарата. Бюрократическая машина в середине XVII в. уже сумела предусмотреть возможность сбоя в своей работе из-за конфликтов «больших бояр», зачастую формально возглавлявших приказ. Эта статья фактически избавляла аппарат от подчиненности местническим взаимоотношениям. Худородным дьякам и подьячим, которые им правили, теперь ничто не могло помешать. Видимо, в связи с этой своей важностью для бесперебойного функционирования системы и был занесен в кодекс российского права этот единственный законодательный акт, упоминающий местничество. Кодификация Уложения, как известно, осуществлялась приказами и специальной комиссией²⁰⁸, а основные заинтересованные в его скорейшем создании силы были мелкое и среднее дворянство и посадские люди, из среды которых рекрутировался приказный аппарат. Слои эти не страдали от местничества в военной и придворной сфере (и не могли повлиять на него), однако постарались защитить интересы бюрократической машины внешне либеральным актом, позволяющим устранить вред, который ей мог нанести вельможа-местник.

²⁰⁷ ПРП. Т. 6. М., 1957. С. 83; Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. М., 1985. С. 106. Далее – РЗ; МИМ. С. 522.

²⁰⁸ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. II. М., 1948. С. 280–281.

5.5.7. Указ о порядке написания имен дьяков в приказной документации 1681 г.

Местничество приказных дьяков, вопреки сложившемуся в свое время мнению, не было особо редким явлением, хотя они действительно происходили, как правило, из «неродословного» дворянства; их иерархии и тяжам посвящена 7-я глава в настоящей работе. Тем не менее «случаи» их конфликтов имели место и в XVI, и в XVII вв.²⁰⁹ Дьяки, правда, не выработали какой-то специфической формы местничества и, по словам С. К. Богоявленского, «местничали как дворяне», часто обвиняя друг друга просто в «подлом» происхождении. Опасность сбоев в работе государственной машины вызвала к жизни указ, по которому изменялся порядок написания их имен в делопроизводстве.

В царствование Алексея Михайловича в преамбулах и адресованиях отписок, памятей и грамот указывались все судьи приказа, что создавало возможность конфликта из-за мест. Поэтому позднее, в 1681 г.²¹⁰, было велено писать только имя первого дьяка (что, кстати, убыстряло делопроизводство), остальным же приказным судьям велено было быть «без мест». Отныне их, правда, писали с «вичем», но в боярских книгах сохранена была прежняя форма²¹¹. Повышение роли бюрократии выразилось и в том, что уже после отмены местничества в 1690 г. потребовались специальные указы об определении старшинства дьяков по выслуге²¹².

5.5.8. Указ о безместии в крестных ходах 1679 г.

К последней трети XVII в., ввиду часто объявлявшегося безместия на время военных действий, для местничества, по сути, осталась одна, правда, весьма обширная сфера приложения – придворный церемониал. И именно эту сферу «родословные люди» пытались расширить, начав «всчинять места» в областях службы, ранее безместных. Во время придворных церковных служб местничества не было, поскольку порядок присутствовавших не заносился в разряды. Однако, как только в 1650-е гг. такая фиксация началась, возникли и местничества²¹³. Первый зафиксированный случай – это

²⁰⁹ Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII в. // ИЗ. Т. 1. М., 1937; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия; Эскин Ю. М. «А Василей сказал...» // ИА. 1993. № 2.

²¹⁰ Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. С. 5.

²¹¹ СГГД. Т. IV. № 18; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия. С. 83; Реестр. № 1694.

²¹² Ф. 210. Оп. ба. Кн. 25. Л. 84, 128; Кн. 26. Л. 103 об.; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия.

²¹³ MOM. С. 221–222. В 1669 г. впервые подробный разряд крестного хода (на Вербное воскресенье) заносится в Записные книги Московского стола. См.: Новохатко О. В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2001. С. 168.

дело кн. И. И. Ромодановского с И. И. Салтыковым в 1650 г.²¹⁴ Традиции в этой сфере тогда не существовало²¹⁵. Имелась, правда, весьма развитая чисто местническая иерархия высшего духовенства и монастырских настоятелей, утверждавшаяся специальными указами и занесенная в судебники XVI–XVII вв.²¹⁶ Несмотря на суровые сентенции, содержащиеся в приговорах (о том, что местничеств этих впредь не будет), и указы о безместии (например, от 28 июля 1663 г.), время от времени местничества опять возникали²¹⁷, что вызвало нужду в универсальном указе. «Последней каплей», видимо, стали события лета 1679 г., когда разразился возмутительный скандал в среде самой высшей аристократии – кн. М. А. Голицын не принял участия в крестном ходе из-за сибирского царевича Григория Алексеевича и был найден в кирпичных сараях на берегу Москвы-реки спрятавшимся «меж кирпичю»²¹⁸. Судьба этого нововведения была предрешена, и, хотя 1–2 октября имел место еще один местнический конфликт, того же 2 октября был принят указ, который стал одним из предтеч указов о всеобщей отмене местничества. Этот акт был выдержан в торжественном стиле конца XVII в.; в его преамбуле резко осуждались те, которые «учали те посылки... ставить в места и в случаи друг на друга учали бить челом в отечестве...», чем они «пред Господом Богом согрешают, а их государей тем своим челобитьем в гнев приводят». Поэтому государь, «поборая по Господе Боге... указал *впредь... меж себя всем быть без мест и впредь в случаи того никому не ставить...* в Розряде ни у кого ни на кого случаев таких не принимать...и *впредь с сего числа тех ходов в Розряде не записывать, чтоб... меж себя ссор и нелюбия не было...*» (выделено нами. – Ю. Э.). У нарушителей указа «отнята будет честь, да им же быть в вечном разореньи и поместья их и вотчины взяты у них будут на его государя и отданы в роздачу и то им разоренье будет самим от себя, и от своего непослушанья»²¹⁹. И хотя попытки его нарушить предпринимались и в дальнейшем, причем уже после отмены местничества вообще, они всегда жестко пресекались²²⁰.

²¹⁴ MOM. С. 386; Реестр. № 1514.

²¹⁵ Если не считать одного случая XV в. (но там речь идет о местничестве жен наместников в церкви. См.: Реестр. № 8) и известного по пересказу в другом деле местничества Г. Г. Пушкина с кн. А. М. Львовым, «дневавших» в Архангельском соборе у гроба Михаила Федоровича. См.: Ф. 210. Оп. 9. Л. 183–184.

²¹⁶ Сводный судебник начала XVII в. Ст. 164; Соборное уложение 1649 г. Гл. X. Ст. 31–80. См.: ПРП. Т. 4. М., 1956. С. 526–527; ПРП. Т. 6. М., 1957. С. 84–88; 1675 г., июль 1679 г., август 19, октябрь 1–2. См.: Седов П. В. Дисс. С. 77, 79.

²¹⁷ ДДР. С. 389–390; также в 1675 г., июль 1679 г., август 19, октябрь 1–2. См.: Седов П. В. Дисс. С. 77, 79.

²¹⁸ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1032. Л. 51–65; MOM.

²¹⁹ СГГД. Т. IV. № 115. Л. 371–372.

²²⁰ Три отказа от участия в крестном ходе в 1685 г. – см.: ДР. Т. IV. С. 360–363.

Заключение

Так выглядит, на наш взгляд, реконструкция «местнического» правового корпуса XVI–XVII вв. В связи с тем, что мы попытались систематизировать законодательные и юридические акты по тематически-хронологическому принципу, отчасти ступсевались моменты развития системы. В частности, можно отметить несколько пиков законодательной активности государства. Во-первых, это реформы 1550-х гг. – создание Государева разряда, Государева родословца, Приговора о местничестве. Во-вторых, это «эпоха Бориса Годунова» (1580-е – начало XVII в.), с ее актами, упрочивавшими сложившиеся местнические отношения: положения о запрещении счета родословных и неродословных людей, о «потерьке» не бивших челом, о безместии письменных голов, о старшинстве полков и развитии Приговора 1550 г. В-третьих, это «реставрационная» эпоха после Смуты (1617–1622 гг.)²²¹ – подтверждение в 1620 г. Приговора 1550 г., Указы о запрещении местничества на дипломатической службе, о безместии при сказывании чина и о порядке посылки с наградой, о неучете «случаев» за время Смуты. В-четвертых, это время социального конфликта конца 1640-х гг., вызвавшее акты, связанные с местничеством в ранее мало затронутых им сферах, – указы о знаменщиках, объезжих головах, о службе в приказах. В-пятых, это последний период (1670–1680-е гг.), который отмечен развернутым законодательным наступлением: цикл указов и приговоров 1679–1682 гг. о запрете местничества в крестных ходах, в войсках, для дьяков и, наконец, о полной и всеобщей его отмене. Заметим, что личность «местника», «родословного человека» – основного элемента этой системы – попадает во все более сужающиеся рамки для возможности применения своих прав. (Намеренно опускаем массу указов о временном безместии, которым, к слову, переписчики разрядных книг придавали куда большее значение, очевидно, ввиду значительно более строгого контроля со стороны властей за их исполнением.) Чем же можно объяснить отсутствие официальных и частных сборников подобных актов, а также тот факт, что они не были включены в официальные судебники?²²² Возможно, тем же,

²²¹ Н. Коллманн отмечает на основании статистических подсчетов, как собственных, так и моих, что количество местничеств после Смуты идет на убыль. Одной из важных причин (наряду с изменением состава высших слоев служилого сословия и применявшейся все шире практики безместия) автор справедливо считает «комплексные меры по регламентации прохождения службы». См.: *Kollmann N. By Honor Bound*. P. 138.

²²² Особо контрастное на фоне колоссального корпуса других местнических источников – разрядных книг и пр. Отметим, впрочем, что многие не менее важные акты также не подверглись официальной кодификации – достаточно вспомнить колоссальную историографию вопроса о начале закрепощения крестьянства в России.

чем и непроотолирование заседаний Боярской думы: абсолютистское государство должно было иметь определенную свободу рук в своей кадровой политике, объектом которой и был «родословный человек»²²³. Русское судопроизводство, судя по весьма лаконичным и немногочисленным Судебникам, далеко не охватывавшим *все* стороны жизни, в значительной степени опиралось на нормы обычного права, что не мешает его исследованию историками-юристами. Многие важнейшие государственные акты в судебники не помещались, но были обязательны к соблюдению, например, утвержденные грамоты об избрании царей и другие «соборные деяния» и указы, в частности, до сих пор дискуссионные указы об «урочных летах». Неудивительно, что и указы, регулирующие местничество, туда почти не попадали. Правовая мысль России XVI–XVII вв., вероятно, не считала регламентацию функционирования только одной социальной группы (пускай даже в виде принятых властью соборных определений и царских указов) необходимой частью общего свода законов. Порядок иерархических взаимоотношений, так же как механика их сбоя и восстановления, являлся в России важнейшей, но не единственной составляющей государственной службы. Местническая инициатива членов этой правящей социальной группы из конструктивной постепенно перерождалась в деструктивную, и возможность ее применения государство, планомерно ее «утесняя», к концу XVII столетия сузило до точки.

²²³ Пример манипулирования законодательством – применение положений об объезжих головах и о сказывании думного чина в деле кн. Ф. А. и Ф. Ф. Хилковы – б. кн. Ю. А. Долгорукий. Оба положения были применены «в пользу» влиятельных вельмож, хотя положение о сказывании боярства – наоборот!

Глава 6 БЕЗМЕСТИЕ

Термин «безместие», «безместно» имеет в языке русского средневековья и Нового времени два значения. Прежде всего это – отсутствие мест, т.е. местнического порядка в государственной службе (военной, административной, церемониальной – от воеводского назначения до «государева стола»). В подобном значении безместие трактуется как акт благоволения монарха («государь пожаловал, велел быть без мест»). Однако термин этот имел и иное значение – «неуместность», незаконность, нелепость¹. Таким образом, наличие «мест» в любой сфере жизни для средневекового русского человека являлось синонимом определенного упорядочения, «чина»², а «устройство» или разрушение, изменение этого порядка должно было быть прерогативой высшей власти, Бога и монарха. Только в случае, если безместие исходило от государя, оно рассматривалось как положительное явление, а точнее, как не подлежащее обсуждению выражение монаршей воли. Подобным же образом и опала, т.е. просто гнев государя и связанные с ним репрессии, рассматривалась как вполне законное оправдание в местническом споре – виновность или невиновность опального предка не имели ни для потомка, ни для его местников никакого значения, поскольку «сердце царево в руце Божией». В то же время сама верховная власть стремилась обставить нарушение привычных норм именно как акт милости к подданным. В мае 1601 г. в решении Боярской думы и Освященного собора записано: «Чтоб ты, великий государь, пожаловал бояр и воевод... в полках велел быть без мест»³. В 1624 г. бояре, судившие местничество

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 116.

² Черная Л. А. О понятии «чин» в русской культуре XVII в. // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993. С. 343–356. В XVII в. понятие «чина» связано с углублением иерархичности всей средневековой жизни, отмечает автор. В этот период оно закрепляется за всеми социальными категориями, связывается с определенными ступеньками в иерархической лестнице, внося одновременно в это понятие догматизм, однозначность, «государственность». В «чине» соединились и элементы, из которых слагалось и местничество.

³ РК 1598–1636. С. 103–105.

кн. И. В. Голицына с кн. И. И. Шуйским на царской свадьбе, отмечали: «Государская милость ко всем к ним, что быть указал государь на своей государевой радости без мест»⁴. Таким образом, система безместия, т.е. временного прекращения местнических отношений либо на определенный срок, либо в определенном служебном назначении, была составной частью института местничества и сложилась, видимо, одновременно с ним, т.е. с конца XV в.⁵ Историографическая традиция обычно рассматривает более поздние случаи. А. И. Маркевич определял безместие как одну из важных практических мер для противодействия вреду местничества, анализируя в основном ситуации и источники XVII в., а также «Соборное деяние» 1682 г., в котором безместие трактовалось как одна из мер, практиковавшихся государями, стремившимися к уничтожению местничества⁶. «...Михаил Федорович, восприяв прародительский... престол, во все время своея царския державы желал, чтобы во всех его государских делах для лучшего устройства и согласия быти полатным и всяких чинов ратным людем без мест, и начало тому учинити изволил тем, что... во многих розрядах тогда были без мест..., а когда отец наш государев... Алексей Михайлович... изволил идти на недругов своих... и в тех его государских походах все чины были безместно же...»⁷. В известной работе Е. А. Василевской, опирающейся на труд А. И. Маркевича, также подчеркивается, что безместие объявлялось «при военных походах, а также при серьезных государственных затруднениях»⁸. Автор разделяет широкомасштабные указы или приговоры о безместии на определенный срок или назначение (разряд) и документы, выдававшиеся частному лицу, т.е. «безместие» и «невместную грамоту», которую получало лицо, признанное «не ниже» своего местника, или даже лица разной «чести», когда это было необходимо властям⁹.

Выше мы уже указывали, что при исследовании вопроса о безместии встает проблема терминологии. Нами рассматриваются, во-первых, только те распоряжения правительства (за редкими исключениями), в которых наличествует термин «без мест», «безместие», «мест нет» и т.д. Не представляется возможным учесть еще и формуляры обычных наказов, посылавшихся воеводам в полки, – «быти с (таким-то, обычно

⁴ ДР. Т. 1. С. 641.

⁵ Первое встреченное нами упоминание – август–сентябрь 1495 г. См.: РК 1495–1605. Т. 1. Ч. 1. С. 48.

⁶ МИМ. С. 526–527.

⁷ ПСЗ. Т. 2. С. 342.

⁸ *Василевская Е. А.* Терминология местничества и родства. С. 164–165.

⁹ «Условия жизни требовали если не полной отмены местничества, то приостановки его действия в ответственные моменты общественно-политической жизни страны». См.: Там же. С.165.

первым, воеводой. – Ю. Э.) и промышляти заодин», хотя очевидно, что они также имели целью предотвращение местнических конфликтов, но в основном между младшими и первыми воеводами, и не предполагали запрещать им местничать друг с другом. Также практически всегда в наказах употребляется формулировка, содержащая имена тех, к кому и от кого писать грамоты. Уже в разряде похода на Вятку в июле 1489 г. отмечено: «А грамоты писали от великого князя к воеводам князь Данилу Васильевичю Щеняти да Григорью Васильевичю Морозову, и всем воеводам. А воеводы писали к великому князю грамоты по тому же – князь Данило Васильевич Щеня да Григорей Васильевич Морозов и все воеводы челом бьют»¹⁰. Эта задача аналогично решалась и через сто лет: «А грамоты к ним от государя писаны о всех делах ко князю Ивану Юрьевичу Голицыну да ко князю Михайле Петровичю Катыреву-Ростовскому с товарищи»¹¹, что по-прежнему означало старшинство первых воевод, но не запрещало местничества между их подчиненными. В нашу задачу входит изучение принципа безместия в приложении к определенным службам, по возможности всеохватывающего, т.е. распространяющегося на весь разряд данной службы (военной, административной или церемониальной). Таким образом, можно выделить четыре основные группы ситуаций, по случаю которых объявлялось безместие: 1) разряд военной кампании; 2) разряд придворного церемониала; 3) разряд административной службы; 4) разряд посольской службы и церемониала. Кроме того, безместие иногда объявлялось и по конкретным поводам («посылкам»), не вписывающимся в эти группы, о чем также будет сказано впоследствии.

6.1. Безместие при разряде военных кампаний

6.1.1. Безместие в военных кампаниях эпохи Ивана Грозного

Наибольшее количество актов о безместии приходится на военные разряды. С конца XV по конец XVI в. имеется не менее 25 указов, приговоров или записей о таких указах в определенном разряде. В XVII столетии их насчитывается не менее 35, причем наблюдается тенденция к их ежегодному возобновлению (например, с 1630-х по 1660-е гг.). Первый известный нам случай относится к разряду похода под Выборг в августе – сентябре 1495 г. Несмотря на то что, согласно разрядной записи, «был тот разряд без мест» (с целью укрепления дисциплины), штурм не удался

¹⁰ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. С. 30; *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 159.

¹¹ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 5 (1582 г.).

и войска вернулись в Новгород¹². Термин «безместно» впервые встречается в 1506 г.: в апреле – мае при назначении в поход на Казань «в передовом полку князь Лобан Семенович Ряполовский да у передового же полку направе велел князь великий быть царевичю Еналею безместно»¹³. Таким образом, термин здесь применен уже вполне логично, дабы подчеркнуть, что знатный татарский царевич не умаляет своей чести, идя в поход с кн. Ряполовским. Возможно, подобная ситуация прежде разъяснялась более пространно. В январе 1493 г. в разряде похода на Литву «велел князь великий быть Воротынским князьям и Одоевским, и Белевским, и князю Михайлу Мезецкому со своими полками, а велел им великий князь быть им подле передового полку великого князя на правой стороне, и на левой, и где похотят. А не похочет князь Дмитрий Воротынской быть с братом своим со князь Семеном Воротынским, и князь Дмитрию быти со своим полком подле большова полку или где пригоже... А Одоевским и Белевским и Мезецкому где будет пригоже со князем быть в полку, или тут быть, или где похотят»¹⁴. «Место» северским княжатам, недавно перешедшим на московскую службу, еще не определялось, и они пока находились как бы вне системы. Эту формулировку «где похотят» А. Е. Пресняков считал удачной иллюстрацией к своему анализу формирования института местничества как компромисса между боярством и княжатами: «Только к концу княжения Ивана III служилые князья появляются все чаще в роли воевод над московскими полками, все еще не смешиваясь с московским боярством»¹⁵. Вероятно, ранней формой безместия была и фиксация равного положения – так, двум наместникам в Торжке в 1501/02 г. грамоты приходили от великого князя порознь¹⁶. Если не учитывать безместие в фальшивом разряде похода на Казань 1525/26 г., то настоящее становление безместия как части института местничества следует относить, видимо, к 1530-м гг. В разряде третьего большого похода на Казань в мае 1530 г. несколькими заместничавшим воеводам было указано быть без мест, причем одним был обещан счет после службы, а другим – нет¹⁷. Однако попытка ограничить столкновения воевод в этом походе провалилась, и в результате конфликта двух первых воевод, князей М. Л. Глинского и И. Ф. Бельского, у ворот совсем уже было сданного

¹² РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. С. 48 (если только это не позднейшая приписка); *Алексеев Ю. Г.* Государь всяя Руси. С. 185.

¹³ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. С. 90.

¹⁴ Там же. С. 34.

¹⁵ *Пресняков А. Е.* Московское царство. Пг., 1918. С. 56–57.

¹⁶ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. С. 75.

¹⁷ Там же. С. 214.

города казанцы оправились и разгромили русское войско¹⁸. В местническом деле 1589 г. есть упоминание о приговоре о безместии перед несостоявшимся походом на Казань 1537 г.¹⁹ В июле 1540 г. князьям В. А. Микулинскому и Ю. М. Булгакову-Голицыну при назначении на службу разъясняли, что хотя она им «не в место», но по ее окончании будет дан «счет в отечестве»²⁰. Однако это еще прецедент временного безместия. В марте 1540 г. кн. В. Ф. Охлябину в связи с его столкновением с Ф. С. Воронцовым, в Шуе, «князь великий ко князь Василью Охлябину писал, чтоб он ему государю послужил, а та ему служба с Федором Воронцовым невмесно»²¹. Спустя два месяца после этого конфликта во время паники в Москве, начавшейся в связи с известием о приближении войска Сагиб-Гирея²², боярское правительство назначает новый береговой разряд во главе с кн. Д. Ф. Бельским²³. Несмотря на отсутствие в разрядах упоминаний о местничествах, в «Летописце начала царства» сохранился подробный рассказ о посылке из Москвы к воеводам дьяка И. Ф. Курицына, который от имени малолетнего Ивана IV должен был принять меры, чтобы воеводы «за православное крестьянство крепко пострадали, а розни б меж ними не было, послужили б великому князю все заодин». Дьяк был командирован явно не без причины. Далее «Летописец» панегирически описывает совет воевод, на котором они поклялись защищать своего юного государя: «А которым воеводам меж себя и раскол был, и начаша со смирением и со слезами прощатися, и о Христе целованье подавати, и совокупишася любовию вси единомысленно страдати...»²⁴. Вероятно, упомянутая «рознь» являлась и следствием продолжавшейся борьбы группировок Бельских и Шуйских²⁵, но выражаться она могла в местнической форме, и воеводы, в сущности, поклялись блюсти безместие. В этот же период появляется и формулировка «не в место для». Например, кн. И. В. Пенкову указано, что «та ему служба не в место» по его делу с кн. А. Б. Горбатым, кн. Д. И. Курлятеву – «то ему не в место для князь Федора Куракина», кн. В. А. Великому Гаге – для Ивана Умногочычова и т.д.; итак, безместие практически объявлялось в полках

¹⁸ *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 365; *Худяков М. Г.* Очерки истории Казанского ханства. М., 1991. С. 92–93.

¹⁹ «И сыскано, 46 году в правой руке князь Александр Борисович Горбатой, а князь Юрь Булгаков в сторожевом полку, а были бояре и воеводы по приговору без мест» – (Дело кн. А. И. Голицын – кн. А. И. Шуйский). См.: РИС. Т. 2. М., 1838. С. 55.

²⁰ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 285.

²¹ Там же. С. 284.

²² *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 13.

²³ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 295.

²⁴ ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904. С. 106–107, 436; Т. 29. М., 1965. С. 137–138.

²⁵ *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 84–87.

передовом, левой и правой руки²⁶. Итак, указы и приговоры о безместии во всем разряде вырастают, вероятно, из конкретных решений, постепенно расширявших свою компетенцию. То есть из конкретного безместия постепенно вырабатываются местнические правила, принятые позднее. Уже в 1544 г. правительство разясняет, что сторожевому полку до правой и левой руки дела нет, «то полки опричные»²⁷. В «вопросах» Ивана IV митрополиту Макарию в феврале 1550 г. перечислено несколько попыток царя на протяжении 1549–1550 гг. ограничить местничество. С. О. Шмидт выделяет три «приговора» о местничестве, упомянутые царем²⁸: в ноябре 1549 г. в Москве – «Нарежался еси х Казани со всем христоролюбивым воинством и положил еси совет, своими бояры в Пречистой и соборной перед тобою, отцем своим, о местех в воеводах и в всяких посылках во всяком розряде не местничатися, кого с кем куды ни пошлют, чтобы воинскому делу в том поруки не было; и всем бояром был тот приговор люб»; «И в Володимере перед митрополитом з бояры тот же приговор был...» (царь был там с 3 декабря 1549 г. по 7 января 1550 г.); «...и в Нижнем Новгороде також...» (там Иван IV находился 18–23 января 1550 г.)²⁹. Однако все эти указы не достигли цели, и местничества во время осады Казани продолжались: «И как приехали х Казани, и с кем кого ни пошлют на которое дело, ино всякой розместничаетца на всякой посылке и на всяком деле, и в том у нас везде бывает дело не крепко, и отселе куды кого с кем посылаю по тому приговору, никак без кручины и без вражды промежь себя никоторое дело не минет, и в тех местех всякому делу помешька бывает»³⁰. В разрядных книгах записан только «Владимирский» приговор о безместии, без «московского» и «ниже-городского», тексты которых нам не известны. В приговоре же декабря 1549 г. – января 1550 г. говорилось, чтобы «розни б и мест меж их однолишно никоторые не было... а хоти будет кому с кем не пригоже быть своево для отечества, и бояре и воеводы и князи и дворяне и дети боярские для земского дела все ходили без мест, кому будет какое дело о счете, хто с кем не по отечеству был, и какоже Бог дал с своево дела и земского придет, и государь им тогды счет даст, кому да ково в отечестве дело будет»³¹. В разрядах этой неудачной осады Казани (февраль – март 1550 г.), вопреки

²⁶ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 330–331, 352.

²⁷ Там же. С. 313.

²⁸ Шмидт С. О. Становление... С. 165.

²⁹ ПРП. Т. 4. С. 577.

³⁰ Там же. С. 577, 593.

³¹ Там же. С. 577. Летописи сохранили этот акт в виде «Поучения» митрополита Макария, прибывшего (возможно, с Освященным собором) в декабре 1549 г. во Владимир: «...а розни б и мест никакоже меж вами не было... а будет кому с кем непригоже быти отечества ради на брани... и вы бы то в забвение положили, а государево бы земское дело делали,

жалобам царя, не значится ни одного местничества³². Возможно, что Иван IV, хотя и не мог пока предотвращать сами конфликты, не велел записывать их в разряды, в чем проявилась его постепенно крепнувшая власть. Именно разработка этих трех приговоров, вероятно, стала фундаментом для принятого в июле 1550 г. Приговора, упорядочившего систему старшинства в полках³³. Непосредственным результатом последнего стали указы о безместии 1552 г. В одной из статей «Приговора 1550 г.» было специально отмечено, что «боярским детям и дворяном большим лучитца на государевой службе быть не по их отечеству, и в том их отечеству порухи никоторые нет... и впредь из них кому ис тех дворян больших самим быти в воеводах с теми же воеводами вместе, с которыми они бывали... в счете своем отечеству порухи нет по государеву цареву и великого князя приговору³⁴. В историографии этот пункт комментировался как узаконение безместия для знати, части Государева двора, которая могла теперь безбоязненно игнорировать местнические счета, находясь «в ряду». В июне 1552 г. при походе к Свияжску государь «перевезся через Оку реку под Муромом и стал в лугах, и розрядил у себя выборные в полку головы... а с ними пустил государь голов и детей боярских безмесно»³⁵. Однако и более высокие слои Государева двора продолжали, видимо, требовать местнических привилегий, о чем косвенно свидетельствуют строки из послания митрополита Макария царю в Муром, куда армия пришла в середине июля 1552 г.: «Наипаче же молим и благословляем, да пребудут у тебя, благочестивого царя все твои вельможи и все твое христоролюбивое воинство в любви и в послушании в страхе и в мире и в соединении и в страхе на враги о всем по воле Божии и по царскому велению ходити и повиноватися страхом и трепетом»³⁶. Когда Иван IV уже подошел к Казани (около 22 августа 1552 г.), «...и выбрал государь три головы выборных, князя Ивана Хворостинина да князя Григорья Мещерского, да Федора Ондреева сына Карпова, и с ними велел государь быти князем и детем боярским безмесно»³⁷. Указ этот отражен и

не яростною мыслию друг на друга взирая, но любовию; а как со государева земского дела придете, и хто захочет кому с кем счестися о отечестве, и государь счет даст...» См.: ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904–1908. С. 159, 461; Т. 29. М., 1965. С. 58, 157.

³² РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 371–372.

³³ Там же. С. 371–382; РК 1475–1598. С. 122–123.

³⁴ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 384–385; ПРП. Т. 4. С. 582–583; ЗАРГ. № 2. С. 29–30.

³⁵ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. С. 417.

³⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 491.

³⁷ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. С. 421 (вариант – «без мест»). На обратном пути к Н. Новгороду, когда князья П. С. Серебряный и И. М. Хворостинин попытались бить челом соответственно на кн. М. В. Глинского и М. М. Тучкова (т.е. первых воевод своих полков), их отставили, приказав просто «быть в полку» у Глинского и Тучкова, практически закрепляя прецеденты «честной» отставки от места воеводы. См.: Там же. С. 441–442).

в Казанской летописи³⁸. При назначении разряда последнего штурма Казани перед взрывом подкопа Иван IV специально оговорил пункт «о поможении воевод друг другу»³⁹. «Такожде учреди всякому сту сынов боярских царского полка выборная голова, последи же повеле и большим воеводам ис полков пособляти со всеми людьми»⁴⁰.

События следующего десятилетия не нашли отражения в указах о безместии. Несмотря на то что и назначались береговые разряды, и активизировалась наступательная политика на Юге и Востоке (походы В. И. Шереметева 1555 г. и Д. Ф. Адашева 1559 г. на Крым, взятие Астрахани в 1556 г.) и начиналась Ливонская война (1558 г.), правительство тем не менее не считало нужным проводить дальнейшее ограничение местничества, которое, впрочем, в полках тогда было невелико⁴¹. Ответом на местничество в Казанском разряде 1554 г., вероятно, стал указ о безместии в Казани и Свияжске, имевший локальный характер⁴². Можно предположить, что во исполнение именно этого указа во время похода П. В. Морозова в мае 1556 г. на восставших «арских людей» из Казани «да с Петром ходил без мест воевода Федор Иванович Бутурлин, и в Казань пришли дал Бог здорово»⁴³. В 1555 г. отмечен указ о безместии рынд и голов в царском стане на Туле⁴⁴ (в тот год зафиксировано максимальное число «полковых» местничеств за десятилетие⁴⁵ – 6). В марте 1558 г. подтверждены положения Приговора 1550 г.: «А те полки давно приговорены посылати без мест» – указано по поводу соотношения левой руки с передовым и сторожевым полками⁴⁶. В октябре 1559 г. при назначении разряда в поход от Пскова и Юрьева к г. Рынголу (Рындеху)⁴⁷ Иван IV поставил старшими воевод передового полка кн. И. М. и В. С. Черкасских, «а велел воеводам съезжаться в передовой полк ко князю Ивану Маашику Черкасскому»⁴⁸, т.е. фактически объявил безместие с последним. Безместие практиковалось и во время Ливонской войны. Так, уже в апреле 1561 г. И. И. Очину-Плещееву указывалось: «...писано, что он делает негораздо... (будучи первым воеводой сторожевого полка, он бил челом на первого и второго воевод большого полка. – Ю. Э.)...

³⁸ ПСРЛ. Т. 19. СПб., С. 413; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. С. 116.

³⁹ Там же. Т. 13. С. 510.

⁴⁰ Там же. Т. 29. М., 1965. С. 104, 187.

⁴¹ В 1553 – 1 случай, в 1554 – 4, в 1555 – 8, в 1556 – 5, в 1557 – 4, в 1558 – 4, в 1559 – 3.

⁴² РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. С. 472; РК 1475–1598. С. 145.

⁴³ ПСРЛ. Т. 29. С. 247, 269.

⁴⁴ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. С. 492–494.

⁴⁵ Реестр. № 117, 119–123.

⁴⁶ РК 1475–1598. С. 169.

⁴⁷ *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений сер. XVI в. М., 2003. С. 222.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 312.

а пишет в наказе бояром и воеводам для государева дела, а не для мест»⁴⁹. Ситуация эта, похоже, была типичной – «Розни б у них в государевых делах не было», – строго предупреждал наказ.

Целый разряд с безместием, заранее оговоренным, относится к 1564 г. Весной, видимо уже после январского поражения под Улой у Полоцка⁵⁰, в указе боярам князьям И. Ф. Мстиславскому и И. Д. Бельскому с товарищи говорилось: «А как сойдутца с вяземскими и со ржевскими воеводами луцкие бояре и воеводы князь Иван Федорович Мстиславский с товарищи, и тогда быть... по своей росписи по полком з боярином и воеводою со князь Иваном Дмитриевичем Бельским: большому полку быть в большом полку, а правой руке быть в правой руке, передовому полку быть в передовом полку, сторожевому полку быть в сторожевом, левой руке быть в левой руке». Соединив и уравнив в правах два разряда, царь строго наказывал: «И быти у государева дела бояром и воеводам без мест и делом государевым промышлять по государеву наказу, каков наказ у боярина и у князя у Ивана Дмитриевича Бельсково»⁵¹. Правда, уже 25 июля 1564 г. кн. А. И. Воротынский бил челом на кн. И. И. Турунтая-Пронского, но ему было отказано⁵².

В последующие годы местничеств было довольно много, на них не повлияло усиление внутреннего террора, проводимого царем Иваном. Нам не известен ни один акт о безместном разряде вплоть до конца 1560-х гг. С 1569 г. размещение полков «на берегу» становится регулярным⁵³. В августе – сентябре 1570 г., после донесений с «поля» о готовящемся мощном крымском набеге, был назначен разряд как земских, так и опричных полков и разработан план их совместных действий. Оба войска имели пятиполковую структуру, и им велено было быть «по росписи: большому полку в большом полку, правой руке и передовому полку и сторожевому полку и левой руке потому же особно по полкам». Поскольку таким образом во всех частях возникало двоевластие, было указано: «А которому будет воеводе в котором полку быти не вместиться, и тем воеводам быти для государева дела безместно»⁵⁴. К 16 сентября сам государь подошел к Серпухову, однако крымский хан, увидев оперативно занявшие позиции русское войско, не решился на наступление. Данный указ был, вероятно, достаточно строг: местничеств в полках не встречается до лета 1571 г. (не считая придворных случаев). В этот период началась реорганизация пограничной службы, однако

⁴⁹ РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 1. С. 89; РК 1475–1598. С. 193.

⁵⁰ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 308.

⁵¹ РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 1. С. 161; РК 1475–1598. С. 210.

⁵² Однако без ссылки на этот указ. См.: РК 1475–1598. С. 210; РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 1. С. 161–163.

⁵³ *Новосельский А. А.* Борьба Московского... С. 29.

⁵⁴ РК 1475–1598. С. 233.

опричина оказывала парализующее воздействие на земскую службу – тревога, поднятая станичниками и воеводами в 1570 г., вызвала раздражение царя⁵⁵. Поэтому весной следующего, 1571 г. они не спешили с дурными вестями и запоздали со сбором войск, что привело к страшному поражению и сожжению Москвы. Этот урок оказался не напрасным, и к апрелю – маю 1572 г. объединенные силы опричнины и земщины подготовились весьма серьезно. Сведений о формальном безместии в этом разряде не имеется, более того, при назначении разряда зафиксировано три местничества – кн. Н. Р. Одоевский бил челом на кн. М. И. Воротынского, кн. И. П. Шуйский – на кн. Н. Р. Одоевского, кн. А. В. Репнин – на кн. А. П. Хованского⁵⁶. Однако разгорание этих конфликтов, видимо, было погашено еще в Москве (только челобитье Шуйского велено было записать, остальные оставлены без внимания). Уже «на берег» воеводам было прислано «жалованное слово» государя, в котором он наказывал, «чтоб государю служили, а государева милость вам будет и жалованье»⁵⁷. Может быть, в этом «жалованном слове» как-то определялось и безместие. Во всяком случае, победа при Молодях 26 июля – 3 августа 1572 г. не в последнюю очередь явилась результатом слаженности действий всех воевод⁵⁸. После разгрома крымского войска и завершения действий разряда «больших» воевод оставленным «на берегу» меньшим воеводам было объявлено безместие⁵⁹.

Весной следующего, 1573 г. безместными были объявлены сразу два разряда. Во-первых, по указу (приговору) «в весну были воеводы от польские украины по украинным городом... а шедшися украинным воеводам быти под людьми по полком, а по приговору быти им без мест. А как сойдутца украинные воеводы с большими воеводами, и быти по полком без мест же...»⁶⁰. Во-вторых, в связи с волнениями народов Поволжья был также объявлен разряд похода на «горную и луговую черемису»: «А в государеве наказе и в росписи написано, что в том походе бояром и воеводам быти без мест»⁶¹. Однако поход не состоялся, поскольку «казанские люди», узнав о сосредоточении войск,

⁵⁵ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 424.

⁵⁶ РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 308.

⁵⁷ Там же. С. 310.

⁵⁸ Там же. С. 309–315; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 449–450. В 1579 г., когда кн. В. Ю. Голицын местничал с И. П. Шуйским, он вспомнил об этом разряде. «И бояре спросили князя Ивана Петровича... таков разряд был ли? И князь Иван сказал, что таков розряд был. Да велел мне государь толды быти без мест; да в том слался князь Иван на государевых бояр, которые были у их отпуску... да и записка де тому есть». В Государевом разряде за тот год «такова розряду не написано», т.е. в 1579 г. он еще не был оформлен. См.: РИС. Т. 2. М., 1838. С. 21.

⁵⁹ РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 316.

⁶⁰ РК 1475–1598. С. 253.

⁶¹ РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 336.

«добили челом» и «учинили договор» в Муроме⁶². В 1574 г. и весенний, и осенний береговые разряды назначались с безместием. Вероятно, той же весной был утвержден приговор: «А на весну были по украинным городам воеводы... а как сойдутца украинные воеводы под людьми, и быти в сходе по полком, а по приговору быти без мест... а как сойдутца украинные воеводы с большими воеводами, и быти по полком без мест же»⁶³. В мае указ был уточнен: «А будет придет крымской царь или царевичи, и украинным воеводам быти в сход к береговым большим воеводам ко князю Ивану Юрьевичю Голицыну с товарищи... А быти схожим воеводам всем без мест, а людем с ними по их спискам»⁶⁴. Известно, что осеннему крымско-ногайскому набегу противостоял только большой полк кн. В. С. Серебряного, поскольку сходные воеводы «не успели»⁶⁵. Осенью «в сходе» воевод в украинном разряде также было объявлено безместие: «Лета 7083 в осень после роспуску больших воевод, стояли... воеводы на три полки на берегу... а как украинные воеводы по вестем будут в сходе под людьми, и быть по полком без мест...»⁶⁶. Нарушений указов не было⁶⁷, и вообще до конца года было всего одно местничество⁶⁸. На театре Ливонской войны, видимо, ввиду большей маневренности действий, когда отряды, рассыпавшись по стране, осаждали крепости и воеводы, скорее всего, испытывали меньше трудностей с соподчинением, местнические конфликты были сравнительно редки, но зато часто выдавались невместные грамоты. Так, в 1575 г. из 7 или 8 «случаев» не менее четырех были окончены именно таким образом⁶⁹. Далее в течение нескольких лет безместие не объявлялось ни «на берегу», ни в Ливонии, хотя боевые действия велись – в 1576 г. в Калуге были собраны значительные русские силы с «плавной ратью», русские войска и запорожцы разгромили крымцев и взяли их крепость Ислам-Кермень в низовьях Днепра, что вынудило хана вернуться

⁶² Новосельский А. А. Борьба Московского... С. 29, 431.

⁶³ РК 1495–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 366–367.

⁶⁴ РК 1550–1636. Т. 1. С. 223.

⁶⁵ РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 371.

⁶⁶ Там же. С. 370–371.

⁶⁷ Только в процессе назначения замещали князя В. Ю. Булгаков-Голицын и С. Д. Пронский, но они не были сходными воеводами. См.: РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 365; РК 1550–1636. Т. 1. С. 292.

⁶⁸ Это хронологически второе сохранившееся подлинное местническое делопроизводство – дело Д. И. Годунов – В. И. Умный-Колычов. См.: Ф. 210. Оп. 11. Ст. 335. Стп. 2. Л. 1–78. Первое – это фрагмент дела А. Д. Басманов – И. В. Шереметев. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Л. 66–68. Оpubл.: МДЛ. С. 1–2.

⁶⁹ РК 1475–1598. С. 258; РК 1559–1605. С. 113, 117; РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 378, 380–381; РК 1550–1636. Т. 1. С. 228–231.

с войском в Крым⁷⁰. Осенью 1577 г. «на берегу» безместие было объявлено, правда, автор этой разрядной записи с сомнением заметил, что она может относиться и к предыдущему году⁷¹. Значительный крымский набег состоялся и в 1578 г.⁷² Тогда же в Ливонии отсутствие распоряжений о безместии привело к целому ряду конфликтов⁷³. В феврале и июне дважды неудачно осаждался Венден (Кесь)⁷⁴, но в этом разряде заместничали воеводы чуть ли не всех полков (9 человек), что способствовало поражению (наряду с мощью крепости и стойкостью ее защитников): «...государевы воеводы замешкались опять... и государь послал к ним с кручиною с Москвы дьяка Ондreja Щелкалова»⁷⁵. Несмотря на то что раздраженный Иван IV направил к ним с выговором свое доверенное лицо, А. Я. Щелкалова, а на подкрепление – войска Д. Б. Салтыкова и кн. И. Ю. Булгакова, подошедшие литовцы в октябре 1578 г. наголову разбили осаждавших. Из числа местников в плен попали кн. П. И. Татев, кн. П. И. Хворостинин, боярин кн. В. А. Сицкий был убит, а иные воеводы бежали с поля боя, в том числе и не сумевший выполнить царское повеление Щелкалов⁷⁶. Вскоре потребовались более жесткие меры и при объявлении береговых разрядов. В связи с возобновлением с 1580 г. набегов «больших ногаев» и усилением волнений «горной и луговой черемисы» в Поволжье⁷⁷ возобновляется объявление безместия. В 1580 г. на Вербное воскресенье оглашен приговор, согласно которому всем воеводам велено быть с воеводами кн. М. П. Катыревым-Ростовским и кн. М. С. Турениным (в их подчинении), «в большом полку на Туле», а между собой – «быти воеводам в сходе без мест»⁷⁸. В августе того же года безместие было объявлено и при возобновлении войны с Речью Посполитой – «прибыльным воеводам от государя» – Д. И. Черемисинову и И. Е. Елчанинову⁷⁹. В момент продвижения армии Стефана Батория к Великим Лукам кн. В. Д. Хилков, который должен был быть вторым воеводой передового полка во Ржеве Володимеровой, вместо этого возглавил войско из трех полков

⁷⁰ Новосельский А. А. Борьба Московского... С. 432. Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 334–335.

⁷¹ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 26. Б. Н. Флоря полагает, что этот указ о безместии относится к подным приготовлениям 1576 г. См.: Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 335.

⁷² Новосельский А. А. Борьба Московского... С. 432.

⁷³ РК 1475–1598. С. 287; РК 1559–1605. С. 157–159; РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 32–36.

⁷⁴ Новодворский В. Борьба за Ливонию между Россией и Речью Посполитой. СПб., 1904. С. 84–85.

⁷⁵ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 36.

⁷⁶ Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 53.

⁷⁷ Новосельский А. А. Борьба Московского... С. 432–433.

⁷⁸ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 120.

⁷⁹ РК 1550–1636. Т. 1. С. 314. «Да в большой полк прислал на прибавку дворян своих, а велел им в большом полку быть без мест». См.: РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 152.

(большого, передового и сторожевого). В его задачу входило маневрировать перед авангардом поляков, препятствуя их действиям и ведя разведку. Черемисинов и Елчанинов были прикомандированы к нему «без мест» не случайно – они принадлежали тогда к близкому окружению Ивана IV и, видимо, имели поручение контролировать Хилкова⁸⁰. Против нарушителей безмestia тогда принимались по-настоящему репрессивные меры. Когда с кн. Хилковым, несмотря на тяжелые военные обстоятельства, заместничал первый воевода передового полка кн. М. В. Ноздреватый, ему пригрозили смертной казнью, а бившему челом тогда же на воеводу сторожевого полка В. В. Головина и на кн. М. В. Ноздреватого кн. И. М. Барятинскому, второму воеводе передового полка, посулили батоги⁸¹. Однако, несмотря ни на что, попытки обуздать своеволие в армии не удавались. Дисциплина падала, дети боярские, уставшие от многолетней бесплодной войны, отмечены «в нетях», они массово бежали из войска или не являлись к своим полкам, укрываясь от службы⁸². Вышеуказанными мерами уже было не спасти кн. В. Д. Хилкова от поражения, и 21 сентября под Торопцом его разбил кн. Я. Збаражский, причем Д. И. Черемисинов и товарищ Хилкова Г. А. Нащокин попали в плен⁸³. Возможно, в это же время было объявлено безмestие и в главной армии под командованием Симеона Бекбулатовича, стоявшей в районе Волоколамска. Заместничавшим при нем семи воеводам Иван IV указал, что они «бьют челом мимо ево государева указу, и он (то есть царь Симеон. – Ю. Э.) бы велел быть всем по ево государеве росписи». С некоторой неуверенностью автор разрядной книги добавляет: «А в ыных государевых розрядах пишет, что тот розряд был без мест»⁸⁴.

В последующие несколько лет указы о безмestии не объявлялись, хотя регулярно назначались разряды «на берег»⁸⁵. В 1600 г. А. В. Измайлов в деле с И. О. Полевым заявлял, что разряд похода в Ливонию 7 февраля 1582 г. был без мест, однако это сообщение не было подтверждено при проверке в Государевом разряде⁸⁶. В 1583 г. с окончанием Ливонской войны московское правительство, развязав себе руки, приступило

⁸⁰ *Флоря Б. Н.* Документы походного архива воеводы кн. В. Д. Хилкова // Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны. М.; Варшава, 1998. С. 201.

⁸¹ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 153.

⁸² *Флоря Б. Н.* Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика Ивана IV // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 191–192.

⁸³ Там же. С. 199.

⁸⁴ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 155. (Только двоим – кн. А. П. Куракину и кн. М. П. Катывеву-Ростовскому был обещан суд после службы.)

⁸⁵ Там же. С. 225; Ч. 2. С. 82, 92, 99, 107, 131, 147 (1581–1590 гг.).

⁸⁶ РИС. Т. 2. С. 173, 183.

к подавлению Казанского восстания⁸⁷. Один за другим следуют сухопутные и «плавные» походы на «горную и луговую черемису», строятся новые города-форпосты. К 1585 г. идея возрождения Казанского ханства практически была похоронена; в этот период в разрядах весьма часто встречаются местничества, однако правительство предпочитает не запрещать их, а откладывая, объявляя безместие или выдавая невместные грамоты по конкретным делам⁸⁸.

6.1.2. Безместие в полковых разрядах в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова

В период войны со Швецией распоряжения о безместии носили несколько «неуверенный» характер. Когда во время боев за Нарву в 1590 г. велено было быть без мест кн. М. П. Катыреву-Ростовскому и кн. Ф. М. Трубецкому (они последовательно занимали место первого воеводы передового полка, а затем Трубецкой стал первым воеводой правой руки), Катырев не взял списков, отказавшись от назначения, однако после похода дело проиграл – «государь князь Федора Трубецково пожаловал, учинил ево больши князь Михайла Катырева за князь Михайлово непослушанье...»⁸⁹. «Годуновское» правительство также пользовалось возможностью объявить «безместные» разряды. В начале лета 1587 г. крымский хан направил царевичей с 40-тысячным войском, но царские воеводы, выступив своевременно, заставили повернуть их вспять⁹⁰. Этому предшествовало объявление берегового разряда на Туле, когда было зафиксировано одно местничество⁹¹. После этого случая разряд, видимо, и объявили безместным: «А быти всем воеводом и промышляти з боярином и воеводою Иваном Васильевичем Годуновым, а быть без мест на той службе»⁹². Именно в такой формулировке была дана разрядная роспись первому воеводе: «А в росписи государеве пишет, у боярина у воеводы у Ивана Васильевича Годунова, что быть в том походе воеводам без мест»⁹³. Однако хронологически безместие распространялось, как обычно, только на конкретный разряд, и

⁸⁷ Новосельский А. А. Борьба Московского... С. 34–35.

⁸⁸ Так, соответственно в 1582–1590 гг. ежегодное соотношение количества местнических конфликтов (полковых) и количества решений о выдаче невместных грамот или переносе суда до конца службы выглядит так: 31/16, 13/18, 9/3, 23/7, 18/12, 16/10, 24/6, 28/12, 19/6; кроме того, часть челобитий оставлялась вообще без внимания или на них сразу следовал отказ.

⁸⁹ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 154–156.

⁹⁰ Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 37.

⁹¹ Кн. И. А. Солнцев-Засекин – И. Л. и М. Г. Салтыковы, 29–30 июня. См.: РК 1559–1605. С. 223; РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 99.

⁹² РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 99, 100.

⁹³ Там же.

уже по следующему разряду, 16 сентября, началось несколько местничеств⁹⁴. В весенний разряд следующего, 1588 г. уже сами воеводы попросили для себя безместия под началом первого воеводы. 20 марта кн. А. Д. Хилков, М. М. Кривой-Салтыков и кн. М. Ф. Кашин били челом, что они согласны быть с одним первым воеводой кн. Т. Р. Трубецким с товарищи – «будет грамоты учнут приходиться к одному боярину... Трубецкому с товарищи, и мы на государеву службу готовы; а будет государевы грамоты учнут приходиться от государя к... Трубецкому да к боярину... ко князю Дмитрию Ивановичю Хворостинину, и нам быть менши... Хворостинина невместно»⁹⁵.

Один из самых известных указов о безместии этого периода относится к разряду обороны Москвы от войск хана Казы-Гирея (июнь – август 1591 г.). Стотысячная рать хана в начале июня 1591 г. (вероятно, выполняя союзнические обязательства по отношению к Швеции) подошла к Москве в районе деревни Котлы (между селами Коломенским, Нагатиным и Даниловским монастырем). Источники (официальный разряд) и исследователи расходятся в описании и оценке того, что в действительности произошло. Разряды сообщают о решительной победе, а современные историки полагают, что кампания выиграна была до некоторой степени «случайно». В стане русской армии получили неверные сведения о готовящейся ночной атаке врага и начали мощную артиллерийскую канонаду, вызвавшую в лагере не готовых к бою крымцев панику, с которой не справился и сам Казы-Гирей. Бросив обозы, орда бежала от села Коломенского в сторону Крыма⁹⁶. Предварительно, как обычно, был назначен помимо основного разряда и осадный разряд по городу: «А на Москве государь росписал в городе бояр и воевод по городам в осаду июня в 26 день... И которой был розряд в городе, и тот был не в место». Поскольку хан отступил 6 июля почти без боя, то и кампания по утвержденному плану – разряду в полной мере не осуществилась, однако тогда сведения об этом в разряды не были занесены. Интерес ситуации заключается в том, что указ о безместии упомянут только в «сопутствующем» материале, но говорится о нем не один раз и в весьма решительном тоне, что можно связать с особыми политическими обстоятельствами. Грамоты были написаны к первому и второму воеводам большого полка боярам кн. Ф. И. Мстиславскому и Б. Ф. Годунову с товарищи, т.е. без имен других воевод. Когда же Мстиславский осмелился в ответных отписках 7 июля выпустить имя царского шурина, то получил 10 июля 1591 г. от Федора

⁹⁴ Реестр. № 471–477.

⁹⁵ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 111; Реестр. № 484, 485, 487. В ответе Разряда, на первый взгляд отрицательном, фактически было подтверждено безместие: «До князь Дмитрея Хворостинина дела им нет». См.: РК 1495–1598. С. 394.

⁹⁶ *Скрынников Р. Г. Борис Годунов. С. 64.*

Ивановича выговор «с опалою», что не преследовали крымцев, а главное, что «...он, князь Федор Мстиславской, против той государевой грамоты писал к государю... приговор всех бояр и воевод глуха, без имян... а конюшова и боярина... Бориса Федоровича Годунова... с собою имени не написал против государевы грамоты»⁹⁷. В Государевом разряде содержится более подробный пересказ царской грамоты, напоминающий скорее местническую память Б. Ф. Годунова: «...пишут к нему, государю... не против его государевой грамоты... – “Князь Федор с товарищи”» – и то худо, что князь Федор ему великому государю указывает, по своему пишет, а не против государевой грамоты. И будет ему то стало досадно, что к ним написан в грамоте конюший и боярин и дворовой воевода Борис Федорович Годунов, и нечто будет ему то не за обычай – изначала то ведетца: как от государя напишут в грамоте, и против государевых грамот пишут по тому же»⁹⁸. В Пространной же редакции, в отличие от Государева разряда (описывавшие последовавшие торжества весьма кратко), имеется множество подробностей, в том числе весьма детально рассказывается о награждениях⁹⁹, состоявшихся после 20 июля, в процессе которых и упомянут указ о безместии. Когда Ф. А. Бутурлин, обиженный своим местом в списке при пожаловании шубами, бил челом на Н. И. Очина-Плещеева, то получил следующий царский ответ: «Сказывал я вам прежде сево и нынече сказываю вам, что первое – воеводы на сей службе были без мест, другое – шубами я вас жалую, даю вам шубы без мест же»¹⁰⁰. 25 августа после стола царь опять жаловал шубами, и С. Ф. Сабуров бил челом на А. Н. Романова. «И царь и великий князь после стола говорил бояром и дворяном: “Испейте, я вас жалую, а про то не покручиньтесь, что я вам давал шубы не по отечеству; яз вам говорю: первое – на сей службе в полках воеводы были без мест; другое – за столом сидели бояре без мест; третье – шубы жалую без мест”»¹⁰¹. В последующие годы указы о безместии «на берегу» не зафиксированы до 1597 г.; это прежде всего связано с падением активности татарских набегов – Крым, как вассал Турции, постоянно отвлекался в походы на Венгрию и Польшу и в 1594 г. заключил мирный договор с Москвой¹⁰². Набеги в несравнимо меньшем масштабе продолжали только отдельные азовские и казыевские отряды¹⁰³. Однако отсутствие указов о безместии отрицательно сказалось на разрядной практике.

⁹⁷ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 221–222.

⁹⁸ РК 1495–1598. С. 445–446. Далее перечисляются примеры и случаи с середины XVI в., когда в грамотах писали только первого и второго воевод.

⁹⁹ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 223–232.

¹⁰⁰ Там же. С. 231.

¹⁰¹ Там же. С. 232.

¹⁰² Новосельский А. А. Борьба Московского... С. 37, 41.

¹⁰³ Там же. С. 43–44.

Так, в 1592 г. из-за начавшихся местничеств воевод при объявлении разряда «на берег» дьяку Сапуну Аврамову пришлось в течение одного дня трижды его переделывать в угоду спорившим сторонам¹⁰⁴. В мае 1595 г. кн. В. А. Тюменский «на службу в Олексин не пошел для князя Василья Буйносова, и стояла рать без воеводы все лето»¹⁰⁵. Местники, что интересно, явно не считали, что осознание кем-либо из участников возможного вреда от их конфликта может стать «смягчающим обстоятельством». 1 июня 1592 г. в ответ на упрек П. Н. Шереметева своему местнику С. Ф. Сабурову, что тот опоздал представить «утяжные статьи», последний оправдывался: «Как государь у Троицы был, а гонец пригнал к берегу, а сказал – вести не тихие, и нам было не до своих врак»¹⁰⁶. Указ 1597 г. коснулся только «меньших» воевод¹⁰⁷ и подготовки к «весеннему приходу крымских людей»: «...Июня в 10 день послал государь на берег по полкам дворян и воевод, доколева воеводы придут большие, писать в приезды и ведать дворян и детей боярских до тех мест, как государь пошлет с Москвы на берег по полкам больших бояр своих и воевод... А велел государь тем дворяном своим быти по полком без мест»¹⁰⁸. Действительно, были посланы вторые воеводы – князя М. С. Туренин, Д. Б. Приимков, Д. В. Туренин, Ф. Т. Долгорукий, В. Г. Щербатый (соответственно в полки большой, правой руки, передовой, сторожевой, левой руки). Когда же Приимков попытался бить челом на М. С. Туренина, «государь велел послать князь Данила с приставом в Олексин, потому что он бил челом не делом»; Долгорукий и Щербатый тут же попытались заместничать с последним, и им «государь велел сказать, а велел их послать на службу без мест, доколева будут большие воеводы»¹⁰⁹. Надо сказать, что «большие воеводы», в числе которых были верхи Боярской думы (Шуйские, Черкасские, Шереметевы, Трубецкие и др.) через 9–10 дней, когда служба была сказана уже им, втянулись в целый клубок местничеств (всего при

¹⁰⁴ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 3. С. 9–10.

¹⁰⁵ Там же. С. 96.

¹⁰⁶ Там же. С. 35.

¹⁰⁷ *Новосельский А. А. Борьба Московского... С. 43–44.* По мнению А. А. Новосельского, параллельная расстановка «меньшего» украинного разряда возникает с 1582 г. в связи с высвобождением сил по окончании Ливонской войны, когда расположение дополнительных войск «за рекой» входит в систему.

¹⁰⁸ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 3. С. 120–121. Более краткую запись этого указа см. в РК 1559–1605. С. 308: «А посыланы без мест». Тогда же на основании этого указа было отказано заместничавшему кн. Д. В. Приимкову-Ростовскому: «...им сказано на Москве, что им быть на той государевой службе без мест. И то он дурует... а не возьмет списков, и ему от государя быть в опале». См.: РК 1495–1598. С. 510.

¹⁰⁹ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 3. С. 121.

распределении постов 19–20 июня произошло не менее 8 конфликтов), который отметил даже С. М. Соловьев¹¹⁰.

Наиболее известен приговор о безместии, принятый Земским собором следующего, 1598 г. Собор этот достаточно подробно изучен целым рядом исследователей, однако принятие одного из решений – о безместии в связи с возможностью крымского набега – осветил только Л. В. Черепнин¹¹¹. Внимание всех прочих исследователей, естественно, было приковано к перипетиям избирательной борьбы Бориса Годунова¹¹², и лишь Черепнин подробно рассматривает все постановления, включая и посвященное безместию. Р. Г. Скрынников детально осветил интригу Годунова, позволившую ему, благодаря слухам о крупном татарском выступлении, мобилизовать дворянское войско в Серпухове, сформировать разряд и тем самым укрепить власть, еще не будучи коронованным¹¹³, поскольку бояре де-факто были обязаны ему подчиниться. Неясно, почему Р. Г. Скрынников не обратил внимания на вышеуказанный приговор. Известно, что до фактического прихода Бориса к власти «временное правительство» во главе с патриархом Иовом не было в состоянии решать местнические дела – бояре его приговорам просто не подчинялись¹¹⁴. Но жесткая консолидация к марту 1598 г. дала свои плоды. 19 марта Борис собирает Боярскую думу для решения не терпевших отлагательства местнических споров¹¹⁵. Видимо, тогда и был фактически принят указ-приговор о безместии, включенный в апреле в общий соборный приговор. В различных редакциях разрядов он формулируется по-разному. По Л. В. Черепнину, это произошло после того, как Борис объявил о вестях с Юга¹¹⁶. «...И царь государь Борис Федорович... по тем вестям приговорили... А для челобитья Иова, патриарха Московского... и всево Освященного собору и бояр и приказных людей и дворян, государь царь и великий князь Борис Федорович Всея Руси бояр и воевод и дворян пожаловал, велел на той службе быть всем без мест; да и в Розряде государь... велел записать, что на нынешней службе бояром и воеводам и приказным людям и дворяном всем быти без мест¹¹⁷. Нет

¹¹⁰ Реестр. № 733–740; РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 3. С. 1148; Соловьев С. М. Сочинения... Кн. IV. М., 1989. С. 283.

¹¹¹ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства. М., 1978. С. 148; Шмидт С. О. Становление... С. 296.

¹¹² Скрынников Р. Г. Борис Годунов. Гл. 9. Земский собор 1598 г.; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 224–227.

¹¹³ Скрынников Р. Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1980. С. 139–142.

¹¹⁴ Там же. С. 132.

¹¹⁵ Скрынников Р. Г. Борис Годунов. С. 120.

¹¹⁶ Черепнин Л. В. Земские соборы... С. 148. По мнению Р. Г. Скрынникова, Годунов пошел на провокацию – вести были ложные. См.: Скрынников Р. Г. Борис Годунов. С. 123.

¹¹⁷ РК 1598–1636. С. 16.

нужды доказывать, насколько существенно для Бориса было в этот момент полное единовластие в войсках, не говоря уже об объединении в одном указе «чести» всех – от бояр до приказных людей. В ином разряде имеется существенное дополнение: «Покаместа государство утвердитца, чтоб в том земскому делу порухи и мотчанья не было»¹¹⁸. Одновременно с «ласкательством» дворянства в месте сбора, в огромном и роскошном военном лагере в Серпухове, новая власть жестко ставила на место ослушников. Согласно формулировке «Пространной редакции» разрядных книг – «как сел царь Борис Федорович на Московское царство, и быть бояром и воеводам на ево государеве службе на берегу и в украинских городах без мест, ково с кем ни пошлет в полку для тово, чтоб было государево дело поспешно»¹¹⁹. Так, был наказан заместничавший с М. Г. Салтыковым И. О. Полев (очень сурово – выдан головой)¹²⁰. В записанных под хронологически близкими числами местничествах кн. Ромодановских с кн. И. А. Татевым специально отмечено, что это случилось «до государева приговору»¹²¹. Годунов, впрочем, не ограничился вышеуказанным приговором и дополнил его расширительными актами. Обычно безместие бывало строго ограничено как хронологически, так и «географически» на время и место действия военного приказа – разряда. Выехав в конце апреля к войску, Борис распорядился: «Тово же году апреля в день царь и великий князь указал, которым бояром и приказным людям и дворяном, и как которым чином с ним, государем быть в ево государевом полку и в походе; и велел государь быти без мест»¹²². Распространив указ на свой «государев» полк, Борис не оставил без внимания и положение в покидаемой им Москве. Полицейской службой руководили объезжие головы. И потому «... в тот год по государеву указу в береговом розряде и в походе з государем и кому из какова государева дела приказано было на Москве и объездным, все были без мест... А хто государю бил челом на ково о местах, и на тех была государева опала»¹²³. И действительно, местничества до осени 1598 г. в полках практически прекратились¹²⁴. В принципе Годунов не покушался на заведенные порядки, о чем

¹¹⁸ РК 1550–1636. Т. 2. С. 140–141.

¹¹⁹ РК 1475–1605. Т. 4. Ч. 1. С. 17.

¹²⁰ РК 1598–1636. С. 19.

¹²¹ Реестр. № 751, 752.

¹²² РК 1475–1605. Т. 4. Ч. 1. С. 25.

¹²³ Там же. С. 28–29.

¹²⁴ В мае – июне известно 7 столкновений, из которых 3 относятся к рындам, 2 – к объезжим и осадным головам (Реестр № 756–760), в решении по одному делу напомнили о безместии (Там же. № 761), а также получившее большой резонанс дело кн. Ф. А. Ноготкова против Ф. Н. Романова, политически выгодное царю Борису (Реестр № 762 – см. библиографию).

свидетельствовала и его Утвержденная грамота¹²⁵, а активно использовал их в своих политических интересах. Спустя два года укрепившийся на престоле Борис нанес новый удар по традиции предъявлять местнические претензии во время серьезных военных событий. При известии о весеннем «приходе крымских людей» хана Казы-Гирея царь собрал (3 или 9 мая 1601 г.) совещание, очень напоминавшее земский собор. Отношения с ханом в это время вызывали сильные опасения у Бориса, поскольку из-за негибких действий тогдашнего посла в Крым кн. Ф. Барятинского можно было ожидать разрыва¹²⁶. Наиболее подробно рассказ о совместном решении Боярской думы и Освященного собора изложен в Разрядной книге 1598–1636 гг.: «Маия в 3 день у государя... Бориса Федоровича... был в передней избе патриарх Иов и... бояре все. И государь... говорил... вести есть подлинные с поля, что крымской царь Казы-Гирей наготове... И яз сам готовы идти... А бояром мы о том говорили... И бояре промышляют худо и оплошно, по ся место росписи по полком не утвердили за свои места. А дворяне и дети боярские и иноземцы и всякие люди в полки приехали, а воевод в полках нет. И мы ныне о том бояром говорили, чтоб промышляли... и роспись бы по полком утвердили. И государю... патриарх говорил: – Я, государь... призывал к себе бояр и о том им говорил, чтоб они твоим государевым... делом... промышляли и о росписи приговорили, как им быти по полком... помятовали б оне то, на чом тебе государю крест целовали и души свои тебе государю дали; и они то делают негораздо, что по ся места росписи не утвердят и промышляют оплошно. И государь говорил Иеву патриарху: – Помыслели есмя о том, чтоб ныне для нашего дела и земскова бояром нашим и воеводам быть в полках всем без мест. И о том как ты, отец наш и богомолец святейший Иов патриарх укажешь – добро ли бояром нашим и воеводам для нашева дела и земскова ныне быть без мест? и патриарх Иов и митрополиты и архиереи и епископы и бояре все били челом государю...: Чтоб ты, великий государь, пожаловал бояр и воевод для своего государева дела и земскова в полках велел быть без мест. И только государь так пожалуешь для своево государева дела и земскова бояр своих и воевод, велишь быти в полках без мест, и то, государь, твоя государева великая милость. И государь... приказал Иева патриарха и всего собору и боярское челобитье и приговор записати, что ныне бояром и воеводам быти без мест»¹²⁷.

¹²⁵ ААЭ. Т. II. СПб., 1836. С. 39–40.

¹²⁶ Новосельский А. А. Борьба Московского... С. 47. Сведения о подготовке набега оказались ложными.

¹²⁷ РК 1598–1636. С. 103–105.

Мы сочли необходимым привести практически весь этот почти летописному пышный текст, однако отметим, что Л. В. Черепнин не упомянул это совместное заседание Думы и Освященного собора, видимо, не причисляя его к земским соборам, хотя и фразеология текста речи Бориса, и причины созыва думных и церковных сановников, и выступления Иова весьма напоминают запись 1604 г., которую В. И. Корецкий считал записью о соборе¹²⁸. В разрядных книгах других редакций записи об этом приговоре весьма кратки. В Пространной редакции, в частности: «...мая в 9 день... а приговорил царь и великий князь с отцем своим и богомольцем с патриархом Иевом, что быти бояром и воеводам в полках, и в полках и в объезжих головах во все лето без мест»¹²⁹. В разрядной книге, недавно обнаруженной Ю. В. Анхимюком, запись еще лаконичнее: «А тот розряд уложил государь с патриархом без мест и со всем Вселенским собором и з бояры»¹³⁰. Обратим внимание на подчеркивание «соборности» и «освященности» этого более чем мирского акта. Почему Годунову потребовалось столь пышно обставить его принятие? Осенью 1600 г. он, видимо, тяжело болел, возможно, не совсем оправился и к апрелю – маю 1601 г., похоже, ощутил, что одного государева слова будет недостаточно. Местничества действительно резко сократились. С февраля по апрель 1601 г. их было не менее 10¹³¹, а с мая по конец года ни одного – в полках, два по мелким придворным поводам и три – в Смоленске¹³². Правда, продолжались некоторые дела; но их, однако, судьи старались привести к безместному решению¹³³. Последний известный нам указ о безместии в береговом разряде «годуновского» времени относится к весне следующего, 1602 г. Правда, обставлен он был вполне буднично: «Того ж году марта 5 день, велел государь царь и великий князь Борис Федорович всяя Руси быти на своей государевой службе на украине по полком. Диак розрядной Сапун Обрамов сказал государево слово, что государь пожаловал, приговорил службу воеводам всем без мест»¹³⁴. В Государевом разряде 1598–1604 гг. запись еще короче: «...а бояр и воевод и голов государь... и сын его... пожаловали, велели им на той своей государевой службе быть без

¹²⁸ Черепнин Л. В. Земские соборы. С. 148–149; РК 1598–1636. С. 160–161.

¹²⁹ РК 1475–1605. Т. 4. Ч. 1. С. 124. Именно здесь прибавлено безместие объезжих голов.

¹³⁰ Анхимюк Ю. В. Разрядная книга 1598–1602 гг. // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 404.

¹³¹ Реестр. № 818–827, 830.

¹³² Последние случаи особенно заняты. Пока Ф. С. Конь возводил знаменитую крепость, четверо приставленных к «городовому делу» воевод увлеченно местничали (Л. И. Аксаков, князь В. А. Звенигородский, В. Г. и И. Г. Щербатые), что, видимо, не особо волновало правительство. См.: РК 1598–1636. С. 113–114.

¹³³ РК 1598–1636. С. 83.

¹³⁴ Анхимюк Ю. В. Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 409.

мест¹³⁵. Если предположить правильность даты указа (4 или 5 марта 1602 г.), то следует заключить, что вопреки ему местничества назначенных в этот разряд в апреле продолжались, причем вполне безнаказанные, некоторые даже с победами истцов¹³⁶.

6.1.3. Безместие в полковых разрядах в эпоху Смуты

В Смутное время безместие объявлялось, видимо, крайне редко. Зависело это, по всей видимости, от ситуации в государстве – если на престоле находился царь, то разряды записывались, а значит, были и «места». Особым «взрывом» местничеств выделяется время царствования Василия Шуйского. Способствовал этому невысокий авторитет его правительства, потерпевшего серьезные военные неудачи, связанные и с местническими столкновениями. Возможно, царю Василию не хватало сил на провозглашение и осуществление затрудняющих местничество мер, не особо популярных у знати, которой он был обязан своим тронном. Особняком стоит безместие, указ о котором был принят всего один раз и в самой «крайней» ситуации. На рубеже ноября – декабря 1606 г. развернулось генеральное сражение за Москву с повстанческой армией И. И. Болотникова. Заняв Коломенское, Данилов монастырь и устроив укрепленный лагерь в с. Заборье близ монастыря, Болотников осадил город¹³⁷. Разрядный приказ назначил два полка: один – кн. И. И. Шуйского, А. В. Голицына и М. Б. Шеина, а в другой – кн. М. В. Скопина-Шуйского, И. В. Голицына и Б. П. Татеева: «...и царь Василей послал на воров бояр и воевод без мест»¹³⁸. В ходе боев повстанцы потерпели поражение, царские войска «воров многих побили, а которые стояли в Заборье, тех всех взяли, и вор Ивашка Болотников... побежал в Колугу»¹³⁹. Таким образом, этот указ мог способствовать победе правительственных войск. 17 февраля 1609 г. произошла попытка переворота, но Шуйскому удалось удержаться у власти. Москва продолжала оставаться в блокаде тушинцев, но к концу зимы войска М. В. Скопина-Шуйского и Я. Делагарди находились уже в Александрове, а тушинский лагерь в январе – феврале

¹³⁵ РК 1598–1636. С. 122.

¹³⁶ РК 1475–1605. Т. 4. Ч. 1. С. 130–132; Реестр. № 837–841. Из них сохранилось и опубликовано дело Ю. Г. Пильмова – кн. Ф. И. Лыкова, 7–8 апреля 1602 г. И хотя «Юрью сказали бояре, а велели ему быти в Шацком и уберегати шацких мест», суд тем не менее тут же состоялся. См.: РИС. Т. II. С. 214–266.

¹³⁷ *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. М., 1951. С. 319–323; *Скрынников Р. Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 138–141.

¹³⁸ БРЗ. С. 10.

¹³⁹ Там же.

1610 г. распался¹⁴⁰. В этих условиях был объявлен второй и последний указ о безместии в царствование Василия Шуйского. Вероятно, 3 марта 1610 г.¹⁴¹, перед приходом кн. М. В. Скопина-Шуйского, «...и с весны велел царь Василей расписать по Деревянному городу... И по той росписи стояли бояре и воеводы без мест до князь Михайлова приходу Васильевича Шуйского»¹⁴², т.е. о есть до 12 марта, когда угроза осады со стороны Калужского вора была снята. Безместие в этот период было объявлено, возможно, в связи с тем, что оборона города «по воротам» оказалась расписана между едва ли не всеми наличными в тот момент членами Боярской думы: в составе 21 воеводы было 11 бояр (в том числе Д. И. Шуйский, Ф. И. Мстиславский, В. В. Голицын, И. Н. Романов, И. М. Воротынский), 2 окольных и 1 думный дворянин. В такой ситуации конфликты были неизбежны¹⁴³.

Наиболее известный акт о безместии эпохи Смуты – это приговор, принятый правительством I Ополчения во главе с П. П. Ляпуновым, кн. Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким. Как «любопытное» выделяет С. А. Белокуров следующее разрядное свидетельство: «А московские люди из всех городов, советовав с Прокофьем Ляпуновым, пришли под Москву того ж году впервые на Страстной недели, а большие люди пришли князь Дмитрей Тимофеевич Трубецкой на Святой недели. А приговорили, что быти у всяких дел без мест, покамест Бог очистит от поляков Московское государство и государя Бог даст»¹⁴⁴. Собственно акт о безместии в числе других, принятых Ополчением, был наиболее самоочевидным фактом – в отсутствие единственно возможной апелляционной инстанции – монарха, для служилых людей «честных родов» это стало единственной возможностью без «поруки чести» подчиниться правительству во главе с городовым дворянином и тушинским боярином из казаков. Сохранился этот приговор лишь в составе разрядных записей. В текстах официальных актов I Ополчения его, однако, нет. В крестоприводной записи I Ополчения (апрель 1611 г.) его участники только клялись «меж себя смутных слов никаких не вещати и дурна никакого не вчинити... и лиха никоторово никому меж себя ни под кем

¹⁴⁰ БРЗ. С. 215; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 269; *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские... С.157–158; *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 460.

¹⁴¹ «Лета 7117 го году государь... приговорил с своими государевыми бояры... в Большом в Деревянном городе быть по местом... для воровских людей приходу марта в 3 день...» См.: БРЗ. С. 150.

¹⁴² БРЗ. С. 16.

¹⁴³ Там же. С 16, 150.

¹⁴⁴ Там же. С. XX, 166.

не вчиняти и ни в чем не чинити»¹⁴⁵, в чем трудно усмотреть запрещение местничества. Историография традиционно связывает этот акт с Приговором 30 июня 1611 г., однако в тексте последнего он также отсутствует. Статья 21 Приговора учреждала в составе правительства I Ополчения Разрядный приказ и восстанавливала разрядное делопроизводство, «чтобы впредь всяких ратных людей служба в забвеньи не была... а послуги писать про себя в правду... а не лгати»¹⁴⁶, т.е. возрождалась практика записи и контролирования разрядов¹⁴⁷. Трудно согласиться с оценкой Р. Г. Скрынникова, утверждающего, что «земская конституция (т.е. Приговор 30 июня. – Ю. Э.) поставила вне закона изменных бояр, что молчаливо предрешило судьбу местничества. Назначение «казачьего» боярина И. М. Заруцкого членом комиссии грозило стать первой ступенькой на пути к полному упразднению устаревшей местнической системы»¹⁴⁸. Факты свидетельствуют, что местнической системе ничего не угрожало. Во-первых, как мы выше отметили, в Приговор это постановление не вошло¹⁴⁹. Во-вторых, объявление каких-либо личностей, даже находившихся в самых верхах местнической иерархии, изменниками или любые иные репрессии не затрагивали саму систему. То же можно сказать и о худородных «выдвиженцах» Смуты. Все они в тогдашнюю систему инкорпорировались, и печальная судьба И. М. Заруцкого и Ф. Андронova – не более чем следствие их неверных политических шагов. Участь же членов Семибоярщины после освобождения Москвы также не дает основания для подобных выводов – они сохранили свое местническое положение.

6.1.4. Безместие в полковых разрядах в «романовский» период

6.1.4.1. Безместие в «береговом» разряде

Романовская эпоха характеризуется, судя по сохранившимся известиям, строгим упорядочением безместия в «береговом» разряде «для приходу» крымцев, ногайцев и других набегов. Разрядные книги зафиксировали подобные указы за 1613–1616, 1622, 1633, 1638–1648, 1650–1652,

¹⁴⁵ СГГД. Т. II. С. 538.

¹⁴⁶ РЗ. Т. 3. М., 1985. С. 49.

¹⁴⁷ Недоразумением является встречающееся в историографии мнение, относящее этот приговор о безместии ко II Ополчению. См.: Эскин Ю. М. Смута и местничество // Архив русской истории. Вып. 3. С. 49.

¹⁴⁸ Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский. М., 1981. С. 207.

¹⁴⁹ Возможно, справедливо мнение А. Л. Станиславского, писавшего, что Приговор 30 июня 1611 г. «составлялся, вероятно, довольно спешно, что и вызвало некоторые неясности в его тексте». См.: Станиславский А. Л. Гражданская война в России в нач. XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 37.

1654, 1655, 1659–1662 гг. Пробелы в хронологии объясняются, по нашему мнению, во-первых, неполнотой источников, а во-вторых, тем, что при объявлении берегового разряда безместие стало как бы подразумеваться (о чем будет сказано ниже); а в-третьих, часть пробелов попадает на годы объявления больших войн (с Польшей, Турцией и т.д.).

Указы, традиционно объявлявшие безместие в разряде на берегу, прослеживаются уже с осени 1613 г.¹⁵⁰ В этот период силы Крыма были скованы турецко-польской войной, и татары совершали набеги на земли, подчиненные Речи Посполитой. Однако размах операций и одной Ногайской Орды был весьма значителен – в 1613 г. ногаи дошли до Домодедова под Москвой, в 1614 г. они также были у столицы и до 1615 г. не покидали южных пределов России¹⁵¹. Форма первого из указов о безместии традиционна: «Того же году государь... указал быти на украине для приходу крымских и ногайских людей воеводам по полкам без мест, а с ними людем...» (далее следует список)¹⁵². В зависимости от конкретных обстоятельств к указам этим прибавляются осадные разряды по Москве. Так, в следующем, 1614 г. «...по ногайским вестям... мая в 12 день указал государь для приходу крымских и ногайских людей быть бояром и воеводам на Москве по местом; а быть им всем без мест»¹⁵³. Аналогичное распоряжение дается в 1615 и 1616 гг.¹⁵⁴ В результате этих указов местничество хотя и не исчезло вовсе, но было значительно укрошено в береговых разрядах. Сведения об этих указах прерываются в разрядах после 1616 г. и возобновляются только в марте 1622 г., когда после нескольких лет затишья были совершены довольно крупные набеги на крайины силами ногаев и Кадыева улуса¹⁵⁵. Тогда на берегу велено было быть без мест только меньшим воеводам¹⁵⁶. Очевидно, верхушка Государева двора воспринимала эти указы и приговоры без энтузиазма (недаром во время шедших тогда же боевых действий с «лисовчиками», шведами и «русскими ворами» местничества продолжались). На это косвенно указывает прецедент 1633 г., уже во время Смоленской войны, когда было объявлено безместие на «западном фронте». Пока большая часть войск находилась под Смоленском, татары использовали ситуацию для усиления (с 1631 г.) своей активности; наиболее мощным был набег 1633 г.¹⁵⁷

¹⁵⁰ РК 1598–1636. С. 277, 288; ДР. Т. 1. С. 131.

¹⁵¹ Новосельский А. А. Борьба Московского... С. 75–77.

¹⁵² РК 1598–1636. С. 277.

¹⁵³ Там же. С. 288; ДР. Т. 1. С. 131. МИМ. С. 228.

¹⁵⁴ ДР. Т. 1. С. 177 (в 1616 г.); с большими подробностями – детально по Белому и Деревянному городам и по воротам (КР. Т. 1. С. 199; ДР. Т. 1. С. 228).

¹⁵⁵ Новосельский А. А. Борьба Московского... С. 150–152.

¹⁵⁶ ДР. Т. 1. С. 505.

¹⁵⁷ Новосельский А. А. Борьба Московского... С. 210–216.

Тогда в украинном разряде решение о безместии было принято только после обширного конфликта 30 марта 1633 г. (9 местнических столкновений)¹⁵⁸. Эти обстоятельства, вероятно, и вызвали к жизни указ, принятый в начале апреля 1638 г. Суть его сводилась к тому, что единоначалие вручалось отныне первому воеводе большого полка. Наиболее подробно указ зафиксирован в Государевом разряде: «И говоря з бояры, указал государь... быти на своей государевой службе на украине бояром и воеводам князю Ивану Борисовичю Черкасскому с товарищи, а товарищем... князя Ивана Борисовича бояром и воеводам указал государь быти всем с одним с... Иваном Борисовичем, а меж себя бояром и воеводам кроме боярина... Ивана Борисовичя указал государь быти без мест»¹⁵⁹. В Дворцовых разрядах указ изложен скупее и лаконичнее. Просто записано, что государь указал «быть [на берегу] без мест, и стоять по своим городам, где кому указано, и никому ни на кого не бить челом, кто с кем ни будет, а писать изо всех мест на Тулу к одному боярину князю Ивану Борисовичю Черкасскому, а к государю писать князю Ивану Борисовичю в отписках одному с товарищи»¹⁶⁰. В Разрядной книге 1598–1636 гг. за первой частью указа следует раздел о порядке подчинения и переписки: «А по вестям изо всех мест бояром и воеводам указал государь быть в сходе всем с одним боярином и воеводой со князем Иваном Борисовичем... и от государя в грамотах писать к боярам и воеводам ко князь Ивану Борисовичю... с товарищи; так же и к государю в отписках писатися...»¹⁶¹. Далее следует третья, «местнически-разъяснительная» часть указа: «И вперед нынешним розрядом боярина и воеводы князя Ивана Борисовича с товарищи бояром и воеводам никому ни с кем не считатца, и нынешняго розряду в счетных в отеческих делах в случаях своих не писати и к счетным делам тех случаев ни у кого не имати»¹⁶². Этот пункт был необходим ввиду возможности использования прецедента «безместия» некоего «худородного» лица в споре с «великородным» и тем самым позволял включить указ в систему местнического обычного права. Четвертый, «репрессивный» пункт был весьма детален: «А хто мимо сего государева указу нынешним розрядом в отечестве на ково учнет государю бить челом, или хто учнет ково в отечестве попрекать, и тем людем от государя быти в опале и в большом

¹⁵⁸ ДР. Т. 2. С. 323–324: «...и были воеводы на службе без мест...»; МИМ. С. 512; Реестр. № 1309–1317.

¹⁵⁹ РК 1598–1636. С. 322. Причем сам кн. Черкасский располагал, очевидно, возможностью местничать в то же время с лицами в свою «версту», например при дворе. Это обстоятельство «кроме» – было оговорено специально для влиятельного царского родственника.

¹⁶⁰ ДР. Т. 2. С. 568–569.

¹⁶¹ РК 1598–1636. С. 324.

¹⁶² Там же.

наказанье и в ссылке». В пятом разделе велеречиво разъясняется цель указа: «...чтоб с Божию помощью бояром и воеводам князю Ивану Борисовичю... с товарищи будучи по местом со всеми ратными людьми от бусурман Московское государство оберечь и православных крестьян в плен и расхищенье не дать»¹⁶³. Далее указ предписывает всем воеводам «изо всех мест» подчиняться кн. И. Б. Черкасскому, «покаместа... они с ним в сходе не будут». Ниже приводится полная запись об объявлении указа: «И указал государь... тот свой государев указ сказати бояром и околничим и думным людям и стольником и стряпчим и дворяном московским всем вслух, чтоб тот государев указ всяких чинов людям был ведом, чтоб однолишно нынешним государевым указом ни от ково ни на ково в отечестве челобитья не было. И тот свой государев указ указал государь в Розряде записать. И апреля в 12 день государев... указ бояром и окольничим и думным людям и стольником и стряпчим и дворяном московским и всяким служилым людям сказан»¹⁶⁴. Возможно, указ был принят в связи с уроком, полученным в прошлом году, когда в ответ на взятие донскими казаками Азова крымцы учинили мощный набег (в сентябре 1637 г.)¹⁶⁵. Указ этот сохранял силу и по отпуске больших воевод. Когда 24 сентября 1638 г. на осень были оставлены меньшие воеводы, известный писатель кн. С. И. Шаховской попытался, будучи на Кропивне, заместничать со старшим из меньших воевод кн. С. И. Велико-Гагиным. Ему сначала просто отказали, а затем делу было, вероятно, придано более важное значение и он подвергся суровому наказанию: в приговоре Семену Ивановичу сказано, что «...ты государева указу не послушал, что велено всем без мест... и государь указал и бояре приговорили... и за то тебя государь приказал сослать в Сибирь»¹⁶⁶. В последующие годы указ о безместии, аналогичный указу 1638 г., повторяется в более кратких формулировках до 1653 г. практически ежегодно в марте – мае¹⁶⁷, менялись только имена первых воевод; иногда указ объявлялся ранее – в январе – феврале¹⁶⁸, иногда – дважды, как в 1645 г. (3 января – с кн. А. Н. Трубецким на Туле, а с 1 марта –

¹⁶³ РК 1598–1636. С. 324.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Новосельский А. А. Борьба Московского... С. 260, 264–266.

¹⁶⁶ ДР. Т. 2. С. 590, 599–600.

¹⁶⁷ ДР. Т. 2. С. 605, 625, 626, 656, 681, 701–702, 735, 753; ДР. Т. 3. С. 25, 29, 37, 58, 164, 251–252, 312; РИБ. Т. 10. С. 456–457; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 171. Ч. 3. Л. 143; Ст. 217. Л. 400–402.

¹⁶⁸ Указ о безместии 1640 г. воевод в разряде с кн. А. Н. Трубецким был принят 25 февраля (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 157. Стп. 4. Л. 63). После декабря 1652 г. был объявлен указ воеводам Белгородского и Севского разрядов сходиться без мест с кн. Г. С. Куракиным; безместие указано было и всем осадным воеводам (АМГ. Т. 3. С. 305–306).

с кн. Н. И. Одоевским на Ливнах)¹⁶⁹. Челобитчики – местники часто наказывались¹⁷⁰. В 1640 г. кн. Ф. С. Куракину, заместничавшему с кн. А. Н. Трубецким, за «воровство и измену» пригрозили Сибирью и конфискацией поместий и вотчин¹⁷¹. В 1642 г. в связи с местничеством в украинном разряде И. С. Колтовского с Г. Г. Пушкиным Разрядный приказ указывал, что безместие всех воевод «в нынешнем 150-м году», которым «велено быть с одним тульским большим воеводою», осуществляется «против нашего указа 146 году» (последний далее именуется также «уложением 146 году»); и поскольку Колтовский «всчал челобитье мимо нашего указа», его велено было посадить на три дня в тюрьму¹⁷². Указом от 23 апреля 1651 г. прямо предписывалось руководствоваться тем же указом или уложением 146 (т.е. 1638) г.¹⁷³ Пытавшиеся местничать по этим назначениям, как уже говорилось выше, наказывались. Например, когда после указа в 1647 г. А. В. Клепиков-Бутурлин бил челом на кн. Г. Д. Долгорукого, думный дяк И. Гавренев сказал ему, что, во-первых, он бил челом не делом, не послушав государева указа, а во-вторых, «перед Долгорукими ты молодой человек». Таким образом, старые местнические резоны еще сохраняют некоторое значение; тут же имеется запись о наказании Ф. А. Лодыженского, заместничавшего с Бутурлиным; за бесчестье последнего он был посажен в тюрьму¹⁷⁴. Возможно, тюрьма стала наказанием за нанесение «бесчестья» лицу, выполнявшему царский указ о безместии; инициаторы конфликтов, как видим, наказаны были в обоих случаях (в осуществление указа). Некоторые же «резоны» могут оказаться и плодом фантазии частных редакторов – переписчиков разрядных книг. Указ о безместии мог объявляться и позднее в течение года: например, не состоявшийся тогда же второй безместный разряд по вестям был назначен 20 июля¹⁷⁵; не всегда он распространялся на осень (можно привести в пример безместный разряд 7 ноября 1650 г.)¹⁷⁶. Последние сведения об «украинном» разрядном безместии относятся к 1656–1661, 1664 и 1673 гг. в Белгородском и Тульском разрядах¹⁷⁷, а также 1678–1680 гг., когда подтверждались общие указы по разряду против турецко-татарского театра

¹⁶⁹ ДР. Т. 3. С. 25, 29–30.

¹⁷⁰ Там же. Т. 2. С. 626, 656; Т. 3. С. 25, 58, 164.

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 157. Стп. 4. Л. 63.

¹⁷² Там же. Ст. 171. Ч. 3. Л. 143–145.

¹⁷³ Там же. Ст. 229. Л. 232–233: «А указал государь тем всем воеводам быть с одним с окольниковим и воеводою со князем Федором Юрьевичем Хворостининым меж себя без мест против указа блаженные памяти великого государя... Михаила Федоровича... прошлого 146-го году».

¹⁷⁴ ДР. Т. 3. С. 58–61.

¹⁷⁵ Там же. С. 96.

¹⁷⁶ Там же. С. 164 («Сказка была, а посылки не было, потому что вести переменялись»).

¹⁷⁷ Там же. С. 910; ДДР. С. 232, 233, 254, 271; МИМ. С. 527.

войны – указы как в форме сказок на Постельном крыльце при отпуске, так и в форме разрядных записей о безместии с первым воеводой: «А указал великий государь бояром и воеводам быть против прежняго своего государева указу всем без мест»¹⁷⁸. 10 июня 1664 г. кн. С. И. Львов, прибыв вторым воеводой в Белгород к боярину А. А. Репнину, спросил у него, прислан ли уже указ о безместии, и, когда узнал, что еще нет, отказался сидеть со всеми в съезжей избе; Репнин спешно написал в Москву, и указ уже 15 июня был послан¹⁷⁹. С указами о безместии того же типа связан еще один акт, ограничивающий местнические отношения. В разрядном делопроизводстве адресат и адресант писались полностью – сначала первый воевода, затем остальные в порядке, который сам мог стать предметом спора. Возможно, поэтому уже в 1638 г. появился указ об адресовании всех грамот и отписок как «сверху» – из приказа, так и «снизу» – от прочих воевод, только первому воеводе без упоминания остальных¹⁸⁰. Воеводы явно противились этой мере, что вызывало ее подтверждение. В частности, 2 апреля 1655 г. боярину В. П. Шереметеву Разрядный приказ предписывал: «...а изо всех полков бояром и воеводам в отписках своих велено писатися одному с товарищи, а они в отписках своих пишутся все именами. И они б впредь в отписках своих писались против прежняго государева указу – “боярин и воевода Василий Петрович Шереметев с товарищи”»¹⁸¹. Подтверждалось безместие с первыми воеводами – кн. М. А. Черкасским и кн. В. В. Голицыным: 14 февраля 1679 г. – «А в нынешнем розряде указал... государь... всех полков бояром и воеводам быть с одним... со князь Михайлом Алегуковичем, а меж себя им... быть без мест»; 2 ноября того же года – «а быть бояром и воеводам всем с ним... со князь Васильем Васильевичем, а меж себя без мест»¹⁸².

6.1.4.2. Безместие, объявлявшееся в период важных военных кампаний XVII в.

Первый указ о фактическом безместии воевод в назначаемом разряде нового московского правительства опередил даже официальное вступление Михаила Романова в царствующий град. 3 апреля 1613 г. от имени избранного уже Михаила Федоровича дается наказ кн. Ю. Е. Сулешеву и кн. Н. П. Барятинскому, посланным в погоню к Астрахани за

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 611. Стп. 2. Л. 20.

¹⁷⁹ Там же. Оп. 12. Ст. 564. Л. 106–109.

¹⁸⁰ «А писати изо всех мест на Тулу к одному боярину и воеводе князю Ивану Борисовичю Черкасскому, а к государю писать князю Ивану Борисовичю в отписках одному с товарищи» (ДР. Т. 2. С. 568–569).

¹⁸¹ АМГ. Т. 2. С. 402.

¹⁸² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 611. Стп. 2. Л. 22, 51.

опаснейшим врагом нового режима – И. М. Заруцким с «Маринкой» и «воренком». «И меж себя на государевой службе быти в совете, и розни б у них в службе некоторые меж них не было, чтоб их рознью государеву и земскому делу некоторые порухи не учинилось»¹⁸³. В дальнейшем возрождается практика выработки и утверждения актов о безместии на длительный срок важной военной кампании. Первый из них в XVII в. – Соборное определение от 26 (27) июня 1618 г., объявившее безместие на один год в связи с «королевичевым приходом»¹⁸⁴. Официальный текст Соборного определения имеется в разрядных подлинниках (КР). Л. В. Черепнин отмечал, что трудно определить полноту собора и какое определение из сохранившихся наиболее точно¹⁸⁵. Официальным следует, видимо, считать текст КР: «Того ж году июля в 27 день государь... говорил с митрополитом Ионою Сарским и Подонским и с архиепискупы и с архимариты и с игумены и со всем Освященным собором и с бояры и с околничими и с думными людьми. Посылает он государь бояр и околничих и стольников и стряпчих и дворян в города в воеводы, и на Москве в городех для своих государевых дел; и бояре и околничие... меж себя считающа и бьют челом ему государю о местех; и за тем ево государеву делу ставитца мотчанье; и ныне б бояром и околничим... и всяким людем в воеводах и у всяких дел по нынешним по литовским вестем быти без мест, чтоб ево государеву и земскому делу порухи и мотчанья не было. И на Соборе государь... приговорил с митрополитом... и со всем Освященным собором с бояры...: Бояром и околничим и стряпчим и дворяном и всяким людем быти на нынешних государевых службах; и вперед до 128 году на Москве и в городах и в посылках в воеводах и у всяких дел без мест. И кто с кем по сему государеву указу и по приговору будет на государевых службах, и им вперед теми службами не считатца и в место не ставити; и государю и бояром никому ни на кого не бити челом»¹⁸⁶. 9 сентября на соборе приговор, видимо, велено было записать в Разряд, когда «великий государь... против недруга... обещался стоять и на Москве в осаде сидеть»; тогда же объявлена была безместная роспись по полкам¹⁸⁷. Частные комментаторы особо отмечали это безместие – «кто с кем ни будет, тем вперед не тягатца, и в Розряде государь записывать не велел», и что «велел тот приговор записать в Розряде»¹⁸⁸. Еще и спустя много лет Разрядный приказ разъяснял, что «в том году по государеву указу мест никому ни с кем не

¹⁸³ РК 1598–1638. С. 276.

¹⁸⁴ КР. Т. 1. С. 560, 565–566; ДР. Т. 1. С. 342 (прим.); МИМ. С. 511–512; Черепнин Л. В. Земские соборы. С. 227.

¹⁸⁵ Черепнин Л. В. Земские соборы. С. 227.

¹⁸⁶ КР. Т. 1. С. 560.

¹⁸⁷ Там же. С. 565–566.

¹⁸⁸ ДР. Т. 1. С. 342 (прим.).

было» – так, например, отвечали Г. Г. Пушкину в его деле с кн. А. М. Львовым в 1644 г.¹⁸⁹ Данный соборный акт также распространялся преимущественно на полковые назначения. В указанный год (последнее дело года фиксируется 28 августа 1619 г.) из примерно 18 случаев к воеводским можно отнести только 5, причем 2 из них – административные (посылки для сбора служилых людей), по крайней мере в одном случае подтверждено безместие¹⁹⁰, в двух случаях на указ ссылались истцы, окольниковый А. В. Измайлов (учинивший по этому поводу «шум» с кн. Г. П. Ромодановским) и известный в будущем писатель кн. С. И. Шаховской¹⁹¹; истцы по другим делам проигрывали¹⁹², три дела относились к рязанскому разряду и к весне–лету 1619 г., когда военная опасность потеряла остроту; решения по ним нет¹⁹³. Большая же часть местнических дел относилась к посольскому и придворному церемониалам в связи с мирными переговорами и встречей Филарета¹⁹⁴.

Спустя 14 лет аналогичный соборный приговор предварил начало Смоленской войны. Акт 1632 г. также делится на определенные разделы. В первом разделе указывается цель – Михаил Федорович, «советовав» с Филаретом, приказали «очистить... города, которые ныне под Литвою, под их государскую руку... И для б такие великие службы» – пишется во втором разделе, «воеводам и головам и всяким приказным людем, которые в той службе в полках и в посылках будут, быти без мест, покаместа та служба минетца, чтоб в том их государскому делу и земскому порухи не было»¹⁹⁵. Далее цели «государей» конкретизируются в указ: «И указал государь... и отец его государев... на той своей государевой службе бояром и воеводам и из полков посылочным воеводам и головам и дворяном, которые посыланы будут для их государева дела, в той службе быти без мест, покаместа та служба минетца, чтоб их государскому делу и земскому в местех порухи не было; и вперед бояром и воеводам и головам теми розряды не бить челом. Да и в Розряде государь... и отец его... тот свой государев указ велели записать»¹⁹⁶. «Дворцовые разряды», приводя более краткий вариант указа,

¹⁸⁹ ДР. Т. 2. С. 731. По словам Г. Г. Пушкина, посланного «большою неволею», царь Михаил Федорович ему якобы сказал: «Подожди де, как минетца королевичево дело, пожалую тебя, память велю выдать и счет в отечестве дать, или дать невместную грамоту; однолично де пожалую, и в отечестве вашем порухи не учиню» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 218. Л. 179–180).

¹⁹⁰ ДР. Т. 1. С. 341 (бояре М. М. Годунов – кн. А. В. Лобанов-Ростовский, подготовка острогов для обороны Москвы).

¹⁹¹ Там же. С. 383–384, 389.

¹⁹² Например, кн. Ф. А. Елецкий – кн. Б. М. Лыкову при посылке для сбора дворян в Н. Новгород (ДР. Т. 1. С. 358, 367–373; КР. Т. 1. С. 665–667).

¹⁹³ ДР. С. 407–408; Ф. 210. Оп. 17. Ст. 10. Л. 1–27.

¹⁹⁴ Реестр. № 1108, 1109, 1115–1117, 1119–1123.

¹⁹⁵ КР. Т. 2. С. 383.

¹⁹⁶ Там же.

вместе с тем сообщают дату его объявления – 3 ноября: «Думной дьяк Иван Гавренев всказывал, вышед из передних сеней на рундуке», а записать велено было «в Розряде, в книгу, и к тому указу им, думным дьяком Ивану Гавреневу да Ивану Грязеву велели руки приложить»¹⁹⁷. Точная дата начала собора по поводу войны с Польшей неизвестна. 11 ноября собором была, видимо, заслушана речь царя о причинах объявления войны и принято решение о новом внеочередном сборе запросных и пятинных денег¹⁹⁸. Не лишено вероятия, что приговор о безместии также был принят собором (если предположить, что последний начался до 3 ноября). Правда, в формуляре приговора отсутствуют характерные для соборных актов элементы; не имеется в нем и «репрессивного» раздела.

Постоянные конфликты с основным западным соседом – Речью Посполитой вынуждали остерегаться местнических столкновений даже в периоды относительно мирного состояния. Так, уже весной 1651 г., после февральского Земского собора, на котором основным вопросом было противостояние с Польшей и готовность Хмельницкого к принятию русского покровительства¹⁹⁹, назначалась роспись от «Литовские украины» (хотя и против татар): велено было «сшедшися, бояром и воеводам промышлять над воинскими людьми всем трем вообще, и меж себя быти бояром и околничему без мест»²⁰⁰ (очевидно, ввиду возможности захода за русские рубежи крымцев – тогдашних союзников казаков).

Указ и соборный приговор о безместии от 3 октября 1653 г. в связи с началом большой войны с Польшей (принятый после решения Земского собора 1 октября о согласии принятия Украины в подданство)²⁰¹ известен более других и по причине того, что связан был с важнейшим событием эпохи, и ввиду того, что объявление его сопровождалось доселе невиданными церемониями. Усиление церковного элемента в государственной идеологии того времени сказалось на том, что он провозглашался в Успенском соборе, в присутствии патриарха Никона²⁰². Формуляр указа усиливал начальную часть («богословие»), где опять, как при Михаиле Федоровиче, появляется второй «великий государь» – патриарх Никон²⁰³. В Разряде же было записано: «Указал государь... Говоря с бояры, бояром и околничим и думным людем и столником и стряпчим и дворяном на той службе быти

¹⁹⁷ ДР. Т.2. С. 298–299.

¹⁹⁸ Черепнин Л. В. Земские соборы. С. 245–248. ДР. Т. 2. С. 299.

¹⁹⁹ Там же. С. 325–327.

²⁰⁰ ДР. Т. 3. С. 254 (наряду с назначением безместия в обычной береговой росписи: Там же. С. 252).

²⁰¹ Черепнин Л. В. Земские соборы. С. 335–337.

²⁰² ДР. Т. 3. С. 377. МИМ. С. 527–529.

²⁰³ Соловьев С. М. Сочинения... Кн. V. М., 1990. С. 597.

по полком и в городах и в посылках и у всяких дел без мест, и никому ни с кем в отечестве не считатца, и нынешнего розряду в счетных в отеческих делах в случаях своих никому не писать, и к счетным делам тех случаев ни у кого не имать; а кто мимо его государева указу нынешним розрядом в отечестве на кого учнет государю бить челом, или кто учнет кого в отечестве попрекать, и тем людем у государя быть в опале и в большом наказанье и в ссылке и впредь тем людем в прежней своей чести вовеки не быть»²⁰⁴. Как видим, в формуляре помимо стандартных элементов резко усилен «репрессивный» раздел, напоминающий соответственные разделы указов о безместии «на берегу»²⁰⁵. Одновременно главному воеводе кн. А. Н. Трубецкому вменялось в обязанность (при вручении ему списков воевод) «любить и беречь» их «по их отечеству»²⁰⁶ – т.е. все же соблюдать определенные местнические нормы; отметим, что данные формулировки весьма напоминают соответственные же в «поучении» – элементе чина венчания на царство. Особенностью указа являлось его обращение к «детям боярским из городов»²⁰⁷, помимо чинов более высоких рангов, что косвенно может свидетельствовать о распространении местничества и в среде городского дворянства, хотя подтверждающей это документации почти не имеется. Уникальны и элементы ритуала объявления и протокола указа. Государь указал сказать указ «думному дьяку Семену Заборовскому перед собою государем в Соборной церкви», а главное – «сей государев указ велел записать в разрядную книгу и поволит он, великий государь... *закрепить свою государскою рукою* (выделено нами. – Ю. Э.); а кому на его государской службе быти бояром и воеводам, и тем изволил сказать сам он великий государь по росписи»²⁰⁸. Таким образом, если предыдущий указ «закрепляли» по царскому велению думные дьяки, то данный акт удостоился первого в отечественном делопроизводстве монаршего «рукоприкладства». В сохранившемся столбцовом варианте указа, выписанном с оригинала, вероятно в 1678 г., как образец для аналогичного указа царя Федора Алексеевича, имеется уникальная форма заверения – от первого лица: «И сесь наш государев указ велели записать в разрядную книгу; и закреплю я, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович Всея Руси, свою государскою рукою»²⁰⁹. Сам царь Алексей Михайлович, готовя текст «сказки» и чин объявления военных

²⁰⁴ ДР. Т. 3. С. 379.

²⁰⁵ См., например, указ 1638 г. – РК 1598–1638. С. 324.

²⁰⁶ Соловьев С. М. Сочинения... Кн. V. С. 598.

²⁰⁷ ДР. Т. 3. С. 377–378.

²⁰⁸ Там же. С. 378.

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 611. Стп. 2. Л. 2.

действий в Успенском соборе в 1654 г., собственноручно записал в черном плане «чина»: «А кому в каких чинах быть, [или]²¹⁰ а чинам [всем]²¹¹ быть по росписи, всем без мест, и написать против скаски...»; далее следуют конкретные распоряжения по лицам, а в самом низу царь приписал: «Сказав, совершить с крепостью скаску о местах»²¹². Все эти факты свидетельствуют, насколько важное значение придавало правительство именно режиму безместия в предстоящей кампании. Сроки действия указа обозначены не были, «нынешнюю службу», видимо, следовало понимать, как время до окончания войны. Местничеств воевод в этот период, по крайней мере до 1656 г., практически нет²¹³ – встречаются дела этикетные, придворные, о «недружбе»; местники же порой жестоко наказываются – кнутом и ссылкой в Сибирь²¹⁴. Порой били челом и о подтверждении указа²¹⁵. А. И. Маркевич полагал, что окончание войны с Польшей было воспринято служилыми людьми и как окончание действия указа; однако царь считал кампанию со Швецией продолжением войны и, соответственно, продолженным и режим безместия. Когда в феврале 1657 г. окольный кн. Д. С. Велико-Гагин в Полоцке заместничал с первым воеводой боярином кн. И. П. Пронским, он оправдывал свои действия так: «Я б на него не бил челом, потому что его государева служба сказана без мест, и то перво де служба местная»²¹⁶. Князю Д. С. Велико-Гагину напомнили указ «в Соборной апостольской церкви», недвусмысленно дав понять, что не ему определять время действия царских указов; и поскольку он «государя прогневил», то был отправлен на три дня в тюрьму и выдан головой Пронскому. На самом деле в действиях местников логика не вполне отсутствовала. Разобраться, какая служба безместная, а какая – нет, было не просто. Так, в январе 1655 г. при посылке из Вязьмы в Брянск воевод бояр кн. А. Н. Трубецкого и Ю. А. Долгорукого, окольных кн. С. Р. Пожарского и С. А. Измайлова им почему-то был дан отдельный указ о безместии²¹⁷, хотя действовал всеобщий указ. Во всяком случае, во время боевых действий против И. Е. Выговского (в 1657–1659 гг.) указ 1653 г. уже явно

²¹⁰ Так в тексте.

²¹¹ Зачеркнуто.

²¹² РГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. Оп. 1. Д. 86. Ч. 1. Л. 263.

²¹³ Вообще в эти годы их немного – см.: Реестр. № 1543–1556.

²¹⁴ КР. Т. 1. С. 479, 482; Ф. 210. Оп. 9. Ст. 262. Л. 140–145, 163–166; МИМ. С. 528–529.

²¹⁵ Ф. 210. Оп. 14. Ст. 157. Л. 26–27. (Князь Д. П. Львов, третий воевода, обнаружил, что в наказе первый воевода кн. Н. И. Одоевский написан не как положено по указам «с товарищи», а с именами подчиненных, что было ему невыгодно; так как тем самым фиксировалось его сравнительно низкое назначение, Львов бил челом о безместии, как бы предвосхищая мнения сторонников отмены местничества.)

²¹⁶ ДДР. С. 91–92; Ф. 210. Оп. 9. Ст. 285. Л. 356–357; МИМ. С. 529.

²¹⁷ ДР. Т. 3. С. 456.

не действовал, чем и объясняется распоряжение от 12 сентября 1658 г., когда посланным против него с кн. Ф. Ф. Куракиным окольным кн. С. Р. Пожарскому и С. П. Львову велено было быть без мест²¹⁸. В русле принимаемых мер, видимо, следует рассматривать и возобновление вышеупомянутого указа (известного по крайней мере с 1638 г.), о писании в отписках и грамотах имени одного воеводы с прибавкой «с товарищи». Разрядный приказ отмечал, что уже с 162 (1653/54) г. «...изо всех полков бояром и воеводам в отписках своих велено писаться одному с товарищи, а они в отписках своих пишутся все именами; и они б впредь в отписках своих писались против прежняго государева указу»²¹⁹. Видимо, воеводы пытались «явочным порядком» укрепить местнические отношения, но правительство отследило и предотвратило нарушение безместия. В то же время есть сведения, что полковое (воеводское) безместие продолжалось. 21 ноября 1658 г. в одном из дел упоминается: «Сказана сейчас вся служба без мест»²²⁰. За нарушение указа о безместии 1654 г. Разряд выговаривал 9 августа 1658 г. В. Н. Лихареву, пытавшемуся местничать с Л. П. Ляпуновым и кн. Г. Г. Ромодановским²²¹. При возобновлении боевых действий с Польшей в первый момент (весна 1659 г.) воеводы позволяли себе местничать. Так, головы при послах П. В. Шереметеве и кн. Н. И. Одоевском – кн. Ф. Н. Барятинский, А. Д. и Ф. И. Охотины-Плещеевы получили после неудачи переговоров приказ идти на помощь кн. Ю. А. Долгорукому, но отказались, за что были выданы Долгорукому головой (нарушение указа о безместии, правда, им не было поставлено в вину)²²². Возобновлен указ о безместии был, видимо, 18 июля 1660 г. В наказе тому же кн. Ю. А. Долгорукому, О. И. Сукину и М. П. Волынскому указано: «А быти им, Михаилу и Осипу на той службе с боярином и воеводой со князем Юрием Алексеевичем Долгоруким с одним, а меж себя быть им без мест»²²³. 22 сентября 1661 г. был опять подтвержден указ писаться в грамотах и отписках одному первому воеводе именем, а остальным – «с товарищи»²²⁴. В январе 1662 г. безместие подтверждено идущим под начало кн. Б. А. Репнина кн. Т. И. Щербатову и С. И. Львову на сбор войск в Новгороде – «быть меж себя без мест, и наказы им государь велел дать розные, каждому свой

²¹⁸ ДДР. С. 146; АМГ. Т. 1. С. 624. А. И. Маркевич считал, что кн. С. П. Львов мог сознательно нарушить указ и не помочь кн. С. Р. Пожарскому, в результате чего оба потерпели поражение под Конотопом. См.: МИМ. С. 534.

²¹⁹ АМГ. Т. 3. С. 456.

²²⁰ ДДР. С. 156.

²²¹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 299. Л. 42.

²²² ДДР. С. 183–185; Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1062. Стп. 2. Л. 3–52; MOM. С. 375, 510–513.

²²³ АМГ. Т. 3. С. 119.

²²⁴ Там же. С. 440.

наказ»²²⁵. Аналогичный наказ получил кн. С. И. Львов и в сентябре 1664 г., также при первом воеводе кн. Б. А. Репнине, причем до его получения отказывался сидеть с ним в приказной избе²²⁶. Видимо, перманентные боевые действия на Украине правительство все же считало единой войной; 17 мая 1668 г. «посылал государь против изменников черкас» кн. Г. С. Куракина, кн. П. И. Хованского и других. На отпуске всем велено было быть с Куракиным, однако начались местничества, в результате чего им указали, что «...по нашему великого государя указу и боярскому приговору нашей государской службе в полках воеводам мест всчинать не велено»²²⁷. Другим местникам по этому разряду разъяснялось то же, что они «всчиняют места, где мест не указано», и объявлялись наказания; Куракину же подтверждался наказ писаться «одному с товарищи, а не по имяном». Все эти недоразумения свидетельствуют о том, что служилые люди считали себя уже свободными от прежних обязательств и опять стали опасаться «порухи» своей чести, если их не «напишут»²²⁸. А. И. Маркевич объясняет местничеством воевод и поражение под Чудновом, приводя по С. М. Соловьеву высказывание кн. Ю. Н. Барятинского, что он повинуется указам царского величества, а не Шереметева; «много в Москве Шереметевых»²²⁹. А. П. Барсуков, однако, отрицает в данном случае местнический конфликт. Подробно рассматривая ход боевых действий октября 1660 г., он приходит к выводу о том, что Барятинский помочь не смог по недостатку сил и времени²³⁰. Отметим, что еще некоторые поражения русских войск в этот период приписываются местничеству воевод²³¹, однако в официальных источниках эти случаи не фиксируются, что, возможно, также являлось способом подтверждения официального безместия. В начале 1670-х гг. безместие, видимо, опять подтверждалось. А. Апухтин, второй воевода в Переяславе с 1671 г., в 1673 г. бил челом, что «боялся твоего государева гневу, опасен потому, что ныне во всех... походах по... указу велено везде быть без мест», однако все же заместничал с первым воеводой кн. В. А. Волконским и был наказан²³².

²²⁵ ДДР. С. 303.

²²⁶ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 564. Л. 106–109.

²²⁷ ДР. Т. 3. С. 806, 808; «...а что они места всчали не делом, мимо наш государев указ и боярский приговор, и за то ево (кн. Б. Е. Мышецкого. – Ю. Э.) велено посадить в тюрьму; его ответчикам – М. М. и И. М. Дмитриевым тоже «государь изволил сказать... что тут мест нет и быти им без мест» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 15. Ст. 133. Л. 426–533).

²²⁸ ДР. Т. 3. С. 910; тот же кн. Б. Е. Мышецкий 11 декабря 1673 г. спрашивал из Белгорода, где был осадным воеводой, при приходе больших воевод кн. Г. Г. и М. Г. Ромодановских: «С одним ли князь Григорьем ему быть или и с сыном его?» См.: Там же. С. 914.

²²⁹ Соловьев С. М. Сочинения... Кн. VI. С. 88.

²³⁰ Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 5. СПб., 1888. С. 436.

²³¹ МИМ. С. 534–535.

²³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 785. Л. 496–497.

Во время боевых действий против гетмана Петра Дорошенко 22 ноября 1673 г., при объявлении разряда полка кн. Г. Г. и М. Г. Ромодановских, заместившим И. И. Вердеревскому и П. Д. Скуратову, также объявили: «Быти им меж себя без мест, а быти им всем с боярином и воеводою со князь Григорьем Григорьевичем Ромодановским да с сыном его с князь Михаилом»²³³. То же было указано и в мае 1674 г.²³⁴

«Соборное деяние» 1682 г., как бы подводя итог борьбе правительства за безместие, отмечает, что царь Алексей Михайлович, когда «изволил идти на недругов своих на Польского и Свейского королей... и в тех его государских походах все чины были безместно же», нарушители же сурово наказывались, хотя «совершенно не успокоено то для бывших тогда многих ратных дел». Видимо, отсутствие в разрядах прямых указаний на местничества, приведшие к тому, что в «Соборном деянии» упоминается как «многие быша несогласия и ратным людем теснота», «и от того их несогласия многой упадок ратным людем учинился, а именно под Конотопом и под Чудновом и в иных местех»²³⁵, свидетельствует о попытках местников конфликтовать и без записи в разряды (что было, вероятно, запрещено). Какова была в таком случае цель местника? Хотя «места» и не заносились в разряды, сам факт выполнения им приказа «идти в сход» к другому ставил его в более низкое местнически положение и в дальнейшем мог быть использован его противниками, буде они стали бы оперировать этими документами. У воевод даже после указов о безместии не было уверенности, что по окончании кампании их нынешнее положение при сложившейся иной конъюнктуре не будет расценено как «потерька». Косвенно подтверждали их опасения постоянные исключения из правил безместия для лиц, исполнявших те или иные разовые поручения («посылки») – например, с «милостивым словом» – так, 21 ноября 1658 г. посланный с таким поручением к кн. Ю. А. Долгорукому кн. И. П. Барятинский заявил, что готов ехать, так как «сказана сейчас служба без мест», однако получил жесткое разъяснение, что в церемониальных назначениях места сохраняются, и был выдан влиятельному вельможе головой²³⁶. Подобные опасения проявляются и в отписке кн. А. И. Лобанова-Ростовского в сентябре 1658 г., жаловавшегося на неприсылку к нему в Тамбов служилых людей от козловского воеводы В. Н. Лихарева: «...и он, Василей, ратных людей ко мне не прислал и тем

²³³ ДР. Т. 3. С. 910.

²³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 757. Л. 170–177 (указ «высылщикам» ратных людей в полк кн. Г. Г. Ромодановского С. И. Заборовскому, А. И. Карамышеву, С. Ф. Загряжскому, заместившим с Вердеревским и Скуратовым).

²³⁵ ПСЗ. Т. II. С. 372.

²³⁶ ДДР. С. 156.

меня обесчестил. А мощно ему Василью и самому ко мне в сход итги... человек он не родословной, молодой чествою передо мною; некакого мне на такого молодого человека и случаи писать. А по твоему государеву указу таким молодым неродословным людям с нами и счоту не указано»²³⁷. Данное челобитье интересно тем, что в условиях действующего указа о безместии воевода воспринимает чисто служебный казус – неприсылку подкрепления – как угрозу своему местническому положению (далее он даже перечисляет случаи, когда члены рода Лихаревых находились у него в подчинении, причем указывает на 1655 г., т.е. тоже в период действия указа). Интересно дальнейшее развитие дела. Разрядный приказ как бы не замечает местнического характера челобитья и интересуется только тем, имеет ли кн. Лобанов-Ростовский право на подкрепления – «как князь Александру в наказе о людех написано», и каково положение у Лихарева – «государев наказ послан ли, и... Лихарев о том писывал ли?» Сам козловский воевода оправдывался тем, что его войска просто еще не вернулись со службы с Белгорода, никак не упоминая вопросы «чести»²³⁸. В целом, если с 1654-го по 1677 г. можно насчитать более 50 конфликтов в полковых разрядах (из которых в более чем двадцати сохранилось подлинное делопроизводство), в то же время лишь в двух-трех из них местникам вменялось в вину именно нарушение безместия.

Завершающим документом в цикле указов и приговоров о безместии на период военной кампании следует считать акт от 5 ноября 1678 г., принятый ровно за два года до начала систематической подготовки к ликвидации самого института местничества²³⁹ и оказавшийся, видимо, первой ступенью этого процесса. Указ этот сохранился в столбце и в записи в разрядном подлиннике²⁴⁰ и повторяет в основных элементах формуляра указы 1618, 1632 и 1653 гг. Он открывает серию текстуально идентичных указов (от 5 ноября 1678 г., 31 октября 1679 г., 17 октября 1680 г.)²⁴¹. В начальном разделе есть только упоминание о совете с патриархом Иоакимом, но без «освященного собора», зато указано, что, «поговоря с бояры в передней... указал по вестям против турецкого салтана с войски... по полком и по

²³⁷ АМГ. Т. 1. С. 626.

²³⁸ Там же. С. 631–632. Аналогичен по форме и конфликт кн. В. Б. Волконского с И. И. Чадаевым на воеводстве в Переяславе в 1661 г. См.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 1–15. СПб., 1863–1892. Т. 7. С. 330–332, 340–341. Далее – АЮЗР.

²³⁹ *Седов П. В.* К изучению источников по истории отмены местничества. // ВИД. Т. 26. СПб., 1998. С. 209–223. (Имеются в виду указы о смотре государева двора и всеобщей отмене местничества ноября 1680 г.)

²⁴⁰ КР. Т. 2. С. 1043–1046; Ф. 210. Оп. 12. Ст. 958. Л. 6–9; ПСЗ. Т. 2. С. 181; МИМ. С. 545.

²⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 611. Стп. 2. Л. 5–9, 45–47, 64–67.

местом бояром и воеводою по росписи, также стольником и стряпчим и дворяном и полковником и головам стрелецким и иных чинов ратным людем в нынешнем походе из всяких дел и в посылках быть меж себя всем без мест, покаместа турская война минетца...». В цитированном разделе интересно упоминание новых чинов – полковников, стрелецких голов; далее по прежним формулярам приказывается «никому ни с кем нынешним розрядом ныне и впредь отечеством не считатца и нынешняго разряду в отеческих делах в случай никому не ставить» – и, соответственно, «ни у кого не принимать». Отсутствует упоминание о могущих возникнуть из-за местничества «поруках и мотчаньях», но зато несколько расширен «репрессивный раздел»: «... Тем людем... быть в жестоком наказанье и разоренье и в ссылке безо всякого милосердия и пощады, и из чинов, кто в котором был, будут отставлены; и впредь тем людем за те свои вины и упрямство в прежних своих чинах и в чести не быть». Последнее указание было явным новшеством, оно должно было, видимо, положить конец обычным скорым прощениям местников – нарушителей указов. Указ было велено записать в разрядную книгу; в первоначальном черновом варианте в столбце предполагали применить ту же формулу, что и в указе 1653 г., скопировав вышеприведенный вариант: «Закреплю я, великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич Всея Великия и Малыя и Белыя Руси самодержец своею государевою рукою», однако эта правка, внесенная В. Г. Семеновым поверх более стандартного текста формуляра («закрепить думным дьяком всем»), очевидно, не была одобрена и в окончательном варианте указ велено было закрепить, как и указ 1632 г., «думным дьяком» (новое здесь – слово «всем»)²⁴². 8 (или, по столбцу, 21) ноября указ был оглашен в присутствии самого царя Федора Алексеевича в Боярской думе, а В. Г. Семенов объявил его чинам государева двора – от стольников до жильцов – на Постельном крыльце, даже усугубив некоторые обороты – например, не «в чести не быть», а «в чести вовеки не быть». Подтверждался указ и в апреле и в октябре 1679 г., а также 17 октября 1680 г.; в столбцовой редакции также отмечено их закрепление «думным дьяком всем», а в черновике указа от 31 октября 1679 г. В. Г. Семенов над словами «без мест» надписал «во всем против прошлого 187-го году»²⁴³. Так завершается история безместия в полковых разрядах. Трудно судить о том, насколько эффективно действовал последний указ. Поражения (Чуднов, Контоп), причиной которых в «Соборном деянии» 1682 г. объявлялось

²⁴² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 611. Стп. 2. Л. 6–9.

²⁴³ КР. Т. 2. С. 1051. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 611. Стп. 2. Л. 48, 64.

местничество, произошли много ранее²⁴⁴. Воеводских столкновений в этот период почти не было²⁴⁵, конфликты же по церемониальным причинам продолжались и после 1682 г.

6.2. Безместие в разрядах придворных церемониалов

6.2.1. Безместие при венчаниях на царство

Венчание на царство, в связи с самим принципом этого глубоко «чиновного» действия, где каждое лицо исполняло свою почетную функцию, представляло как бы основу придворно-местнического порядка. Нам неизвестны ни местничества при венчании на царство Ивана VI, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I, ни указы, провозглашавшие безместие на время этих церемоний, за исключением безместия за торжественным столом в Грановитой палате 3 сентября 1598 г., где бояре действительно были без мест²⁴⁶. Таким образом, первым указом о безместии при венчании на царство следует считать указ Василия Шуйского, когда «царь Василей Иванович венчался царским венцем, а бояре были в чинех все без мест»²⁴⁷. Возникновение потребности в безместии на время этой церемонии следует, видимо, объяснить шаткостью положения только что пришедшего к власти (путем переворота и убийства коронованного монарха) царя Василия, державшегося на неустойчивом, вскоре рухнувшем альянсе высшей аристократии и городского дворянства. Естественно, безместие для участников церемонии возведения его на престол было необходимым условием для того, чтобы не допустить конфликтов между теми, с кем еще недавно новый государь «считался в версту».

Сложнее обстоит дело с венчанием на царство Михаила Федоровича. Одна из сохранившихся разрядных записей гласит: «И всем чином велел государь быть в тот день для своего царского венца без мест»²⁴⁸. Однако этому указу противоречит факт целого комплекса местнических столкновений первейших лиц государства (кн. Д. Т. Трубецкого, кн. Д. М. Пожарского, И. Н. Романова, В. П. Морозова и др.), конфликтовавших из-за своих функций в церемонии – держать или нести скипетр, державу,

²⁴⁴ ПСЗ. Т. 2. С. 372. Правда, указывалось, что произошли они «под Конотопом, Чудновым и в иных многих местах», которые не названы.

²⁴⁵ КР. Т. 2. С. 1279–1282. Возможно, продолжался конфликт кн. В. В. Голицына и Г. Г. Ромодановского. См.: Реестр. № 1685.

²⁴⁶ РК 1550–1636. Т. 2. С. 163.

²⁴⁷ БРЗ. С. 41. «В чинех», т.е. при исполнении своих церемониальных функций.

²⁴⁸ Там же. С. 109 (прим.); МИМ. С. 510.

шапку и пр. Правда, безместие было «разъяснено» кн. Д. Т. Трубецкому и И. Н. Романову (первый держал скипетр, а второй – шапку)²⁴⁹. В основном же безместие коснулось торжественных столов в этот и последующий дни, когда действительно, по разным версиям, «у стола были бояре и окольные [и думные люди, а сидели в большом столе] все без мест»²⁵⁰. Безместным был и стол на третий день торжеств, 13 июля, когда в день своего ангела Михаил Федорович пожаловал в думные дворяне Козьму Минина²⁵¹. В 1651 г. Г. Г. и С. Г. Пушкины в местническом деле с кн. Ю. А. и Д. А. Долгорукими пытались привести пример 1613 г., когда Г. Г. Пушкину, «сказывавшему боярство» кн. Д. М. Пожарскому, велено было быть без мест, однако из Разряда их одернули: «Государь Михаил Федорович указал быть без мест всем, а не для Гаврилова челобитья»²⁵². Безместие было объявлено и на время венчания на царство Алексея Михайловича: «А указал государь: которые были в чинех на его государеве поставленье, быть всем без мест; и в розрядную книгу велел государь то записать»²⁵³. После венчания на царство (28 сентября 1645 г.) также без мест указано было быть боярам и окольным и у стола; в последующие дни, 29–30 сентября, когда традиционно проводилось пожалование думными чинами, торжества сопровождались тем же указанием – «а были они во все три дни без мест»²⁵⁴.

Царствование Федора Алексеевича началось с объявления безместия при венчании на царство. 16 июля 1676 г. был оглашен указ, согласно которому «на своем царском постановлении бояром и окольным и думным и ближним людям и вам всем, которые расписаны будут в чины, указал великий государь с совету по духу отца своего государева и богомольца святейшего патриарха Иоакима... и бояре приговорили: по росписи у тех дел быти всем без мест и впредь тем никому никого не попрекать и в случаях не подавать»²⁵⁵. Уже после публикации «Дворцовых разрядов» Ф. А. Бычковым была обнаружена и опубликована «Разрядная записка» венчания на царство Федора Алексеевича²⁵⁶ (по этому царствованию в «Дворцовых разрядах» имеются значительные лакуны). Здесь же имеется полный текст указа, принятого, очевидно, 16 или 17 июня (в публикации,

²⁴⁹ БРЗ. С. 65.

²⁵⁰ ДР. Т. 1. С. 99; БРЗ. С. 65, 66, 128.

²⁵¹ Там же. С. 100.

²⁵² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 245. Стп. 3. Л. 305.

²⁵³ ДР. Т. 3. С. 17.

²⁵⁴ Там же. С. 18–19.

²⁵⁵ ПСЗ. Т. 2. № 647. С. 42. Указ был адресован собственно стольникам, стряпчим и дворянам, которые назначались в чиновные списки на церемонии. В тексте которого цитируется и принятое тогда же постановление о безместии высших чинов.

²⁵⁶ Бычков Ф. А. Разрядная записка о венчании на царство Федора Алексеевича // Чтения ОИДР. 1882 г. Кн. 1. Смес. С. 4–5.

видимо, опечатка – 21 июля, хотя запись о самой коронации тут же датирована 18 июля): «А своим государевым бояром изволил свой... указ объявить, како по милости всемогущего Бога приспееет время венчаться ему великому государю своим царским венцем и восприяти скипетр Всероссийского царства. И во время того действа во всех чинах указал он... им бояром и окольниковым и думным и ближним людем стольником и стряпчим быти без мест по его государскому изволению, где кому он Великий Государь укажет. И тот свой государев указ сказати всем и в Розряде в книгу записати и закрепить розрядным думным диаком своими руками, чтобы никому ни до кого в тех чинах в случаях дела не было. И того же числа то его государское изволение к возложению своего царского венца изволил великий государь объявити и всем своим государевым бояром и думным и ближним людем в Передней при святейшем Иоакиме патриархе...»²⁵⁷ Таким образом, единственный полноценный указ и боярский приговор о безместии при коронации сохранился только от данного царствования, одним из значительнейших деяний которого стал как раз конец местничества. Безместие при этой коронации было еще актуальнее, чем при предыдущих, хотя с момента воцарения Романовых «на первый план выходила не Боярская дума, как высший орган власти, а лишь та ее часть, которая была связана с царем родственными узами», отмечает П. В. Седов²⁵⁸. При венчании же на царство юного и весьма болезненного Федора, которому требовалась мощная поддержка (в частности, церкви: церемониал был беспрецедентно изменен – царь не сам возлагал себе на голову шапку Мономаха, а по византийскому обряду увенчивался патриархом Иоакимом)²⁵⁹, роль кланов царской родни еще выросла, а эти последние, худородные, хотя и в думных чинах лица, должны были играть первые церемониальные роли вперемешку с членами знатнейших родов (например, под руки царя вели его дядьки – кн. Ф. Ф. Куракин и окольниковый И. Б. Хитрово – характеризовать местническую дистанцию родов этих «партнеров» нет нужды). В связи с этим неудивительно, что уже в начальном политическом акте нового монарха декларация отмены местничества была выражена столь решительно, с объявлением при патриархе и указанием думным дьякам закрепить акт своеручно, что ранее делалось только при важнейших военных кампаниях (см. выше). Таким

²⁵⁷ Бычков Ф. А. Разрядная записка... С. 4–5. О безместии, впрочем, как и о местнических ситуациях, при венчаниях на царство последующих монархов – Ивана и Петра Алексеевичей сведений нет (местнические конфликты возникали в церемониальных ситуациях и после отмены самого института).

²⁵⁸ Седов П. В. Закат Московского царства. СПб., 2006. С. 237.

²⁵⁹ Там же. С. 238.

образом, можно предположить, что уже в момент воцарения Федора общество *начинали готовить* к решительной борьбе с местничеством.

6.2.2. Безместие в свадебных разрядах

Разрядное оформление свадеб великих князей, царей и членов их семей начинается, видимо, с конца XV в. Наиболее ранняя запись – это свадьба служилого кн. В. Д. Холмского с великой княжной Софьей Ивановной 13 февраля 1500 г.²⁶⁰ М. Е. Бычкова, посвятившая свадебным разрядам специальное источниковедческое исследование, полагает, что документирование брачных церемоний при московском дворе началось с 1526 г., «все же более ранние известия (1495, 1500, 1506 гг.), хотя и названы в списках свадебными разрядами, фактически представляют различные документы официального делопроизводства, связанные со свадьбами»²⁶¹. Разряд 1500 г. является весьма подробным, с чиновной росписью участников церемонии; в следующем по времени разряде свадьбы кн. В. С. Стародубского 8 (10) апреля 1506 г. имеется только список лиц, «объявивших» ему «государево жалованье» о согласии на брак с великокняжеской свояченицей М. Ю. Сабуровой²⁶². «Места» впервые подробно расписаны в разряде свадьбы Василия III с кнж. Е. В. Глинской 21 (24) января 1526 г.: «...и князь великий пошлет, кому сидеть на большом месте, князь Юрья Ивановича, брата своего, а с ним бояр и детей боярских, кому велит. И князь Юрья, вышед в палату, сядет в большом месте, и бояр и детей боярских иссажает, да пошлет по великого князя боярина большого...»²⁶³. Далее подробно расписаны места в церемонии и за столом, с поименными списками, «кто в котором чину», за исключением последнего раздела: «А с великим князем к церкви ехать и здить бояром всем и детем боярским, которым князь великий напишет»²⁶⁴. Разряд свадьбы князя Андрея Ивановича Старицкого с княжной Е. А. Хованской в январе 1533 г. сохранился как в нарративной, так и в более традиционной формах; там также записаны имена участников церемонии. В разряде первой свадьбы Ивана IV с Анастасией Романовной 3 февраля 1547 г.²⁶⁵, весьма подробном, нет упоминания о размещении

²⁶⁰ ДРВ, 2-е изд. Т. XIII. М., 1790. С. 1–5.

²⁶¹ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России XVI в. М., 1986. С. 111–112.

²⁶² РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. С. 91. Видимо, не сохранился разряд свадьбы царевича Петра Обреимовича с вел. кнж. Евдокией Ивановной 25.01.1506 г., что жаль, поскольку этот крещеный представитель казанской династии был весьма близок к Василию III. См.: Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 75.

²⁶³ ДРВ. Т. XIII. С. 7; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. С. 193.

²⁶⁴ ДРВ. Т. XIII. С. 15.

²⁶⁵ Там же. С. 29–36; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 322–328. Отметим, что в 1627 г.

по местам, хотя в целом церемониал к 1526 г., видимо, уже сложился. В последующих свадьбах размещение по чинам и местам фиксируется с разной степенью полноты; вне зависимости от подробности их записей в них почти нет местнических сведений (например, свадьба кн. Юрия Васильевича с кнж. У. Д. Палецкой 18.09.1547 г.)²⁶⁶. В разряде свадьбы князя Владимира Андреевича Старицкого 31 мая 1550 г. отмечено, в частности, размещение боярынь на церемонии: «А у царицы села княж Юрья Васильевича жена княгиня Ульяна, а от нее подале сели боярыни... а княжну посадили на место, а у ней сели свахи»²⁶⁷. 5 октября 1553 г. на свадьбе «царя Симеона Касаевича» с М. А. Кутузовой впервые отмечена особая форма приема новобрачным царя на следующий день после свадьбы – «а царь Симеон перед царем и великим князем стоял... а сидел царь государь... на своем месте...»; здесь же отмечены места сидевших во все три дня²⁶⁸. В разряде свадьбы кн. И. Д. Бельского с кнж. М. В. Шуйской 8 ноября 1554 г. отмечено: «А как царь... избу устроил и по местам сели, и по князь Ивана послали...»²⁶⁹. В разряде свадьбы кн. Владимира Андреевича с кнж. А. Р. Одоевской 22 апреля 1555 г. имеется элемент установления безместия – М. Я. Морозов и Ю. М. Воронцов сидели один на окольном месте, а другой – в кривом столе, а на другой день было велено им «переменилися, тож Михайлу сидеть в кривом столе, а Юрью на окольном месте»²⁷⁰. Отметим, что свадебные разряды, опубликованные в ДРВ, страдают рядом дефектов; например, рассматриваемый разряд оканчивается сведениями об указе быть в нем «с мesty», однако последующий текст свидетельствует о том, что с этого места к разряду 1555 г. было приписано окончание разряда свадьбы Ивана IV с М. Ф. Нагой 1580 г., что можно сразу определить по записи местнических дел и единственному в своем роде указанию на «мesty»²⁷¹. Разряды свадеб Ивана IV с М. В. Собакиной 8 ноября 1571 г. и ливонского короля Магнуса с кнж. М. В. Старицкой имеют близкие чиновные списки участников церемоний²⁷². Многие

А. О. Плещеев, местничая с В. Н. Пушкиным, спорил по поводу размещения участников именно этой свадьбы, причем в архиве Посольского приказа, где хранились материалы Царского архива, «свадебного подлинного списка 7055 году не сыскано, а сыскана из той царя Ивана Васильевича радости выписка», что говорит об отсутствии в 1627 г. в Разрядном приказе официальных разрядных книг с подробными чиновными списками царских свадеб. См.: ВМОИДР. 1852. Кн. 14. Отд. 2. С. 69, 105–106.

²⁶⁶ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 337–341; ДРВ. Т. XIII. С. 36–47.

²⁶⁷ ДРВ. Т. XIII. С. 48–57; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 368–369.

²⁶⁸ ДРВ. Т. XIII. С. 61–62, 70–73; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. С. 458–461.

²⁶⁹ ДРВ. Т. XIII. С. 74–76; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. С. 480–483.

²⁷⁰ ДРВ. Т. XIII. С. 81–82; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. С. 488–489 (в этой редакции указания на перемещение местами нет).

²⁷¹ ДРВ. Т. XIII. С. 84–85. Ср. РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 170–174.

свадебные разряды по неизвестным причинам не сохранились (свадеб Ивана IV с Марией Темрюковной августа 1561 г. и с А. Г. Колтовской 28 апреля 1572 г., свадеб царевичей Ивана и Федора). В летописной записи о свадьбе Ивана IV с Марией Темрюковной 21 августа 1561 г. отмечены только встречавшие кабардинцев 15 июля и сидевшие за столом: «На радости же его тогда были брат его князь Юрий Васильевич да князь Володимер Ондреевич, и бояре и вельможи многие»²⁷³). В не попавшем в разряды, но сохранившемся в столбцовом подлиннике разряде свадьбы Ивана IV с А. Г. Васильчиковой 1574/75 г. даются подробные чиновные списки участников церемонии. Указаны их места с традиционными формулировками, например: «...и царевич Федор, вшед в палату, сел на большом месте, и бояр и дворян и детей боярских иссажал по росписи, где кому сидети»²⁷⁴. Косвенным подтверждением безместия на всех вышеперечисленных свадьбах является запись в разряде последней свадьбы Ивана IV с Марией Нагой 6 сентября 1580 г.: «А были на государеве радости по государеву указу во всех чинех с мesty»²⁷⁵, что предполагает обратную ситуацию в предыдущих случаях. Тогда же начинаются местничества участников церемонии²⁷⁶, причем их споры рассматриваются в законном порядке. Запись, опубликованная в ДРВ, в отличие от записи в Пространной редакции Разрядных книг, имеет как аналогичные указания на «месты» (попавшее, как мы выше отмечали, в конец разряда свадьбы Владимира Андреевича 1555 г.), так и противоположные (в основном тексте): «А в поезде были стольники и дворяне многие... По списку писаны с ряду без мест»... А указал государь быть быть на своей государеве свадьбе во всех чинах всем без мест»²⁷⁷. Оба указа – и о поезжаных и общий – противоречат всем спискам Пространной редакции и, вероятно, являются результатом позднейшей переделки заинтересованного члена какого-нибудь рода. Об этом свидетельствует и «привязка», которую пришлось сделать автору, вынужденному объяснять следующие за текстом о безместии сведения о местнических случаях, которые он, естественно, также желал сохранить: «Да бил челом мимо государева приговору Панкратей Салтыков на Бориса Годунова...» – так начинается перечисление местнических случаев в этом свадебном разряде.

²⁷² ДРВ. Т. XIII. С. 86–103; РК 1475–1605. Т. 2. С. 286–287, 329–332.

²⁷³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 333.

²⁷⁴ Известия Русского генеалогического общества. Т. 1. СПб., 1900. Отд. 3. С. 3. Далее – ИРГО. (Публикация документа – столбца: РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отд. IV. Рубр. II. № 11.)

²⁷⁵ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 174.

²⁷⁶ Там же. С. 174–175; ДРВ. Т. XIII. С. 84, 113–116.

²⁷⁷ ДРВ. Т. XIII. С. 115.

Вполне естественным было объявление безместия на свадьбе Лжедмитрия I, ввиду смешения двух ритуалов и обилия приглашенных иноземцев²⁷⁸, однако сохранилось лишь косвенное указание на то, что «поезжане были без мест»²⁷⁹ – это были московские дворяне, которые сидели ниже думных дьяков. Разряд свадьбы Василия Шуйского 17 января 1608 г. с кнж. М. П. Буйносовой был объявлен безместным: «А радость государь свою указал быть без мест»²⁸⁰. Уникальна другая запись: «А та царева Васильева свадьба была без мест, а после свадьбы [царь Василей велел] роспись зжечь»²⁸¹. Видимо, официальному уничтожению разряда свадьбы придавалось особое значение, дабы никто впредь не мог использовать ее прецеденты²⁸².

Разряды всех свадеб Михаила Федоровича и Алексея Михайловича также указаны были без мест. Довольно подробным был указ в связи с первой свадьбой царя Михаила Федоровича 14 сентября 1624 г.: «...государь... Михайло Федорович... советовав с отцем своим с великим государем святейшим патриархом Филаретом Никитичем... указали быть на своей государевой радости в чинех: бояром и окольниковым и думным людем и столником и стряпчим и дворяном и приказным людем без мест, и вперед тем никому не считатца, и в случаи не принимать; а для укрепления указал государь свой государской указ подписать думным дьяком и своею государскою печатью запечатать»²⁸³. Несмотря на указ, местничества все же продолжались. Два из них касались назначений участников церемоний: первые дружки царя и царицы местничали с соответствующими тысяцкими, причем в одном случае это происходило даже между двумя князьями Черкасскими²⁸⁴, четыре – из-за

²⁷⁸ «Царь шел в короне и в богатой одежде. По правую руку провожал его посол пан Малогощский, а по левую – князь Мстиславский. Возле царя шла царица, одетая по-московски... Провожал ее с правой стороны пан воевода, отец ее, а с левой – княгиня Мстиславская. За нею шли паны приближенные и шесть москвитянок, жен сенаторов». См.: *Дневник Марины Мнишек / Пер. В. Н. Козлякова*. СПб., 1995. С. 53. «А перед государем идти столником и стряпчим да воеводным приятелем и послом, а за ними поезд... а досталным бояром и думным людем и дворяном и приказным людем и приятелем воеводным идти за государем... а за столом быти воеводе, и приятелем его, и бояром немногим. См.: *Чиновный список свадьбы Лжедмитрия I и Марины Мнишек // СГГД*. Т. 2. № 138. С. 289–293.

²⁷⁹ БРЗ. С. 80; ДРВ. Т. XIII. С. 117 («А были поезжаня без мест»).

²⁸⁰ БРЗ. С. 120.

²⁸¹ Там же. Т. XIII. С. 160; ДРВ. Т. XIII. С. 123 («Все они были по списку без мест»).

²⁸² О всплеске местничеств, начавшемся с воцарением Василия Шуйского, см.: *Эскин Ю. М. Смута и местничество // Архив русской истории*. Вып. 3. М., 1993. С. 97.

²⁸³ ДР. Т. 1. С. 629–630; ДРВ. Т. XIII. С. 145: «Свою государскую печать приложить для того, чтоб впредь теми случаи никому в отечестве не считатца и случаев ни у кого не принимать, и в место того никому не ставить»; МИМ. С. 511.

²⁸⁴ Там же. С. 630. Согласно свадебному «чину», тысяцкий был самым почетным участником свадьбы; в тысяцкие избирались, например, крестные отцы жениха, дяди по матери. Дружка считался «ниже» по рангу, хотя также был одним из главных участников церемонии. См.: *Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал*. М., 2001. С. 113–116.

мест за свадебными столами²⁸⁵, а также из-за порядка размещения за столом жен приглашенных²⁸⁶. Свадебные «столы» продолжались до 19 сентября; но большинство споров, видимо, удалось замять, отмечая каждый раз: «А на первой день сидели бояре в большом столе, а поезжане в кривом столе без сказки, а на другой и на третьей день ели бояре у государя все, и сидели бояре в большом столе без мест, а в кривом столе поезжане»²⁸⁷. Лишь один боярин кн. И. В. Голицын отказался подчиниться и был наказан: «А боярин князь Иван Голицын и жена ево на государской радости не были, потому что князь Иван государева указу не послушал, и по той росписи быть не похотел, и за то на него положил государь свою государеву опалу и велел ево сослать»²⁸⁸. Дело И. В. Голицына было явным отзвуком событий Смуты, когда и он, младший брат и соратник одного из тогдашних претендентов на престол кн. В. В. Голицына, и его теперешние местники бояре князья И. И. Шуйский, младший брат царя Василия, и Д. Т. Трубецкой, сам бывший претендент на престол, играли первые политические роли. Еще в 1615/16 г. в боярской книге И. В. Голицын был записан на третьем месте, сразу после Ф. И. Мстиславского и И. М. Воротынского, а Д. Т. Трубецкой – на шестом²⁸⁹, но с приездом из плена Филарета и И. И. Шуйского ему пришлось потесниться. За столом ему было велено сидеть вторым после Шуйского с государевой стороны, а Трубецкому – первым с царицыной (т.е. на месте, равном месту Голицына). И то и другое Голицын счел оскорблением, претендуя на первое место и заявив лично увещавшему его Филарету, что не придет, «хотя вели государь казнить». Правительству Романовых, скорее всего, мало импонировали все трое вельмож – но данный повод решено было использовать для устранения из политической жизни одного из них вполне законным порядком, наказав как нарушителя указа. Его отказ бояре признали «изменой», и приговор был очень жесток: вотчины и поместья отписаны «на государя», с оставлением одного села в Арзамасе, ссылка вместе с женой в Пермь, где их содержали под домашним арестом, выпуская под конвоем только по воскресеньям в церковь. На этот раз не последовало обычного в подобных случаях скорого прощения или послабления приговора; через три года ссыльный там же и умер²⁹⁰. Вторая свадьба Михаила Федоровича (с Е. Л. Стрешневой) была обставлена в соответствии с теми же правилами, зафиксированными практически

²⁸⁵ Реестр. № 1187–1190.

²⁸⁶ Там же. № 1187, 1189.

²⁸⁷ ДР. Т. 1. С. 638.

²⁸⁸ Там же. С. 633, 639–641, 1219, 1220.

²⁸⁹ АМГ. Т. 1. СПб., 1890. С. 138.

²⁹⁰ ДР. Т. 1. С. 640–642, 1219, 1220 («А после свадьбы его сослали в Пермь Великую, там и умер»).

аналогичным указом – в нем полностью повторяется вступительный раздел о «совете» с отцом-патриархом и о назначении чинов государева двора, «которые будут в чинех, быти без мест». Однако дальше следует отличие: «Свой государев указ бояром... велели сказать имянно, и велели тот указ подписать думным дьяком Ивану Грамотину да Федору Лихачеву, и к тому приговору свою государскую печать приложить для того, чтоб вперед теми случаи никому в отечестве не считатца и случаев ни у кого не приимати и в место того никому не ставити»²⁹¹. Таким образом, как и в указах о безместии в крупных военных кампаниях, акт велено было скрепить подписями думных дьяков²⁹². Сохранился уникальный изобразительный источник – миниатюра из иллюминированной рукописи начала XVIII в. (вероятно, скопированной с более раннего оригинала), темой которой является женитьба Михаила Федоровича на Е. Л. Стрешневой. На этой миниатюре изображены думный дьяк И. Т. Грамотин, диктующий писцу указ о безместии, и печатник Ф. Ф. Лихачев, прикладывающий к указу печать²⁹³. Сохранились три разряда свадеб Алексея Михайловича; все они были объявлены без мест. В чине несостоявшейся свадьбы царя Алексея с Е. Р. Всеволожской от 14 февраля 1647 г. имеется близкий по форме и содержанию указ: «А в чинех на его государской радости быти бояром и окольничим и думным людем и стольником и стряпчим и дворяном и приказным людем без мест, и тот свой государской указ велел государь записати и закрепить думных людей руками и запечатать своею государскою печатью; а хто станет чрез сей государев указ на кого бить челом, и тем попрекати, и тому от государя... быть в великой пене и опале»²⁹⁴. По понятным причинам запись этой церемонии не попала в разряды; указы же о безместии двух состоявшихся свадеб Алексея Михайловича в подлинных чинах свадеб и в разрядных записях сильно отличаются друг от друга. В чине свадьбы с М. И. Милославской 16 января 1648 г. указано: «...быти бояром и окольничим и других чинов людем в чинех всем без мест, а хто станет чрез тот государев указ на кого бить челом государю в отечестве, и в места ставить и тем попрекати, и тому от него

²⁹¹ Там же. Т. 1. С. 763–764.

²⁹² Аналогично выше рассмотренным указам: 1632 г. (Смоленская война), 1653 г. (война с Польшей, указ впервые скреплен лично царем), 1678 г. (Турская война). См.: ДР. Т. 2. С. 298–299; Т. 3. С. 378; КР. Т. 2. С. 1043–1045.

²⁹³ РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отд. V. Рубр. III. Д. 16. Л. 7. В черно-белом варианте опубли.: Три века. Россия от Смуты до нашего времени: Исторический сборник / Ред. В. Каллаша. Т. 1. М., 1912. С. 72; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. (На переплете); ЦГАДА СССР: Путеводитель: В 4 т. Т. 1. М., 1990. С. 43.

²⁹⁴ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

государя быти в великой опале»²⁹⁵. В свадебном чине «государевой радости» 22 января 1671 г. с Н. К. Нарышкиной, вообще выдержанном в ином, не деловом приказном, а литературно-витиеватом, барочном стиле, опять, как в чине 1647 г., отмечается «закрепление» указа: «А преж того сказать им свой великого государя указ, что бытии на той его государевой радости бояром и окольниковым и ближним людям в чинех всем без мест, и тот свой государев указ записать и закрепить думных людей руками, и запечатать своею государскою печатью. А кто чрез сей ево государев указ учнет на кого бить челом государю в отечестве своем, и в места ставить и тем попрекать, и тому от великого государя... быти в великой опале»²⁹⁶. Разрядные записи этих двух последних указов много короче (на свадьбе с М. И. Милославской: «А указал государь на своей государеве свадьбе быть всем в чинех без мест, а кто станет бить челом на кого о местех, и им быть в великом наказанье», а на свадьбе с Н. К. Нарышкиной – еще лаконичнее: «А на сватбе быть великого государя бояром и всяких чинов людям без мест»²⁹⁷. Таким образом, указы о безместии на царских свадьбах в XVII в. в большинстве случаев подписываются думными дьяками (в позднейших актах употребляется менее ясный термин «думные люди») и к ним прикладывается государственная печать (кроме указа о свадьбе с М. И. Милославской). Помимо предписания не считаться местами и не принимать челобитий по ним, в указах времени Алексея Михайловича уже присутствует и репрессивный элемент, угрожают «пеней», «опалой», «наказаньем». В целом, видимо, нарушителям можно констатировать последовательность и преемственность позиции правительства в вопросе о недопущении местничества на церемонии «государевой радости».

6.2.3. Безместие за государевым столом

Иерархический порядок рассаживания за столом известен культурам большинства народов. В России застольная иерархия стала одним из наиболее зримых элементов местнической системы. Существование порядка расположения за столом по старшинству являлось само собой разумеющимся в глазах представителей любой социальной группы. В фольклоре порядку этому подчиняются все герои, от богатырей св. Владимира до нечистой силы. А. Л. Юрганов замечает, что бесы в Житии Сергия Нуромского за столом «кождо седоста на своих местех, друг друга честию больши творяще и почитающе»²⁹⁸. Запись «государевых

²⁹⁵ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

²⁹⁶ Там же. Д. 10. Л. 6–6 об.

²⁹⁷ ДР. Т. 3. С. 85–86, 872.

²⁹⁸ Юрганов А. Л. «Убить беса». Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006. С. 282.

столов» отмечается в разрядах весьма часто, являясь, наряду с полковыми разрядами, одним из важнейших элементов местнической системы. Последняя, судя по ее этимологии, выработалась из распределения мест за столом сюзерена²⁹⁹. Наиболее ранними источниками по местничеству являются именно памяти о порядке рассаживания за великокняжеским столом и о связанных с ним столкновениях бояр (так называемые «Память Геннадия Бутурлина», «Память Ф. И. Сабура» и др.)³⁰⁰. Характерно, что еще в 1646 г. потребовалось специальное распоряжение об установлении «места» за столом у патриарха выезжему новокрещену кн. Л. А. Шляковскому³⁰¹. А. И. Маркевич подробно анализирует систему рассаживания за столами (по чинам и по отчеству) и иерархию столов: «От царя располагались сидящие по двум столам, прямому... и кривому. Первый стол стоял параллельно царскому, близко к нему, второй стоял подальше и глаголем – для лиц, менее почетных; причем все сидели лицом к царю... Лицам, сидевшим за разными столами, мест не было... Гости сидели по правую и по левую руку от государя, и хотя вообще правая сторона считалась почетнее левой, но правительство и здесь пыталось ввести принцип безместия, т.е. в каждой стороне, кто под кем сидел, тот того и был ниже; но лица обеих сторон были безместны, за исключением первых...»³⁰² В последнее время этой теме посвятил ценную работу К. В. Петров³⁰³, использовавший, в частности, помимо разрядов, официальную «Книгу столов» Разрядного приказа за 1620-е гг. Автор приходит к интересному выводу, что, несмотря на уже не оспариваемое в историографии мнение о важности роли непосредственно приближенных к монарху лиц, состав персон, наиболее часто присутствовавших за столом Михаила Федоровича, не вполне совпадал с составом наиболее влиятельных в управлении государством лиц³⁰⁴, Зачастую, доказывает автор, состав приглашенных отражал скорее репрезентативные, а не непосредственно служебные цели, хотя госуда-

²⁹⁹ Литература по этому вопросу весьма обширна, так как его касались практически все исследователи института (Д. А. Валуев, В. О. Ключевский, А. И. Маркевич, С. Б. Веселовский, С. О. Шмидт и др.; из исследователей последних лет – Н. Коллманн, А. Берелович).

³⁰⁰ *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV – первой половине XVI в. // АЕ за 1968 г. М., 1969; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 229.

³⁰¹ РГБ. ОР. Ф. 178. № 738. Л. 467 об.

³⁰² МИМ. С. 335. В 1602 г. было подтверждено правило безместия для сидевших за разными столами. См.: РК 1559–1605. С. 348.

³⁰³ *Петров К. В.* Царские «столы» (по материалам 1622–1629 г.) // Государев двор в истории России XV–XVII столетий. Материалы международной научно-практической конференции (Александров, 30.10 – 01.11.2003). Владимир, 2006. С. 219–237.

³⁰⁴ Там же. С. 230–231.

ревы столы являлись видом придворной разрядной службы. В другом официальном источнике – посольских книгах – тип записи «стола» и мест за ним разнился в зависимости от ранга и знатности принимавшегося дипломата. Польские послы к Лжедмитрию I отказались присутствовать на его свадебном пиру, поскольку им не позволено было сидеть за царским столом, в то время как до того в Кракове русский посол, приехавший для заключения брака Лжедмитрия с Мариной, был приглашен за королевский стол³⁰⁵. Царское застолье – прием в XV – второй половине XVII в. делилось на две части – «стол» собственно у государя и пир в уже отведенной послам резиденции, куда государь посылал своих придворных «поити» или «потчивати» послов (что являлось как бы неофициальной частью переговоров). Места на последней церемонии иногда тщательно записывались. Так, 2 февраля 1494 г. «...опосле стола посылал их князь великий поити: пана Петра – князя Ивана Васильевича Оболенсково Лыка, да Ондreja Васильева сына Карамышева, а с ними 5 человек детей боярских; Шумиха да Шат – тем сидети; а стояти – Иван да Гридя да Борис Зачесломские. А пана Станислава – князь Ивана Михайловича Оболенсково Репню, да Василья Васильева сына Карамышева, а с ними – 5 человек детей боярских – Гридя Офонасьев, Иван Слепцов – тем сидети; а стояти – Микула Аггелов, Иван Мусин, Иванец Сукин, Хвостова зять. И они их поили по их подворьям порознь, вместе не шли»³⁰⁶. Как видим, в зависимости от своего ранга за столом у послов одни дети боярские сидели, другие стояли. Места за столом также определялись весьма строго. 11 ноября 1552 г., когда послов принимал митрополит, замещая уехавшего в Троицу на богомолье Ивана IV, «направе от митрополита, отодвинувся места с два, сидели бояре, князь Иван Михайлович Шуйской да Данило Романович. А от бояр, пропусая места с два, сидел диак Иван Михайлов»³⁰⁷. Здесь четко обозначены именно места, которые оставались пустыми ввиду отсутствия лиц в «чине», соответствовавшем этим местам³⁰⁸. В иных случаях определялось даже точное расстояние между «местами» – «...у государыни сидели свахи с

³⁰⁵ Дневник Марины Мнишек / Пер. В. Н. Козлякова. СПб., 1995. С. 53. Однако они не учли важного различия в их статусе – Афанасий Власьев не был обычным послом, он представлял особу царя в заочном обручении с Мариной Мнишек.

³⁰⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 123. Далее – Сб. РИО.

³⁰⁷ Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1889. С. 364–365.

³⁰⁸ С. Герберштейн отмечал, что на обеде у Василия III великокняжеские родственники сидели от него на расстоянии вытянутой руки, далее за ними «сидели старшие князья и советники в соответствии с чинами и милостью, какой они пользовались у государя». См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 216.

полусажени Иванисова жена Ододурова, в сажени сидела княгиня Катерина...» – таким образом отражены были ранги участниц свадебного стола при женитьбе царя Василия Шуйского³⁰⁹. Р. Барберини, присутствовавший на «дипломатическом» обеде в 1565 г., описывал, как царь поименно рассаживал послов – одних по правую, других по левую руку и т.д.: «Потом государь подал знак боярам садиться за стол – и мигом были заняты, с шумом и в беспорядке, все остальные места за маленькими столиками, да еще на другом конце стола, за которым сидел сам государь один»³¹⁰. Несведущий в русских придворных обычаях автор, естественно, не понял, что присутствует при мгновенных местнических стычках («шум и беспорядок») из-за занятия положенных каждому лицу мест, начиная с самых почетных – за государевым столом³¹¹. Отнюдь не всегда присутствовавшие в посольских «столах» указывались поименно. Можно предположить, что в то время соблюдалось безместие. В таких случаях, наиболее частых, указывалось кратко: «А опосле стола князь великий посылал пойти его (посла. – Ю. Э.) Ивана Ощерина да Митю Загрязского, а с ними шесть человек детей боярских»³¹². Однако уже с конца XV в. появляются случаи, когда безместие при «сидении» за церемониальным дипломатическим столом официально объявлялось. В наказе посольству, привезшему в Литву великую княжну Елену Ивановну (6–15 января 1495 г.), говорилось: «А за столом сидети бояром, князь Семену да Михаилу, а от них Прокофью Скурату, ож его позовет; а от Скурата дьяку Василью Кулешину, а от Василья детем боярским, которые с бояры посланы, в лавке и в скамье противу. А великой княжны детем боярским сидети без мест, в лавке и в скамье, переменяя от тех детей боярских, которые с бояры посланы»³¹³. Таким образом решался вопрос о местническом старшинстве детей боярских свиты Елены Ивановны и членов посольства. В 1536 г. при приеме посольства от кн. Ю. М. Радзивилла тогдашним фактическим главой правительства кн. И. Ф. Овчиной Телепневым-Оболенским (замещавшим за столом малолетнего царя Ивана) думные чины сидели, видимо, по местам, а дети боярские – без мест³¹⁴. К концу XVI – началу XVII в. посольский

³⁰⁹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Л. 3 об.

³¹⁰ Сказания иностранцев о России в XVI–XVII вв. / Пер. В. Любич-Романович. СПб., 1843. С. 29.

³¹¹ А. И. Маркевич считал, что Барберини «не заметил» порядка за столом, но, по нашему мнению, драгоценно как раз свидетельство о «шуме и беспорядке», нарушавшем чинность медленных дворцовых церемониалов, при рассаживании придворных. См.: МИМ. С. 493.

³¹² Сб. РИО. Т. 35. С. 146–147.

³¹³ Там же. С. 169.

³¹⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 32; АЗР. Т. 2. С. 234, 244; MOM. С. 760.

церемониал несколько изменяется, и иностранные дипломаты приглашаются к царскому столу все реже. По мнению Л. А. Юзефовича, это было следствием постепенного разделения лично-семейных и государственных функций монарха³¹⁵. «Стол» у государя заменяется церемонией присылки послам блюд «с государева стола» и устройством этикетного пиршества в отведенной им резиденции по специально разработанному «чину», согласно которому этот стол «знаменует собой стол российского императора»³¹⁶, как было в 1634 г. объяснено голштинскому посольству. Однако полностью от традиции приглашения иностранных послов к царскому столу (по крайней мере в особо важных случаях) при русском дворе не отказались; так, приглашались в 1625 г. к столу персидские послы, привезшие в дар от шаха знаменитую святыню христианского мира – ризу Иисуса Христа³¹⁷, а в 1667 г. – польские послы, прибывшие на ратификацию важнейшего для Москвы и Варшавы Андрусовского перемирия³¹⁸. Кроме того, традиция официальных «столов» при дворе продолжала развиваться, о чем будет сказано ниже. Можно предположить иную причину: в придворном церемониале к середине XVII в. усиливается сакральный элемент. Судя по разрядным записям, основная часть столов назначалась по церковным праздникам; так что, возможно, на сворачивание традиционных³¹⁹ застолий с послами оказали влияние представления о том, что православному государю нежелательно преломлять хлеб с иноверцами. К тому же если в XVI в. дипломаты из Великого княжества Литовского, наиболее часто приезжавшие в Москву, были в основном православными вельможами и шляхтичами, представителями наиболее близкого к русским по культуре и языку народа, то после Брестской унии 1596 г., по словам современного польского исследователя, «быстрая полонизация аристократии привела к тому, что на место послов, знающих назубок все тонкости московского этикета, появились дипломаты западноевропейского покроя, квалификация которых была бы весьма кстати в Вене, Мадриде или Париже, но не в Москве и Бахчисарае»³²⁰.

³¹⁵ Юзефович Л. А. Так в посольских обычаях ведется... М., 1988. С. 131.

³¹⁶ Олгарий А. Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 63.

³¹⁷ ДР. Т. 1. С. 682.

³¹⁸ Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятом в 1667 году. // Проезжая по Московии. (Россия XVI–XVII в. глазами дипломатов) / Сост. Н. М. Рогожин. М., 1991. С. 325.

³¹⁹ Известно, что в России по крайней мере до конца XVII вв. официально придерживались некоторых удивлявших западноевропейцев пищевых запретов, явно ветхозаветного происхождения (телятина, «удавленина», кровь, моллюски, ракообразные и пр.).

³²⁰ Граля И. Свои люди – сочтемся. Православная элита Великого княжества Литовского и Москва в XVI в. // Родина. 2001. № 1–2. С. 70.

Наиболее раннее «разрядное» упоминание о «столах» при дворе великого князя относится к свадьбе Василия III с Еленой Глинской 21 (24) января 1526 г.³²¹ и к свадьбе князя Андрея Ивановича Старицкого 2 февраля 1533 г. Далее до 70-х гг. XVI в. фиксируются преимущественно свадебные столы – Ивана IV с Анастасией Романовной 3 февраля 1547 г., кн. Юрия Васильевича 18 сентября 1547 г., кн. Владимира Андреевича в сентябре 1549 г., Симеона Бекбулатовича 1553 г., кн. И. Д. Бельского 8 ноября 1554 г., кн. Владимира Андреевича 28 марта 1555 г., Ивана IV с Марфой Собакиной в октябре 1571 г., ливонского короля Магнуса в 1572 г.³²² Однако в официальные разряды эти столы не заносились, и в случае нужды местническим судьям приходилось обращаться к Царскому архиву, где имелся «со свадебными чины ящик», а также к разрядным дьякам, хранившим «книги свадебных чинов»³²³. За этот период имеется только одна запись о столе, имеющая отношение к торжествам в монаршей семье. В апреле – мае 1543 г. «ели у великого князя боярин князь Иван Иванович Кубенской да боярин князь Василей Васильевич Чюлок Ушатой на третьей недели после Велика дни в субботу»³²⁴. Но эта запись сохранилась, возможно, только из-за их местничества. Чиновные росписи столов составлялись с разной степенью подробности; но свадебные столы, как составная часть свадебного разряда, обычно фиксировались достаточно полно, с указанием отдельно «сидячих» бояр и боярынь и вида стола. С 1570-х гг. появляются записи столов по другим случаям. В 1572 г. – на богомолье в Вологде, 5 января 1576 г. – в честь имперского посла, в сентябре 1577 г. – в связи с приемом пленного гетмана кн. А. Полубенского в Володимерце в Ливонии³²⁵, что свидетельствует о разнообразии поводов для государевых застолий, отмеченных в разрядах. Списки приглашенных имеются везде, кроме случая с послом. В основном в то же время начинается и фиксация местничеств за столом или лиц, назначенных «смотреть в столы» (первый случай – вышеупомянутое местничество кн. В. В. Чулка-Ушатого с кн. И. И. Кубенским). Систематическая фиксация столов начинается в разрядах второй половины 1580-х гг. Так, в 1586 г. зафиксировано по разным редакциям разрядов 3 стола³²⁶, со списками сидевших или отметками:

³²¹ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 193. (Записаны только боярыни.)

³²² Там же. Т. 1. С. 234–237, 323–324, 337–341, 368–369, 458–461, 480–483, 487–488; Т. 2. С. 286–287, 329–332. (В более ранних разрядных записях свадеб столы не указаны.)

³²³ ВМОИДР. 1852. Кн. 14. Отд. 2. С. 13 (Дело кн. Т. Р. Трубецкой – кн. Г. А. Куракин 1588–1589 гг.).

³²⁴ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 306.

³²⁵ Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 337, 393; Т. 3. Ч. 1. С. 21.

³²⁶ Там же. Т. 3. Ч. 2. С. 80–81, 104; РК 1550–1636. Т. 2. С. 32. (Столы – по случаю приемов посла Льва Сапеги, царевича Мурат-Гирея и на праздник Покрова Богородицы.)

«Иные многие дворяне сидели по списку»³²⁷. В 1588 г. фиксируется 9 столов, в числе которых были не только застолья для послов, но также отмечаются приемы митрополитов и патриарха. Постепенно начинает формироваться постоянный корпус церковных и светских праздников, на которые при дворе положено назначать столы. Не случайно примерно в то же время начинают появляться более частые записи о местничествах за столом, однако местники апеллируют не к разрядам, а к иным документам, которые далеко не сразу удастся разыскать. Так, когда в ноябре 1588 г. кн. Т. Р. Трубецкой заявил, что его родственник кн. Ф. М. Трубецкой сидел выше кн. В. Ю. Голицына на свадьбе ливонского короля Магнуса в 1572 г., только через два месяца, 19 января 1589 г., был «сыскан со свадебными чины ящик, а в нем сыскан списочек о свадьбе короля Арцымагнуса», а «свадебных чинов книгу великую», которая, по словам дьяка В. Я. Щелкалова, хранилась у его брата дьяка Андрея, вообще не нашли³²⁸. В 1591 г. зафиксировано в разрядах уже 10 столов. Они, видимо, не записывались вовсе в Государев разряд 1598–1604 гг. и «Разрядный подлинник» 1613–1614 гг. По поводу же вышеупомянутой свадьбы дьяки уже в 1579 г. сообщали, что «... в Государеве розряде таковы свадьбы не написано»³²⁹. Определенный тип разрядной документации, фиксирующий придворные церемонии, либо в более ранние времена не велся, либо сохранился только с 1580-х гг. Видимо, плохой сохранностью записей за определенное время следует объяснить неравномерность и даже уменьшение числа «столов», записанных за год; в частности, по Пространной редакции Разрядных книг можно проследить следующую картину: 1580 г. – 1; 1581–1585 гг. – нет; 1586 г. – 1; 1587 г. – нет; 1588 г. – 9; 1589 г. – 2; 1590 г. – 2; 1591 г. – 10; 1592 г. – 3; 1593 г. – 5; 1594–1596 гг. – нет; 1597 г. – 1; 1598 г. – 6; 1599 г. – 3; 1600 г. – 2; 1601 г. – 2³³⁰. В Разрядной книге 1550–1636 гг., определяемой как сокращенный вариант Пространной редакции³³¹, до 1601 г. включительно «столы» не указаны, с 1602-го по 1604 г. записаны по одному в год³³². Почти не фиксируются столы и в «послесмутное» время в разрядных подлинниках («Книги разрядные» – КР)³³³. Однако в «Дворцовых разрядах», одном из основных

³²⁷ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 81.

³²⁸ ВМОИДР. 1852. Кн. 14. С. 13–14.

³²⁹ РИС. Т. 2. М., 1838. С. 21.

³³⁰ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 170–174; Ч. 2. С. 80–81, 104, 118, 119, 123, 125, 126, 148, 149, 179, 180, 181, 190, 196, 231; Ч. 3. С. 10, 23, 38, 45, 47, 54, 63, 68, 76, 150; Ч. 4. С. 36–38, 46–47, 70; 75, 82–83, 98, 111, 116, 138; РИС. Т. 2. С. 258, 269.

³³¹ РК 1550–1636. Т. 1. С. 3.

³³² Там же. Т. 2. С. 214; по РК 1559–1605 в 1602 г. записаны 3 стола (С. 346–348).

³³³ КР. Т. 1. С. 84, 413–414, 546–547, 936.

разрядных источников за XVII в., являющихся, как известно, разрядными книгами – компиляциями, появляется огромное количество записей придворных церемониалов, в том числе «столов». Особенно подробно они фиксируются в первые годы царствования Михаила Федоровича (в 1613 г. – 3; 1614 г. – 8; 1615 г. – 3; 1616 г. – 6; 1617 г. – 6; 1618 г. – 7; 1619 г. – 14; 1620 г. – 18; 1622 г. – 34 и т.д.). Число записанных в разряды столов очень велико; только столов, объявленных без мест, с 1591-го по 1675 г. зафиксировано нами по разрядам более 130, а общее количество записей столов следует увеличить минимум в три раза³³⁴. Кроме того, надо учитывать неравномерную и для позднейших периодов сохранность записей. Например, за 1647 г. нам известна одна, а за 1649 г. – 7 записей столов. Сохранилась только одна официальная «Столовая книга» за 1622/23–1628/29 гг. К. В. Петров по ней насчитывает в среднем от 27 до 31 «стола» в год, вычленив основные церковные и семейные праздники, по которым они в тот период собирались, а также уточнив местническую иерархию служивших «у стола» дворцовых чинов³³⁵.

Наиболее ранней фиксацией указа о безместии за царским столом следует считать речь царя Федора Ивановича 25 августа 1591 г., о которой уже упоминалось выше («Испейте, я вас жалую, а про то не покручиньтесь...»), перечислившего три пункта, в которых отразилось безместие по случаю торжеств в связи с победой над войском Казы-Гирея: «...другое – за столом сидели без мест, третье – шубы жалую без мест»³³⁶. Возможно, безместие за столом в те годы было еще новшеством, требовавшим специального царского разъяснения. Новооткрытая Ю. В. Анхимюком разрядная книга показывает, какую щепетильность проявлял в этом вопросе Борис Годунов. Во время одного из «походов» на богомолье в Симонов монастырь в июле 1602 г. царя сопровождали князья Ф. И. Мстиславский, В. И. и Д. И. Шуйские и Т. Р. Трубецкой. «А ели бояре за столом у государя с Мстиславским по одному порознь, весь поход, а стычка никому ни с кем не бывала в отечестве», – специально отмечает автор разрядной книги. Когда же 6 ав-

³³⁴ Например, с января по август 1651 г. записано 10 столов с местами и 3 без мест. См.: Ф. 210. Оп. 9. Ст. 229. Л. 323–331.

³³⁵ Петров К. В. Царские «столы»... С. 224–226. Иерархия прислуживавших за столом выглядела так: 1) «пить носить», 2) «есть ставить» перед государем; 3) «пить носить»; 4) «есть ставить» в большой стол; 5) «пить носить», 6) «есть ставить» в кривой стол. Иерархия распоряжавшихся проведением стола выглядела так: 1) «у стола стояли» (кравчий и стольник), «в столы смотрели» стольники: 2) «в большой стол», 3) «в кривой стол», 4) «вина наряжал», 5) «пить наливал»; 6) «перед государем стоял» (чашник, стольник), 7) «у места был» (постельничий), 8) «за кушеньем сидел» или «в столы отпускал» (стольник) (Там же. С. 231–233).

³³⁶ РК 1475–1605. Т. 3. С. 232.

густа того же года на Преображенье к столу велено было быть князьям Ф. И. Мстиславскому, А. П. Куракину и А. И. Голицыну, то последний бил челом на Куракина (местническая тяжба этих двух ветвей одного рода Гедиминовичей охватывает несколько десятилетий, приходящихся на оба столетия). И тогда «молыл государь князю Андрею Голицыну: Яз де вам говорил и спрашивал, хто вас болши? и вы де мне не сказали, хто вас болши. И яз де вас потому позвал; а коли де тебе менши князь Ондreja Куракина нельзя, и ты де поедь к себе»³³⁷. Для популяризаторов науки и литераторов местничества за столом, с их эффектными сценами безобразного поведения участвовавших в конфликтах лиц, не подобавшего ни их возрасту, ни сану, издавна служили излюбленной иллюстрацией к рассказу об этом институте³³⁸. Однако нас интересуют как раз обратные ситуации. Причины, по которым назначались безместия, были различны. Прежде всего, это были случаи государственных торжеств – венчания на царство (Бориса Годунова, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича)³³⁹; царские свадьбы (например, Михаила Федоровича в 1624 г.)³⁴⁰; поставление патриарха Филарета в 1619 г.³⁴¹; семейные торжества царской фамилии («государев ангел» – праздники свв. Бориса и Глеба 24 июля, Михаила Малеина 12 июля, Алексея человека Божия 17 марта); дни ангела, рождения и крестины членов царской семьи (к примеру, стол в честь рождения царевича Федора Алексеевича 30 июля 1661 г.)³⁴²; церковные праздники (Рождество, Светлое Воскресенье, Святая Неделя, Образ Нерукотворного Спаса и др.); в честь пожалования в новые думные чины³⁴³. Безместие объявлялось и в государевых «походах» по монастырям. Особым церемониалом, в частности, отличались столы в Троице-Сергиевом монастыре: «А у Троицы в трапезе в столы не смотрят и вин не нарежают»³⁴⁴ (таким образом ликвидировался повод для местничества среди лиц, назначаемых прислу-

³³⁷ Анхимюк Ю. В. Разрядная книга 1598–1602 гг. // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 412.

³³⁸ Например, 7 апреля 1650 г. кн. И. И. Ромодановский отказался сесть ниже В. В. Бутурлина; «И государь велел ево посадить под Бутурлиным... и князь Иван с скамьи упал, и его подняли и велели посадить под Бутурлиным и держали на руках за столом». См.: ДР. Т. 3. С. 156–157.

³³⁹ РК 1550–1636. Т. 2. С. 163; ДР. Т. 1. С. 99, 100; Т. 3. С. 17.

³⁴⁰ ДР. Т. 1. С. 629–630; МИМ. С. 511.

³⁴¹ Там же. С. 406.

³⁴² АМГ. Т. 3. СПб., 1901. С. 401.

³⁴³ ДР. Т. 3. С. 32–33.

³⁴⁴ Там же. С. 492, 620. Отметим однако, что если стол в Троице устраивался не в «трапезе», а в государевой «столовой келье», то чины «смотреть в столы» назначались, видимо, потому, что здесь царь был как бы на территории своего дворца. См.: Там же. Т. 1. С. 620.

живать за столом), менее торжественным церемониалом окружалось повседневное застолье, именовавшееся «кушанье». В разрядах записывалось, что «в тот день стола у государя не было, а было вместо стола кушанье», и в таком случае никогда не отмечались приглашенные, ни поименно, ни безымянно³⁴⁵. Безместие объявлялось иногда и за столом у патриарха в присутствии царя³⁴⁶, а также на официальных столах, где фактически государя не было, а его «замещал», например, «в государеве имени дьяк Дементей Башмаков»³⁴⁷. Часто можно видеть безместие за столом и в военно-походных условиях (например, во время войны с Польшей и пребывания царской ставки в Полоцке, Смоленске и т.д.). Так, в 1654 г. в стане под Смоленском и потом по случаю взятия города с июня по сентябрь было 5 столов, из них 4 – без мест. Порядок написания «в столы» был следующий: первыми писались имена приглашенных церковных иерархов («...был у государя стол в золотой палате, а был у государя отец его государев святейший патриарх...»)³⁴⁸, затем имена особ царского рода, например, 12 февраля 1656 г. на именины царевича Алексея Алексеевича приглашены были патриарх Никон, патриархи Антиохийский и Сербский Макарий и Гавриил да «царевичи – грузинский Николай Давыдович, да касимовский... Василий Арасланович да сибирские царевичи Петр да Алексей Алексеевичи»³⁴⁹. Далее следовали имена приглашенных думных чинов или же просто упоминание об их присутствии, о чем будет сказано ниже. Затем в обязательном порядке шли имена придворных чинов, назначенных руководить прислугой за столами, – стольников, «смотревших в столы», «вина нарежавших» и т.д. Последним безместие, как правило, не назначалось (за исключением случаев в Троице-Сергиевом монастыре, о которых говорилось выше), и поэтому там часто вспыхивали конфликты. Однако вернемся к основной, условно «третьей» в иерархии (после духовных сановников и царевичей) группе приглашенных к государеву столу – думным чинам. Присутствие за «столом» было для них безусловно почетной «службой», «честью», объектом местнических амбиций рода. По мере усложнения придворного церемониала увеличивается количество записываемых в разряды столов и все более разнообразятся их типы. Разрядные книги знают два типа записи. Это запись с поименным пе-

³⁴⁵ «В этих случаях государь кушал в своих комнатах запросто, без чинов, и приглашенные по особому благоволению сидели за столом всегда уже без мест». См.: *Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII ст.* Т. 1. М, 1918. С. 312.

³⁴⁶ ДР. Т. 1. С. 433.

³⁴⁷ ДЗПТД. С. 142 (8 июня 1662 г.).

³⁴⁸ ДР. Т. 1. С. 433.

³⁴⁹ Там же. Т. 3. С. 24–25.

речислением приглашенных и запись, где стол объявляется «без мест». При просмотре всех имеющихся в нашем распоряжении разрядов «столов» выяснилось, что в последнем случае имена приглашенных не писались. В доказательство приведем выборку «столов» с местами и без мест за 1647–1650 гг. из «Дворцовых разрядов», источника компилятивного, но проверяемого (см. табл.):

Таблица 7

Разряды столов у государя и патриарха в 1647–1650 гг.

(по ДР. Т. 3. С. 56–218)

Столы «со списком»	Столы «без списка»	Отмечено безместие
1	2	3
1647 г. 11.04. Вербное воскресенье, у патриарха		
18.04. У государя		
06.06. Троицын день у государя в Троице-Сергиевом м-ре		
	1647 г. 16.08. Праздник Нерукотворного Спаса, у государя	+
	1648 г. 19.01. Царская свадьба	+
1648 г. 25.03. Праздник Благовещения, у государя		
02.04. На «Велик день», у государя		
	16.08. Праздник Нерукотворного Спаса, у государя	+
01.10. Праздник Покрова Богородицы, у государя		
14.10. У государя		
	26.10. В честь рождения царевича Дмитрия Алексеевича, у государя	+

1	2	3
164 28.01. В Мясопустную неделю, у государя		
	1649 г. 17.03. На государев ангел, у государя	+
18.03. На Вербное воскресенье, у патриарха		
	25.03. На праздник Благовещения, у государя	+
27.03. На Светлой неделе, у государя		
	01.04. На именины царицы, у государя	+
	(?).04. В с. Покровском, у государя	+
	05.05. На именины царевны Ирины Михайловны, у государя	+
13.05. В Троице-Сергиевом м-ре, у государя		
	15.08. Праздник Успения Богородицы, у патриарха	+
	16.08. Праздник Нерукотворного Спаса, у государя	+
08.09. У государя		
25.09. В Троице-Сергиевом м-ре, у государя		
25.12. На праздник Рождества, у государя		
	1650 г. 19.02. В честь рождения царевны Евдокии Алексеевны, у государя	+

1	2	3
1650 г. 24.02. В честь крещения царевны Евдокии Алексеевны, у государя		
17.03. На государев ангел, у государя		
01.04. На именины царицы		
07.04. На Вербное воскресенье, у патриарха		
14.04. На «Велик день», у государя		
02.06. В Троице-Сергиевом м-ре, у государя		
12.06. В Кашине, у государя		
(?).06. В монастыре Паисия Углицкого, у государя		
15.08. У патриарха		
	16.08. Праздник Нерукотворного Спаса, у государя	+
25.09. В Троице-Сергиевом м-ре, у государя		
01.10. Праздник Покрова Богородицы, у государя		
	13.10. «Кушанье в кельях» в Троице-Сергиевом м-ре, у государя	+
22.10. Праздник иконы Казанской Богоматери, у государя		
21.12. Память св. митрополита Петра, у патриарха		

Как видно из таблицы, столы с именами приглашенных никогда не объявляются безместными, и наоборот. Анализ другого, полностью официального источника – «Дневальных записок Приказа тайных дел» за 1659–1668 гг. – дает близкий результат³⁵⁰. Тот же результат дает и просмотр

³⁵⁰ Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа тайных дел. М., 1908. С. 52, 53, 132, 169, 147, 173. Далее – ДЗПТД.

разрядного столбца, который велся еще через 9 лет – в 1677 г.³⁵¹ Таким образом, выявляется прямая зависимость местнических счетов от того, как эта служба фиксировалась в разрядах. Факты, противоречащие данной системе, немногочисленны, и в большинстве случаев им можно найти объяснение. Записи, отличающиеся от общепринятых, можно условно разделить на четыре группы. Первая группа – это записи с упоминанием как имен приглашенных, так и безместия. Казалось бы, данные факты противоречат нашей гипотезе. Однако последних нам удалось обнаружить всего три, причем в первом случае это запись о «столе у государей» – Михаила и Филарета, куда приглашены были боярин кн. Ф. И. Мстиславский «с товарищи», «и были бояре и окольные все без мест»³⁵², что напоминает типичный полковой разряд при безместии с первым воеводой. Во втором и третьем случаях (6 декабря 1635 г. и 15 августа 1668 г.) имеются списки бояр и записи о безместии, но они, возможно, приписаны позднее, так как присутствуют только в одном из использованных издателями списков³⁵³. Исключение, видимо, составляли столы в военно-походных условиях, когда приглашались награжденные. Так, 29 апреля 1656 г. «у стола велел государь быть бояром и воеводам князь Алексею Никитичю Трубецкому с товарищами ево» – далее перечислены бояре князя Г. С. Куракин, Ю. А. Долгорукий, окольные кн. С. Р. Пожарский и С. А. Измайлов, затем главы другого полка – боярин В. П. Шереметев, С. Л. Стрешнев, Ж. В. Кондырев, и далее – все разрядные воеводы вплоть до воеводы прибылого полка А. В. Бутурлина, причем указано, что «сидели в столе без мест»³⁵⁴. Объяснение этому факту можно найти в том, что «после стола жаловал государь бояр и окольных, которые были у стола, за их службы, своим государевым жалованьем», после чего они были у руки на отпуске. Аналогичные столы со списком и «безместием» записаны 15 и 17 июля того же года в Смоленске; после перечисления имен – от бояр до думных дьяков – следует указание на безместие, а затем – на пожалование их после стола³⁵⁵. Ниже обычно помещались сведения о других приглашенных; так, за столом по случаю взятия Смоленска 25 сентября 1654 г. отмечен казачья старшина – И. Золотаренко с товарищи³⁵⁶; 1 апреля 1655 г. в том же Смоленске в списке «стола» на именины царицы указано быть «да смоленской шляхте»³⁵⁷. Таким образом, приглашенных писали поименно, ввиду их на-

³⁵¹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 522. Л. 238, 1250, 1289–1290, 1313–1315, 1323–1324.

³⁵² ДР. Т. 1. С. 433.

³⁵³ ДР. Т. 2. С. 487–488; Т. 3. С. 834 (прим.).

³⁵⁴ ДДР. С. 33–35.

³⁵⁵ Там же. С. 46, 48.

³⁵⁶ ДР. Т. 3. С. 445.

³⁵⁷ Там же. С. 469. В 1656 г. приглашались к столам также витебская и полоцкая шляхта и мещане. См.: ДДР. С. 56, 81, 83.

граждения после стола. Еще один своеобразный «походный» вариант разряда стола связан с праздником иконы Богородицы Смоленской в Новодевичьем монастыре. Только что вступивший на престол Федор Алексеевич 28 июля 1676 г. «после литургии изволил кушать на своем государеве дворе в шатре. А бояря и окольные и думные люди, которым имена писаны выше сего, у великого государя у стола были все без мест, а ели в комнатном шатре»³⁵⁸. Разрядный дьяк в данном случае решил, видимо, отметить свиту нового царя. Вторая группа записей, отличающихся от общепринятых, – это записи, где отсутствуют как имена приглашенных, так и указания на их безместие. Они встречаются в вышеупомянутой «Дневальной записке Приказа тайных дел» с 1657-го по 1666 г. и выглядят так: «И были бояре и окольные и думные люди и стрелецкие головы» или «А у стола были комнатные стольники и полковники и головы стрелецкие»³⁵⁹. Возможно, подобный тип записи связан с редактированием «Дневальной записки», в которой, как мы далее увидим, имеется большее разнообразие вариантов записи «столов», чем в разрядах. В особую группу следует выделить и «противоположный» тип исключения из общих правил, который встречается в основном в «Дневальной записке» и лишь один раз – в «Дворцовых разрядах» (ДР): приглашенных изредка не только поименно перечисляли, но и добавляли «с месты». Такие случаи относятся ко второй половине XVII в., например, 25 декабря 1659 г., на Рождество, 30 марта 1662 г., на Светлое воскресенье³⁶⁰, и 4 июля 1672 г. стол в честь крестин царевича Петра Алексеевича, где думные чины перечислены «с месты», а стольники, стряпчие, стрелецкие сотники, гости, «чорных слобод лучшие люди» – «без мест»³⁶¹. Если о последней записи можно предположить, что она появилась в результате распространения местнических норм и обычаев на низшие слои общества, то объяснить принципиальное наличие термина «с месты» не так просто. Остается добавить, что помимо вышеуказанной формы записи существует еще один вариант – запись приглашенных без имен, но с отметкой «с месты». Впервые, как мы выше указывали, такая форма встречается на свадьбе Ивана IV с Марией Нагой 6 сентября 1580 г.³⁶² Во второй половине XVII в., например, можно изредка встретить запись такого типа: «...и бояря и окольные и думные люди сидели с местами»; «...да у стола ж были бояря с месты»³⁶³. Если предположить, что в последнем случае формулировку «с месты» можно объяснить, например, отсутствием

³⁵⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 501. Л. 313.

³⁵⁹ ДЗПТД. С. 2, 15, 20, 165, 227, 234.

³⁶⁰ Там же. С. 47, 132.

³⁶¹ ДДР. С. 468; А. И. Маркевич отметил этот казус, не комментируя. См.: МИМ. С. 336.

³⁶² РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 174.

³⁶³ ДЗПТД. С. 281, 290 (08.06 и 25.12.1668 г.).

у автора сведений о приглашенных и необходимостью при этом отметить не безместный характер данной «службы», то и перечисление, и одновременное указание на «месты» объяснить труднее. Нам представляется бесспорным хотя бы тот факт, что сама запись имен являлась актом причисления этого стола к разрядным службам, о чем свидетельствуют и возникавшие время от времени местнические конфликты «за столом». Так, во время «похода» Бориса Годунова в Симонов и Николо-Угрешский монастыри в 1602 г. его сопровождали бояре князя Ф. И. Мстиславский, В. И. и Д. И. Шуйские, В. В. Голицын, Т. Р. Трубецкой: «А ели бояре за столом у государя со Мстиславским по одному, порознь весь поход, а стычка никому ни с кем не бывала в отечестве»³⁶⁴. И так, дабы избежать «стычки» – назначения, чреватого конфликтом, царь Борис умело «развел» бояр, которые сидели каждый раз по одному, ниже только самого главы Боярской думы. Иногда безместие, по каким-то причинам не отраженное в разрядной записи, как бы подразумевалось. Например, 1 апреля 1657 г. кн. С. П. Львов бил челом на И. Д. Милославского, за что был наказан как нарушивший государев указ и послан в тюрьму, причем в указе специально отметили, что «того де записано не будет».

Со второй половины XVII в. формула «без мест» начинает как бы «перемещаться» и порой уже не отделяет думные чины от прочих приглашенных более низких рангов. Сначала возникает прибавление к перечислению думцев – «и ближние люди», знаменующее процесс выделения из состава всего государева двора (а не только Думы) «комнатной» или «ближней» Думы: в 1660 г., 18 января – «А у стола были комнатные бояре и окольные все без мест»; в 1670-е гг. – «Бояре и окольные и ближние люди все без мест»³⁶⁵. В 1675 г. уже можно встретить новую формулу – были у стола «бояре и окольные и думные дворяне и дьяки и головы и полуголови и гости, а ели все без мест»³⁶⁶. Безместие здесь уже уравнивает ранги от бояр до верхушки посада – ситуация, прежде неслыханная. О распаде местнической традиции свидетельствует и продолжение той же записи: «В столы стольники смотрели без явок»³⁶⁷. «Смотрение в столы» ранее никогда не объявлялось безместным (за вышеуказанными исключениями). Последняя запись о безместии за столом относится, что интересно, к 29 июня 1683 г., к именинам царевича Петра Алексеевича, праздновавшимся уже после

³⁶⁴ *Анхимова Ю. В.* Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 412.

³⁶⁵ ДЗПТД. С. 52; ДР. Т. 3. С. 900, 1054, 1146–1147 (1673, 1674 гг.); Т. 4. С. 55, 161–162 (1677, 1678 гг.). В 1677 г., в частности, отмечены «бояре и окольные и думные и ближние люди все без мест». См.: Ф. 210. Оп. 9. Ст. 522. Л. 1250, 1290, 1323–1324.

³⁶⁶ ДР. Т. 3. С. 1498.

³⁶⁷ Там же.

отмены местничества, когда, видимо, по привычке применили отжившую формулу³⁶⁸.

Безместие боярынь, приглашавшихся к столу вместе с мужьями, специально не фиксировалось. Редким исключением были местничества женщин вообще, в том числе из-за размещения за столом³⁶⁹. Записи о безместии приглашенных к столу боярынь прослеживаются с 1631 г.³⁷⁰ Так, кн. И. В. Голицын, не подчинившийся указу о безместии во время свадьбы Михаила Федоровича с кнж. М. В. Долгорукой, должен был явиться к столу 14 сентября 1624 г. с супругой, и в дальнейшем они вместе были сосланы³⁷¹. «Несамостоятельность» роли женщины в придворном церемониале, «место» которой лишь фиксировало местническое положение ее супруга, особенно ярко проявлялась, например, в разряде свадебного стола царевича Михаила Кайбулича с М. Г. Ляпуновой в 1623 г. Среди боярынь «из сидячих» приглашена была Настасья Семеновна, жена И. Д. Плещеева, но она по какой-то причине отсутствовала, и на ее месте сидела ее родственница, жена И. Я. Вельяминова, «а называли ее на свадьбе Ивановою женою Плещеева, в ее место она была»³⁷². Женщины приглашались без мужей к столам цариц, эти столы ограничивались семейными торжествами, как бы дублируя столы царя для жен приглашенных им лиц³⁷³. И точно так же для жен объявлялось безместие, если не было поименного списка. В этом обычае крылось определенное этикетное удобство для цариц, поскольку сами они, как правило, происходили из не особо знатных родов. Достаточно привести один пример: 12 июня 1634 г. за столом у царицы сидели боярыни «с местами» – и ее мать, А. К. Стрешнева, оказалась на последнем месте³⁷⁴. Без мест назначались и

³⁶⁸ Там же. Т. 4. С. 223. Возможно, это машинальная приписка, так как после перечисления приглашенных чинов следует слово «все»; ранее писали иногда «все без мест», теперь же кусок прежнего выражения оторвался и получилось бессмысленное «бояре, окольничие, ближние люди все». См.: Там же. С. 439, 566.

³⁶⁹ ДРВ. Т. XIII. С. 140. Это дело 1624 г. Ф. Л. Бутурлин – князя И. И. Одоевский, А. Ю. Сицкий: вероятно, из-за порядка размещения за столом жен: А. С. Бутурлина (5) – княгини М. М. Одоевская, А. Сицкая (3, 4).

³⁷⁰ ДР. Т. 2. С. 226, 327, 333; МИМ. С. 511. Имеются в виду столы у царицы 25.07.1631 г., 24.04.1633 г., 16.06.1633 г.

³⁷¹ ДР. Т. 1. С. 633, 640–642, 1210, 1219, 1220. Если сам князь умер в ссылке в 1627 г., то его жена Ульяна Ивановна вернула себе впоследствии высокое положение, в частности назначалась в 1672 г. «мамой» к царевичу Петру Алексеевичу. См.: ДР. Т. 3. С. 890, 1088.

³⁷² ДРВ. Т. XIII. С. 127–137.

³⁷³ Наиболее подробно описаны «приезды» боярынь и ритуалы столов у цариц И. Е. Забелиным. См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Изд. 3-е. (Репринт). М., 2001. С. 346–358. Здесь же представлены сводные списки «приезжих боярынь» ко двору цариц Е. Л. Стрешневой, М. И. Милославской и Н. К. Нарышкиной в порядке приблизительно реконструированного их местнического старшинства. См.: Там же. С. 349–352.

³⁷⁴ ДР. Т. 2. С. 348, 384. Впрочем, по мнению И. Е. Забелина, «для Стрешневых это могло быть находкою».

необходимые по протоколу столы цариц; например, в 1667 г. – стол у царицы Марии Ильинишны, принимавшей грузинскую царицу Елену Леонтьевну: «А у стола были боярыни приежжие, все без мест»³⁷⁵. К 1670-м гг. в силу вышеупомянутых процессов размывания местнических рамок расширяется и традиционная формулировка безместия для женщин. По случаю крещения царевича Петра Алексеевича за столом у Натальи Кирилловны были, помимо вышеупомянутой грузинской царицы, «да царевичовы жены Касимовского, да... Сибирского, да боярские жоны и окольных и думных дворян и приежжие боярыни все без мест»³⁷⁶. Аналогичен «мужскому» был и порядок записи столов – без имен в случае объявленного безместия.

6.2.4. Безместие рынд

Этот вид безместия известен по источникам начиная с XVI в. Молодые отпрыски знатных фамилий назначались на эту почетную службу по четыре, а иногда по шесть, причем старшинство было строго определено местами справа и слева от «государева места» в случае приема или тем видом церемониального оружия, за которое он отвечал в походе (саадаки большой или главный, средний или другой и малый или третий, копье, сулица, рогатина, пицаль, которые являлись символами великокняжеской, а затем и царской власти)³⁷⁷. «Места рынд расписывались в зависимости от видов оружия; наиболее часто они были расставлены от саадака. Рында, находившийся при нем, назывался главным, или старшим. Младший рында занимал место у рогатины или пицали»³⁷⁸. Несмотря на частые назначения и, соответственно, частые местничества (причем порой в эти тяжбы вмешивались старшие родственники еще не особо компетентных в родословно-служебных тонкостях юношей), известно очень мало случаев безместия рынд. В 1555 г., 3–4 июля, «большой рында был князь Иван Юрьевич Голицын, а те рынды были все без мест»³⁷⁹. Почти аналогичная запись в разряде появляется через год, в мае – июне 1556 г.: «У царя и великого князя были рынды, и рында один большой князь Иван Юрьевич Голицын, и те все без мест были рынды»³⁸⁰. Вряд ли здесь имеет

³⁷⁵ ДР. Т. 3. С. 660.

³⁷⁶ Там же. С. 892.

³⁷⁷ А. К. Левыкиным высказано интересное предположение, объясняющее, почему именно саадакам уделялось такое важное место в походном государевом «чине». По его мнению, они играли роль уже ушедшего в прошлое щита с эмблемой, поскольку только поле саадака несло изображение герба (на знаменах по большей части располагались сакральные символы); а большой покровец главного саадака в XVI–XVII вв. «выполнял роль штандарта русского государя». См.: *Левыкин А. К.* Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 76–78.

³⁷⁸ Там же. С. 58.

³⁷⁹ РК 1495–1598. С. 150; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. С. 493.

³⁸⁰ РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. С. 512.

место ошибка переписчика, поскольку списки прочих рынд, подчиненных главному рынде, не совпадают. В 1577 г. в Ливонском походе началось местничество рынд царевича Ивана. «И царь и великий князь велел в разряде записать, что у царевича быть рындам без мест»³⁸¹. Последним известным нам случаем указа о безместии рынд является указ и приговор Земского собора о безместии в береговом разряде 19–20 марта 1598 г. (о котором подробно говорилось ранее). После длинного списка рынд и подрынд следует: «А сказано всем рындам без мест быти»³⁸². В чем причина отсутствия в дальнейшем решений о безместии рынд? Полагаем, что, во-первых, в случаях больших военных кампаний с личным присутствием государя, когда объявлялось всеобщее безместие, оно распространялось и на эту службу. Во-вторых, патриархальный характер российской государственности и общества предполагал, с одной стороны, безусловное подчинение юных членов знатных родов, «по службе молодых», а с другой – перекладывал заботу об их «чести» на весь их род, что, безусловно, оказывало на них своеобразное воспитательное воздействие. Вероятно, власти считали слишком большой честью для рынд назначение им безместия, предпочитая, чтобы они выстраивали свою иерархию сами (при том, что разрядные дьяки, высокие профессионалы своего дела, не допускали особо грубых ошибок в расстановке мест для членов различных родов). В случае особой строптивости рынд могли и жестоко наказать³⁸³. Кроме того, знатные роды и со своей стороны могли быть не вполне довольны тем, что их юный представитель начинает службу с безместия, поскольку для клана было бы желательно, чтобы он занял свое место в иерархии родов, члены которых начинают карьеру с такой заметной, хотя и не слишком высокой придворной службы.

6.3. Безместие в административной службе

6.3.1. Безместие в Боярской думе

На заседаниях Боярской думы, отмечает С. О. Шмидт, ссылаясь на А. И. Маркевича, «безместие было принято раз и навсегда»³⁸⁴. Маркевич же в «Истории местничества» рассуждает следующим образом: «С трудом можем объяснить себе факт, что не велико было число местничеств на заседаниях

³⁸¹ Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 439. Однако после похода суд между ними все же был.

³⁸² Анхимюк Ю. В. Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 372.

³⁸³ Весьма известны истории, произошедшие в 1617 и 1620 гг., когда бояре, члены думной комиссии по разбору подобного дела, лично поколотили упрямых и нахальных юношей. См.: ДР. Т. 1. С. 264, 435–436; Соловьев С. М. Сочинения... Кн. V. Т. 9. С. 256.

³⁸⁴ Шмидт С. О. Становление Российского самодержавства. М., 1973. С. 295.

Боярской думы. Что в Думе садились по предполагаемому местническому старшинству, видим из обстоятельных указаний Котошихина и других лиц...» Ссылается исследователь, в частности, на свидетельство Р. Ченслера: «Бояре сидели один выше другого...» Но, замечает Маркевич, либо все места в Думе были заранее определены соответственно «чести», но тогда они не местничали бы и на иных службах; либо, наоборот, нигде бы не было столько местничеств, сколько в Думе, и каждое заседание начиналось бы хаосом³⁸⁵. Остается допустить, резюмирует автор, что там раз и навсегда было принято безместие, чему, добавим, не противоречит и единственный случай местничества³⁸⁶. Отметим, что упомянутый случай, собственно, не имеет отношения к порядку заседания Думы. 17 декабря 1651 г. между Пушкиными и кн. Долгорукими произошла ссора «в Передней, при нем, государе», но нигде прямо не указано, что она случилась из-за мест при рассаживании в Думе. В данном случае Дума была не более чем местом столкновения, к конкретной «службе» «сидения с государем» отношения не имевшим³⁸⁷. Существующие изображения заседаний Думы – это прежде всего барельефы «царского места» Ивана Грозного, выполненные в 1551 г., на котором изваяны две сцены – совещаний византийского императора Константина Мономаха с советниками и великого князя Владимира Мономаха с боярами³⁸⁸, а также иллюстрация из «Книги об избрании Михаила Федоровича на царство» 1670-х гг. На последней представлена верхушка Земского собора 1613 г., т.е. думные чины и духовные иерархи; они сидят по кругу – слева от вакантного царского трона члены Боярской думы, а справа – члены Освященного собора³⁸⁹, этот рисунок также не выявляет какой-либо иерархичности размещения сидевших. Н. П. Загоскин, детально осветивший в своем исследовании структуру и механику функционирования Боярской думы, почему-то пришел к выводу, что в ней «местнические счета господствовали с полною силою»³⁹⁰. Правда, ссылается автор на то же упомянутое выше свидетельство Котошихина и на то же единственное местническое дело, однако приходит к выводу, что «здесь открывалось обширное поле для местнических споров». Не убеждает и косвенный пример, приведенный Загоскиным, относящийся к порядку работы Расправной палаты: при слушании в Думе дела, касающегося одного из ее членов или его

³⁸⁵ МИМ. С. 354–355.

³⁸⁶ ДР. Т. 3. С. 297 (Дело Г. Г. Пушкин – кн. Ю. А., Д. А. Долгорукие, 1651 г.).

³⁸⁷ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 245. Л. 262–263.

³⁸⁸ Соколова И. М. Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001. С. 44, 50; Илл. 10, 21; Очерки истории СССР. Конец XV – нач. XVII в. М., 1955. С. 323.

³⁸⁹ Три века. Т. 1. М., 1912. С. 181.

³⁹⁰ Загоскин Н. П. История права Московского государства. Т. II: Центральное управление Московского государства. Дума боярская. Приказы. Казань, 1879. С. 120, 121.

родственников, тот должен был оставить заседание. Но, во-первых, ничего конкретно «местнического» здесь нет, видно лишь стремление ограничить субъективность при принятии решений, во-вторых, распоряжение это относится уже к 1681 г.³⁹¹, т.е. к тому времени, когда местничество было уже фактически отменено и возникла Расправная палата – канцелярия Боярской думы. В последнем факте и коренится, на наш взгляд, суть проблемы наличия или отсутствия «мест» в Думе. Местничать в ней было невозможно не потому, что рассаживались в определенном порядке (хотя он, возможно, и совпадал с описанием Котошихина). Дело в том, что если практически все службы записывались в разряды, то подобных записей заседаний Думы не существует, хотя ясно, что участие в них являлось службой никак не менее «честной», нежели присутствие на каком-либо «государевом столе». Причем так, видимо, повелось изначально – записей ни в разрядной, ни в протокольной форме просто нет, что и послужило поводом для полемики о наличии или отсутствии у Думы собственной канцелярии и штата и, соответственно, являлась ли она учреждением в современном понимании этого термина (начиная со спора Н. В. Калачева с В. О. Ключевским). В разрядных книгах запись о решении Думы по какому-либо вопросу выглядела так: «И государь... с бояры о том сидел, и приговорил...»³⁹². Поскольку у Думы вспомогательного штата действительно не было (в противном случае сведения о нем были бы отражены в Боярских книгах и другой хорошо сохранившейся за XVII в. «кадровой» документации приказного аппарата, входящей в состав архива Разрядного приказа), очевидно, что не протоколировались и ее заседания. Не заносились сведения о ее заседаниях и в разрядные записи какой бы то ни было формы. В вышеупомянутой «Дневальной записке Приказа тайных дел» имеется несколько записей о «сидении» царя с боярами (на что обратил внимание еще ее публикатор – С. А. Белокуров), в Передней, Золотой или Столовой палатах (всего 7–8 за 1661/62, 1663/64, 1666/67, 1672/73 гг.): «А после литоргии было сиденье з бояры в Передней...», «... Великий государь ходил в Золотую, слушал поместных дел...», «... мая в 7 день во вторник великий государь изволил сидеть в Передней з бояры и окольничими и з думными людьми с 3-го часа до 7-го часа дни» и т.д.³⁹³, причем ни разу не перечисляются присутствующие. Отсутствует и какое-либо упоминание о местах в Думе и в местнических спорах. Местничества в Думе не обнаружили ни исследовательница боярства второй половины XVII в. О. Е. Кошелева³⁹⁴, ни американский автор работы о

³⁹¹ ПСЗ. Т. 1. № 885.

³⁹² ДР. Т. 2. С. 355.

³⁹³ ДЗПТД. С. IV, 104, 109, 235, 236, 286, 289, 300.

³⁹⁴ Кошелева О. Е. Боярство в начальный период становления абсолютизма в России: Дисс. канд. ист. наук. М., 1987. С. 133–134.

русской придворной элите XVII в. Маршалл По³⁹⁵. Отметим, что даже царь Алексей Михайлович, страстный приверженец разработки и внедрения всевозможных «чинов» – т.е. церемониалов, во все элементы жизни государева двора, почему-то не озаботился учреждением или хотя бы утверждением «чина», связанного с работой высшего совещательного органа при своей особе. И это при том, что, как справедливо указывает современный исследователь, в первой трети XVII в. «чин» восторжествовал во всех сферах; при дворе шагу нельзя было ступить без «чина»; помимо ранее исполнявшихся чинов венчания государя, свадебных, посольских и т.д., появляются чины «объявления» наследника престола, разнообразные чины встреч государя с патриархом, иностранными послами, подданными и т.д., которые регламентировали речи, позы, поклоны³⁹⁶. Думается, что при всей своей преданности этикету охоты венценосный автор «Урядника сокольничья пути» уделит бы время и сочинению некоего церемониала для боярского «сидения», обсуждения и принятия решений – но в том случае, если бы в этом была нужда. Однако по причинам, о которых остается только высказывать догадки, такой потребности не возникало. Возможно, причиной этому была «непубличность» думной службы, недаром подобные совещательные органы власти во многих странах именовались «тайными». Ж. Маржерет, поясняя французам значение Ближней думы, называл ее «Тайным советом»³⁹⁷. Отсутствие фиксации мест вполне гармонирует с отсутствием фиксации высказываний, в чем, вероятно, были заинтересованы и правительство, и члены Думы. Такая непубличность службы предполагает и возможное отсутствие при ее отправлении положенных в иных случаях обычаев и правил, «чина». Ведь «чином» именовалась и конкретная служба, назначение, функция – «во всяких полковых чинах ныне и впредь велели быть без мест»³⁹⁸. Любой «разрядный» человек, не щадя себя лично, бился именно за официальную письменную фиксацию (или против нее) своих служб, которые могли стать «потерькой» или «находкой» для его рода, но совершенно успокаивался, если данная

³⁹⁵ *Poe M.* The Russian elite in the XVII century. A Quantitative analysis of the «Duma ranks» 1613–1713. (*По М.* Российская элита в XVII в. Количественный анализ состава думных чинов 1613–1713). Т. II. Helsinki, 2004.

³⁹⁶ *Черная Л. А.* О понятии «чин» в русской культуре XVII в. // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993. С. 346–348. По мнению автора, в это время возникает потребность письменного закрепления «чина» каждого явления и вещи, причина чему – и эстетизация царского быта и форм придворной культуры, и напор новых явлений из-за рубежа, также нуждавшихся, по мнению современников, в формализации в «чине».

³⁹⁷ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (тексты, комментарии, статьи) / Под ред. А. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 133, 224.

³⁹⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 611. Стп. 2. Л. 63.

служба в разряды не записывалась. Например, для ликвидации местнических стычек при крестных ходах решено было «тех ходов в Розряде в книгу не записывать, чтоб вышеписанным чином от того меж себя ссор и нелюбия не было»³⁹⁹. Существовали и другие документы, в которые после Смуты ежегодно заносились члены государева двора (боярские книги и списки), причем не по местническим правилам, а по старшинству пожалования в чин, хотя и не всегда последовательно⁴⁰⁰. Не лишено вероятности, что бояре и другие члены Думы рассаживались именно по этому принципу, но только те, кто был пожалован в Думу после Смуты; порядок же записи в боярских книгах лиц, ставших боярами и окольничими до первых лет царствования Михаила Федоровича, несколько иной, видимо, зависевший от их местнического и политического веса. Так, для примера приведем список бояр из Боярской книги 1639 г. в сопоставлении с датами их пожалования в этот чин⁴⁰¹: И. Н. Романов (1605), кн. И. Б. Черкасский (1613), кн. Д. М. Черкасский (1619), Ф. И. Шереметев (1605), кн. Б. М. Лыков (1605), кн. Ю. Е. Сулешев (1615), кн. Д. М. Пожарский (1613), Б. М. Салтыков (1613), кн. А. Ю. Сицкий (1615), кн. А. В. Хилков (1624), Б. И. Морозов, кн. И. А. Голицын, И. П. Шереметев, И. В. Морозов, Л. С. Стрешнев, кн. А. М. Львов (1634), кн. П. А. Репнин (1635), Г. И. Морозов, кн. Ю. А. Сицкий (1635), кн. Б. А. Репнин, кн. Н. И. Одоевский, В. П. Шереметев, М. М. Салтыков (1640), кн. А. Н. Трубецкой, Н. И. Романов, В. И. Стрешнев, кн. Я. К. Черкасский, И. И. Салтыков, кн. Ф. С. Куракин, Ф. С. Стрешнев, кн. М. М. Темкин-Ростовский (1645), Б. П. Шереметев, Л. Д. Салтыков (1646). Таким образом, мы видим, что до 1619 г. запись осуществлялась по иным принципам – первые бояре записаны по родственной близости к царской семье, политическому авторитету и, может быть, отчасти – по «местам». А далее запись следует хронологии пожалования в чин, причем с 1638 г. – просто в виде фиксации указов о новых пожалованиях. Косвенным подтверждением отсутствия мест в Думе является свидетельство Пискаревской летописи. Иван IV, провозгласив царем

³⁹⁹ Там же. Л. 43.

⁴⁰⁰ Лукичев М. П. Боярские книги XVII в. как исторический источник: Дисс. канд. ист. наук. М., 1984. С. 84–85, 87. «Расположение имен дворовых внутри чиновных перечней боярских книг и списков отличалось определенной устойчивостью. Еще в первой пол. XVII в. выработался основной принцип их записи: по времени назначения в чин. ... Наиболее последовательно его придерживались во второй пол. XVII в. ... Но встречаются и нарушения этого принципа».

⁴⁰¹ Сведения взяты из: Боярская книга 1639 г. / Сост. М. П. Лукичев, В. А. Кадик, Н. М. Рогожин. Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1999. С. 19–23; *Poe M., Kosheleva O., Martin R., Morosov B. The Russian elite in the XVII century. The consular and ceremonial ranks of the russian sovereigns court 1613–1713. (По М., Мартин Р., Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Российская элита в XVII в.)* Т. I. Helsinki, 2004.

Семиона Бекбулатовича, «... бояр себе взял немного, все у Семиона. А как придет к великому князю Семиону, и сядет далеко, как и бояря, а Семион князь великий сядет в царском месте»⁴⁰². Таким образом, никакого специального «места» «князю Ивану Московскому», видимо, не предусматривалось. Известно, что «канцелярией» Думы в зависимости от обсуждаемого вопроса становился тот или иной приказ; туда поступало и решение, и, иногда, запись его обсуждения. Председательствовал в Думе сам царь, однако в его отсутствие существовало некое подобие фиксированного безместия, поскольку, по справедливому замечанию В. О. Ключевского, «тогда первое место принадлежало в ней первому по отечеству боярину, “первосоветнику”». От имени этого «первосоветника» «с товарищи» писались приговоры Думы»⁴⁰³. Итак, «чина» заседания бояр в Думе, видимо, не существовало; поэтому в этой службе отсутствовало понятие «мест». По этой причине «безместие» применительно к Боярской думе – понятие не вполне корректное, так как этот институт стоял в известном смысле вне разрядных отношений.

6.3.2. Безместие воевод в городах

Известно, что воеводская форма местного управления сложилась постепенно на протяжении второй половины XVI – начала XVII в., заменяя собой такие формы, как наместничество, губное и земское самоуправление. Первоначально воеводская система образовывалась на окраинных, новозавоеванных землях, исподволь проникая в центральные области страны. Сосуществуя первое время (а в ряде регионов и весьма долго) с вышеупомянутыми наместническими – близкими к кормленным, и с земскими и губными – самоуправленческими, формами власти на местах, воеводы не могли не вступать с ними в конфликты, поскольку полномочия между теми и другими не были четко разграничены. Подобные столкновения приобретали иногда и местническую форму, что правительство стремилось отслеживать и пресекать. Примером такого безместного «развода» представителей прежнего и нового типов администрации может служить решение по делу воеводы Е. И. Сабурова с наместником кн. В. К. Шишем-Пронским. «И государь велел Елизарью Сабурову ведать дело ратное, а князю Василью Пронскому велел государь ведать дело наместническое»⁴⁰⁴. Воеводы, судя по материалам XVII в., имеющим более

⁴⁰² Материалы по истории СССР. Т. 2. М., 1955. С. 82.

⁴⁰³ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902. (Репринт – М., 1994). С. 412.

⁴⁰⁴ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 89 (в Торопце).

массовый характер, назначались, как правило, по двое, однако разряды, постоянно записывавшие эти назначения, не фиксируют их местничеств (хотя раздоры по другим поводам среди воевод – явление постоянное). С одной стороны, это можно объяснить тем, что разрядным дьякам выбрать старшего из двух было много проще, нежели иерархически и генеалогически сочетать целый ряд лиц в большом разряде. Однако, по нашему мнению, суть дела заключалась и в системе мер более раннего времени, систематически внедрявших в служилую среду понятие о безместии среди городских воевод и утвердивших его к началу XVII в. Известные нам указы или решения о безместии городских воевод располагаются в хронологическом промежутке между 1554 и 1601 гг. Местничества воевод, назначенных в то или иное место, носили либо характер конфликта воевод в одном городе, либо челобитья городского воеводы, считавшего, что его соперник назначен в город «выше рангом». Последний вариант спора обнаружился сразу же после завоевания Казани. Уже в апреле – мае 1554 г. Иван IV «велел записать в Розряде: которым воеводам большим годовать в Казани и в Свяжском городе, и тем воеводам в тех городех быти без мест, мала или велика [кого] государь пошлет в больших воеводах, и свияжскому воеводе до казансково дела нет, а казанскому воеводе до свияжсково воеводы дела нет»⁴⁰⁵. Спустя много лет, в 1581 г., безместие воевод в этих городах было опять подтверждено ввиду начавшихся там столкновений: «...а был бы еси по прежнему нашему указу без мест, а розни б у вас в нашем деле однолишно не было ни в чем, чтоб нашему и земскому делу ни в чем в том порухи не было»⁴⁰⁶. Заметим, что порой и в дальнейшем возникали местничества, связанные с «иерархией» городов. В XVII в. подобное изредка случалось в Сибири, где ранее других регионов появились территориальные «разряды» – предтечи губерний с главным городом и городами-«пригородами».⁴⁰⁷ Однако это было очень редким явлением; известен даже полуанекдотический случай, когда в марте 1597 г. Семен Сабуров бил челом государю в отечестве о счете на кн. Петра Буйносова «для того, что князь Петр послан в Новгород Великий, а Новгород Великой пишетца в титуле наперед Смоленска»⁴⁰⁸. 3 декабря указом об образовании двух первых в Сибири разрядов, Тобольского и Томского, были определены и полномочия их воевод, при этом велено было «в розряде записати имянно, вперед тобольскому большому

⁴⁰⁵ РК 1475–1598. С. 145; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. С. 472.

⁴⁰⁶ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 204.

⁴⁰⁷ Например, в 1639 г. кетский воевода В. П. Отяев бил челом на тобольского воеводу кн. С. В. Масальского (Реестр. № 1378).

⁴⁰⁸ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 3. С. 146.

воеводе с томским большим воеводою счоту и мест нет»⁴⁰⁹. Таким образом, была заложена основа безместия между руководством единиц возникавшей в тот период новой административно-территориальной системы. Смоленск также был постоянной ареной подобных столкновений, и они являлись причинами частой посылки туда грамот о безместии. Первый такой документ был выслан воеводам еще в 1556 г.⁴¹⁰ В таком обширном городе воеводы местничали, как и в Москве, о «ведании» разными частями его; одни из частей Смоленска считались «честнее» других. Поэтому по целому комплексу местничеств там с весны 1580 г. по 1582 г. и в 1584 г. воеводам был повторен указ не менее пяти раз: с первым воеводой «... в товарищах быти без мест», и «промышляти сопча заодин»⁴¹¹, а в 1584 г. первому воеводе кн. В. Ю. Булгакову-Голицыну было дополнительно сказано: «Ты у них Василей един большой»⁴¹². И, наконец, в 1600 г. заместничавшим во время строительства знаменитого Смоленского кремля воеводам также было указано «у городского дела быть без мест»⁴¹³. В другом крупнейшем приграничном центре – Великом Новгороде в ответ на челобитье товарищей воеводы кн. И. Ю. Голицына Разрядный приказ в 1584 г. довольно раздраженно ответил: «... а они у него товарищи, какие там места!»⁴¹⁴ Во Пскове, тоже приграничном центре и вместе с тем оборонительном узле, куда в случае начала кампании стягивались войска, также неоднократно завязывались клубки местничеств. Возникали они в результате запутанности субординации городских воевод, по количеству доходивших до пяти-шести. Первое решение о безместии воевод во Пскове было принято в ноябре – декабре 1579 г. в связи с делом пятого и шестого воевод А. Х. Салтыкова и Р. Д. Бутурлина, бивших челом на четвертого воеводу Н. И. Очина-Плещеева. Тогда еще велено было, как при обычном местничестве, отложить местническое дело до конца службы и обещать суд. Причем их начальнику, боярину кн. В. Ф. Скопину-Шуйскому, велено было «отписать, чтоб Ондreja Салтыкова с Микитой Очиным Плещеевым в ыных государевых делах не стыкали, чтоб меж них ссоры не было»⁴¹⁵. Безместие воевод Пскова было подтверждено, однако, и позднее, когда они оставались в городе после ухода основных войск⁴¹⁶, а также

⁴⁰⁹ КР. Т. 2. С. 201–202. ДР. Т. 2. С. 16. По редакции ДР – «И города Сибирские розделены с Тобольским пополам: одной половине городов указывать из Тобольска воеводам, а другой – из Томскаго города; а томским воеводам до тобольских дела нет, а тобольским до томских воевод потому ж дела и мест нет».

⁴¹⁰ РК 1475–1598. С. 160; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. С. 507; РК 1550–1636. Т. 1. С. 58.

⁴¹¹ РК 1475–1598. С. 312; РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 140, 158, 191–192, 214.

⁴¹² РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 33.

⁴¹³ Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 91–92.

⁴¹⁴ Там же. Т. 3. Ч. 2. С. 10–11.

⁴¹⁵ Там же. Ч. 1. С. 145; МИМ. С. 491–492 (прим.).

⁴¹⁶ Там же. С. 145.

в мае 1580 г., и еще раз, уже при конфликте того же Очина-Плещеева со вторым воеводой кн. И. К. Курлятевым летом 1581 г.⁴¹⁷ Аналогичное решение о безместии было принято и для воевод нового города Царева-Борисова при конфликте там третьего воеводы кн. Ф. П. Барятинского со вторым воеводой кн. С. С. Гагариным, «и бояре сказали, а велели князь Федору Барятинскому ехать в Царев-Борисов город и быти без мест: А указ де вам будет, как вам быть и кому с кем»⁴¹⁸. В 1635 г. при назначении воевод в Астрахань третий воевода И. И. Зубов бил челом на второго воеводу И. Н. Давыдова в связи с тем, что было велено писаться в отписках одному первому воеводе Ф. В. Волынскому «с товарищи»; «И государь указал писаться поимянно»⁴¹⁹. В результате приведенных решений, как правило однозначных по смыслу, и возникла, по нашему мнению, устойчивая традиция безместия при назначении лиц, возглавлявших городскую администрацию в XVII в.

6.4. Безместие в посольской службе

Дипломатическая служба, вся состоящая из разнообразных церемониалов и более всех других приближенная к придворной, была питательнейшей средой для местнических взаимоотношений. Во-первых, от посылавшихся за рубеж дипломатов требовалось неукоснительное исполнение местнических норм, соответствовавших уровню «чести» их государя. Типичным и обязательным элементом наказа послу были указания на «места», которые он должен был требовать. Например, в 1575 г. Л. З. Новосильцеву указывалось: «Да память Луке; как будет у панов-рад Великого княжества Литовского, а опосле у панов-рад Коруны Польские, и пришед, Луке садитесь меж их больших, и серед них чтити, а меньших выше садитесь, а будет против себя учнут садити блиско, ино против садитесь, только б блиско на скамейке»⁴²⁰. Наряду с исполнением подобных инструкций назначавшиеся в дипломатическую службу лица временами начинали местничать с иностранными коллегами и самостоятельно, что влекло за собой опасность возникновения межправительственных скандалов⁴²¹. Существовала строгая иерархия «честности» отдельных участников приемов и «отпусков» дипломатов,

⁴¹⁷ РК 1475–1605. Т. 3. С. 162.

⁴¹⁸ *Анхимюк Ю. В.* Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 400.

⁴¹⁹ ДР. Т. 2. С. 478.

⁴²⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 10. Л. 72 об.

⁴²¹ Первым известным нам случаем может служить отказ от посольского назначения в Крым кн. А. И. Стригина-Оболенского в 1534 г. в связи с незнатностью нового хана – узурпатора Ислам-Гирея и его посла Темеша. См.: Литва и Русь... / Подгот. И. Граля, Ю. М. Эскин. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1999. № 4. В дальнейшем подобные казусы дважды

а также «ответов» (переговоров), позволявшая дипломату оценить свой статус как более низкий или высокий, чем у другого участника этой службы. Естественно, что ведший переговоры считался выше приглашавшего, встречавший ближе к трону – выше встречавшего на крыльце и т.д. Часто местничали посланные и на «съезд» – переговоры для определения (межевания) границ и размена пленными. Например, в 1583 г. безместие между ними подтверждалось дважды⁴²². Однако еще хуже дело оборачивалось при посылке послов за рубеж; так, «провожавший» считался ниже ехавшего, потому что, проводив, отвозил от него отписку в Москву, а значит, как бы был «послан» от него, что в воеводском разряде являлось безусловным свидетельством подчиненности, «потерькой». Для посольского приема 3 ноября 1562 г. Иван IV разработал подробную схему рассаживания духовных и светских сановников при замещавшем его митрополите: «А направе от него сидети, человека з два отодвиняся от митрополита архиепископу новгородскому, а от архиепископа, немного отодвиняся, с полчеловека – бояром... дьяку Андрею Васильеву, а от него княжатом и детем боярским и до дверей». Так же строго был разработан и порядок сидения на приеме послов у главы Боярской думы кн. И. Д. Бельского. «А у боярина князя И. Д. Бельского быти на дворе бояром... да дворяном и детем боярским, а сидети по обема лавкам. А сидети в большом месте князю Ивану, а в правой руке сидети князь Василью... а с левую руку сидети Данилу да Федору... а дворяном велети сидети от бояр человека за два или с три, пропусая по обе стороны»⁴²³. Столь подробная роспись, видимо, была необходима для предотвращения местничеств.

Многочисленные столкновения такого характера пытались обуздать сразу после Смуты. 30 октября 1614 г. во время приема датского посла бояре и дворяне сидели «в большой лавке»: кн. Ф. И. Мстиславский, Ф. И. Шереметев, кн. Д. Т. Трубецкой «и иные бояре и окольные без мест», а на другой стороне – боярин кн. И. В. Голицын, казначей Н. В. Траханиотов, постельничий К. И. Михалков и «иные дворяне, без мест»⁴²⁴. 14 апреля

возникали в связи с литовским послом Л. Сапегой, видимо, из-за неясности уровня его полномочий (посол или посланник). В 1584 г. русским послам наказывалось: «А добро бы уговорить так, как вам на образец даны списки, по тому б делати, а не так, как перед бояры говорил ты, дьяк Дружина, что против Льва вам, послам, ехати непригоже, добро искати дела и прибытка государю, а не для своей чести и бесчестья». См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 516. В ноябре 1600 г. у прибывшего на заключение мира канцлера Л. Сапеге возник конфликт с казначеем И. П. Татищевым: «И посол пан Лев Сапега бил челом государю о бесчестье на Игнатъ Татищева, и государь Игнатю Татищеву в ответ ходить не велел». См.: РК 1475–1605. Т. 4. Ч. 1. С. 111.

⁴²² РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 13, 17.

⁴²³ Сб. РИО. Т. 35. С. 90–91.

⁴²⁴ ДР. Т. 1. С. 157 (интересно, что рынды были «с местами» – и местничали).

1616 г., в связи с приемом английского посла Дж. Мерика возник конфликт между кн. Г. В. Тюфякиным и кн. Г. К. Волконским, один из которых «потчевал», а другой «сказывал» – представлял посла. «И государь приказал посольскому думному дьяку Петру Третьякову челобитье его записать в Посольском приказе, что стольнику, которой посла зовет к столу, до окольного, которой посла сказывает, в отечестве дела нет; а окольному до него дела нет, и преж того не бывало же»⁴²⁵. На следующий день П. Третьяков доложил в Думе, что кн. Тюфякин отказался от записи своего челобитья, поскольку «тут мест нет»⁴²⁶. На приеме турецкого посла, 21 сентября 1621 г., патриарх Филарет грозно спросил заместничавших кн. И. Ф. Хованского и кн. Р. И. Гагарина, встречавших посла: «Тут де вам какие места? И велел встречать, и он посла встречал, и указал быть без мест»⁴²⁷. Безместие в подобном же случае подтверждалось и в 1625, и в 1629 гг.⁴²⁸ В октябре 1667 г. М. С. Пушкин бил челом на А. Л. Ордина-Нащокина, так как первому было велено сопровождать послов «к ответу» (т.е. исполнять роль пристава), а второму – вести переговоры. Пушкину разъяснили, что «здесь мест не бывало и нет». Действительно, до появления на политической сцене столь «худородного» главы переговорной комиссии местничество пристава с назначенным в «ответ» было немислимо, столь разные ступени разрядной лестницы они обычно занимали. Поэтому представитель известного своей строптивостью рода резонно отвечал, что «преж сего с послами бывали в ответе честные люди, а не в его Офонасьеву версту, и потому в то время и челобитья не бывала» (явно намекая на А. Л. Ордина-Нащокина). На это «изволил государь сказать, что тут мест не бывала и ныне мест тут нет и впредь не будет»⁴²⁹. Пушкин был вынужден подчиниться, обязанности свои исполнял, но продолжал жаловаться. В конце концов было решено издать специальный указ, закрепивший положение о безместии приставов с членами посольства: «Указал великий государь и ныне то записать в Розряде, что тут мест не бывало и впредь не будет, и закрепить указал государь думному дьяку»⁴³⁰. Вариантом безместия в дипломатическом церемониале служила и запись «мешаясь», т.е. занимая одни и те же места в порядке очередности. Впервые такое решение фиксируется нами в наказе 1495 г., когда было велено сидеть без мест детям боярским великой княжны Елены Ивановны –

⁴²⁵ ДР. Т. 1. С. 221–222.

⁴²⁶ Там же. С. 224.

⁴²⁷ Там же. С. 489.

⁴²⁸ Там же. С. 696–697; Т. 2. С. 64.

⁴²⁹ Там же. Т. 3. С. 680–681.

⁴³⁰ Там же. С. 684–686. Однако Пушкин держался твердо и был послан в тюрьму. Ему грозили отпиской вотчин. В конце концов он сказался больным, что, видимо, позволило замаять дело. С местничествами А. Л. Ордина-Нащокина связана одна весьма симптоматическая

«переменяя от тех детей боярских, которые с бояры присланы»⁴³¹. Видимо, члены посольства от Ивана III местничали в Литве с членами свиты его дочери. В ноябре 1598 г. ясельничий М. И. Татищев в челобитной на печатника В. Я. Щелкалова отмечал, что «вашею царскою милостью отец мой Игнатей Петрович мешался з большими дворяны и з боярскими детьми многие лета в ваших государевых розрядах в воеводах и в посольстве»⁴³², что явно должно было свидетельствовать о его высоком статусе. В 1617 г. при встрече персидских послов кн. А. Г. Чертенюк-Долгорукий просил о том, чтобы его имени и имени записанного «выше» его родственника, кн. Д. И. Долгорукого, не указывали, что позволило бы счесть их положение безместным: «что они с князь Данилом меж себя ведаютца; князь Данилу он поступаетца, встречи бы записали глухо, кто где встречал»⁴³³. При встрече голландских послов в 1630 г. заместничали рынды, однородцы Глебовы и Яковлевы. По просьбе их старшего родственника Б. М. Глебова «в местех мешать» их было указано «племянника его Данила с сыном его с Федором мешать... и после того счету своего стояли меж себя по переменам...»⁴³⁴. Несмотря на указ 1621 г., практически запретивший местничество между членами посольств, конфликты все же возникали. Так, 24 октября 1634 г., при отправлении посольства к Владиславу IV в связи с заключением мира, заместничали трое посольских дворян, и им «государь велел сказать: “Тут быти без мест”»⁴³⁵. Так же, как и полковая, дипломатическая служба имела свои местнические лазейки, которые зорко отслеживали дьяки Посольского приказа. В январе 1655 г. кн. В. Г. Большого-Ромодановского наказали за то, что он написал в ссылочной грамоте имена не всех послов, а только главного «с товарищи»⁴³⁶. В подобном случае это означало их безместие при одном

ошибка историка-культуролога Л. А. Черной. Характеризуя своего героя как служилого человека «нового типа», для которого чувство долга перед родиной было выше личных и родовых приоритетов и даже царского мнения, исследовательница цитирует ответ Ордина-Нащокина своему местнику: «Пушкин бьет челом не делом», трактуя эту фразу как «отпор... не по местническим канонам, а по сути... Подобная аргументация могла удовлетворить только человека дела... но никак не всех остальных... требовавших доказательства старшинства рода и места». См.: *Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени*. М., 1999. С. 182–183. Однако выражение «бить челом не делом» представляет собой не более чем обыкновенный делопроизводственный формуляр, не имеющий отношения к мировоззрению того или иного лица. Здесь мы имеем, видимо, погрешность скорее не данного исследователя, а метода, позволяющего выдергивание «интересного» выражения из контекста источника.

⁴³¹ Сб. РИО. Т. 35. С. 169.

⁴³² РК 1475–1605. Т.4. Ч. 1. С. 61.

⁴³³ ДР. Т. 1. С. 305.

⁴³⁴ Там же. Т. 2. С. 175.

⁴³⁵ Там же. Т. 2. С. 404.

⁴³⁶ Там же. С. 407–408.

главном после, что далеко не всегда подразумевалось в наказе, дававшемся из приказа. 26 мая 1658 г. великому послу на переговорах в Вильне кн. Н. И. Одоевскому отправили грамоту, где по имени назван был только он один. Его товарищи, бояре П. В. Шереметев и кн. Ф. Ф. Волконский, сочли это для себя бесчестьем и опалой. Они начали посылать в Москву письма своим друзьям, прося похлопотать за них при дворе, как за опальных, а также послали официальную челобитную, которую, впрочем, поддержал и их начальник, кн. Н. И. Одоевский. В ответ Алексей Михайлович (через Приказ тайных дел) ответил ему грамотой, в которой возмущенно напоминал, что вопрос о написании имен товарищей посла специально обсуждался на их отпуске «боярами комнатными всеми» при участии самого кн. Н. И. Одоевского, а теперь он хочет в угоду «товарищам» переменить указ «для очистки своей». Справка из Посольского приказа, специально запрошенного царем на этот предмет, свидетельствовала о том, что на подобные посольские съезды уже с 1616/17 г. грамоты из Москвы адресовались одному главному послу «с товарищи»⁴³⁷. Сложности, возникавшие при попытках соотношения между собой рангов дипломатических представителей (посол, посланник, гонец и прочие), которые могли оказаться в одной стране одновременно, вызвали к жизни указ 1655 г.⁴³⁸ о безместии между ними, как бы уточнявший положения указа 1621 г.

Столь же чреватые местническими конфликтами могли быть и взаимоотношения военного командования и лиц, посланных с дипломатической миссией. Во время переговоров со шведами близ Нарвы в сентябре 1658 г., на которые с русской стороны были назначены кн. И. С. Прозоровский и А. Л. Ордин-Нащокин, у них возникла распря с командующим русскими войсками кн. И. А. Хованским. Последний возмутился обязанностью выделять охрану послам, особенно, конечно, незнатному А. Л. Ордину-Нащокину. Челобитье весьма чванливого кн. И. А. Хованского имело явно местнический характер, поскольку царь Алексей Михайлович отвечал ему так: «Тебе для обереганья великих послов надобно было спешить из Пскова во Гдов, из Гдова на съезжее место поспешать без задержанья, а прежних своих служб для своей чести объявлять и непристойных слов, нейдущих к делу, писать не довелось... а что тебе велено великих послов оберегать, и то не в случай и не в места»⁴³⁹. Таким образом, безместие подтверждалось или распространялось и на соотношение военных и дипломатических назначений.

⁴³⁷ РГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. Оп. 1. Д. 127. Л. 8, 1, 4, 30, 28, 31, 33, 6, 34, 9, 35, 36, 5 (правильный порядок листов).

⁴³⁸ ПСЗ. Т. 1. № 169.

⁴³⁹ Соловьев С. М. Сочинения... Кн. IV. С. 64–66.

6.5. Безместие в «нестандартных» обстоятельствах

Различные службы и «посылки» служилых людей, имевшие характер «нерегулярных», но тем не менее заносившиеся в разряды, также могли служить причиной местнических столкновений. Хорошо известные, достаточно многочисленные столкновения верхов корпораций провинциального дворянства, обычно «считавшихся» со вторыми воеводами, привели к указу-разъяснению 1623 г. В излагавшей этот указ грамоте Разряда первому воеводе кн. И. А. Голицыну объяснялось, что у голов со вторым воеводой мест нет, «также, как было наперед сего у прежних воевод, а головам в том мест прежде сево не бывало, и нам о том наперед сево не бивали челом, и ныне им в том мест нет...»⁴⁴⁰. В 1622 г. также указывалось быть без мест письменным головам для «проведывания вестей» о татарах; правда, вместе с головами посланы были и члены государева двора, «дворяне московские да жильцы», «проведывати накрепко, чтобы татаровя безвестно реку не перевезлись; а посланы головы без мест»⁴⁴¹. В 1659–1662 гг. без мест между собой указывалось быть воеводам, посланным к засекам: «указал государь быть засечным воеводам без мест»⁴⁴². Характерно, что, когда в 1661 г. засечным воеводам, веорятно, не дали такого указания, а просто было «указано быть» со старшими воеводами, сразу начались местничества⁴⁴³. Поэтому уже 15 января 1662 г. указ о безместии засечных воевод был возобновлен⁴⁴⁴. Без мест указывалось быть и дворянам и детям боярским, посланным по полкам к смотрам; нам известен, правда, только один указ-решение по челобитью уже местничавших стольников – «велено де быть всем без мест»⁴⁴⁵. Заметим, что местничества по подобным назначениям не были редки и ранее⁴⁴⁶. Безместие назначалось даже «табунным воеводам», поскольку принимать пригнанные ногайцами табуны посылались стольники и дворяне, так что им тоже «наказы государь велел дать особных... у всякого свой табун, и приняв, идти к Москве...»⁴⁴⁷. Без мест назначались и писцы, описывавшие дворы в Москве (в Белом, Китай-городе и Деревянном городе). После подробного списка назначенных стояло: «Указал государь... и отец его... патриарх... писцам

⁴⁴⁰ ДР. Т. 1. С. 592.

⁴⁴¹ Там же. С. 519.

⁴⁴² ДДР. С. 200, 232.

⁴⁴³ Там же. С. 299–300.

⁴⁴⁴ Там же. С. 304–305.

⁴⁴⁵ ДР. Т. 1. С. 709–710; МИМ. С. 512 (прим. 5.).

⁴⁴⁶ Реестр. № 563, 564, 569, 1205–1207.

⁴⁴⁷ ДДР. С. 282. Традиция здесь, видимо, существовала; еще в 1561 г. в подобном же случае инициатор местничества был наказан. См.: РК 1475–1605. Т. 3. С. 93.

быти всем без мест»⁴⁴⁸. В других наказах писцам подобных условий не встречается, возможно, потому, что в данном случае имело место редкое обстоятельство – совместная служба многих «родословных» людей. Князь В. Р. Барятинский в деле 1623 г. с А. Ф. Наумовым привел случай 1577/78 г., когда на Оке строились укрепления: с кн. М. Ф. Барятинским тогда были в головах кн. В. Мещерский и другие достаточно знатные лица. Наумов подал отводную память: «При царе Иване Васильевиче делали по реке Оке крепости, а у дела были головы Константин Поливанов, Остафей Пушкин, дозировал князь Михайло Федорович Борятинской; и по государеву указу по ся места в дозорных делах мест не бывало, где... бывают в городах господа наши великие люди бояре и боярские дети, а по государеву указу бывает городовое и острожное дело перед ними, и о том не пишут ко государю, что зделают, и государь посылает сверх их письма дозировать нашу братью, и то нашей братье со господами своими и со своею братьею не места. И преж, государь, сево князь Петр Борятинской да князь Иван Михайлов сын Борятинской на ково бивали челом в отечестве, и тово чеством говаривали, и в дела им тово не ставили, тем Остафья Пушкина и Константина Поливанова не больши были, везде Остафей Пушкин сам Борятинских честнее...»⁴⁴⁹. Суть разъяснений А. Ф. Наумова сводилась к тому, что «дозирающий» строительство не обязательно является «выше чеством» руководителя работ; но бывает и наоборот, «нашу братью» могут послать «дозировать» службы, возглавляющиеся безусловными «господами нашими боярами», т.е. наличествует безместие.

Объявлялось безместие и в связи со вступлением нового государя на престол. Так, формально уже от только что избранного, хотя еще и не венчанного царя Михаила Федоровича, находившегося в Троице-Сергиевом монастыре на пути из Костромы в Москву, повелено было быть без мест стольнику И. П. Шереметеву с товарищи, посланному в столицу с «милостивым словом» к Земскому собору, с выборными «от всех чинов по человеку»⁴⁵⁰. Безместие было назначено и лицам, посылавшимся приводить подданных к кресту в связи со вступлением на престол царя Алексея Михайловича; не лишено вероятия, что оно назначалось в подобных случаях и ранее, однако нам известен только указ 14 июля 1645 г.⁴⁵¹ Редким случаем безместия во время церковной церемонии при дворе является указ от 4 марта 1677 г., когда «в неделю первую Великого Поста по указу... государя... Федора Алексеевича... в Соборной Апостольской церкви Успения...

⁴⁴⁸ КР. Т. 1. С. 768.

⁴⁴⁹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 16. Ч. 2. Л. 84, 87–88.

⁴⁵⁰ ДР. Т. 1. С. 88; МИМ. С. 497.

⁴⁵¹ ДР. Т. 3. С. 3.

у действа были царевичи и бояря и окольничие и думные и ближние люди все без мест»⁴⁵². Опасность распространения местнических норм на церковные церемонии уже вполне осознавалась властью и спустя два года была окончательно пресечена указом о безместии в крестных ходах⁴⁵³. Разнообразные, в том числе и достаточно редкие придворные церемонии, как правило, не являлись столь ответственными, чтобы объявлять при их проведении безместие. Однако разряды запечатлели, например, такой «случай», как омовение царя Бориса в Симоновом монастыре 1 августа 1602 г. с поименным перечислением «мовников» (в основном бояр), и с указанием, что они были без мест⁴⁵⁴. Уникальным был разряд встречи возвращенного из плена Филарета Никитича (июнь 1619 г.), сочетавший в себе черты как дворцового, так и дипломатического церемониалов. Если вообще разряд встречи был вполне разработанным ритуалом, то в данном исключительном случае возникло много нестандартных ситуаций. Впервые принималась особа, которая по местническим нормам была если не выше, то и не ниже государя. Доселе в России принимались только послы или, максимум, члены зарубежных августейших фамилий – западноевропейские принцы, возможные женихи царевен, или татарские «царевичи». Известно, что в дальнейшем иногда при встречах подобных особ назначались безместия (как при встрече датского королевича Вальдемара в 1644 г.)⁴⁵⁵; иногда – указывалось быть с местами, (как при встрече грузинского царя Теймураза в 1659 г.). Поэтому опереться на «старину» было невозможно. В 1619 г. в указе о назначении разряда встречи безместие указано не было⁴⁵⁶, в связи с чем сразу начались местнические конфликты⁴⁵⁷. И тогда по делу Г. Г. Пушкин – Ф. В. Головин боярская комиссия вынесла следующее решение: «И государь сказал Гаврилу: велено де вам всем быти без мест, и в Розряде то записано...»⁴⁵⁸. После этого в разряде третьей встречи (в селе Хорошеве) было записано: «А быти бояром и окольничим в той встрече по государеву указу и боярскому приговору всем без мест». Однако в том, что этот указ будет выполнен, многие сомневались, и боярин В. П. Морозов затеял конфликт с кн. Д. Т. Трубецким с целью добиться прецедента – указа о подтверждении безместия при встрече. Опасения Морозова оказались не напрасны – решение по его делу было вынесено половинчатое – с одной стороны безместие подтверждали, а с другой – указали, что с кн. Д. Т. Тру-

⁴⁵² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 522. Л. 1334.

⁴⁵³ СГГД. Т. 4. № 115.

⁴⁵⁴ *Анхимюк Ю. В.* Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 412.

⁴⁵⁵ ДР. Т. 2. С. 721, 722.

⁴⁵⁶ Там же. Т. 1. С. 393–395.

⁴⁵⁷ Реестр. № 1115–1123.

⁴⁵⁸ ДР. Т. 1. С. 395.

бецким «мочно тебе быть всегда... знай свою меру, на кого бити челом»⁴⁵⁹. Однако Ф. Л. Бутурлину и Г. Г. Пушкину, бившим челом на кн. Д. М. Пожарского, подтвердили, что «по приговору государеву велено всем бити без мест». Упорствовавший Бутурлин в марте 1620 г. в новом челобитье запрашивал, означает ли решение, которым окончилось местничество Морозова, что безместие дезавуировано: «И потом кабы государев приговор нарушен: и то приговорили бити без мест, а [ныне] князь Дмитрею Трубецкому дали оборонь на Василья Морозова...» В ответ приговор все же подтвердили, а Морозова наказали. «И государь Бутурлиным отказал... велено им без мест быть; да и ныне государь того приговору не нарушивает, а на Василья Морозова дана оборонь, потому что он зачал бити челом мимо государева приговору»⁴⁶⁰. Таким образом, оборонь Пожарскому дали потому, что Бутурлин нарушил указ о безместии.

В заключение коснемся многократно упоминаемого в историографии казуса с безместием лиц, служивших двум вышеупомянутым «государям» – Михаилу и Филарету, проблема местнического соотношения которых отнюдь не завершилась, а только начала осложняться в момент торжественной встречи отца сыном. Известно, в частности, два случая, связанных с приемом персидского посла. В ответ на челобитье кн. П. А. Репнина, что кн. Ю. А. Сицкий «похваляется», что ездил к послу от государя, а Репнин – только от отца его, и просьбу, чтоб государь «не велел того учинить в место», ему разъяснили, что «бьет челом он не знаючи и в место то ставит не делом, что каков он, государь, таков и отец его государев... и их государское величество нераздельно – тут мест нету и впредь бы о том деле не бити челом, и их великих государей на гнев не воздвигнул»⁴⁶¹.

Таблица 8

Основные периоды полного безместия в XVI–XVII вв.

Годы	М			Е			С			Я			Ц			Б									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
1549																						////	////	////	////
1550	////							////	////	////	////	////	////	////	////	////	////	////	////	////	////	////	////	////	////

⁴⁵⁹ ДР. Т. 1. С. 396, 397. В. П. Морозов тем не менее продолжал свои челобитья после встречи, и его 28 января 1620 г. Боярская дума приговорила за бесчестье кн. Д. Т. Трубецкого послать в тюрьму.

⁴⁶⁰ Там же. С. 440–441.

⁴⁶¹ Там же. С. 489–491; Реестр. № 490, 491. Напомним широко известный в историографии факт, что князья Репнины и Сицкие являлись родственниками и свойственниками Романовых, что придавало спору весьма конкретный смысл.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1551							//////	//////	//////	//////	//////	//////
1552						//////	//////	//////	//////			
1553												
1554												
1555												
1556												
1557												
1558			//////									
1559										//////		
1560												
1561				//////	//////	///						
1562												
1563												
1564			//////	//////	//////	//////	//////	//////				
1565												
1566												
1567												
1568												
1569												
1570								//////	//////	«»	«»	«»
1571			«»	«»	«»	«»	«»					
1572										//////	//////	//////
1573			//////	//////	//////	//////	//////	//////				
1574			//////	//////	//////	//////	//////	//////	//////	//////	//////	//////
1575	«»	«»	«»									
1576												
1577									//////	//////	//////	//////
1578												
1579												
1580				//////	//////			//////	//////			
1581												
1582		//////	//////									
1583												
1584												
1585												
1586												
1587						//////	//////	///				
1588			//////	//////	//////							

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1589												
1590												
1591												
1592												
1593												
1594												
1595												
1596												
1597							«»	«»				
1598												
1599												
1600												
1601												
1602												
1603												
1604												
1605												
1606												
1607												
1608												
1609												
1610												
1611												
1612												
1613					«»	«»	«»	«»				
1614												
1615												
1616												
1617												
1618												
1619												
1620												
1621												
1622												
1623												
1624												
1625												
1626												

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1627												
1628												
1629												
1630												
1631												
1632												
1633	«»	«»	«»									
1634	«»	«»										
1635												
1636												
1637												
1638												
1639			«»	«»								
1640												
1641												
1642								«»	«»	«»	«»	
1643												
1644												
1645												
1646												
1647												
1648												
1649												
1650												
1651												
1652												
1653												
1654												
1655										«»	«»	«»
1656	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»
1657												
1658			«»	«»	«»	«»	«»	«»				
1659	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»				«»	«»
1660												
1661												
1662												
1663												
1664												

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1665												
1666												
1667												
1668												
1669												
1670												
1671	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»
1672	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»	«»
1673	«»	«»				«»	«»	«»	«»	«»		
1674					«»	«»	«»	«»				
1675												
1676												
1677												
1678												
1679												
1680												
1681												
1682												

Условные знаки:

- ||||| – безместие (полный месяц)
 ||| – то же (часть месяца)
 «» – предположительное безместие

Примечания:

- 1549 г. – РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 371–372; ПРП. Т. IV. С. 598–599
 1550 г. – РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 371–372; ЗАРГ. С. 29–30; ПРП
 Т. IV. С. 582–583
 1551 г. – Там же
 1552 г. – РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 3. С. 417, 420–421
 1558 г. – РК 1475–1598. С. 169
 1559 г. – ПСРЛ. Т. 13. С. 312
 1561 г. – РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 1. С. 89; РК 1475–1598. С. 143
 1564 г. – РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 1. С. 161; РК 1475–1598. С. 210
 1570 г. – РК 1475–1598. С. 233
 1571 г. – РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 280
 1572 г. – Там же. С. 308
 1573 г. – РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 336; РК 1475–1598. С. 253

- 1574 г. – Там же. С. 366–367; РК 1550–1636. Т. 1. С. 223.
1577 г. – РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 26
1580 г. – Там же С. 26, 152, 155; РК 1550–1636. Т. 1. С. 314
1582 г. – РИС. Т. 2. С. 173, 183
1587 г. – РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С.99, 100
1588 г. – Там же. С. 111
1590 г. – Там же. С. 154–156
1591 г. – Там же. С. 214–215, 221–222, 231
1597 г. – Там же. Ч. 3. С. 121
1598 г. – Там же. Т. 2. С. 140–141; Т. 4. Ч. 1. С. 17
1601 г. – РК 1598–1636. С. 103–105; РК 1475–1605. Т. 4. Ч. 1. С. 124
1602 г. – РК 1598–1636. С. 122
1609 г. – БРЗ. С. 10.
1610 г. – Там же. С. 166
1613 г. – РК 1598–1636. С. 276, 277
1614 г. – Там же. С. 288; ДР. Т. 1. С. 131, 133
1615 г. – ДР. Т. I. С. 177
1616 г. – Там же. С. 228; КР. Т. 1. С. 199
1618 г. – ДР. Т. I. С. 342 (прим.); КР. Т. 1. С. 560, 565–567
1619 г. – Там же.
1622 г. – КР. Т. 1. С. 505
1623 г. – Там же.
1631 г. – Там же. Т. 2. С. 383
1633 г. – ДР. Т. 2. С. 323–324
1634 г. – Там же.
1637 г. – РК 1598–1636. С. 322; ДР. Т. 2. С. 568–569, 590, 599–600
1639 г. – ДР. Т. II. С. 605–606
1640 г. – Ф. 210. Оп. 9. Ст. 157. Стп. 4. Л. 1–3; ДР. Т. II. С. 625–626
1641 г. – ДР. Т. 2. С. 656
1642 г. – Ф. 210. Оп. 9. Ст. 171. Ч. 3. Л. 143; ДР. Т. 2. С. 681, 684
1643 г. – ДР. Т. II. С. 701–702
1644 г. – Там же. С. 735
1645 г. – Там же. С. 753
1646 г. – ДР. Т. III. С. 25, 29, 30
1647 г. – Там же. С. 58, 62
1648 г. – РИБ. Т. 10. С. 456–457
1649 г. – Там же.
1650 г. – Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 8. Л. 149 об. – 150; ДР. Т. III. С. 164
1651 г. – Ф. 210. Оп. 9. Ст. 229. Л. 232–233; ДР. Т. III. С. 251–252, 254, 279
1652 г. – ДР. Т. III. С. 312

- 1653 г. – Там же. С. 377–379; Ф. 210. Оп. 9. Ст. 611. Стп. 2. Л. 1–4
 1654 г. – Ф. 210. Оп. 14. Ст. 157. Л. 262
 1655 г. – ДР. Т. III. С. 456
 1656 г. – Там же.
 1657 г. – Ф. 210. Оп. 9. Ст. 285. Л. 356–357; ДДР. С. 91–92
 1658 г. – ДДР. С. 146, 156
 1659 г. – Там же. С. 194
 1660 г. – Там же. С. 232, 233
 1661 г. – Там же. С. 271
 1662 г. – Там же. С. 30
 1668 г. – Ф. 210. Оп. 15. Ст. 133. Л. 426; ДР. Т. 3. С. 806, 808
 1671 г. – Ф. 210. Оп. 12. Ст. 785. Л. 494–496
 1672 г. – Там же.
 1673 г. – ДР. Т. III. 910, 914
 1674 г. – Ф. 210. Оп. 9. Ст. 757. Л. 170–177
 1678 г. – КР. Т. 2. С. 1043–1046, 1051; ПСЗ. Т. 2. С. 181
 1679 г. – Ф. 210. Оп. 9. Ст. 611. Стп. 2. Л. 5, 6, 9–11, 20, 22; Ст. 621. Л. 74
 1680 г. – Ф. 210. Оп. 9. Ст. 611. Л. 59–63, 65–67; Оп. 14. Ст. 331.
 Л. 181–187, 242–246
 1681 г. – Там же. Оп. 9. Ст. 651. Л. 145–149
 1682 г. – Там же. Оп. 16. Ст. 121. Л. 54–59; ПСЗ. Т. 2. С. 368–369;
 РЗ. Т. 4. С. 34–46.

Заключение

Подводя данной таблицей итоги главы, мы видим, что по ней можно проследить основные периоды полного безместия. В эти периоды, объявлявшиеся преимущественно во время крупных военных кампаний, практически отсутствуют местничества при полковых назначениях, однако зачастую продолжают в придворных и административных. Далекое не все указы о безместии нам удалось выявить, поэтому приходится опираться на косвенные указания, например, о наказаниях за местничество или сплошные автоматические резолюции о безместии на челобитных. В таких случаях в таблице стоит условный знак «предположительное безместие». Записи указов о безместии «на берегу» имеются в разрядах не за каждый год. С началом войн России с Речью Посполитой и Швецией (1654 г.) объявленное всеобщее безместие ежегодно не подтверждалось, хотя правительство подразумевало его автоматическое продление на весь период войн. Однако служилые люди все же требовали подтверждений указа и вступали по этому поводу в конфликты с властями. Мы можем выявить

периоды максимального роста местничества (1550-е, 1560-е, 1580–1590-е, 1620–1630-е гг.), а также постепенное усиление давления со стороны правительства, продлевавшего временные рамки безместия. Вместе с тем не всегда можно уловить логику в чередовании тех и других периодов. Данные обстоятельства заставляют предположить, что правительство старалось не связывать себя какими-либо строгими юридическими или обычно-правовыми нормами, определяющими временной срок и порядок приостановления действия местнических отношений, стремясь к сохранению более удобной для него, зависящей исключительно от монаршей воли неопределенности. Вместе с тем периоды отсутствия соответствующих указов являются или ситуациями относительного баланса сил между верховной властью и верхушкой служилой элиты, или временем, когда местничество как институт уже перестает играть по-настоящему важную роль ввиду перестройки вооруженных сил и упадка как дворянского ополчения, так и традиционного воеводского управления войсками. В целом таблица наглядно показывает, как власть манипулировала патриархально-иерархическими нормами, которым подчинялась социальная элита России, то восстанавливая, то временно замораживая их функционирование в зависимости от внутренних и внешних потребностей страны.

Глава 7

МЕСТНИЧЕСТВО В ПРИКАЗНО- БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Несмотря на то что местничество являлось характерной особенностью военно-служилой системы и развивалось преимущественно в двух сферах – придворной и полковой, в настоящее время собран значительный материал, позволяющий рассмотреть его бытование и в государственном аппарате. В историографический оборот исследование местнических отношений в сфере приказной бюрократии – дьячества ввели С. К. Богоявленский и Н. Ф. Демидова¹. Как известно, взаимоотношения формировавшейся в XVI–XVII вв. административной машины и института местничества не ограничивались конфликтами внутри данной социальной группы, так же как и члены указанной группы местничали отнюдь не всегда в стенах приказов. Однако приказная служба чинов государева двора как сфера приложения местнических отношений никогда до этого не вычленялась исследователями, хотя представляет собой немалый интерес, на своем примере показывая процесс слияния военно-служилой и бюрократической составляющих государственной системы этого времени.

7.1. Иерархия «честности» приказных учреждений

Иерархия – одна из коренных категорий, определяющих структуру государства и общества указанного периода. Помимо общеизвестных социальных иерархий «чинов» (внутри государева двора, «служилого города», посадского населения, духовенства), можно привести в пример иерархии целых институтов: духовных корпораций – епархий и монастырей (официально закреплявшиеся судебниками XVI–XVII вв.), уездных дворянских корпораций («служилых городов»), титульных «отчин», царств и княжеств, включенных в государев титул, условных церемониальных

¹ Из: Т. I. М., 1937. С. 223–232; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия. С. 82–87.

«наместничеств» в титулах послов, а также военных, придворных, административных, дипломатических служб. Возникновение приказов неизбежно повлекло за собой их структурирование, установление среди них определенных иерархических соотношений, в которых современники разбирались, к сожалению, много лучше, нежели нынешние исследователи. На протяжении двух столетий существования приказов их иерархия оставалась весьма аморфной, поскольку сама мобильность их возникновения и ликвидации не имела ничего общего с незыблемостью полкового «разряда» армии или «лествицей» думных и московских чинов. В более или менее выкристаллизованном виде старшинство приказов предстает перед нами только к 1660–1670-м гг. Восстановить иерархию последних можно по сохранившимся с этого времени в Московском столе Разрядного приказа спискам подьячих, включенных в штаты своих учреждений, поскольку приказы перечислены в определенной последовательности. Порядок перечисления менялся не особо значительно, если сравнить его с «местами» приказов в перечислении Г. К. Котошихина. Складывание этой иерархии проходило, вероятно, параллельно с возникновением определенных государственных потребностей и занимавшихся их удовлетворением тех или иных приказов. Однако в отличие от иных иерархий «места» более «молодых» учреждений могли быть выше более «старых», что диктовалось государственной необходимостью. Так, в руководстве значительной части приказов в XVII в. уже имелись думные чины, включая бояр, хотя жесткой закономерности, позволившей бы нам утверждать, что тот или иной приказ постоянно возглавляется лицом определенного ранга, выявить невозможно. Объединив данные вышеуказанных перечней приказов, получим следующую приблизительную иерархию основных правительственных учреждений к середине XVII в.²:

1. Разрядный приказ. Военно-служилое и «кадровое» ведомство. Во главе – думные дьяки, во второй половине XVII в. – иногда (с 1681 г.) дослужившиеся до окольного (бояре появляются только после отмены местничества).

² Отметим, что иерархия здесь, как и в вышеуказанных примерах, не предполагает сколько-нибудь отчетливо выраженной соподчиненности учреждений. Сведения о приказах и их главах почерпнуты из соч.: *Богоявленский С. К.* Приказные судьи... М., 1946; *Он же.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. М., 2006; *Зимин А. А.* О сложении приказной системы на Руси // Доклады и сообщения Института истории. М., 1954; *Он же.* Дьяческий аппарат в России 2-й пол. XVI в. // ИЗ. Т. 87. М., 1971; *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961; *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // ИЗ. Т. 116. М., 1988. *Рогожин Н. М.* «У государевых дел быть указано...» М., 2002; Посольский приказ. Колыбель российской дипломатии. М., 2003; *Он же.* «У государевых дел быть указано...» М., 2003; *Он же.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. М., 2006.

2. Посольский приказ. Внешнеполитическое ведомство с рудиментами великокняжеской общегосударственной канцелярии. Во главе – думные дьяки (первый боярин – с 1666 г. – выслужившийся А. Л. Ордин-Нащокин). К Посольскому примыкают следующие приказы, находившиеся временами под одним с ним руководством, – Малороссийский, Литовский, Смоленский, Четверти.

3. Приказ Большой казны. Ведомство финансовое и денежного обращения. Во главе – бояре (с 1584 г.).

4. Иноземский (первоначально – Панский), командование и формирование воинских частей из иностранных наемников. Во главе – бояре, окольниковые (с 1618 г.).

5. Рейтарский приказ. Командование и формирование регулярных конных воинских частей. Во главе – бояре, окольниковые (с 1649 г.).

6. Аптекарский приказ. Охрана здоровья государя, его семьи и высших сановников. Во главе – кравчий, бояре (с 1591 г.).

7. Приказ Казанского дворца. Управление огромными территориями и сбор с них доходов с военными и внешнеполитическими полномочиями. Во главе – бояре (с 1605 г.).

8. Сибирский приказ. То же самое. Во главе – бояре (с 1636 гг.).

9. Стрелецкий приказ. Командование московским стрелецким гарнизоном (московские стрелецкие приказы – полки) и охраной царя. Во главе бояре (с 1584 г.).

10. Владимирский судный приказ. Суд для чинов государева двора. Во главе – бояре (с 1592/93 г.).

11. Московский судный приказ. Суд для городского дворянства. Во главе – бояре, окольниковые (с 1589 г.).

12. Приказ Большого дворца (с отраслевыми «дворами» и Дворцовым судным приказом). Ведал дворцовым хозяйством и вотчинами. Во главе – дворецкий, боярин с 1584 г.

13. Оружейный приказ, палата (включая отраслевые палаты и приказы). Ведал военным ремеслом и промышленностью, а также изготовлением разных предметов роскоши для нужд двора. Во главе – оружейный в ранге думного дворянина (с 1584 г., боярин с 1638 г.).

14. Поместный приказ. Управление дворянским землевладением, обеспечение службы на принципах феодального земельного держания. Ввиду древности самого учреждения, так же как Разрядный и Посольский приказы, сохранял рудименты великокняжеской канцелярии, поэтому во главе долгое время – думные дьяки, затем – боярин (первый раз – в 1605 г.), окольниковый, думный дьяк.

15. Разбойный приказ. Ведал борьбой с уголовными преступлениями и системой губных учреждений на местах. Во главе – боярин (с 1587 г.), окольниковый, думный дворянин.

16. Пушкарский приказ. Управление артиллерией и производством всего, для нее необходимого. Во главе – боярин (первый – с 1589 г.), окольниковый, думный дьяк.
17. Ямской приказ. Государственные почта, транспорт. Во главе – боярин (с 1587 г.), окольниковый.
18. Челобитный приказ. Инстанция по разбору злоупотреблений в других ведомствах. Во главе – боярин (с 1634 г.), окольниковый.
19. Приказ Большого прихода. Центральное налоговое ведомство. Во главе – боярин (с 1650 г.), окольниковый, думный дьяк.
20. Казенный приказ. Общефинансовое ведомство, но его функции к началу XVII в. постепенно сузились до хранилища государственных и коронных ценностей. Во главе – казначей (чин, близкий по рангу к окольному или к думному дворянину), боярин (первый – с 1642 г.³), дьяки.
21. Монастырский приказ. Управление монастырскими вотчинами. Во главе – окольниковый, думный дворянин.
22. Печатный приказ. Регистрация государственных и частных актов, которые скреплялись государственной печатью. Во главе – печатник (думный дьяк), думный дворянин, боярин (с 1623 г.), окольниковый.
23. Конюшенный приказ. Управление дворцовым конюшным хозяйством, обеспечение лошаадьми войск. Во главе – конюший (в XVI в.), ясельничий, боярин, дьяк.
24. Земский приказ (или двор). Московское полицейское ведомство. Во главе – московский дворянин, с 1651 г. – окольниковый.
25. Четверти (Владимирская, Галицкая, Костромская, Новая, Новгородская). Налогово-финансовые ведомства. Во главе – дьяки, с XVII в. – бояре (в основном начальники приказов, к которым была присоединена та или иная четь).
26. Холопий приказ. Регистрация холопов, суд над ними, сыск беглых и т.д. Во главе – дьяк, думный дворянин, окольниковый (с 1590 г., затем – с начала XVII в.).
27. Хлебный приказ. Управление выморочным имуществом нецарской ветви Романовых. Во главе – боярин.
28. Приказ каменных дел. Ведал казенным каменным строительством. Во главе – стольник, дьяк.

Когда в приказ назначалось руководство, то исходили из значимости учреждения в конкретный период, причем проследить прямую зависимость между ней и чином должностного лица проследить удается далеко

³ Ф. И. Шереметев. См.: Государственная Оружейная палата. М., 1954. С. 552.

не всегда. На протяжении всего времени существования приказной системы бояре и окольничие возглавляли такие постоянные приказы, как Аптекарский, Большого дворца, Иноземский, Казанский, Пушкарский, Разбойный, Рейтарский, Стрелецкий, Ямской, судные Владимирский и Московский, Царицыну Мастерскую палату. Кроме того, именно бояре, как правило, назначались во временные приказы – комиссии (правда, некоторые из них существовали подолгу), решавшие сиюминутные, но очень важные вопросы – Казачий (с 1612/13 г.), Сбора пятинных и запросных денег (с 1616/17 г.), Приказных дел (с 1621/22 г.), Монастырский (первый, с 1628 г.), все Сыскные приказы (с 1610-х до 1650-х гг.), Сбора даточных людей (с 1632/33 г.), Рудного сыска (1642 г.), Литовских сыскных и управных дел (1647/48 г.), Денежного сбора (с 1653/54 г.), Литовский (с 1656 г.), Малороссийский (до слияния с Посольским, с 1661 г.), Калмыцких дел (1661 г.), Доимочный (с 1682/83 г.). Дворовые чины, приравненные к думным, точнее, к думному чину окольничего, возглавляли соответствующие ведомства: ясельничий Конюшенный приказ, оружничий – Оружейную палату, постельничий – Государеву мастерскую палату (а временами и Печатный приказ, так как он ведал личными царскими апартаментами и Малой государственной печатью). Близкие к чину думного дворянина чины соответственно возглавляли: казначей – Казенный приказ, печатник – Печатный приказ. Патриаршие Разрядный и Судный приказы возглавляли бояре, но только при Филарете; впоследствии их возглавляли патриаршие бояре (приравненные после смерти государева отца к думному дворянину). Чин окольничего был «потолком» для глав Холопьяго (с 1590 г.), Монастырского (второго, с 1652 г.), Тайного (с 1657 г.), Конюшенного (с 1671 г.), Казенного (с 1683 г.). Чин не выше думного дворянина бывал у глав Книгопечатного (с 1632 г.) и Полоняничного (с 1666/67 г.) приказов. Согласно общепринятым воззрениям, главной государственной и одновременно личной канцелярией великого князя, а затем царя на первом этапе ее существования считается Казна и Дворец, а на втором – Разрядный и Посольский приказы, но ввиду их разделения на множество функциональных приказов возникает на третьем этапе новая личная канцелярия – Тайный приказ. Как в начале XVI в., так и в дальнейшем все они управлялись дьяками. Случаи назначения туда не дьяков связаны с особым фавором: окольничий Ф. М. Ртищев – в Тайный, бояре А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, кн. В. В. Голицын – в Посольский. Исключительно дьяками управлялись приказы Великой России, Записной, патриаршие Духовный и Казенный, Строения богаделен. Стольники, московские дворяне, жильцы ведали остальными приказами, например, Городового дела, Панихидным, Сбора казачьих кормов.

Итак, исходя из вышесказанного, видим, что чин главы учреждения не всегда соответствовал значимости последнего в государственной системе. Разрядный и Посольский, а также Поместный приказы не управлялись до второй половины XVII в. чинами выше думного дьяка, поскольку оставались еще звеньями канцелярии государя, в реальности не сгруппированными в одно учреждение⁴. Только во второй половине XVII в., когда, с одной стороны, думное и дворцовое чинопроизводство переживали девальвацию, а с другой стороны, возник Тайный приказ – новая царская канцелярия, в руководстве указанных приказов, завершивших свое формирование в отраслевые ведомства, появляются думные чины. Однако это уже период стагнации приказной системы.

7.2. Местничество между приказами

7.2.1. Печатный и Казенный приказы

Печатники, ведавшие хранением и использованием государственной печати, долгое время не имели автономного канцелярского аппарата. Лишь недавно был обнаружен фрагмент указа о назначении двух подьячих в первый штат приказа в 1580-е гг., к регистрации пошлинных и беспошлинных грамот⁵. Приказ выделился, видимо, из Казны (Казенного приказа), во главе которого в XVI в. стояли два казначея и их помощник – печатник⁶. Казна еще оставалась общегосударственной канцелярией, когда в ее недрах во второй половине века сформировался ряд приказов⁷. Поэтому печатник ведал и иностранными делами (И. М. Висковатый), отдельная же «нотариальная» канцелярия окончательно оформилась в конце века. Но и в дальнейшем чин печатника оставался ниже чина казначея и являлся ступенькой на пути к последнему, как предполагал П. А. Садилов⁸ (правда, персональный анализ карьеры печатников и казначеев конца XVI–XVII в. этого уже не подтверждает)⁹. Видимо, поэтому 1–7 января 1572 г. видный опричник Р. В. Алферьев, которому было указано сидеть на Казенном дворе с казначеем кн.

⁴ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 231.

⁵ *Морозов Б. Н.* Документы дворцовых приказов из нотной библиотеки государевых певчих дьяков // *Русский дипломатий*. Вып. 3. М., 1998. С. 81–82, 85.

⁶ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений русского государства кон. XV–XVI в. // *ИЗ. Т. 63*. М., 1958. С. 187; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 439.

⁷ *Зимин А. А.* Опричнина. С. 229.

⁸ *Садилов П. А.* Очерки по истории Опричнины. М.; Л., 1958. С. 311.

⁹ Ни один из печатников этого времени (В. Я. Щелкалов, Б. И. Сутупов, Д. И. Сафонов, И. Т. Грамотин, Ф. Ф. Лихачев, Д. М. Башмаков) не стал казначеем; Алмаз Иванов ведал Казенным приказом до назначения в Печатный, Д. М. Башмаков – одновременно, но очень недолго. См.: *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 63–73.

В. В. Литвиновым-Масальским, бил челом, «что ему Роману менши князя Василья быть невместно»¹⁰. Боярская комиссия в составе кн. С. Д. Пронского, М. Я. Морозова и дьяка А.Ф. Клобукова, ознакомившись с челобитьем Р. В. Алферьева, услышала от ответчика хладнокровный и покорный ответ: «...Роман человек великой, а я человек молодой, и счоту он с Романом не держит никоторова»¹¹. В. Б. Кобрин, изучавший это дело, резонно отметил, что земскому, да еще и, может быть, отчасти опальному служилому человеку¹² (ранее ни один князь не служил в казначеях) бессмысленно и опасно было спорить с главой опричного приказного аппарата. В этом случае стратегически наиболее верным для него было со всем соглашаться, отвечая, что своего родства «не помнит», нежели приводить аргументы, которые опытейший местник Алферьев сразу же разобьет. При случае же, выждав время, апеллировать, объясняя «потерьку» своим опальным положением. В дальнейшем так и вышло. По смерти Ивана Грозного кн. Масальский добился пересмотра дела, и у потерявшего к тому времени бывшее влияние Р. В. Алферьева в 1588/89 г. невместную грамоту конфисковали¹³. Вернемся, однако, к событиям 1572 г. Ни победитель, ни проигравший не были отставлены – «и сидел князь Василей Мосальской с Романом Олферьевым на Казенном дворе»¹⁴. Таким образом, Алферьев добился повышения своего статуса как печатника, оставаясь в этом чине еще много лет. Но после смерти Ивана Грозного последовала расплата; на этот раз аналогичное дело выиграть не удалось. 28 марта 1583 г. Алферьев бил челом на казначея П. И. Головина. Дело это – весьма важный источник, характеризующий, в частности, культурный уровень опричников: именно в нем опричный хранитель печати, канцлер, безмятежно заявил о своей неграмотности. Но времена изменились, и опытный П. И. Головин, «потомственный» казначей (представители рода Ховриных-Головиных не раз занимали этот пост, возможно как потомки образованных выходцев из Византии), отвечал на запрос по челобитной Алферьева, что «как государь

¹⁰ РК 1495–1605. Т. II. С. 295–300.

¹¹ РК 1475–1605. Т. II. С. 295–296.

¹² А. А. Зимин оспаривает мнение Кобринина об опальном статусе кн. В. В. Масальского, полагая, что на этот пост после казни Н. Фуникова царь бы не решился назначить опального. См.: *Зимин А. А. Опричнина*. С. 228.

¹³ *Кобрин В. Б.* Из истории местничества XVI в. // Исторический архив (далее – ИА). 1960. № 1. С. 216, 219: «И государь... Федор Иванович... Мосальских князей пожаловал, велел у Романа Олферьева правую грамоту взять и в Розряде велел записать, что та грамота не в грамоту Роману. А подлинно пишет Мосальских челобитья царю Федору Ивановичу 7097-го году на Романа Олферьева». В XVII в. это дело не входило в официальный Государев разряд, по которому «считались» местнические дела, и пробовавший апеллировать к нему Г. Л. Кобяков, местничавший с кн. И. М. Кольцовым-Масальским в 1676–1677 гг., получил отказ – «не сыскано». См.: Ф. 210. Оп. 9. Ст. 510. Стп. 4. Л. 45, 46, 56.

¹⁴ *Кобрин В. Б.* Из истории местничества... С. 219.

велел Роману Алферьеву сидеть на Казенном дворе со мною, Петром, и Роман сидя на Казенном дворе со мною судил, и в судебных делах со мною писался менши меня, и в которых государевых грамотах писан яз да Роман Олферьев, и Роман те государевы грамоты печатал своими руками, и государю на меня в отечестве не бил челом, а ныне меня тем бесчестит, государю о безделье бьет челом»¹⁵. Трудно понять, почему опытный интриган не только не осознал перемен политической конъюнктуры, недооценил и лично-родовой потенциал другого казначея (Головины, как уже указывалось, принадлежали к элите бюрократического аппарата, и оспаривать их «казначейское» место было нелепо), но и элементарно «попался» на прецеденте. П. И. Головин пояснил, что Р. В. Алферьев уже написан ниже его во множестве выданных приказам документов: «Которые торговые купецкие люди иноземцы... поедут с Москвы, и тем торговым людем по государеву указу даем грамоты проезжие в порубежные города, чтоб их пропускали за рубеж, просматривая на лицо, а в грамотах писался яз Петр, да Роман Олферьев, и сидел со мною вместе недель с десеть, а государю на меня по ся мест не бивал челом»¹⁶. Алферьев на это растерянно возразил: «Нечто будет такие грамоты диаки казенные и подьячие запечатали у меня с ыными грамотами вместе, дружачи Петру Головину, а яз грамоте не прочитаю, потому что яз грамоте не умею»¹⁷. Комиссия боярина кн. Ф. М. Трубецкого проверила отпуски трех выданных проезжих грамот, в которых действительно Р. В. Алферьев был написан после Головина, и решила, что «быти ему с казначеем с Петром з Головиным пригож»¹⁸. Интересно, что победе «правого дела», возможно, действительно способствовала интрига – приказные дельцы, может быть, помогая Головину, «своему» человеку, вполне могли воспользоваться неграмотностью и наглой самоуверенностью бывшего опричника, наверняка не только не знакомившегося с делами, но вряд ли часто и посещавшего приказ. Таким образом, статус-кво в иерархии «печатник – казначей» восстановился по «старине».

Косвенное свидетельство того, что данный вопрос продолжал оставаться дискуссионным, содержится в деле, возникшем в 1598 г. 3 сентября этого года Борис Годунов венчался на царство и тут же, среди иных пожалований, назначил казначеем И. П. Татищева. В то же время печатник думный дьяк В. Я. Щелкалов бил челом на его сына М. И. Татищева, пожалованного ясельничим. В ответ младший Татищев привел ряд аргументов: «У вас государей

¹⁵ МДЛ. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 15.

печатники сживали за вашим царским столом у ясельничих, а Василей Щелкалов – печатник и дьяк. А у ясельничего, государь, у Петра Зайцова печатник Иван Новосильцов всегда сидел, и печатники же государь, Угрим Львов сын Пивов и Иван Михайлов сын Висковатой всегда сидели у Петра Зайцова и у Василья Дровнина...»¹⁹. Видимо, влиятельный Щелкалов не мог не понимать, что чин ясельничего, главы Конюшенного приказа, помощника конюшего (самого высокого дворового чина), в XVI в. жаловавшегося лицам весьма высокого местнического положения и отнюдь не дьяческой карьеры, выше чина печатника. Однако вполне возможно, что он метил в отца М. И. Татищева, казначея, поскольку оспаривание статуса сына понижало и статус отца, который стоял всего одной ступенькой выше В. Я. Щелкалова.

Отзвуком иерархического конфликта «казначей – печатник» явилось, видимо, и дело 1642 г., к сожалению не сохранившееся, но свидетельствующее о продолжающей существовать связи между этими должностями. В описи Разрядного приказа 1649–1652 гг. зафиксирована «Выписка казначея Богдана Дубровского с печатником с Федором Лихачевым 151-го году о местех»²⁰. Содержание дела неизвестно, но по формулировке можно предположить, что истцом выступил Дубровский, однако не лишено вероятия, что в связи с недовольством Лихачева. Дело в том, что старый приказный делец Лихачев, думный дьяк с 1622 г., возглавлял Посольский приказ в общей сложности довольно длительное время – в 1630–1631 и в 1635–1643 гг.; тем не менее оставался скорее администратором, нежели дипломатом. Возможно, он даже не всегда посвящался первыми лицами государства в тайны внешней политики, полагает Н. М. Рогожин, а в 1631 г. Лихачев вообще потерял доверие патриарха Филарета и был отправлен в ссылку²¹. В то же время московский дворянин Богдан (Клементий) Минич Дубровский, служивший вне приказной системы, выполнил ряд дипломатических поручений, результаты которых оценили весьма высоко. За участие в переговорах со шведами, завершившихся так называемым Дедеринским полевым перемирием у деревень Пески и Селище 12 декабря 1617 г. (подготовительным актом к Столбовскому миру 27 февраля 1617 г.), он «за службу, что он в 124-м году, будучи на свейском съезде з боярином со князем Данилом Ивановичем Мезецким с товарищи на Песках государю служил и будучи у немец к посольскому делу многую службу и раденье

¹⁹ Мятлев Н. В. Челобитная Михаила Татищева // *Летопись Историко-родословного общества*. 1907. Вып. 1. С. 4. Далее – ЛИРО; Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. С. 310.

²⁰ ОАРП. С. 79.

²¹ Рогожин Н. М. «У государевых дел...» С. 132–134. Так, главу Посольского приказа не посвящали в тайные переговоры со Швецией в 1631 г. См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 297; ДР. Т. II. С. 711.

показал, придано к прежнему его окладу 650 четвертей и 50 четвертей, денег к 37 рублям – 13 рублей»²². Награжден он был и за успехи своего посольства в Молдавию в 1640 г. – придачами к окладу в 150 четей и 50 рублей²³. В первых числах апреля 1643 г. Б. М. Дубровский был пожалован думным дворянином и казначеем²⁴. В то же время карьера Ф. Ф. Лихачева клонилась к закату. Правда, с сентября 1641 г. он являлся печатником, но при этом Лихачева отстранили от руководства Посольским приказом. Не лишено вероятия, что его местнический конфликт имел характер запоздального протеста или был одним из эпизодов не дошедших до нас перипетий борьбы политических группировок.

7.2.2. Местничество и иерархия судебных приказов

Система судебных приказов к концу XVI в. только складывалась. Высшие судебные инстанции, обслуживавшие столичных и провинциальных служилых людей, первоначально, видимо, выделились из областных дворцов и переводились в Москву, сохранив при этом свой региональный характер. Так, в 1590-е гг. существовали Московский, Владимирский, Дмитровский, Рязанский судебные приказы или избы²⁵. 27 января 1591 г. С. Ф. Сабуров, назначенный «сидеть и дела своего делать» в Рязанском судебном приказе, бил челом, прося отставить его от этой службы, «чтоб государь милость показал, послал его на службу, а в-избе сидеть не велел»²⁶. Просьба была уважена, царь велел «в Семеново место сидеть в Рязанской избе князь Ивану Самсоновичу Туренину, а велел ему перейти из Дмитровской избы»²⁷. Князь Туренин при назначении в Дмитровскую избу не бил челом, видимо, считая назначение приемлемым. Перевод в Рязанскую избу в таком случае являлся для него если не повышением, то равным назначением, факт, помогающий уточнить иерархию этих малоизвестных, не переживших Смуту судебных учреждений. Любопытно указание разрядов 1598 г., когда в Москве при отъезде царя к войску в Серпухов были оставлены «по избам приказные люди»: «...в Судном приказе Григорей Офонасьев сын Нащокин, дьяки Посник Дмитриев да Тимофей Осипов... в Судном же другом приказе

²² БК 1627. С. 259.

²³ Там же. С. 144.

²⁴ Там же. С. 144; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 70; ДР. Т. II. С. 698.

²⁵ *Князьков С. Е.* Судные приказы в конце XVI – первой половине XVII в. // ИЗ. Т. 115. М., 1987. Последние упоминания Рязанского и Дмитровского судебных приказов соответственно – 1593 и 1610 гг.

²⁶ РК 1475–1605. Т. III. Ч. 2. М., 1987. С. 191.

²⁷ Там же.

дьяки Юрьи Кондырев да Истома Евской»²⁸. А. П. Павлов полагает, что «первым», т.е. главным, считался в это время Московский судный приказ, а «другим», вторым по значению – Владимирский судный²⁹. Поскольку в тексте разряда приказы не поименованы, то это определение их важности может быть оспорено, так что слишком мало известно о первых годах их существования. Тем более что Владимирский судный приказ традиционно судил лиц более высокого ранга, чем Московский, а определение «другой» может быть отнесено и к последнему. С. К. Богоявленский считал старшим Владимирский приказ³⁰. Статусное различие между Московским и Владимирским приказами существовало и на протяжении XVII в., вследствие чего назначаемые в них судьи неоднократно местничали. Так, 26 декабря 1642 г. указано было «сидеть» в Судном Владимирском – боярину И. П. Шереметеву, кн. И. Ф. Большому Шаховскому, дьякам Т. Агееву и М. Бухарову, а в Судном Московском – боярину кн. А. В. Хилкову, И. Е. Протопопову, дьякам Т. Никитину и С. Самсонову³¹. Князь А. В. Хилков «у сказки бил челом», что он «стар и маломожен, и за старостью и немочью ему в Московском судном приказе быть не мочно. И государь бы его пожаловал, для его старости и немочи у своего государева дела быть не велел»³². Ему сразу было отказано, поскольку причина – «старость и немочь» выглядела слишком прозрачно и необидительно. Тогда 27 января князь подал уже письменную челобитную, где напрямую заявлял о своих местнических претензиях. И. П. Шереметев, естественно, бил челом о бесчестье. Михаил Федорович, выслушав обе челобитные, указал кн. Хилкову «быть у своего государева дела по прежнему... указу. А то боярину князю Андрею Васильевичу Хилкову велел сказать имянно, что он на боярина... Шереметева бил челом государю не делом, и тем своим челобитьем боярина Ивана Петровича Шереметева обесчестил, а с боярином... Шереметевым ему... по своему отечеству мочно всегда бесслвно. А боярина... Шереметева пожаловал государь, велел на боярина князь... Хилкова дать оборонь, послать его в тюрьму»³³. 30 декабря думный разрядный дьяк И. Гавренев зачитал сказку Хилкову и отправил его в тюрьму³⁴. После того «государевы дела бояре...

²⁸ РК 1550–1636. Т. II. М., 1976. С. 149–150.

²⁹ Павлов А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605) // Изв. Т. 116. М., 1988. С. 202.

³⁰ Изв. Т. I. С. 232.

³¹ ДР. Т. II. С. 696–697.

³² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 224. Л. 330. Конспект этого дела сохранился в деле кн. И. А. Хилкова с В. Б. Шереметевым 1648 г.

³³ Там же. Л. 330–333.

³⁴ ДР. Т. II. С. 697.

Шереметев во Владимирском судном приказе, а князь... Хилков в Московском судном приказе делали безо всякого прекословья». Автор этой записи тут же замечает: «И по тому случаю боярин Иван Петрович Шереметев больши боярина князь Андрея Васильевича Хилкова местом»³⁵, что весьма точно свидетельствует о иерархическом соотношении этих приказов. Спустя шесть лет история повторилась, причем действовали молодые представители тех же родов. 3 августа 1648 г. во Владимирский судный приказ был назначен стольник В. Б. Шереметев, а в Московский – стольник кн. И. А. Хилков. Последний решил возобновить прежнее дело и бил челом сразу на отца ответчика. Разбор дела был поручен думному дьяку М. Д. Волошенинову, который тогда служил в Разрядном и Посольском приказах одновременно и вел дело на базе первого³⁶. Князь И. А. Хилков, в частности, бил челом, что в 1642 г. царь Михаил Федорович, «жалуючи боярина Федора Ивановича Шереметева, тех наших случаев у брата моего принять не велел»³⁷. Действительно, глава рода Шереметевых в то время фактически возглавлял правительство, однако кн. А. И. Хилкову не удалось сыграть на перемене политической конъюнктуры. Челобитная А. В. Хилкова 1642 г. сыскана действительно не была; но по представленным сторонами данным составили синхронную генеалогически-местническую таблицу «Шереметевы – Хилковы»³⁸. Таблица неопровержимо свидетельствовала о старшинстве Б. Б. Шереметева над И. А. Хилковым на одно место. 14 августа, «слушав» дело, царь Алексей Михайлович велел послать проигравшего Хилкова в тюрьму, «а ворочен он от Архангельские паперти». Однако Хилков «до августа по 26 число...» в Судном приказе не сидел, за что его велено было посадить уже не условно, и в тюрьме князь сидел до 7 октября, упорно отказываясь служить ниже Шереметева (хотя и посылая при этом челобитные царю о прощении)³⁹. На государев приказ и угрозу «А будет он в Московском судном приказе сидеть не учнет, и ему от государя быти в великой опале и разоренье» – «ис тюрьмы не пошел, а сказал, в том де волен Бог да государь; что над ним ни велит учинить, а ему с ним, с Васильем, быти нельзе»⁴⁰. Хилков был выпущен из тюрьмы по болезни, но со строгим предписанием, «как он обможетца, и ему у государева дела в Судном Московском приказе быти по прежнему государеву указу», однако, когда 21 октября царь велел освидетельствовать его

³⁵ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 224. Л. 333.

³⁶ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 243.

³⁷ Ф. 159. Оп. 2. Д. 675. Л. 2.

³⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 224. Л. 334. Опубл.: MOM. С. 502 (А. И. Маркевичу была известна только документация, отложившаяся в Разрядном приказе, т.е. в нынешнем Ф. 210).

³⁹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 224. Л. 335–338.

⁴⁰ Там же. Л. 339.

посольскому дьяку Алмазу Иванову, тот доложил, что кн. И. А. Хилков «лежит на постеле, ноги у него перевязаны, а сказал, что ноги у него от тюремные нужи больны... и ему от той болезни не токмо в приказе сидеть, но и ходить не мочно»⁴¹. В конце концов Хилков добился своего, в приказных судьях после августа 1648 г. он не значится⁴², а на отставку по болезни закрыли глаза. Спустя год, в июне 1649 г., возникло новое местническое дело между судьями тех же приказов, причем в нем приняли участие как первые, так и вторые судьи – всего четверо. 21 июня велено было в Судном Владимирском сидеть боярину кн. Б. А. Репнину, кн. Н. И. Белосельскому, дьякам И. Байбакову и Г. Акишеву; в Московский судный назначались стольник кн. Т. И. Щербатов, А. А. Зиновьев и дьяки С. Зверев и И. Нефедьев. При этом кн. Т. И. Щербатов бил челом на кн. Б. А. Репнина, а А. А. Зиновьев – на кн. Н. И. Белосельского. Решения по этому делу были приняты различные. Знатный, влиятельный и близкий к Романовым боярин кн. Б. А. Репнин⁴³ бил челом о бесчестье и оборони. Бояре приговорили, что кн. Тимофею Щербатову «и со внуком его быть мочно», и он был послан в тюрьму⁴⁴. Афанасий Зиновьев отделался легче – государь разрешил дать ему суд с кн. Н. И. Белосельским. По представленным «случаям» было принято решение либо об их равенстве, либо о старшинстве Зиновьева. Поэтому их обоих заменили братьями И. С. и М. С. Исленьевыми, чье старшинство на одно место было очевидно⁴⁵. Последнее аналогичное дело датируется 1653 г. 31 марта во Владимирском судном приказе велено было сидеть боярину кн. Ф. С. Куракину с Н. В. Кафтыревым, а с окольничим Н. С. Собакиным в Московском судном – Я. В. Кафтыреву. Никита и Яков Кафтыревы били челом на Собакина. То есть второй судья во Владимирском судном приказе – видимо, старший из братьев Кафтыревых – считался равным (или немного ниже?) первому судье Московского судного приказа. Но по государеву указу Никите и Якову Кафтыревым велено было сказать, что они били челом на Собакина «не по своей мере» и за его бесчестье посланы в тюрьму⁴⁶. С. К. Богоявленский считал, что обилие местничеств между судьями этих двух приказов породило практику назначения в них близких родственников (два Кафтырева, два Дашкова и др.)⁴⁷, чья внутрисемейная лестница была

⁴¹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 224. Л. 340.

⁴² *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 184.

⁴³ В 1642–1646 гг. он был отослан на воеводство в Астрахань, но затем вернул свое положение. См.: *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до сер. XVII в. Т. II. М.; Л., 1948. С. 24.

⁴⁴ ДР. Т. III

⁴⁵ Там же. С. 125–126.

⁴⁶ Там же. С. 346.

⁴⁷ ИЗ. Т. I. С. 232.

несомненной, однако даже такие меры спасали не всегда. Ученый высказывал предположение, что на дьяков зависимость от статуса своего приказа не распространялось, приводя в пример случай 1627 г. с перемещением дьяков дворянского происхождения Н. Талызина и Н. Леонтьева с одного места на другое, причем Талызин не протестовал⁴⁸. Однако заметим, что, хотя последний перешел из Владимирского в Московский судный приказ (а Леонтьев – из Московского во Владимирский), у Талызина не было причины считать свое назначение «потерькой» перед Леонтьевым, поскольку последний ранее уже служил во Владимирском приказе⁴⁹. Данная рокировка чиновных назначений приводила в действие вполне законный и справедливый в глазах современников принцип того времени – уравнивать службы, «мешаясь» местами.

7.2.3. Прочие приказы

Ясельничие, возглавлявшие Конюшенный приказ, в XVI в., как уже было замечено, считали себя выше печатников и дьяков. Однако иерархия чинов, зафиксированная в боярских книгах XVII в., свидетельствует об обратном. В Боярской книге 1627 г. думные дьяки записаны впереди ясельничего, после бояр, окольных, думных дворян, кравчего, постельничего и стряпчего с ключом. В Боярской книге 1639 г. – после бояр, окольных, кравчих (стряпчий с ключом записан степенью ниже). Таким образом, Конюшенный приказ ввиду понижения его значения (высший дворовый чин конюшого в XVII в. уже не жаловался) и по своему рангу уступил место многим другим приказам, оказавшись, согласно приблизительной иерархии, за Печатным приказом.

В тех редких случаях, когда Печатный приказ возглавлял постельничий (ведавший, собственно говоря, личными апартаментами государя во дворцах, а также его малой печатью), возникали иерархические столкновения. К. И. Михалков, дальний свойственник Романовых⁵⁰, получил постельничество в числе других креатур «великой старицы» Марфы, матери Михаила Федоровича. В апреле – мае 1614 г. назначенный (одновременно с Михалковым) стряпчим с ключом С. Я. Милюков бил челом о невместности своего назначения из-за Михалкова. Его пожаловали, отставили от стряпчества с ключом и «велели есть ставить»⁵¹, т.е. ввели в состав стольников, но не просто по титулу, а приближенных, реально ведавших государевыми тра-

⁴⁸ Из. Т. I. С. 232.

⁴⁹ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 170, 171, 182.

⁵⁰ Его дед, А. Т. Михалков, был мужем М. Г. Шестовой, двоюродной сестры К. В. Шестовой, в дальнейшем «великой старицы» Марфы, а его тетка, Е. А. Михалкова, – женой М. М. Салтыкова. См.: Из архива Михалковых. [Опублик. С. Д. Шереметев] // *Старина и новизна*. Т. 17. СПб., 1914. С. 4–8.

⁵¹ ДР. Т. I. С. 132.

пезами. Действительно, в Боярской книге 1627 г. С. Я. Милюков значится среди стольников, причём с 1621/22 г.⁵²

Соотношение Разрядного и Посольского приказов также было достаточно условным, что и было причиной местнических конфликтов. 22 декабря 1626 г. «указал государь быти в Посольском приказе дьяку Ефиму Телепневу, на Иваново место Грамотина; а скаска ему быть в Посольском приказе, а быти ему менши разрядного думного дьяка Федора Лихачова»⁵³. Телепнев был назначен в связи с опалой И. Т. Грамотина и бил челом «многажды», видимо полагая, что его ранг выше. Но уже в это время Посольскому приказу предназначалось второе место после Разрядного (документально зафиксирован этот порядок в перечнях приказов, сохранившихся от второй половины XVII в.). Правда, Г. К. Котошихин ставит Посольский приказ на первое место. Телепневу отвечали, что при царе Василии Шуйском в Разряде сидел большой думный дьяк В. О. Янов, а в Посольском – думный дьяк В. Г. Телепнев, который был меньше Янова⁵⁴. Телепневу сказывал указ дьяк М. Данилов, 29 декабря его привели к присяге в Золотой меньшей палате боярин кн. И. И. Шуйский и Ф. Ф. Лихачев: посольскому дьяку пришлось смириться, несмотря на бытовавшее в тот период представление о первенстве его ведомства⁵⁵.

Статус Разрядного приказа подвергался атакам и со стороны глав иных ведомств. 13 июня 1646 г. дьяк Ф. К. Елизаров, служивший с 1644 г. в Поместном приказе, был пожалован в думные дьяки, причём оставлен в прежней должности. Он сразу же ударил челом на думного дьяка И. А. Гавренева, который уже давно, с 1630 г., ведал Разрядным приказом. «Как де твоя государева милость будет в местех с Иваном Гавреневым, а меньше де мне его быть невместно»⁵⁶. Оба были первыми судьями в приказах: правда, Гавренев раньше Елизарова стал думным дьяком и возглавил свой приказ. Оба – представители довольно старых дворянских родов. Оба начинали службу не в приказе, а как дворяне, и оба завершили ее окольными. Гавренев стал думным дьяком около 1630 г., дослужился до думного дворянина к 1650 г., окольным стал в 1654 г.⁵⁷ Елизаров служил как жилец и дворянин с 1616-го по 1638/39 г., но в дальнейшем его приказная карьера пошла несколько быстрее: в 1646 г. – думный дьяк, в

⁵² БК 1627 г. С. 30.

⁵³ ДР. Т. 1. С. 936.

⁵⁴ РИБ. Т. 9. С. 438; МОМ. С. 381; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. С. 532; *Он же.* О происхождении Яновых // ИРГО. Вып. 1. СПб., 1900. С. 151; ИЗ. Т. 1. С. 231–232. Действительно, в сохранившихся списках думных и дворовых чинов 1610–1611 гг. В. О. Янов написан выше всех думных дьяков. См.: *Боярские списки посл. четв. XVI – нач. XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 268.*

⁵⁵ «Иначе, замечает С. К. Богоявленский, Телепнев не имел бы оснований к своему “многому челобитью”». См.: ИЗ. Т. 1. С. 232.

⁵⁶ ДР. Т. III. С. 34.

⁵⁷ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 113.

1652 г. – думный дворянин, с 1655 г. – окольничий⁵⁸. Возможно, он считал неместным для себя сидеть в приказе, более низком по рангу.

Если Разрядный приказ традиционно управлялся чинами «приказного» ранга, то появившийся позже Стрелецкий приказ, ведавший мобильным регулярным войском, из которого состоял постоянный московский гарнизон, находился в подчинении наиболее влиятельного на данный момент лица в государстве. 12 мая 1677 г. объезжие головы, назначенные по Москве в Кремль, Китай-город, Белый и Земляной город (назначал их обычно Разрядный, а подчинены они были Земскому приказу), были поставлены в подчинение к главе Стрелецкого приказа боярину кн. Ю. А. Чертенку-Долгорукому. Старший из объезжих голов, назначенных в Кремль, кн. Ф. А. Хилков, бил челом на него и, казалось бы, выиграл – был отставлен, а на его место назначен кн. А. Н. Щербатов. Однако кн. Ф. А. и Ф. Ф. Хилковы вскоре обнаружили, что разрядный дьяк В. Г. Семенов зарегистрировал отставку с формулировкой, объясняющей ее болезнью истца. Хилковы сочли себя униженными и заявили, что их родители были выше родителей Долгорукова (кн. Юрий Алексеевич выдвинулся в события 1648–1649 гг. и первый стал боярином в своей ветви рода Долгоруких-Оболенских, тогда как боярином был еще дед кн. Федора Андреевича). Но влиятельность могущественного вельможи сыграла свою роль: по указу царя Федора Алексеевича бояре велели выписать в приказе службы князей Хилковых и Долгоруких и решили дело в пользу последних на основании крайне шаткого доказательства – боярин кн. А. В. Хилков «сказывал боярство» кн. А. М. Львову, «а Львовы с ними, Долгоруковыми, бывали»⁵⁹. Подобный приговор фактически дезавуировал ряд царских указов, разъяснявших, что «больший» может сказывать боярство или другой государев указ о повышении в чине или награде «меньшему»⁶⁰. Обоих Хилковых приговорили «за невежливое челобитье» к наказанию, «бить батоги», а за бесчестье кн. Ю. А. Долгорукого, «что они били челом не делом и кричали, и бесчестили многими словами» – послать в тюрьму⁶¹. Кроме того, Хилковых справедливо осудили за то, что «мест наперед сего николи не бывало» – действительно, подобные указы были, но были и нарушавшие их местничества объезжих голов⁶². В тот же день они были наказаны батогами в «жилецком подклете», «посланы в тюрьму» и освобождены. Таким образом, истцы предпочли поражение «тихой» отставке, опасаясь понизить свой статус.

⁵⁸ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 122–123, 146; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 171 (окольничий с 11.03.1655 г.)

⁵⁹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 532. Стп. 5. Л. 125–126; *Седов П. В.* Дисс. канд. ист. наук. С. 90.

⁶⁰ ДР. Т. 1. С. 506; МИМ. С. 513.

⁶¹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 532. Стп. 5. Л. 127.

⁶² Там же. Л. 127–131.

Интересный случай произошел весной – летом 1669 г. Дьяк А. И. Козлов был назначен в Челобитенный приказ и одновременно, в связи с мирными переговорами со Швецией, в Сыскной полоняничный приказ, организованный для выполнения условий договора. По неизвестным нам причинам назначение это вызвало раздражение дьяка Челобитенного приказа В. В. Ушакова, на место которого был назначен А. И. Козлов (Ушакова перевели в Земский приказ). Козлов жаловался, что Ушаков бесчестил его в помещении Челобитного приказа в присутствии окольничего И. М. Милославского и чинов шведского посольства; последовало длительное местническое дело, в результате которого дьяки пошли на мировую – позднее Козлов заявлял, что в том деле «Ушаков мне добивал челом при окольничем при Богдане Матвеевиче Хитрово и во всем винился»⁶³. Отметим, что на рубеже XVI–XVII вв. Земский приказ, видимо, расширился и существовали Старый и Новый Земские дворы. Б. И. Пушкин в деле с Н. А. Зюзиным в 1648 г. приводил пример службы Г. Ф. Образцова на Старом, а кн. А. И. Гундорова – на Новом дворе в 1607 г., чтобы показать, что Образцовы были тогда выше кн. Гундоровых, тогда как Пушкины имели «случай» о своем превосходстве над Образцовыми⁶⁴. Таким образом, видимо, Старый Земский двор считался «честнее» Нового.

7.3. Местничество внутри одного приказа

7.3.1. Конюшенный приказ

Местничество внутри одного учреждения приближалось по типу к обычному местническому «счету» старшинства товарищей при посылке в одну службу. Возможно, одним из первых случаев подобного рода следует считать дело, заголовок которого сохранился в Описи Царского архива. Приблизительно в 1559 г. (по гипотезе А. А. Зимина) возникло местническое дело двух ясельничих – П. В. Зайцева-Бирдюкина и В. Г. Дровнина. В Описи Государственного архива XVI в. в ящике 215 среди прочих дел значится «дело Петра Зайцова с Васильем Дровниным». А. А. Зимин в своем комментарии указывает, что В. Г. Дровнин служил ясельничим в 1549–1559 гг., а П. В. Зайцев-Бирдюкин – в 1558–1562 гг. Оба упоминаются в разрядных книгах в 1559 г. как ясельничие, когда, видимо, и местничали. Это вообще последнее упоминание Дровнина, а карьера Зайцева резко пошла вверх, он вскоре стал одним из руководителей опричнины⁶⁵, в дальнейшем

⁶³ ИА. 1993. № 2. С. 190.

⁶⁴ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 218. Л. 156, 157.

⁶⁵ Зимин А. А. Государственный архив России XVI в. М., 1978. С. 482; *Он же*. Опричнина. М., 2001. С. 212, 225, 276; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 434, 513.

(июль – сентябрь 1571 г.) разделив участь ее жертв⁶⁶. По мнению Р. Г. Скрынникова, функции ясельничего в период опричнины значительно расширились, связь с дворцовым конюшенным ведомством была скорее номинальной, как и у оружничего и постельничего. Таким образом, конфликт Зайцев – Дровнин был, возможно, стычкой внутри Конюшенного приказа, завершившейся безусловной победой царской креатуры⁶⁷, облеченной доверием зачислять служилых людей в Опричный государев двор.

7.3.2. Земский приказ

К «полицейскому» московскому ведомству – Земскому двору относятся три местнических случая конца XVI – начала XVII в. Сведения эти тем более ценны, что являются чуть ли не единственным сохранившимся источником о начальном периоде существования и руководителях этого приказа. В деле А. Ф. Наумов – кн. В. Р. Барятинский 1623 г. последний показал: «В 87 году на Земском дворе князь Иван Данилов сын Гагарин, а в товарищех с ним был Яков Гаврилов сын Наумов»⁶⁸. «И Андрей Федоров сын Наумов слался на разряд и подал отводную память». Он не отрицал этого назначения, но припомнил следующие подробности: «...дед его... бил челом на князь Ивана Гагарина... а в то время дед его Яков был в государевой опале, стоял на правеже, а на Земском дворе со князь Иваном Гагариным не сидел ни одново дни, и в приказ не ездил, а бил челом на князь Ивана Гагарина безпрестани»⁶⁹. Наумовы в первой половине – середине XVI в. играли заметную роль при дворе: И. Ф. Жекула-Наумов – сокольничий в 1540-е гг., его младший брат В. Ф. Наумов первоначально возглавлял опричный Постельный приказ⁷⁰. В. Б. Кобрин перечисляет пятерых представителей этого рода – опричников, в числе которых и Яков Гаврилович, городской приказчик в Суздале в 1565 г., испомещавший там опричных дворян, а в 1576/77 г. он же упомянут на Земском дворе в товарищах с И. И. Мятлевым⁷¹. По Государеву разряду и Пространной редакции разрядных книг Я. Г. Наумов впервые упомянут так – «на Земском

⁶⁶ Зимин А. А. Опричнина. С. 498–409; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 434.

⁶⁷ В. Г. Дровнин в Опричной думе сидел выше казначея, был «в суде у бояр», вел переговоры с иностранными послами, в Полоцком походе комплектовал опричное войско. См.: Кобрин В. Б. Состав опричного двора // АЕ за 1959. С. 38–39; Зимин А. А. Опричнина. С. 212, 225, 276; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 434, 513.

⁶⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 16. Ч. 2. Л. 111. Данные эти соответствуют записи в Государевом разряде за 1578/79 г.: «На Земском дворе князь Иван княж Данилов сын Гагарин, Яков Гаврилов сын Наумов». См.: РК 1475–1598. С. 301.

⁶⁹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 16. Ч. 2. Л. 111–112.

⁷⁰ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 228.

⁷¹ Кобрин В. Б. Состав Опричного двора. С. 50. Я. Г. Наумов также был воеводой в ново-построенном г. Кокшайске. См.: РК 1550–1636. Т. 1. С. 220, 235, 249.

дворе князь Иван Данилович Гагарин да Яков Гаврилов сын Наумов» – в росписи московской осаде от 1 июня 1579 г., среди оставляемых в городе на воевод и чиновников⁷². Непохоже, чтобы Я. Г. Наумов подвергался опале, хотя один из его родственников, видный опричник Иван (Ишук) Бухарин Наумов казнен был не ранее 1577/78 г.⁷³ В разрядах нет записи об отказе Я. Г. Наумова от службы, но уже в июле, спустя менее месяца после определения на Земский двор, он, видимо, добился перемены назначения и отправился в армию: «А с царем... в походе... в стану у государя быти и у ночных сторож в головах им жа быть», и оказался там на третьем месте среди голов после кн. А. В. Трубецкого и В. Г. Зюзина. В сентябре в походе он назначен «в сокольничево место», причем сохраняет как личное доверие царя («в стану у государя спати» ему велено и 15 апреля 1581 г.), так и управление походным соколиным хозяйством по меньшей мере еще на четыре года («в сокольничево место» – 14 мая 1583 г.)⁷⁴. Правда, до чина сокольничего «с путем» он так и не дослужился, о чем не преминул при случае напомнить изощренный местник Г. Г. Пушкин в деле с кн. Ф. А. Звенигородским в 1605 г.⁷⁵ И. И. Мятлев–Слизнев, опричник видный, хотя и не самого высокого ранга, на Земском дворе служил много лет – он упоминается там в 1565/66 и в 1572 гг.⁷⁶ Князь И. Д. Гагарин редко упоминается по разрядам, в Дворовой тетради он записан как дворовый сын боярский по Вязьме⁷⁷, помещик Гжельского стана Вяземского уезда, писец Каширского уезда⁷⁸; в разрядах он упомянут единственный раз в связи с тем же назначением; поэтому Наумов мог, очевидно, позволить себе бить челом на представителя захудавших княжат.

В 1602 г. подобное столкновение опять произошло на Земском дворе между двумя судьями – «...велел государь сидеть... Степану Васильеву сыну Кузьмину да Ивану Васильеву сыну Милюкову. И Иван Милюков на Степана Кузьмина бил челом государю в отечестве, что ему менши Степана быти невместно»⁷⁹. И Милюковы, и Кузьмины-Короваевы – достаточно видные «разрядные» роды. С. В. Кузмин в Боярском списке 1588/89 г. значится выборным по Владимиру с окладом 600 четей, в сле-

⁷² РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 53, 62; РК 1475–1598. С. 301; РК 1550–1636. Т. 1. Ч. 2. С. 289.

⁷³ Кобрин В. Б. Состав Опричного двора. С. 50.

⁷⁴ РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. С. 83, 180, 182; Ч. 2. С. 22; РК 1550–1636. Т. 1. С. 289, 335, 351.

⁷⁵ «Якову, государь, Наумову было сокольничья приказано в приказ, а сокольничим, государь, Якову не писывалось, и сокольничим Яков у вас государей был не пожалован». См.: БРЗ. С. 39; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 236.

⁷⁶ Кобрин В. Б. Состав Опричного двора. С. 49.

⁷⁷ ТКДТ. С. 77, 188.

⁷⁸ Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачева. М., 1872. Ч. II. С. 1299, 1525. Далее – ПКМГ.

⁷⁹ РК 1475–1605. Т. IV. Ч. 1. С. 136.

дующем году он в списке дворян, назначенных в шведский поход, с тем же окладом (но указано – «болен»)⁸⁰. Судя по разрядам, его назначения не очень высоки – головой татарской сотни в Шацке в 1584 г., воеводой в далекую сибирскую Тару в феврале 1597 г.⁸¹, на Северный Кавказ в крепость Терку в 1602 г.⁸² И. В. Милюков начинал служить несколько ранее – в 1577 г. он с двумя братьями – Федором и Михаилом – внесен в боярские списки по выбору в Рузском уезде; остается он в выборе и позднее (в 1588/89 г.)⁸³, но по службе двигается быстрее – летом 1584 г. он объезжий голова в Москве на Покровке, летом 1589 г. служит головой в Новгороде, сначала на Софийской, а затем на Торговой стороне⁸⁴. В 1594/95 г. он послан собирать «наместничий доход» на Рязань, «а грамоты от государя к ним указные писались: “В Переславль Резанской Ивану Васильевичю Милюкову да осадному голове Василию Даниловичю Колтовскому”» – специально отмечается в Пространной редакции разрядов⁸⁵. Это местническое дополнение явно в интересах Милюкова, хотя и неясно, был ли он воеводой или наместником с полным объемом полномочий. Во время боев армии правительства Василия Шуйского с повстанцами И. И. Болотникова в 1606 г. он значится как посланный на Тулу второй воевода при окольном кн. Д. В. Туренине⁸⁶. Что же касается службы Милюкова на Земском дворе, то он числится там уже в 1604 г., как обязанный поставить 9 конных даточных людей, что видно по «Росписи русского войска»⁸⁷. Сравнение этих персоналий приводит нас к мысли, что Милюков действительно мог претендовать на до некоторой степени более высокое положение, чем Кузмин-Короваев, и опасаться сближения с несколько более низким по службам родом. Трудно судить, является ли запись в Пространной редакции об их местничестве интерполяцией, внесенной «от Милюковых», или какой-нибудь их родней, вставкой, аналогичной той, что приведена выше, но согласно ей – «государь Ивана Милюкова пожаловал, велел дать суд на Ивана Кузмина»; дело решала судная комиссия боярина кн. А. И. Голицына и дьяка Т. Витовтова. «И с суда Ивану Милюкову государь на Земском дворе сидеть с Иваном Короваевым не велел»⁸⁸. Однако отставлен был именно Кузмин, поскольку,

⁸⁰ Боярские списки последней четверти XVI в. Т. 1. С. 130, 278.

⁸¹ РК 1475–1605. Т. III. Ч. 2. С. 43; Т. IV. Ч. 1. С. 115.

⁸² БРЗ. С. 115, 177, 194; ДР. Т. 2. С. 260.

⁸³ Боярские списки... Т. 1. С. 96, 168, 331.

⁸⁴ РК 1475–1605. Т. III. Ч. 2. С. 36, 142; Боярские списки... Т. I. С. 68.

⁸⁵ РК 1475–1605. Т. III. Ч. 3. С. 71.

⁸⁶ БРЗ. С. 142, 213.

⁸⁷ Боярские списки... Т. II. С. 26.

⁸⁸ РК 1475–1605. Т. IV. Ч. 1. С. 136.

как выше было указано, Милюков занимал эту должность и в 1604 г., и, возможно, ввиду своей компетентности в деле управления большими городами (Москва и Новгород).

Летом 1635 г. вторым судьей на Земский двор был назначен московский дворянин Н. Н. Беглецов, что вызвало протест первого дьяка в приказе А. Д. Костяева. «И Офонасей Костяев бил челом государю на Никиту Беглецова»⁸⁹. Местничество дьяка с московским дворянином – нечастое событие. В чем же здесь было дело? Люди эти – примерно одного происхождения, поколения и сходной судьбы. Никита Наумович Беглецов – дмитровский сын боярский, Афанасий Давыдович Костяев – каширянин. Н. Н. Беглецов начинает службу «при царе Василии» с окладом в 18 руб., продолжает во II Ополчении, когда «за Хоткеев бой и за Китайской приступ» получает придачу к окладу в 11 руб.⁹⁰ А. Д. Костяев уже в 1615/16 г. записан подьячим в Разрядный приказ, в дальнейшем также служит в разных приказах, в том числе уже дьяком – в приказах Сбора даточных людей, Приказных дел (в 1638–1648 гг.)⁹¹, однако сфера служебной деятельности его и его семьи все-таки более военная – отец его был убит «при царе Василии», а всего от Смуты до Смоленской войны было убито, по его утверждению, «родителей моих 27 человек»; сам он в 1619 г. в Ярославском и Белозерском уездах проявил недюжинную храбрость (в войске кн. Г. В. Тюфякина и И. В. Бутурлина) – взял в плен польского поручика и казака («черкашенина») и отбил воеводу Бутурлина⁹². Не менее храбр был и Н. Н. Беглецов – помимо участия в московских боях 1612 г. он в 1635 г. «за резанскую службу и за татарский бой» награжден придачей в 100 четей и 30 руб. к денежному окладу⁹³. Однако в отношении чинов оба продвигаются не особенно быстро. Несмотря на воинские подвиги, Костяев еще в 1628 г. был подьячим⁹⁴. Беглецов еще в 1627 г. городской дворянин, а в московский список он попадает, видимо, не ранее 1629 г.⁹⁵ Служил он в головах городских дворян⁹⁶, а 30 марта 1633 г. записан уже вторым воеводой большого полка рязанского разряда. Но на такой «честной» службе ему пришлось схлестнуться с соперником – на него бил челом второй воевода сторожевого полка того же разряда

⁸⁹ ДР. Т. II. С. 480.

⁹⁰ Сухотин Л. М. Четвертчики... С. 286.

⁹¹ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 266; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 364.

⁹² Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 266.

⁹³ Боярская книга 1639 г. С. 104.

⁹⁴ В Поместном приказе. См.: Боярская книга 1627 г. С. 89. Дьяком он стал между 1628 и 1633 гг.

⁹⁵ «В книге 137-го году помесной оклад 700 четей, денег 40 рублей». См.: БК 1639 г. С. 104.

⁹⁶ 2 марта 1634 г. – в полку кн. Д. М. Черкасского и кн. Д. М. Пожарского, готовившемся к несостоявшемуся походу под Смоленск – «у городов». См.: ДР. Т. II. С. 395.

С. В. Чаплин⁹⁷. Чаплины, как и Беглецовы, принадлежали к верхушке Дмитровского «служилого города»; в боярском списке 1620/21 гг. К. В. и Ф. В. Чаплины (может быть, братья местника?) имеют небольшие оклады (900 и 700 четей), а Беглецовы не значатся вовсе (где служил тогда Никита, неясно)⁹⁸. Заметим, что к верхам дворянства Дмитрова принадлежал и род Сьяновых – в том же списке Г. В. Сьянов отмечен с окладом в 500 четей⁹⁹. А Беглецов в 1635 г. сменяет на должности второго судьи Земского приказа именно В. В. Сьянова, похоже, брата вышеупомянутого, при котором начал служить в этом же приказе и Костяев¹⁰⁰. В. В. Сьянов был московским дворянином еще в 1620-е гг.¹⁰¹ В Боярской книге 1639 г. ни его, ни А. Д. Костяева уже нет. Итак, возможно, В. В. Сьянов «по Дмитрову» был несколько выше своего земляка Н. Н. Беглецова, «в версту» которому были Чаплины; поэтому Костяев, как первый дьяк, потребовал восстановления своих прав – службы с более высоким по «чести» судьей, и его челобитье было удовлетворено: «Офонася велел государь отставить, а на его место велел государь быть дьяку Ивану Ларионову»¹⁰².

7.3.3. Сыскные приказы

Во временных комиссиях Боярской думы, посвященных конкретным вопросам, обычно именовавшихся «сыскные приказы», также происходили местничества. 23 февраля 1622 г. был принят указ о «большом сыске», касающийся окладов служилых людей всех рангов (от стольников до служилых татар и «всяких чинов людей»), целью которого было проверить соответствие их окладов фактическим поместным владениям¹⁰³. Тем самым правительство Филарета пыталось устранить злоупотребления Смутного времени. В очередной (уже второй или третий с 1618 г.) сыска приказ были назначены окольные С. В. Головин, думный дворянин Ю. И. Татищев, дьяки А. З. Шапилов и П. Микулин. Представитель известного своей конфликтностью рода Ю. И. Татищев немедленно подал челобитную («что ему по случаю менши быть невместно») на Головина, который, в свою очередь, сразу же стал бить челом о бесчестье¹⁰⁴. Ю. И. Татищев являлся сыном И. П. Татищева, который

⁹⁷ Там же. С. 323–324. На время службы было объявлено безместие.

⁹⁸ *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства // Чтения ОИДР. 1909. Кн. III. С. 141.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 46.

¹⁰¹ Боярская книга 1627 г. С. 103.

¹⁰² ДР. Т. II. С. 480.

¹⁰³ ЗАРГ. Т. I. № 117. С. 111–112; Т. II. С. 145.

¹⁰⁴ ДР. Т. I. С. 497–498; *Татищев С. С.* Род Татищевых. СПб., 1900. С. 22.

в 1598 г. был назначен казначеем, как ранее дядя и другие родственники С. В. Головина. Однако Юрий Игнатьевич не привел в своих «случаях» этого назначения. Он апеллировал к разрядным службам своих предков, которые, однако, нигде впрямую не оказывались выше прямых предков Головина. Примеры Татищева повествуют о службе его отца с дядьями и другими родственниками ответчика в 1579/80 и 1581/82 гг., кроме того, Ю. И. Татищев обвинял и самого С. В. Головина в гибели в Новгороде в 1608 г. своего брата, окольничего М. И. Татищева¹⁰⁵, что не соответствовало действительности¹⁰⁶. С. В. Головин не считал нужным даже отвечать на представленные истцом случаи, указав, что по сравнению с Головиными Татищевы «молодые люди, неродословные, а по вашему государеву уложению... такие... люди... на нас... не бивали челом, а прежде... сего он же Юрий Татищев бил челом на боярина на князя Дмитрея Михайловича Пожарского, и вы... велели оборонь дать, бить кнутом и отослать головою ко князю... Пожарскому»¹⁰⁷. Боярская комиссия уже ко 2 марта решила дело в пользу Головина – думный дьяк Т. Луговской записал ее решение – «бояре поговорили, а как о том государь укажет: за Семеново бесчестье Юрья Татищева выдать головою или посадить в тюрьму. А сказати, что он... на Семена бил челом не делом, и тем Семена обесчестил. И вперед ему до Головиных не достало...»¹⁰⁸. Царь Михаил Федорович, выбирая меру наказания, остановился на тюрьме: «И велел государь тебя за Семеново бесчестье... посадить в тюрьму и то записать, что им [ему] вперед пригоже быти со всеми Головиными»¹⁰⁹. Головиных, заметим, включали в подобные сыскные приказы-комиссии и ранее – например, в 1619, 1620 и 1622 гг. окольничий Ф. В. Головин с боярином кн. Ю. Е. Сулешевым; С. В. Головин же вскоре, уже в конце 1622 г., становится боярином¹¹⁰. В декабре 1641 г. в Сыском приказе, занимавшемся, очевидно, «посадским строением», его глава, боярин кн. Ю. А. Сицкий, бил челом на второго судью, кн. А. Ф. Литвинова-Масальского. По мнению первого судьи, его товарищ «отбаливался», пытаясь явочным порядком избежать назначения; кн. Масальский же на это отвечал, что действительно болен, а мест ему с

¹⁰⁵ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 27. Стп. 2. Л. 60.

¹⁰⁶ См. подробнее: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 292–294; *Эскин Ю. М.* Смуты и местничество. С. 67–68.

¹⁰⁷ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 102. Л. 45.

¹⁰⁸ Там же. Л. 150.

¹⁰⁹ Там же. Записка Т. Луговского представляет собой черновик с обильной авторской правкой; например, в заключении «ему» зачеркнуто и оставлено «им», что распространяло «потерьку» на весь род Татищевых.

¹¹⁰ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 190–191. В указанном справочнике в главе «Сыские приказы» отдельные комиссии не разделены, а просто даны в хронологическом порядке все упоминания о судьях.

Сицким нет¹¹¹. По разрядам же Сицкий, например, за государевым столом сидел местом выше Масальского¹¹², что свидетельствовало о том, что он действительно пытался избежать этого назначения.

7.3.4. Судные приказы

Два местнических столкновения известны по Владимирскому судному приказу. В декабре 1628 г. «...велел государь сидеть в Судном Владимирском приказе... дьяки – Иван Льговской да Астафей Кувшинов». «И Астафей на Ивана бил челом, и на его место велено сидеть дьяку Василью Яковлеву»¹¹³. Таким образом, Е. А. Кувшинов выиграл. Он был дьяком Семибоярщины в Москве, подписывал «увещательную грамоту» от 25 января 1612 г. в Кострому о принятии присяги королевицу Владиславу; правительство Михаила Федоровича лишило его дьяческого чина, и в 1619 г. он дозирал Устюг как подьячий; прежний чин ему вернули, видимо, только после 1621 г.¹¹⁴ Свое положение ему удалось отчасти восстановить, может быть, в связи с приходом к власти Филарета, выдвигавшего ряд лиц из близкого себе в прежнее время лагеря; однако и в дальнейшем Кувшинову возглавлять приказы больше не довелось. И. Л. Льговский (Лговской) как дьяк упоминается с 1614 г. в Пушкарском приказе, далее служит в разных приказах¹¹⁵. Поскольку до этого он нигде не встречается как подьячий, то, вероятно, был поверстан в дьяки из дворян. Возможно, здесь свою роль сыграла выслуга Кувшинова в дьяческом чине, который к тому времени ему восстановили. 1 июля 1665 г. во Владимирском судном приказе началось еще одно дело между дьяками. В приказ к боярину кн. И. С. Прозоровскому, у которого с 8 мая уже был первым дьяком А. А. Галкин, перевели из Московского судного приказа «на Васильево место Шишкина» дьяка М. Н. Чирикова. Последний тут же бил челом, «что ему в Судном Владимирском з дьяком с Андреем Галкиным за ево Андреевою породою быть не мочно...»¹¹⁶. Истец указывал, что его родня, в отличие от недворянской родни Галкина, – служилые люди по Новгороду и Ярославлю, и обещал представить «письмо»

¹¹¹ РГБ. ОР. Ф. 178. Музейное собрание. № 738. Л. 447–447 об. По Богоявленскому, Сицкий упомянут в Сыском приказе с 12 июня, а Масальский – с 17 июля 1643 г.

¹¹² ДР. Т. II. С. 672.

¹¹³ Там же. С. 16.

¹¹⁴ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 270. В Боярском списке 1610/11 г. Кувшинов отмечен «при Литве». См.: *Сторожев В. Н.* Материалы по истории русского дворянства. С. 85; *Рыбалко Н. В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. / Диск. канд. ист. наук. Волгоград, 2001. С. 354.

¹¹⁵ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 308.

¹¹⁶ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 366. Л. 30: «И ныне служат в городах же по выбору и по дворовому и по московскому списку».

с доказательствами как своего дворянства, так и низкого происхождения Галкина. Неясно, отменили ли назначение, но репрессий против Чирикова не последовало. 1 и 18 февраля следующего года его пытались назначить туда же снова, но он опять отказался¹¹⁷. С. К. Богоявленский трактовал исход этого дела как уступку администрации дьяку из дворян¹¹⁸. М. Н. Чириков не случайно использовал в конфликте как аргумент свое дворянство. Он был в этот момент еще довольно молодым человеком, как дьяк известен с 1661 г., а в 1677/78 г. дьяком быть перестал¹¹⁹, возможно, эти 16–17 лет составляли только часть его дворянской карьеры. По Московскому списку действительно служило много представителей его рода¹²⁰. В то же время А. А. Галкин был представителем старого рода приказных дельцов, подьячим он числился с 1627/28 г., а дьяком пожалован в 1638 г.¹²¹ Такой длительной выслуге можно было противопоставить только происхождение. Но именно с того же 1664 г. начинает окончательно оформляться принцип старшинства приказной бюрократии по первенству пожалования в чин. Если по делу Чириков – Галкин о существовании этого принципа можно только догадываться, то в тяжбе дьяков А. И. Козлова и В. В. Брехова, происходившей тогда же, этот принцип уже применяется Козловым в качестве важного довода¹²²: «И по твоей государевой милости... пожалован во дьяки прежде его... того всего в памяти не написали», – жаловался Козлов¹²³. Принцип старшинства по выслуге базировался на служебной практике и первенстве записи дьяков в боярских книгах. К концу века он все более соотносится с учетом личных заслуг дьяка¹²⁴. Уже на излете местничества, в 1672/73 г., в Московском судном приказе возникло еще одно дело, связанное с назначением судей, кн. С. Н. Шаховского и В. Т. Желябужского. По разрядам это дело не проходит¹²⁵, однако сохранилось записанным в разрядно-родословном сборнике Желябужских. Сборник включает известные записки И. А. Желябужского и, возможно, является его автографом, имеются в нем и записи о местничествах¹²⁶. В состав сборника входит местнический справочник – перечень «потерек» разных родов (по нашей классификации – Редакция в 192 главы).

¹¹⁷ ДР. Т. II. С. 607.

¹¹⁸ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 227. Н. Ф. Демидова в своей монографии приводит это дело как пример предлога для местничества – назначение в один приказ. См.: *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия. С. 86.

¹¹⁹ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 567.

¹²⁰ БК 1639 г. (см. по указателю) и др.

¹²¹ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 116–117; БК 1639 г. С. 223 (дьяк в Тобольске).

¹²² *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия. С. 86.

¹²³ ИА. 1993. № 2. С. 198.

¹²⁴ *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия. С. 86–87.

¹²⁵ Назначение судей в приказ зафиксировано в: ДР. Т. III. С. 888, 935.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 125.

Глава, посвященная роду Желябужских, сильно переделана по сравнению с традиционным текстом; добавлены, как и следовало ожидать, случаи «находок»; в частности, и челобитная В. Т. Желябужского: «В процлом... во 181-м году по твоему государеву указу велено мне сидеть в Московском судном приказе в товарищех с князь Степаном Шаховским, и мне, государь, с ним князь Степаном в товарищех за отечеством сидеть невместно»¹²⁷. Далее истец просил «сыскать своими государевы разряды» и привел несколько случаев. Неясно, когда Желябужский подал эту челобитную, было ли разбирательство и вообще насколько эта челобитная достоверна. Стряпчий (с 1675 г. стольник) В. Т. Желябужский упоминается в 1638–1704 гг., он занимал различные должности; кн. С. Н. Шаховской также был стольником и после данного назначения более не упоминается¹²⁸. Возможно, он вскоре умер или оставил службу по иному поводу, что дало возможность его товарищу записать себе истинную или мнимую «находку».

С. К. Богоявленский замечал, что во избежание местничества в приказы стремились назначать однородцев, внутриклановая иерархия которых была вполне безусловной («например двух Кафтыревых, двух Дашковых...»)¹²⁹. Заметим, что подобные назначения были в обычае и на иных службах, но и такая предосторожность порой оказывалась недостаточной. 18 октября 1680 г. в недавно созданный Судный приказ (объединивший судные Московский и Владимирский) назначаются в товарищи к кн. И. И. Дашкову стольники Михайло Иванов сын и Богдан Данилов сын Глебовы и дворянин Никита Данилов сын Глебов. Старшинство их, очевидно, соответствовало данному перечислению, но все же указ предусматривал: «А писаться ему князю Ивану во всяких делах “с товарищи”, а не по имяном¹³⁰, а Глебовым быть меж себя без мест»¹³¹. Это единственный известный нам случай установления предваряющего безместия в приказной службе внутри приказа. Неизвестно, собирались ли трое Глебовых местничать, поскольку здесь же записано: «...и в том же приказе Михайло и Богдан и Микита не сидели для того, что им велено быть у иных дел». Возможно, они и не вступили в должность (сведений за октябрь – декабрь 1680 г. нет), но характерно, что 21 декабря в Судном приказе на их местах служит аналогичная троица –

¹²⁷ Там же. Л. 217 об. – 218.

¹²⁸ ДР. Т. III. Уп. с 1653/54 по 1674 г. (См. по указателю).

¹²⁹ *Богоявленский С. К. Приказные судьи*. С. 232.

¹³⁰ Согласно царскому указу того же года о писании в преамбулах всех входящих и исходящих приказных документов имени только главы приказа. См.: *Богоявленский С. К. Приказные судьи*. С. 6.

¹³¹ РГАДА. Ф. 394. Канцелярия московских герольдмейстерских дел. Оп. 1. Д. 326. Л. 554 об.

И. М., И. И., И. В. Засецкие¹³², которым, впрочем, не было сделано подобного предупреждения, что косвенно подтверждает версию о местническом конфликте между Глебовыми.

7.3.5. Приказ сбора немецких кормов

Во временном приказе, действовавшем в период Смоленской войны и ведавшем сбором хлебных запасов для наемных войск, Приказе сбора немецких кормов, также возникло местничество. «Того ж месяца генваря в 28 день пришли к Москве наемные немцы; и государь велел им корм давать, а собирать с четверти со всех уездов Григорью Алексею сыну Загряжскому да Ивану Дмитреву сыну Есипову да дьяком Тихону Бормосову да Емельяну Евсевьеву; а Иван Есипов был болен, а на его место Иван Нелюбов сын Огарев»¹³³ Этот приказ был подчинен непосредственно командующему русской армией, боярину М. Б. Шеину с окольным А. В. Измайловым¹³⁴. С самого объявления о начале кампании войсковое руководство оказалось парализованным, причиной чему явился ряд местничеств. Князь Б. М. Лыков конфликтовал с кн. Д. М. Черкасским, В. В. Волынский – с кн. Д. М. Пожарским (который, впрочем, не принял участия в войне по болезни)¹³⁵. Г. А. Загряжский, оказавшись в подчинении у А. В. Измайлова, бил на него челом, видимо полагая, что, поскольку прецедент только что возник, ему тоже может повезти. Дело в том, что после челобитья В. И. Волынского на кн. Д. М. Пожарского последний был отставлен, и на его место назначен А. В. Измайлов. Однако Загряжский плохо учел разницу в положении. Представителю рода Волынских, видного и чиновного, помогла, возможно, болезнь Пожарского, которая была зафиксирована в качестве официальной причины отставки. Загряжскому же нереально было взять верх над окольным А. В. Измайловым. «И государь велел за Ортемьево бесчестья Григорья Загряжского посадить в тюрьму на три дня»¹³⁶. Видимо, в тот же момент решил попытать счастья и И. Ф. Нелюбов-Огарев. «И Иван Огарев бил челом государю на Григорья Загряжского [в отечестве о суде; и Ивану в том отказано, а велено ему быть менши Григорья]»¹³⁷. Почему Огареву отказали? И истец и ответчик были московскими дворянами, начавшими службу в Смуту. Отец последнего, Нелюб (Фома) Огарев, сыграл довольно видную роль во время

¹³² *Богоявленский С. К. Приказные судьбы.* С. 169.

¹³³ ДР. Т. II. С. 249. (Др. варианты: «[22 января] ukazano собирать с сошных людей с живущей пашни хлебные запасы немцам и русским салдатом».)

¹³⁴ РК 1550–1636. Т. II. Ч. 2. С. 368.

¹³⁵ ДР. Т. II. С. 269–270, 272–273; КР. Т. II. С. 374–377.

¹³⁶ РК 1550–1636. Т. II. Ч. 2. С. 368.

¹³⁷ ДР. Т. II. С. 249.

борьбы правительства Василия Шуйского с Болотниковым, так что в разряды (видимо, благодаря Пушкиным) попала его служба с Н. М. Пушкиным в Красном Селе под Москвой, затем он участвовал в осаде Калуги¹³⁸. Его сын Иван – жилец уже в 1602/03 г.; по крайней мере с 1614/15 г. он упоминается как московский дворянин и воевода в Кокшайске, неоднократно записан приставом у послов¹³⁹, в 1625–1629 гг. он служит в Холопьем приказе¹⁴⁰, в Боярских книгах 1627 и 1639 гг. записан московским дворянином с окладом в 1000 четей¹⁴¹. Г. А. Загряжский принадлежал, видимо, к тому же поколению и той же среде. Впервые упоминается 15 апреля 1604 г., когда получает из четверти жалованье за отца, А. Ф. Загряжского¹⁴², в это время он жилец с окладом в 300 четей¹⁴³. В 1614/15 г. он на воеводстве в Боровске¹⁴⁴, в 1616 г. свидетельствует в Разряде об окладах Ф. А. Татищева и И. Т. Змеева¹⁴⁵. В отличие от И. Ф. Нелюбова-Огарева Г. А. Загряжский занимает посты полковых воевод, что может свидетельствовать о его более высоком ранге; однако его отставка может трактоваться и в пользу Огарева. Загряжский, проиграв дело с Измайловым и как будто одержав победу над Огаревым, тем не менее исчезает из приказа да и вообще из разрядов. В Боярской книге 1639 г. он уже не записан, вероятно умер. В то же время Огарев получает нового главу приказа – кн. И. М. Барятинского, знатность которого, несомненно, повышала статус его подчиненного, под началом которого прослужил до 1636 г. (а сам Огарев – до 1638 г., окончания работы приказа)¹⁴⁶.

7.3.6. Посольский приказ

Уже после отмены местничества, в 1690 г., возник местнический конфликт в Посольском приказе. К этому времени уже действовали указы о порядке старшинства дьяков в приказах на основе выслуги, в частности, указ 1689 г.¹⁴⁷ Однако бюрократический принцип вступил в конфликт с социальным. 23 октября 1689 г., уже после того, как дьяком в Посольский приказ было указано сидеть, «как в дьяческой чин пожалованы» (по старшинству жало-

¹³⁸ БРЗ. С. 46, 143, 214, 216.

¹³⁹ Боярские списки... Т. I. С. 194; ДР. Т. I. С. 144, 349.

¹⁴⁰ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 206.

¹⁴¹ БК 1627 г. С. 82; БК 1639 г. С. 106.

¹⁴² *Сухотин Л. М.* Четвергчики... С. 11.

¹⁴³ Боярские списки... Т. II. С. 17, 40.

¹⁴⁴ ДР. Т. I. С. 242, 293.

¹⁴⁵ *Сухотин Л. М.* Четвергчики... С. 227, 229.

¹⁴⁶ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 154.

¹⁴⁷ Позднее – указы 1690 и 1692 гг. См.: Ф. 210. Оп. 9. Ст. 955. Стп. 3. Л. 1; Ст. 536. Л. 206; Оп. ба. Кн. 25. Л. 84, 128; Кн. 26. Л. 103об. Комментар.: *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия. С. 86.

вания в чин), дьяк Б. М. Михайлов стал писаться выше дьяка А. А. Винуса. (Пожалованы они были в дьяки соответственно в 1676/77 и 1677/78 гг.)¹⁴⁸. Винус 7 сентября и 25 октября 1690 г. бил челом в Разрядный приказ, требуя восстановить прежний порядок, по которому он ранее писался выше, поскольку в дьяки пожалован из дворян (еще его отец, выезджий голландский купец, достиг сначала чина гостя, а затем стал служащим Посольского приказа и московским дворянином)¹⁴⁹. 18 июля 1693 г. в приговоре, подготовленном думным дьяком Г. Деревниным, доводы Винуса были признаны справедливыми и ему велено опять писаться выше дьяков В. Постникова и Б. М. Михайлова, сразу за дьяком В. Бобыниным. По наблюдениям С. К. Богоявленского, изучавшего это дело, Винус в боярских списках стоял ниже В. Бобынина, пожалованного в московские дворяне ранее его¹⁵⁰. Таким образом, тот же принцип старшинства действовал на более высоком уровне (когда речь шла о служилых людях «молодых», не «по отчеству»), однако свои социальные привилегии они пытались отстаивать у государства, которое при каждом удобном случае стремилось вводить в эти отношения «регулярство». Михайлов, что характерно, не протестовал, несмотря на недавние законодательные акты, принятые, казалось бы, в пользу его и ему подобных выслуживавшихся чиновников. Господствующая социальная группа стремилась защищать свои привилегии, что проявлялось, в частности, в предпочтении, которое оказывалось чиновникам дворянского происхождения вплоть до XIX в.

7.4. Попытка законодательным порядком вывести приказный аппарат из местнической системы

Законодательный акт, принятый с целью ослабления опасности нарушить местничеством функционирование приказного аппарата, был нами рассмотрен в соответствующей главе. Здесь мы будем рассматривать его уже не как фрагмент местнической законодательной системы, а применительно к самому приказному аппарату. Политический кризис 1648–1649 гг. привел к необходимости уступок населению, и в деле обуздания произвола в судебных инстанциях в частности, и приказной волокиты в целом, что и попытались отразить авторы Соборного уложения 1649 г. Глава X «О суде» была составлена из ряда статей, долженствовавших облегчить прохождение дела по инстанциям, нормализовать судопроизводство, пресечь коррупцию. В ст. 23 авторы затронули такой специфический момент, как порядок присутствия в руководстве приказов думных чинов. К середине

¹⁴⁸ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 92, 336.

¹⁴⁹ Там же. С. 92.

¹⁵⁰ ИЗ. Т. 1. С. 233.

XVII в. все большее количество приказов возглавляется уже не дьяками – приказными дельцами, а чинами государева двора. Соответственно, на данную службу распространяются ранее более свойственные придворной, административной и военной службам местнические отношения. Вельможи, возглавлявшие приказы, позволяли себе, видимо, посещать палату не особенно аккуратно, что затягивало рассмотрение и решение судебных дел – постоянной рутинной работы множества отраслевых приказов (поскольку автономная система специализированно судебных учреждений в стране отсутствовала, и люди разбирали свои тяжбы на низшей инстанции в местных приказных избах, а апеллировали выше – преимущественно в те приказы, которым подчинялись по своему социальному статусу: дворцовые крестьяне и ремесленники – в Приказ Большого дворца, ясачное население – в Казанский, стрельцы – в Стрелецкий, ямщики – в Ямской, иностранные купцы и донские казаки – в Посольский и т.д.). Пока отсутствовал должный кворум приказных судей, дело оставалось нерешенным. «А в котором приказе будет боярин или окольниковый или думной человек с товарищи, три или четыре человека, и в которое время из них один или два человека в приказ не приедут за своею болезнью или за иным за своим за каким нужным за домашним недосугом, или кто из них будет в отпуску из Москвы... и в то время... судить товарищем их, которые будут на Москве в приказах. А вершить то дело судьям всем вопче». Если судья отсутствовал и на окончательном заседании, когда состоялось «вершенье» дела, имени его в приговор писать было не велено, однако «для чего его у вершенья того дела не будет, и то в приговоре отписать имянно»¹⁵¹. Современные комментаторы – исследователи Уложения полагают, что старый спор о коллегиальности или единоначалии в приказной системе не вполне обоснован, так как, несмотря на единоначалие, в принятии важных решений соблюдалась коллегиальность¹⁵², почему правительство и настаивало в этом случае на присутствии всех судей. Нарушение же судьями установленного порядка рассматривала статья 24: «А будет которой судья не учнет ездить в приказ своим упрямством, не хотя в том приказе быть...»¹⁵³. Отказ от назначения – «упрямство», судя по применявшейся терминологии, в целом не одобрялось, но допускались и известные исключения. «Учинить наказание» за отсутствие в приказе «многие дни» следовало в случае неуважительности причины. Допустимым же считалось: «...кроме отеческих дел, и не для болезни и не для инова какова нужнаго недосугу». Таким образом, участие в местническом споре, как в приказе, так и вне его, вполне допускалось.

¹⁵¹ Соборное уложение 1649 г. Л., 1987. С. 33.

¹⁵² Там же. С. 189.

¹⁵³ Там же. С. 33.

Цель правительства – «чтобы за судьбою и за всяким приказным человеком ни в котором приказе никаким людем лишние волокиты и проести не было» – могла быть достигнута только таким способом – местничающим судьям предоставлялась возможность не посещать приказ.

Дал ли этот законодательный акт какие-либо ощутимые результаты? Полагаем, что дал. Приведем статистические данные. В XVI в. нам известно шесть местничеств, связанных с приказными назначениями: ясельничие (Конюшенный приказ) [1559 г.], печатник – казначей 1572 г., Земский двор 1578/79 г., Казенный двор 1583 г., Рязанский судный приказ 1591 г., ясельничий – казначей 1598 г.¹⁵⁴ С 1602-го по 1649 г. известно 16 «приказных» местничеств:

Таблица 9

«Приказные» местничества

1602 г.	Земский двор	Рк 1475–1605. Т. IV. Ч. 1. С. 136;
1603 г.	Посольский приказ	Ф. 138. Оп. 1. 1667 г. Д. 1
1614 г.	Стряпчий с ключом – постельничий	ДР. Т. I. С. 132
1617 г.	Разбойный приказ	КР. Т. I. С. 408–409
1622 г.	Сыскной приказ 1622 г.	ДР. Т. I. С. 497–498; Ф. 210. Оп. 17. Ст. 27. Стп. 2. Л. 60; Ст. 102. Л. 43–50
1626 г.	Посольский приказ	РИБ. Т. 9. С. 438; ДР. Т. I. С. 936
1628 г.	Владимирский судный приказ	ДР. Т. II. С. 16
1632 г.	Приказ сбора немецких кормов	ДР. Т. II. С. 249
1634/35 г.	Земский приказ	ДР. Т. II. С. 480
1641 г.	Сыскной приказ 1641 г.	РГБ. ОР. Ф. 178. № 738. Л. 447–447об.
1642 г.	Московский судный – Владимирский судный приказы	ДР. Т. II. С. 696–697; Ф. 210. Оп. 9. Ст. 224. С. 330–331
1642/43 г.	Казенный приказ – Печатный и Посольский приказы	ОРП. С. 79

¹⁵⁴ ОЦА. Ящик 215; *Зимин А. А.* Государственный архив... С. 482; РК 1475–1605. Т. II. С. 295–300; Ф. 210. Оп. 9. Ст. 16. Ч. 2. Л. 111; *Лихачев Н. П.* Местнические дела. С. 3–15 (публикация дела: Ф. 210. Оп. 17. Ст. 2).

1646 г.	Поместный – Разрядный приказы	ДР. Т. III. С. 34.
1648 г.	Московский судный – Владимирский судный приказы	ДР. Т. III. С. 99–100; Ф. 210. Оп. 9. Ст. 224; Ф. 159. Оп. 2. Д. 675. Л. 1–2
1649 г.	То же	ДР. Т. III. С. 125–126
1649 г.	То же	Там же

Таблица показывает рост «приказных» местничеств в 1640-е гг. (в 1610-е гг. – 2, 1620-е – 3, 1630-е – 2, 1640-е – 7), и количества участвующих в конфликтах учреждений (в 1610–1620-е гг. – по 3, в 1630-е – 2, в 1640-е – 8). После принятия Уложения ситуация меняется. Всего до конца века известно семь «приказных» местничеств:

1653 г.	Московский судный – Владимирский судный приказы	ДР. Т. III. С. 346
1659 г.	Новый денежный двор	ПСЗ. Т. I. № 247
1662 г.	Сыскной полоняничный – Челобитенный приказы	ИА. 1993. № 2. С. 190, 199–209
1665 г.	Владимирский судный приказ	Ф. 210. Оп. 9. Ст. 366. Л. 30
1673/74 г.	Московский судный приказ	Ф. 181. Оп. 1. № 125. Л. 217 об. – 219
1677 г.	Объезжие головы – Стрелецкий приказ	Ф. 210. Оп. 9. Ст. 532. Стп. 5. Л. 122–131
1690 г.	Посольский приказ	<i>Сторожев В. Н.</i> Дело дьяка А. А. Виниуса. Тверь, 1896

Таким образом, в 1650–1670-е гг. приходилось по два конфликта на десятилетие, в 1680-е – один, причем последний хронологически выходит далеко за рамки легального существования института. Учреждений также участвует меньше – в 1650-е и 1670-е гг. по три, в 1680-е – одно. Наиболее частыми, очевидно, оставались конфликты в судных приказах; впрочем, поскольку они не относились к жизненно важным для правительства учреждениям, возможные сбои в их функционировании могли восприниматься более либерально. Итак, после пика «приказных» местничеств на исходе 1640-х гг. их количество резко

идет на убыль, что свидетельствует о действительности принятых в 1649 г. законодательных мер.

7.5. Дело «гости – дьяки»: конфликт корпораций

Вскоре после выхода в свет первого издания Соборного уложения 1649 г.¹⁵⁵ корпорация гостей подала (вероятно, в начале августа 1649 г.) «подписную челобитную» на редакторов Уложения дьяков Г. Леонтьева и Ф. И. Грибоедова, обвинив их в том, «что будто они, Гаврила и Федор, хотяг их гостей затеснить, написали в Уложенной книге после всех чинов людей, последними людьми, а свой чин написали выше их, гостей, многими месты», в то время как «при прежних же государях будто на Земском дворе и в таможных сидят дворяне, а с ними гости, а с гостями дьяки»¹⁵⁶. Что именно вызвало недовольство гостей? В четырех статьях главы X «О суде» в перечислениях чинов, которые могут обесчестить церковных иерархов (ст. 30), или чинов, которые могут быть обесчещены указанными иерархами (ст. 83), или чинов, которые могут обесчестить думных чинов (ст. 91), или в перечислении лиц, которые являются свидетелями иска на сумму в 50 руб. (ст. 158), чин гостей был поставлен ниже всех других чинов. Согласно ст. 30 – «А будет патриарха или митрополита... или иной иноческий чин обесчестит словом стольник или стряпчий или дворянин московской или дьяк или жилец или дворянин или сын боярский городовоной, или иноземец или дворовоной человек или гость...»¹⁵⁷; ст. 83 – «А будет митрополит обесчестят словом бояр и окольничих и думных людей, и стольников или стряпчих или дворян московских или дьяков или жильцов или дворян, или детей боярских городовоных, или гостей или иных чинов, кого-нибудь»¹⁵⁸; ст. 91 – «А будет боярина или окольничего или думного человека обесчестит стольник или стряпчей или дворянин московской, или дьяк или жилец или дворянин или сын боярской городовоной, или ино-

¹⁵⁵ Указ об издании – 7 апреля 1649 г.; приступили к изданию 11 апреля, книга вышла в свет 20 мая тиражом 1200 экз. См.: Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА: Каталог / Сост. Е. В. Лукьянова. Т. 2. М., 2001. С. 281.

¹⁵⁶ ПСЗ. Т. I. № 247. С. 484. На документ этот впервые после издания в ПСЗ обратила внимание группа молодых историков, предпринявшая по инициативе Н. В. Калачева комплексное исследование вопроса о подготовке и издании Уложения, – П. Е. Веденюк, Д. М. Мейчик, Е. М. Тимаев. См.: *Веденюк П. Е., Мейчик Д. М. Поездка слушателей СПб. Археологического института в Москву. Отчет за 1878 г. // Сборник СПб. Археологического института. СПб., 1879. С. 10; Мейчик Д. М. Дополнительные данные к истории Уложения // Там же. СПб., 1880. Кн. 3. С. 116.*

¹⁵⁷ Соборное уложение 1649 г. / Комментарии, подгот. текста Л. И. Ивиной. Рук. авторского коллектива А. Г. Маньков. Л., 1987. С. 34 (прим. 14). Далее – Соборное уложение.

¹⁵⁸ Там же. С. 36 (прим. 16).

земец или дворовой человек или гость...»¹⁵⁹; ст. 158 – «А будет кто учнет писать на ком-нибудь иску на пятьдесят рублей, а с суда в том иску учнет слатися на стольников ина стряпчих ина дворян московских и на городовых дворян и детей боярских и на голов стрелецких и на дьякови на жильцов и на дворовых людей и на сотников стрелецких и на гостей и на подьячих...»¹⁶⁰. Насколько протест гостей был обоснован? Согласно ст. 26 Судебника 1550 г., «...бесчестие детям боярским» взималось против дохода с их кормления; дети боярские, получавшие жалованье, удовлетворялись согласно его сумме, а «дьяком полатным и дворцовым бесчестье что царь... укажет... А гостем большим бесчестья пятьдесят рублей...» Далее перечисляются торговые и посадские люди, боярские люди «добрые», тиуны, доводчики, крестьяне пашенные и непашенные, боярские и городские черные люди¹⁶¹. Само оформление социальной группы гостей произошло в десятилетия, предшествовавшие созданию этого Судебника, в 30–40-е гг. XVI в., как считает ведущий исследователь этого вопроса¹⁶². В Судебнике 1589 г. градации штрафа за бесчестье (ст. № 41–48) разделены по каждой категории: ст. 41 – «детем боярским, за которыми кормленье», ст. 42 – «детем боярским, емлют жалованье»; ст. 43 – «дьяком полатным и дворцовым»; ст. 44 – «...гостю большому»; ст. 45 – «среднему гостю»; ст. 46 – «...меньшему гостю»; ст. 46 – «торговым людям посацким и всем средним»; ст. 47 – «...боярскому человеку доброму» и т.д., таким образом, «место» гостей определялось довольно четко – непосредственно после «полатных и дворовых дьяков» – т.е. дьяков думных и приказных, и перемещение их в 1649 г. со второго на шестое место (после дьяков) могло стать серьезной «потерькой». Претензии гостей были признаны справедливыми, но результат челобитья, по-видимому, далеко превзошел их ожидания. «А на той их челобитной помета думного дьяка Михайла Волошенинова: 157 года августа 17 дня государь пожаловал, велел гостей в Уложенной книге написать против старых стоглавников, выше дьяков (sic! – Ю. Э.) oprичь думных дьяков»¹⁶³. Что понимали тогда под «старыми стоглавниками»? Стоглав 1551 г. никаких статей, связанных с гостями и дьяками, не имеет. Видимо, речь шла о вышеупомянутых судебниках и приведении иерархических

¹⁵⁹ Соборное уложение 1649 г. С. 37 (прим. 17).

¹⁶⁰ Там же. С. 48 (прим. 36).

¹⁶¹ ПРП. Т. IV. С. 238–239.

¹⁶² «26 статья ... в которой “гости большие” и их жены уже четко отделены от других групп посадских людей... Эти соображения и определили как исходный рубеж для выявления численности и именного состава особой сословной группы гостей – середину 30-х и 40-х гг. XVI в.» См.: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I. М., 1998. С. 24.

¹⁶³ ПСЗ. Т. I. С. 484.

норм в соответствие с ними. Причем комиссия, «восстанавливавшая справедливость», пошла гораздо дальше, нежели это подразумевалось в требованиях гостей. Вместо того чтобы поставить их «чин» сразу после приказных дьяков, их написали перед дьяками, непосредственно после дворян московских – в ст. 30, 83, 91, и между головами стрелецкими и дьяками – в ст. 158¹⁶⁴. «И по тому их гостиному челобитью великий государь их гостей пожаловал, и челобитная за пометою думного дьяка отослана на Печатный двор к дьяку к Михайлу Ерофееву; в книге в Соборном Уложении листы перепечатывал, гостей выше дьяков поставил»¹⁶⁵. Исполнение этого доселе в России беспрецедентного решения потребовало значительных технических усилий (впрочем, и законодательный акт печатался также впервые). К моменту подачи челобитной основная часть огромного по тем временам тиража (1100 экз.) уже разошлась: в обстановке мощного социального конфликта 1648–1649 гг. книги долгожданного свода законов были распроданы или разошлись в «безденежную роздачу»¹⁶⁶. По первоначальному варианту вышеуказанных статей книговеды и отличают так называемое I издание Уложения. После решения по делу сразу начались правка, допечатка исправленных листов и вплетение их в оставшиеся на Печатном дворе экземпляры, о чем сохранились записи в расходных книгах. В непереpletенных тетрадах листы, видимо, удалось заменить легко, но себестоимость издания выросла¹⁶⁷. Переделанный остаток первого тиража составляет сейчас так называемое «переходный» вид I издания и сохранился в небольшом количестве¹⁶⁸. Уже 27 августа вышел указ о публикации II издания, которое печаталось до 21 декабря и продавалось до 1651 г.¹⁶⁹ Заметим, что в первоначальном столбце Уложения, помимо указанных недочетов, слова «гости и торговые люди» также были пропущены в перечне чинов в предисловии, но это заметили, вероятно, на стадии печатания I издания¹⁷⁰. Кроме того, еще авторы первого капитального исследования столбца и изданий Уложения заметили, что, «несмотря на царский указ, гости в некоторых местах стоят все-таки ниже дьяков»¹⁷¹. По нашему мнению, это ст. 124 той же главы X: «А пошлин в государеву казну по

¹⁶⁴ Соборное уложение. С. 36, 37, 48.

¹⁶⁵ ПСЗ. Т. I. С. 484.

¹⁶⁶ Московские кирилловские издания... С. 282. Указ о продаже книг вышел 1 июня, после поднесения экземпляров Алексею Михайловичу; 1100 экземпляров разошлось к 7 августа.

¹⁶⁷ Соборное уложение. С. 12; Московские кирилловские издания... С. 282.

¹⁶⁸ *Ивина Л. И.* Уложение 1649 г. и его издания. (В связи с подготовкой нового издания Уложения) // ВИД. Т. XIV. Л., 1983. С. 162–164.

¹⁶⁹ Соборное уложение. С. 12.

¹⁷⁰ Там же. С. 12 (прим. 19). С. 18.

¹⁷¹ *Веденюк П. Е., Мейчик Д. М.* Поездка слушателей... С. 18.

судным делам имати у бояр, и у окольных, и у думных людей, и у стольников, и у стряпчих, и у дворян московских, и у дьяков, и у жильцов, и у голов стрелецких, и у дворян, и у детей боярских городовых и у иноземцев, и у гостей и у дворовых людей всех чинов и у подьячих, и гостинные и суконные и черных сотен и слобод...»¹⁷². Вероятно, челобитчики не обратили внимания на эту статью. Ввиду отсутствия самой челобитной гостей 1649 г. (она могла сохраниться в делопроизводстве приказов – Разрядного или Большой казны, но пока нами не обнаружена) неизвестно, от чьего имени она подавалась. Можно только предположить, что к ней имели отношение гости, участвовавшие в утверждении Уложения, – М. Васильев, Ф. Венедиктов и Б. Щипоткин, подписавшие беловой столбец (см. в издании № 200–201)¹⁷³. В части современной историографии бытует неточность, пошедшая, вероятно, от А. И. Маркевича¹⁷⁴, понявшего челобитную гостей как жалобу на помещение их подписей под Уложением ниже дьячих¹⁷⁵. В действительности подобного конфликта быть не могло, так как дьяки, за исключением думных, вообще не входили ни в одну курию Земского собора и не подписывали Уложение. Добросовестнейший Маркевич заметил это противоречие, но не понял его, выдвинув гипотезу, что дьяки могли «схитрить», из местнических побуждений не подписавшись под гостями. Очевидно, он просто не успел ознакомиться с исследованием Веденюка и Мейчика (где дается верная трактовка события), опубликованным в том же 1879 г., что и его монография; современные издатели Уложения вернулись к верному прочтению документа¹⁷⁶. На обороте столбца имеются рукоприкладства печатника Ф. Ф. Лихачева и думного дьяка М. Данилова (см. по изд. № 41, 42), а также делопроизводственные скрепы составителей свода законов – думных дьяков И. А. Гавренева, Ф. К. Елизарова, М. Д. Волошенинова и дьяков Ф. А. Грибоедова и Г. Леонтьева¹⁷⁷. Интересно, что гости били челом именно на двух последних, как виновников своей «потерьки», не осмеливаясь жаловаться на думных дьяков. Исследователи Земских соборов вообще и Собора и Уложения 1649 г. в частности, видимо, не задавались вопросом, почему некоторые категории

¹⁷² Соборное уложение. С. 42.

¹⁷³ Там же. С. 405, 407. Вероятно, правильно – Венедиктов, крупный солепромышленник, пожалованный в гости в 1646 г.; Щепоткин стал гостем, видимо, незадолго до событий, так как впервые упомянут как гость в 1649 г. См.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 99, 103–104.

¹⁷⁴ МОР. С. 226–228.

¹⁷⁵ *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия. С. 84 (повторена та же ошибка; кроме того, новый денежный двор назван Новгородским).

¹⁷⁶ *Ивина Л. И.* Уложение 1649 г. и его издания. С. 161.

¹⁷⁷ Соборное уложение. С. 10.

служилого сословия не участвовали в подписании этого документа (например, младшие чины государева двора – стольники, стряпчие, жильцы), а также и дьяки. Возможно, причину следует искать в тогдашнем внутривнутриполитическом кризисе и объяснять восстаниями в Москве и других городах и крайним ожесточением основных сил этого социального движения – посадского населения и городского дворянства против приказной бюрократии. Причем в прежние времена важнейшие политические акты Земских соборов подписывали не только думные, но и приказные дьяки – и Утвержденную грамоту 1598 г. об избрании на царство Бориса Годунова, и Приговор 30 июля 1611 г., и Утвержденную грамоту 1613 г. об избрании на царство Михаила Романова¹⁷⁸. Столь легкая и неожиданно превысившая по результатам ожидания победа гостей была, вероятно, связана со стремлением правительства заручиться их поддержкой, тем более что за год до этих событий были удовлетворены их требования подтверждения жалованных грамот корпорации, выданных Иваном Грозным и последующими монархами¹⁷⁹. Конфликт гостей и дьяков продолжился делом И. Д. Лопухина. 12 сентября 1649 г., менее чем через месяц после 17 августа – решительной победы гостей, он подал челобитную, в которой заявлял, что поскольку «били челом тебе государю гости, чтоб писать их гостей в Уложенную книгу наперед дьяков», и выиграли дело, то «не вели государь меня в Уложенной книге такими затеснить»¹⁸⁰. Лопухин был московским дворянином, служившим с 1610/11 г. по жилецкому¹⁸¹, а с 1625/26 г. – по московскому списку¹⁸²; в середине 1640-х гг. он был стрелецким головой, но уже ранее, видимо, хорошо зарекомендовал себя именно в административной и дипломатической службе¹⁸³. В 1646/47 г. он еще получает придачу по московскому списку, а, вероятно, в начале 1647 г. его жалуют в дьяки – в марте того же года он дьяк Приказа Казанского дворца¹⁸⁴. Неудивительно, что его обеспокоила ситуация с понижением статуса дьяков. И без того в Боярских книгах он благодаря новому чину автоматически понижался на одно место, поскольку список приказных дьяков помещался вслед за списком московских

¹⁷⁸ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства. М., 1978. С. 145–146, 174, 192.

¹⁷⁹ Челобитная гостей от 26 августа 1648 г. См.: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 23–24.

¹⁸⁰ Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 8. Л. 48.

¹⁸¹ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 299–300.

¹⁸² БК 1639 г. С. 126.

¹⁸³ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 300. Дальнейшая карьера Лопухина – это вереница важных приказных постов и посольских миссий.

¹⁸⁴ Богоявленский С. К. Приказные судьи. С. 62. По Веселовскому – март 1648 г. См.: Дьяки и подьячие. С. 300).

дворян¹⁸⁵. В челобитной Лопухин подробно освещает службы своего отца, московского дворянина, бывшего часто в товарищах у воевод и «уморенного безвинно», по его утверждению, царем Борисом в Лаишеве. При перечислении своих личных заслуг он особенно подчеркивает свою сорокалетнюю дворянскую военную и приказную службу, припоминая случаи, когда ему в подчинение назначали дьяков и гостей¹⁸⁶. Остается не вполне ясным, чего в принципе хотел добиться Лопухин применительно именно к этому документу, – поскольку его имени, так же как и других имен, в Уложении быть не могло, и просьба «в Уложенной книге меня холопа своего, писать особно, и от дьяков себе статью, или от дьячества отставить»¹⁸⁷ была невыполнима. В Соборном уложении учтен «особно» лишь один род, возведенный в ранг социальной группы, – «именитые люди Строгановы» (не считая особ царской семьи), да и то лишь в одной статье – где определяется сумма штрафа за бесчестье¹⁸⁸. Правительство явно не собиралось разрабатывать и вносить очередную поправку, которая определяла бы место в иерархии чинов дьякам, пожалованным из московских дворян. Поэтому было принято решение, типичное для ситуаций, определявшихся как безместие. «158-го году сентября в 12 де государь пожаловал, велел челобитье иво записать в Розряде, и вперед ему тово в бесчестье и в упрек и в случай, что он во дьяках, ево братье дворяном и хто ему в версту не ставить, потому что он взят из дворян во дьяки по его государеву имянному указу, а не ево хотеньем»¹⁸⁹. Аналогичный характер назначения подчеркивал много лет спустя дьяк А. А. Виниус в деле с Б. Михайловым: «А в прошлом... во 186-м году по указу... великого государя... Федора Алексеевича... а не по своей воли, велено мне быть во дьяках...», и ссылаясь на уже установившуюся практику записи в разряде именных указов «о тех, которые из дворян будут в дьяческой чин взяты»¹⁹⁰. Дело Лопухина было записано в книги Московского стола Разрядного приказа, что помогло ему уцелеть, в отличие от дела гостей – дьяков 1649 г., отправленного в Приказ книгопечатного дела, где за этот период столбцовый материал не уцелел, а в книгах сохранились записи преимущественно производственно-технологического характера¹⁹¹. Дело Лопухина – единственный отклик на вышеописанный конфликт; материалы обоих, впрочем,

¹⁸⁵ БК 1639 г. С. 17.

¹⁸⁶ Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 8. Л. 48 об.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Соборное уложение. С. 37 (гл. X, п. 94).

¹⁸⁹ Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 8. Л. 48 об. В книгу дело было записано 15 сентября 1649 г.

¹⁹⁰ Дело дьяка А. А. Виниуса. Публ. В. Н. Сторожев. Тверь, 1896. С. 2, 3.

¹⁹¹ Указ о переделке I издания Уложения, несмотря на усиленные поиски специалистов-книговедов, пока не был найден.

будучи опубликованы в ПСЗ, давно стали достоянием историографии, в основном в качестве источника «для понимания места дьячества в структуре служилого сословия»¹⁹².

Спустя 10 лет возникло новое дело со сходными участниками. Именно благодаря этому последнему нам известно о тяжбе гости – дьяки 1649 г., вошедшей в него составной частью. Развернулось оно в приказе Большой казны, в который входил Новый денежный двор. Традиционно туда в помощь дьякам-администраторам назначались головы из верхушки посада (преимущественно гостиная сотня), что являлось одной из форм их государственной службы. В апреле же 1659 г. вместе с дьяками (в приказе тогда сидели дьяки В. Нефедьев, А. Ф. Ташлыков и И. И. Патрикеев)¹⁹³ был назначен не член гостиной сотни, а гость М. В. Антонов (Васильев)¹⁹⁴. Обнаружив в выданном ему наказе свое имя ниже имен дьяков, он вместе с гостем Михаилом Ерофеевым¹⁹⁵ подал челобитную начальникам Приказа Большой казны боярину И. Д. Милославскому и думному дворянину И. П. Матюшкину, в которой указывал, что «в наказе де пишут ево Матвея ниже дьячья имени, також как преж сего писали голов гостиной сотни торговых людей, а гости де никогда у государевых дел с дьяками не бывали»¹⁹⁶, пересказывал вышеизложенное дело десятилетней давности и предъявил «подписную челобитную» от 17 августа 1649 г. Челобитье это вызвало энергичный протест приказной бюрократии. Обеспокоенные дьяки добились царского решения «про ту их дьячью честь и про них гостей сыскать своими великого государя приказы, Разрядом и Посольским и иными приказы»¹⁹⁷. Гости обладали такой веской и неопровержимой «находкой», как удовлетворение их челобитной 1649 г., и отсутствие протестного челобитья дьяков, и даже опубликованный порядок чинов в четырех статьях Соборного уложения. Судя по всему, теперь на ноги был поставлен весь приказный аппарат. «И против того дьячья и их гостиного челобитья в Розряде из государевых прежних указов и из старых и из новых книг и из списков и из осадных росписей выписано, и для подлинного розысканья против их челобитья в Посольской и в иные приказы посыла-

¹⁹² Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия. С. 84–86.

¹⁹³ Богоявленский С. К. Приказные судьи. С. 26.

¹⁹⁴ Матвей Васильев Антонов, представитель известной семьи гостей Антоновых-Васильевых-Дьяконовых, пожалован был гостем в 1643 г. (См.: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 103, 104) и, вероятно, был участником тяжбы 1649 г.

¹⁹⁵ Неясно, иной ли это персонаж, нежели дьяк Михаил Ерофеев, в 1649 г. печатавший Уложение, описка ли это переписчика XIX в., или же спустя 10 лет дьяк выступил свидетелем (что сомнительно) против своей корпорации. Дьяк М. Ерофеев не упоминается после 1649/50 г.; гость М. Ерофеев появляется примерно с 1649 г. См.: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 98, 103.

¹⁹⁶ ПСЗ. Т. I. С. 484.

¹⁹⁷ Там же.

ны памяти». По результатам проведенного розыска якобы установили, что «везде они гости писаны ниже дьяков многими месты» (что на самом деле не вполне точно, так как гости обычно занимали следующее после дьяков место), а также, что челобитья их гостинова на дьяков до 157-го года не бывало, и они гости били челом... на дьяков ложно». Обратим внимание на то, что челобитная 1649 г. не подвергалась сомнению¹⁹⁸, не комментируется в деле и решение по ней. Скандала, связанного с перспективой заведомо проигрышного рассмотрения статей в Уложении, дьяки, видимо, стремились избежать. При наведении справок по приказам, как справедливо замечает Н. Ф. Демидова, конечно же сказалась их корпоративная заинтересованность. В результате боярская комиссия, рассмотрев подготовленный дьяками материал (гости же иных «случаев», кроме оспариваемого, не подавали), вынесла 20 апреля решение в пользу дьяков: «...слушали и приговорили дьячью чину быть честью выше гостиного имени». В приговоре указывалось, что со времен Ивана Грозного и до Михаила Федоровича «в государских указах и в розрядных старых и в новых книгах и в списках и в осадных росписях гости были написаны дьяков ниже многими месты, и у государевых дел гости были везде с дьяками бессловно, и челобитья их в том... до 157 году не бывало; да дьяки ж бывают... у дел с бояры, а гости ни у какого государева дела с бояры не бывают, а посылает... гостей для купецкого торгу и к таможенным сборам»¹⁹⁹. К сожалению, ныне неизвестно местонахождение напечатанного в ПСЗ дела; предпринятые поиски пока не дали результата, и мы не можем судить о том, насколько безропотно приняли поражение гости²⁰⁰. Решающим фактором старшинства сочтена была служба дьяков в непосредственном

¹⁹⁸ Дьяки не «поставили под сомнение самый факт существования» (см.: Демидова Н. Ф. Служила бюрократия. С. 85), челобитья 1649 г., а просто указывали, что подобного челобитья не бывало ранее – «до 157 году», а не «в 157 году».

¹⁹⁹ ПСЗ. Т. I. С. 485.

²⁰⁰ Указы и другие законодательные акты, отбирившиеся чиновниками московских архивов достаточно произвольно (в основном по принципу наличия в документе признаков «именного указа»), переписывались в тетради и отсылались в комиссию М. М. Сперанского в Петербург, где производился их окончательный отбор. Возможно, часть подготовительных материалов сохранилась в РГИА (Ф. 1261, Второе отделение Собственной Е.И.В. канцелярии) в материалах Комиссии по подготовке ПСЗ. См.: Филиппов А. Н. К вопросу о составе I ПСЗРИ. М., 1916; Шимко И. И. Очерк деятельности Комитета, учрежденного в 1835 г. для описания Московских сенатских архивов // Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции (МАМЮ). Кн. 6. М., 1889. Отд. 1. С. 128–130. В 1846 г. П. И. Иванов по указанию Министерства юстиции отправил в распоряжение ведавшего продолжением издания ПСЗ гр. Д. Н. Блудова 551 копию указов, предполагавшихся к изданию в приложении к ПСЗ, в том числе 311 указов из Архива Вотчинного департамента за 1640–1785 гг. и 151 указ из Разрядного архива за 1649–1799 гг. См.: Шереметевский В. В. История московских Сенатских архивов и Архива Министерства юстиции с 1843 по 1888 год // Описание документов и бумаг МАМЮ. Кн. 7. М., 1890. Отд. 1. С. 193. Возможно, эти копии находятся там же или в фонде министерства.

подчинении у думных чинов, что якобы было невозможно для гостей. Корпорация последних, заметим, потерпела унижение даже терминологически – дьяки были в приговоре определены как «чин», а гости – как «имя». Может быть, здесь и проходила та грань, обозначаемая невключением гостей в боярские списки и книги, а тем самым и в разряд московских служилых людей²⁰¹. Гости, как уже нами указывалось, не пытались опротестовать не вполне справедливое решение, по крайней мере таких данных мы не имеем. Вероятно, они понимали, что в целом приговор просто возвращает прежнее положение (до 1649 г.), которое их вполне устраивало, сведений же о попытках гостей воспользоваться своим «местом» в последующее десятилетие также нет. Дьяки, правда, свои доказательства немного подтасовали: гости могли находиться в прямом подчинении у бояр и других думных чинов и минуя дьяков, о чем свидетельствуют разрядные записи. Однако, ввиду того что гости, в отличие от дьяков, не зависели напрямую от определявшего властями оклада, они, видимо, не считали нужным отстаивать свою прежнюю «находку», удовлетворившись сохранением прежнего статуса, а события 1649 и 1659 гг. могут служить примером краткого взлета самосознания посадской элиты, схлестнувшейся с бюрократией в попытке занять более высокую иерархическую ступень, применив традиционные московские методы. И если победа гостей в первом конфликте отчасти выглядит неожиданной и находит объяснение в тогдашнем общем глубоком социальном кризисе, то поражение их во втором деле в эпоху, когда бюрократия не только полностью вернула свои позиции, но и продолжала усиливаться, вполне закономерно.

7.6. Местнические взаимоотношения представителей приказной бюрократии вне сферы приказной системы

Местничество дьяков «вообще» исследовалось несколько более тщательно, нежели конфликты в приказах в многократно упомянутых работах С. К. Богоявленского и Н. Ф. Демидовой, а также отчасти П. В. Седовым, который иллюстрировал введенными им в научный оборот случаями особенности периода деградации и девальвации ценностей института²⁰². Доселе сохраняется точка зрения, что дьяки практически не местничали, иначе бы это парализовало приказный аппарат²⁰³. Однако никакого формального запрещения местничать не существовало. Конфликты же местного характера у дьяков происходили в рамках как приказной, так и

²⁰¹ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия. С. 85.

²⁰² Седов П. В. Социально-политическая борьба 70–80-х годов XVII в. и отмена местничества. Дисс. канд. ист. наук. Л., 1985. С. 90.

²⁰³ ИЗ. Т. 1. С. 232–233.

полковой, церемониальной и административной служб, и было их не так уж мало. Местничали они по тем же случаям, что и дворяне и «как дворяне» (С. К. Богоявленский), сами ситуации аналогичны казусам в иных группах служилых людей. В церемониальных назначениях (приемы послов и пр.) – 2 или 3, в полковых и городских службах – 2, при сказывании думного чина – 2, при назначении к сыску – 1, у государева стола – 1, на крестных ходах – 1. Всего местничество дьяков насчитывается (включая местничества в приказах) с 1598-го по 1690 г. – 18, участвовало в них 25 лиц. Сюда можно добавить еще 4 предположительных местничества, в которых участвовало 6 дьяков; 2 местничества лиц до получения ими дьячества; 1 местничество «после дьячества» (т.е. выслуживших более высокий чин), а также не менее 3 случаев местничества ближайших потомков дьяков и 3 известные нам челобитные, связанные с дьячеством и местническим положением; кроме того, известно 1 дело подъячих приказной избы. Круг местничавших достаточно узок. Среди дьяков первенствует по числу конфликтов (включая «приказные») А. И. Козлов (4 случая, причем первый – еще в бытность его стремянным конюхом), С. И. Заборовский (тоже 4 случая, причем последний – уже в чине думного дворянина), В. В. Брехов (2 случая), Ф. Ф. Лихачев (2 случая). Остальные дьяки местничали по одному разу (правда, Е. Г. Телепнев местничал один раз, но его племянник С. В. Телепнев и внучатый племянник И. С. Телепнев также пытались местничать, будучи уже в чине стряпчих). Местничество коснулось целого ряда видных приказных деятелей конца XVI–XVII в., помимо упомянутых, это И. А. Гавренев, Г. М. Волков, Б. М. Дубровский, Ф. К. Елизаров, Г. Г. Желябужский, Г. И. Клобуков, С. В. Румянцев, В. Ушаков и др.

7.6.1. Принципы и прецеденты местничества дьяков

В историографии достаточно подробно освещены принципы, по которым велись дела дьяков, главными из которых были традиционные местнические. К ним постепенно добавлялись особенности, связанные с бюрократическим характером службы, главным из которых в конце концов стало старшинство пожалования в чин. Как известно, служба предков в дьяческом чине становилась для служилого человека, перевалившего в своей карьере за грань городского дворянства, «потерькой». Это подтверждается статистикой обращений к подобному доказательству составителей «Местнического справочника»²⁰⁴. Однако, если оба участника тяжбы являлись дьяками, принципы счета оставались аналогичными. В декабре 1626 г. глава

²⁰⁴ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия. С. 84; Из. Т. 1. С. 226.

Посольского приказа дьяк Е. Г. Телепнев, сменивший на этом посту опального И. Т. Грамотина, бил челом на думного разрядного дьяка Ф. Ф. Лихачева. Дело это рассматривалось нами в разделе об иерархии приказов, здесь же заметим, что Телепнев рассчитывал, очевидно, не только на должность, но и на «место» куда более чиновного Грамотина (сидевшего выше главы Разряда, Лихачева). Истцу тут же указали, что при Василии Шуйском Разрядный приказ возглавлял думный дьяк В. О. Янов, который был выше дьяка В. Г. Телепнева, его брата²⁰⁵, оспорить этот факт было невозможно. По неизвестному нам «отеческому делу» в 1667 г. в Посольском приказе наводилась справка о том, насколько дьяк Г. Г. Желябужский был меньше дьяка И. Т. Софонова в 1603 г. на церемонии встречи персидского посла Лачин-бека²⁰⁶. В исследовавшемся выше деле «гости – дьяки» «находка» гостей состояла в записи их выше дьяков (совершенно неправомерной), а «реванш» дьяки взяли, когда восстановили статус-кво, применив в целом справедливую, но несколько подтасованную систему доказательств. Так, дьяки совершенно верно указывали, что они постоянно несут службу в непосредственном подчинении думных чинов – бояр, окольничих; но их утверждение, что гости подобных служб не несли, несправедливо. И в Четверти, и в Сибирский, и в другие приказы с финансовыми функциями постоянно назначали гостей, и нигде при этом их подчинение дьякам не оговаривалось²⁰⁷. Любопытен еще один резон, представленный дьяческой корпорацией: прежде-де были «лучшие гости», и те якобы «бывали с ними бессловно», нынешние же истцы-гости все «люди молодые, дети обычных отцов» и даже духовного чина – т.е. предполагалась возможность счета даже «честями» и родословностью гостей. Большинство истцов-дьяков происходило из выборного и городского дворянства. Любопытно, что многие дворяне, в силу обстоятельств оказавшиеся в дьяческом чине, не местничали: например, В. О. Янов, сделавший большую приказную карьеру, местничал только до дьячества²⁰⁸, известный автор хронографических

²⁰⁵ ДР. Т. I. С. 936;

²⁰⁶ Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1667 г. Д. 1. Л. 1; ИЗ. Т. I. С. 227. Возможно, тогда местничества и не было (разбирательство велось бы в том же приказе, но делопроизводство по этому посольству практически не сохранилось), а справка наводилась в связи с местничествами кого-то из Желябужских второй половины XVII в. Возможно, в связи с делом Н. М. Алфимов – И. А. Желябужский 1665 г. См.: АЮЗР. Т. 6. (1665–1668). СПб., 1869. С. 1–4.

²⁰⁷ Например, в 1632/33 г. «посланы в Пермь великую сыскивать руды золотые Василей Иванович Стрешнев да гость Надея Светешников да дьяк [Василей Сергеев]...». См.: РК 1550–1636. Т. II. Ч. 2. С. 374–375.

²⁰⁸ В 1591 г. Янов, будучи головой у казаков, местничал с Т. В. Грязным, который был головой у детей боярских и черкас. См.: РК 1475–1598. Т. III. Ч. 2. С. 218; РК 1559–1605. М., 1974. С. 272.

записок о Смуте Б. Ф. Болтин был дьяком около четырех лет и местничал позднее; после дьячества местничал и московский дворянин Г. И. Борняков²⁰⁹. Для «утягивания» ответчика они использовали метод сравнения служб предков. Так, дьяк В. В. Брехов заявил в челобитье на думного дворянина И. И. Баклановского в 1663 г., что «отцы их служили по Кашину в одной статье по окладу»²¹⁰. Отказано было Брехову на тех основаниях, что во-первых, дьяку бить челом на думного чина вообще не пристало, а во-вторых, что он, несмотря на сходное происхождение, начал службу с подьячих, а Баклановский – с дворян²¹¹. Отметим здесь, что никакого принципиального запрещения местничать ему как дьяку вынесено не было. В 1660/61 г. дьяк А. И. Козлов, назначенный в полк к кн. Г. С. Куракину, бил челом на дьяка А. Кошечева, назначенного в полк к кн. И. И. Лобанову-Ростовскому, поскольку он из детей боярских (доказывал, что из звенигородских), а Кошечев – из подьячих; тем не менее Козлову отказали (возможно, ввиду всеобщего безместия в этот период)²¹². Однако в 1665 г. аналогичные претензии дьяка М. Н. Чирикова, предложившего представить «письмо» с доказательствами своего происхождения от новгородских и ярославских городских дворян и низкого происхождения дьяка А. А. Галкина, видимо, возымело действие; назначение Чирикова, судя по всему, отменили²¹³. По той же схеме окончилось дело дьяка А. А. Виниуса, когда он уже через 8 лет после отмены местничества потребовал первенства в Посольском приказе, поскольку пожалован из дворян, а дьяк Б. Михайлов – из подьячих²¹⁴. Несколько анекдотическим выглядит обвинение, выдвинутое одним из двух «чемпионов»-местников в среде дьячества, С. И. Заборовским. У государева стола в апреле 1663 г. он отказался сесть ниже окольничего О. И. Сукина, заявив, что «...Осипов прадед... при царе Иване Васильевиче дьяк...»²¹⁵. И, несмотря на наказание Заборовскому за самовольный отъезд от стола и нелепость ситуации, когда дьяк «утягивает» противника предком – дьяком же, уже не говоря о том, что дьячество Сукиных осталось в далеком прошлом (если не учитывать вышеуказанный пасквиль), а они уже в прошедшем столетии сидели в Думе) царь

²⁰⁹ ДР. Т. II. С. 404, 545, 683.

²¹⁰ ДДР. С. 371, 372.

²¹¹ Уже в 1627 г. он значится патриаршим стольником, переведенным в дальнейшем, возможно после смерти Филарета, в московские дворяне. См.: БК 1627 г. С. 59, 94.

²¹² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 366. Л. 30; ИЗ. Т. I. С. 227.

²¹³ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 48. Л. 82–85. О службе во Владимирском судном приказе А. А. Галкина известно с 8 мая 1665 г. по 6 февраля 1668 г., а М. Н. Чириков упомянут только 13 февраля 1666 г. См.: *Богоявленский С. К. Приказные судьи*. С. 175.

²¹⁴ Дело дьяка А. А. Виниуса. Публ. В. Н. Сторожев. Тверь, 1896.

²¹⁵ ДДР. С. 374, 375; ИЗ. Т. I. С. 232–233.

решил провести «сыск» их родства и «доложить себе». Обвинения «спускались» и ниже – в попытке доказать недворянское происхождение соперника. Особенно ярко это проявилось в делах, связанных с именами дьяков А. И. Козлова, В. В. Ушакова и В. В. Брехова. Стороны предъявляли множество доказательств своего происхождения, включая письма из личных архивов и коллективную челобитную однородцев, свои родословные и подлинные или сфальсифицированные родословия соперников²¹⁶. Наиболее колоритным выглядит счет старшинства, к которому пришлось прибегнуть двум видным дьякам – И. В. Неелову и Г. И. Клобукову, местничавшим по неизвестной причине в 1600 г. Оба имели дворянское происхождение, но не имели родственников, достигших воеводских чинов (что ввиду четкости мест при полковом разрядном устройстве упростило бы счет), и вынуждены были считаться теми их службами, которые были зафиксированы в разрядах. Используя разряд похода на Нарву 1589/90 г. (ныне не сохранившийся), Г. И. Клобуков приводит данные о службе своего дяди, А. Ф. Клобукова, видимо опытного артиллериста. Еще в разряде 1577 г. отмечено, что он попал в плен под Кесью вместе с кн. М. Ф. Гвоздевым в качестве головы с 16 орудиями²¹⁷. Под Ругодивом (Нарвой) А. Ф. Клобуков являлся «головой у наряда» при пищали калибром в 23 гривенки. В то же время родственник И. В. Неелова И. Е. Неелов служил в том же походе при пищали калибром в 60 гривенок. Таким образом, «по калибру» преимущество было на стороне Неелова²¹⁸. Однако родственник последнего служил не головой, а «у посохи», головой же при его пищали был Ф. Дроздов; по той же росписи у другой пищали в 23 гривенки головой был Г. Нащокин, который по другому случаю (прием литовского посла в 1590 г.) был ниже А. Ф. Клобукова. На этом основании племянник его претендовал на победу в споре²¹⁹. А. Л. Станиславский замечал, что порядок служебно-местнического старшинства дьяков фиксировался в боярских списках – на них ссылались в местнических спорах сами дьяки и их потомки, тогда как для прочих членов государева двора – представителей служилой знати – боярские списки не имели прямого местнического значения²²⁰. В деле Неелов – Клобуков приводится ряд примеров счетов

²¹⁶ ИА. 1993. № 2.

²¹⁷ РК 1475–1605. Т. III. Ч. 1. М., 1984. С. 45.

²¹⁸ А. Ф. Клобуков указывал, что «по таким же случаем в 99 году обинен князь Дмитрий Аксак Бельской Борису Цыплетеву». См.: Павлов А. П., Эскин Ю. М. Местническое дело дьяков И. В. Неелова и А. Ф. Клобукова // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой. М.; Новосибирск, 2000. С. 85.

²¹⁹ РК 1475–1598. С. 440; См.: Российское самодержавие и... С. 77.

²²⁰ Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 134.

по разрядным учетным документам наряду со счетами по административным, церемониальным и полковым назначениям. «И сыскано в розряде: Афанасей Демьянов в Розряде был большой [дьяк], а с ним был Курбат Григорьев, а Сапун Аврамов был в Пушкарском приказе другой диак. А что в памяти Григорья Клобукова написано – отец его Григорьев был болши Андрея Щелкалова, того в Розряде не сыскано»²²¹. Сын упомянутого дьяка Афанасия Демьянова, Яков – уже не дьяк, начал службу с жильцов и местничал в 1620–1624 гг. с сыном другого видного приказного деятеля XVI в., Прохора Писемского – Иваном. Подчеркивая дворянское происхождение отца, Я. А. Демьянов писал, что «ис службы батюшка моего государь... Иван Васильевич взял к тайным делам во дьячество, и был з бояры в Думе, и с посольством ходил... с великою вашею царскою честью, и из дьяков батюшку моему кроме Андрея Щелкалова местников николи не бывало»²²². Он просил навести справки в Разряде у старых приказных людей – в том числе А. Шапилова, Т. Витовтова и других – «им то ведомо, что отец его Иванов Прохор Сахаров сын Писемской – при государе Иване Васильевиче... сидел в большом приходе у дьяка у Степана Лихачова в молодых подьячих, в кою пору батюшко мой был во дьячестве в Думе болши Василья Щелкалова»²²³. Демьянов также отмечал, что оклад его отца был 100 руб., а у отца И. П. Писемского – 10 руб.²²⁴ В Разряде поданные сведения проверяли по боярским спискам: «А Яковлев отец Демьянова по боярским спискам 90-го году написан во дьяках под Васильем Щелкаловым; 98 году диак Андрей Щелкалов написан шестым под Захарьем Свизевым, а наперед ево – Андрей да Василей Щелкаловы, Елизарей Вылузгин, Дружина Петелин, Сапун Аврамов, Захарей Свизев; в списке, что з землями, за приписью диака Богдана Иванова, а которого году неведомо, потому что... начало оторвано, диак Афанасей Демьянов написан в пятых, под Сапуном Аврамовым, а наперед написаны Андрей и Василей Щелкаловы, Елизарей Вылузгин, Дружина Петелин, Сапун Аврамов, а под Афанасьевым именем помечено – 100 рублей»²²⁵. Проверили и утверждение Я. А. Демьянова, что его отец служил письменным головой «у наряду» в Нарвском походе: «И в Разряде сыскано: в 98 году в государевом в Ругодивском походе Афанасей Демьянов написан в

²²¹ Российское самодержавие и... С. 87. По Боярскому списку 1598/99 г. К. Клобуков – на втором, а И. Неелов – на четвертом месте среди дьяков. См.: Боярские списки посл. четв. XVI – нач. XVII в. и Роспись Русского войска. Т. 1. С. 181.

²²² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 17. Л. 3.

²²³ Там же. Л. 1.

²²⁴ Там же. Л. 15.

²²⁵ Там же. Л. 34–35.

государевом полку в дьяках, с иными дьяки в ряду, а у наряду не написан»²²⁶. Последний факт свидетельствует о том, что дьяки, как и «разрядные» люди, могли служить как по местам, так и вне местнических норм – «в ряду», что не давало преимуществ, но выводило из-под удара в случае «потерьки». Таким образом, можно выделить следующие специфические черты местничества дьяков – они могли «считаться» более старым дворянством предков, назначением в приказную службу из дворянского списка, а не сразу в приказ, старшинством в списке дьяков в боярских книгах и списках, старшинством приказным (кто из предков пожалован дьяком из подьячих раньше), величиной денежных окладов и даже калибром подведомственных орудий; возможен для них, видимо, был и отказ от назначения по «отеческим» резонам.

7.6.2. Разрядные назначения дьяков

В разрядных назначениях «дьяческий» местнический конфликт встречается впервые в 1633 г. Согласно указу о разряде «по вестем для приходу крымских людей» – «А за Язую велено быть боярину князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому да Василью Толстому, да дьяку Григорью Волкову. И Григорей Волков бил челом на Василья Толстова о местех»²²⁷. В части разрядных книг (ДР) это дело отсутствует, хотя само назначение записано²²⁸. Если оно не является подделкой, то перед нами – конфликт между представителями низших рангов государева двора, выдвинувшихся из рядов городского дворянства после Смуты. На рубеже XVI–XVII вв. действуют два Ивана Толстых – Иван Иванович, выборный по Серпейску в списках 1598/99, 1602/03, 1604 гг.²²⁹ и Иван Алексеевич, жилец в 1602/03 г.²³⁰ Один из них, вероятно, был отцом Василия. Последний отсутствует в боярских списках 1611 и 1621/22 гг.²³¹, но в боярской книге 1627 г. – он уже московский дворянин²³². Григорий Михайлович Волков встречается впервые в 1618 г., как выборный ярославский сын боярский, далее служит различные дворянские службы, дьяком назначается в 1626 г., однако в дальнейшем встречается в различных назначениях и как

²²⁶ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 17. Л. 41.

²²⁷ РК 1550–1636 гг. Т. II. Ч. 2. С. 381.

²²⁸ ДР. Т. II. С. 35.

²²⁹ Боярские списки... Т. I. С. 199, 234; Т. II. С. 13.

²³⁰ Там же. Т. I. С. 193.

²³¹ *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства. С. 73–103, 104–142.

²³² БК 1627 г. С. 83. Представители обоих родов по разрядам второй пол. XVII в. встречаются в основном в головах (полковых, осадных и др.): Толстые – РК 1475–1598. С. 279, 308, 331, 487; в рындах – С. 240; Волков – С. 263.

²³³ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 104.

дьяк, и как дворянин²³³. Челобитье (если таковое действительно имело место) было, наверное, оставлено без внимания, но Г. М. Волков не был наказан, да и В. И. Толстой не бил челом об оборони, что свидетельствует о том, что их могли счесть равными. Другое дело при разрядном назначении произошло между дьяками. Во время боевых действий 20 мая 1661 г. в большой полк ко кн. Г. С. Куракину назначен дьяк Авраамий Кошечев, а дьяк Артемий Козлов, еще с 21 ноября 1660 г. служивший при полку кн. И. И. Лобанова-Ростовского в Путивле²³⁴, подал челобитную, поскольку его полк должен был идти в сход к полку Куракина. Если сам воевода и не имел ничего против такого положения, то его дьяк посчитал его для себя «позорным», ввиду происхождения и ранга Кошечева. В челобитной Козлов писал, что, во-первых, он – «исконной сынишко боярской», «а в звенигородском городовом списке именишко мое написано по выбору» и родственники его ныне служат по Рузе, Можайску и Волоколамску²³⁵. В то же время «Аврам исконной подьячей», и «в Земском приказе он Аврам сидел з дьяком Федором Ивановым в меньших многое время, а Федор был неслуживой породы, ево братья, исконной подьячей». Кроме того, Козлов долго служил в Конюшенном приказе в стремянных конюхах, дойдя до важной должности казначея Седельной казны, после чего был, видимо, пожалован в дьяки; Кошечев же начал службу с подьячих. Дьяки подобного происхождения, пишет Козлов, в Конюшенном приказе сидели местом ниже его. Сведения о происхождении Кошечева, видимо, верны, поскольку он везде упоминается только по имени и его отчество неизвестно. Козлов также применяет «вторую» систему счета, по выслуге. «Пожалован я преж ево Аврама за многие годы... и во дьяцех многими леты меня моложе»²³⁶, что верно, поскольку разница в пожаловании в дьяческий чин у них около четырех лет²³⁷. В разряды это дело не попало, а А. И. Козлов, несмотря на все его доводы, проиграл. Когда его челобитную спустя четыре года затребовали в связи с его новым делом (с дьяком В. В. Бреховым, дабы выяснить, есть ли среди дворянской родни Козлова ельчане и суздальцы), дьяк В. Г. Семенов в сопроводительной памяти отметил, что «... по тому ево Ортемьеву челобитью в то время отказано, и был он в том году на государевой службе...»²³⁸. В Разрядном приказе, вероятно, посчитали неприличным, что дьяк попытался заместничать по чисто «воеводскому» поводу, и практически через голову своего высокородного начальника,

²³⁴ Там же. С. 104; РК 1550–1636. Т. II. Ч. 2. С. 375.

²³⁵ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 48. Л. 84.

²³⁶ Там же. Л. 85.

²³⁷ Козлов – с 1652/53 г., Кошечев – с 1657 г. См.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 247, 267.

²³⁸ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 48. Л. 83.

не полагавшего для себя зазорным идти в сход ко кн. Куракину, а значит, и претензии к дьяку при Куракине не могли быть правомерны.

7.6.3. Дипломатические назначения дьяков

На дипломатической службе, точнее, в посольском церемониале известны (помимо упомянутого прецедента Желябужский – Софонов) два конфликта с участием дьяков. В феврале 1644 г. на приеме английского посла дьяку В. В. Брехову велено было быть «в средней встрече», а дьяку А. И. Козлову – «в передней встрече»²³⁹, что и вызвало челобитье последнего. Дело это рассмотрено Н. Ф. Демидовой и автором данной работы. Ввиду прекрасной сохранности столбца, в котором находится это огромное дело, здесь с наибольшей полнотой представлены обе системы доказательств, по происхождению и по старшинству службы. Поскольку оба начали служить в Конюшенном приказе, то проверяли сначала там – «а в списках конюшенново чину стремянные конюхи Артемей Козлов, Иван Брехов писаны по окладам, и статьями первой и меньшей статей в списках не росписаны»²⁴⁰. Дело в том, что Козлов утверждал – «отец ево конюх был передо мною в меньшей статье»²⁴¹. В 1668 г. во время посольства во Францию возник конфликт между сыном посла, стольника П. И. Потемкина, бывшим при отце в качестве дворянина, и дьяком С. В. Румянцевым. Сведения об этом деле приводит А. И. Маркевич по запискам французского очевидца²⁴². Сын посла стремился сесть выше второго человека в посольстве – дьяка, поскольку уже получил «находку» – его записали в статейный список выше дьяка. Однако Румянцев начал садиться за другой стол, тем самым лишив смысла притязания Потемкина. Известны случаи, когда кого-либо назначали на службу вместе с сыном и указывали остальным «быть» с ними обоими²⁴³. Основой для местничества могло быть сходство в положениях Потемкиных и Румянцевых. Оба рода имели отношение к смоленскому городовому дворянству (во время Смуты). Ю. Ф. Потемкин и В. М. Румянцев почти одновременно (в июле 1611 г.) получили в Смоленском уезде вотчины от царя Василия Шуйского, причем частично даже в одном (Максимовском) стане²⁴⁴. Смоленяне

²³⁹ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 25. Л. 97. Опубл.: ИА. 1993. № 2. С. 196.

²⁴⁰ Там же. С. 194.

²⁴¹ Там же. С. 197.

²⁴² МИМ. С. 31–32.

²⁴³ Например, в мае 1677 г. велено было быть полковнику стольнику С. Грибоедову в полках с первым воеводой боярином кн. Г. Г. Ромодановским и его сыном, стольником кн. М. Г. Ромодановским. См.: Ф. 210. Оп. 14. Ст. 310. Л. 262–263.

²⁴⁴ Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – нач. XVII вв. // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002. С. 324, 352; АСЗ. Т. III. М., 2002. С. 302.

Румянцевы участвовали в событиях Смуты, получая придачи к жалованью в 1610–1617 гг. за службу и раны, в том числе Петр Семенов сын Румянцев – за «Хоткеев бой и Китайское взятие», вероятно, в числе тех смолян, которые отличились во II Ополчении²⁴⁵. И те и другие лишились своих смоленских владений, отошедших к Польше. Часть Потемкиных, правда, приняла сторону королевича Владислава и воевала в 1617–1618 гг. на его стороне²⁴⁶. Члены обоих родов служили приказными подьячими и дьяками. Например, среди Потемкиных: Иван – подьячий в Конюшенном приказе в 1623 г.²⁴⁷, Семен – в Приказе Большого прихода в 1638 г.²⁴⁸, другой Иван – в том же приказе в 1643–1653 гг.²⁴⁹ Вяжица Кузьмин сын Потемкин был крупным приказным дельцом в 1614–1638 гг.²⁵⁰ Возможно, стольник Петр Иванович, посол и в дальнейшем думный дворянин, – сын одного из упомянутых выше Иванов (может быть, это Иван Гаврилов сын – московский дворянин в 1637 г.²⁵¹). Среди Румянцевых – смолянин Иван Иванович, дослужившийся до чина стряпчего²⁵², стряпчие – и С. Н. и Ф. И. Румянцевы; дьяк Семен Владимирович, видимо, по родовитости был близок к уровню Потемкиных.

7.6.4. Местничество дьяков на городском воеводстве

Известны два случая местнических конфликтов дьяков в приказных избах. В 1626 г. в Астраханской приказной палате возникло дело дьяков М. И. Поздеева и В. Яковлева. Судя по грамоте, отправленной в Астрахань вновь назначенным воеводам, Поздеев с Яковлевым «чинил рознь и отписки друг за другом перечернивал... да Марко ж в съезжей избе своею гордостью сидя с бояры... и при мурзах наши грамоты... чел в шапке... Да Марко ж своею гордостью писался к нам в отписках целым именем, и о том к нему от нас писано с опалою. А дьяк Василей Яковлев с дьяком Марком Поздеевым в съезжей избе... чинили рознь и несогласие, и о нашем деле не радели»²⁵³. Вероятно, М. Поздеев действительно

²⁴⁵ Сухотин Л. М. Четвертчики... С. 90, 91, 150, 298. Кроме того, некий Иван Потемкин приложил руку при получении придачи к жалованью кн. Д. М. Черкасскому за смоленскую службу в 1617 г.

²⁴⁶ Majewski A. Moskwa 1617–1618. Warszawa, 2006. К. 100.

²⁴⁷ За сведения благодарю Н. Ф. Демидову.

²⁴⁸ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 429. В. К. Потемкин в 1618 г. «в московскую осаду сидел», и получил за это жалованную грамоту на вотчину в 1625 г. См.: Ф. 210. Оп. 9. Ст. 8. Л. 354. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 266. За сведения благодарю Н. Ф. Демидову.

²⁴⁹ За сведения благодарю Н. Ф. Демидову.

²⁵⁰ Веселовский С. Б. С. 429.

²⁵¹ БК 1637 г. Л. 309.

²⁵² ДР. Т. III. С. 927; ДДР. С. 417.

²⁵³ ДР. Т. I. С. 835, 838, 840.

ощущал себя «старше» В. Яковлева; позднее в Боярской книге 1639 г. они записаны среди дьяков – Поздеев четвертым, с окладом в 150 руб. и 900 четей, а Яковлев – двенадцатым, с окладом в 75 руб. и 600 четей²⁵⁴. В составе этого дела отсутствуют многие черты местничества, например, нам неизвестно, «считались» ли эти дьяки службами предков. М. И. Поздеева Я. Г. Солодкин считает возможным автором «Новой повести о преславном Российском царстве и великом государстве Московском» – одного из агитационно-патриотических воззваний рубежа 1610–1611 г. кануна формирования I Ополчения, в котором осуждается режим Семибоярщины и прославляется твердость позиций патриарха Гермогена и интернированного Филарета Романова²⁵⁵. В деле 1626 г. налицо картина «демонстрации силы» со стороны влиятельного московского бюрократа (участвовавшего в качестве разрядного дьяка и в местнических процессах)²⁵⁶. Более «местнический» характер имело дело дьяка С. Звягина со вторым воеводой С. З. Дашковым в Путивле в 1666–1667 гг. Первый воевода, окольный М. С. Волынский, на время своей болезни поручил все дела Дашкову. Однако дьяк С. Звягин не подчинился этому решению и в приказную избу не ходил с 1 марта до 25 апреля. Дашков был вынужден посылать бумаги с подьячим на ему на двор, причем на его увещания Звягин отвечал, что явится, только когда выйдет Волынский, а с Дашковым сидеть не желает. Последний бил челом о бесчестье, однако, несмотря на проводившееся по всей форме разбирательство, Звягина не наказали, а просто отозвали в Москву²⁵⁷. Семен Звягин был к тому времени, видимо, опытным и видным чиновником (известен как подьячий с 1634 г., в дьяки пожалован около 1641 г.)²⁵⁸, что, скорее всего, свидетельствует о его дворянском происхождении²⁵⁹. Заметим, что оклад С. З. Дашкова около 1646 г. составлял 14 руб. и 400 четей, а С. Звягина около 1648 г. – 70 руб. и 600 четей²⁶⁰. Вскоре по возвращении Звягин назначается (сведения – с 20 июля 1668 г.) в важный Владимирский судный приказ, дьяком при судьях Н. И. Шереметеве и В. Д. Овцыне²⁶¹, что подтверждает благополучное развитие его карьеры. Весной 1679 г. возник дьяческий конфликт в Киеве. Назначенный к

²⁵⁴ БК 1639 г. Л. 535, 537.

²⁵⁵ Дробленкова Н. Ф. «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском». // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. 2. СПб., 1993. С. 407–408.

²⁵⁶ РК 1598–1638. С. 310–311 (Дело Д. С. Погожий – П. П. Головин, июль 1614 г.).

²⁵⁷ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 576. Л. 352–362; MOM. С. 514–516.

²⁵⁸ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие.... С. 193.

²⁵⁹ Звягины – дворянский род, служивший по Кашире, Туле, Ярославлю. См.: Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – нач. XVII в. С. 136; Энци. словарь. Изд. Брокгауз и Эфрон. Биографии. Т. 5. 1994. С. 199; Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 121.

²⁶⁰ БК 1639 г. Л. 139 об., 539 об.

²⁶¹ Богоявленский С. К. Приказные судьи. С. 175.

воеводе дьяк Клим Судейкин бьет челом на дьяка Полуэкта Истомина, требуя первенства ввиду того, что он был пожалован в дьяки на два месяца раньше. Этот пример привел С. К. Богоявленский в доказательство того, что принцип выслуги у приказной бюрократии к концу века начинает превалировать²⁶².

7.6.5. Местнические рекорды приказных бюрократов С. И. Заборовского и И. И. Баклановского

Своеобразным «чемпионом» по количеству местничеств в своей социальной группе был думный дьяк (затем думный дворянин и окольныйничий) Семен Иванович Заборовский. Предки его служили в Опричнине, в Тверском уезде у них была до 1570/71 г. вотчина – родовое село Заборовье²⁶³. В эпоху Смуты выдвинулся как приказный деятель дьяк Семей Заборовский, подьячий Посольского приказа еще при В. Я. Щелкалове, служивший и Лжедмитрию II, и в Ополчениях, и на важных постах в Поместном, Казачьем, Стрелецком приказах, а также в полках под началом Д. М. Пожарского, правда, не слишком успешно²⁶⁴. Насколько близко было родство между этими Заборовскими – неясно; под прозвищем Семей может скрываться любое календарное имя, не только Семен, но эта фамилия явно имела авторитет в высшей приказной среде. Семен Иванович служил до пожалования в дьяки в выборе по Бежецкому Верху, откуда сразу был назначен думным дьяком и возглавил Разрядный приказ²⁶⁵. Выдвинулся С. И. Заборовский, вероятно, вместе с кн. Ю. А. Долгоруким в ходе политической борьбы 1648–1649 гг. (в ноябре 1648 г. еще до дьячества он собирал вместе с князем окладчиков)²⁶⁶. В думных дьяках он состоит около 19 лет, а в 1667 г. становится думным дворянином. Местничал он с 1650 г. и по чисто разрядному поводу. 6 августа ему было велено сказывать окольность постельничему М. А. Ртищеву. Заборовский бил на него челом и, естественно, проиграл члену семьи царского фаворита Ф. М. Ртищева. Судя по сведениям, сохранившимся о его личности, Федор Ртищев вряд ли заступился бы сам; В. О. Ключевский, основываясь на «житии» Ртищева, отмечает, что он «принадлежал к числу тех редких и немного странных людей, у которых совсем нет самолюбия... совершенно

²⁶² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 579. Л. 208 (челобитная К. Судейкина); Из. Т. 1. С. 233.

²⁶³ Кобрин В. Б. Состав... С. 38.

²⁶⁴ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 188; Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 347. Согласно Новому летописцу (гл. 346), 30 августа 1615 г. подчиненные Д. М. Пожарскому воеводы и дьяк Семей Заборовский практически сорвали его операцию против А. Лисовского, бежав с поля боя; князь с трудом и только отчасти исправил положение. См.: ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 136.

²⁶⁵ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 187.

²⁶⁶ Там же.

евангельский человек, правая щека которого сама собою без хвастовства и расчета подставлялась ударившему по левой...»²⁶⁷. Действительно, в разрядах его жалоба отсутствует, поэтому, возможно, государь счел нужным защитить его сам. Заборовскому указали, что он бил челом «не дельно, и ему всегда с Михайлой быть мочно, а за бесчестье Михайлы Ртищева указал государь посадить в тюрьму, а мочно ему Семену быть с Михайловым внуком»²⁶⁸. Через неделю история повторилась. На этот раз Заборовскому велено было сказывать чин стряпчего с ключом другому пожалованному родственнику фаворита, Г. М. Ртищеву. Но и вторая попытка провалилась. Правда, дьяк, «бив челом, что стряпчество сказать Григорью невместно, и бив челом, сказал», т.е. не отказался от службы. Но и такой более умеренный протест пресекли – «а за Григорьево бесчестье Ртищева... велел государь Семена Заборовского послать в тюрьму»²⁶⁹. Неясно, на что рассчитывал дьяк, продолжая конфликтовать с семьей, ставшей «домашней» в ближайшем царском окружении, ведь постельничий и стряпчий с ключом ведали личными апартаментами и одеждой государя. Возможно, за этими местничествами стояла глубоко запятанная внутренняя борьба при дворе, какая-то интрига, попытка «прощупать» меру влияния Ртищевых? Во всяком случае, только что наказанный С. И. Заборовский не утратил своего влияния. Самого Ф. М. Ртищева представить местничающим, видимо, не могли даже современники (не имеется никаких сведений о конфликтах с его участием), родню же его, дабы кроткий характер друга не стал виной ее «потерек», «оборонял» сам царь. В январе 1661 г. еще два члена семьи Ртищевых, М. Г. Ртищев и его отец, Г. И. Ртищев, вошли в местнический конфликт. Максим Ртищев, будучи сходным воеводой у кн. Ю. А. Долгорукого во время боев под Могилевом в 1660 г., был записан в воеводской отписке ниже первого и второго воевод, Осипа Сукина и Семена Змеева. На челобитную его отца был дан положительный ответ: «генваря в 4 день государь пожаловал, велел ево челобитье записать; а быть ему с боярином и воеводою со князем Юрьем Алексеичем Долгорукого, а товарищем, Осипу Сукину и Семену, до него дела нет»²⁷⁰. Знавший об этом деле Заборовский, вероятно, решил при удобном случае (как «местник», хотя и неудачливый, Ртищевых) использовать «потерьку» Сукиных. Случай представился 19 апреля 1663 г. За государевым столом, будучи пятым (при окольникове О. И. Сукине – четвертом), Заборовский

²⁶⁷ *Ключевский В. О.* Добрые люди Древней Руси. Сергиев Посад, 1892. С. 13.

²⁶⁸ ДР. Т. III. С. 181.

²⁶⁹ Там же. С. 182.

²⁷⁰ Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 11. Л. 341–341 об. Опубл.: *Иванов П. И.* Описание Государственного Разрядного архива, с присовокуплением списков с многих хранящихся в нем любопытных документов. М., 1842. С. 350–351. Далее – ОГРА. (В разрядах нет, может быть ввиду безместия в это время, что также свидетельствует о фаворе семьи Ртищевых.)

«у стола не был, съехал к себе на двор», а на следующий день бил челом на Сукиных «в отечестве о счете», предъявив курьезнейший в устах его, дьяка, резон – «Осипов прадед, Борис Сукин, при царе Иване Васильевиче – дьяк, и в иных худых чинах были родители его»²⁷¹. Это вообще-то верно, о давнем дьячестве Сукиных мы упоминали выше, но упомянутый Б. И. Сукин (брат казначея, а затем боярина Ф. И. Сукина) начинал службу дворянином, в дьяческом чине состоял на рубеже 1540–1550-х гг., а затем служил в воеводских чинах²⁷², род же их был несравненно «честнее» пока не достигавших думного ранга Заборовских. За неявку к столу думному дьяку объявили государеву опалу (снятую, правда, уже 22 апреля) и не велели съезжать со двора. К претензиям же его отнеслись более мягко, и в ответ на челобитья обеих сторон велено было начать проверку: «выписать дьяку Алмазу Иванову»: «ки указу не было» – таким образом, несмотря на возмущенные слова Сукина, «прежде на окольных думные дьяки не бивали челом»²⁷³, С. И. Заборовский вполне мог считать себя «зафиксированным» местником окольного, к тому же внучатого племянника боярина. Через 10 лет, уже будучи думным дворянином, С. И. Заборовский местничал последний раз. В мае 1674 г. Разрядный приказ послал «высылщиков» для сбора и отправления в полки ратных людей, по городам Белгородского разряда поехал Заборовский. В наказе ему было велено быть с боярином кн. Г. Г. Ромодановским (первый воевода большого полка), но и «с товарищи». Сначала он, видимо, этого не заметил, но затем обнаружил, что оказался ниже не только князя и его сына (второго воеводы), но третьего и четвертого воевод – окольного П. Д. Скуратова и И. И. Вердеревского. 29 сентября в приказ пришла его челобитная, она слушалась царем и была, видимо, решена положительно, поскольку в следующей по времени грамоте Заборовскому из приказа (от которой сохранился отпуск) слова «с товарищи» зачеркнуты²⁷⁴, чего он и добивался.

Среди конфликтов дьяков с недьяками интересны два местничества против одного лица – Ивана Ивановича Баклановского. Против него выступали в 1663 г. дьяк В. В. Брехов, а в 1676 г. – думный дьяк Г. С. Караулов. Баклановские происходили из кашинских детей боярских²⁷⁵. Еще в начале XVII в. их род записан в десятни по Кашину; в Боярский список 1621/22 г. занесен Василий Иванович²⁷⁶, по Кашину служили Яков и Данила Ивано-

²⁷¹ ДДР. С. 374–375.

²⁷² *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 499–500.

²⁷³ ДДР. С. 374–375

²⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 757. Л. 170–173.

²⁷⁵ *Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 22.

²⁷⁶ *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. С. 141.

вичи Баклановские, возможно его братья, причем были весьма бедны – в поместье каждого значилось менее 10 крестьян, так что они жаловались, что на службу «подняться не с чево»²⁷⁷. Иначе складывается судьба их родственника (может, брата?) Ивана Ивановича Баклановского-старшего, отца думного дворянина. Он активно участвовал в событиях Смуты на ее последнем этапе, занимал видные посты в войске кн. М. В. Скопина-Шуйского, затем с 1615 г. на воеводстве в Тихвине, Твери, Туринске, Шацке и др., посылался в посольства в Данию, Голландию, управлял приказами Большого прихода и Московским судным²⁷⁸. И. Масса, автор знаменитых записок о Московии эпохи Смуты, получил от него, посланника в Голландию в 1618 г., знаменитый план Москвы рубежа XVI–XVII вв.²⁷⁹ При этом он остается всю жизнь в чине московского дворянина, хотя к 1639 г. его оклад уже составлял 140 руб. и 1000 четей²⁸⁰, что приближает его к окладам высокопоставленных дворовых чинов²⁸¹, например ловчего, ясельничего или постельничего. Сын его, тоже Иван Иванович, начинает службу с чина патриаршего стольника, при Филарете, затем в 1627 г. пожалован стряпчим, исполняет ряд важных поручений; после посольства в Священную Римскую империю в 1655 г. становится думным дворянином; полковой и городской воевода, судья в приказе Большой казны²⁸². Отец и сын Баклановские пользовались, похоже, полным доверием государей: недаром в 1663 г. Ивану Ивановичу-младшему было поручено щекотливое расследование доноса Ивана Сытина на опального патриарха Никона, жившего в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. Помещик Сытин был соседом Никона²⁸³, а рядовые конфликты между крестьянами власти пытались использовать для провокаций, выискивая в словах и действиях опального состав государственного преступления. 27 марта 1663 г. думный дворянин

²⁷⁷ *Сторожев В. Н.* Тверское дворянство в XVII в. Вып. III. Состав Старицкого и Кашинского дворянства по десятиям XVII в. Тверь, 1894. С. 41; № 9, 17, 28, 162.

²⁷⁸ Баклановские // Энциклопедический словарь Брокгауз-Эфрон. Биографии. Т. 1. М., 1991. С. 600; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. С. 32, 182.

²⁷⁹ Этот план хранится в Королевской библиотеке в Гааге, на нем изображено сражение, по мнению И. И. Смирнова – войск царя Василия Шуйского с войсками И. И. Болотникова 2 декабря 1606 г., а по мнениям иных исследователей, оборона Москвы от войск хана Казы-Гирея в июле 1591 г. На обороте плана запись: «Великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича Всея Руси самодержца его слуги, посланника в Галанской земле Ивана Ивановича Баклановского в 7126 году». См.: Памятники архитектуры Москвы. Замоскворечье. М., 1994. С. 19–20, суперобложка.

²⁸⁰ БК 1639 г. Л. 217 об.

²⁸¹ Там же. Л. 20–32: ловчий тогда получал 100 руб. и 1000 четей, ясельничий и постельничий – по 120 руб. и 1000 четей.

²⁸² Баклановские // Энциклопедический словарь Брокгауз-Эфрон. С. 600; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 26, 136–137.

²⁸³ *Соловьев С. М.* Сочинения... Кн. VI. С. 233.

Баклановский был направлен в Воскресенский монастырь вместе с дьяком В. В. Бреховым. Автор весьма содержательной статьи о Баклановских в Энциклопедическом словаре²⁸⁴ полагает, что они выслужились из дьяков и что первым в их роду видным лицом на службе был отец Ивана Ивановича старшего Иван Афанасьевич. Однако дьяки из этого рода нам неизвестны. Назначенный в сыскную комиссию дьяк В. В. Брехов бил челом, указывая, что «отец ево Васильев и Иванов отец Баклановского служили по Кашину и были в окладах в одной статье»²⁸⁵. Проверить это не представлялось возможным, так как в памяти – справке из Разрядного приказа по немного более позднему делу Брехова (с Козловым) от 29 февраля 1664 г. говорится, что сведений о службах его отца не сыскали, поскольку «...а как дьяка Василья Брехова отец и rodiцы при прежних государех в 130-м году по Кашину служили, того в Розряде выписать не из чего, кашинские дела и списки в московской большой пожар 134-го году в Розряде с иными делами згорели»²⁸⁶. Искать более поздние документы смысла не было, поскольку старший Баклановский уже служил в то время по московскому списку, а Тимофей Владимиров сын Брехов (младший брат Василия?) оставался в Кашине на службе с городом по выбору²⁸⁷. Баклановский возмущенно отвечал, что «преж сего дьяки на них на думных людей не бивали челом, а был де он Василей в подьячих в Розряде и человек он перед ним Иваном молодой»²⁸⁸, что верно по форме, но родственники Брехова служили по московскому списку со времен Дворовой тетради²⁸⁹, в отличие от провинциалов Баклановских. Однако «обелить» подьяческую и дьяческую карьеру, когда рядом карьера чисто дворянская, было невозможно (не говоря уже о личном влиянии при дворе). 30 марта думный дьяк С. И. Заборовский объявил Брехову царский указ. За бесчестье Баклановского его велено было послать в тюрьму²⁹⁰. В дальнейшем Брехов уже не решался местничать с Баклановским и был у него в подчинении в Приказе Большой казны²⁹¹. Спустя 11 лет И. И. Баклановскому опять пришлось столкнуться с дьяком. 23 июля 1675 г. при назначении в крестный ход в Сретенский монастырь думный дьяк Г. С. Караулов, в это время второй судья Приказа Казанского дворца, заявил, что ему идти «за образы» за думным дворянином

²⁸⁴ Баклановские // Энци. словарь Брокгауз-Эфрон. Т. 1. С. 600.

²⁸⁵ ДДР. С. 371.

²⁸⁶ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 48. Л. 77.

²⁸⁷ Там же. Л. 77, 78; *Сторожев В. Н.* Тверское дворянство XVII в. ... Вып. III. С. 46.

№ 192.

²⁸⁸ ДДР. С. 371–372; ИЗ. Т. 1. С. 227.

²⁸⁹ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 48. Л. 76.

²⁹⁰ ДДР. С. 372.

²⁹¹ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 26–27.

И. И. Баклановским невместно, и последний бил челом о бесчестье²⁹². Челобитье Караулова было обоснованно. Его отец, Степан Осипович, принадлежавший примерно к тому же поколению, что и отец Баклановского, с 1615/26 г. был воеводой в трех городах, с 1627 г. стал московским дворянином, затем служил дьяком в Каменном приказе – в Астрахани, но уже с 1631 г. он дворянин по московскому списку, а в дальнейшем – воевода²⁹³. В Боярской книге 1636 г. он записан много выше И. И. Баклановского-старшего, и со сходным окладом в 120 руб. и 1000 четей²⁹⁴. Правда, сам Г. С. Караулов был записан в ту же книгу по московскому списку²⁹⁵, в то время как его местник уже был стряпчим. Однако, возможно, ввиду такого близкого «равенства по отечеству» «...по их челобитью по докладу думного дьяка Герасима Дохтурова не учинено»²⁹⁶. В феврале 1664 г. в связи с уже упоминавшимся делом Сытина к патриарху Никону был опять отправлен В. В. Брехов, уже под началом окольного О. И. Сукина²⁹⁷. На Сукина дьяк не бил челом, но в целом вся эта группа родов, объединенная общим весьма существенным касательством к приказной службе, продолжала вступать в местнические отношения – вспомним, что 19–20 апреля 1663 г. С. И. Заборовский местничал против того же Сукина за государевым столом.

7.7. Местничества «до» и «после» дьячества

Среди местнических коллизий, в той или иной степени связанных с дьячеством, заслуживают рассмотрения также конфликты, возникавшие у бывших дьяков или лиц, ставших дьяками позднее. Так, представитель древнего, но захудавшего рода В. О. Янов известен как дьяк с 1603 г.²⁹⁸, однако ранее, в 1591 г., во время боевых действий против Казы-Гирея под Москвой он был головой у донских и волжских казаков. После бегства крымцев к Серпухову и Туле из большого полка были посланы «в тульские места и крымские» воеводы Т. Г. Вельяминов, Д. И. Исленьев, головы Т. В. Грязной и В. О. Янов. «И Василей Янов бил челом на Тимофея Грязново»²⁹⁹. Неизвестно, дан ли был ход делу свойственника кн. Шуйских с сыном известного опричника. Если Янов в Боярском списке 1588/89 г.

²⁹² ДР. Т. III. С. 1575.

²⁹³ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 226.

²⁹⁴ БК 1636. Л. 201 об., 217 об. (между ними более 60 имен).

²⁹⁵ Там же. Л. 455 об.

²⁹⁶ ДР. Т. III. С. 1565.

²⁹⁷ Соловьев С. М. Сочинения... Кн. VI. С. 233.

²⁹⁸ Лихачев Н. П. О происхождении Яновых // ИРГО. Вып. 1. СПб., 1900. С. 151–154; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 600.

²⁹⁹ РК 1559–1605. С. 272; РК 1475–1605. Т. III. Ч. 2. С. 218.

числился выборным по Суздалю, оставаясь в том же чине и по списку 1602/03 г., с окладом в 500 четей³⁰⁰, то Грязной в 1588/89 г. – аналогичный выборный, но по Угличу, с окладом в 500 четей, а в 1598/99 г. – московский дворянин³⁰¹. В последнем чине он был, видимо, уже в 1591 г., так как при награждении после победы в августе 1591 г. отмечено: «...голова у донских казаков Василей Осипов сын Янов – шуба в 15 рублей... Дворяном... Данилу Истленьеву, Тимофею Грязному – по шубе по 30 рублей да по ковшу; Даниле – ковш 3 гривенки, Тимофею – ковш 2 гривенки»³⁰². Видимо, В. О. Янову не удалось сколько-нибудь существенно укрепить свое положение – он получил в два раза меньшую награду. В дальнейшем на протяжении всей своей бурной политической жизни Янов не местничал.

Один из наиболее упорных дьяков-местников, Артемий Иванович Козлов, также местничал до дьячества, причем на более чем невысокой службе – в стремянных конюхах. При разборе его дела с дьяком В. В. Ушаковым в 1662 г. последний подал «письмо таково: Чтоб великий государь пожаловал, велел ево Артемья допросить, конюшенного чину с Тимофеем с Пироговым суд у него был ли и какова бесчестья он Артемей на нем Тимофее искал, и то судное дело вершено ли?.. А как у него Артемья до ево дьячества в Конюшенном приказе конюшенно чину с Тимофеем Пироговым был суд и он тово Василья (Василий Козлов, белозерский дворянин. – Ю. Э.) родственником себе не сказывал»³⁰³. Дело было явно местническим, в противном случае Козлов бы его просто отвел, охарактеризовав как обычную тяжбу о бесчестье. Наоборот, для Артемия случай этот явно составлял предмет гордости, он показал следующее: «Из обозничих взят он в стремянные конюхи, и то де ведомо в Конюшенном приказе... с Тимофеем Пироговым в отечестве в бесчестье ево суд был, и про то сыскивано, и по тому судному делу и по сыску Тимофеем Пироговым обинен, указано ему Артемью бесчестье; в том слался на судное дело»³⁰⁴. В материалах Конюшенного приказа³⁰⁵ дела не сохранилось, однако оно свидетельствует о бытовании местнических отношений у служилых людей достаточно низкого ранга. Недаром тот же дьяк Артемий, по свидетельству В. В. Брехова, взял с белозерца Василия Козлова деревню за хлопоты по устройству его в стремянные конюхи «и назвал себе братом», «...и перед великим государем ставил». Для провинциального дворянина подобная

³⁰⁰ Боярские списки... Т. 1. С. 132, 197.

³⁰¹ Там же. С. 148, 186.

³⁰² РК 1475–1605. Т. III. Ч. 2. С. 230–231.

³⁰³ ИА. 1993. № 2. С. 206–207.

³⁰⁴ Там же. С. 207.

³⁰⁵ Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 1–3.

карьера и перспектива стать лично известным царю вполне оправдывала крупные затраты на взятки-посулы³⁰⁶. Местнические дела Б. Ф. Болтина и Г. И. Борнякова наводят на мысль, что даже кратковременное пребывание в дьяческом положении могло современниками рассматриваться как «пятно» на карьере члена государева двора. Баим Федорович Болтин – заметная фигура в начале XVII в. Выходец из верхушки арзамасского дворянства, он известен как наиболее вероятный автор хронографических записок о Смутном времени и последующих событиях³⁰⁷. Московский дворянин, он пробыл в дьяках недолго, служа в Новгородской четверти с 1627-го по 1631 г., далее занимал различные военные и административные посты, в 1641 г. стал ясельничим, возглавив тем самым Конюшенный приказ³⁰⁸. В 1634 г., при назначении посольства к королю Владиславу IV для ратификации Поляновского мира, где в числе московских дворян в составе посольской делегации Болтин значился первым, на него били челом И. В. Наумов и Ж. В. Кондырев, второй и третий дворяне посольства. Государь указал им всем быть без мест³⁰⁹. Через десять лет, уже будучи ясельничим, Болтин снова подвергся атаке, и опять на посольской службе – в 1644 г. на межевании польской границы в районе Путивля. Русскую делегацию возглавляли окольный кн. Ф. Ф. Волконский и ясельничий Б. Ф. Болтин, в составе было 6 дворян (первый и второй дворяне – К. А. Трусов и В. Протасов) и два жильца, причем «писатца велено одному князю Федору с товарищи», т.е. фактически объявлено безместие. Несмотря на это, К. А. Трусов бил челом на кн. Волконского и сокрушительно проиграл³¹⁰, причем новым распоряжением «послана государева грамота в Путивль ко князю Федору да к Баиму, а велено дворяном и жильцом быть с обоими», что понижало статус последних. В ответ Трусов и В. Протасьев били челом уже на Болтина, «и его лаели», что окончилось для истцов еще печальнее – «за Баимово бесчестье биты батоги»³¹¹. В посольстве 1634 г. среди дворян первым в списке стоял Болтин, а последним – Г. И. Борняков. Он, полагаем, не жаждал участвовать в местничествах, поскольку, как и Болтин, только

³⁰⁶ Правда, удача Козловым в тот раз не улыбнулась: дьяк Артемий пояснил, что он действительно «об Василье Козлове государю бил челом, чтоб государь пожаловал, велел ему быть в стремянных конюхах, и ево государь не пожаловал». См.: ИА. 1993. № 2. С. 207.

³⁰⁷ *Зиборов В. И.* Баим Федорович Болтин // *Словарь книжности и книжников Древней Руси. XVII в. Ч. 1.* СПб., 1992. С. 147–148.

³⁰⁸ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 62–63.

³⁰⁹ ДР. Т. II. С. 404.

³¹⁰ *Эскин Ю. М.* Дело К. А. Трусова – кн. Ф. Ф. Волконского как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // *Российское государство в XIV–XVII вв. / Сб. ст., посв. 75-летию Ю. Г. Алексева.* СПб., 2002. С. 300–307.

³¹¹ ДР. Т. II. С. 682–683.

что перешел из дьяков в дворяне. Жилец (по крайней мере с 1616 г.) и сын жильца³¹², Борняков около пяти лет был дьяком (по С. Б. Веселовскому – в 1630–1635 гг.; по разрядам он уже 24 октября 1634 г. находится в числе дворян)³¹³. 16 августа 1637 г., на приеме польских посланников в первой встрече «за Тверскими вороты» были приставы – Г. И. Борняков и дьяк Иван Ларионов. Борняков, как и положено московскому дворянину, записан выше дьяка. От Вязьмы посланников сопровождал пристав, «можаитин Володимер Иванов сын Воейков». Место последнего было ниже (ранг посольской встречи повышался по мере приближения к трону). Представитель известной фамилии, видимо, принадлежал к захудавшей ветви рода, служившей с городом. Принадлежала ли инициатива ему или нет – неведомо, но родовая корпорация Воейковых решила вступить за свою честь: «И Воейковы били челом государю на Григорья Борнякова в отечестве»³¹⁴. Вероятно, у Можайского сына боярского не имелось шансов в борьбе даже со вчерашним дьяком, но все Воейковы, в числе которых в тот момент было немало членов государева двора³¹⁵, решили подстраховаться от потери своей «чести».

К местничеству «до» дьячества» можно отнести и единственное известное нам местническое дело подьячих. В ноябре 1679 г. И. Горяинов был назначен в Костромскую приказную избу первым подьячим, что вызвало челобитья подьячих Г. Протопопова и М. Бурнашова³¹⁶. Они заявляли, что «Иван перед ними человек молодой и на Костроме в приказной избе сидит недавно, и у него, Григорья, сидел в молодых подьячих...»³¹⁷. В ответ И. Горяинов заявлял, что ему было велено сидеть первым подьячим еще в 172 (1663/64) г.; данный факт не был, правда, подтвержден при сыске. Зато было подтверждено, что оба истца начали свою службу в приказной избе раньше: Бурнашов – с 1654/55 г., Протопопов – с 1658/59 г., а Горяинов – с 1664/65 г. Заслуживает интереса то, что дело не было решено на месте, в приказной избе (как бывало в полевых условиях, во время боевых действий – на уровне полковых шатров), а повлекло за собой разбирательство в Разрядном приказе. Согласно помете – резолюции от 16 января 1672 г. велено было направить грамоту костромскому воеводе кн. Ф. А. Львову, который должен был «велеть у них взять за их руками списки, каких они

³¹² Братья И. И. и Г. И. Борняковы подписывались среди жильцов в 1616 г. См.: Сухотин Л. М. Четвертички... С. 238–239; их отец (?) Иван Васильевич в 1602/03 г. служил по Галичу. См.: Боярские списки... Т. 1. С. 215.

³¹³ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. С. 65–66; ДР. Т. II. С. 683.

³¹⁴ ДР. Т. II. С. 545.

³¹⁵ В 1637 г. среди Воейковых было 3 стольника, 5 стряпчих, 10 московских дворян. См.: БК 1637 г. Л. 78 об., 83 об., 101 об., 140, 142 об., 144 об., 154, 156 об. и др.

³¹⁶ Ф. 210. Оп. 13. Ст. 511. Л. 206–210; Седов П. В. Дисс. канд. ист. наук. С. 90.

³¹⁷ Там же. Л. 206–207.

отцов дети, и на службе... кто где был и ныне есть ли... И те сказки прислать в Розряд»³¹⁸. Высшая инстанция, против ожидания, отнеслась к делу весьма серьезно (не указав, как бывало и с лицами рангом повыше, что они «неродословные и мест им нет») и сочла нужным рассмотреть дело и по родословному, и по служебному принципам старшинства, видимо, имея сведения о том, что данные местники – служилого происхождения.

К местничеству потомков дьяческих родов можно отнести дело Н. М. Алфимова с И. А. Желябужским. 11 сентября 1665 г. при назначении тех, кто должен был участвовать в церемонии встречи гетмана И. И. Брюховецкого, стольник Н. М. Алфимов должен был «объявлять» гетмана, а ясельничий И. А. Желябужский с дьяком Г. Богдановым его встречать³¹⁹. Однако Алфимов, когда встречающие прислали к нему подьячего Е. И. Украинцева, ответил: «Я де от Ивана Желябужского в ходаках не буду и говорить гетману не хочу». Опасаясь протокольного скандала (Украинцев должен был сообщить Алфимову о важной детали ритуала встречи: перед началом чтения Желябужским приветственной речи от имени царя гетман должен будет сойти с коня), встречающие вторично послали к Алфимову, на этот раз подьячего З. Блинова с предупреждением, что если Алфимов «про то не скажет, что к нему гетману от него государя речь есть, а гетман, того не ведая, приехав ко встрешному месту, великого государя имени повышены не учинит, и станет тем отниматца, что ему про то сказано не было – и та вина на нем Назарье будет»³²⁰. Алфимов гетмана предупредил, и церемония потекла своим чередом. Однако в продолжение всех этикетных действий Алфимов отказывался стоять на предписанных ему местах и, несмотря на неоднократные напоминания Желябужского, делал все, чтобы не представлять ему гетмана лично, «спрятавшись за казаками сажени с три», и выполнил церемонию только после дополнительных замечаний, а при проезде свиты гетмана к отведенной ему резиденции «поехал неведомо куды». В чем могла быть причина конфликта? Отец Назария, Михаил Игнатьевич Алфимов, из клинских дворян, был выборным по Нижнему Новгороду, затем пожалован дьяком, а в дальнейшем был воеводой, служил, видимо, до начала 1640-х гг.³²¹ Григорий Григорьевич Желябужский, дед ясельничего – дьяк, известный со времен Смуты³²². Сын его Афанасий начал службу уже московским дворянином. Возможно, справка о местах дьяков Софонова

³¹⁸ Ф. 210. Оп. 13. Ст. 511. Л. 210.

³¹⁹ АЮЗР. Т. 6. (1665–1668). СПб., 1869. С. 1.

³²⁰ Там же. С. 2–4.

³²¹ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 20; БК 1627 г. Л. 386 об. (оклад 600 четей).

³²² *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 183.

и Желябужского, наводившаяся в 1667 г.³²³, связана с этим делом. Помимо известного и многократно использованного в историографии дела стряпчих С. В. Телепнева – М. В. Ларионова – детей думных дьяков³²⁴, можно привести примеры из истории иных родов. В «Местническом справочнике» указывается: «Во 143-м году приходил к Москве турецкой посол, и в то время в приставех был до Москвы подьяческой сын Иван Захарьев сын Связев, а на Москве велено быть в приставех Федору Голенищеву, а подьяческой сын Иван Связев бил челом в отечестве на Федора Голенищева и розведен»³²⁵. Действительно, во время встречи 16 сентября 1634 г. турецкого посла Муслай-аги пристав, сопровождавший посла до Москвы, И. З. Связев, бил челом на пристава, встречавшего у Тверских ворот, Ф. И. Голенищева³²⁶. Какие у Связева могли быть основания? Он был сыном (вероятно) Захария Григорьевича Связева, видного приказного деятеля рубежа веков (карьера прослежена С. Б. Веселовским с 1581-го по 1610 г.)³²⁷. Заметим, что в Боярском списке 1588/89 г. З. Г. Связев среди 40 дьяков записан на высоком шестом месте³²⁸, хотя действительно начинал с подьячих, а завершал карьеру во Владимирском судном приказе. Иван и Василий, его дети, начали службу уже жильцами³²⁹, а в 1630-е гг. были московскими дворянами³³⁰. Голенищевы служили по Ржеву и по Зубцову, многие к 1630-м гг. достигли московского дворянского списка³³¹. Вероятными их однородцами (хотя и не прямыми предками) являлись дьяки Филипп Федоров и Афиноген Филиппов Голенищевы. Активные деятели периода Смуты, так же, как и Захарий Связев, не дожившие до ее завершения, Голенищевы входили в число «злых шептунов» в правительстве Василия Шуйского, согласно известному списку³³². З. Г. Связев служил в Приказе Большого дворца

³²³ Ф. 138. Оп. 1. 1667 г. Д. 1; ИЗ. Т. 1. С. 227. Игнатий Тимофеевич Софонов завершил карьеру, вероятно, вскоре после Смуты, в 1611 г. он был воеводой в Калуге. Его сын (видимо, старший) Денис – тушинский печатник и думный дьяк, затем в тех же должностях в I Ополчении, в 1619 г. – дьяк Владимирского судного приказа; другие его сыновья начинают карьеру московскими дворянами, один из них, Петр, воевода в ряде городов, приглашается и к государеву столу. См.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 484–485; ДР. Т. II. С. 20.

³²⁴ ИЗ. Т. 1.; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия. С. 84.

³²⁵ Местнический справочник. С. 51.

³²⁶ ДР. Т. II. С. 400.

³²⁷ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 465–466.

³²⁸ Боярские списки... Т. 1. С. 106.

³²⁹ *Сухотин Л. М.* Четвертчики... С. 56, 57, 219, 226.

³³⁰ БК 1637 г. Л. 250, 437 об.

³³¹ Там же. См. по алфавиту.

³³² *Томенцев И. О.* Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) // АЕ за 1992 г. М., 1993. С. 312; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 120.

в 1605–1606 гг., Голенищевы – в 1608/09 г.³³³ Возможно, И. З. Свиязев имел основания считать места своего отца выше. Мнение автора известного «Местнического справочника», написавшего, что Свиязев был с Голенищевым «розведен», не имело оснований. В продолжение церемонии приема посла (аудиенция 23 сентября 1634 г. и отпуск 11 января 1635 г.) Ф. И. Голенищев продолжает оставаться выше Свиязева.

7.8. Приказные бюрократы, служилые роды и местничество

Для того чтобы установить, насколько представители местничавших родов были связаны с приказной системой, приведем следующую таблицу:

Таблица 10. Роды, связанные с дьячеством, и местничество

Роды – участники местничеств, в составе которых были дьяки и подьячие (по «Хронологическому реестру», справочнику С. Б. Веселовского и «Местническому справочнику»)	№ родов по «Местническому справочнику»
1	2
1. Акинфовы	63
2. Алферьевы	
3. Аладьины	65
4. Александровы	
5. Алябьевы	238
6. Алфимовы	
7. Апраксины	276
8. Баклановские	
9. Башмаковы	
10. Бегичевы	
11. Безобразовы	
12. Беклемишевы	248
13. Блудовы	
14. Болтины	128
15. Борисовы	
16. Борняковы	
17. Бреховы	

³³³ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие; Богоявленский С. К. Приказные судьи. С. 17.

1	2
18. Булгаковы	27
19. Бунаковы	
20. Бурнашovy	
21. Вешняковы	
22. Внуковы	
23. Волковы	
24. Врасские	
25. Гаврeнeвы	
26. Галкины	
27. Глебовы	2
28. [Голенищевы]	
29. [Головины]	
30. Горяиновы	
31. [Грибоедовы]	
32. Заборовские	
33. Загряжские	47
34. [Зиновьевы]	
35. [Злобины]	
36. Золотаревы *	214
37. Зыковы *	221
38. Зюзины	
39. Ивашкины*	
40. Иевлевы	
41. Ильины	
42. Карамышевы	
43. Карауловы	
44. Кобяковы	4
45. Клобуковы	
46. Колобовы	223
47. Костяевы	
48. Кошечевы	
49. Кузмины-Короваевы	184
50. Ларионовы	130
51. Лихаревы	40
52. Лихачевы	
53. Леонтьевы	

1	2
54. Лодыженские	
55. Лопухины	239
56. Львовы	218
57. Льговские	
58. Масловы*	231
59. Монастыревы*	10
60. Мясные-Судоковы	33
61. Мячковы	
62. Нармацкие	219
63. [Наумовы]	
64. Нееловы	109
65. Нероновы	280
66. Образцовы	
67. Огаревы	76
68. Остафьевы (Астафьевы)	
69. Палицины*	104
70. Панины	28
71. Пивовы	
72. Племянниковы*	162
73. [Поздеевы]	
74. Приклонские	143
75. Протасьевы	134
76. Рагозины	
77. Раковы	
78. Ртищевы	
79. Румянцевы	
80. [Савины]	
81. Самарины	183
82. Сафоновы	249
83. Свизевы	277
84. Сидоровы*	173
85. Собакины	1
86. Сомовы*	226
87. Стрешневы	
88. Сукины	187
89. Татьянины*	228

1	2
90. Телепневы	154
91. Торокановы	240
92. [Тютчевы]	
93. Уваровы	
94. Унковские*	29
95. Ушаковы	
96. Ухтомские, кн.	
97. [Фомины]	
98. Хвощенские*	83
99. Хрущовы	
100. Цыплятевы	
101. [Челюсткины]	
102. Чириковы	182
103. Чирковы*	170
104. Шапиловы*	145
105. Шестаковы	205
106. Щепотьевы*	227
107. Юрьевы*	188
108. [Языковы]	9
109. Яновы	64

Условные обозначения :

* – местнические конфликты не выявлены, хотя данный род занесен в «Местнический справочник»;

[] – родство данных семей с одноименными приказными бюрократами достоверно не установлено.

Проанализировав наш «Хронологический реестр» местнических случаев с точки зрения наличия в родах дьяков или подьячих, получим примерно 88 родов. Выявление проводилось на базе справочника С. Б. Веселовского «Дьяки и подьячие», который, несмотря на свою неполноту, для определения именно дворянских фамилий в приказной службе достаточно репрезентативен. Всего таких родов установлено примерно 86, правда, примерно 15–16 из них сомнительны в смысле идентификации именно с дворянскими родами, ввиду широкой распространенности некоторых фамилий³³⁴.

³³⁴ Например, Давыдовы, Дмитриевы, Зиновьевы, Наумовы, Савины и пр.

В «Местническом справочнике» редакции в 280 глав мы насчитали 56 глав о родах, в которых содержатся сведения о дьяках и подьячих в качестве семейных «потерек»³³⁵. Эти два перечня соотносятся в 25 случаях, т.е. известны местничества 25 родов, вошедших в «Местнический справочник». Всего как потенциально, так и реально местничавших родов, в составе которых имелись представители приказной бюрократии, мы насчитали 109 (а без «сомнительных» по фамилиям – около 90). Всего в местнических делах XV–XVII вв. участвовало чуть более 400 родов (примерно 404). Таким образом, примерно 25% всех местничавших родов России имели в своем составе приказную бюрократию.

Заключение

Приведенные факты показывают, что для приказно-бюрократической системы были характерны местнические взаимоотношения двух направлений – иерархии приказов и старшинства внутри одного учреждения. Критерии старшинства включали, в свою очередь, два принципа: традиционный служебно-родословный и более современный, бюрократический – по выслуге. Принципы эти применялись в зависимости от социального ранга местников и конкретной политико-административной ситуации. Для участников большинства рассмотренных конфликтов характерно определенное происхождение – это дьяки (или их местники), преимущественно выходцы из городского дворянства, откуда, как правило, и комплектовались средние и высшие звенья приказного аппарата. Люди эти являлись носителями единого местнически-иерархического самосознания, однако в связи с тем, что вынуждены были служить в приказах вместе с дьяками – выходцами из верхушки посада или белого духовенства (ввиду специфики канцелярской работы, требовавшей грамотности, основными носителями которой были отнюдь не провинциальные служилые люди), вынуждены были апеллировать к своим «городовым» корням. Причем в случае местничества такого дьяка со служилым человеком иного, более «честного» ранга выявляется схожесть положения их родов внутри дворянской корпорации. Значение местничества как социального регулятора проявляется во всех трех приведенных казусах – конфликт между приказами, внутри приказа и между дьяками помимо приказного назначения. Ситуации эти

³³⁵ Данные эти отличаются от подсчета Н. Ф. Демидовой – там цифра в 46 родов (может быть, опечатка?); кроме того, указывается еще и общее число родов, «опозоренных» приказной службой, – 145, но сюда входит и просто дворянская служба, и совсем уж «низкие» посылки, например недельщики, т.е. курьеры (Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия. С. 86).

свидетельствуют об эффективности и единстве местнической системы в самых разных сферах русской жизни, системы, которая до последней трети XVII в. отнюдь не вызывала сбоев в работе государственного механизма³³⁶. Правящие круги, очевидно, считали конфликты дьяков вполне естественным делом³³⁷. Таким образом, мнение Богоявленского о том, что «дьяки местничали не как дьяки, а их противники ссылались именно на дьячество, которое исключало возможность местничества», справедливо, пожалуй, только в первой части, да и то относительно (так как принцип старшинства и пожалования в чин – именно дьяческий); сама же возможность их местничества сомнению никогда не подвергалась. Более справедливо суждение того же автора, высказанное им чуть ниже, о том, что «правительство не всегда стояло на той точке зрения, что дьяки, как люди неродословные, не могли заводить местнических споров»³³⁸. Точнее, у него вообще не было подобной точки зрения... В чем же состояла причина сравнительной редкости местничеств дьяков по сравнению с иными служилыми группами? Во-первых, выходцы из мелкого дворянства дорожили своими местами в приказах – основном источнике своих доходов, а во-вторых – им было затруднительно считаться службами предков, поскольку служилые люди разных городских корпораций нечасто пересекались в своих «посылках» и реальной возможностью счета были только места в десятнях и суммы окладов. Местничества высоко продвинувшихся по служебной лестнице бюрократов (В. Я. Щелкалов, С. И. Заборовский, В. В. Брехов, А. И. Козлов, Ф. Ф. Лихачев и др.), а также служивших по дворянскому списку, но преимущественно в приказной системе (И. И. Баклановский, Б. М. Дубровский и др.), тоже играли роль социального регулятора, очерчивая «потолки» их притязаний. Подобные казусы ограничивали пределы возможностей бюрократии, неуклонно просачивавшейся на уровни «чести» чинов государева двора.

³³⁶ С конца XVI по конец XVII в. в местничествах участвовало 27 дьяков (предположительно еще 4–7), 3 подьячих, 2 лица до получения дьяческого чина, 1 – после повышения из дьяков в думные дворяне; с ними местничало не менее 12 чинов государева двора в рангах от московского дворянина до окольничего, а также около 4–5 гостей.

³³⁷ Лишь один раз потомкам дьяков было указано на неуместность с их стороны «счета» как раз ввиду происхождения, а именно стряпчим М. В. Ларионову и С. В. Телепневу, исполнявшим должность рынд – «оба они люди неродословные и счету им нету, где государь велит быть, там и будь». См.: ДР. Т. I. С. 575, 576; ИЗ. Т. I. С. 227.

³³⁸ *Богоявленский С. К.* Социальное происхождение и служба дьяков XVII в. С. 398, 399, 402.

Глава 8

МЕСТНИЧЕСТВО ГОРОДОВОГО ДВОРЯНСТВА

Понятие «чести» и «места» существовало не только у чинов государева двора, но и у членов «служилого города», на что указывалось в работах А. А. Новосельского¹, а позднее И. Л. Андреева² и В. Н. Козлякова³. Критерии «чести» и «места» у городских дворян носили более коллективный характер, чем у их высокопоставленных собратьев. Провинциальные служилые люди вступали в конфликты в нескольких случаях. Во-первых, индивидуально между собой, что обычно именовалось делом об «отеческом бесчестье». Во-вторых, с членами государева двора, которые были им «в версту», как правило, своими однородцами. В-третьих, корпоративно – т.е. есть группой из одного или нескольких городов, или «всем городом». Корпоративные местничества возникали, как правило, по трем причинам: 1) против второго воеводы, который был слишком близок городовым дворянам по местническому уровню (наиболее частый случай), 2) против какого-нибудь лица или группы лиц, которых правительство пыталось поверстать в городовую корпорацию, а ее члены рассматривали их как парвеню и видели в том урон для собственной чести, 3) между корпорациями – конфликты из-за места в общей иерархии «городов». Естественно, большинство сведений о подобных конфликтах до нашего времени не дошло. Они, как правило, разворачивались на местах, вспыхивали, разбирались и чаще всего заминались на уровне приказной (разрядной)

¹ Новосельский А. А. Правящие группы в «служилом городе» // ИИ РАНИОН. УЗ. Т. 5. М. 1929. С. 332: «Понятие чести, и практику местничества, рассматриваемые обыкновенно только применительно к людям родословным, боярам или самое большее – чинам столичным, следует распространить и на городовое дворянство»; *Он же*. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 178–196.

² Андреев И. Л. Сотенные головы в России // Исторические записки Воронежского гос. университета. Научные труды Исторического факультета. Вып. 5. Воронеж. Изд. ВГУ. 2000. С. 6–17.

³ Козляков В. Н. Служилый город Московского государства XVII в. (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.

избы или, если конфликт возникал в полевых условиях, разрядного шатра полкового воеводы. Лишь немногие доходили до Москвы и попадали в Разрядный приказ, отложившись в его архиве. Это происходило либо по причине особой ожесточенности сторон, апеллировавших к высшей инстанции, либо ввиду того, что одна из сторон являлась подсудной приказу (как назначенные сверху воеводы, отчего, видимо, именно их дел сохранилось больше всего). Все же нам известно не менее 30 случаев указанных типов местничества за XVII в., еще в трех случаях коллективно участвовали московские чины. Географический ареал участников этих конфликтов также весьма широк (хотя местничали зачастую члены этих корпораций не у себя на родине): это дворяне и дети боярские астраханцы, белевцы, болховцы, боровцы, брянчане, владимирцы, карачевцы, каширяне, козличи, коломничичи, малоярославцы, мешчеряне, можайчи, нижегородцы, оболенцы, одоевцы, опочцы, осколяне, псковичи, пусторжевцы, ржево-володимерцы, рязанцы, ряшане, серпуховичи, соловьяне, торушане, туляне, угличане, уфимцы, черниговцы.

8.1. Вопрос об иерархии городских корпораций и конфликты между ними

Вопрос о том, существовала ли четкая иерархия служилых городов, остается открытым. А. А. Новосельский полагал, что местничество их объяснялось тем, что «порядок написания городов в разрядных списках и их старшинство были связаны с весьма реальными интересами, как то: более высокие оклады и более щедрые земельные дачи, большее жалованье и пр., но формально местничество велось о чести и заслугах»⁴. Однако это крайне простое и заманчивое объяснение не выдерживает проверки, о чем будет сказано ниже. В. Н. Козляков в этом вопросе более осторожен, описывая разбор служилых городов, он полагает, что последовательность перечисления уездных обществ при разборах не была случайной, а отражала представления о сложившейся иерархии тех или иных дворянских корпораций⁵. Рассмотрим порядок, в котором были записаны городские корпорации на больших смотрах, где присутствовали служилые люди всех регионов Европейской России, подведомственных Разрядному приказу. По мнению Козлякова, «наиболее привилегированным было Замосковное дворянство, среднее положение в иерархии “городов” занимали дворяне Новгорода, Пскова, Украинных городов, Рязани, еще менее заметной была служба Северских и Понизовых городов»⁶. По наблюдениям М. Е. Бычковой, некий порядок старшинства родов

⁴ Новосельский А. А. Правящие группы... С. 334.

⁵ Козляков В. Н. Служилый город... С. 87.

⁶ Там же. С. 121.

прослеживается уже в Тысячной книге и Дворовой тетради, т.е. в 1550-е гг., однако он не соответствует принятому в родословцах; весьма хаотично расположение родов и внутри списков детей боярских по статьям; возможно, здесь действовал не столько принцип знатности или географический, сколько хронологический⁷. Доказать привилегированность тех или иных корпораций можно только одним путем – выяснить, зависела ли от ее места в списке величина поместных и денежных окладов. Вероятно, дворяне Владимира, Суздаля, Лука, Гороховца (они находятся в начале всех списков) должны были быть значительно состоятельнее, к примеру, нижегородцев, иметь большой поместный и денежный оклад. Проверить это можно по сводным спискам, начиная со второй половины XVI в. Проследим поместные оклады на примере верхушки «города» – выборного дворянства. По списку 1588/89 г. порядок «городов» и окладов следующий (здесь и далее – оклады выборных дворян даны в четвертях, от максимума до минимума по городу):

Владимир – 700–300, Суздаль – 700–200, Кострома – 900–200, Ржева – 900–300, Вязьма – 900–200, Рязань – 700–250, Дмитров – 600–400, Кашин – 500–300, Углич – 600–500, Переславль-Залесский – 700–300, Ростов – 500–400, Романов – 300, Пошехонье – 500–400, Галич – 550–400, Юрьев-Польской – 500–250, Муром – 700–250, Коломна – 700–200, Кашира – 700–250, Таруса – 700–250, Тула – 700–450, Калуга – 600–300, Козельск – 600–300, Лихвин – 500–450, Алексин – 600–300, Болхов – 500–400, Брянск – 700–550, Воротыньск – 700–300, Серпейск – 600–300, Мещовск – 650–300, Боровск – 500–300, Малый Ярославец – 450–300, Медынь – 700–400, Верея – 450–400, Волок – 500–400, Звенигород – 500–400, Старица – 550–400, Зубцов – 500–150, Можайск – 600–300, Белая – 600–300, Клин – 500⁸.

Не дают доказательств и более поздние чиновные перечни. Например, «Роспись Русского войска» 1604 г. (в извлечениях): Переславль-Залесский – 400, Алексин – 550–250, Ростов – 40, Медынь – 600–250, Ярославль – 600–300, Перемышль – 500–300, Зубцов – 500–300, Боровск – 500–300, Кашин – 700–250, Бежецкий Верх – 600–300, Одоев – 400, Серпейск – 700–212, Коломна – 700–300, Романов – 300–200, Малоярославец – 500–450, Козельск – 600–250, Белев – 500–250, Мещовск – 400–250, Дмитров – 450–350, Вязьма – 700–300, Клин – 500, Белая – 500⁹.

В Боярском списке 1606–1607 гг. порядок таков: Владимир – 650–500, Суздаль – 600–450, Муром – 600–450, Переславль-Залесский – 550–450, Юрьев-Польской – 600–350, Мещера – 800–300, Нижний Новгород – 700–400, Арзамас – 600–500, Лух – 500, Коломна – 700–300, Рязань – 700–500,

⁷ Бычкова М. Е. Родословные книги... С. 133, 134.

⁸ Станиславский А. Л. Труды по истории... С. 219–248

⁹ Там же. С. 366–378.

Кашира – 700–500, Таруса – 600–550, Алексин – 800–300, Тула – 600–500, Одоев – 500, Калуга – 800–500, Воротынский – 600–450, Белев – 500–400, Лихвин – 600–450, Перемышль – 650–500, Серпейск – 600–400, Мещовск – 600–400, Козельск – 600–350, Орел – 500, Болхов – 600–500, Карачев – 500–400, Брянск – 600–450, Боровск – 600–350, Малоярославец – 600–550, Медынь – 600–400, Веря – 600–450, Звенигород – 600, Руза – 600–550, Волок – 600–400, Можайск – 600–450¹⁰.

В Боярской книге 1627 г. порядок таков: Владимир – 800–300, Суздаль – 850–300, Юрьев-Польской – 750–350, Лух – 750–400, Муром – 850–300, Нижний Новгород – 850–400, Переславль-Залесский – 700–350, Коломна – 850–300, Кашира – 1000–400, Арзамас – 900–350, Мещера – 850–250, Тула – 900–300, Солова – 900–450, Таруса – 800–400, Серпухов – 750–300, Можайск – 900–550, Веря – 800–550, Звенигород – 800–400, Орел – 550, Рязань – 900–300, Волок – 800–650, Боровск – 700–500, Малоярославец – 700–500, Калуга – 800–350, Воротынский – 800–300, Мещовск – 850–400, Серпейск – 900–400, Козельск – 800–300, Лихвин – 850–300, Медынь – 850–400, Белев – 800–350, Карачев – 800–450, Мценск – 800–350, Курск – 850–700, Ржева – 550–500¹¹.

Оклады выборных дворян на смотру боярина кн. Б.А. Репнина 21 июня 1651 г. выглядят следующим образом. Тульский полк: туляне – 850–400, каширяне – 900–400, козельцы – 800–400, тарушане – 600–300, серпуховичи – 600–450; Рязанский полк: рязанцы – 950–350, коломничы – 850–350, мещора (мещеряне) – 850–400; Крапивенский полк: лихвинцы – 550–450, соловьяне – 900–400; Одоевский полк: калужане – 700–400, мещовцы – 800–450, серпеяне – 650–300, алексинцы – 550–400, малоярославцы – 600–400, воротынцы – 650–400, медынцы – 550–400, одоевцы – 450–350; Мценский полк: белевцы – 550–300, болховичи – 550–400, карачевцы – 900–600, мецняне – 600–450, орловцы – 400¹².

Судя по смете выдачи жалования городовым дворянам на Москве в 1629 г., корпорации располагались в такой последовательности: Владимир, Суздаль, Юрьев-Польской, Лух, Гороховец, Муром, Нижний Новгород, Арзамас, Мещера, Смоленск, Кострома, Галич, Вологда, Пошехонье, Углич, Бежецкий Верх, Кашира, Клин, Дорогобуж, Белая, Волок Ламский, Звенигород, Курмыш, Руза, Тверь, Торжок, Старица, Ржева, Зубцов¹³.

¹⁰ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в.: Сб. док. М., 2003. С. 140–155.

¹¹ БК 1627 г. С. 118–144.

¹² Ф. 210. Оп. 5. Смотренные списки. Д. 8. Л. 141–307.

¹³ Там же. Оп. Ст. 49. Л. 66 и далее. Интересно, что в списке представлена, причем на одном из первых мест, и Смоленская корпорация, существовавшая лишь на бумаге, ввиду того, что Россия потеряла после Смуты саму Смоленщину.

Более сложный и подробный список дан в преамбуле к документу упомянутого смотра украинских полков кн. Б. А. Репниным в 1651 г. в Яблонице, там насчитывается, помимо московских чинов, более 40 групп из служилых городов в шести полках, причем группы из одного города распределены по разным полкам. Среди полков установлена следующая иерархия: Тульский, Рязанский, Веневский, Крапивенский, Одоевский, Мценский. Внутри полков иерархия просматривается тоже: сначала идут городские дворяне, затем – белозерцы, выходцы из казаков времен Смуты, которые в значительной степени были «бумажной» корпорацией. Они фактически наделялись поместьями не в Белоозере, а в разных уездах: в частности, белозерцы, которых можно встретить в списке, – это оболенские, рязанские, перемышльские помещики; видимо, их не «впускали» корпорации тех уездов, где им давали поместья. Затем следуют казаки (донские, яицкие или испомещенные в уездах), новокрещены и прочие¹⁴.

Логика иерархической последовательности «кустов» служилых городов не слишком ясна. Возможно, тут имеет место хронологический принцип – время образования дворянских корпораций и их принятия на московскую службу с получением окладов, причем и как присоединенных удельных дворов, и как новых «городов», сформированных уже в составе Российского государства. Видимо, сыграл свою роль и принцип географический. Согласно указу о сборе запросных и пятинных денег 1632 г., комиссией, возглавлявшейся боярином кн. Д. М. Пожарским, московским дворянином М. Ф. Глебовым и архимандритом Симонова Московского монастыря Левкием было сформировано 14 комиссий, посылавшихся в следующие группы городов: 1) Москва, 2) Замосковье (Владимир, Суздаль и т.д.), 3) Заволжье (Арзамас, Алатырь и пр.), 4) Низовская земля (Нижний Новгород и т.д.), 5) Новгород Великий с пригородами, 6) Тверская

¹⁴ «159-го году июня в 21 де по государеву <...> указу на государеве службе в Яблонице боярин и воевода князь Борис Александрович Репнин да дьяк Дмитрий Карпов смотрели пеших по списком дворян московских и жильцов и дворян и детей боярских украинских городов – *Тульсково полку* – тулян, коширян, козлич, торушан, серпухович, белозерцов-оболенских помещиков, донских и яицких атаманов, и ясаулов и новокрещенов; *Рязансково полку* – резанцов выборных и дворовых и городовых Окологородново, Старорязансково, Пошинсково, Перевицково станов, коломеннич, мещерян, бардаковских новокрещенов, белозерцов-рязанских помещиков, Окологородново стану и Каменсково; *Веневсково полку* – резанцов Кобыльсково, Пехлевицково, Заосетринсково, Каменсково станов, *Крапивенсково полку* – ливинцов, соловьян, борович, новокрещенов разных городов Московсково уезду, колужских, серпуховских, коширских, коломенских, боровских, белозерцов-перемышльских помещиков, казаков-одоевских помещиков; *Мценсково полку* – белевцов, болхович, карачевцов, мещнян, орлян по списком. А хто имяны по спискам по смотру в естех и нетех...» См.: Ф. 210. Оп. 5. Кн. 8. Л. 141.

земля (Тверь, Торжок, Клин и т.д.), 7) Псков с пригородами, 8) Рязанская земля (Коломна, Рязань и т.д.), 9) Юг (Серпухов, Кашира, Епифань и т.д.), 10) Юг (Тула, Одоев, Мценск и т.д.), 11) Юго-Запад (Калуга, Алексин, Белев, Курск и т.д.), 12) Юго-Запад (Брянск, Карачев, Севск, Путивль и т.д.), 13) Запад (Вязьма, Можайск, Руза, Малоярославец и пр.), 14) регион бывших Верховских княжеств (Таруса, Воротыньск, Масальск, Козельск и пр.)¹⁵. В. О. Ключевский в своем курсе «История сословий в России» проанализировал, правда, по довольно позднему источнику (IV ревизии населения России 1782 г.), количество крепостного населения по центральным губерниям и уездам, и пришел к выводу (экстраполируя эти данные на предыдущий век), что густота его и процент от общей численности повышается по мере приближения к Москве, таким образом, вокруг нее сосредоточивалось больше служилых людей, которых эти крепостные обеспечивали и составляли отряды боевых слуг, даточных людей¹⁶. Причем регионы располагаются четырьмя цепями или поясами, «густота которых уменьшалась по мере удаления от центра», «три степени напряжения боевых сил для защиты государственного центра». Это следующие «боевые линии» губерний, по Ключевскому: 1) Московская, Владимирская (66–67% крепостных), 2) Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Нижегородская, Костромская, Ярославская, Псковская, Тверская (64–83%), 3) Орловская, Саратовская, Тамбовская, Пензенская, Симбирская, Новгородская, Вологодская (34–68%), 4) Курская, Воронежская, Казанская, Пермская, Уфимская (18–47%)¹⁷. Порядок служилых городов в этих концентрических кругах вокруг столичного региона также не случаен, он дается по мере уменьшения крепостного населения, а значит, и состоятельности дворянства и его боеспособности.

Сильно ли отличались оклады дворян разных территориальных корпораций? Примеры, приведенные выше, кажется, этого не подтверждают. Например, оклады первых по Боярскому списку 1606–1607 гг. корпораций не превышают 650 четей, в то же время у южан доходят до 800 (Рязань, Коломна, Кашира – 700, Калуга, Алексин – 800). Не соответствовать высоте «мест» продолжали размеры окладов служилых людей и в дальнейшем. Так, в 1627 г. оклады во Владимире, Суздале, Юрьеве-Польском, Нижнем Новгороде достигают 850 четей, в Арзамасе, Туле, Солове – 900, а в Кашире – и до 1000 четей¹⁸. Это было вызвано стремлением правительства компенсировать владельцам слабую населенность данных им поместий

¹⁵ ДР. Т. I. С. 299–301.

¹⁶ Ключевский В. О. Соч.: В 8 т. Т. VI. М., 1959. С. 407–409.

¹⁷ Там же. С. 409–410.

¹⁸ БК 1627 г.

и стимулировать приток туда рабочей силы¹⁹. К. В. Баранов, анализируя порядок записи служилых «городов» в Дворовой тетради, доказал, что, наложив этот порядок на карту Московской Руси XVI в., можно увидеть, что «перечисление городов идет по кругу с центром в Москве, начиная с Севера на Восток, и далее по часовой стрелке, или, что правильнее для XVI в., по ходу солнца»²⁰.

Тем не менее корпорациям, видимо, иерархия в списках была нужна, о чем свидетельствует несколько конфликтов. На первые подобные местничества обратил внимание А. А. Новосельский. В марте 1631 г. черниговцы жаловались в Москву, что в присланный из Разрядного приказа список их город занесли ниже Рыльска, тогда как Чернигов всегда писали выше²¹. Черниговцы писали, что «служили мы... лет з дватцать и больши с новгородцы в ряду, а по списку стояли под ними, новгородцы, а в нынешнем во 139-м году... в... розборной грамоте мы, холопи твои, прописаны, стоим по списку под рылены...»²². В Разряде проверили, и по выписке действительно оказалось, что ранее всегда писали: Новгород-Северский, Чернигов, Рыльск. Воеводе кн. О. И. Щербатову 25 апреля отправили грамоту с указанием, чтобы он исправил список и «дворян и детей боярских Новагородка-Северского, да черниговцов, рылян розобрал»²³. В 1643 г. возник конфликт брянчан с белевцами и болховичами²⁴. В смотренных и других списках украинских городов порядок предусматривал написание брянчан выше белевцев, болховичей, карачевцев и др. Соблюдался порядок до 146 (1637/38) г. В дальнейшем до 151 (1643/44) г. в росписи их заносили в иной последовательности – «белевцы, болховичи, карачевцы, стародубцы, карачевские помещики, да изо Брянска – брянчане, стародубцы, почепцы, рославцы, мецняня». Видимо, это произошло из-за того, что брянская дворянская корпорация долго записывалась «после всех городов себе статьею», что не наносило ущерба их чести, поскольку их список как бы обладал автономией внутри списка всего Севского полка, но позднее их почему-то стали записывать на том же месте, но уже без «особой статьи», что и вызвало их возмущение²⁵. Разрядный приказ внял требованиям брянчан и распорядился вернуть им утраченное место.

¹⁹ *Ключевский В. О.* Сочинения. С. 405: «В Московском уезде оклады были вообще меньше, чем в Рязском, потому что первый был гуще заселен служилым людом, чем последний».

²⁰ *Баранов К. В.* Проблемы изучения Дворовой тетради // Государев двор... С. 166.

²¹ *Новосельский А. А.* Город как военно-служилая и как сословная организация. С. 191.

²² Ф. 210. Оп. 10. Ст. 98. Л. 133. Челобитчики специально пояснили, что после Новгород-Северского их город написан потому, что они «выведены» были из него в Чернигов.

²³ Там же. Л. 137–138.

²⁴ Там же. С. 191.

²⁵ Ф. 210. Оп. 14. Севский стол. Ст. 126. Л. 77–102.

Однако тем самым он вызвал недовольство привыкших за шесть-семь лет к своей «находке» белевцев и болховичей. 2 июля того же года они били челом во Мценской съезжей избе кн. О. И. Щербатову. По их просьбе он отпустил двух их представителей в Москву, в приказ. В Разряде для них провели расследование (сыск) и выписали примеры из списков «с 143 по 150 годы», когда все соответствовало утверждению истцов²⁶. На этом основании во Мценск ушла грамота, восстанавливавшая первенство белевцев, болховичей и карачевцев, т.е., как указывали брянчане, «и по их де ложному челобитью послана во Мценск государева грамота, велено брянчан написать в списке ниже белевцев и болхович... не справясь с прежними разряды»²⁷. Как видим, брянчане испугались утери только что восстановленного «места» и в новой челобитной доказывали свое первенство среди украинских городов, зафиксированное уже во времена Ивана Грозного. Там они приводили еще девять разрядных случаев: «...при государе царе и великом князе Иване Васильевиче... в Немецком походе Брянск был чесняя Белева и Болхова и Карачева, а не только Мценска, был в государеве полку; при государе... Федоре Ивановиче... как брянчане были в Новасили со князь Андреем Дмитриевичем Хилковым, а при царе Борисе были в Чернигове, были со князем Михаилом Федоровичем Кашиным, а после князь Михайла были со князем Иваном Андреевичем Татевым. А болховичи и белевцы с ними ж были по списку, Брянск смотрили прежде Белева и Болхова. А при твоей державе во 129-м и во 130-м годех были на твоей государевой службе во Брянску с воеводою со князем с Олексеем Григорьевичем Долгоруким – Серпухов, Таруса, Лихвин, Белев, Карачев; Брянск написан наперед тех всех городов». В Разряде на этот раз проверили данные с 129 (1620/21) г. и снова подтвердили права брянчан. Кроме прочего, брянчане доказывали, что их корпорация вообще состоит из более родовитых людей. Они вспомнили, что «при царе Иване Васильевиче были в тех городах устроены самопальники, а во Брянску самопальников не бывало»²⁸. Этот намек надо понимать таким образом, что стрельцов, размещенных в гарнизонах при Иване IV, в дальнейшем поверстали с городами, сделали дворянами, брянская же корпорация ими «засорена» не была. А. А. Новосельский отмечал, что разрядные дьяки выписали, видимо для сравнения, по несколько фамилий из каждого города; в результате действительно брянские роды выглядят более представительно. В их списке первыми стоят кн. Мещерские, Слизневы, Колычовы, Безобразовы, в белевском – Зыбины,

²⁶ Ф. 210. Оп. 14. Севский стол. Ст. 126. Л. 92–102.

²⁷ Там же. Л. 80–81.

²⁸ Там же. Л. 79.

Левины, Воейковы, в болховском – Хитрово, Мокеевы, Логвиновы²⁹. Новосельский резюмировал, что «честь лучших городских фамилий была одним из мерил старшинства городов»³⁰. Позднее, в 1648 г., к подобным же доказательствам обратилась корпорация Ряжска³¹. Началось большое дело о неправомерной убавке им поместного и денежного окладов, тянувшееся до 1654 г.³² При верстании ряжанам уменьшили денежный оклад с 10 до 7 руб., а поместный – на 50 четей, часть их совсем не вписали в разборный список и, что было еще обиднее, «в ряд с новыми городами», «а в тех новых городах верстаны люди и крестьяне наши, и стрелецкие, и казаки, пушкарские и всяких неслужилых отцов дети», в то время как предки их, ряжан, сведены (переведены) туда из дворян и детей боярских из других городов. Они участвовали еще во взятии Казани, «как Смоленск ставили... камня возили», помогали строить Валуйки, Царев город и Воронеж, сражались в Ливонскую войну, участвовали в событиях Смуты начиная с боев под Новгородом-Северским, в «царя Василья осадном сиденье», «под Москвою з бояры и воеводы стояли», да и в дальнейшем не пропускали ни одной кампании, пострадали при взятии Ряжска А. Лисовским, были под Смоленском и в Можайске в «Королевичев приход»³³. Верстаны же они были «со старыми городами» по 300 четей при царе Федоре Ивановиче. Таким образом, они не только знатнее происхождением, но и всегда верно служили своим государям вплоть до последнего времени, никогда не изменяя, в отличие, например, от служилых людей Козлова, которые во время городского восстания летом 1648 г. взбунтовались³⁴. Находившиеся в Козлове ряжане «помня... крестное целование... к их воровскому дурну не приставали» и не дали им убить воеводу, Р. Ф. Боборыкина, «устояли в правде»³⁵. Описывая свои заслуги и утраты «от твоих государевых служб обедняли, стали пеши и одолжали великими долги», ряжане заявляли, что они «твоим царским денежным жалованием до конца оскорблены»³⁶ (выделено нами. – Ю. Э.), перед старыми городами, «не по вине своей и не за праслугу», и требовали восстановления прежних норм. В Разрядном приказе началось разбирательство, были выписаны их оклады по десятням

²⁹ Ф. 210. Оп. 14. Севский стол. Ст. 126. Л. 89.

³⁰ Новосельский А. А. Правящие группы. С. 334.

³¹ Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация. С. 191–192.

³² Ф. 210. Оп. 10. Ст. 30. Л. 200–298.

³³ Там же. Л. 261–263.

³⁴ Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30–40-е гг.). Воронеж, 1975. С. 128–131. Известно, что бежавший из города воевода, «стоя в степи», попросил о помощи ряжских дворян, а затем уехал в их город, они же поклялись его не выдать на расправу.

³⁵ Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация. С. 192.

³⁶ Ф. 210. Оп. 10. Ст. 30. Л. 263.

и разборам с 1578/79 по 1620-е гг.³⁷, заново сверены списки пропущенных и неповерстанных рязских служилых людей. В конечном итоге их требования удовлетворили – дело кончается перепиской с воеводой кн. П. И. Волконским об исправлении списков и документами о выделении и отправке рязшанам недостающих денежных сумм³⁸.

Другой случай произошел летом 1644 г. Служилым людям разных городов велено было быть в Рязанском разряде со стольником кн. С. Р. Пожарским. Прибыв в Переславль-Рязанский, дворяне коломничи обнаружили себя в списке не на своем месте (после рязанцев). «В списке, государь, мы, холопы твои, написаны после всех городов Рязани и Мещеры и бордаковских новокрещенов и белозерских казаков и у смотров нас кличут после всех, и тем мы... опозорены, а преж... сево... нас... по списку у смотров кликивали прежде резанцов и всех городов, которые города бывают на твоей государевой службе в Резанском полку». Они требовали, чтобы вернули порядок, «как нас... преж сево у смотров кликивали»³⁹. В ответной грамоте из Разряда С. Р. Пожарскому указывалось, что в данном ему списке порядок был нарушен – написано «резанцы, мещеряне, бордаковские новокрещены и белозерцы, коломничи», «и ныне велено по прежнему нашему указу, велено быть в списках резанцом, коломничам, мещерянам, темниковским мурзам и татарам, белозерцам-резанским помещикам бордаковским новокрещенонам»⁴⁰. Новосельский по поводу этой тяжбы заметил, что «честью города определялось место его службы в том или другом полку: по Рязани служили не самые “старшие” из замосковных служилых городов, если коломничи стояли среди них первыми»⁴¹. Видимо, даже то, что «у смотров нас кличут после всех», задевало коллективную честь «служилого города». Во время длительного и на шумевшего «дела знаменщиков» после того, как правительство приняло меры по наказанию «попрекающих» этой службой и поощрению принимающих назначение, несколько детей боярских владимирцев (И. И. Плещеев, Н. Г. Шишков, А. В. Апухтин, С. М. Владыкин) во главе с кн. С. А. Вяземским подали челобитную, в которой просили прибавить им поместный и денежный оклад, как уже было сделано для тулян и каширян, находившихся на такой же службе. Владимирцы утверждали, что они «сотенные списки и знамена принели наперед всех городов и своей братьи, которые были из иных

³⁷ Ф. 210. Оп. 10. Ст. 30. Л. 265–271.

³⁸ Там же. Л. 219–232, 233–247: в ноябре 1648 г. воеводе было указано, что рязшане ранее были поверстаны по 6 руб., а ныне их пожаловали по старине, «поверстали против иных городов», по 10 руб., а новиков по статьям от 300 до 250 четей и от 10 до 7 руб..

³⁹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1118. Л. 111.

⁴⁰ Там же. Л. 112.

⁴¹ Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация. С. 191.

городов в головах и в знаменщиках»⁴², при этом особо подчеркивая, что «а иных городов головы и знаменщики списки и знамена имали, смотря на нас». В приказе эти сведения проверили и подтвердили: «А как де они были на государеве службе в Ливнах, и они де по государеву указу знамя и сотенные списки взяли прежней всех украинских и замосковных городов» (владимирцы приняли назначение и начали службу с мая 1647 г., а туляне – с июня 1648 г.)⁴³. В Разряде, правда, не отметили ту пользу, которую их пример другим городам, ограничившись удовлетворением просьбы о придаче к окладу, аналогичной с каширянами и тулянами (по 50 четей и 3 руб.). Дело это доказывает, что некая традиция старшинства городов существовала и владимирцы действительно почитались первыми. Недаром именно после их согласия принять новые должности то же сочли для себя «честным» и другие города. В грамоте из Разряда, посланной на Ливны к кн. Г. С. Куракину, указывалось, что Владимир – «первый город» и положено всегда «выкликать владимирцев первыми»⁴⁴. Правда, отметим, что туляне и каширяне, успевшие выпросить прибавку к окладу раньше владимирцев, в своей челобитной не обмолвились ни словом о том, что на них повлиял авторитет последних⁴⁵, просто поведав, что «твое государево повеление исполняли», в отличие от своей «братьи», из которой многие бивали челом об отставке, «не хотя в том чину быть»⁴⁶. За это им и последовала награда, причем пометой на их челобитной думного дьяка И. Гавренева, отразившей, вполне возможно, мнение самого царя, подчеркивалось, что они «у государева дела в головах и знаменщиках были с радостью»⁴⁷. Тогда-то, вероятно, владимирцы и поспешили напомнить и о своих заслугах. В 1655 г. на неверный порядок в списке корпораций жаловались тарушане, их «кличут после всех городов», а правильный порядок – Тула, Кашира, Козельск, Таруса и затем другие украинные города⁴⁸. В 1670 г. возникло другое дело о нарушении очередности написания корпораций при составлении смотренных списков. В 1668 г. к первому и второму воеводам Белгородского полка назначили разрядного дьяка Степана Федорова. В марте 1670 г. он, видимо, поссорился с начальными людьми некоторых полков, куда входили уже не только дворянские сотни, но и полки нового строя. Возможно, в отместку

⁴² АМГ. Т. 2. С. 253.

⁴³ Там же. С. 254.

⁴⁴ Там же. С. 178; *Новосельский А. А.* Город как военно-служилая и как сословная организация. С. 191

⁴⁵ Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 7. Л. 175 об.; РИБ. Т. 10. С. 463. Их наградили по челобитью от 9 июля 1649 г.

⁴⁶ Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 7. Л. 175

⁴⁷ Там же. Л. 175об.

⁴⁸ *Новосельский А. А.* Город как военно-служилая и как сословная организация. С. 191–192.

Федоров намеренно неправильно составил смотренный список. «...Дьяк Степан Федоров подал на Москве в Розряд книги, а в тех книгах написал он Степан, Карповский полк выше Яблоновского и Усердского полков, без их, боярина нашего и воевод ведома, для своей бездельной корысти, а Яблоновский и Усердский полки Карповского полку старее, и в списках тот Карповский полк всегда был ниже Яблоновского и Усердского полков, и тем де он Степан их, боярина и воевод, обесчестил, и полковников тех полков меж себя ссорил...»⁴⁹. Перессорить полки, однако, дьяку не удалось, воеводы кн. Г. Г. Ромодановский и П. Д. Скуратов приняли их сторону. Тогда дьяк отказался выполнять свои обязанности и перестал ходить в Белгородскую разрядную избу. Ромодановский в ответ бил челом о бесчестье и оборони. Тогда же на приеме у царя начальные люди полков пожаловались на Федорова, обвинив его и во многих других злоупотреблениях. Они заявили, что дьяк «бесчестит де их за то, что они... всем полком били челом на него Степана в ево посулах и воровстве...»⁵⁰. Приказу велено было провести сыск и послать в Белгород к городовому воеводе Г. С. Юрьеву грамоту, «чтоб он у него Степана взял скаску за ево рукою, по какому ево великого государя указу в смотренных списках Белгородского полку 176 и 177 годов, каков он подал в Розряде, и в городской смете нынешняго 177 году написал Карповского полку солдацкого строю полковника и начальных людей и салдатов выше Яблоновского полку...»⁵¹. 17 июня 1670 г. на место Федорова был прислан дьяк Г. Богданов, а обвинения велено было расследовать, в том числе устроить очную ставку с истцами. В этом хронологически одном из последних известных нам дел подобного рода, как видим, вместе с дворянством борются за место в иерархии уже и недавно образованные военные формирования, полки нового строя.

8.2. Местничество между провинциальными служилыми людьми

Местничество между отдельными служилыми людьми в городских корпорациях, вероятно, не было редкостью, но сведений о нем сохранилось очень мало, поскольку разбирались эти конфликты, как правило, воеводами на местах, причем в сохранившихся весьма фрагментарно архивах приказных изб таких дел нет. Остались только немногие документы, которые в силу особых обстоятельств дела, потребовавших переноса его в высшую инстанцию, были перенесены в один из столов Разрядного или другого центрального приказа.

⁴⁹ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1210. Л. 298.

⁵⁰ Там же. Л. 278.

⁵¹ Там же. Л. 287–288.

В подобных конфликтах городские дворяне защищали свои интересы, подвергавшиеся опасности в основном в случае обвинения в недворянском происхождении или в недостаточно «честных» службах предков и родни. Трудно сказать, могли ли подобные факты в случае их подтверждения повредить их служебному положению, но опасения такого рода зафиксированы документально. Так, в 1639 г. дворяне и дети боярские угличане просили «из дворового списка выписать» сына боярского И. Ю. Шубинского, поскольку его предки были в денщиках, а его дядя – в нарядчиках, т.е. исполняли самые непочетные службы⁵². В Переславле-Рязанском произошел конфликт между коломенскими дворянами. В мае 1636 г. И. Ф. Кучюков, поссорившись с братьями Огалиными, обругал их «поповою природою». Огалины тут же «искали на нем бесчестья» перед воеводой. Истцы и ответчик были допрошены, Кучюков рассказал, откуда у него сведения о предке Огалиных – попе, а последние предъявили бесспорные доказательства своего происхождения по десятням. В результате Кучюков за бесчестье их был приговорен к штрафу, но не уплатил. Дело передали в Разрядный приказ, который добавил наказание батогами, но Кучюков упорствовал. Только в 1640 г. ответчик принужден был публично «выдаться головою» и «добить челом» своим врагам перед Успенским собором в Москве под угрозой непосильного для него штрафа в 200 руб.⁵³ Обвинение в поповском происхождении повторил в адрес Огалиных в 1647 г. на службе в Ельце С. В. Норов, также «коломнетин». Дело разбиралось в Московском судном приказе и после неоднократных челобитий Огалиных было перенесено в Разрядный приказ. Норов, правда, утверждал, что Огалины его тоже оскорбляли, называя Норовлевым; в ответ Огалины спросили, не родственники ли ему муромские дворяне Норовы; когда же от него получили утвердительный ответ, то показали, что его дядя Иев Норов, или Норовлев, был в Муроме нарядчиком и там за подделку документов («подписку») жестоко наказан – ему отсекали руку. Сведения эти в приказе велено было проверить⁵⁴. Приговор гласил – «...исцов коломнич Ивана Матвеева, Логина да Федора Павловых детей Огалиных... оправить, а ответчика Степана Норова в их бесчестье обинить»⁵⁵. С Норова велено было доправить штраф против оклада Огалина. 11 августа в Новгородской приказной избе столкнулись служилые люди новгородцы – стрелецкий голова

⁵² Ф. 210. Оп. 9. Ст. 143. Л. 2; MOM. С. 697; Новосельский А. А. Правящие группы... С. 421. Денщики выполняли обязанности курьеров в приказной избе или при воеводе, нарядчики подчинялись окладчикам, вели учет служилых людей в уезде для составления смотренных списков и десятен.

⁵³ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 284. Л. 22.

⁵⁴ Там же. Л. 31.

С. И. Кашкаров и судья (видимо, в Новгородской приказной палате) С. Ф. Муравьев. Встретились они на очной ставке по иному делу, относительно спорных земель. Однако в ходе допроса Кашкаров обозвал Муравьевых «холопами Олоповских». Обиженный Муравьев бил челом о бесчестье воеводе Г. И. Морозову. Дело это неоднократно упоминалось исследователями, изучавшими «Поганую книгу» Дмитрия Китаева, широкое бытование списков которой началось именно в этот период. Дело в том, что обвинение Кашкаровым Муравьевых в холопском происхождении зиждилось на сведениях, содержащихся в этой писцовой книге, которая хранилась в Новгороде; в ней имелись данные об испомещении Иваном III на конфискованных у новгородских бояр землях боярских боевых холопов-послужильцев. Кашкаров утверждал, что если в этой книге конца XV в. нет записей об указанных им холопах, то, значит, Муравьев, имевший по своей канцелярской службе⁵⁶ к ней доступ, подделал в ней листы вместе с подьячими И. Темиревым и А. Ивановым⁵⁷. Новгородская четверть (видимо, по докладу воеводы) велела прислать в Москву Муравьева, подьячего и саму книгу. В присылке Муравьева было отказано, так как для этого нужна была отдельная грамота. Владимирский судный приказ, в который перешла тяжба, получил из Новгородской чети ответ, что в книге, судя по тексту, «...лета 7008... великого князя волостка Настасьинская Ивановской жены Григорьева – за Русином, за Михаилом да за Ивашком за Муравьевыми детьми Олоповского...». Таким образом, прозвание это относилось к предку Муравьевых, а не к вымышленному их суверену, к тому же выяснилось, что «...порченных и драных листов... в том списке нет...»⁵⁸. Кашкаровых в этой книге также не было «написано»⁵⁹. В рукописной книжной традиции бытовали так называемые «судные списки» Кашкарова-Муравьева, зачастую в качестве предисловия к тексту самой «Поганой книги», которая приобрела популярность благодаря этому скандальному делу. Сам же «Судный список» является краткой и малодостоверной компиляцией, расходящейся с обнаруженными в последние годы К. В. Барановым и М. Е. Бычковой фрагментами подлинника. Так, документы не подтвердили эффектно-ироническую концовку дела, согласно которой якобы и истец и ответчик оказались холопского происхождения (ввел в историографию этот пасквиль, приняв

⁵⁵ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 284. Л. 74.

⁵⁶ «К государеву делу отпущен судьей из Новгородской чети». См.: РГАДА. Ф. 141. 1647 г. Д. 14. Л. 37.

⁵⁷ Там же. Л. 32.

⁵⁸ Ф. 141. 1648 г. Д. 145. Л. 1, 5.

⁵⁹ РГБ. ОР. Ф. 304. Оп. 2. Д. 18. Л. 110 об.

на веру, еще А. И. Маркевич, и повторяется эта ошибка доселе, попав даже в фундаментальную монографию Р. Хелли о холопстве)⁶⁰.

Конфликт внутри Можайской корпорации произошел в 1654 г. В списке, возможно верстальном, дворяне и дети боярские можайчи, «которые служат старо», были записаны ниже неверстанных молодых, что вызвало челобитную в Разряд; она была удовлетворена, список переделали, «и их велено написать в списке выше тех неверстанных»⁶¹. В 1667/68 г. астраханская служилая верхушка – дворяне и дети боярские Василий Лопатин, Андрей Бороздин, кн. Данило Петров сын Кропоткин и Дмитрий Свищов «с товарищи» били челом о том, что к ним в Астрахань были присланы пленные «за приставаы» иноземцы «литовского полону на вечное житье», Алексей Званский «с товарищи»⁶². Их велено было поверстать по единому списку с челобитчиками, чем последние были шокированы. Астраханская корпорация вряд ли могла похвастаться особой знатностью, хотя подписавшие протест, как видим, принадлежали к довольно известным родам. Дворянство Среднего и, вероятно, Нижнего Поволжья формировалось выходцами из центральных областей (например, казанская корпорация – из Нижнего Новгорода, Арзамаса, Замосковья)⁶³. Вероятно, это только усиливало стремление ее членов оградить свой круг от незнатных или вовсе сомнительных пришельцев. Астраханцы заявили, что, во-первых, «такие полоненные иноземцы в Казани и в других Верховых городах с дворяны и с дети боярские в списке не написаны и ни в чем с ними не сравнены». Во-вторых, А. Званский и его товарищи ранее уже находились на недворянской службе – стрельцами в крепости Терке (что, правда, плохо сочетается с тем, что их якобы привели в Астрахань «за приставаы»). В-третьих, шляхтичи, ранее поверстанные в Астрахани, свидетельствовали о том, что новоповерстанные – «гайдуцкие и мещанские дети». Просьба состояла в том, чтобы «разверстать с ними, чтоб с ними в городском списке не быть». Астраханцы не желали оказаться в «бесчестье перед своею братьею Верховых городов». Челобитная эта, видимо, была направлена в Приказ Казанского дворца через Астраханскую приказную палату. В приказе распорядились «выписать, в какой службе был наперед и в котором году с городом верстан и сказки у иноземцов же о шляхетстве

⁶⁰ МИМ. С. 168; Хелли Р. Холопство в России 1450–1725 / Пер. с англ. М., 1998. С. 683. (Первое изд. – Чикаго, 1982).

⁶¹ Ф. 210. Оп. 14. Ст. 157. Л. 262.

⁶² Акты исторические. Т. 4. № 206; MOM. С. 524.

⁶³ Линяков Е. В. Генеалогический состав казанского дворянства второй половины XVI – первой половины XVII в. // Реализм исторического мышления. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. 155–156.

его за руками взять и прямой ли он шляхтич». Судя по всему, Казанский приказ пошел навстречу корпорации, однако, поскольку его архив не сохранился, а местонахождение указанного документа, опубликованного в 1842 г. и происходившего из архива Астраханского губернского правления, ныне не установлено, исход дела неизвестен.

8.3. Местничество городских дворян с членами государева двора

Известны случаи конфликтов местнического характера между провинциальными и столичными служилыми людьми. Правда, в основном они имели внутривидовой характер. Обычно выдвинувшаяся часть семьи, достигшая членства в государевом дворе, опасалась репутации своих провинциальных однородцев, которыми ее соперники могли «утягивать». Стандартным являлось обвинение во время местнического дела, что родня соперника – «детушки боярские городовые». Обычно от этих высокопоставленных лиц поступала в Разряд челобитная, в которой они представляли свою городовую родню либо как однофамильцев, не имеющих к ним отношения, либо как очень отдаленных, «закосневших» родственников. Например, в 1642 г. семейство Хитрово во главе с известным Богданом Матвеевичем било челом на семейство Варфоломея Хитрово⁶⁴, болховских служилых людей: «Нашево ж родую нам, холопом твоим, далеки, и те, государь, болховичи ездят в посылки худые и бывают с воеводы с нашею братьею и хуже нас»⁶⁵. Просьба была удовлетворена. На челобитной – пометы дьяков Г. Ларионова и И. Гавренева о записи в Разряд по царскому указу⁶⁶. Впрочем, некий «Данило Вахромеев сын Хитрово», возможно сын предыдущего, спустя несколько лет был пожалован в стольники⁶⁷. В 1643 г. стряпчий с ключом И. М. Аничков бил челом «с братьей» о записи в Разряде «потерьки» их дальних родственников, сосланных на Уфу еще при Иване Грозном и там «в дальней уkraine закосневших». По словам стряпчего, они «служат по Уфе в великой бедности», ввиду чего подчиняются там воеводам, которые иногда «их братья, а иногда и хуже их отечеством», «и посылают их... для городовых всяких дел, и они... не ездить не смеют, потому что обнела их бедность великая». Просьба эта нашла поддержку, и в Разряде записали: «Уфимцов Оничковых потерку в места ставить

⁶⁴ Вероятно, Варфоломей Михайлович, выборный по Болхову в 1627 г. См.: БК 1627 г.

⁶⁵ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1118. Л. 445.

⁶⁶ Там же. Л. 445 об. – 447.

⁶⁷ БК 1639 г.

не велено»⁶⁸. Возникает вопрос: ограничивалась ли столичная родня подобными декларациями и оборонительными мерами или пыталась и реально мешать продвижению наверх конкретных лиц из своих однородцев? Известно, по крайней мере, что в родословные росписи «закосневшие» ветви часто не попадали. Мы уже упоминали случай с Д. В. Хитрово; Белозерские князья (Вадбольский, Ухтомский, Шелешпанский с братьей) били челом на кн. Н. И. Белосельского, хотя речь шла о его московской службе, в то время как значительная часть их родни служила по городам. По их утверждению, Белосельские служили по Новгороду и потеряли связь с однородцами⁶⁹: «Будет де в Розряде про то сыщется, что князь Никифор Белосельской с ними одново роду, и они де ево от себя не отчитают, а они де про то не помнят... потому что Белосельские велись в Новгороде»⁷⁰. Внутриродовые тяжбы, ставившие целью защититься от «закосневшей» ветви, могущей дискредитировать, особенно характерны для конца XVII в., когда после отмены местничества функционировала Палата родословных дел и дворяне боролись с «вклепывавшимися» в родство к ним «худородными» или просто однофамильцами. Борьба эта, в сущности, имела прежние местнические цели и велась в надежде на возрождение в иной форме прежних родовых привилегий, что не оправдалось.

8.4. Местничество городских дворян со вторым воеводой

Наиболее распространенным типом местничества, в котором участвовало городское дворянство, был конфликт группы служилых людей или одного городского дворянина со вторым воеводой (полковым, а иногда и городовым). Впервые обратил внимание на эти конфликты А. А. Новосельский⁷¹ (как и на саму возможность местничать в «служилом городе»); в дальнейшем внимание этому вопросу уделил В. Н. Козляков⁷².

В октябре 1617 г. Ю. В. Вердеревский прибыл с тулянами и соловьянами в Алексин, где заболел или, может быть, «сказался больным» (что заподозрили в приказе), чтобы не поступать в подчинение к стоявшему в Калуге воеводе кн. А. Ф. Гагарину⁷³. Однако группа детей боярских тулян не явилась к нему, а принесла в декабре 1617 г. в Тульскую разрядную избу воеводе Г. А. Плещееву коллективную челобитную «за своими руками»,

⁶⁸ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1118. Л. 437–439.

⁶⁹ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 30. Л. 5.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Новосельский А. А. Правящие группы... С. 320–326, 332–335.

⁷² Козляков В. Н. Служилый город... С. 126–127, 132–133.

⁷³ Ф. 210. Оп. 18. Д. 160. Л. 18.

при этом «лая и позоря» Вердеревского⁷⁴. Их челобитная до нас не дошла, но, судя по ответной грамоте из приказа на жалобу Вердеревского, последний привел ряд примеров того, как члены родов-истцов, в то время когда Вердеревский был вторым воеводой у кн. И. А. Хованского на Туле, «сидели» при нем как окладчики, служили сотенными головами «и в подъезды от них езживали и не бивали челом»⁷⁵. Особенно повредило истцам то, что, будучи окладчиками, они расписывались на служебных документах, отсылавшихся в Разрядный приказ, и, значит, подчинялись воеводам. Таким образом, их протест не был признан правомерным. Ю. В. Вердеревский происходил из Рязанского «города», но в это время уже служил по Московскому списку⁷⁶. А. А. Новосельский в качестве одного из наиболее ярких примеров местничества со вторым воеводой приводит дело выборных дворян с кн. Н. Я. Мещерским 1624 г. 23 мая, когда выборным дворянам, представителям знатных родов – Б. С. Колтовскому, А. Уварову, Я. Л. Хрущову велено было принять списки сотен в качестве сотенных голов, они явились в приказную избу к первому воеводе кн. И. А. Голицыну с «великим шумом», списки пред ним «пометали», заявив, что им «не мочно» принять сотни из-за его товарища, кн. Н. Я. Мещерского⁷⁷. Разрядный дьяк Михайло Данилов оперативно прислал ответ, в котором разъяснял, что, во-первых, выборным дворянам велено быть только с первым воеводой, во-вторых, для сотенных голов вообще мест нет (хотя следует заметить, что такой указ неизвестен); а также что со вторым воеводой положено быть только городовым дворянам и детям боярским – служилым людям более низких рангов. Однако к тому времени все три эти сотенные головы уже сбежали в Москву, где вскоре были отысканы, посажены в тюрьму заслушание и отправлены 30 мая обратно к Голицыну. Дело, развернувшееся чуть ранее, в 1622 г., нельзя полностью квалифицировать как местническое, но оно ярко иллюстрирует столкновение служилого города со вторым воеводой на поле «чести». Князь А. Г. Долгорукий был прислан в Брянск, «чтоб от твоих государевых людей ссоры и задоры с литовскими людьми не было»⁷⁸. Сразу же у него возник конфликт с брянчанами, привыкшими к вольготной жизни в пограничном уезде – за недалеким рубежом жила их родня, литовская шляхта, были давно налажены торгово-промышленные связи, естественно,

⁷⁴ Это были Семен, Иван и Андрей Ушаковы, Леонтий Извольский, Кузьма Вельяминов, Григорий, Савелий, Устин, Клементий, Василий и Яков Хрущовы, Савелий и Иван Даниловы, Филипп Чулков. См.: Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Козляков В. Н. Служилый город... С. 127, 128.

⁷⁷ Др. Т. I. С. 590–594; Новосельский А. А. Правящие группы... С. 333.

⁷⁸ Ф. 210. Оп. 13. Ст. 10. Л. 297.

в обход интересов государевой казны. На их незаконных «будных станах» в лесах из выжигаемой древесины производились поташ и смольчуг и контрабандно сбывались за границу; туда-сюда «бегали» их мужики и пр. По словам князя, он пытался искоренить непорядки и наткнулся на сплоченный протест дворянской корпорации. В сердцах Долгорукий воскликнул (что ему в дальнейшем припомнили): «Я де прислан на то, чтоб вас бить и мучать, и так Мирон Вельяминов Калугу разогнал, и ему за то дают окольность»⁷⁹. (Сведения о М. А. Вельяминове, правда, были далеки от истины – как бы он, по слухам, ни обращался с калужанами, окольничим стал только через 19 лет, 27 апреля 1641 г., буквально за три месяца до смерти.)⁸⁰ Во главе протестующих встали лидеры служилого города – «Василий Толбузин, Воин Бахтин, Дмитрий Тургенев, Семен и Софрон Тютчевы, Воин и Патрикей Исуповы, Владимир Небольсин, Андрей Зиновьев, Лазарь Безобразов со своим племянем»⁸¹. Они воспользовались своим правом посылать представителей в Москву, куда Долгорукий и вынужден был отпустить Толбузина и Бахтина с жалобой на него самого. И только когда они уже уехали, воевода придумал, как ему представить их послушниками государевой воли, наподобие местников. Задним числом он отдал приказ о направлении их во главе сотен на заставы и тут же пожаловался в Москву на их неповиновение. Князь заявил, что они отказались выполнить приказ и даже бросили в съезжей избе наказную память и сотенные списки. А. А. Новосельский рассматривал это дело как пример бессилия воеводы, не имевшего реальной дисциплинарной власти над любым городовым дворянином⁸². При этом другие брянчане (Иван Безобразов с племянниками) якобы явились и изъявили готовность ехать на заставу⁸³: «Да не едут за Васильем за Толбузиным, потому что он при нем при князе Алексее с товарищи на заставы был, а Василей не был... и они де учили посылать иных голов, брянчан же Дмитрея Тургенева, Софрона Тютчева, Ондreja Зиновьева, и те де головы им отказали, а били челом, государь, на Василья Толбузина, что они перед Васильем ездили, а Василей не ездил, а они ево Василья не хуже»⁸⁴. В Москве на эти обвинения Толбузин и Бахтин отвечали, что

⁷⁹ Ф. 210. Оп. 13. Ст. 10. Л. 291.

⁸⁰ *Poe M., Kosheleva O., Martin R., Morosov B.* The Russian elite in the XVII century. The consular and ceremonial rancs of the russian sovereigns court 1613–1713. (По М., Мартин Р., Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Российская элита в XVII в.) Helsinki, 2004. Т. I. С. 351.

⁸¹ Ф. 210. Оп. 13. Ст. 10. Л. 298.

⁸² *Новосельский А. А.* Город как военно-служилая и как сословная организация. С. 193–194. Автор считал, что конфликт начался с самого этого назначения, но это неточность.

⁸³ Там же. Л. 308–309.

⁸⁴ Там же.

ничего не знали о назначении и уже поэтому не могли кидаться в съезжей избе наказными памятьми; в посылки они регулярно ездили, ни в чем не слушиваясь воевод. Что же касается последнего распоряжения, то они действительно слышали, что вроде бы Долгорукий к ним присылал кого-то «неведомо для чего», но это было, когда они уже садились на коней для поездки в столицу, и ничего более не знают. Тут же брянчане обвинили князя в оскорблении их словом «изменники» и попросили назначить по этому поводу сыск⁸⁵. В Разряде боярская комиссия их несколько пожурила, заметив, что они, «люди лучшие» в Брянске, «поступают негораздо», не слушая воевод, и назначили производить следствие по всем жалобам кн. Н. И. Егупова-Черкасского. Дело тянулось долго (доныне сохранилось более 100 листов) и, видимо, ничем не закончилось. А. А. Новосельский отметил его как «курьезный повод проявления дворянской щепетильности»⁸⁶, с чем вряд ли можно согласиться ввиду серьезности выдвинутых с обеих сторон обвинений. Местнический конфликт внутри корпорации воеводе вызвать как будто не удалось, коллективные интересы оказались сильнее. Новосельский в своей более поздней работе предположил, что они дело выиграли⁸⁷. В то же время брянчане вряд ли могли считаться особо благонадежными подданными, а Долгорукий мог рассчитывать на связи в Москве. Сам князь, правда, не имел думного чина, но его сын, боярин кн. Ю. А. Чертенок-Долгорукий, один из ярчайших политических деятелей века, достиг вершин иерархии. Жертвой конфликта со служилыми городами стал и сын Прокопия Ляпунова, Владимир. В Описи Разрядного приказа 1649–1652 гг. значится «челобитье и записка соловлян, одоевцов и нижегородцов на Володимера Ляпунова да на Микиту Оладьина 137-го году»⁸⁸. Согласно разрядам, в марте 1629 г. В. П. Ляпунов находился в качестве второго воеводы при М. П. Щепине-Волынском на Кропивне в сторожевом полку. «И Володимера отставили, по челобитью дворян и детей боярских тамошних городов, били челом на него недружбою»⁸⁹. Тогда же в прибывшей полк назначены были К. Д. Леонтьев и Н. В. Оладьин; «...и Никиту отставили, велено быть на Никитино место Богдану Ходыреву»⁹⁰. Если в первом случае поводом для отставки указана «недружба», то причина смены Оладьина вообще не названа. Однако, если учесть, что дело их хранилось в архиве именно

⁸⁵ Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация. Л. 303–304.

⁸⁶ Новосельский А. А. Правящие группы. С. 333...

⁸⁷ Новосельский А. А. Город как военно-служилая и как сословная организация. С. 194.

⁸⁸ ОАРП. С. 78.

⁸⁹ ДР. Т. II. С. 47.

⁹⁰ Там же. С. 47 (прим.).

среди местнических документов, а оба они были вторыми воеводами, можно предположить, что они потерпели поражение в традиционном конфликте с городскими корпорациями.

В октябре 1627 г. во время сбора войска на Дедилове первый воевода кн. И. Татев был оттуда отпущен, и командование принял второй воевода С. Л. Хрущов, «на осень до больших снегов». Смотр проходил 8 октября, после чего Татев часть дворян отпустил, велел тулянам и епифанцам оставаться с Хрущовым. Тульские служилые люди из рода Сухотиных возмутились. Иван и Михайло Ивановы дети и Осип Уваров сын Сухотины начали Хрущова публично «лаять», «всякими лаями», «хотели меня... уморать грязью... и лаяв, со службы з Дедилова съехали»⁹¹. Видимо, был назначен сыск, сохранилась сказка – показания еще в тот момент не уехавшего кн. Татева, который дипломатично сообщил, что ссоры с Хрущовым не слышал, а Сухотины, по его мнению, говорили, что они «и иного воеводу и грязью уморают» и после того «розъехались по домам»⁹². Вообще сбор был тяжелый, в деле сохранились документы о сыске нетчиков, отказах, избииении дворянами посланных за ними рассыльчиков. Примеру Сухотиных последовали, видимо, и другие местные дворяне, и 6 декабря С. Л. Хрущов панически писал в Москву – «я... на твоей государевой службе на Дедилове живу один»⁹³. Степан Лукьянович Хрущов был заметной фигурой. Московский дворянин, он 12 февраля 1628 г. сменил на посту постельничего царского свойственника, К. И. Михалкова⁹⁴. Позднее он, правда, вернулся в более низкий чин московского дворянина, однако с сохранением прежнего высокого оклада в ранге окольного (1000 четей и 120 руб.)⁹⁵. Его временное назначение было, видимо, одним из этапов проводившейся Филаретом политической кампании по очищению двора от «салтыковской» группировки. Сухотины имели некоторое основание считать Хрущова ровней себе. В то время по выбору в Туле служили представители обоих родов. Так, местничавшие О. У. и М. И. Сухотины имели тогда оклады соответственно в 450 и 350 четей, в то время как родственники С. Л. Хрущова – Савва и Устин Афанасьевы дети – соответственно 800 и 600 четей; притом весь список выборных дворян Тулы открывал однопородец Сухотиных – Федор Истомин сын с окладом в 900 четей⁹⁶. Таким образом, мнение В. А. Александрова, первого публикатора открытого в 1960-е гг. произведения XVII в.

⁹¹ Ф. 210. Оп. 10. Ст. 33. Л. 59.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. Л. 193.

⁹⁴ БК 1627 г. С. 22–23

⁹⁵ БК 1639 г. С. 97.

⁹⁶ БК 1627 г. С. 128–130.

«Памфлет на род Сухотиных», о том, что нет сведений о местничествах между Сухотинными и Хрущовыми⁹⁷, можно скорректировать. Однако автор или заказчик памфлета, видимо, определен Александровым верно. Александров обратил внимание на то, что в Тульском уезде эти два рода часто соперничали: на тульском воеводстве в 1626–1628 гг. был Ф. И. Сухотин, в 1633–1634 гг. – Г. П. Хрущов (троюродный племянник С. Л. Хрущова), в 1644–1652 гг. – вышеупомянутый О. У. Хрущов, достигший более чем через 20 лет должности своего местника⁹⁸. Памфлет, красочно описывавший злодеяния членов рода Сухотиных преимущественно в Смуту, датируется 1668–1669 гг.⁹⁹, что свидетельствовало о продолжавшемся соперничестве этих родов в регионе.

В сентябре – октябре 1631 г. окольный кн. Г. К. Волконский и дьяк И. Костюрин проводили в Туле разбор служилых людей каширян. Окладчиками при них были выбраны несколько членов рода кн. Мещерских¹⁰⁰. Они били челом, что «нам со князь Григорьем в окладе сидеть невозможно, для отечества», и уехали, не взяв жалованья. Мещерские не были наказаны, и когда на следующий год, спохватившись, били челом о выплате жалованья, запись о том, что они написаны в первой статье «по окладчикове скаске»¹⁰¹, в Разряде была сыскана, т.е. их назначение не отменили, но «государь пожаловал, велел их писать как у розбору написаны, да и о их отечестве велел доложить себя государя». Г. К. Волконскому же, как и другим членам его рода, в очередной раз пришлось пережить унижение, ведь в ходе частых местнических столкновений постоянно всплывала легенда об их незаконном происхождении, которую распространяли не только высородные Рюриковичи, но и выходцы из городской среды, например Ляпуновы. Так, чуть позднее, в декабре 1631 г., из-за Г. К. Волконского отказались принять назначение в окладчики заступившие место Мещерских каширяне Лихаревы: «И били челом государю в Розряде каширяне Лихаревы, что им в окладчиках с ним сидеть и менши ево быть невместно. И против их челобитья указу им не было»¹⁰². В августе 1634 г. при назначении воевод в армию боярина М. Б. Шеина во Ржеве-Володимерове велено было быть с дворянским ополчением окольному кн. С. В. Прозоровскому и И. Г. Кондыреву. Против последнего выступили городовые дворяне: «На Ивана били челом дворяне из городов, что быть

⁹⁷ Александров В. А. Памфлет на род Сухотиных // ИСССР. 1971. № 5. С. 117.

⁹⁸ Там же. С. 118.

⁹⁹ Датируется временем воеводства В. Ф. Извольского в Туле и кн. В. Г. Ромодановского в Астрахани. См.: ИСССР. 1971. № 5. С. 118.

¹⁰⁰ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 76. Л. 434–436.

¹⁰¹ Там же. Л. 435 об.

¹⁰² ДР. Т. 2. С. 179.

с ним не вместино»¹⁰³. Вероятно, дело замяли, поскольку далее помещена запись: «Окольной князь Семен Васильевич Прозоровской под Белую пошел един, а Иван Кондырев за болезнию взят к Москве»¹⁰⁴, что свидетельствует о победе «городов». Известный в историографии конфликт кн. В. Г. Большого-Ромодановского с Л. Г. Суминым-Курдюковым 1634–1635 гг. также имел «городовой» аспект. Л. Г. Сумин, второй судья на пограничных переговорах, жаловался, что принявшие сторону первого судьи Ромодановского псковские, пусторжевские и опочечкии дворяне во главе с И. Козодавлевым, С. Елагиным, И. Нащокиным, М. Неклюдовым, Д. Терпигоревым, И. и Ф. Бухвостовыми, И. Чихачевым, В. Сумороковым «промеж себя приговаривают» донести, что он, Сумин, якобы их собирается посылать «к Литовским судьям для съезду», «тем их хочет в отечестве мять», «и за то де ево Лариона те дворяня лаивали и позорили и бить хотели»¹⁰⁵. Все обвиненные вместе с кн. Ромодановским это отрицали, однако не лишено вероятия, что если и не конфликт, то по крайней мере открытое недовольство вторым воеводой членами довольно видных родов – лидерами своих корпораций имело место. В июне 1635 г. первый воевода Рязанского разряда Ф. С. Колтовский раздавал на Михайлове сотенные списки головам отрядов рязанцев и касимовских мурз и татар. Один из назначенных в головы, рязанский сын боярский Л. С. Фомин, списка не взял и бежал к себе в деревню¹⁰⁶. Колтовский приказал доставить его силой, приведенный в приказную избу Фомин оказался пьян «и сотни у меня не взял, и список из избы скинул... и я за то ево непослушанье велел посадить в тюрьму до твоево указу» – писал в Разряд Колтовский¹⁰⁷. Дядя Фомина, Иван Федорович, пожаловался в Москву, утверждая, что воевода посадил Леонтия в тюрьму «для своей бездельной корысти»¹⁰⁸. 21 июля из приказа последовал ответ. Сначала, видимо, решили написать прямо Колтовскому. Но потом объективность взяла верх и грамота ушла на имя второго воеводы, А. Т. Чюбарова. Фомина велено было из тюрьмы выпустить и вручить ему сотенный список; Колтовскому объявить, что его действия были самоуправством, а Фомину – что если у него с воеводой «какое дело, и он бы на Федора нам бил челом»¹⁰⁹. Итак, даже явное оскорбление воеводы представителем городской служилой верхушки не сочли в Разрядном приказе заслуживающим наказания. Аналогичный

¹⁰³ ДР. Т. 2. С. 286.

¹⁰⁴ Там же. С. 301 (прим. 3).

¹⁰⁵ Чтения ОИДР. 1848. № 7. Ч. 6. С. 86–87.

¹⁰⁶ Новосельский А. А. Правящие группы... С. 333.

¹⁰⁷ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 107. Л. 368–369.

¹⁰⁸ Там же. Л. 360.

¹⁰⁹ Там же. Л. 370.

случай произошел в июле – августе 1642 г. Первый воевода кн. П. Г. Ромодановский расписывал дворян и детей боярских по сотням и головам на Кропивне. Пошехонец кн. В. Ф. Шелешпанский не принял сотню из-за того, что это подчиняло его второму воеводе, Ф. Б. Глебову. Ромодановский пытался защитить Глебова и посадил Шелешпанского в «разбойную тюрьму», в Москву же написал, что последний оскорбил и его, не взяв списки в его присутствии: «А которые дворяня ево князь Василья чеснее, и те от меня, холопа твоего, сотни принели»¹¹⁰. Приказ встал на сторону Шелешпанского, и 9 июня Ромодановскому была направлена грамота с выговором за самоуправство: «И будет так, как нам князь Василей Шелешпанской бил челом, а ты ево в тюрьму посадил, что у тебя сотни не взял, и тебе было и для себя самому не управливати, и в тюрьму не сажати, отписать к нам, и наш бы указ прислан о том был, и тебе какая дать оборонь?!»¹¹¹. Ему указывали, что он не имел права сажать в тюрьму – «сам себе оборонь учинил». И вообще разъяснялось, что всем «городом» пошехонцы подчинены первому воеводе вместе с его товарищем, вторым воеводой, а ни в коем случае не одному второму воеводе. В головы следовало выбирать из дворян и детей боярских «людей добрых и конных», но местную знать не трогать («А Шелешпанские князи нарочитые, люди родословные»), как «отеческих детей, которые люди честные, для товарища и выбирать было не для чево, чтоб в том дворяном оскорбления не было»¹¹². Таким образом утверждались права как целого «города», так и его верхушки, представителей которой сверху вообще советовали не раздражать «выбором» (т.е. назначением) их в сотенные головы¹¹³. В июле 1642 г. на службу в Одоев были расписаны дворовые и городовые дети боярские малоярославцы, и среди них представители таких достаточно видных родов, как кн. И. Ю. Шихматов, Челищевы, Бобрищевы-Пушкины, Поливановы. Первым воеводой там был кн. В. П. Львов, а вторым – И. И. Загряжский. Малоярославцы били челом о записи их с первым воеводой, так как «с его товарищем» им быть невместно. Они в данном случае отстаивали принцип подчинения первому воеводе, помогающий им оберегать свой более высокий частный статус. Их просьба также была удовлетворена, и кн. Львову приказ послал соответствующую память¹¹⁴. В 1645/46 г. «в полевых городех» дети

¹¹⁰ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 176. Л. 270.

¹¹¹ Там же. Оп. 11. Ст. 147. Л. 48.

¹¹² Там же. Л. 49.

¹¹³ В дальнейшем приказу еще раз пришлось вступаться за того же князя, поскольку разозленный выговором Ромодановский, выпустив Шелешпанского из тюрьмы, все же пытался заставить его принять то же назначение; в конце концов Шелешпанского перевели в Тулу, под начало кн. А. Н. Трубецкого.

¹¹⁴ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 176. Л. 204, 205; *Новосельский А. А.* Правящие группы... С. 333.

боярские рязанцы – Лихаревы и другие роды отказались подчиниться второму воеводе И. З. Ляпунову (племяннику Прокопия Петровича), при первом воеводе В. Б. Шереметеве, и, по свидетельству В. Н. Лихарева, рязанцы были пожалованы, им велено было быть с одним Шереметевым, а с Ляпуновым указали быть детям боярским «меньших статей»¹¹⁵. В августе 1646 г. служилые люди Оскола добились еще большего успеха. Д. И. Репей-Плещеев был назначен осадным воеводой в Оскол, однако между ним и прибывшим туда первым полковым воеводой В. Б. Шереметевым произошел какой-то конфликт, который первый расценил как «недружбу», а второй – как местничество, и пожаловался в Разряд. Ратные люди, с которыми Плещеев должен был идти в сход ко кн. Н. И. Одоевскому, воспользовались конфликтом воевод. Назначенный знаменщиком осколянин К. Васютин сбежал от назначения, причем его поддержали земляки, осколяне сотенные головы П. Злобин, Г. Стрельников, И. Левкин, А. Кутин. Притом первый воевода Шереметев не только «осколяном... ни в чем слушать меня не велел» – жаловался Плещеев, но и советовал Васютину (в присутствии нового своего второго воеводы И. Ляпунова) «ехать к Москве»¹¹⁶. Разряд откликнулся весьма резко – грамотой от 16 октября 1646 г. Плещеева велено было на три дня посадить в тюрьму, причем его провели на глазах всего города под конвоем стрельцов с дубинами – «ослопами», всячески при этом позорили и вместо обычной тюрьмы, помещавшейся, как правило, в башне острога или в отделении приказной палаты, «взяв за руки и за ноги, в то окно в земляную тюрьму к тотарам кинули»¹¹⁷, и продержали на день больше, никого из его сторонников не подпуская к окну. В деле этом нельзя отрицать и влияния личного фактора. Д. И. Плещеев, похоже, не зря носил прозвище Репей – он испортил отношения не только с В. Б. Шереметевым и осколянами, но и с находившимися там головами московских стрельцов. Разрядный приказ поддержал осколян, Плещеев был отставлен и заменен Г. Б. Нащокиным¹¹⁸. В ноябре – декабре 1646 г. конфликтовали болховичи со вторым воеводой Л. Ф. Наумовым¹¹⁹. 2 декабря Л. Ф. Наумов получил приказ от первого воеводы Белгородского полка кн. Н. И. Одоевского о высылке к нему очередной «трети» служилых людей. 4 декабря он в съезжей избе огласил грамоту и назначил головой И. Д. Апухтина, который хотя и не бил челом, отказываясь, но «отговаривался молодостью». Об этом Наумов отписал

¹¹⁵ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 299. Л. 40–41.

¹¹⁶ Там же. Оп. 12. Ст. 217. Л. 237–239.; ДР. Т. II. С. 42–44.

¹¹⁷ Там же. Л. 243–244.

¹¹⁸ Там же. Л. 237–244; MOM. С. 494.

¹¹⁹ Новосельский А. А. Правящие группы... С. 333.

Одоевскому, но решения не переменял. Тогда Апухтин «утек» к себе на двор. Его два раза пытались вернуть, тогда он заявил посланному подьячему, что ему с Наумовым «быть не мочно»¹²⁰. Наумов трижды посылал на него челобитные, жалуясь, что Апухтин «сын боярской мелкой, быть ему от меня мочна, а только бы, государь, ему Ивану от меня зачем быть не мочна, и он бы бил челом тебе государю на меня... в съезжей избе, а не у себя на дворе отказывал»¹²¹. События эти разворачивались на фоне общего неподчинения болховской корпорации воеводе. В ноябре, когда по грамоте из Разряда Наумов должен был выслать к кн. Н. И. Одоевскому «другую осеннюю треть» болховских дворян, болховские пушкари, приехав в Белгород, сообщили, что дворяне «не поехали», к 17 ноября, правда, частично они съехалась, но заявили, что они принадлежат не к той трети, которой пришла очередь, и будут ждать, когда придут от Одоевского их списки¹²². Пренебрежение по отношению к Наумову проявилось и в том, что Апухтин, видимо, не был наказан, и в том, что на отписке Наумова разрядный дьяк пометил: «Расспросить его, когда он будет в Москве»¹²³. Сведений об удовлетворении жалобы Наумова – а он бил челом о бесчестье и оборони – не имеется, как и о расследовании поведения Апухтина, очевидно, дело замяли с явным преимуществом последнего. Спустя 12 лет, в 1658/59 г., группа дворян из четырех корпораций также отказалась подчиниться второму воеводе. Во время войны с Речью Посполитой в полку стольника кн. Ф. Ф. Куракина находились туляне, каширяне, рязанцы и коломеничи. Их сотенные головы считали себя подчиненными непосредственно Куракину, который, как они писали, «...посылает нас в походы... за татары и изменники черкасы»¹²⁴. Однако первый воевода большого полка кн. Г. Г. Ромодановский послал вместе с ними от себя отряд во главе со своим вторым воеводой П. Д. Скуратовым, который таким образом оказывался старшим в полевых условиях и автоматически должен был возглавить командование объединенным полком. Грамоту-протест подписали представители таких родов, как Лихаревы, Крюковы, Наумовы, Каверины, Хотливыцовы, Кропотовы, Скорняковы-Писаревы, Мясные, Кондыревы и др. «А Петр (Скуратов. – Ю. Э.) многих нас... в отечестве и в чести моложе», – писали они в челобитной. Ввиду того что Приговором 1654 г., разбиравшимся выше, местничество в армии на время военных действий было запрещено, они просили только «наше челобитье записать».

¹²⁰ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 217. Л. 371.

¹²¹ Там же. Л. 576–577.

¹²² Там же. Л. 287–289.

¹²³ Там же. Л. 279 об.

¹²⁴ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 299. Л. 321а.

Грамота эта сохранилась в подлиннике, с 15 подписями – рукоприкладствами самих голов или за них и за их роды, причем, что интересно, доставлена в приказ она явно была неофициально: отсутствуют на ней обязательные элементы оформления – адрес на обороте и пометы дяков Разряда с решением дела. Возможно, что под челобитной долго собирали подписи. Никакого делопроизводства по ней также нет, видимо, дело не получило развития, а может быть, претензии были удовлетворены. Весной 1659 г. мещеряне, уже во главе с Иовом Протасьевым, били челом на козловского воеводу В. Н. Лихарева. В числе челобитчиков были носители таких известных фамилий, как Свищовы, Вышеславцовы, Москотиньевы, кн. Болховские. Когда Лихарев был направлен вторым воеводой в Тамбов, они нашли поддержку у первого воеводы И. А. Полева, с которым у Лихарева ранее было местничество (сам Полев отрицал связь между этими конфликтами). 5 апреля Полев вручил Лихареву наказ, согласно которому мещеряне подчинялись только первому воеводе, т.е. ему. Лихарев послал челобитную в Разряд, в которой перечислял случаи на всех – и на Полева, и на мещерян. Приказ, видимо, счел аргументы его убедительными, поскольку выслал новые списки служилых людей, согласно которым мещерянам велено было подчиняться обоим воеводам¹²⁵. Мещеряне дважды на смотрах – 14 мая и 4 июля – громко, «с шумом» протестовали у приказной избы, «лаели» Лихарева и, ободренные тем, что он в свое время проиграл дело с Полевым, даже начали ему угрожать. Некоторые сбежали со службы. Неизвестно, каков был результат дела, приговор не сохранился, но и сведений о наказании истцов тоже нет. Сам Лихарев утверждал, что «мещеряне бывали с моею братьею... а били челом они на Дениса Тургенева, и ваша государская милость была к Денису, на них оборонь»¹²⁶. Подтверждение «впред из городов лутчим людем» быть с первым воеводой дано было и в 1663 г. в связи с делом, возникшим между Г. К. Шишковым и кн. С. И. Львовым. Шишков был послан для сыска о мародерстве отряда И. Суморокова в Опочке, но отказался от поручения из-за формулировки полученного наказа, в котором начальник Суморокова боярин кн. Б. А. Репнин был написан «с товарищи». Г. К. Шишков, таким образом, оказывался в подчинении и второму воеводе, кн. С. П. Львову, чего не мог допустить и бил на последнего челом. В челобитье он писал, что «исстари мы, холопи твои, от прародителей своих за многие лета людишка родословные, а с ним, князь Семеном, и с родители ево я... и родители наши

¹²⁵ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 229. Л. 1.

¹²⁶ Там же. Л. 98, 1–4. Неясно, когда это происходило – Д. П. Тургенев был воеводой в Тамбове в 1643–1644 гг., в июне 1656 г. он был назначен вторым воеводой при кн. П. А. Долгоруком в разряде похода под Ригу. См.: ОАРП. С. 461; ДДР. С. 54.

не бывали»¹²⁷. Шишков ссылаясь на свое невершенное дело с кн. Ю. И. Шаховским, пытаясь на этом основании представить себя и свой род безусловно «разрядными людьми». В ответ кн. Львов жаловался, что Шишков его и его родителей в присутствии начальных людей Новгородского полка «лаял и бесчестил, и называл... людишками худыми и непородными, хуже себя»¹²⁸. Шишкова было велено наказать за непослушание и за то, что в формулировке наказа к Репнину «с товарищи» мест нет, но претензии его были удовлетворены.

Не вполне ясен случай, когда против второго воеводы заместничали не городовые, а столичные корпорации. В начале сентября 1637 г. стоявший на Туле первый воевода кн. И. Н. Хованский бил челом об отпуске по болезни. 9 сентября в Тулу прибыл его второй воевода И. Я. Вельяминов, которому велено было передать списки. На следующий день они вместе проводили смотр Большого полка, состоявшего из московских чинов – стряпчих, московских дворян, жильцов – и городовых дворян – тулян, каширян, козлич, тарушан, серпуховичей. На смотре чины трех указанных статей государева двора били челом кн. Хованскому, что не хотят подчиняться Вельяминову, и передали ему челобитную, которую он со своей отпиской отправил в Москву. Но 11 сентября из Разряда пришел наказ – отдать списки Вельяминову. Когда Хованский объявил об этом у Тульской приказной избы, разгорелся скандал, Вельяминову угрожали убийством, кричали, что он воеводство «купил», избили его слуг. 18 сентября Вельяминов объявил смотр, на который явилось только два жильца, причем за это были избиты своими товарищами. Жилец Д. И. Кутузов прямо предупредил кн. Хованского, что Вельяминова собираются «убить миром». Князь в таких условиях побоялся уехать, поскольку уже начинались осенние татарские набеги на пограничные крепости по засечной черте (16 сентября уже осаждали Яблонов), а стряпчие и другие чины к смотру не пошли¹²⁹. 22 сентября Вельяминов опять писал в Москву, что на новый назначенный им смотр 18 сентября не пришли уже не только московские чины, но и «дворяне ж и дети боярские каширяне, козличи, торушане, серпуховичи», а явились только три жильца и туляне¹³⁰. Члены государева двора в своей челобитной жаловались, что подчинены не только Хованскому, но и Вельяминову, а «преже... сево не токма что твой Государев двор, и из городов дворяня, выбор и дворовые, с меньшими воеводами не бывали, а были везде з большими бояры и воеводы, а с меньшими, государь, воеводы бывали по твоему государеву указу из городов дворяне

¹²⁷ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 349. Л. 482–483.

¹²⁸ Там же. Л. 481.

¹²⁹ Ф. 210. Оп. 13. Ст. 351. Л. 98–99.

¹³⁰ Там же. Л. 101–102.

и дети боярские с меньших статей»¹³¹. Отказались они в большинстве и от должностей есаулов и сотников, принудив вернуть назначения и тех, кто согласился. В результате Вельяминов не смог собрать отряд, достаточный для «похода» – выдвижения вперед на Поле в связи с вестями о набеге¹³². К бойкоту Вельяминова присоединились и воеводы, стоявшие со своими отрядами служилых людей на Дедилове и Кропивне. Когда Вельяминов 20 сентября предписал идти в сход к Туле, то сделал это от имени первого воеводы, кн. И. Н. Хованского. Однако ни кн. И. И. Лобанов-Ростовский с Дедилова, ни кн. А. И. Солнцев-Засекин с Крапивны на соединение к нему не пошли и не выполнили наказ о сборе по уезду тулян, каширян, козличей, торушан, серпуховичей и оболенцев «первой половины». Видимо, воеводы и корпорации действовали совместно. Второго воеводу не удостоили даже отписки, а на словах, через посланного, князя Лобанов-Ростовский и Солнцев-Засекин велели передать, что «князь Иван де Хованской поехал де к Москве, им с ним сходитца далеко»¹³³ – образец весьма тонкой ироничной издевки. Уже 26 сентября в Тулу прислан был новый первый воевода, кн. Ф. А. Телятевский, чем дело и завершилось¹³⁴. Таким образом, низшие чины государева двора объединялись в случае нужды с верхушкой «служилого города» для защиты своих прав. К их альянсу могли примкнуть и полковые воеводы, заинтересованные в хороших отношениях с дворянскими корпорациями, находившимися под их началом.

Местничество городских корпораций можно рассматривать как один из существенных элементов взаимодействия и внутри социальной группы, и социальной группы с государством. Костяк воинских сил и хозяйства страны – провинциальное дворянство, находясь на своей, жестко определенной для нее иерархической ступени, хорошо осознавало свои права на «честь» и не позволяло нарушать их государственной бюрократии. Показательно, что «служилые города» обычно выигрывали, обороняя свою честь и традиции, а государство предпочитало идти с ними на компромисс. Подобных конфликтов становится меньше ко второй половине века, когда дворянское ополчение постепенно утрачивает свое значение в вооруженных силах страны.

¹³¹ Ф. 210. Оп. 13. Ст. 351. Л. 140.

¹³² Там же. Л. 107.

¹³³ Там же. Л. 103–104.

¹³⁴ Не считая сопутствовавшего сыска о драках и оскорблениях.

МЕСТНИЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Социальная природа местничества неоднократно являлась объектом исследования. Разнообразие суждений не могло поколебать общей «платформы» – признания местничества, с одной стороны, чисто российским явлением, не имевшим близких иноземных аналогов; с другой – сходства ряда его особенностей с присущими раннему западноевропейскому феодализму иерархическими элементами, хотя и в весьма специфической форме. Для уяснения природы этого института мы используем метод сравнения его с социальными формами, которые характеризуются как феодальные, и употребляем терминологию, выработанную в процессе изучения феодализма в странах раннесредневековой Европы и социальных отношений в ней же более позднего времени. В российском местничестве можно увидеть отдельные черты характерных для ряда западноевропейских стран типов феодальных взаимоотношений господства – подчинения (сюзерен – вассал), составными частями которого являются принципы взаимных обязательств сторон и службы за условное (ограниченное временем службы лица или семьи) пожалование земельным владением и рабочей силой. На наш взгляд, при всем отличии российской социальной организации от «классического» феодализма терминология и разработанные при его изучении методики позволяют лучше понять этот институт, связав его особенности как специфически российской формы служебно-вассального регламентирования подчиненности, с более универсальными чертами феодального общества.

«Социальная структура феодального общества в Западной Европе, – отмечает А. Я. Гуревич, – характеризовалась двумя взаимно противоречивыми, но функционально между собой связанными признаками организации: отношениями господства и подчинения и отношениями корпоративными»¹.

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 202.

Первый признак, «господство и подчинение» – в сущности, и понимается как основа феодальных отношений, базирующихся, как известно, на архаических представлениях о дарении и долге. Держатель лена обязан был службой сюзерену. М. В. Попович отмечает, что если в домонгольской Руси понятия о феодальной взаимоподчиненности были подвижны и неустойчивы (пример тому – бесконечно нарушавшиеся «крестоцелования»), то позднее Московское княжество пошло путем стабилизации и ужесточения вассальных отношений с точным учетом статуса «отчества» и служебной «чести»². «Индивидуальность» этих вассальных отношений несколько затуманена «поголовностью» военной службы русских землевладельцев, столетия существовавшей в условиях постоянной военной угрозы; но «служебные» черты местничества несомненны. Местнические конфликты возникали почти исключительно при вступлении сторон в служебные отношения. Обычно дело начиналось при разрядном назначении («сказывании службы»), реже – при поверстании в оклад, при получении приказа во время боевых действий, пожаловании чином или наградой, при возникновении какого-либо служебного казуса, ставящего в «невместные» отношения отдельных представителей административного аппарата (приказных судей, городских воевод, дьяков, членов посольств). Чрезвычайно редки ситуации с началом местнического дела в иных обстоятельствах. Даже публично поругавшиеся, взаимно оскорбившие предков и родню (а порой и подравшиеся), служилые люди редко били друг на друга челом «в отеческом бесчестье». Дела с подобной формулировкой разбирались как местнические, но им придавалось совсем иное значение: в описях дел Разрядного приказа XVII в. (опись дьяка Д. М. Башмакова 1668 г.) местнические дела имели самостоятельные реестры³, а дела об «отеческом бесчестье» включались в реестры «Судных и сыскных и приводных всяких вершенных и невершенных дел»⁴. Разбирались они чаще не в главном – Московском, а в Приказном или территориальных столах Разрядного приказа. Многочисленные примеры таких случаев приведены И. Е. Забелиным: в ссорах с оскорблением предков участвуют представители знатных родов – Голицыны, Долгорукие, Измайловы, Мещерские, Мышецкие, Салтыковы, однако дела квалифицируются властями как стандартное оскорбление, драка и т.д., а разбирательство и судопроизводство идут обычным юридическим порядком, видимо, в связи с тем, что обстоятельства ссоры были «внеслужебными»⁵. Другой

² Попович М. В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985. С. 148.

³ ОАРП. С. 33–37, 72–79, 152–154.

⁴ Там же. С. 486–596.

⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей. М., 1990. С. 263, 266–294.

признак феодальной структуры общества – «корпоративность» – также ограничен для местничества. Традиционный формуляр местнической челобитной включает обращенное к государю выражение: «Чтоб я, холоп твой, и родители мои от иных родов в упреке не были»⁶. Употребляется и выражение «перед своей братьей в позоре не быть». «Иные роды», «своя братья», сообщество, от которого данный род может получить «упрек», – корпоративное объединение. Оно могло быть родовым (например, княжата общего корня – Белозерские, Оболенские), служебным – в рамках определенных иерархических ступеней (например, окольные, жильцы, дьяки, гости), служебно-территориальным (городовая дворянская корпорация). Родовая корпорация могла отвергнуть нарушившего ее волю члена, например, «по дружбе» или из политических соображений не захотевшего вступить за свое собственное «место» и тем самым «утягивавшего» всю корпорацию. Хорошо известен инцидент 1598 г., когда кн. Ф. А. Ноготков просил записать челобитие от имени всех Оболенских на своего однородца кн. А. А. Репнина, который в угоду Ф. Н. Романову принял низшее, чем у кн. И. В. Сицкого, назначение, «теша Федора Никитича Романова, что князь Иван с Федором меж себя братья и друзи, а князь Александр им свой же», «Чтоб порухи и укору не было <..> тем Олександровым Репниным воровским нечелобитьем». Суд решил записать, что А. А. Репнин с И. В. Сицким «был» в походе (т.е. был ему подчинен) «по дружбе» и «виноват князь Ивану один, а роду ево, всем Оболенским, в том порухи нет»⁷. «Поруха», таким образом, касалась только родовой ветви согласившегося на нее А. А. Репнина. Служебная корпорация могла организованно потребовать изменения своего места в иерархии корпораций, о чем свидетельствуют местнические дела между дьяками и гостями⁸. В 1646–1648 гг. в связи с учреждением нового полкового чина – знаменщика (которых Разряд планировал назначать из числа выборных дворян – верхушки «служилого города») прокатилась волна протестов городских корпораций, выраженных в местнической форме. Корпорации сочли такие назначения унижительными для себя, указав, что «в окрестных государствах» в ротах знаменщик – третий после ротмистра и поручика, и потребовали назначения их «из средних

⁶ Ф. 210. Оп. 17. Ст. 18. Л. 4 (кн. Б. В. Касаткин-Ростовский – кн. В. И. Туренин, 1617 г.). Князь Я. П. и Г. Я. Волконские в 1668 г. пишут: «И от товарищей наших (т.е. лиц их ранга.– Ю. Э.), с которыми бывали Баятинские, в безчестье и попреке не быть». См.: Там же. Оп. 12. Ст. 637. Л. 5.

⁷ РК 1559–1605. С. 316–317; РК 1550–1636. Т. 2. Вып. 1. С. 162; *Ключевский В. О.* Соч.: В 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 144–145.

⁸ ПСЗ. Т. 1. № 247. С. 483–485; МОМ. С. 226, 227; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия. С. 84–85.

статей)⁹. Городовая корпорация могла вступить в конфликт с государством-сюзереном в связи с попытками властей вмешаться в ее внутренние дела. Так, «местническим» путем корпорация боролась с внедрением «сверху» в ее среду нежелательных лиц, обвиняя их в «худородности», с попытками несправедливо поверстать окладами отдельных своих представителей, осуществить нажим при выборе окладчиков¹⁰. Имеются факты местничества между «служилыми городами». Выше указывалось, например, как в 1644 г. коломничи успешно били челом о неправильной записи их ниже других корпораций¹¹. Позднее подобные столкновения могли происходить уже среди более «молодых» территориальных групп служилого сословия: в 1670 г. интригами дьяка С. Федорова чуть не началось местничество Яблоновского и Усердского полков с Козловским в составе Белгородского разряда¹².

Типичный конфликт – столкновение корпорации с одним из воевод. В примерно двух десятках известных нам случаев подобного рода чаще всего участвовали, с одной стороны, второй воевода, с другой – территориальная корпорация, «служилый город»¹³, правда, бывали выступления «города» и против третьего воеводы, против городского воеводы или должностного лица, присланного с другими целями (например, на пограничные переговоры). Конфликтовали в местнической форме с должностным лицом и корпорации различных московских чинов¹⁴. В сентябре 1637 г. при осеннем сборе войск в Туле служилые люди трех чинов (стряпчие, московские дворяне, жильцы) били челом на второго воеводу И. Я. Вельяминова, отказавшись ему подчиниться: «А преж сево не токмо что твой, государев, двор, из городов дворяня, выбор и дворовые, с меньшими воеводами не бывали, а были везде с большими бояры <...>. Вели, государь, нам быть

⁹ Новосельский А. А. Правящие группы. С. 330–331. Выше отмечалось, что в конце конфликта владимирская корпорация во главе с кн. С. Вяземским потребовала награждения за, в сущности, простое выполнение царского указа, ввиду того, что якобы их авторитет способствовал его принятию другими корпорациями. См.: АМГ. Т. 2. СПб., 1894. С. 253–255.

¹⁰ ВМОИДР. Кн. 11. М., 1851. Смесь. С. 24; МИМ. С. 524; MOM. С. 697; Новосельский А. А. Правящие группы... С. 321.

¹¹ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1118. Л. 111–112.

¹² Там же. Оп. 12. Ст. 1210. Л. 277–300. См. также: *Высоцкий Д. А.* Общественно-политические взгляды поместного дворянства и внутреннее развитие Русского государства XVIII в.: Дисс. канд. ист. наук. Л., 1989. С. 78–81.

¹³ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 176. Л. 204–205; Ст. 299. Л. 1–4, 40–41, 98, 321а; Ст. 1118. Л. 111–112; Оп. 12. Ст. 1210. Л. 277–300; Оп. 13. Ст. 561. Л. 329–331; Оп. 14. Ст. 157. Л. 262; Оп. 18. Ст. 160. Л. 18; АИ. Т. IV. СПб., 1842. С. 206; АМГ. Т. 2. С. 58–59; Т. 3. С. 253–255; ВМОИДР. Кн. 11. Смесь. С. 24; ДР. Т. II. С. 179, 286; *Лихачев Н. П.* Библиотека и архив ... С. 68; Тамбовская ученая архивная комиссия. Журнал общего собрания. Тамбов, 1886. С. 22, 26–29; Чтения ОИДР. 1848. № 7. С. 86–87.

¹⁴ Например: Дело жильцы – С. Д. Змеев, 1659/60 г. См.: АМГ. Т. 3. С. 58–59.

<...> по прежнему твоему, государеву, указу, чтоб мы впредь при своей братье позорны не были»¹⁵. Конечно, рядовой член «служилого города» обычно не мог местничать с воеводой (хотя представители верхушки «города» могли быть близки ему по «чести», быть ему «в версту»). Городовые дворяне «попроще» вообще «лично» почти не местничали. Все вместе, корпорацией в целом, они претендовали на гораздо более полноправные (по типу договорных) вассальные отношения с государством – т.е. властью, персонифицированной в государе, чем каждый городской дворянин в отдельности. Очевидно, уровень «чести» всей корпорации, этого своеобразного коллективного вассала, значительно превосходил уровень «чести» рядового ее члена¹⁶. Для последнего могло быть лестным даже родство со столичным дьяком (о чем свидетельствует вмешательство членов рода звенигородцев и суздальцев Козловых в местничество дьяков А. И. Козлова и В. В. Брехова¹⁷), однако, объединившись «всем городом», он желал подчиняться как минимум думному чину, претендовал на воеводу «максимального» по знатности уровня.

В «классическом» западноевропейском варианте существовало определенное равновесие между «вертикальными» связями господства и подчинения (сеньор – вассал) и «горизонтальными» – внутри корпорации, т.е. своему сеньору вассал был подчинен индивидуально, а статус получал от группы, социально-правового разряда, и с этим вынужден был считаться его господин¹⁸. Элемент «горизонтальности» в России, видимо, превалировал. Для русского типа вассалитета была характерна большая степень коллективности: не только «статус», но и отношения господства – подчинения шли в значительной степени через корпоративную группу, «свою братью». Ю. Н. Мельников, как уже отмечалось, также определяет местнические отношения как «горизонтальные» в сравнении с «вертикальностью» вассалитета. Л. В. Милов отмечает, что сложные и разветвленные вассально-корпоративные отношения в западноевропейском феодализме возникли благодаря аллодиальному разложению общины и частнособственническим традициям позднеантичных структур¹⁹. Там развивалось понятие свободы,

¹⁵ Ф. 210. Оп. 13. Ст. 351. Л. 140.

¹⁶ Ср. также положение «имперских городов» в Священной Римской империи – города были коллективными вассалами императора, но горожане в своей массе не пользовались привилегированным статусом. См.: Колесницкий Н. Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977. С. 153.

¹⁷ «Прародители <...> наши служили <...> по Суздаю и по Рузе <...> и по московскому списку и из житья и в городе по выбору <...> а сродник наш, по роду брат, а иным дядя, Артемей Иванов сын Козлов служит во дьяцех». См.: Ф. 210. Оп. 17. Л. 97.

¹⁸ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 202.

¹⁹ Милов Л. В. Общее и особенное российского феодализма // История СССР. 1989. № 2.

которое Г. П. Федотов условно именовал «свободой тела», – рост феодального иммунитета, противоборство светской и духовной властей воспитали вольного сеньора, который на оскорбление со стороны короля имел право ответить объявлением войны.

Западноевропейский монарх, даже превратив на исходе Средневековья вольных сеньоров в подданных, не воссоздал холопов. Наоборот, нивелирование прошло на уровне как бы «высшей», а не «низшей» отметки: иммунитет, привилегии стали охватывать все более широкие группы высшего сословия. Сам король был «первым из дворян». Он мог распорядиться жизнью и смертью дворянина, но не смел его ударить²⁰. Традиция физической неприкосновенности представителя «благородного сословия» защищала члена корпорации, обрекала нарушителя (даже монарха) на конфликт со всей корпорацией. «Обращаясь к самому феодальному миру, – указывает Г. П. Федотов, – мы наблюдаем в нем зарождение иной свободы... той, которую мы условились называть “свободой тела”. В феодальном государстве бароны не подданные или не только подданные, но и вассалы... личность каждого из них защищена от произвола. Его нельзя оскорблять. За обиду он платит кровью, он имеет право войны против короля... То, что было раньше привилегией сотен семейств, в течение столетий распространилось на тысячи и миллионы, пока не стало неотъемлемым правом каждого гражданина»²¹.

Произвол российского монарха в отношении личности подданного почти не ограничивался традицией или законом. Телесное наказание было нормой военной, административной и придворной службы в XVI–XVII вв.²² Однако с суверенностью служебно-родового старшинства русский

²⁰ Один из фаворитов Людовика XIV – граф де Лозен – выпросил пост генерал-фельдцейхмейстера, но не получил его, поскольку военный министр Лувуа убедил короля, что они «не сработаются». Тогда Лозен учинил скандал – сломал и бросил на пол шпагу, заявив, что не будет служить монарху, не выполняющему обещания. В ответ Людовик XIV сдержался: он лишь переломил трость и выкинул ее в окно, заметив, что не ударит столь знатного дворянина. Правда, позднее за свое неслыханное хамство Лозен отсидел несколько дней в Бастилии. См.: *Сен-Симон*. Мемуары. Кн. 2. М., 1991. С. 404. Польский магнат имел право высечь служившего у него шляхтича, но такая экзекуция обставлялась особым ритуалом – его секи на лавке, покрытой ковром, и не дворяне, а «хлопы» – крестьяне, и обращались к нему при этом на «вы» и «пан». См.: *Дмитриев М. В.* Польская шляхта в XVI–XVIII вв. // *Европейское дворянство XVI–XVIII вв. Границы сословия*. М., 1997. С. 212.

²¹ *Федотов Г. П.* Рождение свободы // *Новый мир*. 1989. № 4. С. 222.

²² В Записных книгах Московского стола Разрядного приказа фиксируется много случаев телесных наказаний дворян за служебные провинности, например, за «нети». Только в ДР упоминается около 30 прецедентов телесного наказания «родословных людей» за местничество: Т. 1. С. 110, 111, 137–140, 173–174, 202–204, 286–287, 324, 330, 435–436, 504–505, 660–661, 794–795; Т. 2. С. 649–650, 682–683, 749–750; Т. 3. С. 50, 64, 112, 119, 124, 154, 155, 158, 178, 303, 344, 482; ДДР. С. 106, 112, 123, 223–224. Обычно это были батоги, реж – кнут или битье по щекам. Иногда приговоренного только приводили к месту экзекуции и

государь был вынужден считаться так же, как французский король с иммунитетом «благородной» личности. Парадоксальность, свойственная обеим системам, заключалась в том, что личность монарха и здесь и там все более приобретала характер «источника чести», поскольку само «благородство» (дворянство) жаловалось; однако монарх жаловал то, над чем в дальнейшем становился как бы не вполне властен. Российская феодально-государственная система имела, видимо, черты, характерные для того типа господства, который М. Вебер определял как «патриархальный». В ней «подчинение (государю, вождю) рассматривается как дело чести, но содержание распоряжений (т.е. прав и обязанностей сторон. – Ю. Э.) определяется традицией, и расходящиеся с последней правовые новшества принципиально невозможны. Неизбежное обновление происходит по конкретным поводам (например, «находки» и «потерьки» в местничестве. – Ю. Э.) и освящается отысканием «случаев», как бы реставрацией забытой «старины». Но тогда, когда эти старые формы совсем «не работают», «воля господина перестает быть чем-либо ограниченной, кроме его собственных представлений о справедливости»²³. «И в том твоя, государева, воля, – писал в 1640 г. кн. Ф. С. Куракин, – что ты, государь, на меня, холопа своего, положил свою государеву опалу и велел меня выдать своему государеву изменнику без суда и без сыску. *Хоти ты, государь, нивисть кому велишь выдать или смертью казнить без вины, и в том твоя государева воля* (выделено нами. – Ю. Э.), а наказу и списков мне взять немочно за князь Алексеем Трубецким»²⁴. В понимании русского служилого человека XVII в. государь имеет полное право сломить отдельную личность, заставить служить «ни-висть с кем» или даже «казнить смертью», но его права по отношению ко всей корпорации все же не так непреложны; он не может заставить признать свои «волевые решения» справедливыми: «не мочно» – таков ответ не столько лица, сколько корпорации.

Итак, в западноевропейских условиях корпорация защищала, «прикрывала» сначала личность, а затем род; в России же – наоборот: сначала род и его место в иерархии в корпорации, а уже затем – личность как составную часть рода и корпорации. Поэтому отношение «вассал – сюзерен» здесь будет точнее выразить формулой «род вассала – род сюзерена»: преемственность службы предков местника предкам государя – постоянный сю-

казывали. См.: Ф. 210. Оп. 12. Ст. 63. Л. 50. Сословных ограничений на применение телесных наказаний не существовало. См.: *Рогов В. А.* Уголовные наказания и репрессии в России сер. XVI – сер. XVII в. М., 1992. С. 71, 77. Ю. Крижанич предлагал отменить телесные и позорящие наказания для всех «благородных людей», оставив для них только тюремное заключение и ссылку. См.: *Крижанич Ю.* Политика. М., 1997. С. 348.

²³ Вебер М. Три типа господства // Двадцать два. 1990. № 72. С. 187–188.

²⁴ Ф. 210. Оп. 9. Ст. 157. Стп. 1. Л. 52–53.

жет челобитных, демонстрирующий глубину патриархальности их связей. С. Б. Веселовский считал, что «для правильного понимания указанной идеи родовой чести следует помнить, что весь аппарат княжеской власти основывался на личных отношениях князя к своим слугам, что идеи Отечества, долга перед Родиной, идеи гражданства были неизвестны. Зарождение этих идей стало заметно только в XVI в.»²⁵. История России не знала смены династий; возвышение Московского дома Рюриковичей шло постепенно, но неуклонно, вместе с «подминанием» других княжеских династий, и в глазах масс приобрело харизматический смысл. Возможно, именно социально-психологический шок, вызванный осознанием пресечения «государского корня» в конце XVI в., наряду с общим экономическим кризисом выступил катализатором Смуты, способствуя легковерию общества, готового стать под знамена любого самозванца. К концу XVII в. патриархальная связь государства и служилого рода расшатывается. «Государственная уступка личностному началу и одновременно принижение начала родового» – так оценивает А. М. Панченко отмену местничества, подметив, что именно к его кануну, 1680 г., отнесены события «Повести» о победоносном парвеню Фроле Скобееве. В общественном сознании тогда «уходила в прошлое единообразная личность, которая раз за разом воплощалась в бесконечной лестнице поколений»²⁶.

При феодализме отношения господства и подчинения, о которых говорил выше, по мысли А. И. Неусыхина, растут и развиваются в двух направлениях: с одной стороны, складывается аппарат центральной власти в лице монарха и его окружения, с другой – политическая власть возникает в недрах самой вотчины²⁷.

В России второй процесс отставал по сравнению с первым. Домонгольская Русь практически «не знала... замков и воинственных баронов за их стенами... бояре не защищали свои села в случае вражеского нападения, а съезжались в княжеский град; с западноевропейскими баронами сопоставимы скорее удельные князья, чем бояре»²⁸. Поэтому в ряде стран За-

²⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1964. С. 474–475.

²⁶ *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 152–154.

²⁷ *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 229.

²⁸ *Кобрин В. Б.* Иван Грозный: Избранная рада или опричнина? // История Отечества: Люди, идеи, решения. М., 1991. С. 142. Археологические исследования последних десятилетий выявили существование в домонгольской Руси определенного числа хорошо укрепленных центров феодальных вотчин, в какой-то мере напоминающих замки раннефеодальной Западной Европы. Однако в силу каких-то причин (возможно, из-за ордынского нашествия) замок не развился в административную, юридическую и хозяйственную единицу, с дальнейшей тенденцией к иммунитету. Русская история не знает войн между князем и боярином, осады боярского замка князем (или княжеского – боярином). См. также библиографию: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 102 (прим. 65).

падной Европы вассальные отношения не были только отношениями подданного к монарху, но еще и отношениями одной договаривающейся стороны к другой, причем обе стороны были связаны определенными правилами и обязанностями²⁹. Последние, правда, теряли значимость за счет усиления монаршей власти при переходе к раннему Новому времени, с созданием централизованных национальных и территориальных абсолютистских государств «на развалинах средневековой сословной вольности», в которых теряли авторитет средневековые парламенты, постоянная армия вытесняла феодальные «помощь и совет»³⁰. В России последний процесс превалировал, а первый был развит изначально слабее. Здесь шло постоянное усиление центральной власти и наступление на иммунитетные права. «Новый тип феодальной иерархии, – подчеркивает Л. В. Милов, – создавался на основе всемерного развития служилого землевладения, опорой которого служила поместная система»; чем шире и прочнее была последняя, «повсюду распolzавшаяся», тем прочнее и эффективнее становилась политическая консолидация. Ссылаясь на Л. В. Черепнина, Л. В. Милов отмечает, что механизм государственной власти приобретал ко второй половине XVII в. все более явные тенденции к абсолютизму с отчетливыми чертами восточной деспотии³¹. Б. Ф. Поршнев писал, что в ряде стран Востока феодализм пошел не по пути дробления ленов, а по пути укрепления собственности государя на всю землю. В таком случае феодальное государство выступает как единый гигант-помещик³². В социуме с подобными чертами личность не могла быть защищена от произвола так, как во внешне более аморфном обществе западного типа, где существовал «не один, а тысяча государей». В России XV–XVII вв. отмирание одних иммунитетных прав и чрезвычайно медленное формирование других усиливали зависимость держателей земли, нивелировали их перед верховной властью, препятствовали развитию иерархии внутри социального слоя. Один общий сюзерен-государь, единый тип служебного вознаграждения, поместный и денежный оклад, при неравномерности его количественного распределения и разной степени участия в службе, создавали благоприятную почву для взаимных «счетов» во время постоянных с ней связанных столкновений. Определенную зависимость между местом в боярском списке, возможным при данном окладе, и местническим столкновением

²⁹ Кареев Н. И. Поместье-государство и сословная монархия Средних веков. СПб., 1906. С. 118.

³⁰ Федотов Г. П. Рождение свободы. С. 223.

³¹ Милов Л. В. Общее и особенное российского феодализма. С. 49–50. См. также: Черепнин Л. В. Земские соборы. С. 105.

³² Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 38.

установил для конца XVI в. Ю. Н. Мельников³³. Нами была установлена определенная зависимость между местническим поражением или победой и скоростью повышения чина и оклада. Назначение дворовых окладов при получении чина в XVII в. зависело от размеров прежнего жалованья, величины окладов лиц, служивших в том же чине, характера службы, и «смотря по родству» – замечают М. П. Лукичев и Н. М. Рогожин в предисловии к изданию Боярской книги 1627 г.³⁴ Последнее выражение означало, что оклады сыновей не должны были превышать отцовские – «меньшую братью выше большие братья не поверстать»³⁵. Поэтому в Боярских книгах отыскивались сведения об окладах ближайших родственников челобитчика, просившего о поверстании; авторы приводят в пример дело об установлении окладов представителям родов Зиновьевых и Дивовых в 1683 г., когда сначала выяснили их прежние оклады по Боярской книге 1667 г., а затем – оклады их родителей по книгам 1647 и 1639 гг.³⁶ Порядок этот соблюдался и при поверстании в оклады провинциального дворянства, когда целые его группы корпоративно протестовали в случае их помещения в списки ниже других «городов», что иногда напрямую вело к понижению окладов, как произошло в 1648 г. с членами служилой корпорации Рязска (о чем говорилось выше), заявившими, что они «твоим царским жалованьем до конца оскорблены перед розными перед старыми городы»³⁷. Борьба шла за более высокое место в служебной иерархии, а значит, и за более высокий оклад, выделенный из государевых земельных или денежных фондов. Последние являлись как бы «общими» для всего сословия. Вспомним, что в Византии господствующий класс осуществлял феодальную монополию на земельную ренту не через частное право, а через государственную собственность. Сравнительное изучение феодально-служебных форм русского, византийского и восточных (прежде всего турецкого как наследника византийского) средневековых обществ – давно назревшая задача, что в свое время было подчеркнуто С. О. Шмидтом, и решать ее надо при помощи византинистов и востоковедов³⁸. Так, в Византии довольно поздно – примерно с конца IX в. – укоренилось даже само понятие «знатности рода»³⁹, в России же термин «боярин» (за исключением правящей знати Новгорода и Пскова) означал княжеского вассала, слугу

³³ Мельников Ю. Н. Местничество и политическая борьба. С. 82–95.

³⁴ БК 1627 г. С. 13.

³⁵ Там же; Ф. 210. Оп. 9. Ст. 503. Л. 41–42, 160.

³⁶ БК 1627 г. С. 13.

³⁷ Ф. 210. Оп. 10. Ст. 30. Л. 263.

³⁸ Шмидт С. О. Становление. С. 272–273.

³⁹ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII веков. М., 1974. С. 228; Он же. Византийская культура. М., 1968. С. 58–59.

высокого ранга⁴⁰. Вотчинное землевладение бояр в домонгольский период развивалось довольно медленно, считает А. А. Горский, государственно-корпоративная форма эксплуатации лично свободного населения по-прежнему сохранялась, а доля участия в доходах зависела от деятельности в системе государственного управления; поэтому члены старшей дружины ценили близость к князю больше, чем свои села⁴¹. Следует учитывать и «кадровый» момент, значительно повлиявший на пути развития сословия. Ордынское нашествие уничтожило более половины личного состава старых княжеских дружин. В родословцах встречается весьма мало нетитулованных родов, произошедших от бояр и дружинников – членов княжеских дворов домонгольского периода. Как отмечают В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганов, носители вассально-рыцарской, дружинной психологии были истреблены физически. Новые дружины – зародыш новой генерации господствующего класса – формировались из непривилегированных слоев населения. Так произошел переход от вассалитета к подданству-министериалитету, не позволивший феодалам сохранить свои права и гарантии от монаршего произвола⁴². В выделяемых А. А. Горским трех типах дружинников между первым типом («чистый дружинник», т.е. обеспеченный с помощью государственно-корпоративной формы эксплуатации) и третьим (вассал-вотчинник, т.е. феодальный держатель земельного владения) имеется тип вотчинника-вассала (извлекающего часть доходов из участия в структуре управления, возглавляемой князем)⁴³. Этот тип и оказался наиболее приемлемым для формирующейся государственности после освобождения от ордынского ига. «Корни местничества как феодально-иерархического института можно искать еще в период формирования и утверждения отношений вассалитета», – справедливо полагает С. О. Шмидт⁴⁴. Однако вопрос о хронологических рамках этого периода пока остается открытым. С. Б. Веселовский считал, что местническая форма вассальных отношений сформировалась уже в XV в. в Московском великом княжестве, и именно она помогла ему выстоять в период феодальной войны середины XV в.⁴⁵ Видоизменение форм вассалитета шло параллельно

⁴⁰ Кобрин В. Б. Иван Грозный: Избранная рада или опричнина? С. 142. Правда, этимология ряда западноевропейских феодальных титулов свидетельствует об их министриальном происхождении, например рыцарь – «кнехт», т.е. слуга, «граф» – «пишущий», т.е. чиновник, собиравший королевские доходы, «палатин» – чиновник дворцового управления, уже не говоря о придворных званиях; раннесредневековой Францией долго правили «майордомы».

⁴¹ Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 79.

⁴² Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // ИСССР. 1991. № 4. С. 58.

⁴³ Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 79–81.

⁴⁴ Шмидт С. О. Становление. С. 269.

⁴⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса. С. 469.

видоизменению форм феодальной собственности, влияя на институт местничества на всем протяжении его существования. Правительственная политика в XVII в., как показал Л. В. Милов, шла по пути усиленного насаждения условной формы феодального землевладения – поместья, и, несмотря на то что с начала того же века появилась тенденция ко все большему распространению вотчинной формы, почти в течение столетия поместье постепенно «подтягивали» до уровня вотчины, пока Указом о единонаследии 1714 г. те и другие не были окончательно нивелированы⁴⁶. Анализ памятников отечественного средневекового права (вплоть до Соборного уложения 1649 г.) позволил Б. Н. Флоре сделать вывод, что величина возмещения за «бесчестье» определялась не родовитостью – «отечеством» оскорбленного, а размером и характером его жалованья, т.е. положением на служебно-административной лестнице⁴⁷. Любой попавший на государеву службу иноземный аристократ, например молдаванин или литвин, чрезвычайно быстро включался в систему местнических отношений, иногда и «заезжая по иноземству» старую знать; порой ему официальным актом «определяли место», как было с самозванным графом Л. А. Шляковским⁴⁸. Нам известен, однако, случай подобного конфликта среди шведов, возникший явно под влиянием московской традиции. В 1611 г. граф Я. Делагарди в связи с началом переговоров в Выборге с новгородцами просил себе более высокое место среди сенаторов (сидевших, видимо, по старшинству пожалования в чин): «Больше по прямотушию, чем из гордости, он указывал, что если русские увидят его в качестве младшего из сенаторов, сидящего на последнем месте, то это будет к ущербу для всего шведского дела и для авторитета, с каким он до сих пор поддерживал шведское влияние в Московии, ибо на этот народ более всего действует видимость. С этим соглашался и Генрих Горн, который предоставил потом ему высшее место в собрании», – сообщает Ю. Видекинд. Король понимал, что в споре прав старший по сенаторству Г. Горн, но попросил уступить Делагарди ради его заслуг. Действительно, приводимые последним резоны были справедливы. В России со времен кн. М. В. Скопина-Шуйского воспринимали Делагарди как полномочного представителя короля; думается, принималось во внимание и его близкое, хотя и «боковое» родство с домом Ваза – матерью его была незаконная дочь Юхана III, и воспитывался он при дворе деда. Ю. Видекинд считал, что

⁴⁶ Милов Л. В. Общее и особенное российского феодализма. С. 49–50.

⁴⁷ Флора Б. Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси // ИСССР. 1983. № 1. С. 73. Здесь автор указывает, что размер возмещения за бесчестье по Судебнику 1550 г. определялся размером кормления.

⁴⁸ РГБ. ОР. Ф. 178. № 738. Л. 467 об.

«завистники и соперники Якоба при дворе внушили королю мысль, что будто он уклонился от новых переговоров с новгородцами из-за того, что ему дали низшее место на совещании»⁴⁹. В событиях этих сыграло роль и определенное «обрусение» Делагарди, тяжело переживавшего крах своей «московской» карьеры, связанный со смертью его друга и соратника, основного претендента на русский престол кн. М. В. Скопина-Шуйского.

Однако пополнение государева двора иностранной знатью шло, как правило, за счет выходцев из феодальных систем азиатского типа («царевичей», «князей», мурз), носителей министеральной (причем в весьма грубой форме), а отнюдь не вассально-рыцарской традиции и психологии. «Пополнение» это постоянно как бы «понижало» и общий культурный уровень, и (наряду с насаждением поместной формы феодальной собственности) уровень «иммунитетного самосознания» русского служилого сословия.

Природу местничества можно попытаться проанализировать, исходя из сравнения с такой известной во многих западноевропейских государствах нормой юридических и обычно-правовых отношений, как майорат.

Феодальному государству на определенных стадиях его развития был выгоден состоятельный вассал, выставлявший со своих владений гарантированное (качественно и количественно) число воинов-рыцарей, шляхтичей, послужильцев, боевых холопов⁵⁰. Н. И. Кареев отмечал, что на феоде (западноевропейском) лежали разного рода обязанности, а потому сеньоры, дававшие имения другим, были заинтересованы, чтобы феоды не дробились и переходили по наследству к таким лицам, которые способны были исполнять свои вассальные обязанности. Отсюда – право одного только старшего сына наследовать феоде, или майорат⁵¹. Первоначально майорат в Западной Европе был элементом частноправовых, а не государственно-правовых отношений, которые лишь значительно позднее стали средством поддержания и сохранения социального и имущественного статуса феодального рода. В России данная правовая норма отсутствовала,

⁴⁹ Видекинд Ю. История десятилетней Московитской войны. М., 2000. С. 278, 607.

⁵⁰ Последние еще в конце XVII в. представляли солидную боевую силу. Одним из поводов к стрелецкому восстанию 1682 г. послужил проект замены трех четвертей стрельцов московского гарнизона личными отрядами крупных вельмож. Так, кн. М. Я. Черкасский имел тогда три «сотни» численностью 321 человек; в 1684 г. иностранных послов встречали 25 «сотен» «боярских людей». См.: *Седов П. В.* Социально-политическая борьба. С. 63, 64.

⁵¹ *Кареев Н. И.* Поместье-государство. С. 120. Даже там, где строгого майората не существовало, как в Германии X–XIII вв., неделимость лена соблюдалась во взаимоотношениях вассала с сеньором. Хотя по земскому праву раздел наследства должен был быть равным, за службу перед сеньором отвечал только один из братьев, уполномоченный остальными. См.: *Колесницкий Н. Ф.* Особенности вассально-ленных отношений в Германии X–XIII вв. // Средние века. Вып. 32. М., 1969. С. 112.

на что обратил внимание еще в XVI в. Дж. Флетчер⁵². Это отсутствие отчасти объясняется сравнительным обилием земли, неполным закрепощением крестьян (при постоянной нехватке рабочей силы), иными юридическими традициями. В то же время русское феодальное государство стояло перед той же проблемой обеспечения жизнеспособности своего вассального ополчения. Н. П. Павлов-Сильванский сделал любопытные наблюдения о сословной обособленности высших и низших слоев дворянства и о преимуществах семей с небольшим количеством детей, при местническом распорядке, позволявшем им возвышаться по сравнению с мельчавшими большими семьями⁵³. Н. Коллманн определила, что наследование боярского чина тоже могло зависеть от численности рода. Шанс на получение боярства утрачивался родом (как было, например, с Акинфовичами) в результате ранней смерти прямого наследника, опалы семьи, ухода к удельному князю⁵⁴. Таким образом, функциональное сходство внешне чрезвычайно далеких друг от друга институтов – местничества и майората – базируется именно на взаимоотношениях «род – государство», «род подданного (вассала) – род сюзерена». На сходство регулирующих функций обоих институтов обратил внимание А. Н. Медушевский (в основном разбиравший Указ 1714 г. и законодательство начала XVIII в.)⁵⁵.

«Майоратные» черты местничества проявляются в наследственном закреплении за определенными родами и представителями их старших ветвей возможности и права поверстания в определенные чины: некоторых родов – сразу в думные, других – в московские и т.д. Те или иные чины и ранги влекли за собой поверстание соответствующими поместными и денежными окладами. Именно чины именовались «честью», термин этот обозначал и почетное назначение, и запись о нем. Г. Л. Кобяков в деле с М. М. Дмитриевым объяснял: «А розрядные писма и чести старые родственников наших жалованные грамоты (...) у нас на Москве», указывая

⁵² «Простолюдинам сделана... некоторая маловажная уступка тем, что они могут передавать свои земли по наследству любому из сыновей, в чем они обыкновенно следуют нашему «*gavelkund*» (равный раздел земельной собственности между сыновьями и братьями. – *Прим. пер.*), и располагать имуществом своим произвольно, имея право дарить и завещать его по собственному желанию. Несмотря на это, оба класса, и дворяне и простолюдины, в отношении к своему имуществу являются не чем иным, как хранителями царских доходов...» См.: Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов / Сост., ред. Н. М. Рогожин. М., 1991. С. 43–44.

⁵³ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. С. 77.

⁵⁴ Коллманн Н. О праве и обычае наследования высших думных и дворцовых чинов в России в конце XV – первой половине XVI в.: Доклад в Институте истории СССР АН СССР. 1985 г.

⁵⁵ Медушевский А. Н. Законодательство как источник по истории поместно-вотчинного землевладения в России (XVII–XVIII вв.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989. С. 164.

при этом, что у отца его соперника «честь перед нами молодая»⁵⁶. «Честь» зависела от государя, ее можно было отнять, как у кн. Г. А. Козловского в 1691 г.: «Честь у него, боярство отнять»⁵⁷. Но и французский двор рубежа XVII–XVIII вв. представлял собой «комплекс взаимозависимых, взаимно соперничающих друг с другом, взаимно держащих друг друга в постоянном страхе групп элиты. На вершине этого комплекса располагался король...»⁵⁸.

Стабильная наследственная преемственность при поверстании членов рода в чины, а также поместный и денежный оклад была необходима ввиду того, что характерной особенностью феодального общества является самостоятельное материальное обеспечение дворянином своей военной или гражданской службы. В России XVII в. и городской воевода, и дворянин этого уезда должны были принимать участие в строительстве стен острога сообразно своему поместному окладу⁵⁹, дипломаты вплоть до XIX в. должны были поддерживать свой статус за рубежом за свой счет; жалованье офицера и даже полицейского чиновника в дореформенной России не покрывало его служебных расходов. Во Франции XVIII в., а в Англии вплоть до середины XIX в. официально функционировала система покупки воинского чина с должностью, что было генетически связано с обычаем покупки определенного феода с относящимися к нему воинскими, административными и прочими служебными обязанностями держателя и вассалов и т. д.⁶⁰ Регламентационный характер местничества, «фамильно-генеалогический ценз», по определению В. О. Ключевского, ограничивавший численность сословной группы, «пропалывавший» ее,

⁵⁶ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1032. Л. 34.

⁵⁷ РИС. Т. 3. М., 1842. С. 344.

⁵⁸ Элиас Н. Придворное общество. С. 331.

⁵⁹ Рязане в 1648 г. жаловались, что они «Ряской... двжды ставили, и засеку делали, и Козлов город ставили и вал валили з дву дворов крестьянских сажень, а однодворцы – три человека сажень», в то время как привилегированные московские и замосковные дворяне, «домами своими полные», делали вал – сажень с 25 дворов. См.: Ф. 210. Оп. 10. Ст. 30. Л. 263.

⁶⁰ Полнота собственности на какой-либо объект феодальных отношений между вассалом и сюзереном (земельное владение, придворную, военную или судебную должность, наконец, дворянский титул) выражалась в ряде стран Западной Европы в возможности узаконенной их купли-продажи, в России же эти отношения жестко контролировались государством. Наличие иных, негосударственных регуляторов проявилось в Западной Европе в праве личности более полно распоряжаться своим социальным положением. Так, английские сквайры в середине XVII в. коллективно отказались принять от Карла I титулы баронетов, сопряженные с увеличением налогов. См.: Барг М. А. Кромвель и его время. М., 1950. С. 103, 106. Во Франции трубадур «равенства» П. Карон де Бомарше гордился именно тем, что дворянский титул купил на честно заработанные деньги, а не получил от предков как знатный бездельник. См.: Грандель Ф. Бомарше. М., 1985. С. 34. Несколько ранее герцог Сен-Симон сетовал, что даже заслуженные ветераны-разночинцы, порой имевшие генеральский чин, возвращались при отставке в свое податное сословие, если не имели средств купить

проявлялся в вычленении ограниченного числа лиц с преимущественным правом на получение большей доли совокупной феодальной собственности всего сословия⁶¹. Б. Н. Флоря выяснил, что при раздаче кормлений принималось в расчет в первую очередь «отечество», а не «дородство» (состоятельность и боеспособность). Тем самым государство стремилось поддержать статус служилого человека, когда-то от государства же им приобретенный. Известны случаи по природе местнических отказов от не соответствовавших «отечеству» кормлений: не столь состоятельный, но знатный⁶² служилый человек мог рассчитывать на получение доходного кормления скорее, чем более состоятельный, но менее родовитый⁶³. История России знает примеры аристократических родов, сконцентрировавших состояние и влияние отчасти в результате «естественного майората» (Романовы-Юрьевы, кн. Воротынские в XVI–XVII вв., Шереметевы в конце XVII–XVIII вв.), который открывал путь к спокойному занятию наследственных мест в системе государева двора и соответствующему этим высоким рангам материальному обеспечению. Монарх, естественно, имел возможность внести в ситуацию свои коррективы. Высокий думный чин, крупное земельное пожалование, бывало, приобретались и не «по отечеству». В системе патриархального типа (по М. Веберу) возникают две сферы господства, в одной из которых носитель власти связан традицией, а в другой действует по собственному произволу. Первая была ограничена и хронологически (временно объявлялось безместие), и должностной регламентацией (объявлялось безместие при назначениях в некоторые службы,

дворянское звание. «Благородство» здесь не обязательно «выслуживалось» у государства, а могло быть объектом купли-продажи и не зависело напрямую, как и любая собственность, от взаимоотношений личности и власти. Виднейший теоретик и пропагандист либерально-демократических ценностей XIX в. лорд Дж. Актон замечал, что «кажется вполне очевидным, что покупка судебных должностей не имеет ни малейшего оправдания, и все же во времена старой французской монархии именно эта чудовищная практика создала единственную в стране корпорацию, способную противиться воле короля». См.: *Актон Дж., лорд. Очерки становления свободы* / Пер. Ю. Колкера. Лондон, 1992. С. 35.

⁶¹ Удачной попыткой вычленил интересующие нас особенности местничества была одна из формулировок В. О. Ключевского: «...оно стремилось: 1) замкнуть высшее управление в кругу родословных фамилий и 2) подчинить распределение должностей в управлении установившейся когда-то раз навсегда классификации этих фамилий, указывая места в управлении отдельным лицам по их генеалогическому положению в своих фамилиях. Поэтому ценз, которым обуславливалось занятие руководящих должностей, можно назвать фамильно-генеалогическим». См.: *Ключевский В. О. Сочинения*: В 9 т. Т. 2. С. 409.

⁶² Под «знатностью» можно понимать генеалогическую близость семьи к царствующей династии (например, Рюриковичи) или длительность высокопоставленной службы династии членов рода, перешедших от другого сюзерена.

⁶³ *Флоря Б. Н.* Формирование сословного статуса. Но в то же время получение кормления и его размер зависели как раз от «отчества».

определенными судебными прецедентами пресекалось распространение местнических порядков на новые, низшие сословные группы, устанавливался порядок возбуждения местнических претензий между воеводами разных рангов). Иногда просто обходились исключением из церемонии «неудобного» лица – так, родственники цариц, зачастую представители далеко не высшей знати (Апраксины, Грушецкие, Нарышкины), во избежание конфликта и в связи с неловкостью ситуации для самого государя или царевича (царский тесть, а должен сидеть «ниже» других) просто не являлись на многие придворные церемонии.

Насколько «отечество» служилого человека зависело от государственной власти? С одной стороны, знатный аристократ считает, что «за службу государь жалует поместьем и деньгами, а не отечеством», а с другой: «Не вели, государь, моего отечества у меня, холопа своево, отнять и от таких детей боярских неродословных людей оборонить», – взывает М. М. Дмитриев, жалуясь на местничающего с ним Г. Л. Кобякова⁶⁴. В «отечестве» можно было понизить за какие-то проступки целый род⁶⁵. «Отечество» можно было и «восстановить». Князь Д. М. Пожарский, скажем, не смог бы даже местничать со многими из равных себе по родовитости лиц, если бы не пробился в период Смуты своими подвигами в аристократическую «обойму» думных чинов, вернув своему роду утраченное его предками положение, достигнув его службой⁶⁶. Фактически «отечество» как бы жаловалось ему заново. Именно поэтому боярин Пожарский после Смуты стал своеобразным «чемпионом» по количеству местнических конфликтов. Причиной их являлась неразрешимость противоречия, заключавшегося в

⁶⁴ Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1032. Л. 29.

⁶⁵ Одна из ветвей Протасьевичей «опалы для в своем роду в счете не стояли». См.: Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975. С. 154; Зимин А. А. Формирование боярской... С. 157. А также в местнических делах В. П. Морозов – кн. Д. Т. Трубецкой, 1619 г.: «А прежнее ваше государево уложение, которые в удел збежали, и те у себя и у своево роду за то теряли многие места» (см.: Ф. 210. Оп. 9. Ст. 9. ч. 2. Л. 81); кн. Ф. С. Куракин – А. Н. Трубецкой, 1640 г.: «А как, государь, князь Андрей Курбской отъехал в Литву при деде твоём, государе нашем <...> Иване Васильевиче <...> дед твой <...> приговорил, которово роду хоти кто меньшей отъедет, и того роду и у болшово отнять 12 мест <...> и тот, государь, приговор в твоих государевых розрядах записан» (Там же. Ст. 157, ч. 1. Л. 5).

⁶⁶ Принцип самостоятельного восстановления отдельной личностью утраченного статуса характерен для сословного общества. Так, в Кастилии XII–XIII вв., а в Бретани и в XVIII в. дворянин мог официально выйти из своего сословия, а через какое-то время в него вернуться, заработав «неблагородно» (например, торговлей) нужный капитал. Подобные шаги особо оформлялись юридически. См.: История Европы. Т. 2. М., 1992. С. 325; *Стерн Л.* Сентиментальное путешествие. М., 1968. С. 612–613. Подобные правила имелись и в других провинциях Франции, но там процедура восстановления сословного статуса дворянина была несколько сложнее – требовались королевские «реабилитационные письма». См.: *Пименова Л. А.* Дворянство во Франции в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв. Границы сословия. С. 68–69.

несоответствии очень высокой родovitости низкому служебному положению ближайших его предков, когда неоспоримое право на занятие высоких мест не менее законно оспаривалось, а высота личных заслуг и политический авторитет не позволяли игнорировать личность князя или удовлетворять его «нейтральными» назначениями. Окончательное утверждение местнических норм совпадает с завершением процесса создания единого государства, изменение местнических норм – с процессами перераспределения феодальной собственности, усиления зависимости последней от служебного положения ее держателя, возрастанием роли самодержца и бюрократии⁶⁷. Еще в 1584 г. послам в Польшу кн. Ф. М. Троекурову и дьяку Дружине Петелину, недовольным тем, что они едут «против», по их мнению, низшего (по посольскому рангу посланника) Льва Сапеги, указывалось: «...добро искати дела и прибытка государю, а не для своей чести и бесчестья...»⁶⁸. В середине XVII в. государь, именно в качестве патриархального владыки, уже полагал, что «честь» его служилого человека, его «холопа», всецело зависит от Божьего промысла, проводником которого является он сам, помазанник Божий. В это время формируется, замечает И. Л. Андреев, своеобразная идеология и психология службы. Алексей Михайлович признает высоту «отеческой чести», но полагает, что она должна постоянно подтверждаться верной и «радостной» службой своему государю, «боярская честь совершается на деле в меру служебной заслуги»⁶⁹. В письме к боярину В. Б. Шереметеву (май 1660 г.), написанному в связи с дошедшими до царя слухами, что боярин обеспокоен и обижен тем, что его не пригласили в Москву (он был на воеводстве в Киеве), а подобное событие могло рассматриваться как форма опалы, царь Алексей Михайлович «нарочно для твоево утешения» рассуждает о взаимозависимости «чести», «отечества» и государевой воли. «И то ведаем мы, великий государь, что по вашему отечеству боярская честь вечная, а даетца произволением великого и вечного Царя и небесного Владыки; и нашим тленным призыванием введени суть в тое боярскую честь. И тем хвалитца не пристойно, что та честь породная, и надеятца на нее крепко не пристойно ж, потому что воспоминаетца в Божественном писании: Да не хвалитца премудрый премудростью своею, да не хвалитца богатый богатством своим, да не хвалитца сильный силою своею... Ведомо тебе самому, как по изволению Божию наш государской чин пребывает и над вами, честными людьми, боярская честь совершаетца... Не просто Бог изволил нам, великому государю и тленному царю, честь даровати, а тебе

⁶⁷ Шмидт С. О. Становление... С. 270.

⁶⁸ Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 516.

⁶⁹ Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2006. С. 416–418.

приняти; и тебе о том должно ныне и впредь Творца своего и Зиждителя и всех всячески восхваляти и пославляти и нашим великого государя и тленного царя жалованьем утешатися и радоватися... Писано бо есть: сердце царево в руке Божии...»⁷⁰. Активно применяя местническую терминологию для выговоров своим «холопам», царь Алексей Михайлович всячески подчеркивает полную зависимость «чести» служилого человека от того, как он служит государю. Если воевода плохо выполнил государевы указания – то «учинил себе великое бесчестье»⁷¹; если неверно информировал его о ходе действий на театре войны – то «от века того не слыхано, чтобы природные холопи государю своему в ратном деле в находках и потерьках ни писали неправедно и лгали»⁷²; если чрезмерно возгордился от оказанной милости – «...писаны к тебе... наши государевы грамоты с милостивым словом такие, каких и к господам твоим не бывало. И ты тем вознесся...»⁷³; если воевода не прислал вовремя донесение и оправдывается отсутствием писца-подьячего – «и так отговариваютца ябедники и обышняя людишки в приказах на суде... а не вас, холопей наших, да государевых и родословных людей такое беспутное и ябедническое оправдание»⁷⁴. Алексей Михайлович не случайно употребляет именно местническую фразеологию для выговоров. Применяя ее во время действия своих же указов о безместии на время военных кампаний, он демонстрирует масштабы власти над своими «холопами», причем дело здесь не только в общей бедности тогдашней терминологии. Новая эпоха предъявляет новые требования к служилому человеку, которые первое время начально выражаются старым способом⁷⁵.

Не существует ли определенной связи между двумя событиями, разделенными не таким уж большим историческим периодом? Речь идет об уничтожении местничества «Соборным деянием» 1682 г. и о неудачной

⁷⁰ Записки Отдела русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. 2. СПб., 1861. С. 751, 752, 754–755.

⁷¹ Письмо к кн. Ю. А. Долгорукому, 1668 г. См.: Там же. С. 756. «...Нас, великого государя, прогневил, а себе вечное бесчестье учинил» (Письмо к В. П. Шереметеву, 1654/55 г. Там же. С. 736).

⁷² Письмо к кн. И. И. Лобанову-Ростовскому, 1659 г. См.: Там же. С. 743.

⁷³ Письмо к кн. Г. Г. Ромодановскому, 1672/73 г. См.: Там же. С. 774.

⁷⁴ Письмо к кн. И. И. Лобанову-Ростовскому, 1659 г. См.: Там же. С. 744.

⁷⁵ Современный исследователь так суммирует требования Алексея Михайловича к подданным: 1) исполнять свой долг – «работать всем сердцем»; 2) служить так, дабы царя «не озлоблять к людям»; 3) начальникам – «держат робят в руках», «над своими статьи смотреть и от воровства и от всякого дурна их унимать», а от подчиненных – чтобы «перед ними были вежливы». Образ идеального человека на службе в понимании царя дан в его письме к А. Л. Ордину-Нащокину: он сочетает христианские добродетели с максимальной заботой о благе царя, с полной отдачей при исполнении его воли. См.: *Талина Г. В.* Царь Алексей Михайлович: Личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996. С. 20, 56.

попытке «вживления» в русскую социальную систему элементов не свойственного ей института – майората, Указом о единонаследии 1714 г. Петр I, готовя этот указ, собирал и внимательно изучал законодательные акты и сведения о формах майората в ряде европейских стран, он был хорошо знаком со многими его «жертвами»⁷⁶. Такими младшими членами знатнейших и влиятельных шотландских родов были, например, очень близкие ему люди – генерал П. Гордон и лейб-медик Р. К. Арескин. Актом этим Петр I пытался решить несколько задач: удовлетворить интересы фиска – сохранение и увеличение сумм податей, более крупных с неизмельченных вотчин; предотвращение «захудания» «знатных фамилий»; принуждение младших членов родов к полезным для государства занятиям⁷⁷. Оба института, местничество и майорат, базировались, на наш взгляд, на служебно-ленных отношениях вассалитета⁷⁸. Как заметил А. Н. Медушевский, жесткая система местничества использовалась государством для того, чтобы регламентировать численность феодальных верхов независимо от демографического фактора, в качестве системы сословного регулирования⁷⁹. Майорат еще в 1663 г. предлагал ввести в России Юрий Крижанич, по крайней мере он предполагал это по отношению к высшим категориям служилого сословия. В своей «Политике» он писал, что княжеский титул и основное наследство должно было бы передаваться старшему сыну, а остальные имели бы право только на боярский чин. Подобное установление он считал неременным условием того, «чтобы честь и достоинство были долговечными и чтобы ваш род и благородное прозвание стояли прочно и нерушимо»⁸⁰. До определенного времени местническая система удовлетворяла обе стороны в отношениях «господство – подчинение» – и

⁷⁶ Кошелева О. Е. Дети как наследники в русском праве с древнейших времен до Петровского времени // Социальная история: Ежегодник. 1998/1999. С. 198.

⁷⁷ 1) «Ежели недвижимое будет всегда одному сыну, а протчим только движимое, то государственные доходы будут справнее, ибо с большаго господин всегда довольнее будет, хотя помалу возьмет, и один дом будет, а не пять... и может лучше льготить подданных, а не разорять». 2) «Фамилии не будут упадать, но в своей ясности непоколебимы будут чрез славные и великие домь». 3) «Протчия не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и протчим. И то все, что оныя сделают вновь для своего пропитания, государственная польза есть». См.: 1714 г., марта 23. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986. С. 296.

⁷⁸ Система вассалитета не обязательно воплощается в сложной феодальной иерархии. Не только в России, но и в ряде других стран Европы (например, Испании) значительная часть простых дворян служила непосредственно монарху. Ср.: «имперское дворянство» Священной Римской империи.

⁷⁹ Исследования по источниковедению... С. 64.

⁸⁰ Крижанич Ю. Политика. М., 1997. Раздел 32. Ч. 2. № 19. С. 352: «А известно, что с разрастанием рода начинается раздел имущества, и потомство беднеет и достоинство

государство, и служилого человека, охраняя иерархию родов внутри дворянского войска и государева двора, ограничивая число родов и лиц с правом поверстания в определенные чины и оклады. «Местнический распорядок родов и лиц в княжеской дружине ограничивал княжеский произвол, но важно отметить, что одновременно он обуздывал и дисциплинировал дружинника», – отмечает С. Б. Веселовский⁸¹. «Любая угроза привилегированному положению одного отдельно взятого дворянского дома, как и всей системе иерархически распределенных привилегий вообще, означала угрозу тому, что придавало людям в этом обществе ценность, значение и смысл», – пишет Н. Элиас об иерархии при дворе Людовика XIV⁸². Поэтому эта система, по словам Элиаса, была «полна напряжений... пронизана бесчисленными отношениями соперничества между людьми, которые пытались утвердить свое положение, усиливая свое отличие от нижестоящих, и, возможно, улучшить его, сокращая свои различия от вышестоящих», однако большинство привилегированных, несмотря на внутренние конфликты, обороняли общий принцип привилегий⁸³. Падение института местничества в России связано было, как неоднократно отмечалось, с угасанием роли дворянского ополчения и постепенным ослаблением связи поместного оклада с воинской службой по мере перехода к регулярной армии. На смену ему, возможно, и пришла новая неудачная попытка законодательного урегулирования социальных противоречий – Указ 1714 г. Попытка поставить заслон на пути распыления крупных земельных владений показывает, что государство Петра I пыталось, с одной стороны, предотвратить обнищание крепостных (следствие чрезмерной эксплуатации), а с другой – произвести «внутрисословную революцию», выделив обширную группу безземельных «джентльменов», «активного дворянского элемента», всецело зависящего от государственной службы. Несмотря на то что служба являлась обязательной для всех дворян и за манкирование ею можно было поплатиться не только поместьем, но и, при сильном прегрешении, вотчиной, кадров для военной и гражданской сфер катастрофически не хватало. Полностью лишённые доходов дворяне (впрочем, указ был бессловным, и младшие сыновья

умалется... И потому насчет вас, князей и властелей, мы решаем так же. Ваши вотчины и поместья не должны делиться, и лишь один старший княжич да примет княжеский титул, и целиком все вотчины и имущество своего отца. А сестрам пусть даст он денежное приданое, какое сможет. А младшие его братья пусть довольствуются боярским званием и служат при нашем дворе, пока не выслужатся до того, чтобы и они могли стать именитыми и сделаться властелями. Такой же закон да будет и для сыновей и дочерей властелей».

⁸¹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса... С. 475.

⁸² *Элиас Н.* Придворное общество. С. 98.

⁸³ Там же.

посадских людей тоже должны были искать себе службы или заводить самостоятельное дело), должны были создать слой, всецело зависящий от власти. Почему же не оправдались надежды на «активный дворянский элемент»? Видимо, дворянству майорат был *еще не нужен* именно потому, почему *уже не нужно* было местничество. Основная часть служилых людей воспрепятствовала новому повороту к резкому социальному дифференцированию, к юридическому вычлениению «магнатских»⁸⁴ групп. Кроме того, введенный Петром закон не соответствовал ни западноевропейским классическим («вертикальным») – с передачей наследства старшему сыну), ни российским (несколько иным, «горизонтальным», образцом которых являлись местнические расчеты) понятиям о старшинстве; царь опирался на собственный опыт – младшего сына, победившего в тяжелой борьбе за престол, и, вероятно, уже не хотел видеть своим наследником старшего сына Алексея. Согласно воззрениям Петра, изложенным в «Правде воли монаршей», престол монархом мог передаваться по собственному усмотрению, и аналогично следовало поступать и землевладельцу: «Кто имеет сыновей, и ему же, аще хочет, единому из оных дать недвижимое чрез духовную, тому в наследие и будет. Другие же дети... да награждены будут движимыми имением...»⁸⁵. Старший же сын (или «по линии ближний», если не было сына) пользовался правом единонаследия только при отсутствии завещания. Но государство, постепенно приравнивая поместную форму землевладения к вотчинной, по сути, самоустранилось от роли сюзерена в классическом феодальном стиле, предоставлявшего вассалам условные держания. Главное, что произошло, – был нанесен мощнейший удар по самому принципу взаимоотношений на базе ленной феодальной собственности. Тем самым исчез способ воздействия на землевладельца, начавшего превращаться в частного собственника. Отныне принуждение его к военной, скажем, службе идет только по линии государственно-бюрократической, так же как и принуждение представителей других сословий к иным службам. Однако, пусть на первых порах и ценой «закрепощения сословия», отмирание ленной и складывание элементов частной собственности способствовали регенерации едва теплившегося имущественного

⁸⁴ Термином «магнат» (недаром здесь он берется в кавычки) можно понимать политически влиятельную фигуру, семью, сила которой зиждется на ее экономической мощи, как в странах с несильной центральной властью; в России это были краткие периоды междуцарствий в конце XVI, начале XVII и, может быть, первой трети XVIII в. На протяжении всей остальной истории Россия знала не магнатов, а просто богатых подданных. Поэтому русское мелкое и среднее дворянство смотрело на Речь Посполитую с опасением, а высшее и богатейшее – с завистью.

⁸⁵ 1714 г., марта 23. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986. С. 296.

иммунитета, были ступенями к развитию «свободы тела». Таким образом, попытка одной рукой создать определенную социальную систему, притом что другой рукой из-под нее выбивался экономический фундамент, была заведомо обречена.

Реалии России XV–XVII столетий, складывавшейся в могучее, но «прифронтовое» государство, столетиями вынужденное дважды в год концентрировать и расходовать все свои экономические и людские резервы для отражения опустошительных нашествий, а в силу исторического религиозного выбора лишенной прочного политико-идеологического тыла, обусловили длительную консервацию начальных военно-феодальных форм, одной из которых и стал изучаемый нами институт. В этих обстоятельствах «консолидация сил господствующего класса реализовывалась только через небывало возросшую роль самодержца», подчеркивает Л. В. Милов, причем «государству в силу этой специфики в значительной мере стали свойственны черты раннефеодальной надстройки»⁸⁶. Регрессивные или консервационные тенденции свойственны обществу, поставленному в сложные политические и экономические условия или же в условия соприкосновения с обществами, находящимися на более низкой стадии развития. А. Л. Станиславский в работе о казачестве эпохи Смуты характеризует создававшиеся тогда институты приставств (своеобразных кормлений) как типичные для раннего феодализма, объясняя это эффектом «наложения» казацких обычаев на социальную структуру страны и влиянием на казаков кочевых народов – обществ патриархально-феодального типа⁸⁷. Высокий уровень бюрократизированности местнических отношений не противоречит их «патриархальной» и «раннефеодальной» природе, поскольку, как считает М. Вебер, жесткая дисциплина и отсутствие собственных прав у «штаба управления» в «патриархальной» системе внешне напоминает служебную дисциплину в «легальной» системе господства; и в этом отношении патриархальная система ближе к бюрократической, чем сословная⁸⁸. Два разных вида генеалогического старшинства, являвшиеся в разных феодальных системах элементами, организующими порядок службы ленников-держателей⁸⁹, различаются по форме: первый – как элемент

⁸⁶ ИСССР. 1989. № 2. С. 49–50.

⁸⁷ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 244.

⁸⁸ Вебер М. Три типа господства. С. 190. Под «сословным» типом «патриархального господства» автор понимает развитую феодальную систему, когда «власть разделена между захватившими ее по частям сословными группами».

⁸⁹ Н. Ф. Колесникий, сравнивая вассально-ленные отношения в раннесредневековых Англии, Франции и Германии, отмечает, что если французская монархия шла путем расширения домена и реализации своих сюзеренных прав, а в Англии сложилась ленная система

частноправовых отношений (характерный для западного имунитетного правосознания), второй – как бюрократизированная система генеалогического старшинства службы, но оба имеют общий корень – вассалитет, что и позволяет рассматривать местничество как особый, развившийся в силу специфических условий тип регуляции отношений как внутри господствовавшей в государстве социальной группы, так и между социальной группой (или ее членом) и государственной властью.

Заключение

Целью данной работы является осмысление ряда проблем, связанных с институтом местничества. Источниковедению вопроса посвящена глава о реконструкции местнического архива, которая является результатом большой работы по созданию хронологического реестра местничеств (опубликован) и реестра подлинных местнических дел (готовится к печати). На основании этих корпусов можно сделать вывод о колоссальном количестве дел, ведшихся на протяжении двух столетий, значительно большем, нежели составляющее сохранившийся комплекс. Во второй главе была предпринята попытка реконструирования источниковой базы местнических конфликтов, собрав все сведения об их сохранившемся делопроизводстве. Реконструкция эта остается теоретической, поскольку единого архива, в котором были бы собраны все эти документы, никогда не существовало, и только часть местнических дел, вероятно с конца XVI и в XVII в., хранилась отдельно от других дел в архиве Разрядного приказа. Эта реконструкция преследовала методические цели – обзора всего комплекса источников и определения репрезентативности сохранившихся материалов. Рассмотрен был также вопрос о соотношении архивных описательных статей об этих делах и разрядных записей, причем выяснилось, что сведения о местнических конфликтах, отложившихся в виде комплекса дел в Царском архиве, отсутствуют в Государевом разряде (и всех прочих разрядах). Эти данные позволяют уточнить время создания Государева разряда – основополагающего для

с общегосударственной военной повинностью вассалов всех рангов, то в Германии в силу ряда причин не удалось использовать ни ту ни другую возможность. См.: Средние века. Вып. 32. М., 1969. С. 110, 115. В России XVI–XVII вв., видимо, сложилась ситуация, когда государство сумело использовать и те и другие возможности. С. М. Каштанов полагает, что «Россия неуклонно, хотя и с опозданием, проделывала общеевропейский путь развития», но генезис абсолютизма здесь совпал с процессом развития бенефициарной формы собственности, тогда как на Западе она уже приобрела черты частной. См.: *Каштанов С. М. О типе Русского государства в XIV–XVI вв.* // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма / Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992. С. 86.

института местничества документа. Анализ местнических дел позволил дополнить наши знания о родовых архивах XV–XVII вв., выявить ряд составлявших их документов, как уцелевших благодаря предъявлению их подлинников или копий на процессе, так и несохранившихся и известных только по цитатам и упоминаниям в качестве доказательств в суде. Документы, сохраненные местниками в своих родовых архивах, иногда даже копировались в Разрядном приказе для пополнения утратившего их Разрядного архива, однако поступавшие туда генеалогические сведения не использовались для пополнения или переработки официальных родословных справочников. Проблема, почему Государев родословец, постоянно применявшийся как официальный справочник в приказе, так и не пополнялся официально, пока не находит решения. Изучение методов проверки судебными комиссиями сведений, предъявленных местниками, позволило выяснить, что документы подвергались проверке на подлинность и пригодность, могли быть отвергнуты по формальным и политическим причинам, обращение же комиссий к делам, хранившимся в Разрядном приказе, или за справками в другие приказы было редким явлением. Исследуя все эти материалы, можно сделать вывод, что для служилых людей практически всех рангов было естественно «генеалогическое сознание», опиравшееся на информацию об истории своего рода и родов-соперников, сохранявшуюся в письменной и устной традиции, и на информацию о составе государственных архивов. Психологическое восприятие себя не как самостоятельной личности, а как частицы своей родовой корпорации в служилом «пространстве» или как «степени» своей родословной «лестницы» во времени было характерно для любого служилого человека. Историография института рассмотрена по возможности полно, охватывая и новейшие, в том числе зарубежные работы, причем как посвященные чисто историческим, так и источниковедческим аспектам (т.е. включающим изучение основных и косвенных источников – разрядов, архивных описей и пр.). Социально-экономическая составляющая института местничества, на наш взгляд, вполне убедительно подтверждается исследованием карьер лиц, участвовавших в конфликтах, поскольку удается проследить определенную взаимозависимость роста окладов с удачами и неудачами в местнических тяжбах. Статистическое исследование всего корпуса «случаев» на протяжении 200 лет дает основание проследить смену родов – участников конфликтов, в сторону «захудания». Последнее объясняет причины естественного затухания института в обстановке, когда представителям «великих родов», не имевшим демографической возможности рекрутировать из своих рядов то число лиц, которое было необходимо для растущего военного и бю-

рократического аппарата, приходилось либо избегать службы с лицами, бывшими им «не в версту», либо соглашаться на нее, в то время как «новым» местникам, желавшим блюсти прежние нормы, по сути, нечем было похвастаться, так как у их более или менее отдаленных предков отсутствовали по-настоящему «честные» разрядные службы. Исследование показало значительно более глубокое вращение местничества в приказно-бюрократический аппарат, нежели это считалось ранее, а также подтвердило его немаловажное значение для защиты интересов «служилого города». На примере такого существенного элемента системы, как объявлявшееся правительством «безместие», выявилась роль местничества как регулятора, активно используемого правительством при налаживании взаимоотношений с правящими социальными группами, которым оно имело возможность широко манипулировать, расширяя или сужая ареал дозволенности местничать в определенное время или на определенной службе. Правовая, законодательная база института реконструирована с возможной полнотой на основе как сохранившихся актов, так и упоминаний о них в делопроизводстве, включены в этот корпус и правила, применявшиеся, но, возможно, и не имевшие писаного источника, относящиеся к категории «обычного права». Можно, в частности, отметить пять периодов – «пиков» законодательной активности государства по отношению к институту местничества. Первый – реформы времени Избранной рады 1550-х гг. – составление Государева родословца, Государева разряда, Приговора о местничестве; второй – период правления Бориса Годунова (1580-е гг. – начала XVII в.), с актами, упорчивавшими сложившиеся местнические отношения, – положения о запрещении счета родословных и неродословных людей, о «потерьке» не бивших челом, о безместии письменных голов, о старшинстве полков, а также развитие Приговора 1550 г.; третий – «реставрационная» эпоха после Смуты (1617–1622 гг.) – подтверждение в 1620 г. Приговора 1550 г., Указы о запрещении местничества на дипломатической службе, о безместии при сказывании чина и о порядке посылки с наградой, о неучете «случаев» за время Смуты; четвертый – время социального конфликта конца 1640-х гг., вызвавшее акты, связанные с местничеством в ранее мало затронутых им сферах, – указы о знаменщиках, объезжих головах, о службе в приказах; последний, пятый период (1670–1680-е гг.) знаменует развернутое правовое наступление – цикл указов и приговоров 1679–1682 гг. о запрете местничества в крестных ходах, в войсках, для дьяков и, наконец, о полной и всеобщей его отмене. Заметим, что личность «местника», «родословного человека» – основного элемента этой системы – попадает во все более сужающиеся рамки для возмож-

ности применения своих прав. Реконструировав гипотетический корпус законодательных актов и правил, на основании которых действовали участники конфликтов и суды, мы выясняем уровень компетенции тех и других. Нам не удалось обнаружить следов существования какого-либо официального сборника актов по местничеству, никакой «указной книги» с данными актами на вооружении разрядных дьяков никогда не было, что давало изрядный простор для манипуляций – недаром упоминания и изложения большинства регламентирующих институт «государевых уложений», «указов» и других правил почерпнуты из частных источников и были включены в дела.

Концептуальная часть работы ставит целью на основании изученных источников попытаться объяснить феномен института местничества методами сравнительно-исторического анализа, связав его практическое значение с определенными правилами старшинства при получении феодальной ренты (по принципам, сходным с известными обычаями майората в некоторых западноевропейских странах) в социально-экономических условиях России раннего Нового времени, которые можно характеризовать как форму государственного феодализма⁹⁰.

В целом данные «Очерки» имеют целью показать роль и значение института местничества в социально-политической истории России раннего Нового времени.

⁹⁰ «В России раннее возникновение централизованного государства повело к сильной деформации феодальных отношений... к предельному упрощению системы вассалитета... к подчиненному положению феодальных сословий (включая и высшие), самим же государством во многом и созданных», – отмечает Л. В. Данилова. Система государственного феодализма, по мысли автора, сыграла двоякую и противоречивую роль, возможно обеспечив России статус великой державы к началу XVIII в., но подчинив и принизив все феодальные сословия, затормозив в будущем развитие гражданского общества. См.: Данилова Л. В. Становление системы государственного феодализма в России. Причины, следствия // Система государственного феодализма в России: Сб. ст. М., 1993. С. 42–45.

ПЕРЕЧЕНЬ СОХРАНИВШИХСЯ ПОДЛИННЫХ МЕСТНИЧЕСКИХ ДЕЛ

В перечень включены все выявленные на сегодняшний день и использованные в данной работе подлинные местнические дела, сохранившиеся полностью или частично, в виде столбцов или записей в делопроизводственных книгах приказов. Первая цифра означает порядковый номер по данному перечню, цифра в скобках – порядковый номер по «Реестру», цифра в скобках с литерой означает, что дело выявлено позднее издания «Реестра» и в него не вошло. Описательные статьи снабжены указаниями на публикацию документа.

1. (33). Кн. Александр Иванович Стригин-Оболенский – отказ от посольства в Крым. 1534 г., декабрь. Ф. 127. Оп. 1. кн. 8. Л. 114–116. *Опубл.: Граля И., Эскин Ю. М. Литва и Русь в 1534–1536 гг. Новые документы. // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. Сер. 8. История. 1999. № 4. С. 73–75.*
2. (60). Ширий Григорьевич Грибакин – Михаил Федорович Карамышев. 1544 г., июнь – июля 5. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 3. Л. 219–264. *Опубл.: Сб. РИО. Т. 59. С. 251–254.*
3. (285). Роман Дмитриевич Бутурлин – кн. Иван Константинович Курлятев. 1579 г., осень – ноября 27. Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 154. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
4. (124). Захарий Иванович Очин-Плещеев – Семен Васильевич Шереметев, кн. Дмитрий Семенович Кнут-Шестунов. 1555 г., [9 ноября] – декабря 4. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1257. Л. 45, 46. *Опубл.: Акты служилых землевладельцев XV–XVII вв. Сост. Антонов А. В., Баранов К. В. М., 1997. С. 24–25.*

5. (230). Василий Григорьевич Зюзин – Федор Федорович Нагой. 1576 г., май – июнь. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1. Л. 27–103. *Опубл.: РИС. Т. V. С. 1–36.*
6. (288). Кн. Василий Юрьевич Голицын – кн. Иван Петрович Шуйский. 1579 г., ноября 8, 9, 19–20. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1. Стп. 4. Л. 138–219. *Опубл.: РИС. Т. 2. С. 1–34; Маркевич А. И. История местничества. Прил. С. III–XXXVIII.*
7. (347). Кн. Андрей Иванович Голицын – кн. Александр Иванович Шуйский. 1582 г., апреля 25 – августа 27. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 4. Стп. 1. Л. 1–75. *Опубл.: РИС. Т. 2. С. 35–60.* Описано: Мельников Ю. Н. Указ. соч. С. 276–277.
8. (374). Роман Васильевич Алферьев – Петр Иванович Головин. 1583 г., марта 28 – апреля 19. Ф. 210. Оп. 17. Ст. 2. Л. 1–35. *Опубл.: Местнические дела 1563–1605 гг., собранные и изданные Н. П. Лихачовым. СПб., 1894. С. 3–15. Описано: Мельников Ю. Н. Указ. соч. С. 277–278.*
9. (386). Кн. Федор Михайлович Трубецкой – кн. Василий Юрьевич Голицын. 1583 г., октября 25. Ф. 210. Оп. 15. Ст. 26. Л. 98–99.
10. (392). Кн. Андрей Дмитриевич Хилков – Федор Михайлович Ласкирев. 1583 г., декабря – 1584 г., января 25. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1. Стп. 5. Л. 220–230. *Опубл.: РИС. Т. II. С. 61–66.*
11. (405). Кн. Григорий Иванович Чорт-Долгорукий – кн. Владимир Иванович Бахтеяров–Ростовский. 1584 г., ноября 11, 1586 г., февраля 26, 1599 г., сентября 18. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 3. Л. 36–41 (по фальцам), по листам – 50–57. *Опубл.: РИС. Т. 2. С. 144–154.*
12. (500). Кн. Тимофей Иванович Долгорукий – кн. Данило Борисович Приимков–Ростовский. 1588 г., июня 1 – июля 6. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1. Л. 231–257. *Опубл.: РИС. Т. II. С. 67–87.*
13. (512). Бояре князя Тимофей Романович Трубецкой – Григорий Андреевич Куракин. 09. 05., 04–05. 11. 1588 г., 23.03. 1589 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1. Стп. 1. Л. 1–26а; Оп. 15. Ст. 26. Л. 71–105; Оп. 17. Ст. 1. Л. 43–89. *Опубл. (только Ф. 210. Оп. 15. л. 71–105) : ВМОИДР. 1852 г. Кн. 14. С. 1–18. Реконструкция дела с привлечением фрагмента из оп. 9 и разрядов в кн.: МИМ. С. 325–350; проект публикации – в дисс.*

Ю. Н. Мельникова (с. 221 – 223, 229–275; фрагмент из Оп. 17 тогда ввиду ветхости не был использован).

14. (515). Бояре князя Федор Дмитриевич Шестунов – Дмитрий Иванович Хворостинин. 1589 г., февраля 23–26. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 260. Л. 278–318. *Опубл.: Мельников Ю. Н. Местническое дело боярина кн. Ф. Д. Шестунова с боярином кн. Д. И. Хворостининым // Исследования по источниковедению истории России досоветского периода. М., 1985. С. 116–132.*
15. (529). Думный дворянин Роман Васильевич Алферьев – кн. Григорий Осипович Зубок-Засекин. 1589 г., апреля 14–30. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1069. Л. 1–77. *Опубл. МДЛ. С. 16–51.*
16. (543). Федор Андреевич Бутурлин – Василий Андреевич Квашнин. 1589 г., июля 14. Ф. 210. Оп. 15. Ст. 38. Л. 1–37. *Опубл.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки. Прил. С. 1*
17. (633). Иван Осипович Полев – кн. Василий Григорьевич Щербатый. 1591 г., октября 12. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 2. Л. 277–339; Ст. 299. Л. 5–35. *Опубл.: РИС. Т. 2. С. 84–108.*
18. (690). Князя Иван Михайлович Вяземский – Иван Андреевич Елецкий. 1593 г., 07. 11. – 1593 г. 26. 12. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 2. Л. 258–276б. *Опубл.: РИС. Т. 2. С. 109–121.*
19. (780). Артемий Васильевич Измайлов – Иван Осипович Полев. 1599, апреля, 1600, марта. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 3. Стп. 2. Л. 1–142. (по фальцам – л. 68 – 174). *Опубл.: РИС. Т. 2. С. 157–213*
20. (784). Князя Григорий Иванович Черт Долгорукий – Михаил Федорович Шугрея Гвоздев. 1599 г., мая 15–20, октября 17 (или 24). Ф. 210. Оп. 9. Ст. 3. Стп. 1. Л. 1–89. *Опубл.: РИС. Т. 2. С. 122–156*
21. (796). Дьяки Иван Васильевич Неелов – Григорий Иванович Клобуков. 1600 г., Ф. 210. Оп. 17. Ст. 4. Л. 1–31. *Опубл.: Павлов А. П., Эскин Ю. М. Местническое дело дьяков И. В. Неелова и Г. И. Клобукова. // Российское самодержавие и бюрократия. Сб. ст. в честь Н. Б. Демидовой. М. – Новосибирск, 2000. С. 73–87.*
22. (841). Юрий Григорьевич Пильемов – кн. Федор Иванович Лыков. 1602 г., апреля 7–8. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 3. Стп. 4. Л. 1–102 (по фаль-

цам – 325–415). *Опубл.: РИС. Т. 2. С. 214–266. Изл. Маркевич. О местничестве. С. 276–278.*

23. (872). Князя Дмитрий Григорьевич Аксак Бельский – Иван Григорьевич Звенигородский. 1603 г., июля 20 – августа 30. Ф. 210. Оп. 17. Ст. 5. Л. 1–39. *Опубл.: МДЛ. С. 68–83.*
24. (876). Дьяки Григорий Григорьевич Желябужский – Игнатий Тимофеевич Софонов. 1603 г., август. Ф. 138. Оп. 1. 1667 г. Д. 1.
25. (960). Кн. Борис Михайлович Лыков – кн. Дмитрий Михайлович Пожарский. 1609 г. февраля 21. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 3. Стб. 3. Л. 1–169. *Опубл.: РИС. Т. 2. С. 1–169.*
26. (1041). Семен Гаврилович Коробьин – Артемий Васильевич Измайлов. 1615 г., август – декабрь; 1625 г., 22. 08. – 25. 10, 11. 12.; 1627 г., 03. 01. – 1628 г., 28. 02. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 12. Л. 1–15; Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. 1627 г. Д. 73. Л. 14–28.
27. (1071). Князя Богдан Васильевич Касаткин-Ростовский – Василий Иванович Туренин. 1617 г., апрель – 1623 г., 21. 02. Ф. 210. Оп. 17. Ст. 18. Л. 1–39.
28. (1084). Юрий Васильевич Вердеревский, Иван Петрович Кологривов – кн. Афанасий Федорович Гагарин. 06. 11. 1617 г. Ф. 210. Оп. 18. Д. 160. Л. 18.
29. (1088). Городовые дворяне туляне – Юрий Васильевич Вердеревский. 01. 01. 1618 г. Ф. 210. Оп. 18. Д. 160. Л. 18
30. (1123). Бояре Василий Петрович Морозов – кн. Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Июль 1619 – февраль 1620. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 9. Стп. 2. Л. 73–86.
31. (1124). Афанасий Никифорович Левашов – Степан Иванович Исленьев. 28. 08. – 15. 11. 1619 г. Ф. 210. Оп. 17. Ст. 10. Л. 1–27.
32. (1135). Яков Афанасьевич Демьянов – Иван Прохорович Писемский. 16 марта 1620 г., декабрь 1623 г. – февраль 1624 г. Ф. 210. Оп. 9. С. 17. Стп. 3. Л. 1–41. Полностью не опубл. *Часть грамот опубл.: № 1 – трижды, в том числе Лихачев. Разрядные дьяки. С. 155; АСЗ. Т. 3. М., 2002. № 111; № 2 – дважды – Садилов П. А. Из истории Опричнины XVI в. // ИА. Т. 3. М. 1940. № 67; АСЗ. Т. 1. М., 1997. № 214.*

33. (1148). Юрий Игнатъевич Татищев – Семен Васильевич Головин. 1622 г., февраль – марта 2. Ф. 210. Оп. 17. Ст. 27. Стп. 2. Л. 60; Ст. 102. Л. 43–50.
34. (1161). Иван Кузмич Бегичев – Григорий Алексеевич Загряжский. 1623 г., 10 февраля – март. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 16. Стп. 1. Л. 1–17.
35. (1170). Андрей Федорович Наумов – кн. Василий Романович Барятинский. 25. 04. – 10. 06. 1623 г., 17. 05. – 07.09. 1624 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 16. Л. 1–122
36. (1172). Князя Юрий Андреевич Звенигородский – Иван Федорович Татев. 03. 12. – после 04. 12. 1624 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 17. Л. 1–8. Не опубл. В РИС. Т. 5. С. 330–333 и КР. Т. 1. С. 1039–1042 – опубл. запись в книгах Московского стола, без воспроизведения челобитных обоих.
37. (1179). Кн. Данило Иванович Шабановский Долгорукий – боярин Федор Иванович Шереметев. 14. 03. – 21. 12. 1624 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 17. Стп. 4. Л. 1–13.
38. (1194). Владимир Прокопьевич и Ульян Семенович Ляпуновы – кн. Федор Федорович Волконский, Иван Юрьевич Ловчиков. 12. 03. – 23. 07. 1625 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 20. Л. 252–257, 293–298, 308–311. (1195).
39. Максим Петрович Крюков – кн. Федор Федорович Волконский, Иван Юрьевич Ловчиков. 12–15 мая 1625 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 20. Л. 259–261.
40. (1221). Семен Васильевич Колтовский – кн. Григорий Константинович Волконский. 25. 11. 1626 – 30. 03. 1627 гг. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 28. Стп. 2. Л. 1–68; Ст. 559. Л. 335, 354–396, 408–441. Ф. 141. 1627 г. Д. 73. Л. 2–13.
41. (1227). Иван Владимирович Благой – кн. Иван Федорович Шаховской. 07. 03. 1627 – 12. 03. 1628 гг. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 28. Стп. 1. Л. 1–62. *Опубл. Благово Н. В. Шесть столетий рода Благово. СПб., 2007. С. 123–136.*
42. (1231). Василий Никитич Пушкин – Андрей Осипович Плещеев. 1627 г., марта 17, октября 30 – ноября 19. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 35. Стп. 2. Л. 1–426. *Опубл.: ВМОИДР. Т. 14. 1852 г. С. 19–192. Баранов К. В. Акты XVI – нач. XVII вв. из местнических дел. // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 46–50 (переопубл. 8 грамот из 16).*

43. (1237). Иван и Осип Уваровы дети и Михаил Иванов сын Сухотины – Степан Лукьянович Хрущов. 22. 10. – 19. 12. 1627 г. Ф. 210. Оп. 10. Ст. 33. Л. 57–59, 193.
44. (1240). Кнг. Ульяна Васильевна Троекурова – Екатерина Ивановна Бутурлина. 1627–1630 гг. Ф. 210. Оп. 9. С. 1073. Л. 1–24. *Опубл.: ВМОИДР. Т. 6. 1856 г. С. 15–27.*
45. (1254). Князя Роман Петрович Пожарский – Александр Данилович Приимков-Ростовский. 11.(13?) 02. – 07. 08. 1629 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 42. Стп. 3. Л. 1–127.
46. (1281a). Каширяне дворяне и дети боярские – конфликт из-за выбора окладчиков. Февраль – март 1631 г., Ф. 210. Оп. 13. Ст. 510. Л. 1–40. 84–99.
47. (1290). Кн. Мещерские – кн. Григорий Константинович Волконский. конец 1631-го – сентябрь – октябрь 1632 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 76. Л. 434–444, 482–484.
48. (1285). Кн. Василий Григорьевич Вяземский – Мирон Андреевич Вельяминов. 11. 07. 1631 г. – 13. 07. 1635 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 64. Стп. 1. Л. 1–333; Ст. 1158. Л. 1–80. *Опубл. основное дело – Ф. 210 Оп. 9. С. 64. Л. 1–333 - РИС. Т. 5. С. 35–206; археографические дефекты небольшие, ныне часть текста утрачена, но отдельные места были не прочитаны в 1842 г., напр. несколько слов на л. 1, 126, пометы на л.об. 38, 43, 137. Ст. 1158 не опубл.*
49. (1294). Кн. Федор Андреевич Елецкий – кн. Иван Петрович Буйносов. 26. 02. 1632 – 27. 02. 1636 гг. Ф. 210. Оп. 13. Ст. 59. л. 1–144. Не опубл. *В Дворцовых разрядах¹ опубл. 1-я челобитная Буйносова и очень подробное изложение.*
50. (1296). Иван Петрович Вердеревский – Борис Григорьевич Пушкин, Максим Петрович Крюков. 05. 04. – 10.08. 1632 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 75. Л. 293; Оп. 18. Д. 160. Л. 15.
51. (1298). Владимир Васильевич Волинский – боярин Михаил Борисович Шеин. 23. 04. 1632 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 76. Л. 113–115. *Опубл.: АМГ. Т. 1. Л. 113–115.*

¹ ДР. Т. 2. С. 251, 262, 264, 491–496.

52. (1318а). Кн. Иван Борисович Черкасский – отказ от вручения грамоты за печатями членов Боярской думы шведским послам. 06. 08. 1633 г. Ф. 96. Сношения России со Швецией. Оп. 1. Д. 7. Л. 117–118.
53. (1320). кн. Никита Иванович Одоевский, кн. Федор Семенович Куракин – боярин кн. Дмитрий Мамстрюкович Черкасский. 18. 10. – 15. 11. 1633 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1200. Л. 674(отр.).
54. (1322). Кн. Иван Федорович Шаховской – кн. Дмитрий Михайлович Пожарский. 01. 12. 1633 г. – 02. 01. 1634 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 48. Л. 79–88.
55. (1335). Ларион Григорьевич Сумин-Курдюков – кн. Василий Григорьевич Ромодановский. 1634–1635 гг. Ф. 79 (?). Ф. 159. оп. 2. Д. 352. Л. 1–13. *Опубл. ЧОИДР, 1848, № 7, с. 122.* Не найдено, вероятно, в Ф. 79. Сношения России с Польшей, в столбцах.
56. (1336). Городовые дворяне псковичи, пусторжевцы, опочцы – Ларион Григорьевич Сумин-Курдюков. 1634 г. – 1635 г., сент. Ф. 79 (?).
57. (1338). Борис Иванович Кокорев – Мирон Андреевич Вельяминов. 13. 08. 1635 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 64. Л. 137–138.
58. (1355). Леонтий Степанович Фомин – Федор Севастьянович Колтовский. 21. 06. – 21. 07. 1635 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 107. Л. 360, 368–371.
59. (1361). Иван Матвеевич, Иван, Логгин, Федор Павловичи Огалины – Иван Федорович Кучюков. 12. 05. 1636 – 05. 02. 1640 гг. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 284. Л. 21а – 23, 59–69.
60. (1369). Стряпчие, московские дворяне, жильцы – Иван Яковлевич Вельяминов. 10. 09. 1637 г. Ф. 210. Оп. 13. Ст. 351. Л. 19–171.
61. (1371). Семен Савельевич Хитрово – Максим Савинович Лодыженский. 1637/38 г., 15. 07. 1645 г., Ф. 210. Оп. 9. Ст. 199. Л. 157. *Опубл.: АМГ. Т.III. С. 153–154.*
62. (1375). Городовые дворяне угличане – Иван Юрьевич Шубинский, Борис Маракушев, Богдан Третьяков. ок. 10.02. – 14. 03. 1639 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 143. Л. 2–3. *Опубл.: ВМОИДР. Кн. II. М., 1851. Смес. С. 24.*
63. (1379). Кн. Федор Семенович Куракин – кн. Алексей Никитич Трубецкой. 25. 02. – 29. 07. 1640 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 157. Л. 1–64.

64. (1386). Михаил Федорович и Василий Михайлович Еропкины – конфликт с боярином Федором Ивановичем Шереметевым в связи с местническим делом И. Ф. Еропкин – кн. В. Г. Меньшой Ромодановский (№ 1365). 28–29. 03. 1640 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1037. Л. 242–247.
65. (1395). Иван Данилович Апухтин – Лаврентий Федорович Наумов. 4–24. 12. 1646 г., 07. 01. 1647 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 217. Л. 380–381, 576–579.
66. (1399). Кузьма Андреевич Трусов – кн. Федор Федорович Волконский. 25. 05. 1642–21. 06. 1643 гг. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 181. Л. 37–44. *Опубл.: Эскин Ю. М. Местническое дело К. А. Трусов – кн. Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV – XVII вв. Сб. ст., посв. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 300–307.*
67. (1400). Иван и Борис Степановичи Колтовские – Григорий Гаврилович Пушкин. 06. 03. – 20. 08. 1642 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 171. Стп. 3. Л. 1–147.
68. (1404). Городовые дворяне малоярославцы – Иван Иевлевич Загряжский. 17. 06. – 03. 07. 1642 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 176. Л. 204–205.
69. (1405). Гаврила Афанасьевич Челищев – Федор Богданович Глебов. Июнь – 26. 06. 1642 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 176. Л. 215, 216.
70. (1406). Кн. Василий Федорович Шелешпанский – Федор Богданович Глебов. До 03. 06. – 30. 08. 1642 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 176. Л. 56, 122–126, 269–274; Оп. 11. Ст. 147. Л. 48–49.
71. (1408). Богдан Матвеев, Савва Семенов, Иван Богданов, Савостьян Темкин (Артемьев?) сыновья Хитрово – Вахромей [Михайлов сын?] Хитрово с братьей. 27. 11. – 01. 12. 1642 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1118. Л. 445–44.
72. (1407а). Тимофей Федорович Бутурлин – кн. Алексей Никитич Трубецкой. 13–16. 07. 1642 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 176. Л. 172–169.
73. (1413). Иван Михайлович Аничков с братьею – Аничковы, городовые дворяне уфимцы. 20–26. 01. 1643 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1118. Л. 437–440.

74. (1415). Григорий Гаврилович Пушкин – боярин кн. Алексей Михайлович Львов. 21. 12. 1643 – 10. 02. 1644 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1118. Л. 413–419.
75. (1417а). Брянчане дворяне и дети боярские – белевцы, болховичи, карачевцы. До 09. 06. 1643 г. – после 01. 08. 1643 г. Ф. 210. Оп. 210. Оп. 14. Ст. 126. Л. 77–102.
76. (1420). Боярин кн. Юрий Андреевич Сицкий – боярин Михаил Михайлович Салтыков. 18–21. 01. 1644 г. Ф. 141. Оп. 1. 1646 г. Д. 34. Л. 1–38. *Опубл. Акты, относящиеся до юридического быта Древней Руси. Т. I. М., 1857. № 48. С. 152–159. (без дублетного л. 3).*
77. (1423). Городовые дворяне коломничы – челобитье в связи с записью их корпорации ниже др. городских корпораций. 11–15. 08. 1644 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1118. Л. 111–112.
78. (1444). Дмитрий Иванович Репей Плещеев – Василий Борисович Шереметев. 18. 08. – 14. 11. 1646 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 217. Л. 237–244.
79. (1446, 1449а, 1451, 1472, 1476, 1492, 1495). Дело об учреждении в сотнях чина знаменщиков из городских дворян и их протестах. Ок. окт. 1646 – авг. 1649 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 6. Л. 101об.–102об.; Кн. 7. Л. 50, 174–175об., 189; Оп. 9. Ст. 227. Л. 24–32; Ст. 1079. Л. 1–45; Оп. 13. Ст. 561. Л. 329–331. *Опубл.: Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 6. Л. 101об.-102об. – ЗАРГ. Т. 1. С. 217; Кн. 7. Л. 50 – там же. С. 225; Кн. 7. Л. 174–175об. – РИБ. Т. 10. С. 462–463; Кн. 7. Оп. 6а. Л. 189 – РИБ. Т. 10. С. 467; Оп. 9. Ст. 227. Л. 24–32 – АМГ. Т. II. С. 253–255. Не опубл. документы из Оп. 9. Ст. 1079 и Оп. 13. Ст. 561.*
80. (1450). Василий Васильевич Бутурлин – Василий Борисович Шереметев. 20. 11. – 18. 12. 1646 г. Ф. 210. Оп. 19. Ст. 99. Л. 118–120.
81. (1452). Кн. Юрий Алексеевич Чертенюк Долгорукий – боярин Василий Борисович Шереметев. Осень – 20. 12. 1646 г. Ф. 210. Оп. 19. Ст. 99. Л. 104–108, 121–124
82. (1455). Кн. Тимофей Иванович Щербатый – окольничий Михаил Матвеевич Бутурлин. 12. 12. 1646–22. 07. 1648 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1503. Л. 17–60; Оп. 13. Ст. 167. Л. 57–63.

83. (1463). Иван Матвеевич, Логин, Федор и Степан Павловичи Огалины – Степан Васильевич Норов. 30. 06. 1647–27. 07. 1651 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 284. Л. 1–84.
84. (1468). Никита Алексеевич Зюзин – Борис Иванович Пушкин. До 24. 03 – 06. 05. 1648 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 218. Л. 95–208.
85. (1471). Тимофей Федорович Вороненок Бутурлин – кн. Алексей Иванович Буйносов-Ростовский. До 26. 04.– 05. 07. 1648 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 217. Л. 216–249.
86. (1473). Стольники кн. Иван Андреевич Хилков – Василий Борисович Шереметев. 03. 08. – 16. 11. 1648 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 224. Л. 325–341; ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. Д. 675. Л. 1, 2.
87. (1475). Василий Петрович Отяев – челобитье в связи с назначением в Новую четь на выемки. Сентябрь 1648 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 223. Л. 256; Оп. 6а. Кн. 7. Л. 226об. – 227. *Опубл.: РИБ. Т. 10. С. 488–489 (из книги); АМГ. Т. II. С. 219–220 (из столбца).*
88. (1477) Семен Иванович Кашкаров – Семен Федорович Муравьев. 11. 08. 1648 – 14. 02. 1649 гг. Ф. 141. Оп. 1. 1648 г. Д. 145. Л. 1–8; Оп. 2. 1647 г. Д. 14. Л. 32–37; РГБ. ОР. Ф. 304. Оп. 2. Д. 18. Л. 110–113 (изложение в сборнике).
89. (1480). Дмитрий Иванович Зубов – Михаил Васильевич Ларионов. После 24. 02. 1649 г. Ф. 210. Оп. 17. Ст. 57. Л. 2–4.
90. (1481). Михаил и Андрей Львовичи Плещеевы – кн. Василий Борисович Хилков. 28. 02. – 01. 03. 1649 г. Ф. 27. Оп. 1. Д. 65. Л. 1; Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 7. Л. 126.
91. (1482). Кн. Данило Ефимович Мышецкий – Михаил и Андрей Львовичи Плещеевы. 28. 02. 1649 г. Ф. 27. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–4; Ф. 210. Оп. 19. Ст. 64. Л. 1–8.
92. (1469², 1483). Алексей Дмитриевич Охотин Плещеев – кн. Василий Борисович Хилков. 07. 03. – 09. 05. 1648 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 7. Л. 117–118об., 162–164. *Опубл.: РИБ. Т. 10. С. 457.*

² В Реестре дело ошибочно разделено на два.

93. (1487). Дмитрий Григорьевич Сабуров – боярин кн. Михаил Петрович Рыбин-Пронский. 09. 05. – 24. 06. 1649 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 224. Л. 300–324.
94. (1490). Кн. Иван Тимофеевич Вадбольский, кн. Федор [Андреевич] Шелешпанский, кн. Иван [Тимофеевич] Ухтомский с братьей и племянниками – кн. Никифор Иванович Белосельский. 28. 07. – 08. 08. 1649 г. Ф. 210. Оп. 17. Ст. 30. Л. 1–10.
95. (1496). Илларион Дмитриевич Лопухин – челобитье о записи его с дворянами, а не с дьяками, в связи с делом дьяки – гости 1648 г. 12. 09. 1648 г. (Реестр, № 1493). *Опубл.: ОГРА. С. 345, 346; ПСЗ. Т. I. С. 484.*
96. (1476а). Дворяне и дети боярские ряшане – дело по их челобитной о поверстании их и выдаче им оклада «по старине», а не с новыми городами. 10. 10. 1648 – январь 1649 г. Ф. 210. Оп. 10. Ст. 30. Л. 217– 298 об.
97. (1509). Василий Петрович Головин – кн. Борис Александрович Репнин. 15.05. 1650 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 8. Л. 136. *Опубл.: ПСЗ. Т. I. С. 36.*
98. (1510). Евстафий (Остафий) Иванович Зыбин – Богдан Матвеевич Хитрово. Май – 29. 07. 1650 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 8. Л. 148–148об. *Опубл.: ПСЗ. Т. I. № 38*
99. (1512). Алексей Иванович Хрущов – Василий Петрович Головин. 11–24. 06. 1650 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 914. Л. 209–211.
100. (1514). Кн. Иван Иванович Ромодановский – Иван Иванович Салтыков. 28–29. 07. 1650 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 8. Л. 156–156об. *Опубл.: ПСЗ. Т. I. № 41*
101. (1518). Никифор [Алексеевич]³ Давыдов – кн. Иван Андреевич Засекин. Сентябрь – 1650 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 8. Л. 173–175.
102. (1525). Григорий и Степан Гавриловичи Пушкины – кнн. Юрий и Дмитрий Алексеевичи Долгорукие. 22. 11. 1651 – 09. 02. 1652 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 245. Л. 244–325.
103. (1632а). Семен Лаптев – Захарий Ханыков. 31. 05. – 25. 06. 1652 г. Ф. 371. Оп. 2. Д. 60. Л. 235–236.

³ Вероятно – выборный дворянин по Серпейску (Боярская книга 1627 г.. С. 139).

104. (1540). Григорий Борисович Врасский – Кондратий Федорович Пашков. 05. 08. 1653 – 09. 05. 1654 г. Ф. 210. Оп. 13. Ст. 209. Л. 11–18.
105. (1545). Кн. Дмитрий Петрович Львов – челобитная в Разрядный приказ о несоблюдении дьяком И. Северовым указа о безместии. 15. 05. 1654 г. Ф. 210. Оп. 14. Ст. 157. Л. 26–27.
106. (1546а). Окольничий кн. Иван Иванович Ромодановский – боярин Василий Борисович Шереметев. 27. 07. – 02. 08. 1654 г. Ф. 210. Оп. 11. Ст. 212. Л. 226–229.
107. (1547). Борис Иванович Плещеев – Иван Моисеевич Плещеев. 19. 11. 1654 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 9. Л. 37–37об.
108. (1548). Михаил Иванович Наумов – кн. Юрий Никитич Бяратинский. 05. 06. 1655 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 262. Л. 140–145. Не опубл. *Приговор опубл. : ПСЗ. Т. 1. С. 363–364.*
109. (1547а). Дворяне и дети боярские тарушане – челобитная о восстановлении их в списке на прежнем месте. 10. 05. 1655 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 274. Л. 11–11об.
110. (1550). Кн. Никита Яковлевич Львов – кн. Александр Иванович Лобанов–Ростовский. 21–22. 06. 1655 г. Ф. 210 Оп. 9. Ст. 262. Л. 163–166. *Опубл.: АМГ. Т. II. С. 41.*
111. (1556). Кн. Данило Степанович Велико-Гагин – кн. Иван Петрович Пронский. 15–21. 02. 1657 г. ф. 210. Оп. 9. Ст. 285. Л. 356–357. *Опубл.: АМГ. Т. II. С. 561.*
112. (1566). Петр Васильевич Шереметев, кн. Федор Федорович Волконский – кн. Никита Иванович Одоевский. 26. 05. 1658 г. Ф. 27. Оп. 1. Ст. 127. Л. 1–45.
113. (1568). Тимофей Устинович Хрушов – Лев Прокопьевич Ляпунов. Июнь – 12. 08. 1658 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 299. Л. 47–50.
114. (1569). Василий Никитич Лихарев – Лев Прокопьевич Ляпунов, кн. Григорий Григорьевич Ромодановский. 15. 07. – 21. 08. 1658 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 299. Л. 36–46, 51–57.

115. (1570). Кн. Андрей Михайлович Солнцев – кн. Григорий Семенович Куракин. 22. 09. – 19. 11. 1658 г. Ф. 27. Оп. 1. Ст. 123. Л. 1–5.
116. (1571а). Кн. Александр Иванович Лобанов–Ростовский – Василий Никитич Лихарев. После 19 и до 22. 09. 13. 11. 1658 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 292. Л. 66–69. *Опубл.: АМГ. Т. I. С. 624, 631–632.*
117. (1572). Лука Владимирович Ляпунов – кн. Григорий Афанасьевич Козловский. Октябрь 1658 г. – 07. 03. 1859 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 532. Л. 46, 88–97.
118. (1573). Кн. Григорий Афанасьевич Козловский – кн. Иван Иванович Лобанов–Ростовский. 07. 11. – 28. 12. 1658 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 429. Л. 4–8, 25–36, 141–152, 154, 155.
119. (1576). кн. Григорий Григорьевич Ромодановский – кн. Федор Федорович Куракин. 14. 12. 1658 – 03. 03. 1659 гг. Ф. 210. Оп. 13. Ст. 308. Л. 109–114, 354–356, 361–364.
120. (1577, 1583). Иван и Андрей Дмитриевичи, Федор Иванович Плещеевы, кн. Федор Никитич Барятинский – кн. Юрий Алексеевич Чертенюк Долгорукий. Декабрь 1658 г., 28. 04. – 02. 05. 1659 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1062. Стп. 2. Л. 1–52.
121. (1578). Городовые дворяне туляне, каширяне, рязанцы, коломнич – Петр Дмитриевич Скуратов. 1658/59 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 299. Л. 321а.
122. (1580). Гости Матвей Васильевич Антонов, Михаил Ерофеев – дьяки. *Опубл.: ПСЗ. Т. I. № 247. С. 483–485.*
123. (1581). Кн. Федор Федорович Куракин – кн. Алексей Никитич Трубецкой. 03. 04. – 07. 05. 1659 г. Ф. 210. Оп. 13. Ст. 308. Л. 351–353.
124. (1584). Василий Никитич Лихарев – Иван Андреевич Полев. 10. 05. – 09. 06. 1659 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 229. Л. 58–97. *Опубл.: Тамбовская ученая архивная комиссия (ТУАК). Вып. 7. Тамбов, 1886. С. 21–30. Публикация (видимо, Н. Н. Дубасова) в извлечениях: челобитные – с большими неуказанными пропусками текстов, приговор и отписки – в изложениях.*
125. (1585). Дмитрий Петрович Волынский – Андрей Степанович Вельяминов, кн. Петр Иванович Щетинин. 07. 05. 1659 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 10. Л. 241а.

126. (1587). Городовые дворяне и дети боярские мещеряне (кн. Болховские, Вышеславцевы, Мосоловы, Москотиньевы, Мясоедовы, Протасьевы, Свищовы) – Василий Никитич Лихарев. До 22. 03–19. 06. 1659 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 229. Л. 98, 1–4, 58–69, 91, 92.
127. (1589). Василий Коробьин, Яков Безобразов, Григорий Леонтьев, Никифор Поленов, Данила Воробин, Кирилл Ушаков – Семен Данилович Змеев. 23. 10. 1659 г. – 20. 04. 1660 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 309. Л. 438–441. *Опубл.: АМГ. Т. III. С. 58–59.*
128. (1591). Федор Иванович Колтовский – кн. Федор Федорович Волконский. 17–18. 04. 1660 г. Ф. 141. 1660 г. Л. 1–19.
129. (1591а). Федор Отрослев – Денис Остафьев. 31. 03. – 02. 04. 1660 г. Ф. 141. оп. 1. 1660 г. Д. 26. Л. 5–6.
130. (1592). Михаил Петрович Щепин Волынский – кн. Юрий Алексеевич Чертенюк Долгорукий. 18. 07. 1660 г. Ф. 210 Оп. 9. Ст. 316. Л. 72. Дело не сохранилось, кроме наказа, который мог быть его результатом. *Опубл.: АМГ. Т. III. С. 119.*
131. (1594). Кн. Константин Осипович Щербатый – кн. Юрий Алексеевич Долгорукий. 06–15. 1660 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 11. Л. 332–334об.
132. (1595). Максим Григорьевич Ртищев – Осип Иванович Сукин, Семен Данилович Змеев. 07. 10. 1660 – 04. 01. 1661 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 11. Л. 341–341об. *Опубл.: ОГРА. С. 350.*
133. (1597). Дьяки Артемий Иванович Козлов – Авраамий Кощеев. 20–24. 05. 1661 г. Ф. 210. Оп. 17. Ст. 48. Л. 82–85. С. 232–233.
134. (1598) кн. Юрий Иванович Шаховской – кн. Юрий Алексеевич Долгорукий. 04–09. 01. 1661 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 11. Л. 342–343; оп. 9. Ст. 316. Л. 484–486. *Опубл. (текст в столбце): АМГ. Т. III. С. 275.*
135. (1600). Иван и Михаил Федоровичи Самарины – Семен Степанович Колтовский. 05. – 08. 03. 1661 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 11. Л. 346об. – 348об.
136. (1603). Григорий Владимирович Новосильцев – Никита и Лев Андреевичи Вельяминовы. 18 (20?). 05. 1661 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 11. Л. 343–344.

137. (1605). Михаил Федорович Скрыбин – Михаил Михайлович Дмитриев. 29. 07. 1661 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 314. Л. 431–432. *Опубл.: АМГ. Т. III. С. 412.*
138. Василий Богданович Лихачов – Федор Михайлович Лодыженский. 04. – 29. 07. 1661 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 11. Л. 344об.–345об. Ф. 141. 1661 г. Д. 136. Л. 1–2.
139. (1610). Иван Иванович Чаадаев – кн. Василий Богданович Волконский. 10. 09. – 10. 10. 1661 г. (местонахождение не выяснено, предположительно Разрядный или Малороссийский приказ). *Опубл.: АЮЗР. Т. XVII. № 113, 118, С. 330–332, 340–341.*
140. (1615). Кн. Андрей Михайлович Волконский – Яков Иванович Загряжский. 26–28. 03. 1662 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 12. Л. 201–201об. *Опубл.: РИС. Т. V. С. 340, 341.*
141. (1616). Иван Богданович Приклонский – Данило и Лев Андреевичи Вельяминовы. 15. 04. 1661 г. Ф. 210 Оп. 6а. Кн. 12. Л. 202–202об.
142. (1617). Иван Семенович, Андрей и Иван Максимовичи, Павел Петрович, Петр Васильевич Языковы – челобитье на городских дворян Языковых. 09. 05. 1662 г. Ф. 210 Оп. 6а. Кн. 12. *Опубл.: Маркевич А. И. О местничестве. С. 387, 388.*
143. (1662). Дьяки Артемий Иванович Козлов – Василий Васильевич Ушаков. Весна – 30. 06. 1662 г. Ф. 210. Оп. 17. Ст. 48. Л. 89–96; ст. 25. Л. 46–84. *Опубл.: Эскин Ю. М. «А Василей сказал, то де Артемей замыслил воровски». Документы о местничестве приказной бюрократии. // ИА. 1993. № 2. С. 190, 199–209.*
144. (1627). Герасим Кузмич Шишков – кн. Семен Иванович Львов. После 15. 09. – 30. 10. 1663 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 349. Л. 478, 479, 481–488. *Опубл.: АМГ. Т. III. С. 528–530*
145. (1629). Артемий Иванович Козлов – Василий Васильевич Брехов. 09. 02. 1664 – 30. 06. 1665 г. Ф. 210. Оп. 17. Ст. 25. Л. 46–109; Ст. 48. Л. 57–98; Ст. 101. Л. 23–27. *Опубл.: Эскин Ю. М. «А Василей сказал, то де Артемей замыслил воровски...» Документы о местничестве приказной бюрократии. // ИА. 1993. № 2. С. 189–198.*

146. (1630). Кн. Семен Иванович Львов – кн. Борис Александрович Репнин. 03–05. 09. 1664 г. Ф. 210 Оп. 12. Ст. 564. Л. 106–109.
147. (1632). Федор Васильевич Александров – Иван Иванович Чаадаев. 20. 07. 1665 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 681. Стп. 6. Л. 2–5. *Опубли.: ВМОИДР. Т. V. С. 15.*
148. (1633). Михаил Никитич Чириков – Андрей Андреевич Галкин. 01. 06. 1665 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 366. Л. 30.
149. (1633а). Назарий Михайлович Алфимов – Иван Афанасьевич Желябужский. 11. 09. 1665 г. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. Д. 68. Ч. 2. Л. 3, 4, 25–31. *Опубли.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. VI. СПб., 1869. С. 1–4.*
150. (1634). Федор Васильевич Бутурлин – кн. Иван Андреевич Хилков. [12. 02. 1666 г.] Ф. 210. Оп. 13. Ст. 1534. Л. 271.
151. (1635). Тимофей Дмитриевич Клокачев – Петр Васильевич Шереметев. После марта 1666 г. Ф. 210. Оп. 18. Д. 165. Л. 377об.–378.
152. (1636а). Василий Всеволожский – Федор Васильевич Всеволожский. 16. 06. 1666 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 378. Л. 96.
153. (1636). Иван Федорович Бутурлин – кн. Иван Семенович Прозоровский. 29. 04. – 04. 05. 1666 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 378. Л. 12, 13.
154. (1641а). Василий Лопатин, Андрей Бороздин, кн. Данило Петрович Кропоткин, Дмитрий Связев с товарищи – Алексей Званский с товарищи. 1667/68 г. [Архив СПб. ИИ РАН. Ф. Астраханское губернское правление ?]. *Опубли.: АИ. Т. IV. № 206. С. 438.*
155. (1644). Кн. Петр Иванович Хованский – кн. Григорий Семенович Куракин. Май 1668 г. – 07. 07. 1669 г. Ф. 210. Оп. 15. Ст. 133. Л. 426–433.
156. (1647). Кн. Яков Петрович Волконский – кн. Данило Афанасьевич Барятинский. 03–04. 08. – 28. 09. 1668 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 637. Л. 1–110.
157. 1650). Кн. Александр Иванович Лобанов-Ростовский – кн. Петр Иванович Хованский. 30. 01. – 07. 06. 1669 г. Ф. 210. Оп. 15. Ст. 133. Л. 428–430, 432, 433.

158. (1649). Леонтий Никитич Кобяков – Михаил Михайлович Дмитриев. Лето – декабрь 1668, 1676 г. – декабрь 1677 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1032. Л. 2, 25–42.
159. (1649а). Федор Григорьевич Засецкий – Михаил Михайлович Дмитриев. Лето – 19. 11. 1668 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1032. Л. 25, 27, 30–33.
160. (1649б). Роман и Евдоким Елизарьевичи Яковлевы – Михаил Михайлович Дмитриев. Лето – 19. 11. 1668 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1032. Л. 25, 29, 31–33.
161. (1651). Дело о ссоре дьяка С. Федорова с воеводами и начальными людьми Белгородского разряда. 1669 г. – 01. 06. 1670 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1210. Л. 277–300.
162. (1653). Андрей [Воинов] Апухтин – кн. Владимир [Андреевич] Волконский. 1671 г. – 21. 03. 1673 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 785. Л. 494–496.
163. (1654). Глеб Степанович Юрьев – кн. Григорий Григорьевич Ромодановский. 26. 06. – 10. 08. 1671 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 445. Стп. 2. Л. 138–148.
164. (1655). Лев Яковлевич Вельяминов – Лев Иванович Салтыков. Лето – 15. 08. 1671 г. Местонахождение неизвестно. Опис. по публикации. *Опубл.: Иванчин-Писарев Н. Д. Семейные акты Иванчиных-Писаревых. // Чтения ОИДР. 1847 г. № 9. С. 16.*
165. (1656). Иван Богданович Милославский – кн. Яков Никитич Одоевский. Июль – 15. 07. 1672 г. Местонахождение неизвестно. Изл. по публикации. *Опубл.: АИ. Т. IV. С. 400–401.*
166. (1660). Алексей Иванович Карамышев, Семен Федорович Загрязский – Петр Дмитриевич Скуратов, Иван Иванович Вердеревский. Май 1674 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 757. Л. 172–173.
167. (1662). Семен Иванович Заборовский – Петр Дмитриевич Скуратов, Иван Иванович Вердеревский. Сентябрь – ноябрь 1674 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 757. Л. 170–173.
168. (1668). Кн. Григорий Григорьевич Ромодановский – кн. Василий Васильевич Голицын. 1677 г. Лето – окт. Ф. 210. Оп. 13. Ст. 640.

Л. 44. *Опубл.: ВМОИДР. Кн. IV – VIII, 1849–1850, 1852, Кн. X, XII, XIII, 1852; Московская деловая и бытовая письменность. М., 1968. С. 19–20; Грамотки XVII – нач. XVIII в. М., 1969. № 237–287.*

- 169.** (1671). Смирной Григорьевич Свиньин – кн. Григорий Афанасьевич Козловский. 21. 02. – 15. 03. 1676 г. Ф. 210. Оп. 13. Ст. 1019. Л. 1–148.
- 170.** (1672). Григорий Леонтьевич Кобяков – кн. Иван Михайлович Кольцов-Масальский. 16.03. 1676 – 27. 03. 1677 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 510. Стп. 4. Л. 1–59.
- 171.** (1673). Лука Владимирович Ляпунов – кн. Григорий Афанасьевич Козловский. 28. 07. – 15. 12. 1676 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 510. Стп. 4–5. Л. 1–111. Ст. 532. Стп. 5. Л. 47–53.
- 172.** (1675). Григорий Алексеевич Кобяков – кн. Юрий Никитич Барятинский. 26. 03. – 11. 06. 1677 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 5. Л. 112–121.
- 173.** (1676). Кн. Федор Андреевич и Федор Федорович Хилковы – кн. Юрий Алексеевич Долгорукий. 12.–29. 05. 1677 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 532. Стп. 5. Л. 122–131.
- 174.** (1677). Тимофей Богданович Булгаков – Иван Иванович Ржевский. Июль – 03. 08. 1677 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 532. Стп. 5. Л. 132–134.
- 175.** (1677а). Семен Федорович Грибоедов – челобитье о подтверждении указа о безместии. 12. 05. 1677 г. Ф. 210. Оп. 14. Ст. 310. Л. 255–265.
- 176.** (1678). Кн. Петр Иванович Хованский – кн. Василий Васильевич Голицын. 04. 09. – 24. 10. 1677 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1155. Л. 132–134.
- 177.** (1679). Леонтий Романович Неплюев – кн. Константин Осипович Щербатый. 01–15. 10. 1678 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 933. Л. 1–23.
- 178.** (1680). Иван Афанасьевич Прончищев – Иван Богданович Милославский. 24–26. 11. 1678 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 983. Л. 24–35.
- 179.** (1682). Дьяки Клим Судейкин – Полуэкт Истомин. Март – май 1679 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 579. Л. 208.

180. (1684). Тимофей Федорович Батюшков – Никифор Кириллович Мартаков. 20. 07. – 19. 08. 1679 г. Ф. 210. Оп. 13. Ст. 777. Л. 77–78.
181. (1686). Кн. Михаил Федорович Жировой-Засекин – кн. Юрий и Иван Даниловичи Велико-Гагины. 07.– 08. 1679 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 933. Л. 36–44.
182. (1687). Кн. Михаил Алексеевич Голицын – сибирский царевич Григорий Алексеевич. 19. 08 – 01. 10. 1679 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1032. Л. 51–65.
183. (1690). Григорий Протопопов, Михаил Бурнашов – Иван Горяинов. Ноябрь 1679 – 16. 01. 1680 г. Ф. 210. Оп. 13. Ст. 511. Л. 209–212.
184. (1691). Кн. Данило Афанасьевич Барятинский – Петр Михайлович Салтыков. 05 – 11. 07. 1680 г. Ф. 210. Оп. 12. Ст. 1032. Л. 14–21.
185. (1695). Степан Афанасьевич Собакин – Осип Семенович Мертваго. 12. 09. – 17. 11. 1681 г. Ф. 210. Оп. 13. Ст. 819. Л. 99–105.
186. (1698). Петр Михайлович Козлов – отказ от назначения. 02–04. 09. 1683 г. Ф. 371. Преображенский приказ. Оп. 2. Д. 153. Л. 5–10.
187. (1699, 1700). Кн. Иван Семенович Хотетовский, Родион Михайлович Павлов – отказ от назначения в крестный ход. 19–25.07.1685 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 22. Л. 336–336об., 317.
188. (1702). Кн. Юрий и Василий Владимировичи, Лука и Борис Федоровичи Долгорукие – кн. Петр и Иван Алексеевичи Голицыны. 02–11. 02. 1686 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 678. Л. 1–17. *Опубл.: ВМОИДР. Т. V. С. 13.*
189. (1706). Андрей Андреевич Винуис – Борис Михайлович Михайлов. 07. 09. 1690 – 27. 06. 1693 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 955. Стп. 3. Л. 1–19. *Опубл.: Сторожев В. Н. Дело дьяка А. А.Винуиса. // Тверская ученая архивная комиссия. Тверь, 1896.*
190. (1708). Кн. Григорий Афанасьевич Козловский – Лев Кириллович Нарышкин. 14–15. 04. 1691 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 25. Л. 72–74об., 122. Оп. 9. Ст. 1162. Л. об. 19, 20, 22, 23, 27. *Опубл.: (по кн. 25): РИС. Т. 5. С. 342–346; ОГРА. С. 352–357 (без записи о прощении); Москвитянин, 1841, № 2.*

- 191.** (1709). Никита Андреевич, Никита Дмитриевич Полтевы, Никита Евстафьевич Зыбин, Михайло Никонович Чаплин – кн. Семен и Федор Федоровичи Барятинские. 14. 09. – 05. 10. 1691 г. Ф. 394. Московская Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Д. 326. Л. 476–476об.
- 192.** (1710). Семен Семенович Колтовский – отказ от назначения. 07. 10. – 24. 01. 1692 г. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 946. Л. I, 15. Ст. 950. Л. 259. Ф. 326. Оп. 1. Кн. 326. Л. 477.
- 193.** (1714). Михаил и Семен Михайловичи Самарины – Василий и Никита Ивановичи Бутурлины. 08–23.09.1692 г. Ф. 210. Оп. Оп. 9. Ст. 949. Стп. 1. Л. 834–836, 840.
- 194.** (1715). Кн. Михаил Григорьевич Ромодановский – Алексей Семенович Шеин. 09. 12. 1692 – 10. 01. 1693 г. Подлинник не обнаружен. *Опубл.: ПСЗ. Т. III. № 1410.*
- 195.** (1717). Иван и Василий Михайловичи Беклемишевы – кн. Алексей и Василий Ивановичи Львовы. 01. 01. 1694 г. Ф. 210. Оп. 6а. Кн. 26. Л. 123–124об. *Опубл.: Русский вестник, 1841 г., № 11.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники¹

Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ. ОР)

Ф. 79. Собрание Горского. № 16.

Ф. 178. Музейное собрание. Оп. 1. № 738.

Государственный исторический музей. Отдел рукописей. (ГИМ. ОР)

Ф. Уваровское собрание. № 501 (1507), 800 (1508).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 3. Л. 219–264.

Ф. 96. Сношения России со Швецией. Оп. 1. Д. 7.

Ф. 127. Приказ тайных дел. Оп. 1. Кн. 8. Л. 114–116.

Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 1. Д. 494.

Ф. 181. Рукописное собрание Библиотеки МГАМИД. Оп. 1. Д. 115, 119, 122, 125, 173.

Ф. 188. Рукописное собрание ЦГАДА. Оп. 1. Д. 34, 39.

Ф. 196. Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина. Оп. 1. Д. 477.

Ф. 199. Портфели Миллера. Оп. 1. Портф. 52.

Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 20. Д. 221, 222, 224, 236, 244.

(Описи архива Разрядного приказа XVII – XVIII вв.).

Опубликованные источники

1. Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. (ААЭ).
2. Акты Исторические. Т. I. СПб., 1841
3. Акты Московского государства. Т. 1–3. СПб., 1890, 1894, 1901. (АМГ).

¹ В сносах названия архивохранилищ (аббревиатуры «РГАДА», «ОР РГБ» и пр.) указывается при шифрах всех документов, кроме документов ф. 210, Разрядный приказ, ввиду массовости сносок на этот фонд.

4. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. I – IV. Сост., ред. А. В. Антонов. М., 1997–2007. (АСЗ).
5. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 1–2. СПб., 1864.
6. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 1–15. СПб., 1863–1892. (АЮЗР)
7. *Баранов К. В.* Акты XVI – начала XVII вв. из местнических дел // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001.
8. Боярская книга 1627 г. Подгот. к печ. М. П. Лукичев и Н. М. Рогожин. Под ред. В. И. Буганова. М., 1986.
9. Боярская книга 1639 г. Сост. М. П. Лукичев, В. А. Кадик, Н. М. Рогожин. Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1999.
10. Боярская книга 1658 г. Подгот. текста В. А. Кадик, вступ. статья М. П. Лукичев, Н. М. Рогожин. Отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 1999.
11. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа. Сост., подгот. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. Т. I–II. М., 1979.
12. *Видекинд Юхан.* История десятилетней Московитской войны. М., 2000.
13. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987.
14. Временник Московского общества истории и древностей российских (ВМОИДР). Т. 10.
15. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
16. Государственный архив России XVII в. Опыт реконструкции. Подгот. и комментарии А. А. Зимины. М., 1978.
17. Дворцовые разряды XVII в., по высочайшему повелению изданные II Собственной Е. И. В. канцелярии. Т. 1–4. СПб., 1850–1855.
18. Дневник Марины Мнишек. Пер. В. Н. Козлякова. СПб., 1995.
19. Дополнения к Актам историческим (ДАИ). Т. I. СПб., 1846.
20. Дополнения к Т. 3 Дворцовых разрядов. (ДДР). СПб., 1854.
21. Законодательные акты Российского государства 2-й пол. XVI – 1-й пол. XVII в. (ЗАРГ). М.-Л., 1986–1987. Т. 2.
22. «И Василей сказал, то де Артемей замыслил воровски...» Документы о местничестве в среде приказной бюрократии XVII в. Подгот. Ю. М. Эскин // ИА. 1993. № 2.
23. *Игнатий Римский-Корсаков.* Генеалогия. / Сост., ред. А. П. Богданов. – М., 1995.

24. Иное сказание // Русское историческое повествование XVI–XVII вв. М., 1984.
25. Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятом в 1667 году // Проезжая по Московии. (Россия XVI – XVII вв. глазами дипломатов). Сост. Н. М. Рогожин. М., 1991.
26. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II отделением Собственной е.и.в. канцелярии(КР). Т. I–II. СПб., 1853–1855.
27. *Котошихин Г. К.* О Московском государстве в сер. XVII ст. // Русское историческое повествование XVI–XVII вв. Сост. Ю. А. Лабынцев. М., 1984.
28. *Крижанич Ю.* Политика. М., 1997.
29. Народное движение в России в эпоху Смуты нач. XVII в. 1601–1608. Сб. док. Сост. Р. В. Овчинников, В. И. Корецкий, М. Г. Кротов и др. М., 2003.
30. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Пер. А. М. Ловягина. М., 1996.
31. Опись архива Посольского приказа 1626 г. Подгот. В. И. Гальцов. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977.
32. Опись архива Посольского приказа 1673 г. Подгот. В. И. Гальцов. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990.
33. Описи Архива Разрядного приказа XVII в. Подгот. текстов и ред. К. В. Петрова. СПб., 2001.
34. Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Подгот. С. А. Левина, С. О. Шмидт. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.
35. Памятники русского права (ПРП). Вып. IV. М., 1956.
36. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Т. II. М., 1955.
37. Разрядная книга 1495–1598 гг. М., 1966.
38. Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.
39. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I–II. М., 1974.
40. Разрядная книга 1495–1605 гг. Т. I–IV. М., 1978–2003.
41. Редкие источники по истории России. М., 1977.
42. Русский феодальный архив XIV – 1-й трети XVI в. Вып. III. М., 1987.
43. Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986.
44. Русский исторический сборник (РИС). Т. II. М., 1838.
45. Сказания иностранцев о России в XVI–XVII вв. Пер. В. Любич-Романовича. СПб., 1843.

46. *Сторожев В. Н.* Дело дьяка А. А. Винууса. Тверь, 1896.
47. Тамбовская ученая архивная комиссия. Журнал общего собрания. Тамбов, 1886.
48. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50–х гг. XVI в. / Подгот. к печ. А. А. Зимин. М.–Л., 1950.
49. *Тюменцев И. О.* Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) // АЕ за 1992 г. М., 1993.
50. *Сен-Симон.* Мемуары. Кн. 2. М., 1991.
51. *Стерн Л.* Сентиментальное путешествие. М., 1968.
52. Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Т. II.
53. *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии. Россия XVI—XVII вв. глазами дипломатов. М., 1991.
54. Чин поставления на великое княжение кн. Дмитрия Ивановича ...1498 г. // Идея Рима в Москве XV–XVI вв. Источники по истории русской общественной мысли. Рим – Москва. 1989. L' Idea di Roma a Mosca secoli XV–XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo. Отв. ред. П. Костелано, В. Т. Пашуто. Подгот. текста Н. В. Синицына, Я. Н. Щапов. Roma – Mosca 1989. С. 69–70.
55. Чиновный список свадьбы Лжедмитрия I и Марины Мнишек // СГГД. Т. 2. № 138. С. 289–293.

Неопубликованные работы

1. *Тиханкина В. Ф.* Источники по истории местничества времени правления Ивана IV. Дипломная работа. М., МГИАИ, 1973.
4. *Мельников Ю. Н.* Местничество и политическая борьба в России 80–х гг. XVI в. Дисс. канд. ист. наук. М., 1979.
5. *Рыбалко Н. В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. Дисс. канд. ист. наук. Волгоград, 2001.
6. *Высоцкий Д. А.* Общественно-политические взгляды поместного дворянства и внутреннее развитие Русского государства XVII в.: Дисс. канд. ист. наук. Л., 1989.
7. *Седов П. В.* Социально-политическая борьба 70–80-х гг. XVII в. и отмена местничества. Дисс. канд. ист. наук. Л., 1985.

Литература

8. *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991.
9. *Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга // ВИД. Т. 9.

10. Александров В. А. Памфлет на род Сухотиных // История СССР. 1971. № 5.
11. Актон Дж., лорд. Очерки становления свободы. Пер. с англ. Лондон, 1993.
12. Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 159.
13. Альшиц Д. Н. Разрядная книга московских государей // ПИ. Вып. VI. М., 1958.
14. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988.
15. Альшиц Д. Н. Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2003.
16. Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2006.
17. Андреев И. Л. Государев двор и пространство политической борьбы при первых Романовых // Государев двор в истории России XV–XVII в. Владимир, 2006.
18. Андреев И. Л. Сотенные головы в России XVII в. // Тр. Воронежского гос. университета. Научные труды исторического факультета. Вып. 5. Воронеж, 2000.
19. Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002.
20. Анхимюк Ю. В. Разрядная книга 1598–1602 гг. // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003.
21. Анхимюк Ю. В. Частные Разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII в. М., 2005.
22. Базилевич К. В. Новгородские помещики из послужильцев в кон. XV в. // ИЗ. Т. 14. М., 1945.
23. Барг М. А. Кромвель и его время. М., 1950.
24. Баранов К. В. Историография Поганой книги // Реализм исторического мышления. Проблемы Отечественной истории периода феодализма: Чтения, посв. памяти А. Л. Станиславского: Тезисы докладов и сообщений. М., 1991.
25. Баранов К. В. Легенда о родопроисхождении новгородцев Апрелевых, Нееловых и Гурьевых // Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992.
26. Баранов К. В. Проблемы изучения Дворовой тетради // Государев двор в истории России XVI–XVII столетий. Материалы международной научно-практической конференции (30.10. – 01.11. 2003 г., Александров). Отв. ред. В. Д. Назаров, А. С. Петрухно. Владимир, 2006. С. 166–167.
27. Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). М., 1883. Т. 1.
28. Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 5. СПб., 1888.

29. *Бахрушин С. В.* Политические толки в царствование Михаила Федоровича // *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии истории России эпохи феодализма. М., 1987.
30. *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. (БРЗ). – М., 1907.
31. *Бобровский П. О.* Местничество и преступления против родовой чести в русском войске до Петра I // Военный сборник. 1888. № 12.
32. *Богданов А. П.* Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995.
33. *Богданов А. П.* Летописец и историк конца XVII в. Очерки исторической мысли переходного времени. М., 1994.
34. *Богданов А. П.* В тени Великого Петра. М., 1998.
35. *Богданов А. П.* Московская публицистика последней четверти XVII в. М., 2001.
36. *Богоявленский С. К.* Приказные дьяки XVII в. // ИЗ. Т. 1. М., 1937. С. 220–239.
37. *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. Сост, публ. А. В. Топычканов. Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 2006.
38. *Буганов В. И.* Книги разрядные 1613–1636 гг. // ИЗ. Т. 97.
39. *Буганов В. И.* «Враждотворное местничество» // ВИ. 1974. № 11.
40. *Буганов В. И.* Разрядные книги посл. четв. XV – нач. XVII вв.– М., 1962.
41. *Буганов В. И.* Дворцовые разряды I половины XVII в. // АЕ за 1975 г. М., 1976.
42. *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975.
43. *Бычкова М. Е.* Правящий класс русского государства XVI–XVII в. // Европейское дворянство XVI–XVII вв. Границы сословия. М., 1997.
44. *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.
45. *Бушкович П.* Шведские источники о России 1624 – 1626 гг. // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 359–381.
46. *Василевская Е. А.* Терминология местничества и родства // Труды МГИАИ. Т. 2. М., 1946. С. 155–182.
47. *Вебер М.* Три типа господства // Двадцать два. 1990. № 72.
48. *Веденюк П. Е., Мейчик Д. М.* Поездка слушателей СПб. Археологического института в Москву. Отчет за 1878 г. // Сборник СПб. Археологического института. СПб., 1879.
49. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1964.

50. *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. М., 1975.
51. *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974.
52. *Волков М. Я.* Об отмене местничества в России. // ИСССР. 1977. № 2.
53. *Востриков А. В.* Книга о русской дуэли. СПб., 1998.
54. *Высоцкий Д. А.* Общественно-политические взгляды поместного дворянства и внутреннее развитие Русского государства XVIII в.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1989.
55. *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История Разрядного архива до 1812 г. // Описание документов и бумаг МАМЮ. Т. 5. М., 1888.
54. *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998.
55. *Голицын Н. Н.* Указатель имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах. СПб., 1912.
56. *Гордин Я. А.* Дуэли и дуэлянты. СПб., 1996.
57. *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989.
58. Государев двор в истории России XVI–XVII столетий. Материалы международной научно-практической конференции (30.10. – 01.11. 2003 г., Александров). Отв. ред. В. Д. Назаров, А. С. Петрухно. Владимир, 2006.
59. Государев двор в России (конец XV – начало XVIII в.). Каталог книжной выставки. Сост. О. Е. Кошелева. М. А. Стручева. М., 1997.
60. *Граля И., Эскин Ю. М.* Литва и Русь в 1534–1536 гг. Новые документы. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1999. № 4.
61. *Граля И.* Свои люди – сочтемся. Православная элита Великого княжества Литовского и Москва в XVI в. // Родина. 2001. № 1–2.
62. *Грандель Ф.* Бомарше. М., 1985.
63. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
64. *Данилова Л. В.* Становление системы государственного феодализма в России. Причины, следствия // Система государственного феодализма в России. Сб. ст. М. 1993.
65. *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
66. *Дмитриев М. В.* Польская шляхта в XVI–XVIII вв. // Европейское дворянство XVI – XVIII вв. Границы сословия. М., 1997.
67. *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. СПб., 1889.
68. Европейское дворянство XVI – XVII вв. Границы сословия. Отв. ред. В. А. Ведюшкин. М., 1997.
69. *Ерусалимский К. Ю.* Долгий XVII век в России: Антропологическая перспектива. Рец. на: Шилдс Коллманн Н. Соединенные честью.

- Государство и общество в России раннего Нового времени. Пер. А. Б. Каменского. М., 2001; *Berelovitch A. La Hierarchie des Egaux. La noblesse russe d Ancien Regime XVI–XVII siecles. Editions du Seuil. Paris, 2001* // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 662–680.
70. *Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII ст. Т. 1. М., 1918.*
71. *Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII ст. Т. 1–2. (Репр.) М., 2000.*
72. *Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII ст. (Репр.) М., 2000.*
73. *Загоскин Н. П. История права Московского государства. Т. II: Центральное управление Московского государства. Дума боярская. Приказы. Казань, 1879.*
74. *Зиборов В. И. Баим Федорович Болтин // Словарь книжности и книжников Древней Руси. XVII в. Ч. 1. СПб., 1992. С. 147–148.*
75. *Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства кон. XV–XVI вв. // ИЗ. Т. 63. М., 1958.*
76. *Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.*
77. *Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV – первой пол. XVI вв. // АЕ за 1968 г. М., 1969.*
78. *Зимин А. А. К изучению фальсификаций актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII в. // Труды МГИАИ. Т. 17. М., 1963.*
79. *Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986.*
80. *Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России. М., 1988.*
81. *Зимин А. А. Опричнина. М., 1999.*
82. *Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М., 2001.*
83. *Иванов П. И. Описание Государственного Разрядного архива, с приложением списков с многих хранящихся в нем любопытных документов. М., 1842.*
84. *Ивина Л. И. Уложение 1649 г. и его издания (в связи с подготовкой нового издания уложения). // ВИД. Т. XIV. Л., 1983.*
85. *История Европы. Т. 2. М., 1992.*
86. *Казакова Н. А. «Европейской страны короли» // Исследования по отечественному источниковедению. М.–Л., 1964.*
87. *Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв. Л., 1980.*
88. *Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII веков. М., 1974.*

89. *Каждан А. П.* Византийская культура. М., 1968.
90. *Калачов Н. В.* О Боярской думе Московского государства и село нас дошедших докладах и приговорах. М., 1884.
91. *Кареев Н. И.* Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1906.
92. *Каштанов С. М.* О типе Русского государства в XIV–XVI вв. // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма / Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992.
93. *Ключевский В. О.* Добрые люди Древней Руси. Сергиев Посад. 1892.
94. *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1902. (Репр. – М., 1994).
95. *Ключевский В. О.* Сочинения в 8 томах. Т. II, VI. М., 1957, 1959.
96. Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст). Подгот. К. В. Петров. СПб., 2004.
97. *Князьков С. Е.* Материалы к биографии Истома Пашкова и истории его рода // АЕ за 1985 г., М., 1986.
98. *Князьков С. Е.* Судные приказы в конце XVI – первой половине XVII в. // ИЗ. Т. 115. М., 1987.
99. *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 16–91.
100. *Кобрин В. Б.* Из истории местничества XVI в. // Исторический архив (далее – ИА). 1960. № 1.
101. *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
102. *Кобрин В. Б.* Иван Грозный: Избранная рада или опричнина? // История Отечества: Люди, идеи, решения. М., 1991.
103. *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси. (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4.
104. *Кобрин В. Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVII вв. М., 1995.
105. *Козляков В. Н.* Служилый город Московского государства XVII в. (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
106. *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М., 2004.
107. *Колесницкий Н. Ф.* Особенности вассально-ленных отношений в Германии X–XIII вв. // Средние века. Вып. 32. М., 1969.
108. *Колесницкий Н. Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977.

109. Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего Нового времени. Пер. А. Б. Каменского. М., 2001.
110. Колычева С. А. Холопство и крепостничество. М., 1971.
111. Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII вв. М., 1986.
112. Кротов М. Г. К истории составления десятен (2-я половина XVI в.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984.
113. Кудрявцев О. Ф. О книге Андрея Бириловича «Иерархия равных. Русская знать при Старом режиме» (*Berelovitch A. La Hierarchie des Egaux. La noblesse russe d Ancien Regime XVI–XVII siecles. Editions du Seuil. Paris, 2001*) // Древняя Русь. 2003. № 1. С. 119–122.
114. Левыкин А. К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997.
115. Левыкин А. К. Оружничие в XVI столетии // Проблемы изучения духовной и материальной культуры. М., 1992.
116. Линяков Е. В. Генеалогический состав казанского дворянства 2-й половины XVI – 1-й половины XVII в. // Реализм исторического мышления. Чтения. Посвященные памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. 155–156.
117. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888.
118. Лихачев Н. П. Государев родословец и род Адашевых. СПб., 1897.
119. Лихачев Н. П. О происхождении Яновых // ИРГО. Вып. 1. СПб., 1900.
120. Лихачев Н. П. Библиотека и архив московских государей. СПб., 1894.
121. Лихачев Н. П. Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900.
122. Лопарев Х. О чине венчания русских царей // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. № 10.
123. Лукичев М. П. Боярские книги XVII в. как исторический источник. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1984.
124. Лукичев М. П. Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004.
125. Любомиров П. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939.
126. Маркевич А. И. О местничестве. Киев, 1879.
127. Маркевич А. И. История местничества. Одесса, 1888.
128. Маркевич А. И. Местнические случаи в исследовании Н. П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI в.». Одесса, 1889.

129. *Маркевич А. И.* Местнические случаи в сочинении Н. П. Лихачева «Библиотека и архив московских государей в XVI столетии». Одесса, 1895.
130. *Медушевский А. Н.* Законодательство как источник по истории помеотно-вотчинного землевладения в России (XVII–XVIII вв.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989.
131. *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. М., 1994.
132. *Мейчик Д. М.* Дополнительные данные к истории Уложения // Сборник СПб. Археологического института. СПб., 1880. Кн. 3.
133. *Мельников Ю. Н.* Местнические дела в разрядном судопроизводстве // ВИД. Т. II. Л., 1978.
134. *Мельников Ю. Н.* Источники и происхождение разрядных книг 1559–1605 гг. // ВИД. Т. XIX. Л., 1987.
135. *Мельников Ю. Н.* Описание местнических дел 80-х гг. XVI в. // АЕ за 1977 г. М., 1978.
136. *Мельников Ю. Н.* Местничество и политическая борьба в России в 80-е гг. XVI в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1979.
137. *Мельников Ю. Н.* Местническое дело бояр. кн. Ф. Д. Шестунова с бояр. кн. Д. И. Хворостининым 26 декабря 1589 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985.
138. *Милов Л. В.* Общее и особенное российского феодализма // История СССР. 1989. № 2.
139. *Мордовина С. П.* Земский собор 1598 г. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1971.
140. *Мордовина С. П.* К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // АЕ за 1968 г. М., 1970.
141. *Морозов Б. Н.* Частные архивы русских феодалов XVII в. Канд. дисс. М., 1984.
142. *Мятлев Н. В.* Челобитная Михаила Татищева // ЛИРО. 1907. Вып. 1.
143. *Мятлев Н. В.* Родословные записки нач. XVII века. М., 1912.
144. *Назаров В. Д.* Честь боярская // Родина. 2003 г. № 2. С. 52–55.
145. *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
146. *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Россией и Речью Посполитою. СПб., 1904.
147. *Новосельский А. А.* Правящие группы в служилом «городе» XVII в. // УЗ ИИ РАНИОН. Т. 5. 1928. – М., 1929.
148. *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами. М., 1948.

149. *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. Сост. Л. Г. Дубинская. М., 1994.
150. *Новохатко О. В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2001.
151. *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства XVI в. М.–Л., 1957.
152. Очерки истории СССР. Конец XV – нач. XVII вв. М., 1955.
153. *Павленко Н. И.* К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Сб. ст. Л., 1960.
154. *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII в. М., 1962.
155. *Павлов А. П.* Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины (ВИД). Т. X. Л., 1978.
156. *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584–1605) // Изд. Т. 116. М., 1988.
157. *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.
158. *Павлов А. П., Эскин Ю. М.* Местническое дело дьяков И. В. Неелова и А. Ф. Клобукова // Российское самодержавие и бюрократия. Сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой. М.–Новосибирск. 2000.
159. *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1909.
160. *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988.
161. *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984.
162. *Петров К. В.* О разрядных книгах, уничтоженных в 1682 г. при отмене местничества // Российское самодержавие и бюрократия. Сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой. М.–Новосибирск, 2000. С. 104–109
163. *Петров К. В.* Местничество в России во второй половине XVI и XVII вв. // Ученые записки юридического факультета С-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Вып. 2. СПб., 1997; Вып. 4. СПб., 1999.
164. *Петров К. В.* Местничество и средневековая культура России // Материалы 28-й Всесоюзной научной конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск. 1990;
165. *Петров К. В.* Осознание родовой общности феодальной аристократией России в конце XVI в. // Материалы 29-й Всесоюзной научной конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1991.
166. *Петров К. В.* «Прецедент» в средневековом русском праве (XVI–XVII вв.) // Государство и право. 2005. № 4.

167. *Петров К. В.* Проблемы местнического старшинства полковых воевод в России XVI в. // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1993 г. № 1.
168. *Пименова Л. А.* Дворянство во Франции в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв. Границы сословия. М., 1997.
169. *Платонов С. Ф.* Смута в России нач. XVII в. М., 1990.
170. *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли. М., 1918.
171. *Покровский М. Н.* Очерки истории русской культуры. М., 1918. Ч. 2.
172. *Попович М. В.* Мироззрение древних славян. Киев, 1985.
173. *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964.
174. *Пресняков А. Е.* Московское царство. Пг., 1918.
175. Правящая элита Русского государства в IX–XVIII в. Очерки истории. / Авт. колл.: А. В. Анисимов, В. Г. Вовина, Л. И. Ивина, А. П. Павлов, М. Б. Свездлов, П. В. Седов. Под ред. А. П. Павлова. СПб., 2006.
176. Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. М., 1986.
177. *Рогов В. А.* Уголовные наказания и репрессии в России середины XVI – середины XVII вв. М., 1992.
178. *Рогожин Н. М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003.
179. *Рогожин Н. М.* «У государевых дел быть указано...» М., 2002.
180. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 гг.: Опыт реконструкции и источниковедческого анализа. Сост. И. О. Тюменцев, С. В. Мирский, Н. В. Рыбалко, Н. А. Тупикова, Н. Е. Тюменцева. Под ред. О. В. Иншакова. Волгоград, 2005.
181. *Савин А. Н.* Местничество при дворе Людовика XIV // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909.
182. *Садиков П. А.* Очерки по истории Опричнины. М.–Л., 1958.
183. *Седов П. В.* О боярской попытке учреждения наместничеств в России в 1681–1682 гг. // Вестник ЛГУ. 1985. № 9. Вып. 2.
184. *Седов П. В.* Реконструкция жилецкого списка 1611 г. // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. Сб. трудов, посв. Р. Г. Скрынникову. СПб., Киев, 1993.
185. *Седов П. В.* Деятельность боярских надворных комиссий XVII в. в отсутствие царя в Москве // Studia Humanistica 1996. Исследования по истории и филологии. – СПб., 1996. С. 73–86.
186. *Седов П. В.* Закат Московского царства. СПб., 2006.
187. *Седов П. В.* К изучению источников по истории местничества // ВИД. Т. 26. СПб., 1998.
188. *Седов П. В.* Конец местничества // Российское самодержавие и бюрократия. Сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой. М.–Новосибирск, 2000.

189. *Севастьянова С. К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003.
190. *Сергеевич В.* Древности русского права. Т. 1, 2. М., 2005.
191. *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1978.
192. *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1980.
193. *Скрынников Р. Г.* Минин и Пожарский. М., 1981.
194. *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в нач. XVII в. Л., 1985.
195. *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992.
196. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до нач. XVIII в. СПб., 1887.
197. *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. М., 1951.
198. *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50 гг. XVI в. М., 1958.
199. *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до сер. XVII в. Т. II. М.–Л., 1948.
200. *Соколова И. М.* Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001.
201. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения в 18 книгах. Кн. V. М., 1990.
202. *Сухотин Л. М.* Четвертки Смутного времени. М., 1912..
203. *Станиславский А. Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979.
204. *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.
205. *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004.
206. *Сторожев В. Н.* Тверское дворянство в XVII в. Вып. III. Состав Старицкого и Кашинского дворянства по десятиям XVII в. Тверь, 1894.
207. *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. III.
208. *Талина Г. В.* Царь Алексей Михайлович: Личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996.
209. *Татищев Ю. В.* Местнический справочник XVII в. // Летопись Историко-родословного общества. Вып. 2–3 (22–23). Вильна, 1910.
210. Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник под ред. В. В. Каллаша. Т. 1. М., 1912.
211. *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII в. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

212. Федотов Г. П. Рождение свободы // Новый мир. 1989. № 4.
213. Филиппов А. Н. К вопросу о составе I Полного собрания законов Российской империи. М., 1916.
214. Филлюшкин А. И. История одной мистификации. Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998.
215. Флоря Б. Н. Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика Ивана IV // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.
216. Флоря Б. Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси // История СССР. 1983. № 1.
217. Флоря Б. Н. Документы походного архива воеводы кн. В. Д. Хилкова // Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны. М.– Варшава, 1998.
218. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999.
219. Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.
220. Хелли Р. Холопство в России 1450–1725. Пер. с англ. М., 1998.
221. Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах и др. лекции. (Задача истории культуры. Об исторических жизненных идеалах. Патриотизм и национализм в европейской истории до нач. XX в.) Пер. И. Михайловой. London, 1992.
222. Хейзинга Й. Осень Средневековья. Пер. Д. В. Сильвестрова. М., 1988.
223. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. Пер. В. В. Ошиса. М., 1992.
224. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. Статьи по истории культуры. Пер. Д. В. Сильвестрова. М., 2003.
225. Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений сер. XVI в. М., 2003.
226. Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.
227. Хорошкевич А. Л. Символы русской государственности. М., 1993.
228. Худяков М. Г. Очерки истории Казанского ханства. М., 1991.
229. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.
230. Черная Л. А. О понятии «чин» в русской культуре XVII в. // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993. С. 344–346.
231. Черная Л. А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй пол. XVII – нач. XVIII в. // Общественная мысль. Исследования и публикации. Вып. 1. М., 1989. С. 29–30.

232. *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.
233. *Черная Л. А.* Честь и представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества. Сб. ст. М., 1991. С. 75–76.
234. *Шереметевский В. В.* История московских Сенатских архивов и Архива Министерства юстиции с 1843 по 1888 год. // Описание документов и бумаг МАМЮ. Кн. 7. М., 1890. Отд. 1.
235. *Шимко И. И.* Очерк деятельности Комитета, учрежденного в 1835 г. для описания Московских сенатских архивов // Описание документов и бумаг МАМЮ. Кн. 6. М., 1889.
236. *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984.
237. *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. М., 1973.
238. *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996.
239. *Элиас Н.* Придворное общество. Пер. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова и др. М., 2002.
240. *Эскин Ю. М.* Местничество // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 560–562.
241. *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.
242. *Эскин Ю. М.* Смута и местничество // Архив русской истории. Вып. 3. М., 1993.
243. *Эскин Ю. М.* Местничество в социальной структуре феодального общества // ОИ. 1993. № 5.
244. *Эскин Ю. М.* Местническое законодательство. Опыт реконструкции // *Modernizacja struktur władzy w warunkach opoznienia. Europa Środkowa i Wschodnia na przełomie średnowiecza i czasów nowożytnych.* Red. M. Dugo, S. Gawlas, H. Grala. Warszawa, 1999.
245. *Эскин Ю. М.* Местническое дело К. А. Трусов – кн. Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. ст., посв. 75-летию Ю. Г. Алексева. СПб., 2002.
246. *Эскин Ю. М.* Местничество, родословцы и «родословные пасквили». // От Древней Руси к России Нового времени. Сб. ст. к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003
247. *Юзефович Л. А.* Так в посольских обычаях ведется.... М., 1988.

248. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
249. Юрганов А. Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006.
250. Berelovitch A. La Hierarchie des Egaux. La noblesse russe d 'Ancien Regime XVI – XVII siecles. Editions du Seuil. Paris, 2001.
251. Crammey R. Reflections on Mestnichestvo in XVII Century // Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte. 27 (1980). P. 269–281
252. Kleimola A. M. Status, Place and Politics. The Rise of Mestnichestvo during the Boyarskoe Pravlenie // Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte. 27/ (1980) P. 195–214.
253. Kleimola A. M. Boris Godunov and the Politics of Mestnichestvo // Slavonic and East European Review. 53. № 132. (1975). P. 355–369.
254. Kollmann N. Kingship and politics. The Making of the Muscovite Political System 1345–1547. Stanford, 1987.
255. Kollmann N. By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia. Ithaka and London. Cornell University Press, 1999.
256. Kollmann N. Ritual and Social Drama at the Muscovite Court // Slavic Review. 1986. 45. P. 486–502.
257. Peltz W. Suwerennosc panstwa w practice i doktrynie politycznej Rusi Mosiewskiej (XIV–XVI w.). Zielona Gora, 1994.
258. Poe M. , Kosheleva O., Martin R., Morosov B. The Russian elite in the XVII century. The consular and ceremonial rancs of the russian sovereigns court 1613–1713. (По М., Мартин Р., Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Российская элита в 17-м в. Думные и церемониальные чины в 1613–1713 гг.). Т. I. Helsinki, 2004.
259. Poe M. The Russian Elite in the XVII century. A Quantitative Analysis of the “Duma ranks” 1613–1713. (По М. Российская элита в 17-м в. Количественный анализ состава думных чинов 1613–1713). Т. II. Helsinki, 2004.
260. Wolff J. Kniazowie litewsko–ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa, 1895. Repr. 1994.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Абрамович Г. В.* 76, 91, 119, 123, 195, 213
Аврамов Сапун, дьяк 207, 211, 326
Аггелов Микула, сын боярский 241
Агеев Тимофей Игнатьевич, дьяк 291
Адашев Алексей Федорович, окольн. 95, 110–112, 114, 148
Адашев Данила Федорович, окольн. 198
Адашевы 123
Акинфовичи 391
Акинфовы 123, 343
Акишев Грязной, дьяк 293
Аксак-Бельский Дмитрий Григорьевич см. Бельский Дмитрий Григорьевич Аксак, кн.
Аксаков Леонтий Иванович, мос. двор. 211
Аксаковы 123
Актон Дж., лорд 393
Алабышевы, кн., 123
Аладыны 343
Александров В. А. 88, 92, 370
Александров Замятня Иванович 73, 132
Александров Федор Васильевич, мос. двор. 73, 132, 421
Александровы, 131, 136, 343
Алексеев Ю. Г. 17, 58, 193, 194
Алексей Алексеевич, сибирский царевич 248
Алексей Алексеевич, царевич 248
Алексей Михайлович, царь 144, 187, 192, 223, 227, 231, 236, 238, 239, 247, 260, 269, 292, 315, 395, 396
Алексей Петрович, царевич 399
Алексей человек Божий, св. 247
Алмаз Иванов, дьяк см. Иванов Алмаз (Ерофей) Иванович, дьяк
Алферьев (Нащокин) Роман Васильевич, печатник, думн. двор. 32, 55, 92, 111, 115, 150, 287, 288, 406
Алферьевы-Нащокины 89, 123, 135, 150, 343
Алфимов Михаил Игнатьевич, дьяк 341
Алфимов Назарий Михайлович, стольник 323, 341, 420

¹ Сокращения: бояр. – боярин, вел. – великий, думн. – думный, двор. – дворянин, кн., кнг., кнж. – князь, княгиня, княжна, мос. – московский, окольн. – окольный, св. – святой; «астраханец», «псковитин» и пр. – член городской дворянской корпорации.

Алфимовы 343
Альшиц Д. Н. 12, 112, 115, 121
Алябьевы 343
Анастасия Романовна, царица 233, 244
Андреев И. Л. 139, 172, 349, 395
Андрей Васильевич Большой Углицкий, кн. 71
Андрей Васильевич Меньшой Вологодский, кн. 71
Андрей Иванович Старицкий, кн. 233, 244
Андронов Федор, гость, казначей 214
Аничков Иван Михайлович, стряпчий с ключом 68, 71, 364, 412
Аничковы 68, 83
Аничковы, уфимцы 364, 412
Анна Алексеевна (Колтовская), царица 87, 236
Анна Григорьевна (Васильчикова), царица 235
Антонов (Васильев) Матвей Васильев сын, гость 319, 417
Антонов А. В. 62, 63, 67, 75, 329, 331, 405
Антоновы-Васильевы-Дьяконовы, гости 319
Анхимюк Ю. В. 13, 68, 89, 184, 211, 246, 247, 254, 257, 265, 272
Апа «девка, проскурницына дочь» 86
Апраксины, 131, 135, 343, 394
Апрелевы 92
Апухтин Андрей [Воинов] 226, 358, 421
Апухтин Иван Данилович, болховитин 373, 374, 412
Апухтины 135
Арескин Р. К. лейб-медик 397
Бабин Никита, коломенец 69
Базилевич К. В. 76
Байбаков Иван Прокофьевич, дьяк 293
Баклановские 334–336, 343
Баклановский Василий Иванович 335, 337
Баклановский Данило Иванович 335
Баклановский Иван Афанасьевич 337
Баклановский Иван Иванович, дьяк, думн. двор. 324, 335, 336, 337, 338, 339, 349
Баклановский Иван Иванович старший, мос. двор. 336, 338
Баклановский Яков Иванович 336
Бакунин С. 67
Баранов К. В. 68, 76, 84, 91, 93, 355, 362, 405, 409
Баранчев Давыд, стрелецкий полковник 97
Барберини Р. 242

Барг М. А. 392

Барсов Е. В. 143

Барсуков А. П. 226

Бархатов-Кокорев см. Кокорев

Барыковы 137

Барятинские, кн. 66, 124, 131, 137, 153, 380

Барятинский Василий Романович, кн. 57, 66, 102, 109, 110, 164, 271, 298

Барятинский Данило Афанасьевич, кн. 420, 423

Барятинский Иван Михайлович, кн. 66, 67, 203, 271, 308

Барятинский Иван Петрович, кн., стольник 227

Барятинский Михаил Федорович, кн. 66, 271

Барятинский Никита Петрович, кн. 101, 219

Барятинский Петр Иванович, кн. 271

Барятинский Петр Романович, кн. 152

Барятинский Семен Федорович, кн. 424

Барятинский Федор Никитич, кн. 225, 417

Барятинский Федор Петрович, кн. 58, 210, 265

Барятинский Федор Федорович, кн. 424

Барятинский Юрий Никитич, кн., бояр. 226, 416

Басманов Алексей Данилович, бояр. 159, 201

Басманов Петр Федорович, окольн., бояр. 184

Басманов Федор Алексеевич, кравчий 115

Басмановы 81, 123, 124

Баташовы 90

Батюшков Тимофей Федорович, знаменщик 423

Батюшковы 131, 137

Бахметевы 131, 136, 149

Бахрушин С. В. 104

Бахтеяр Салтан, царевич («Ахматовы царевы дети Большой Орды») 150

Бахтеяров-Ростовский Владимир Иванович, кн. 27, 32, 78, 406

Бахтеяровы-Ростовские, кн. 78, 81

Бахтин Воин, брянчанин 367

Башмаков Дементий Минич, дьяк 31, 180, 248, 286, 379

Башмаков Лукьян Федорович, письменный голова 169

Башмаковы 125, 130, 133, 343

Бегичев Иван, калужанин 126

Бегичев Иван Иванович, жилец 79, 126

Бегичев Иван Кузмич 70, 79, 126, 149, 409

Бегичевы 79, 125, 130, 133, 343

Беглецов Никита Наумович, мос. двор. 301, 302

Беглецовы 134, 302
Беззубцевы 123
Безнин Михаил Андреевич, думн. двор. 115, 170
Безнины 123
Безобразов Лазарь Семенович, брянчанин 367
Безобразов Яков (Иванович), жилец 418
Безобразовы 343, 356
Безсонов Иван (Васильевич), дьяк 55
Беклемишев Василий Михайлович, стольник 424
Беклемишев Дмитрий Петрович, мос. двор. 129
Беклемишев Иван Михайлович, стольник 424
Беклемишев Константин, дворовый сын боярский 69
Беклемишевы 125, 130, 133, 343
Белевские, кн. 29, 194
Белеутовы 71, 82, 123
Белозерские, кн. 365, 380
Белозерский у. 301
Белокурое С. А. 96, 147, 156, 161, 167, 213, 251, 259
Белосельские, кн. 130, 365
Белосельский Михаил Васильевич, кн., мос. двор. 100, 107, 126
Белосельский Никифор Иванович, кн. 293, 365, 415
Бельские, кн. 125, 136, 150, 195
Бельский Дмитрий Григорьевич Аксак, кн. 58, 88, 94, 325, 408
Бельский Дмитрий Федорович, кн. 195
Бельский Иван Дмитриевич, кн., бояр. 30, 199, 234, 244, 266
Бельский Иван Федорович, кн. 194
Бельский Федор Иванович, кн. 150
Берелович Андре 8, 19, 22, 23, 240, 260
Бирдюковы 82
Биркины 124, 130, 133
Благие, Благово 17, 124, 130, 134
Благово Н. В. 17, 409
Благой Борис Петрович 57
Благой Иван Владимирович 17, 57, 64, 66, 70, 409
Благой Обросим 70
Благой Петр Владимирович 64
Бледный (Блядков) Михаил Семенович, дьяк 70
Блинов Захарий, подьячий 341
Блудов Д. Н., граф 320
Блудовы 343

Боборыкин Роман Федорович, 357
Боборыкины 71, 130
Бобрищевы-Пушкины 124, 131, 135
Бобрищевы-Пушкины, малоярославцы 372
Бобровский П. О. 9
Бобынин Василий Иванович, дьяк, мос. двор. 309
Богданов А. П. 16, 17, 86, 142
Богданов Григорий Карпович, дьяк 341, 360
Богоявленский С. К. 12, 85, 87, 94, 187, 281, 282, 286, 290, 292–296,
301–309, 317, 319, 321, 322, 324, 331, 332, 335, 336, 343, 348
Болотников Иван Исаевич 88, 212, 300, 308, 335
Болтин Баим Федорович, мос. двор., дьяк, ясельничий 324, 339
Болтины 130, 134, 343
Болховские, кн. 131, 136
Болховские, кн., мещеряне 375, 418
Бомарше Пьер Карон де 392
Борис Федорович Годунов, царь 17, 18, 20, 64, 66, 71, 77, 96, 98, 112, 113,
115, 143, 160–162, 165, 167, 169, 184, 189, 204–206, 208, 209, 211, 230,
235, 246, 247, 254, 272, 288, 317, 318, 356, 403
Борис, кн., св. 247
Борисовы 80, 148, 343
Бормосов Тихон Васильевич, дьяк 307
Борняков Иван Васильевич, мос. двор. 340
Борняков Иван Иванович 340
Борняков Григорий Иванович, дьяк, мос. двор. 325, 339, 340
Борняковы 134, 343
Бороздин Андрей, астраханец 363, 420
Бороздин Василий 91, 92
Бороздин Григорий Васильевич Житов, мос. двор. 109
Бороздин Никита Васильевич Борисов, окольн. 115
Бороздины 80, 124, 130, 133, 148
Борыков Лев Остой, коломенец 70
Ботвиньев Андрей, подьячий 72
Бояшев Федор Михайлович, мос. двор. 101, 129, 130, 133
Бояшевы 125
Брехов Василий Владимирович, дьяк 56, 57, 60, 61, 68, 70–73, 84, 89, 90,
305, 322, 324, 325, 328, 329, 334, 336–338, 348, 382, 419
Брехов Тимофей Владимиров сын 336
Бреховы 94, 131, 136, 343
Брюховецкий Иван Мартынович, украинский гетман 341

Буганов В. И. 12, 13, 28, 97, 100, 105, 148, 156, 161, 166, 167, 261

Буйносов Алексей Иванович, кн. 56, 78

Буйносов Василий Иванович, кн. 207

Буйносов Иван Иванович, кн. 153

Буйносов Иван Петрович, кн. 410

Буйносов Петр Иванович, кн. 263

Буйносова Мария Петровна, кнж. см. Мария Петровна (Буйносова),
царица

Буйносов-Ростовский Алексей Иванович, кн. 414

Буйносов-Ростовский Юрий Петрович, кн., бояр. 81, 108

Буйносовы, Буйносовы-Ростовские, кн. 55, 57, 81, 124, 131, 135

Булгаков Сюльмень, Султас, Семен Тимофеевич, дьяк 69, 70

Булгаков Тимофей Богданович 59, 422

Булгаков-Голицын Василий Юрьевич, кн. 201, 264

Булгаков-Голицын Иван Юрьевич, кн., бояр. 202

Булгаков-Голицын Юрий Михайлович, кн., бояр. 29, 195

Булгаковы 131, 136, 344

Булгаковы, кн., 150

Бунаковы 135, 344

Бурнашов Михаил, подьячий 131, 137, 340, 423

Бурнашovy 344

Бутурлин Андрей Васильевич 252

Бутурлин Андрей Васильевич Клепиков, окольн. 218

Бутурлин Василий Васильевич, бояр. 34, 247, 413

Бутурлин Василий Иванович 424

Бутурлин Геннадий 240

Бутурлин Дмитрий Андреевич, окольн. 115

Бутурлин Иван Андреевич, стольник 115

Бутурлин Иван Васильевич 301

Бутурлин Иван Матвеевич 184

Бутурлин Иван Федорович 60, 420

Бутурлин Лобан Андреевич 55, 63

Бутурлин Михаил Матвеевич, окольн. 74, 413

Бутурлин Нечай Дмитриевич 55

Бутурлин Никита Иванович, стольник 424

Бутурлин Роман Дмитриевич 26, 115, 264, 405

Бутурлин Тимофей Федорович Вороненок, окольн. 78, 412, 414

Бутурлин Федор Андреевич 155, 206, 407

Бутурлин Федор Васильевич, окольн. 420

Бутурлин Федор Иванович 198

Бутурлин Федор Леонтьевич, окольн. 100, 255, 273
Бутурлин Фома Афанасьевич, окольн. 56, 155
Бутурлина Анна Савиновна 255
Бутурлина Екатерина Ивановна 410
Бутурлины 56, 83, 137, 218, 256
Бутурлины-Клепиковы 155
Бухарин-Наумов Иван Иванович 115
Бухаров Михаил Алексеевич, дьяк 291
Бухвостов Иван, псковитин 371
Бухвостов Фрол, псковитин 371
Бычков Ф. А. 231, 232
Бычкова М. Е. 13, 75–79, 91, 138, 148, 150, 151, 233, 350, 351, 362, 395, 430
Бяконтовы 81, 151
Бялый Петр, литовский посол 241
Вадбольские, кн. 71, 131, 135, 365
Вадбольский Иван Тимофеевич, кн. 415
Валуев Григорий Леонтьевич 101, 125, 130
Валуев Д. А. 138, 240
Валуевы 133
Вальдемар, датский королевич 272
Василевская Е. А. 12, 192
Василий II Темный, вел. кн. 13, 15, 67
Василий III, вел. кн. 67, 68, 233, 241, 244
Василий Арасланович, касимовский царевич 248, 256
Василий Васильевич, 68 см. Иван IV
Василий Иванович Шуйский, царь 26, 61, 67, 88, 89, 92, 109, 114, 125, 128, 130, 143, 146, 156, 161, 212, 213, 230, 236, 237, 242, 246, 254, 295, 300, 301, 308, 323, 329, 335, 342, 357
Василий, византийский император 142
Васильев Андрей, дьяк 266
Васильев [Михаил], гость 316
Васильев Сыдавной, думн. дьяк 80, 81
Васильчикова Анна Григорьевна см. Анна Григорьевна (Васильчикова), царица
Васютин Кузьма, осколянин 373
Вебер М. 384, 393, 400
Веденюк П. Е. 313, 315, 316
Векентьевы 82
Великий Гага Василий Андреевич, кн. 195
Велико-Гагин Данило Степанович, кн., окольн. 224, 416

Велико-Гагин Иван Данилович, кн. 423
Велико-Гагин Степан Иванович, кн. 81, 217
Велико-Гагин Юрий Данилович, кн. 423
Велико-Гагины, кн. 124, 131, 137
Вельяминов Андрей Миронович 106
Вельяминов Андрей Степанович 420
Вельяминов Данило Андреевич 419
Вельяминов Дмитрий Иванович, окольн. 98
Вельяминов Иван Васильевич 153
Вельяминов Иван Яковлевич 255, 376, 377, 381, 411
Вельяминов Кузьма, брянчанин 366
Вельяминов Лев Андреевич 99, 418, 419
Вельяминов Лев Андреевич Батраков 96
Вельяминов Лев Яковлевич 421
Вельяминов Мирон Андреевич, окольн., бояр. 67, 80, 83, 88, 96, 100, 103, 106, 129, 156, 181, 182, 367, 411
Вельяминов Михаил Миронович 106
Вельяминов Никита Андреевич, бояр. 89, 418
Вельяминов Никита Дмитриевич 100
Вельяминов Роман Андреевич, мос. двор. 106
Вельяминов Третьяк Григорьевич 337
Вельяминовы 89, 98, 124, 131, 136, 153, 181
Венедиктов (Веневитов?) [Федор], гость 316
Вердеревские 125, 130, 133, 137
Вердеревский Иван Иванович 227, 334, 421
Вердеревский Иван Петрович 410
Вердеревский Михаил Петрович 169
Вердеревский Юрий Васильевич 32, 101, 126, 128, 129, 365, 366, 408
Веселовский С. Б. 12–14, 20, 30, 115, 118, 120, 128, 143, 153, 181, 240, 289, 295, 296, 301, 304, 305, 309, 317, 327, 328, 330–332, 334, 337, 339–343, 346, 385, 388, 398
Вешняковы 344
Видекинд Ю. 10, 389, 390
Виниус Андрей Андреевич, дьяк 137, 309, 312, 318, 324, 423
Висковатый Иван Михайлов, дьяк, печатник 27, 241, 286, 289
Витовтов Тимофей Андреевич, дьяк 300, 326
Владимир Андреевич Старицкий, кн. 92, 185, 234, 244
Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. 258
Владислав IV, польский королевич, король 126, 130, 147, 157, 268, 304, 330, 339

Владыкин С. М., владимирец 358
Власьев Афанасий Иванович, дьяк 241
Внуковы, 123, 344
Воейков Владимир Иванов сын, жогаитин 340
Воейковы 125, 135, 149, 340, 357
Войтович Л. В. 71
Волков Григорий Михайлович, дьяк 322, 327, 328
Волков М. Я. 16
Волковы 134, 344
Волконские, кн. 57, 58, 80, 86–88, 91, 94, 96, 103, 124, 129, 131, 137
Волконский Андрей Михайлович, кн. 183, 419
Волконский Василий Богданович, кн. 228, 419
Волконский Владимир [Андреевич], кн. 226, 421
Волконский Григорий Константинович, кн., окольн. 56, 64, 80, 82, 86, 87, 148, 267, 370, 409, 410
Волконский Григорий Яковлевич, кн., стольник 380
Волконский Иван Федорович, кн., стольник 108
Волконский Ивашка Толстая Голова, тарусский кн. 88
Волконский Михаил Федорович, кн. 96, 100
Волконский Петр Иванович, кн. 359
Волконский Семен Федорович, кн. 96, 100, 183
Волконский Федор Иванович Мерин, кн. 100, 101, 129
Волконский Федор Федорович, кн., окольн. 56, 58, 61, 67, 83, 169, 269, 339, 409, 412, 416, 440
Волконский Федор Федорович Шериха, кн., бояр. 185
Волконский Яков Петрович, кн. 381, 420
Волошенинов Михаил Дмитриевич, думн. дьяк 293, 314, 316
Волынские 124, 131, 136, 307
Волынский Василий Васильевич 307, 410
Волынский Дмитрий Петрович 417
Волынский Михаил Семенович, окольн. 331
Волынский Михаил Петрович Щепин 225, 368, 418
Волынский Степан Иванович Меньшого, мос. двор. 101, 107, 108
Волынский Федор Васильевич, окольн. 265
Воробин Данила [Никитич], жилец 418
Воронцов Иван Михайлович, бояр. 159
Воронцов Иван Семенович, бояр. 158
Воронцов Федор Семенович 195
Воронцов Юрий Михайлович 234
Воронцовы-Вельяминовы 124, 130, 133

Воротынские, кн. 123, 130, 134, 150, 194, 393
Воротынский Александр Иванович, кн., бояр. 110, 199
Воротынский Владимир Иванович, кн. 159
Воротынский Дмитрий Федорович, кн. 150, 194
Воротынский Иван Михайлович, кн., бояр. 68, 92, 115, 213, 237
Воротынский Михаил Иванович, кн., бояр. 29, 69, 71, 119, 120, 159, 200
Воротынский Семен Федорович, кн. 194 .
Врасские 131, 135, 344
Врасский Григорий Борисович, жилец 61, 92, 416
Всеволожская Евфимия Рафовна 238
Всеволожский Василий [Варкалапович] 420
Всеволожский Федор Васильевич 420
Выговский Иван Евстафьевич, украинский гетман 224
Вылузгин (Вылузга) Данило Федорович, дьяк 63
Вылузгин Елизарий Данилович, дьяк 326
Высоцкий Д. А. 381
Вышеславцевы, мещеряне 375, 418
Вяземские, кн. 67, 80, 88, 94, 124, 135, 181
Вяземский Афанасий Иванович Долгой, кн., оружничий 88
Вяземский Василий Григорьевич, кн. 83, 88, 103, 410
Вяземский Дмитрий Иванович, кн. 115
Вяземский Иван Михайлович, кн. 65, 407
Вяземский Семен Афанасьевич, кн. 173, 358, 381
Вяземский Тихон, кн. 67
ГаврENEвы, 131, 135, 344
Гавриил, патриарх Сербский 248
Гагарин Афанасий Федорович, кн. 32, 365, 408
Гагарин Иван Данилов сын, кн. 298, 299
Гагарин Роман Иванович, кн. 108, 267
Гагарин Семен Семенович, кн. 265
Гагарины, кн. 124, 129, 130, 134
Галкин Андрей Андреевич, дьяк 304, 305, 324, 420
Галкины 131, 136, 344
Гальцов В. И. 35
Гаштольд Станислав, литовский посол 241
Гвоздев Василий [Иванович], кн. 96
Гвоздев Михаил Федорович Шугрея, кн. 56, 326, 407
Гвоздев Осип Федорович, кн. 115
Гвоздевы, кн. 78, 81
Гедиминовичи 150

Герберштейн С. 241

Гермоген, патриарх 331

Глеб, кн., св. 247

Глебов Богдан Данилович, стольник 306

Глебов Богдан Матвеевич, ясельничий 268

Глебов Борис, стрелецкий голова 59

Глебов Данила Моисеевич, мос. двор. 268

Глебов Моисей Федорович, мос. двор. 353

Глебов Михайло Иванов сын, стольник 306

Глебов Никита Данилович, мос. двор. 306

Глебов Павел, стрелецкий голова 59

Глебов Федор Богданович, стольник 268, 372, 412

Глебовы 268, 306, 307, 344

Глинская Елена Васильевна, кнж. см. Елена Васильевна, вел. кнг.

Глинские, кн. 123, 150

Глинский Михаил Васильевич, кн. 30, 197

Глинский Михаил Львович, кн. 194

Годун Иван Дмитриевич 77

Годунов Борис Федорович см. Борис Федорович Годунов

Годунов Григорий Васильевич, бояр. 77

Годунов Дмитрий Иванович, окольн. 77, 201

Годунов Иван Васильевич, бояр. 71, 204

Годунов Матвей Михайлович, бояр. 221

Годунов Осан Дмитриевич 77

Годунов Степан Васильевич, окольн. 70, 71

Годунов Федор Иванович 115

Годунов Яков Афанасьевич 115

Годуновы 77, 113, 124, 131, 132, 136, 160

Голенин-Ростовский Иван Федорович, кн. 87

Голенины кн. 78

Голенищев Афиноген Филиппов, дьяк 342

Голенищев Филипп Федоров, дьяк 342

Голенищев-Кутузов Федор Иванович 342, 343

Голенищевы 130, 342–344

Голенищевы-Кутузовы 134

Голикова Н. Б. 314, 316, 317, 319

Голицын Андрей Васильевич, кн. 212

Голицын Андрей Иванович, кн. 56, 195, 247, 300, 406

Голицын Борис Алексеевич, кн. 82

Голицын Василий Васильевич (I) кн., бояр. 213, 219, 237, 254

Голицын Василий Васильевич (II) кн., бояр. 97, 175, 230, 254, 285, 421
Голицын Василий Юрьевич, кн. 32, 56, 115, 200, 406
Голицын Василий Юрьевич Булгаков, кн. 245, 264
Голицын Иван Алексеевич, кн., бояр. 184, 261, 270, 366, 426
Голицын Иван Васильевич, кн., бояр. 192, 212, 237, 255
Голицын Иван Васильевич, кн. 266
Голицын Иван Юрьевич, кн., бояр. 26, 117, 193, 256
Голицын Иван Юрьевич, кн. 26, 117, 201, 264
Голицын Михаил Алексеевич, кн. 188, 423
Голицын Петр Алексеевич, кн. 423
Голицын Юрий Михайлович, кн. 28
Голицына Ульяна Ивановна, кнг. 256
Голицыны, кн. 57, 124, 131, 137, 379
Головин Василий Петрович, стольник 415
Головин Владимир Васильевич 203
Головин Иван Васильевич, стольник 109
Головин Иван Иванович, окольн. 89
Головин Михаил Иванович 152, 154
Головин Петр Иванович, казначей 32, 287, 288, 406
Головин Петр Петрович, окольн. 100, 101, 331
Головин Семен Васильевич, окольн., бояр. 88, 109, 183, 185, 302, 303, 409
Головин Федор Васильевич, окольн. 89, 272, 303
Головины 89, 94, 124, 131, 137, 288, 303, 344
Головкины 131, 137
Горбатый Александр Борисович, кн. 28, 29, 195
Гордин Я. А. 22
Гордон Патрик, генерал 397
Горенские, кн. 123
Горенский Петр Иванович, кн. 28
Горихвостовы 134
Горн Генрих, шведский сенатор 389
Горский А. А. 385, 388
Горчак Григорий, кн. 88, 91
Горчаков Григорий Иванов сын, кн. 88
Горчаков Дмитрий Григорьев сын, кн. 88, 91
Горяинов Иван, подьячий 131, 137, 340, 423
Горяиновы 344
Граля И. 177, 243, 265, 405
Грамотин Иван Тарасьевич, думн. дьяк 58, 238, 286, 295, 323
Грандель Ф. 392

Грибакин Ширяй Григорьевич 405
Грибоедов Семен Федорович, стольник, стрелецкий полковник 62, 97,
174, 175, 329, 422
Грибоедов Федор Иванович, дьяк 313, 318
Грибоедовы 131, 135, 344
Григорий Алексеевич, сибирский царевич 188, 423
Григорьев Иван, новгородец 362
Григорьев Курбат, дьяк 26, 326
Григорьева Настасья 362
Грушецкие 394
Грязев Иван Кириллович, дьяк 57, 127, 222
Грязной Тимофей Васильевич, мос. двор. 323, 337, 338
Грязные 123
Губины 123
Гундоров Андрей Иванович, кн. 297
Гундоровы, кн. 123, 297
Гуревич А. Я. 378, 382
Гурий, пономарь Черниговского собора 84
Гурьевы 84, 94
Давыдов Борис Никифорович 108
Давыдов Иван Никифорович, мос. двор. 126, 129, 265
Давыдов Иван Никифорович Меньшой, мос. двор. 126
Давыдов Никифор [Алексеевич] 417
Давыдов Никифор Григорьевич 126
Давыдов Никифор Семенович 126
Давыдовы 130, 133, 346
Данилов Михайло Феофилактович, думн. дьяк 56, 295, 316, 366
Данилов Савелий, брянчанин 366
Данилова Л. В. 404
Данилов Иван, брянчанин 366
Дашков Иван Иванович, кн., окольный. 306
Дашков Семен Захарович, стряпчий 331
Дашковы 293
Дашковы, кн. 306
Девлет-Гирей, крымский хан 119
Делагарди Якоб, граф 10, 212, 389
Демидова Н. Ф. 17, 87, 90, 187, 238, 281, 305, 308, 316, 319–321, 322, 330,
342, 347, 380
Демьянов Афанасий Игнатьевич, дьяк 26, 326
Демьянов Василий Афанасьевич, жилец 128

- Демьянов Дмитрий Афанасьевич, жилец 84, 128
Демьянов Федор Афанасьевич, жилец 128
Демьянов Яков Афанасьевич 59, 60, 63, 66, 67, 71–73, 83, 84, 128, 129, 326, 408
Демьяновы 125, 128, 133
Денисьевы 123
Деревнин Гаврила Федорович, думн. дьяк 309
Дмитрий Герасимов см. Карпов Дмитрий Герасимович, дьяк
Дмитриев Илья Михайлович, стольник 226
Дмитриев М. В. 383
Дмитриев Михаил Михайлович, стольник 58, 59, 74, 75, 227, 391, 421
Дмитриев Посник, дьяк 290
Дмитриевы 346
Дмитрий Алексеевич, царевич 249
Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. 153
Дмитрий Иванович «Внук», вел. кн. 141, 142, 144, 145
Дмитрий Юрьевич Шемяка, вел. кн. 15
Долгоруки Андрей Владимирович, кн. 80
Долгорукая Мария Владимировна, кнж. см. Мария Владимировна (Долгорукая), царица
Долгорукие, Долгоруковы, кн. 56, 58, 66, 72, 78, 83, 91, 124, 131, 137, 184, 218, 258, 296, 379
Долгорукий Алексей Григорьевич Чертенюк, кн. 268, 356, 366–368
Долгорукий Борис Федорович, кн., стольник 423
Долгорукий Василий Владимирович, кн., стольник 423
Долгорукий Григорий Борисович Роща, кн., окольн. 89
Долгорукий Григорий Данилович, кн., стольник 218
Долгорукий Григорий Иванович Черт, кн. 32, 406, 407
Долгорукий Данило Иванович Шабановский, кн., окольн. 268, 409
Долгорукий Дмитрий Алексеевич, кн., бояр. 66, 231, 258, 415
Долгорукий Лука Федорович, кн., стольник 423
Долгорукий Петр Алексеевич, кн., окольн. 375
Долгорукий Тимофей Иванович, кн. 63, 406
Долгорукий Федор Тимофеевич, кн. 207
Долгорукий Юрий Алексеевич Чертенюк, кн., бояр. 34, 66, 171, 174, 184, 190, 224, 225, 227, 231, 252, 258, 296, 332, 333, 368, 396, 413, 415, 417, 418, 422
Долгорукий Юрий Владимирович, кн., стольник 423
Дорошенко Петр Дорофеевич, украинский гетман 227
Дохтуров Герасим Семенович, думн. дьяк 337

Дробленкова Н. Ф. 331

Дровнин Василий Григорьевич, ясельничий 289, 297, 298

Дроздов Федор, голова у наряда 325

Друцкие, кн., 123

Дубасов Н. Н. 417

Дубенской Иван [Никифоров сын], дьяк 181

Дубенской Матвей, дворовый сын боярский 69

Дубенской Федор [Никифоров сын], сын боярский 181

Дубинская Л. Г. 12

Дубровские 131, 135

Дубровский Богдан (Клементий) Минич, думн. двор., казначей 289, 290, 322, 348

Дурной Андрей Истомина сын, выборный двор. 106, 127

Дурной Иван Андреев сын 91

Дурной Михайло Иванов сын 91

Дурные, Дурново 127, 130, 133

Дьяконов М. А. 142, 152, 154, 177

Евдокия Алексеевна, царевна 250, 251

Евдокия Ивановна, вел. кнж. 233

Евдокия Лукьяновна (Стрешнева), царица 237, 238, 256

Евсевьев Емельян, дьяк 307

Евской Истома Дмитриевич, дьяк 291

Елагин Степан, псковитин 371

Елена Васильевна (Глинская), вел. кнж. 233, 244

Елена Ивановна, вел. кнж. 242, 267

Елена Леонтьевна, грузинская царица 256

Елецкие, кн. 124, 130, 134

Елецкий Андрей Васильевич, кн. 113

Елецкий Дмитрий Петрович, кн. 57

Елецкий Иван Андреевич, кн. 407

Елецкий Иван Иванович Слезнев, кн. 153

Елецкий Иван Михайлович, кн. 55

Елецкий Федор Андреевич, кн., стольник 55, 57, 107, 108, 221, 410

Елизавета I, королева английская 177

Елизаров Федор Кузмич, думн. дьяк 295, 316, 322

Елизаровы 82, 131, 133

Елчанинов Иван Елизарович 202, 203

Елчаниновы 135

Еналей, татарский царевич 194

Эндогуровы 80

Еропкин Василий Михайлович, окольн. 412
Еропкин Иван Федорович, думн. двор. 412
Еропкин Михаил Федорович 412
Ерофеев Михаил, гость 319, 417
Ерофеев Михаил, дьяк 315, 319
Есипов Андрей Дмитриевич 98
Есипов Иван Дмитриев сын 307
Желябужские 131, 136, 305, 306, 323
Желябужский Афанасий Григорьевич. мос. дворянин 82, 341
Желябужский Василий Тимофеевич, стольник 305, 306
Желябужский Григорий Григорьевич, дьяк 32, 58, 322, 323, 329, 341, 342, 408
Желябужский Иван Афанасьевич, ясельничий, окольн. 305, 323, 341, 420
Жеребцовы 71, 124, 133
Жировой-Засекин Михаил Федорович, кн. 423
Жировые-Засекины, кн. 124, 131, 137
Житов-Бороздин Григорий Васильевич, см. Бороздин
Жолкевский Станислав, литовский гетман 126, 147
Жуковы 135
Забелин И. Е. 248, 255, 379
Заболоцкий Петр Григорьевич Лобан, окольн. 76
Заборовские 131, 135, 332, 334, 344
Заборовский Семен Иванович, думн. дьяк, думн. двор. 87, 223, 227, 322, 324, 332–334, 336, 348, 421
Заборовский Семей, дьяк 332
Загоскин Иван Павлович, мос. двор. 101, 125
Загоскин Н. П. 258
Загоскины 133, 138
Загряжские 124, 131, 137, 344
Загряжский Афанасий Федорович, новгородец 70, 308
Загряжский Богдан, новгородец 70
Загряжский Григорий Алексеевич, мос. двор. 70, 108, 169, 307, 308, 409
Загряжский Григорий Иванович (Арюхин с.), бежечанин 70
Загряжский Иван Арюха Григорьев сын, новгородец 70
Загряжский Иван Иевлевич, стольник 372, 412
Загряжский Митя [Дмитрий Давыдович] 242
Загряжский Семен Федорович, стольник 227, 421
Загряжский Тимофей, новгородец 70
Загряжский Яков Иванович, мос. двор. 419
Зайцев-Бирдюкин Петр Васильевич, ясельничий 289, 297, 298

Зайцевы 82
Замыцкие 124, 133
Замыцкий Устьян 65
Заруцкий Иван Мартынович, бояр. 213, 214, 220
Засекин Григорий Осипович Зубок, кн. 55, 76, 407
Засекин Иван Андреевич, кн. 415
Засецкий Иван [Васильевич] 307
Засецкий Иван Иванович, стольник 307
Засецкий Иван Михайлович, стольник 307
Засецкий Федор Григорьевич, стряпчий 58, 421
Зачесломский Борис, сын боярский 241
Зачесломский Гридя, сын боярский 241
Зачесломский Иван, сын боярский 241
Збаражский Ян, литовский кн. 203
Званский Алексей, литовский шляхтич 363, 420
Звенигородские, кн. 90, 124, 131, 136
Звенигородский Василий Андреевич, кн., окольн. 92, 211
Звенигородский Иван Григорьевич, кн. 88, 91, 408
Звенигородский Юрий Андреевич, кн. 182, 409
Звенигородский Федор Андреевич, кн. 299
Зверев Савва Алексеев, дьяк 293
Звягин Семен, дьяк 331
Звягины 331
Зерцалов А. И. 169
Зиборов В. И. 339
Зимин А. А. 8, 13, 15, 27–29, 71, 75, 77, 110, 115, 116, 118, 120, 121, 151, 153, 157, 158, 195, 202, 208, 233, 240, 282, 286, 287, 297, 298, 311, 394
Зимина В. Г. 15
Зиновьев Андрей, брянчанин 367
Зиновьев Афанасий Алексеевич, мос. двор. 293
Зиновьевы 135, 344, 346, 387
Злобин Петр, осколянин 373
Злобины 344
Змеев Девятой Федоров сын, жилец 127
Змеев Иван Тимофеев, жилец 308
Змеев Матвей Тимофеев сын, жилец 127
Змеев Семен Данилович, стольник 333, 381, 418
Змеевы 127, 130, 132
Золотаревы 137, 344
Золотаренко Иван Никифорович, украинский наказной гетман 252

Зорин Н. В. 236

Зубов Дмитрий Иванович, мос. двор. 414

Зубов Илья Иванович, мос. двор. 265

Зубовы 135

Зыбин Евстафий (Остафий) Иванович, стрелецкий голова 415

Зыбин Никита (Михаил?) Евстафьевич, стольник 424

Зыбины 131, 135, 356

Зыковы 344

Зюзин Алексей Иванович, окольн. 101

Зюзин Василий Григорьевич, окольн. 65, 79, 299, 406

Зюзин Никита Алексеевич, бояр. 33, 58–60, 65, 79, 148, 292, 97, 414

Зюзины 79, 135, 151, 344

Иван IV Васильевич Грозный, царь 15, 17, 27–29, 61, 65, 66, 70, 73, 87, 110–112, 115–117, 120, 128, 142, 143, 145, 153–155, 158–160, 163, 177, 185, 194–198, 202, 203, 233–235, 241, 243, 244, 253, 259, 261, 263, 266, 271, 287, 317, 320, 324, 326, 334, 356, 394

Иван Алексеевич, царь 143, 145, 232

Иван III Васильевич, вел. кн. 67, 71, 141, 150, 178, 194, 268, 362

Иван Васильевич, ярославский кн. 78

Иван Иванович, царевич 26, 120, 143, 257

Иван Данилович Калита, вел. кн. 10, 15

Иванов А., подьячий 363

Иванов Алмаз (Ерофей) Иванович, думный дьяк 58, 286, 293, 334

Иванов Богдан, дьяк 326

Иванов П. И. 320, 333

Иванов Федор, дьяк 328

Иванчин-Писарев Н. Д. 421

Иватин Матвей 67

Ивашкин Истома Михайлович, выборный по Туле 170

Ивашкины 344

Ивина Л. И. 313–316

Игнатий Римский-Корсаков, архиепископ 86

Игнатьевы 123

Иевлевы 131, 137, 344

Извольский Викула Федорович, стряпчий 370

Извольский Леонтий Иванович, брянчанин, мос. двор. 366

Измайлов Андрей Яковлевич, мос. двор. 55

Измайлов Артемий Васильевич, окольн. 56, 64, 65, 100, 107, 151, 154, 169, 203, 221, 307, 308, 407, 408

Измайлов Осип 67

Измайлов Прокофий Булгаков сын, стольник 182
Измайлов Семен Артемьевич, окольн. 224, 252
Измайловы 124, 136, 151, 379
Иисус Христос 243
Ильин Михаил, сотенный голова 98
Ильины 344
Имин Гирей, крымский царевич 29
Иоаким, патриарх Московский 228, 231, 232
Иов, патриарх Московский 208, 210, 211
Иона, митрополит Сарский и Подонский 220
Иосиф Волоцкий, игумен 142
Ирина Михайловна, царица 250
Ислам-Гирей, крымский хан 177, 265
Исленьев Данило Иванович, стольник 337, 338
Исленьев Иван Степанович, стольник 293
Исленьев Матвей Степанович, стольник 293
Исленьев Степан Иванович, стольник 129, 408
Истомин Полуэкт, дьяк 332, 422
Истомины 137
Исуп Солтан, царевич («Ахматовы царицы дети Большой Орды») 150
Исупов Воин, брянчанин 367
Исупов Патрикей, брянчанин 367
Каждан А. П. 387
Каверины 374
Кадик В. А. 105, 261
Казакова Н. А. 177
Казимир IV, польский король 150
Казы-Гирей, крымский хан 205, 210, 246, 335, 337
Михайло Кайбулович, кн., татарский царевич 89, 255
Калачев Н. В. 259, 299
Каменский А. Б. 7, 9
Канбаров Иван Урыслаев, кн. 115
Канбаровы, кн. 123
Карамышев Алексей Иванович, стряпчий 227, 421
Карамышев Андрей Васильевич, сын боярский 241
Карамышев Василий Васильевич, сын боярский 241
Карамышев Иван Константинович, мос. двор. 100, 107, 126
Карамышев Михаил Федорович, сын боярский 405
Карамышевы 130, 133, 344
Караулов Григорий Степанович, думн. дьяк 334, 336, 337

Караулов Степан Осипович, мос. дворянин, дьяк 337
Карауловы 137, 344
Кареев Н. И. 386, 390
Карл I, английский король 392
Карпец В. И. 11
Карпов Далмат Федорович, окольн. 118, 160
Карпов Дмитрий Герасимович, дьяк 353
Карпов Федор Андреевич 197
Карпов Федор Иванович, окольн., писатель 145
Касаткин-Ростовский Богдан Васильевич кн. 63, 64, 101, 380, 408
Катырев- Ростовский Иван Михайлович, кн., стольник 81
Катырев-Ростовский Михаил Петрович, кн., бояр. 71, 81, 193, 202, 204
Катыревы-Ростовские кн. 123, 124
Кафенгауз Б. Б. 13
Кафтырев Никита Васильевич, мос. двор. 293
Кафтырев Яков Васильевич, мос. двор. 293
Кафтыревы 80, 131, 135, 306
Кашин Иван Александрович Копыря, кн. 158
Кашин Иван Иванович, кн. 29, 159
Кашин Михаил Федорович, кн., бояр. 205, 356
Кашин Федор Иванович, кн. 29, 159
Кашин Юрий Иванович, кн., бояр. 28, 29, 55
Кашины, кн. 123, 124
Кашкаров Семен Иванович, новгородец, стрелецкий голова 33, 61, 91, 362, 414
Кашкаровы 94, 131, 135, 362
Кашианов С. М. 401
Квашнин Андрей Ильич 55, 63
Квашнин Василий Андреевич 63, 407
Квашнин Ждан Иванович 55, 63
Квашнины-Самарины 83
Китаев Дмитрий, составитель писцовых книг 362
Клеймола Энн М. 20
Клементьев Е., осадный голова 65
Климент VII, римский папа 58
Клитина Е. Н. 106
Клобуков Андрей Федорович, дьяк 26, 287, 325
Клобуков Григорий Иванович, дьяк 322, 325, 326, 407
Клобуковы 17, 123, 344
Клокачев Тимофей Дмитриевич, стряпчий 420

Клокачевы 136

Клушины 82

Ключевский В. О. 8–11, 14, 155, 185, 240, 259, 262, 332, 333, 354, 355, 380, 392, 393

Ключников В. Б., торговый человек 73

Князьков С. Е. 61, 92, 290

Кобенцль Якоб, австрийский посол 58

Кобрин В. Б. 10, 13, 115–121, 287, 298, 299, 332, 385, 388

Кобяков Григорий Леонтьевич 55, 63, 74, 287, 391, 394, 421, 422

Кобяков Иван Федорович, голова 74

Кобяков Леонтий Никитич 58, 75, 78, 421

Кобяковы 131, 136, 344

Козел Иван, поп 90

Козин Иван Фомин сын, холоп 89

Козлов Ануфрий Данилович, ружанин 71

Козлов Артемий Иванович, дьяк 57, 60, 61, 70–73, 84, 90, 92, 297, 305, 322, 324, 325, 328, 329, 336, 338, 348, 382, 418, 419

Козлов Борис Иванов сын, суздалец 70

Козлов Василий, коломнитин 69

Козлов Василий, белозерец 90, 338, 339

Козлов Иван, коломнитин 69

Козлов Петр Михайлович 423

Козлов Тимофей Юрьев сын, коломнитин 69

Козловские, кн. 130, 134

Козловский Григорий Афанасьевич, кн., бояр. 66, 381, 392, 417, 422, 423

Козловы 71, 85, 90, 94, 131, 135, 339, 382

Козляков В. Н. 236, 241, 349, 350, 365, 366

Козодавлев Иван, псковитин 371

Козяинов Петр, коломнитин 69

Кокорев Борис Иванович, мос. двор. 411

Кокорев Григорий Иванович Бархатов, мос. двор. 100, 101, 107, 127

Кокорев Тимофей, бараш 127

Кокоревы 130

Колединские 80, 124, 133, 148

Колесницкий Н. Ф. 382, 390, 400

Коллманн Н. Шилдс 8, 9, 19–22, 76, 95, 155, 189, 240, 391

Колобовы 344

Кологривов Иван Петрович, мос. двор. 32, 408

Кологривовы 125, 130, 133

Колтовская Анна Алексеевна, см. Анна Алексеевна (Колтовская), царица

Колтовские 58, 80, 82, 87, 91, 94, 124, 129, 137
Колтовский Алексей Игнатъевич, отец царицы Анны 87
Колтовский Борис Севостьянович (Степанович?), мос. двор. 412
Колтовский Василий Данилович 300
Колтовский Иван Александрович, мос. двор., патриарший бояр. 98, 100, 101
Колтовский Иван Степанович 64, 66, 70, 218, 412
Колтовский Михаил Иванович, коломнитин 70, 80
Колтовский Петр, коломнитин 69
Колтовский Семен Васильевич, коломнитин 69, 126
Колтовский Семен Васильевич, патриарший бояр. 56, 64, 86, 409
Колтовский Семен Семенович, окольн. 424
Колтовский Темир Истомин сын, коломнитин 69
Колтовский Федор Борисович, мос. двор. 64
Колтовский Федор Иванович, стольник 56, 61, 418
Колтовский Федор Семенович, патриарший стольник 126
Колтовский Федор Севостьянович, мос. двор. 152, 371, 411
Колтовский Яков Васильевич, мос. двор. 98
Колыч Федор Александрович 77
Колычева С. А. 92
Колычовы 121, 356
Колычов Андрей Андреевич 77
Колычов Василий Иванович Умный, окольн., бояр. 77, 115, 160, 201
Колычов Василий Федорович 117
Колычов Иван 27
Колычов Иван Андреевич Лобан, окольн. 77
Колычов Иван Иванович Умный, окольн. 195
Колычов Иван Семенович Пупок 77
Колычов Иван Федорович Крюк 27
Колычов Семен Андреевич 77
Колычов Федор Иванович Умной, бояр. 77, 115, 120
Колычов Федор Степанович (митрополит Филипп) 77, 120
Кольцов-Масальский Владимир Васильевич, кн., мос. двор. 74
Кольцов-Масальский Иван Михайлович, кн., стольник 55, 74, 287, 422
Кольцовы-Масальские, кн. 124, 131, 137, 287
Комынины 131, 137
Кондратий (Списков) протопоп 90
Кондырев Ждан Васильевич, окольн. 252, 339
Кондырев Иван Гаврилович 370, 371
Кондырев Юрий, дьяк 291

Кондыревы 131, 134, 374
Константин Мономах, византийский император 258
Константинов Смага, коломнитин 69
Конь Федор Савельевич, городской мастер 211
Корецкие, кн. 123
Корецкий В. И. 106, 113, 211
Коркодинов Иван Михайлович, кн., стольник 152
Коркодиновы, кн. 125, 130, 133, 152
Коробовы 149
Коробьин Василий Гаврилович, окольн. 418
Коробьин Семен Гаврилович, мос. двор. 56, 408
Коробьины 131, 136
Костелано П. 142
Костюрин Иван, дьяк 370
Костерской Володя, коломнитин 69
Костомаров Н. И. 11
Костяев Афанасий Давыдович, дьяк 134, 301, 302
Костяевы 344
Котошихин Г. К. 97, 258, 259, 282, 295
Кошелева О. Е. 104, 259, 367, 397
Кощеев Авраамий, дьяк 84, 324, 328, 418
Кощеевы 344
Крамми Р. 20
Крижанич Ю. 384, 397
Крися, «девка Козлова дочь» 88
Кропоткин Данило Петрович, кн., астраханец 363, 420
Кропоткины, кн. 71, 123
Кропотовы 374
Кротов М. Г. 68, 79
Крузе Э. 119
Крюков Максим Петрович, выборный, тулянин 170, 409, 410
Крюковы 134, 374
Кубенской Иван Иванович, кн., бояр. 244
Кувшинов Евстафий Александрович, дьяк 304
Кувшиновы 134
Кудрин Тимофей Васильевич, дьяк 59
Кудрявцев О. Ф. 23
Кузмины 123
Кузмины-Короваевы 299, 344
Кузмин-Короваев Степан Васильевич, выборный по Владимиру 299, 300

Кулешин Василий, дьяк 242
Куракин Андрей Петрович, кн. бояр. 154, 203, 247
Куракин Василий Семенович, кн., стольник 105, 106, 113
Куракин Григорий Андреевич, кн., бояр. 244, 406
Куракин Григорий Семенович, кн., бояр. 217, 226, 252, 324, 328, 329, 359, 417, 422
Куракин Федор Андреевич, кн. 196
Куракин Федор Семенович, кн., бояр. 72, 102, 105, 106, 113, 153, 154, 218, 261, 293, 384, 394, 411, 413
Куракин Федор Федорович, кн., стольник, бояр. 86, 185, 195, 225, 232, 374, 417
Куракины, кн. 113, 124, 131, 136
Курбские, кн. 123
Курбский Андрей Михайлович, кн., бояр. 111, 112, 153, 154, 394
Курицын Иван Федорович, дьяк 195
Курлятев Владимир Константинович, кн. 115
Курлятев Дмитрий Иванович, кн., бояр. 195
Курлятев Иван Константинович, кн. 155, 265, 405
Курлятев Константин Иванович, кн. 29
Курлятевы, кн. 123
Кутин Андрей, осколянин 373
Кутузов Дмитрий Иванович, жилец 376
Кутузова Мария Андреевна, жена казанского кн. Семииона Касаевича 234
Кучюков Иван Федорович, коломнитин 65, 69, 85, 361, 411
Кучюков Федор Степанович, коломнитин 69
Кучюковы, 124, 134
Лабынцев Ю. А. 97
Лавровы 135
Лаговчин Дмитрий, стрелецкий полковник 97
Лаптев Семен, новгородец 415
Ларионов Василий Яковлевич, дьяк 110
Ларионов Григорий, дьяк 364
Ларионов Иван, дьяк 302, 340
Ларионов Михаил Васильевич, стряпчий 110, 342, 348, 414
Ларионовы 125, 130, 133, 344
Ласкирев Никита Иванович, стольник 106, 182
Ласкирев Федор Михайлович, мос. двор. 406
Лачин-бек, персидский посол 323
Лев Философ, византийский император 142
Левашов Афанасий Никифорович 408

Левины 357

Левкий, архимандрит Симонова Московского монастыря 353

Левкин Иван, осколянин 373

Левыкин А. К. 118, 256

Леонтьев А. К. 282

Леонтьев Гаврила, дьяк 313, 316

Леонтьев Григорий, жилец 418

Леонтьев Данило Юрьевич, мос. двор. 103

Леонтьев Иван Федорович, стольник, московский ловчий 100, 102, 106, 107

Леонтьев Кузьма Данилович, стольник 102, 103, 368

Леонтьев Никита, дьяк 294

Леонтьев Павел Федорович, стольник 102, 103

Леонтьев Федор Иванович, стольник 58

Леонтьевы 103, 107, 344

Лжедмитрий I 89, 126, 130, 143, 156, 161, 167, 230, 236, 241

Лжедмитрий II 89, 332

Линяков Е. В. 363

Лисейцев Д. В. 332

Лисовский Александр Йозеф, польский полковник 332, 357

Литвинов-Масальский Андрей Федорович Кокорека, кн., окольн. 105, 113, 303

Литвинов-Масальский Василий Васильевич, кн., казначей 55, 92, 150, 287

Литвиновы-Масальские кн. 94, 124, 135

Лихарев Василий Никитич, мос. двор. 65, 151, 225, 227, 228, 373, 375, 416–418

Лихарев Никита Парамонович, мос. двор. 101

Лихарев Семен Алексеевич, стольник 183

Лихаревы 228, 344, 374

Лихаревы, каширяне 370

Лихаревы, рязанцы 373

Лихачев Василий Богданович, мос. двор. 419

Лихачев Н. П. 31, 59, 67, 75–78, 79, 86, 87, 89, 128, 148–150, 152, 154, 167, 182, 295, 311, 337, 381, 406–408

Лихачев Степан, дьяк 326

Лихачев Федор Федорович, думный дьяк, печатник 103, 164, 238, 286, 289, 290, 295, 316, 322, 323, 348

Лихачевы 125, 130, 133, 344

Лобанов-Ростовский Александр Иванович, кн., стольник, окольн. 151, 227, 228, 417, 420

- Лобанов-Ростовский Афанасий Васильевич, кн., бояр. 64, 81, 114, 221
Лобанов-Ростовский Иван Иванович, кн., окольн. 183, 324, 328, 377, 396,
417
Лобанов-Ростовский Никита Семенович, кн. 153
Лобановы- Ростовские, кн. 124, 131, 136
Ловчиков Иван Юрьевич, мос. двор. 409
Ловчиковы 125, 133
Логвиновы 357
Лодыженские 126, 130, 133, 345
Лодыженский Леонтий Леонтьевич, жилец 126
Лодыженский Максим Савинович, мос. двор. 411
Лодыженский Михаил Иванович 126
Лодыженский Федор Абросимович, стольник 218
Лодыженский Федор Михайлович, стольник 419
Лозен Антонен Ноипор де Комон, граф, герцог 385
Лопарев Х. 142
Лопатин Василий, астраханец 363, 420
Лопатины 136
Лопухин Ларион (Илларион) Дмитриевич, мос. двор., дьяк 317, 318, 415
Лопухины 131, 135, 345
Лувау Франсуа Мишель Ле Телье, маркиз, французский военный министр 383
Луговской Томила Юдич, думн. дьяк 162, 303
Лукичев М. П. 81, 97, 105, 261, 387
Лунин Иван, коломнитин 69
Лыков Борис Михайлович, кн., бояр. 80, 89, 96, 100, 104, 151, 155, 161,
162, 221, 261, 307, 408
Лыков Иван Иванович Дуда, кн. 117
Лыков Иван Федорович, кн., стольник 82
Лыков Федор Иванович Дудин, кн., окольн. 80, 95, 120, 212, 407
Лыковы 80
Лыковы, кн. 57, 78, 87, 124, 131, 135
Львов Алексей Иванович, кн., стольник 424
Львов Алексей Михайлович, кн., бояр. 34, 58, 73, 127, 184, 188, 221, 261,
296, 413
Львов Андрей Дмитриевич, кн., галичанин 73
Львов Василий Иванович, кн., стольник 424
Львов Василий Петрович, кн., окольн. 372
Львов Дмитрий Петрович, кн., бояр. 152, 224, 416
Львов Иван Андреевич, кн., стольник 66, 73

- Львов Никита Яковлевич, кн., окольн. 416
- Львов Семен Иванович, кн., стольник 219, 225, 226, 375, 419, 420
- Львов Семен Петрович, кн., окольн. 225, 254, 375
- Львов Федор Андреевич, кн., стольник 340
- Львовы 345
- Львовы, кн. 73, 130, 131, 134, 296
- Льговские 125, 134, 345
- Льговский Иван Леонтьевич, дьяк 304
- Любич-Романович В. 242*
- Любомиров П. Г. 114*
- Людовик XIV, французский король 8, 383, 398
- Ляпунов Владимир Прокопьевич, мос. двор. 67, 128, 130, 368, 409
- Ляпунов Иван Захарович, мос. двор. 96, 373
- Ляпунов Лев Прокопьевич, мос. двор. 225, 416
- Ляпунов Лука Владимирович, стольник 66, 417, 422
- Ляпунов Прокопий Петрович, думн. двор. 67, 130, 213, 368, 373
- Ляпунов Степан, рязанец 88
- Ляпунов Ульян Семенович, мос. двор. 86, 409
- Ляпунова Мария Григорьевна, жена царевича Михаила Кайбуловича 255
- Ляпуновы 86, 125, 130, 131, 133, 136, 370*
- Магнус, «Арцымагнус», ливонский король 234, 244, 245
- Макарий, митрополит Московский 142, 143, 158, 185, 196, 197
- Макарий, патриарх Антиохийский 248
- Малогощский пан см. Олесницкий Николай, польский посол
- Манушина Т. Н. 106*
- Маньков А. Г. 313*
- Маракушев Борис, угличанин 411
- Маракушевы 134
- Маржерет Ж. 260*
- Мария Владимировна (Долгорукая), царица 255
- Мария Ильинишна (Милославская), царица 238, 239, 255, 256
- Мария Петровна (Буйносова), царица 236
- Мария Темрюковна, царица 235
- Мария Федоровна (Нагая), царица 235, 253
- Маркевич А. И. 8–10, 17, 79, 138, 139, 152, 154, 155, 168, 169, 181–183, 185, 192, 224–226, 240, 242, 253, 257, 258, 292, 316, 329, 363, 406, 408, 419*
- Мартаков Никифор Кириллович, поручик 423
- Мартаковы 137
- Мартин Р. 261, 367*
- Марфа Васильевна (Собакина), царица 128, 234, 244

Марфа, «великая старица», (Романова-Шестова Ксения Ивановна) 294
Масальские, кн. 124, 125, 129, 133, 287
Масальский Василий Михайлович Рубец, кн., бояр. 59, 66
Масальский Петр Владимирович, кн., стольник 128
Масальский Семен Васильевич Клубков, кн., стольник 263
Масловы 345
Масса И. 335
Матвеев Артамон Сергеевич, бояр. 285
Матюшкин Иван Павлович, думн. двор. 319
Медушевский А. Н. 391, 397
Мезецкие, кн. 124, 130, 134, 150
Мезецкий Данило Иванович, кн., бояр. 96, 99, 101, 102, 107, 289
Мезецкий Михаил Романович, кн. 194
Мейчик Д. М. 313, 315, 316
Мельников Ю. Н. 8, 15, 16, 17, 31, 158, 167, 168, 382, 387, 406, 407
Мерик Джон, английский посол 267
Мерлеев Федор, коломнитин 69
Мертваго Осип Семенович. мос. двор. 423
Мертваго 131, 137
Мещерские, кн. 124, 131, 135, 356, 370, 379, 410
Мещерский Василий Иванович, кн. 271
Мещерский Григорий Федорович, кн. 197
Мещерский Никифор Яковлевич, кн., мос. двор. 129, 366
Микулин Петр, дьяк 302
Микулинский Василий Андреевич, кн. 195
Миллер Г. Ф. 87
Милов Л. В. 382, 386, 389, 400
Милославская М. И. см. Мария Ильинишна (Милославская), царица
Милославские 150
Милославский Данило Иванович, мос. двор. 101, 129
Милославский Иван Богданович, бояр. 421, 422
Милославский Иван Михайлович, окольн., бояр. 84, 297
Милославский Илья Данилович, бояр. 254, 319
Милюков Иван Васильевич Гусь 299–301
Милюков Михаил Васильевич, выборный по Рузе 300
Милюков Степан Яковлевич, стряпчий с ключом 97, 100, 294, 295
Милюков Федор Васильевич, выборный по Рузе 300
Милюковы 130, 134, 299, 300
Минин Козьма, думный дворянин 231
Михаил, см. Морозов Михаил Яковлевич Русалка, бояр.

Михаил Федорович, царь 66, 67, 103, 104, 143, 145, 147, 156, 157, 160, 183, 188, 192, 218, 219, 221, 222, 230, 231, 236–238, 240, 246, 247, 252, 255, 258, 261, 271, 273, 291, 292, 294, 303, 304, 317, 320, 335

Михаил Кайбулович (Кайбулин), кн., татарский царевич 89, 255

Михаил Малейн, св. 247

Михайлов Борис Михайлович, дьяк 64, 309, 318, 423

Михалков Константин Иванович, постельничий 97, 114, 266, 294, 369

Михалков Андрей Тимофеевич 294

Михалков Федор Федорович 100

Михалкова М. Г. 294

Михалкова Е. А., см. Салтыкова Е.А.

Михалковы 124, 132, 295

Мишурин Иван Федорович 182

Мишурин Михайло, дворовый сын боярский 69

Мишурин Семен Федорович 181

Мишурин Семен, дворовый сын боярский 69

Мишурин Федор Михайлович, дворцовый (думный) дьяк 181

Мнишек Марина Юрьевна 220, 236, 241

Мокеевы 357

Моклаков Губа Никита Семенович, дьяк 178

Монастыревы 345

Мордовина С. П. 17, 146

Морозов Борис Иванович, бояр. 107, 261

Морозов Б. Н. 62, 75, 104, 261, 286, 367

Морозов Владимир Васильевич 29

Морозов Василий Петрович, бояр. 56, 100, 104, 153, 230, 272, 273, 394, 408

Морозов Глеб Иванович, бояр. 261, 362

Морозов Григорий Васильевич, бояр. 193

Морозов Иван Васильевич, бояр. 73, 261

Морозов Михаил Яковлевич, бояр. 234, 287

Морозов Михаил Яковлевич Русалка, бояр. 242

Морозов Петр Васильевич, бояр. 117, 198

Морозовы 124, 131, 132, 137

Морткин Иван, кн. 88

Мортины, кн. 125, 130, 133

Мосальские, см. Масальские, кн.

Москотиньевы, мещеряне 375, 418

Мосоловы, заводчики 90

Мосоловы, мещеряне 418

Мстиславская Ирина Михайловна, кнг. 236
Мстиславские, кн. 123, 150
Мстиславский Иван Федорович, кн., бояр. 26, 28, 30, 111, 199
Мстиславский Федор Иванович, кн., бояр. 27, 64, 205, 206, 213, 236, 237, 246, 247, 252, 254, 266
Муравьев Семен Федорович, судья в Новгородской приказной палате 33, 61, 91, 362, 414
Муравьевы (Олоповские) 362
Муравьевы 131, 135, 362
Мурат-Гирей, крымский царевич 244
Мусин [Пушкин] Иван [Михайлович], сын боярский 241
Муслий-ага, турецкий посол 342
Мышецкие, кн. 73, 135, 379
Мышецкий Борис Ефимович, кн. 170, 226
Мышецкий Данило Ефимович, кн. 80, 83, 91, 414
Мясной Иван 57
Мясные 374
Мясные-Судоковы 345
Мясоедовы, мещеряне 418
Мятлев Иван Иванович Слизнев 298, 299
Мятлев Н. В. 101, 289
Мячковы 134, 345
Нагая Мария Федоровна см. Мария Федоровна (Нагая), царица
Нагие 124, 134
Нагой Богдан Михайлович, стольник 101, 102, 107, 109, 164
Нагой Федор Федорович 65, 79, 406
Нагой Михаил Александрович, бояр. 72
Назаров В. Д. 260
Нарбековы 133
Нармацкие 123, 345
Нармацкий Яков 57
Нарышкин Лев Кириллович, бояр. 423
Нарышкина Наталья Кирилловна, см. Наталья Кирилловна (Нарышкина), царица
Нарышкины 131, 137, 394
Наталья Кирилловна (Нарышкина), царица 239, 255
Наумов Алексей Иванович, жилец 57
Наумов Андрей Федорович, мос. двор. 57, 60, 64, 271, 298, 409
Наумов Василий Григорьевич 57
Наумов Василий Федорович, постельничий, околын. 298

Наумов Иван Федорович Жекула, сокольничий 298
Наумов Иван, дворовый сын боярский 69
Наумов Иван (Ишук) Бухарин, дьяк 115, 299
Наумов Илья Васильевич, мос. двор. 339
Наумов Лаврентий Федорович, мос. двор. 373, 374, 412
Наумов Михаил Иванович, мос. двор. 416
Наумов Петр Суворов сын, дворовый по Вязьме 32
Наумов Федор Григорьевич 57
Наумов Яков Гаврилович, судья Земского приказа 298, 299
Наумовы 133, 298, 345, 346, 374
Нащокин Борис Иванович, мос. двор. 102, 109, 164
Нащокин Григорий 325
Нащокин Григорий Афанасьевич 203, 290
Нащокин Григорий Борисович, думн. двор. 373
Нащокин Иев, псковитин 371
Нащокины 151
Небольсин Владимир, брянчанин 367
Неел, протопоп 84
Неелов Иван Васильевич, дьяк 325, 326, 407
Неелов Иван Елизарьевич 325, 326
Нееловы 84, 94, 123, 345
Неклюдов Мирон, псковитин 371
Неплюев Леонтий Романович, бояр. 422
Нероновы 345
Неусыхин А. И. 385
Нефедьев Василий, дьяк 319
Нефедьев Исай Дубинин, дьяк 293
Никитин Третьяк, дьяк 291
Никитичи см. Романовы-Юрьевы
Николаева Т. В. 106
Николай Давыдович, грузинский царевич 248
Никон, патриарх Московский 222, 248, 335, 337
Новодворский В. 202
Новосельский А. А. 12, 118, 172, 173, 182, 199, 201, 202, 204, 206, 207,
210, 215, 217, 349, 350, 355–359, 361, 365–368, 371–373, 381
Новосильцев Григорий Владимирович, стольник 418
Новосильцев Иван Петрович, печатник 289
Новосильцев Лука Захарьич 265
Новосильцевы 124, 131, 136
Новохатко О. В. 34, 187

Ногайская орда 215
Ноготков-Оболенский Федор Андреевич, кн., бояр. 112, 113, 209, 380
Ноготковы кн. 123, 124
Ногтев Андрей Васильевич, кн. 28
Ногтев Иван Семенович, кн. 158
Ноздреватый Михаил Васильевич, кн. 203
Норов Степан Васильевич, коломнитин 61, 68, 69, 361, 414
Норов (Норовлев) Иев, муромец 361
Норов Ратай, коломнитин 70
Норовы 130, 135
Носов Н. Е. 75, 157
Оболенские, кн. 63, 71, 78, 121, 123, 124, 131, 135, 380
Оболенские-Репнины, кн., 87
Оболенский Дмитрий Иванович Немой, кн. 29
Оболенский Иван Васильевич Лыко, кн. 241
Оболенский Иван Михайлович Репня, кн. 241
Оболенский Иван Федорович Овчина Телепнев, кн., бояр., конюший 242
Образцов Григорий Романович 117
Образцов Григорий Федорович, мос. двор. 297
Образцовы 125, 130, 133, 297, 345
Овцын Василий Дмитриевич, мос. двор. 331
Овчинников Р. В. 106
Огала Влас, поп 85
Огалин Василий Павлович, коломнитин 69
Огалин Василий Дементьевич, ярославец, коломнитин 66, 68, 69, 70
Огалин Влас Третьяков сын, коломнитин 69
Огалин Дементий Парфеньевич Третьяк, ярославец 69
Огалин Иван Матвеевич, коломнитин 65, 85, 361, 414
Огалин Иван Павлович, коломнитин 412
Огалин Логин Павлович, коломнитин 65, 361, 414
Огалин Марк Третьяков сын, коломнитин 69
Огалин Павел Васильев сын, коломнитин 69
Огалин Павлин, коломнитин 69
Огалин Степан Павлович, коломнитин 414
Огалин Федор Павлович, коломнитин 68, 361, 414
Огалины 61, 65, 66, 69, 85, 86, 94, 130, 134, 361
Огарев Иван Фомич Нелюбов, мос. двор. 307, 308
Огарев Нелюб (Фома), мос. двор. 307, 308
Огаревы 134, 345
Ододуров Иванис Григорьевич, стряпчий с ключом 242

Ододурова Анна Андреевна 242
Одоевская [Анна Романовна ?], кнж. 234
Одоевская Мария Михайловна, кнг. 255
Одоевские, кн. 124, 131, 136, 194
Одоевский Данило Семенович, кн. 29
Одоевский Иван Иванович, кн., стольник 103, 255
Одоевский Михаил Никитич, кн., стольник 26
Одоевский Никита Иванович, кн., бояр. 60, 218, 224, 225, 261, 269, 353, 373, 374, 411, 416
Одоевский Никита Романович, кн., бояр. 26, 115, 119–121, 200
Одоевский Яков Никитич, кн., бояр. 421
Окуневы 135
Оладьин Никита Васильевич, мос. двор. 368
Оладьины (Аладьины) 125, 130, 134
Олеарий А. 243
Олесницкий Николай, каштелян Малогощский, польский посол 236
Олоповские 362
Олоповский Ивашко Муравьев сын 362
Олоповский Михаил Муравьев сын 362
Олоповский Русин Муравьев сын 362
Онсимов Григорий, новгородец 111
Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич, бояр. 131, 179, 180, 267–269, 283, 285, 396
Ордины-Нащокины 136
Орлов, сын боярский 178
Осипов Тимофей, дьяк 290
Остафьев Денис, сын боярский 61, 418
Остафьевы (Астафьевы) 136, 345
Отрослев Федор, сын боярский 61, 418
Отрослевы 131, 136
Отяев Василий Петрович, мос. двор. 171, 263, 414
Отяевы 134
Офонасьев Гридя, сын боярский 241
Охлябинин Андрей Петрович, кн. 160
Охлябинин Василий Федорович, кн. 195
Охлябинин Иван Петрович, кн. 115
Охлябинины, кн., 29, 123
Очин-Плещеев Иван Иванович 111
Очин-Плещеев Никита Иванович, околын. 115
Очины-Плещеевы, 81, 124, 131, 135

Ощерин Иван Иванович, стольник 242
Павленко Н. И. 15, 90
Павлов А. П. 17, 18, 89, 112, 113, 124, 125, 130, 146, 155, 160, 181, 282, 291, 325, 407
Павлов Родион Михайлович, окольный 423
Павлов-Сильванский Н. П. 10, 11, 14, 391
Палецкая Ульяна Дмитриевна, кнж. 234
Палецкие, кн. 123, 151
Палицыны 345
Панины 345
Панченко А. М. 385
Патрикеев Иван Исакович, дьяк 319
Пашков Истома Иванович, венец 61, 92,
Пашков Кондратий Федорович, жилец 61, 92, 416
Пашковы 94, 131, 135
Пашковы, каширяне 92
Паиуто В. Т. 14, 142
Пельтц В. 22
Пенков Иван Васильевич, кн. 29, 195
Пересветов И. С. 145
Перфильев Томила, дьяк 60
Пестов Григорий, коломнитин 65
Пестов Петр, дворовый с. б. 69
Пестриков Григорий Васильевич, дьяк 137
Петелин Дружина Фома Пантелеевич, дьяк 266, 326, 395
Петр I Алексеевич, царевич, царь 143, 145, 232, 253–256, 397–399
Петр Алексеевич, сибирский царевич 248, 255
Петр, митрополит Московский, св. 251
Петр Обреимович, казанский царевич 233
Петр, пан см. Бялый Петр, литовский посол
Петров Иван, холоп 92
Петров К. В. 17, 18, 30, 31, 68, 138–140, 158, 240, 246
Петрово-Соловово Жук 92
Петрово-Соловово (Солового) 84, 87, 92
Петрово-Соловово Бык 92
Петрушка, Петр Федорович (Илья Тихонов сын Юрьев Муромец), самозванец 92
Пивов Иван 70
Пивов Роман Михайлович, думн. двор. 70
Пивов Угрим Львович, печатник 289

Пивовы 123, 345
Пильемов Юрий Григорьевич, мос. двор. 96, 120, 169, 212, 407
Пименова Л. А. 394
Пирогов Тимофей, стремянный конюх 338
Писаревы 134
Писемские 129, 134
Писемский Иван Прохорович 59–61, 63, 66, 67, 72, 83, 84, 128, 129, 326, 408
Писемский Прохор Сахаров сын, дьяк 71, 326
Писемский Сахар (Никифор) Константинович 61
Платонов С. Ф. 88, 115, 128, 213, 303
Племянниковы 345
Плеханов Г. В. 10
Плещеев Алексей Дмитриевич Охотин, стольник 225, 414
Плещеев Андрей Дмитриевич 417
Плещеев Андрей Львович 414
Плещеев Андрей Осипович, стряпчий, стольник 66, 77, 84, 151, 157, 169, 180, 234, 409
Плещеев Борис Иванович, стольник 416
Плещеев Григорий Андреевич Глазун, стольник 365
Плещеев Дмитрий Иванович Репей, стольник, мос. двор. 80, 81, 373, 413
Плещеев Захарий Иванович Очин, бояр. 118, 405
Плещеев Иван Афанасьевич, стольник 101
Плещеев Иван Дмитриевич, ротмистр 417
Плещеев Иван Дмитриевич Заяц (Заика), патриарший стольник 255
Плещеев Иван Дмитриевич Колодка, дворовый по Переславлю 115
Плещеев Иван Иванович, владимирец 358
Плещеев Иван Иванович Очин, стряпчий 111, 198
Плещеев Иван Моисеевич, мос. двор. 416
Плещеев Лев Афанасьевич, стольник 98, 101, 102, 104, 105, 183
Плещеев Михаил Андреевич Тарх 83, 91
Плещеев Михаил Иванович Колотка 80
Плещеев Михаил Львович, стольник 414
Плещеев Никита Иванович Очин, мос. двор. 115, 206, 264, 265
Плещеев Осип Тимофеевич, мос. двор. 113
Плещеев Петр Михайлович, окольн. 76
Плещеев Федор Иванович Охотин 225, 417
Плещеев Федор Кириллович Смердов, суздалец 80, 95, 96
Плещеева Настасья Семеновна 255
Плещеевы 33, 71, 82, 83, 79, 80, 94, 96, 98, 124, 129, 131, 135, 136, 148

По Маршалл 104, 260, 367

Погодин М. П. 138, 155

Погожие -Челюсткины 133

Погожие 124

Погожий Дмитрий Семенович, мос. двор. 331

Погожий Исак Семенович, стольник 80

Пожарские, кн. 57, 94, 124, 131, 132, 136, 181

Пожарский Дмитрий Михайлович, кн., бояр. 19, 56, 61, 89, 96, 109, 114, 151, 155, 157, 161, 162, 170, 183, 184, 231, 232, 261, 273, 301, 303, 307, 327, 332, 353, 394, 408, 411

Пожарский Дмитрий Петрович Лопата, кн., мос. двор. 163

Пожарский Иван Иванович Третьяков, кн. 65

Пожарский Роман Петрович Перелыга, кн., мос. двор. 34, 65, 181, 410

Пожарский Семен Романович, кн., околыш. 225, 252, 358

Пожарский Тимофей Федорович, кн. 65

Поздеев Марк Иванович, дьяк 73, 330, 331

Поздеевы 345

Покровский М. Н. 11, 14

Полев Григорий Осипович, дворовый по Костроме 115

Полев Иван Андреевич, стольник 65, 375, 417

Полев Иван Осипович, мос. двор. 64, 151, 169, 203, 209, 407

Полев Осип Васильевич 111, 112

Полевы 124, 151

Поленов Никифор Алесеевич, мос. двор. 418

Поливанов Константин Дмитриевич, выборный по Можайску 115, 271

Поливановы, малоярославцы 372

Полтев Никита Андреевич, стольник 424

Полтев Никита Дмитриевич, стольник 424

Полтевы 135

Полубенский Александр Иванович, литовский кн. 244

Полянский Михаил, стрелецкий голова 59

Понтинина, старица, тетка кн. А. В. Лобанова-Ростовского 64

Попов Василий, дьяк см. Ушаков Василий Васильевич

Попович М. В. 379

Поршнев Б. Ф. 386

Постников Василий Тимофеевич, дьяк 309

Потемкин Петр Иванович, стольник, думн. двор. 329

Потемкин Вялища Кузьмин сын, дьяк 330

Потемкин Иван, подьячий 330

Потемкин Иван (другой) подьячий 330

Потемкин Иван Гаврилович, мос. двор. 330
Потемкин Семен, подьячий 330
Потемкин Юрий Федорович, смолянин 329
Потемкины 131, 136, 329, 330
Пресняков А. Е. 20, 194
Приимков-Ростовский Александр Данилович, кн., мос. двор. 34, 181, 410
Приимков-Ростовский Данило Борисович, кн., бояр. 63, 207, 406
Приимков-Ростовский Михаил Андреевич, кн. 65
Приимковы-Ростовские, кн. 78, 81, 131, 135
Приклонские 136, 345
Приклонский Иван Богданович, стольник 419
Принц Даниил фон Бухау, имперский посол 58
Проестев Иван Меньшой Степанович, стольник 69
Проестев Степан Матвеевич, окольн. 105, 185
Проестевы 134
Прозоровские, кн. 131, 136
Прозоровский Иван Семенович, кн., бояр. 60, 269, 304, 420
Прозоровский Матвей Васильевич, кн., стольник 105, 106
Прозоровский Михаил Федорович, кн. 29
Прозоровский Семен Васильевич, кн., стольник, окольн. 96, 99, 101, 105–107, 370, 371
Прокофьев Василий Сергеевич, дьяк 323
Пронские, кн. 124, 131, 135
Пронский Василий Константинович Шиш, кн. 262
Пронский Иван Иванович Турунтай, кн., бояр. 110, 115, 199
Пронский Иван Петрович кн., бояр. 224, 416
Пронский Михаил Петрович Рыбин, кн., стольник, бояр. 60, 82, 415
Пронский Петр Данилович, кн., бояр. 115
Пронский Семен Данилович, кн., бояр. 201, 288
Прончищев Иван Афанасьевич, окольн. 422
Прончищев Осип Яковлевич 100, 127
Прончищевы 132
Протасов (Протасьев) Василий Михайлович, мос. двор. 339
Протасьев Иов Исаевич, мещерянин, мос. двор. 375
Протасьевичи 394
Протасьевы 133, 345
Протасьевы, мещеряне 418
Протопопов Григорий, дьяк 59
Протопопов Григорий, подьячий 340, 423
Протопопов Иван Елизарович, мос. двор. 291

- Пушкин (Пушка) Докучай, тверской посадский 84
Пушкин (Пушка) Никифор, тверской посадский 84
Пушкин Борис Григорьевич, стольник 410
Пушкин Борис Иванович, окольный. 33, 58–60, 65, 66, 79, 148, 151, 297, 414
Пушкин Василий Никитич, мос. двор. 65, 66, 77, 79, 84, 148, 151, 156, 169, 180, 234, 409
Пушкин Гаврило Григорьевич, сокольничий, думн. двор. 231, 272, 273, 299
Пушкин Григорий Гаврилович, бояр. 34, 58, 66, 70, 73, 91, 188, 218, 221, 258, 412, 413, 417
Пушкин Григорий Григорьевич Сулемша 161
Пушкин Иван Иванович, стольник 60, 66, 98, 100, 164
Пушкин Иван Михайлович Меньшой, выборный по Бежецкому Верху 56, 114
Пушкин Иван Никитич, стольник 59
Пушкин Леонтий Михайлович, выборный по Кашину 113
Пушкин Матвей Степанович, окольный. 179, 180, 267, 268
Пушкин Михаил Евстафьевич, жилец 100
Пушкин Никита Михайлович, мос. двор., окольный. 72, 308
Пушкин Остафий Михайлович, мос. двор. 59, 65, 66, 271
Пушкин Савлук Третьяков, выборный по Зубцову 59
Пушкин Степан Гаврилович, стольник 66, 231, 415
Пушкин Федор Иванович, стольник 66, 96, 99
Пушкины 56, 58, 66, 72, 73, 78, 79, 83, 124, 131, 136, 179, 258, 297, 308
Пушкины-Шафериковы 156
Рагозины 134, 345
Радзивилл Юрий Николаевич, кн., литовский гетман 242
Раевский П. М. 124
Раков Лука Матвеевич 181
Раков Матвей Михайлович Третьяк, дьяк 181
Раковы 345
Ратша 79
Редегины 82
Репнин Александр Андреевич, кн., мос. двор. 219, 380
Репнин Андрей Васильевич, кн. 115, 121, 200
Репнин Борис Александрович, кн., бояр. 225, 226, 261, 293, 352, 353, 376, 415, 420
Репнин Михаил Петрович, кн., бояр. 28, 29
Репнин Петр Александрович, кн., бояр. 184, 261, 273
Репнины, кн. 124, 131, 136, 273

- Ржевские 124, 133
Ржевский Дей Сергеевич 98
Ржевский Иван Иванович, окольн. 59, 422
Рогов В. А. 384
Рогожин Н. М. 97, 105, 106, 243, 261, 282, 289, 387, 391
Романов Александр Никитич, бояр. 113, 206
Романов Иван Никитич, бояр. 99, 104, 213, 230, 231, 261
Романов Никита Иванович, бояр. 261
Романов Федор Никитич, бояр., см. Филарет Никитич, патриарх
Романов-Юрьев Данило Романович, бояр. 241, 266
Романовы-Юрьевы 112, 113, 116, 124, 132, 161, 232, 237, 273, 284, 293, 294, 347, 393 см. также: Захарьины, Юрьевы.
Ромодановские, кн. 102, 103, 124, 137, 209
Ромодановский Василий Григорьевич Меньшой, кн., окольн. 102, 103, 105, 412
Ромодановский Василий Григорьевич Большой, кн., стольник 61, 89, 108, 114, 163, 268, 371, 411
Ромодановский Григорий Григорьевич, кн., бояр. 62, 97, 170, 174, 176, 225–227, 329, 334, 360, 374, 396, 416, 417, 421
Ромодановский Григорий Петрович, кн., бояр. 109, 221
Ромодановский Иван Григорьевич Молчанка, кн., стольник 102, 103
Ромодановский Иван Иванович, кн., окольн. 72, 73, 164, 188, 247, 415, 416
Ромодановский Михаил Григорьевич, кн., бояр. 82, 170, 175, 226, 227, 329, 424
Ромодановский Петр Григорьевич, кн., стольник 372
Ростовская Феодора Ивановна, кнг. 87
Ростовские, кн. 63, 64, 71, 78, 81, 123
Ростовский М., кн. см. Приимков-Ростовский Михаил Андреевич, кн.
Ростовский Семен Юрьевич Ворона, кн. 87
Ртищев Григорий Иванович, думн. двор. 333
Ртищев Григорий Михайлович, ротмистр 333
Ртищев Максим Григорьевич, мос. двор. 333, 418
Ртищев Михаил Алексеевич, окольн., постельничий 332, 333
Ртищев Федор Михайлович, окольн., постельничий 285, 332, 333
Ртищевы 131, 135, 184, 333, 345
Рудаков Михаил, коломнитин 69
Румянцев Василий Матвеевич, смолянин 329
Румянцев Иван Иванович, стряпчий 330
Румянцев Петр Семенович, смолянин 330
Румянцев Семен Владимирович, дьяк 322, 329, 330

Румянцев Сила Никитич, стряпчий 330
Румянцев Федор Иванович, стряпчий 330
Румянцевы 136, 330, 345
Русинов Рохманин Иванович, дьяк 70
Рыбалко Н. В. 304
Рыбин-Пронский Михаил Петрович, кн. см. Пронский Михаил Петрович, кн., бояр.
Рюриковичи 146, 370, 385, 393
Ряполовские, кн. 151
Ряполовский Петр Семенович Лобан, кн. 194
Ряполовский Семен Иванович, кн., бояр. 243
Сабур Федор Иванович, бояр. 240
Сабуров Василий Борисович, бояр. 120
Сабуров Дмитрий Григорьевич, стольник 415
Сабуров Елизарий Иванович, мос. двор. 262
Сабуров Замятня-Яков Иванович, стольник 118, 119
Сабуров Иван Иванович, окольн. 160
Сабуров Семен Федорович, окольн. 206, 207, 263, 290
Сабурова Мария Юрьевна, жена кн. В. С. Стародубского 233
Сабуровы 124, 135
Савелов Л. М. 79
Савин А. Н. 8, 9
Савины 345, 346
Сагиб-Гирей, крымский хан 177, 195
Садиков П. А. 115, 286, 289, 408
Салтыков Андрей Худяков, стольник 264
Салтыков Борис Михайлович, бояр. 114, 157, 183, 261
Салтыков Даниил Борисович, стольник 202
Салтыков Иван Иванович, бояр. 63, 188, 261, 415
Салтыков Иван Лаврентьевич, стольник 204
Салтыков Лаврентий Дмитриевич, бояр. 261
Салтыков Лев Андреевич, бояр., оружничий 115, 117, 118
Салтыков Лев Иванович, стольник 421
Салтыков Михаил Глебович, бояр. 72, 113, 167, 168, 184, 204, 209
Салтыков Михаил Михайлович Кривой, бояр. 61, 113, 166, 205, 261, 294, 413
Салтыков Панкратий Яковлевич, стольник 235
Салтыков Федор Игнатьевич 111
Салтыков Яков Андреевич, бояр. 63, 115
Салтыкова Е. А. 295

Салтыковы 113, 131, 136, 157, 379
Самарин Иван Федорович, мос. двор. 418
Самарин Михаил Михайлович, стольник 424
Самарин Михаил Федорович, стольник 418
Самарин Семен Михайлович, стольник 424
Самарины 130, 134, 345
Самсонов Савва, дьяк 291
Сапега Лев, литовский посол, канцлер 57, 244, 266, 395
Сапега Ян Петр, литовский гетман 107
Сатыев Андрей, кн. (Сицкий?) 64
Сафонов(Софонов) Денис Игнатьевич, думн. дьяк, печатник 286
Сафонов (Софонов) Денис Игнатьевич, тушинский думн. дьяк, печатник 286, 341
Сафоновы 345
Светешников Надея Елифаний Андреевич, гость 323
Свиньин Смирной Григорьевич, стряпчий 422
Свищов Дмитрий, астраханец 363
Свищовы, мещеряне 136, 375, 418
Связев Василий Захарьевич, мос. двор. 342
Связев Дмитрий, астраханец 420
Связев Захарий Григорьевич, дьяк 326, 342
Связев Иван Захарьевич, мос. двор. 342, 343
Связевы 134, 345
Северов Иван, дьяк 416
Седов П. В. 8, 16, 125, 128, 174–176, 184, 185, 188, 228, 232, 296, 321, 340, 390
Секерин Перфилий Иванович, мос. двор. 100, 127, 130
Секирины 132
Семен, кн. см. Ряполовский Семен Иванович, кн.
Семенов Василий Григорьевич, думный дьяк 72, 229, 296, 328
Семион Бекбулатович, вел. кн. 262
Сен-Симон Луи де Рувруа, герцог 383, 392
Сергеев Василий, дьяк см. Прокофьев Василий Сергеевич
Серебряный-Оболенский Василий Семенович, кн. 29, 115, 201
Серебряный-Оболенский Петр Семенович, кн., бояр. 115, 118, 119, 197
Сигизмунд III, польский король 114
Сигизмунд II Август, польский король 58
Сидоровы 345
Сильвестр, священник Благовещенского кремлевского собора 112
Симеон Бекбулатович, вел. кн. 115, 203, 244

- Симеон Касаевич, казанский хан 234
Синицына Н. В. 142
Сицкая Авдотья Дмитриевна, кнг. 255
Сицкие, кн. 124, 135, 273
Сицкий Алексей Юрьевич, кн., бояр. 255, 261
Сицкий Василий Андреевич кн., бояр. 115, 202
Сицкий Иван Васильевич, кн., бояр. 113, 380
Сицкий Федор Васильевич, кн. 115
Сицкий Юрий Андреевич, кн., бояр. 61, 166, 261, 273, 303, 304, 413
Скобеев Фрол, литературный персонаж 385
Скобельцын Иван Леонтьевич, мос. двор. 126, 129
Скобельцын Лев [Захарович], выборный по Вязьме 127
Скобельцын Леонтий Захарович, выборный по Вязьме 127
Скобельцын Никита [Захарович], выборный по Вязьме 127
Скобельцыны 130, 132
Скопин-Шуйский Василий Федорович, кн., бояр. 264
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, кн., бояр. 88, 126, 212, 213, 335, 390
Скорняковы-Писаревы 374
Скрынников Р. Г. 17, 29, 77, 111, 112, 115, 116, 118–121, 125, 199, 200, 204, 205, 208, 212, 214, 286, 297–299
Скрябин Михаил Федорович, стольник 419
Скрябины 136
Скурат см. Станицев Прокофий Зиновьевич Скурат
Скуратов Дмитрий Федорович, мос. двор. 128
Скуратов Петр Дмитриевич, окольн. 227, 334, 360, 374, 417, 421
Скуратовы 130, 133
Слепцов Иван, сын боярский 241
Слизневы 356
Смердов-Плещеев Ф. К. см. Плещеев Ф. К. Смердов
Смирнов И. И. 92, 157, 212, 335
Смирнов П. П. 186, 293
Собакин Никифор Сергеевич, окольн. 293
Собакин Сергей Степанович, стольник 128
Собакин Степан Афанасьевич, стольник 423
Собакина Марфа см. Марфа Васильевна (Собакина), царица
Собакины 125, 130, 133, 345
Совин Андрей Петрович, мос. двор. 109
Соковнин Степан Семенович, выборный по Карачеву 127
Соковнин Сунгур Семенович 127

Соковнины 130

Соколова И. М. 258

Солнцев-Засекин Андрей Иванович, кн., стольник 377

Солнцев-Засекин Андрей Михайлович кн., стольник 417

Солнцев-Засекин Иван Андреевич, кн., мос. двор. 170

Солнцевы-Засекины, кн. 124, 131, 136

Соловьев С. М. 9, 126, 127, 144, 177, 208, 222, 223, 226, 257, 269, 335, 337

Солодкин Я. Г. 331

Сомовы 345

Сорокоумовы 82

Софонов Игнатий Тимофеевич, дьяк 32, 58, 323, 329, 341, 342, 408

Софонов Петр Тимофеевич, мос. двор. 342

Софья Ивановна, вел. кнж. 233

Спасителей Иван Владимирович, мос. двор. 100, 106, 129

Спасителей Тимофей Иванович, стряпчий 129

Спасительевы 130, 132

Списков Василий, балахнинский подъячий 90

Срака, церковный бобыль 85

Станислав, пан см. Гаштольд Станислав, литовский посол

Станиславский А. Л. 106, 214, 325, 351, 400

Станищев Прокофий Зиновьевич Скурат 242

Старицкая Евфросинья Андреевна, кнг. 121, 233

Старицкая Мария Владимировна, кнж. 234

Старицкие, кн. 121

Старицкий Владимир Андреевич, кн. 92, 121, 234, 235

Стародубский Василий Семенович, кн. 234

Стерн Л. 394

Стефан Баторий, польский король 202

Сторожев В. Н. 70–73, 129, 302, 304, 312, 318, 324, 327, 334–336, 423

Стрельников Гаврила, осколянин 373

Стрешнев Василий Иванович, бояр. 101, 261, 323

Стрешнев Иван Филиппович, дьяк 26

Стрешнев Лукьян Степанович, бояр. 261

Стрешнев Семен Лукьянович, бояр. 252

Стрешнев Федор Степанович, бояр. 261

Стрешнева Анна Константиновна 255

Стрешнева Евдокия Лукьяновна см. Евдокия Лукьяновна (Стрешнева), царица

Стрешневы 255, 345

Стригин-Оболенский Александр Иванович, кн. 177, 265, 405
Стригин-Оболенский Иван Александрович, кн. 29
Строгановы, «именитые люди» 318
Строев П. 87
Сугорские, кн. 123
Судейкин Клим, дьяк 332, 422
Судейкины 137
Сукин Борис Иванович, дьяк 334
Сукин «Иванец, Хвостова зять», сын боярский 241
Сукин Осип Иванович, окольный. 87, 225, 324, 333, 337, 418
Сукины 87, 89, 94, 125, 134, 324, 333, 334, 345
Сулешев Юрий Еншеевич, кн., бояр. 72, 99–101, 105, 108, 109, 129, 220, 261, 303
Сулешевы, кн. 125, 132
Сумин-Курдюков Ларион Григорьевич, стольник 61, 89, 371, 411
Сумины-Курдюковы 125, 133
Сумороков Воин, псковитин 371
Сумороков [Иван Лаврентьевич, мос. двор.] 375
Сунбулов Григорий Федорович, мос. двор. 124
Сунбулов Исак Никитич, мос. двор. 96, 99, 124
Сунбулов Михаил Федорович 117
Сунбуловы, 123
Сутупов Богдан-Иоаким Иванович, дьяк 286
Сухотин Иван Иванович, тулянин 369
Сухотин Иван Уваров сын, тулянин 410
Сухотин Л. М. 109, 126–129, 301, 308, 330, 340, 342
Сухотин Михаил Иванович, тулянин 369, 410
Сухотин Осип Уваров сын, тулянин 369, 410
Сухотин Федор Вахрамеевич 88
Сухотин Федор Истомин сын, тулянин 369, 370
Сухотины 88, 92, 94, 125, 134, 369, 370, 429
Сытин Иван, помещик 335, 337
Сьянов Василий Васильевич, мос. двор. 302
Сьянов Григорий Васильевич, выборный по Дмитрову 302
Сьяновы 302
Талина Г. В. 396
Талызин Никифор Семенович, дьяк 294
Тарбеевы 133
Татев Андрей Иванович, кн. 116–118
Татев Борис Петрович, кн., мос. двор. 212

Татев Иван Андреевич, кн., мос. двор. 209, 356, 369
Татев Иван Борисович, кн., стольник 107, 369
Татев Иван Федорович, кн., стольник 369, 409
Татев Петр Иванович, кн., окольн. 115, 202
Татевы, кн. 124, 130, 133
Татищев Игнатий Петрович, казначей 266, 288, 302
Татищев Михаил Игнатьевич, ясельничий, окольн. 88, 268, 288, 289, 303
Татищев С. С. 302
Татищев Федор Асанчуков сын, жилец 308
Татищев Ю. В. 75
Татищев Юрий Игнатьевич, думн. двор. 88, 183, 302, 303, 409
Татищевы 130, 133, 302, 303
Татьянины 345
Таубе И. 119
Ташлыков Афанасий Федорович, дьяк 319
Теймураз, грузинский царь 272
Телепнев Василий Григорьевич, думный дьяк 295, 323
Телепнев Ефим Григорьевич, думный дьяк 110, 295, 323
Телепнев Иван Степанович, стряпчий 322
Телепнев Михаил Ефимович, патриарший стольник 110
Телепнев Степан Васильевич, стряпчий 322, 342, 348
Телепнев-Оболенский Овчина И. Ф., кн. см. Оболенский И. Ф. Овчина
Телепнев
Телепневы 125, 130, 133, 346
Телятевские, кн. 124, 130, 134
Телятевский Андрей Андреевич, кн., бояр. 71
Телятевский Андрей Петрович, кн. 115
Телятевский Федор Андреевич, кн. 377
Темеш, посол крымский 177, 265
Темирев Иван, подьячий, дьяк 362
Темирязев Булгак, коломнитин 69
Темирязев Левка Шамоук, коломнитин 69
Темкин-Ростовский Михаил Михайлович, кн., бояр. 261
Темкин-Ростовский Юрий Иванович, кн. 29
Темкины-Ростовские, кн. 124, 131, 135
Терпигорев Давыд, псковитин 371
Тимаев Е. М. 313
Тиханкина В. Ф. 15
Токмаковы, кн. 123
Толбузин Василий, брянчанин 367

Толстой Василий (Иванович?), мос. двор. 327, 328
Толстой Иван Алексеевич, жилец 327
Толстой Иван Иванович, выборный по Серпейску 327
Толстой Ю., гр. 177
Толстые 130, 327
Томилин, сын боярский 178
Топычканов А. В. 12
Торокановы 346
Траханиотов Иван Никифорович, мос. двор. 105
Траханиотов Никифор Васильевич, бояр., казначей 72, 266
Траханиотовы 131
Третьяков Богдан, угличанин 411
Третьяков Петр Алексеевич, думн. дьяк 267
Третьяков-Головин В. А., стольник 81, 108
Третьяковы 134
Третьяковы-Головины 81, 124, 133, 134
Троекуров Иван Федорович, кн., бояр. 100, 106, 182
Троекуров Федор Михайлович, кн., бояр. 78, 395
Троекурова Ульяна Васильевна, кнг. 410
Троекуровы, кн. 78, 124, 130, 133
Тростенские (Туренины), кн. 78
Тростенский Осип Тимофеевич, кн. 158
Трубецкие, кн. 82, 94, 124, 131, 136, 207
Трубецкой Алексей Никитич, кн., бояр. 185, 217, 219, 223, 224, 252, 261, 372, 384, 394, 411, 412, 417
Трубецкой Андрей Васильевич, кн. 299
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, кн., бояр. 66, 99, 101, 104, 126, 153, 183, 213, 230, 231, 237, 266, 272, 273, 394, 408
Трубецкой Тимофей Романович, кн., бояр. 70, 205, 244–246, 254, 406
Трубецкой Федор Михайлович, кн., бояр. 32, 74, 115–117, 204, 245, 288, 406
Трубецкой Юрий Петрович, кн., стольник 82, 153
Трусов Кузьма Андреевич, мос. двор. 58, 67, 83, 339, 412
Трусовы 83, 135
Тулубьев Иван Иванович, поручик 131
Тулубьевы 136
Тургенев Денис Петрович, мос. двор. 96, 375
Тургенев Дмитрий, брянчанин 367
Тургеневы 131, 135
Туренин Василий Иванович, кн., стольник 63, 64, 380, 408

Туренин Дмитрий Васильевич, кн., окольн. 207, 300
Туренин Иван Самсонович, кн. 65, 290
Туренин Михаил Самсонович, кн. 167, 168, 202, 207
Туренины, кн. 78, 87, 124, 133
Туровкины-Плещеевы см. Плещеевы
Тучков-Морозов Михаил Михайлович, окольн. 197
Тушины 130, 134
Тюменские, кн. 123
Тюменский Василий Агишевич, кн., стольник 207
Тюменцев И. О. 105, 128, 213, 342
Тютчев Семен, брянчанин 367
Тютчев Софрон, брянчанин 367
Тютчевы 346
Тюфякин Василий Васильевич, кн., мос. двор. 26
Тюфякин Григорий Васильевич, кн., стольник 107, 267, 301
Тюфякины, кн. 66, 78, 124, 133
Уваров Афанасий, выборный двор. 366
Уваров П. Ю. 260
Уваровы 346
Украинцев Емельян Игнатъевич, подъячий, дьяк 341
Унковские 346
Урусовы, кн. 131, 135
Успенский Б. А. 141
Ухтомские, кн. 346, 365
Ухтомский Иван [Тимофеевич], кн., мос. двор. 415
Ушаков Андрей, брянчанин 366
Ушаков Василей Киприянов сын, поп 85
Ушаков Василий Васильевич, дьяк 84, 85, 89, 297, 322, 325, 338, 419
Ушаков Иван, брянчанин 366
Ушаков Киприян, поп 81
Ушаков Кирилл [Семенович], мос. двор. 418
Ушаков Семен, брянчанин 366
Ушаковы 85, 94, 128, 130, 133, 346
Федор Алексеевич, царевич, царь 16, 82, 223, 229, 231–233, 235, 247, 253, 271, 297, 319
Федор Иванович, царь 17, 84, 96, 143, 144, 160, 164, 165, 167, 177, 204–206, 230, 235, 246, 287, 357
Федоров Степан, дьяк 359, 360, 381, 421
Федоровы 136
Федотов Г. П. 383, 386

Филарет Никитич, патриарх Московский 101, 104, 112, 125, 130, 157, 162, 163, 178, 183, 209, 221, 236, 237, 247, 252, 267, 272, 273, 285, 289, 302, 304, 324, 331, 335, 369, 380

Филипп Колычов, митрополит Московский 77, 120

Филиптов А. Н. 320

Филиптов В. А. 57

Филюшкин А. И. 111, 112

Флетчер Дж. 391

Флоря Б. Н. 7, 9, 115, 195, 202, 203, 389, 393

Фомин Иван Федорович, рязанец 371

Фомин Леонтий Степанович, рязанец 371, 411

Фоминские, кн. 151

Фомины 134, 346

Фотий, смоленский архиепископ 86

Фуников Никита Афанасьевич Курцев, дьяк 287

Фустов Иван Тимофеевич, мос. двор. 152

Фустовы 134

Хабаровы 82

Ханыков Захарий, новгородец 415

Хворостинин Дмитрий Иванович, кн., бояр. 15, 76, 78, 115, 119–122, 158, 205, 407

Хворостинин Иван Андреевич, кн., кравчий 99

Хворостинин Иван Дмитриевич, кн., окольн. 71

Хворостинин Иван Михайлович, кн., окольн. 197

Хворостинин Петр Иванович, кн., мос. двор. 115, 121, 202

Хворостинин Федор Иванович, кн., бояр. 112

Хворостинин Федор Юрьевич, кн., окольн. 218

Хворостинин Юрий Дмитриевич, кн., стольник 99, 104

Хворостинины, кн. 124, 131, 135

Хвощенские 347

Хвощинский Роман, дьяк 69

Хейзинга Й. 10

Хелли Р. 363

Хилков Андрей Васильевич, кн., бояр. 34, 78, 184, 261, 291, 292, 296

Хилков Андрей Дмитриевич, кн. 205, 357, 406

Хилков Борис Андреевич, кн., стольник 107, 108

Хилков Василий Борисович, кн., стольник 414

Хилков Василий Дмитриевич, кн., окольн. 184, 202, 203

Хилков Дмитрий Иванович, кн. 29, 111, 112

Хилков Иван Андреевич, кн., стольник 78, 291–293, 414, 420

Хилков Петр Андреевич, кн., думн. двор. 185
Хилков Федор Андреевич, кн., стольник 171, 184, 190, 296, 422
Хилков Федор Федорович, кн., ближний стольник 171, 184, 190, 296, 422
Хилковы, кн. 78, 124, 131, 137, 292, 296
Хиринские 92
Хитрово 83, 184, 357, 364
Хитрово Богдан Матвеевич, окольн., бояр. 297, 364, 412, 415
Хитрово Варфоломей [Михайлович], болховец 364, 412
Хитрово Данило Вахромеев сын, стольник 364, 365
Хитрово Иван Богданович, окольн. 232, 412
Хитрово Савва Семенович, мос. двор. 412
Хитрово Савостьян Темкин (Артемьев?) сын 411
Хитрово Семен Савельевич, стольник 412
Хлопов Осип Тимофеевич, мос. двор. 101, 102
Хлоповы 124, 133
Хмельницкий Богдан, украинский гетман 222
Хованская Е. А., кнж. см. Старицкая Ефросинья Андреевна, кнг.
Хованские, кн. 124, 131, 137
Хованский Андрей Иванович, кн., мос. двор. 99
Хованский Андрей Петрович, кн., старицкий дворецкий 115, 121, 155,
200
Хованский Иван Андреевич Большой, кн., бояр. 67, 96, 366
Хованский Иван Андреевич, кн., бояр. 269
Хованский Иван Никитич, кн., стольник 376, 377
Хованский Иван Федорович, кн., мос. двор. 267
Хованский Петр Иванович, кн., бояр. 226, 420, 422
Ховрины-Головины см. Головины
Ходырев Богдан Дмитриевич, мос. двор. 368
Ходыревы 134
Холмский Василий Данилович, кн., бояр. 233
Хорошкевич А. Л. 116, 117, 119, 198
Хотетовские, кн. 137
Хотетовский Иван Семенович, кн., стольник 423
Хотливцовы 374
Хотунский Матвей, коломнитин 69
Хотунский Иван, коломнитин 69
Хрипунов Данило Путятин сын, выборный по Зубцову 59
Хрущов Савва Афанасьев сын, выборный по Туле 369
Хрущов Алексей Иванович, мос. двор. 415
Хрущов Василий, тулянин 366

Хрущов Григорий, тулянин 366
Хрущов Григорий Клементьевич, стряпчий 152
Хрущов Григорий Петрович, мос. двор. 370
Хрущов Клементий, тулянин 366
Хрущов Савелий, тулянин 366
Хрущов Степан Лукьянович, постельничий, мос. двор. 369, 370, 410
Хрущов Тимофей Устинович, стряпчий 416
Хрущов Устин Афанасьев сын, выборный по Туле 369
Хрущов Устин, тулянин 366
Хрущов Яков Лукьянович, выборный по Туле 366
Хрущовы 88, 125, 128, 130, 133, 346, 368, 370
Худяков М. Г. 195
Цыплетев Борис Лодыгин (Логинов) сын, выборный по Торжку 325
Цыплятев Иван Елизарович, дьяк 28, 30, 31, 148, 167
Цыплятевы 123, 346
Чаадаев Иван Иванович, думн. двор. 67, 132, 229, 419, 420
Чаадаевы 67, 136
Чаплин Кузьма Васильевич, дмитровец 302
Чаплин Михаил Никонович стольник 424
Чаплин Семен Васильевич, мос. двор. 302
Чаплин Федор Васильевич, дмитровец 302
Чаплины 302
Чевкин Василий Петрович, мос. двор. 129
Чевкин Иван Самсонович, мос. двор. 82
Чевкин Петр Степанович, выборный по Рязани 129
Чевкины 82, 125, 129, 133
Челищев Гаврила Афанасьевич, выборный по Боровску 412
Челищевы 134
Челищевы, малоярославцы 372
Челюсткины 130, 133, 346
Челяднин Петр Федорович, бояр. 83, 91
Чемоданов Иван Иванович, стряпчий с ключом 97
Чемоданов Федор Иванович, мос. двор. 67
Ченслер Ричард, английский посланник 258
Чеодай Григорий Матвеевич 67
Чепчюгов Андрей Иванович, стряпчий 115
Чепчюгов Иван Иванович, стольник 113, 114
Чепчюгов Иван Никифорович, мос. двор., ясельничий 114
Чепчюговы 114, 124, 135
Черемисинов Деменша Иванович, казначей 202, 203

Черепнин Л. В. 208, 211, 220, 222, 317, 386
Черкасские, кн. 113, 124, 131, 137, 152, 208, 236
Черкасский Борис Камбулатович, кн., бояр. 113
Черкасский Василий-Сибок Каншаукович, кн. 198
Черкасский Василий Карданукович, кн., бояр. 88, 113
Черкасский Василий Петрович Ахамашуков, кн., окольн. 102
Черкасский Дмитрий Мамстрюкович, кн., бояр. 261, 301, 307, 330, 411
Черкасский Иван Борисович, кн. бояр. 99, 185, 216, 217, 219, 261, 411
Черкасский Иван Маашик (Ахамашук), Каноков, кн. 198
Черкасский Михайло Алегукович, кн., бояр. 219
Черкасский Михаил Яковлевич, кн., бояр. 390
Черкасский Никита Иванович Егупов, кн., стольник 368
Черкасский Яков Куденетович, кн., бояр. 173, 261
Черная Л. А. 18, 19, 191, 260, 268
Чириков Михаил Никитич, дьяк 304, 305, 324, 420
Чириковы, 131, 136, 346
Чистякова Е. В. 357
Чихачев Иван, псковитин 371
Чихачевы 125, 130, 133
Чичерин Иван Иванович, мос. двор. 128, 130
Чичерины 130, 133
Чоботовы 123
Чоглоковы 133
Чортов Федор [Васильевич, выборный по Мценску] 124
Чортовы 123, 124
Чубаровы 134
Чулков Филипп, брянчанин 366
Чулковы 123
Чулук Ушатый Василий Васильевич, кн., бояр. 244
Чубаров Алексей Терентьевич Смирного, выборный по Мещоре 371
Шакловитый Федор Леонтьевич, думн. дьяк 58, 176
Шапилов Алексей Захарьевич, думн. дьяк 302, 326
Шапиловы 346
Шат, сын боярский 241
Шахматовы 135
Шаховские, кн. 66, 71, 124, 129, 131, 136
Шаховской Иван Федорович Большой, кн., мос. двор. 17, 64, 70, 71, 164, 291, 409, 411
Шаховской Мирон Михайлович, кн., мос. двор. 59, 101
Шаховской Семен Иванович Харя, кн., мос. двор. 81, 221

Шаховской Степан Никитич, кн., стольник 305, 306
Шаховской Федор Петрович, кн., выборный по Зубцову 64
Шаховской Юрий Иванович, кн., мос. двор. 108, 376, 418
Шеин Алексей Семенович, бояр. 82, 424
Шеин Андрей Иванович 115
Шеин Михаил Борисович, бояр. 64, 74, 82, 212, 307, 370, 410
Шеины 82, 124, 137, 154
Шеков А. В. 86, 87
Шелешпанские, кн. 131, 135, 365, 372
Шелешпанский Василий Федорович, кн., пошехонец 372, 412
Шелешпанский Федор [Андреевич], кн., мос. двор. 415
Шемяка Дмитрий Юрьевич, вел. кн., галицкий кн. 15, 87
Шемячич Василий Иванович, новгород-северский кн. 80, 91
Шенгурские, кн. 130, 133
Шереметев Борис Петрович, бояр. 261
Шереметев Василий Борисович, бояр. 34, 78, 81, 291, 292, 373, 395, 413, 414, 416
Шереметев Василий Петрович, бояр. 34, 100, 105, 219, 252, 261, 396
Шереметев Иван Васильевич Большой, бояр. 55, 201
Шереметев Иван Васильевич Меньшой, бояр. 115, 155
Шереметев Иван Петрович, бояр. 34, 78, 98, 100, 105, 129, 261, 271, 291
Шереметев Никита Иванович, стольник 82, 331
Шереметев Петр Васильевич, бояр. 82, 225, 269, 416, 420
Шереметев Петр Никитич, бояр. 98, 112, 207
Шереметев С. Д., граф 294
Шереметев Семен Васильевич 405
Шереметев Федор Васильевич, бояр. 119
Шереметев Федор Иванович, бояр. 59, 66, 100, 101, 106, 108, 261, 267, 284, 292, 409, 412
Шереметевский В. В. 321
Шереметевы 33, 78, 81, 98, 124, 131, 136, 207, 210, 219, 226, 292, 393
Шерефетдинов Андрей Васильевич, дьяк 65
Шестаковы 346
Шестова К. В. см. Марфа, «великая старица»
Шестова М. Г. см. Михалкова М. Г.
Шестунов Дмитрий Семенович Кнут, кн., бояр. 65, 405
Шестунов Федор Дмитриевич, кн., бояр. 15, 78, 158, 407
Шестуновы, кн. 78, 123
Шехонские, кн. 123
Шехонский Тимофей Яковлевич, кн., выборный по Суздалю 124

Шимко И. И. 320

Шихматов [Иван Юрьевич], кн., малоярославец 372

Шишкин Василий, дьяк 304

Шишков Герасим Кузмич Замятин, мос. двор. 375, 376, 419

Шишков, Нефед Григорьевич, мос. двор. 358

Шишковы 131, 136

Шляковский Лев Александрович, кн., мос. двор. 152, 240, 389

Шмидт С. О. 8, 9, 11–14, 27, 30, 54, 75, 88, 91, 112, 196, 208, 240, 257,
387, 388, 395

Штаден Г. 115

Шубинские 134

Шубинский Иван Юрьевич, угличанин 361, 411

Шуйская Екатерина Григорьевна, кнг. 243

Шуйская Марфа Васильевна, кнж. 235

Шуйские, кн. 57, 120, 123, 124, 132–134, 195, 207, 213, 337

Шуйский Александр Иванович, кн., бояр. 56, 406

Шуйский Андрей Иванович, кн., бояр. 112, 195

Шуйский Василий Иванович, кн., бояр. см. Василий Иванович

Шуйский, царь

Шуйский Дмитрий Иванович, кн., бояр. 26, 213, 246, 254

Шуйский Иван Андреевич, кн., бояр. 26, 116

Шуйский Иван Дмитриевич Губка, кн. 124

Шуйский Иван Иванович, кн., бояр. 192, 212, 237, 295

Шуйский Иван Михайлович, кн., бояр. 241

Шуйский Иван Петрович, кн., бояр. 26, 27, 32, 56, 69, 70, 115, 119, 120,
200, 406

Шумиха, сын боярский 241

Щатов Я. Н. 142

Щелкалов Андрей Яковлевич, дьяк 83, 89, 202, 246, 326

Щелкалов Василий Яковлевич, думн. дьяк, печатник 27, 83, 89, 245, 268,
286, 288, 289, 326, 332, 348

Щелкаловы 87, 114, 123

Щеня Данило Васильевич, кн. 193

Щенятев Петр Михайлович, кн., бояр. 29, 115

Щепотьевы 346

Щербатов Алексей Нефедьевич, кн., стольник 296

Щербатов М. М., кн. 20

Щербатов Осип Иванович, кн., окольн. 355, 356

Щербатов Тимофей Иванович, кн., стольник 74, 225, 293, 413

Щербатовы, Щербатые, кн. 78, 96, 124, 131, 135

Щербатый Василий Петрович, кн., мос. двор. 66, 67
Щербатый Василий Григорьевич, кн., мос. двор. 207, 211, 407
Щербатый Иван Григорьевич, кн., мос. двор. 211
Щербатый Константин Осипович, кн. 418, 422
Щербатый Лука Осипович, кн., мос. двор. 78
Щетинин Григорий Васильевич, кн., выборный по Коломне 69
Щетинин Петр Иванович, кн., мос. двор. 417
Щетинины, кн. 124, 131, 136
Щипоткин Богдан (Елисей), гость 316
Элиас Н. 24, 392, 398
Эскин Ю. М. 6, 17, 21, 57, 58, 67, 98, 147, 156, 187, 214, 266, 303, 325,
339, 405, 407, 412, 419
Юзефович Л. А. 243
Юрганов А. Л. 143, 145, 239, 388
Юрий Васильевич, дмитровский кн. 185, 234, 235, 244
Юрий Иванович, дмитровский кн. 142, 233
Юрий Михайлович, тарусский кн. 86, 87
Юрьев Василий Михайлович, бояр., дворецкий 116
Юрьев Глеб Степанович, стольник 360, 421
Юрьев Никита Романович, бояр. 115, 116, 118
Юрьев Роман Юрьевич Захарьин, бояр. 112
Юрьевы-Романовы см. Романовы-Юрьевы, Захарьины
Юхан III, шведский король 389
Юшковы 133
Язвцов Иван Иванович, мос. двор., патриарший стольник 100, 129
Язвцов Прокофий Иванович, жилец 129
Язвцовы 130, 132
Языков Андрей Максимович, стольник 419
Языков Иван Максимович, постельничий 419
Языков Иван Семенович, стольник 419
Языков Павел Петрович, мос. двор. 419
Языков Петр Васильевич 419
Языковы 83, 131, 134, 346
Языковы, городовые дворяне 419
Яковлев Василий, дьяк 304, 330, 331
Яковлев Евдоким Елизарович, стряпчий 58, 421
Яковлев Роман Елизарович (Аристархович?), стряпчий 58, 421
Яковлев Семен Дементьевич, мос. двор. 101
Яковлевы 130, 133, 136, 268
Яковля Иван Петрович Хирон, бояр. 29, 115

Яковля Семен Васильевич, бояр. 29, 115

Янов Василий Осипович, думный дьяк 295, 323, 337, 338

Яновы 123, 346

Berelovitch A. 9, 23

Crammey R. 21

Dray W. 140

Kleimola A. M. 20

Kollmann N. 7, 20, 21, 155, 189

Majewski A. 330

Martin R. 261, 367

Peltz W. 22

Poe M. 260, 261, 367

Wolff J. 124

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Азов, г. 217
Алексин, г. 130, 207, 351, 352, 354, 365
Арзамас, г. 66, 71, 237, 351–354, 363
Армения 23
Астрахань, г. 60, 92, 113, 118, 150, 169, 198, 219, 265, 293, 330, 337, 363, 370
Балахна, г. 90
Бастилия, крепость 383
Бахчисарай, г. 243
Белая, г. 57, 66, 73, 182, 351, 352, 371
Белгород, г. 219, 226, 228, 360, 374
Белев, г. 29, 130, 175, 177, 351, 352, 354, 356
Белозерский уезд 301
Белоозеро, г. уезд 353
Березники, с. Ярославского уезда 85
Березов, г. 59
Болхов, г. 175, 351, 352, 356
Боровск, г. 308, 351, 352
Бретань 394
Брянск, г. 111, 224, 351, 352, 354–356, 366, 368
Валуйки, г. 357
Варшава, г. 243
Великие Луки, г. 72, 202
Вена, г. 243
Венгрия 206
Венден (Кесь), г. 202
Веря, г. 351, 352
Верховские княжества 354
Византия 23, 287, 387
Вильна, г. 269
Владимир, г. 196, 299, 351–354, 359
Владимирская губ. 354
Вожа, р. 79
Волкона, р. 88
Вологда, г. 244, 352

¹ Сокращения: г. – город, губ. – губерния, д. – деревня, р. – река, с. – село.

Вологодская губ. 354
Володимерец (Вольмар), г. 244
Волок, Волок Ламский, Волоколамск, г. 203, 328, 351, 352
Воронеж, г. 98, 357
Воронежская губ. 354
Воротынский, г. 126, 130, 351, 352, 354
Воскресенский Новоиерусалимский монастырь 336
Восток 23, 198, 355, 386
Вотская пятинна 70, 72, 73
Выборг, г. 88, 193, 389
Галич, г. 351, 352
Гдов, г. 269
Гжельский стан Вяземского уезда 299
Голландия 335
Гороховец, г. 351, 352
Даниловский Московский монастырь 205, 212
Дания 335
Дедилов, г. 369, 377
Дерпт, г. см. Юрьев Ливонский
Дмитров, г. 302, 351
Днепр, р. 201
Домодедово, с. 215
Донков, г. 74
Дорогобуж, г. 101, 352
Европа 378, 386, 390, 392, 397
Егорьевский Московский монастырь 64
Елец, г. 361
Епифань, г. 354
Заборовье, с. 332
Заборье, с. 212
Заволжье 353
Замосковье 353, 363
Заосетринский стан Рязанского уезда 353
Запад 354
Звенигород, г. 351, 352
Зубцов, г. 342, 352
Ивангород, г. 72
Ислам-Кермень, крепость 201
Испания 397
Кадыев улус 215

Казанская губ. 354
Казанское ханство 204
Казань, г. 60, 65, 72, 127, 181, 194–198, 263, 357, 363
Калуга, г. 127, 130, 159, 201, 212, 308, 342, 351, 352, 354, 356, 365, 367
Каменский стан Рязанского уезда 353
Карачев, г. 354, 356
Касимовский уезд 90
Кастилия 394
Кашин, г. 68, 72, 251, 324, 334, 336, 351
Кашира, г. 60, 331, 352, 354, 359
Каширский уезд 299
Кесь (Цесис), г. 122, 325
Киев, г. 331, 395
Кирилло-Белозерский монастырь 120
Клин, г. 351, 352, 354
Кобыльский стан Рязанского уезда 353
Козельск, г. 128, 351, 352, 354, 359
Козлов, г. 357, 392
Кокшайск, г. 298, 308
Коломенское, с. 185, 205, 212
Коломна, г. 63, 66, 69, 86, 126, 351, 352, 354
Конотоп, г. 225, 227, 230
Короча, г. 170
Кострома, г. 85, 271, 304, 340, 351, 352
Костромская губ. 354
Котлы, д. 205
Крапивна, г. 377
Красное, с. 308
Кричев, г. 127
Кропивна, г. 170, 217, 368, 372
Крым 57, 129, 177, 198, 202, 205, 206, 210, 215, 265, 405
Курмыш, г. 352
Курмышский уезд 60, 84
Курск, г. 175, 352, 354
Курская губ. 354
Лаишев, г. 318
Ливны, г. 218, 359
Ливония 119, 201–203
Литва, Великое княжество Литовское 79, 87, 91, 116, 117, 124, 127, 150, 153, 177, 178, 194, 221, 242, 243, 265, 268, 304, 394 см. также: Польша

Лихвин, г. 127, 130, 351, 352, 356
Лух, г. 351, 352
Лыскова гора, с. Курмышского уезда 84
Максимовский стан Смоленского уезда 329
Малоярославец, Малый Ярославец, г. 126, 127, 351, 352, 354
Мангазея, г. 59, 66
Масальск, г. 354
Медынь, г. 351, 352
Мещера, г. 352, 358
Мещовск, г. 127, 128, 351, 352
Мещора, г. 351, 352
Могилев, г. 333
Можайск, г. 57, 182, 328, 351, 352, 354, 357
Молдавия 290
Молоди, д. 119–121, 200
Москва, г. 60, 63, 64, 71, 75, 82, 84, 89, 90, 98, 100, 106, 109, 110, 112, 116, 117, 125, 142–144, 157, 162, 169–171, 176, 179, 184, 185, 188, 195, 196, 200, 202, 205–207, 209, 212–215, 219–221, 226, 243, 264, 266, 269–271, 288, 290, 296, 300, 301, 304, 307, 308, 310, 313, 317, 331, 335, 337, 342, 350, 352–357, 360–362, 366–369, 371–374, 376, 377, 391, 395
Московская губ. 354
Московская Русь 355
Московский уезд 355
Московское великое княжество 379, 388
Московское государство 147, 157
Московское царство 89, 209
Муром, г. 197, 201, 351, 352, 361
Нагатино, с. 205
Нарва, г. 204, 269, 325
Настасьинская волостка Новгородского уезда 362
Нежин, г. 59
Нижегородская губ. 354
Нижнее Поволжье, «Низ» 85, 118
Нижний Новгород, г. 196, 197, 221, 341, 351–354, 363
Новасиль, г. 356
Новгород, г. 65, 70, 73, 76, 81, 83, 93, 101, 120, 127, 130, 156, 194, 225, 263, 264, 300, 301, 303, 304, 350, 353, 362, 363, 365, 387
Новгород-Северский, г. 111, 355, 357
Новгородская губ. 354
Ногайская орда 215

Одоев, г. 29, 351, 352, 354, 372
Ока, р. 66, 119, 197, 271
Окологородный стан Рязанского уезда 353
Опочка, г. 375
Орел, г. 352
Орловская губ. 354
Оскол, г. 373
Османская империя см. Турция
Паисиев Углицкий монастырь 251
Париж, г. 244
Пелым, г. 66
Пензенская губ. 354
Перевицкий стан Рязанского уезда 353
Перемышль, г. 351, 352
Переславль-Залесский, г. 351, 352
Переяславль-Рязанский, г. см. Рязань, г.
Переяслав, г. 59, 226, 228
Пермская губ. 354
Пермь, г. 237, 323
Персия 107
Пески, д. 289
Поволжье 59, 200, 202, 363
Покровское, с. 250
Полоцк, г. 199, 224, 248
Польша, Польшко-Литовское государство 34, 58, 179, 206, 215, 222, 224,
225, 228, 238, 248, 265, 330, 395
Понизовые города см. Поволжье
Порудце, с. 92
Пошехонье, г. 351, 352
Пошинский стан Рязанского уезда 353
Пронск, г. 98, 129
Псков, г. 69, 70, 101, 120, 130, 198, 264, 269, 350, 354, 387
Псковская губ. 354
Путивль, г. 175, 328, 331, 339, 354
Ратша 79
Речь Посполитая 111, 202, 374, 399 см. также Польша
Ржев (Ржева Володимерова), г. 70–72, 128, 130, 202, 203, 215, 279, 342,
352
Рига, г. 375

Романов, г. 351
Рославль, г. 126
Российская империя 22
Россия, Российское государство 5, 6, 8–11, 14–18, 20, 22–24, 91, 147, 155,
178, 180, 191, 216, 232, 244, 273, 281, 353–355, 380, 383, 385–387, 390,
392–394, 398, 400–402, 405
Ростов, г. 351
Рубцово, с. 98
Ругодив, г. см. Нарва
Руза, г. 72, 126, 328, 352, 354, 382
Рузский у. 300
Русь см. Россия
Рыльск, г. 355
Рынол (Рындех), г. 198
Ряжск, г. 355, 357, 387, 392
Ряжский уезд 355
Рязанская губ. 354
Рязанская земля 354
Рязань, г. (Переславль-Рязанский) 65, 67, 80, 98, 128–130, 300, 350–352,
354, 358, 361
Самара, г. 60
Самарский уезд 60
Саратовская губ. 354
Свияжск, г. 65, 197, 198, 263
Священная Римская империя 335, 382, 397
Север 80, 355
Северный Кавказ 300
Северские города 350
Севск, г. 75, 354
Селище, д. 289
Серпейск, г. 126, 130, 327, 351, 352, 415
Серпухов, г. 199, 208, 209, 290, 337, 352, 354, 356
Сибирь 59, 66, 81, 173, 217, 218, 224, 263
Симбирская губ. 354
Симонов Московский монастырь 246, 254, 272
Смоленск, г. 87, 89, 92, 114, 117, 211, 215, 248, 252, 263, 264, 301, 352,
355, 357
Смоленский уезд 329, 352
Солова, г. 352, 354
Старица, г. 351, 352

Стародуб Ряполовский, г. 91
Стародуб Северский, г. 80
Старорязанский стан Рязанск. у. 353
Суздаль, г. 338, 353, 354, 382
Тамбов, г. 65, 227, 375
Тамбовская губ. 354
Тара, г. 300
Таруса, г. 84, 119, 351, 352, 354, 356, 359
Тверская губ. 354
Тверская земля 353
Тверской уезд 332
Тверь, г. 72, 84, 335, 352, 354
Терка, крепость 300, 363
Тихвин, г. 17, 58, 96, 335
Тобольск, г. 59, 169, 264, 305
Томск, г. 264
Торжок, г. 126, 194, 352, 354
Торопец, г. 71, 203, 262
Троице-Сергиев монастырь 106, 121, 207, 241, 247–251, 271
Тула, г. 70, 92, 130, 198, 202, 204, 216, 217, 219, 300, 331, 337, 351, 352,
354, 359, 366, 369, 370, 372, 376, 377, 381
Тульская губ. 354
Тульский уезд 370
Туринск, г. 335
Турция 145, 206, 215, 229,
Тушино, с. 105, 109, 128, 212
Углич, г. 338, 351, 352
Украина 222, 226
Украинные города 350
Ула, г. 200
Устюг, г. 304
Уфа, г. 364
Уфимская губ. 354
Феллин, Вильян, г. 111, 112
Франция 329, 388, 392, 394, 400
Чебоксары, г. 111
Шацк, г. 212, 300, 335
Швеция 177, 179, 204, 205, 224, 227, 279, 289, 297
Шелонская пятина 72
Шуя, г. 73, 132, 195

Юг 198, 208, 354

Юго-запад 354

Юрьев Ливонский, Дерпт, г. 63, 111, 112, 118, 198

Яблонов, г. 353, 376

Ярославль, г. 68, 69, 85, 86, 114, 304, 331, 351

Ярославская губ. 354

Ярославский уезд 85, 301

Яуза, р. 32, 327

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Историография	8
Глава 2. Источники: реконструкция «местнического архива»	25
<i>Таблица 1.</i>	26
2.1. «Опись Царского архива» и «местнический архив».	27
2.2. «Местнический архив» и описи Разрядного архива 1626, 1649, 1668 гг.....	31
2.3. Опись 1626 г. и дела до пожара 1626 г.....	32
2.4. Дела после 1626 г. в Описи 1649–1653 гг.	33
<i>Таблица 2. Реконструкция гипотетического состава «местнического архива» за XVI–XVII вв.</i>	35
2.5. Проверка в Разрядном приказе сведений по хранящимся в его архиве местническим делам	55
2.6. Проверка в Разрядном приказе дел по документам архивов других приказов.....	57
2.7. Родовые архивы местников и их использование в тяжбах и для пополнения Разрядного архива	62
2.8. Генеалогический спор личного и государственного архивов. Родословцы и «генеалогические пасквили».....	74
Заключение	93
Глава 3. Карьера и местничество	95
3.1. Понятие победы и поражения в конфликте.....	95
3.1.1. «Невершение» дела или обещание решить его после службы	95
3.1.2. Решение о переподчинении истца от ответчика первому воеводе.....	96
3.1.3. Отставка истца от назначения	97
3.1.4. Запись в Разряде претензий истца	98
3.2. Победители и побежденные: Местники после Смуты. Истец или ответчик?	98
<i>Таблица 3.</i>	99
3.3. Ранги тяжущихся и их влияние на исход дела	103
3.4. Влияние результата тяжбы на карьеру и материальное обеспечение служилого человека	107

3.5. Местничество и служебно-политический крах	110
3.6. Опричнина и местничество	115

Глава 4. Динамика присутствия родовых корпораций в «пространстве» местнических отношений XVI–XVII вв.	123
<i>Таблица 4.</i>	<i>132</i>

Глава 5. Опыт реконструкции государственно-правовых и обычно-правовых актов и положений, регулировавших институт местничества.....	138
---	------------

5.1. Положения о «гарантиях» верховной власти и «идеологического обоснования» местничества.....	141
5.1.1. «Поучения» главы церкви монарху в «чине венчания»	141
5.1.2. Акты Земских соборов об избрании государей на царство	146
5.2. Родословные правила	147
5.2.1. «Государев родословец».....	147
5.2.2. «Государева книга выезжих родов»	149
5.2.3. «Уложение», или указ, о несчете «родословных» людей с «неродословными»	150
5.2.4. «Уложение» о местническом понижении родни лица, отъехавшего от государя.....	152
5.2.5. «Уложение», или указ, о равенстве первого племянника четвертому дяде	154
5.2.6. «Уложение» о запрещении «утягивать» родней – новгородцами	155
5.2.7. Указ об исключении из местнических счетов назначений в «безгосударное время» (Смуту)	156
5.3. Акты военно-служебной регламентации.....	157
5.3.1. «Приговор о местничестве» 1550 г. и его подтверждения и уточнения 1580-х, 1604, 1620 гг.	157
<i>Таблица 5.</i>	<i>163</i>
<i>Таблица 6. Соотношение законодательных актов регламентации мест воевод в разрядах по полкам.</i>	<i>165</i>
5.3.2. «Государев разряд» 1556 г.	166
5.3.3. Приговор о перемене мест сторожевого и передового полков ввиду их равенства 1588 г.....	167
5.3.4 «Уложение» о безместии письменных голов и других указов при воеводах (1590-е гг.)	168
5.3.5. Указы о безместии объезжих голов (1600–1643 г.).....	170

5.3.6. Указ о назначении знаменщиков и определении их мест 1646–1648 гг.	172
5.3.7. Указ о подчинении стрелецких голов и полковников первым воеводам 1676 г.	173
5.3.8. Указы о смотре государева двора и всеобщей отмене местничества 1680 г.	175
5.4. Акты местнической регламентации в сфере дипломатии	176
5.4.1. Наказы об иерархии в посольствах 1493–1505 г.	178
5.4.2. Указ об отмене местничества между лицами, разновремененно назначенными в посольства от 30 мая 1621 г.	178
5.4.3. Именной указ о безместии послов, посланников и гонцов при посылке в одно государство от 21 декабря 1655 г.	179
5.4.4. Указ о безместии пристава при послах и участника посольства 2 ноября 1667 г.	179
5.5. Акты общеадминистративной и придворной местнической регламентации	180
5.5.1. «Уложение» о безместии подрынд XVI в.	180
5.5.2. «Уложение» о местах городничих и губных старост XVI в.	181
5.5.3. «Уложение» о порядке посылки к воеводам с наградой	182
5.5.4. «Приговор» о безместии при сказывании думного чина 20 апреля 1622 г.	183
5.5.5. «Уложение» о безместии в боярских комиссиях	184
5.5.6. Статья Соборного Уложения 1649 г. о местничестве в приказной службе	186
5.5.7. Указ о порядке написания имен дьяков в приказной документации 1681 г.	187
5.5.8. Указ о безместии в крестных ходах 1679 г.	187
Заключение	189
Глава 6. Безместие	191
6.1. Безместие при разрядах военных кампаний	193
6.1.1. Безместие в военных кампаниях эпохи Ивана Грозного	193
6.1.2. Безместие в полковых разрядах в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова	204
6.1.3. Безместие в полковых разрядах в эпоху Смуты	212

6.1.4. Безместие в полковых разрядах в «романовский» период	214
6.1.4.1. Безместие в «береговом» разряде	214
6.1.4.2. Безместие, объявлявшееся в период важных военных кампаний XVII в.....	219
6.2. Безместие в разрядах придворных церемониалов.....	230
6.2.1. Безместие при венчаниях на царство.....	230
6.2.2. Безместие в свадебных разрядах	233
6.2.3. Безместие за государевым столом	239
<i>Таблица 7.</i>	249
6.2.4. Безместие рынд.....	256
6.3. Безместие в административной службе.....	257
6.3.1. Безместие в Боярской думе	257
6.3.2. Безместие воевод в городах	262
6.4. Безместие в посольской службе	265
6.5. Безместие в «нестандартных» обстоятельствах	270
<i>Таблица 8. Основные периоды полного безместия в XVI–XVII в.</i>	273
Заключение	279
Глава 7. Местничество в приказно-бюрократической сфере	281
7.1. Иерархия «честности» приказных учреждений	281
7.2. Местничество между приказами.....	286
7.2.1. Печатный и Казенный приказы	286
7.2.2. Местничество и иерархия судебных приказов	290
7.2.3. Прочие приказы	294
7.3. Местничество внутри одного приказа	297
7.3.1. Конюшенный приказ	297
7.3.2. Земский приказ.....	298
7.3.3. Сыскные приказы	302
7.3.4. Судные приказы	304
7.3.5. Приказ сбора немецких кормов.....	307
7.3.6. Посольский приказ	308
7.4. Попытка законодательным порядком вывести приказный аппарат из местнической системы.....	309
<i>Таблица 9.</i>	311
7.5. Дело «гости-дьяки»: конфликт корпораций	313
7.6. Местнические взаимоотношения представителей приказной бюрократии вне сферы приказной системы.....	321
7.6.1. Принципы и прецеденты местничества дьяков	322
7.6.2. Разрядные назначения дьяков.....	327

7.6.3. Дипломатические назначения дьяков	329
7.6.4. Местничества дьяков на городском воеводстве	330
7.6.5. Местнические рекорды приказных бюрократов С. И. Заборовского и И. И. Баклановского	332
7.7. Местничество «до» и «после» дьячества	337
7.8. Приказные бюрократы, служилые роды и местничество.....	343
Таблица 10.	343
Заключение	347
Глава 8. Местничество городского дворянства.....	349
8.1. Вопрос об иерархии городских корпораций и конфликты между ними	350
8.2. Местничество между провинциальными служилыми людьми	360
8.3. Местничество городских дворян с членами государева двора	364
8.4. Местничество городских дворян со вторым воеводой.....	365
Глава 9. Местничество как социальный институт России раннего Нового времени	378
Заключение	401
Приложение	
Перечень сохранившихся подлинных местнических дел	405
Библиография	425
Именной указатель.....	442
Географический указатель	497

Эскин Юрий Моисеевич

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МЕСТНИЧЕСТВА
В РОССИИ XVI–XVII вв.**

Редактор Т. М. Добрусина
Художественный редактор А. Ю. Никулин
Корректоры Л. С. Барышникова, М. Г. Смирнова

Формат 60×90/16. Бумага Офсетная №1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32
Гарнитура «TimesNew Roman». Тираж 1000. Заказ № 1958.

Издательство «Квадрига»

Отпечатано в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 978-5-904162-06-1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Книга посвящена уникальному социальному институту, существовавшему как стройная система лишь в одном государстве мира. Сформировавшись в эпоху складывания единого Российского государства, он созрел ко времени возникновения приказного административного аппарата, Земских соборов, губных и земских учреждений, угаснув с началом формирования новой бюрократической государственности в конце XVII в.

Автор выяснил социальную природу местничества и его значение регулятора социальных отношений, реконструировал «местнический архив» в виде сохранившихся и существовавших местнических дел, восстановив «местническое законодательство» – комплекс правовых актов и судебных решений-прецедентов, изучив взаимоотношения личности и верховной власти в сфере функционирования местничества, его влияние на карьеру представителей социальной элиты, связи с государственным аппаратом, провинциальным дворянством и дьячеством.

Результаты работы позволили определить причины возникновения местничества и место среди других институтов России раннего Нового времени.

ISBN978-5-904162-06-1

9 785904 162061